Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
**«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»
(РУДН)**

На правах рукописи

Солнцев Александр Михайлович

МЕХАНИЗМЫ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

5.1.5. Международно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ
Аслан Хусейнович Абашидзе

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ 33

§ 1. Понятие и виды международных экологических обязательств 33

§ 2. Обязательства *erga omnes* как специфический вид обязательств в международном экологическом праве..... 126

§ 3. Выполнение международных экологических обязательств в свете отдельных основных принципов международного права 141

§ 4. Юридическая природа и классификации механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств 154

§ 5. Особенности международных споров, возникающих из нарушения международных экологических обязательств..... 167

ГЛАВА 2. СУДЕБНЫЙ И АРБИТРАЖНЫЙ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ..... 208

§ 1. Международный арбитраж..... 213

§ 2. Международные суды..... 226

§ 3. Региональные правозащитные суды 266

§ 4. Общие международно-правовые проблемы деятельности судебных и арбитражных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств 339

ГЛАВА 3. КВАЗИСУДЕБНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ..... 360

§ 1. Договорные органы ООН по правам человека..... 368

§ 2. Компенсационная комиссия ООН 411

§ 3. Квазисудебные органы экономического характера 427

ГЛАВА 4. МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЯХ 463

§ 1. Средства выполнения обязательств, вытекающих из МЭС 464

§ 2. Меры по выполнению обязательств, вытекающие из МЭС 481

§ 3. Согласительные процедуры по выполнению обязательств, вытекающие из МЭС 507

§ 4. «Процедуры соблюдения» обязательств в международных экологических соглашениях 520

ГЛАВА 5. МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ 559

§ 1. Общая характеристика предпосылок и условий имплементации международных экологических обязательств на национальном уровне 559

§ 2. Механизмы имплементации международных экологических обязательств в национальных правовых системах 578

§ 3. Создание и функционирование национальных экологических судов 592

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 606

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 612

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 614

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Тройной планетарный кризис, включающий изменение климата, утрату биологического разнообразия и загрязнение окружающей среды, на глобальном уровне квалифицируется как нарастающая системная угроза для человечества. Каждая из указанных проблем обладает самостоятельным характером, однако их взаимная обусловленность и взаимное усиление формируют совокупное негативное воздействие. В то же время выявляемые межсекторальные связи между указанными компонентами кризиса открывают возможности для комплексных и синергетических мер со стороны международного сообщества, направленных на согласованное реагирование и оптимизацию международно-правового регулирования[1]. Совместные усилия государств по противодействию этому кризису привели к росту числа международных экологических обязательств, которые проистекают, прежде всего, как из международных экологических соглашений универсального, регионального и субрегионального уровня (их число составляет более 3000)[2], так и – в силу «экологизации» – из международных договоров других отраслей международного права. Однако развитие соответствующей договорной базы и увеличение числа государств – участников таких договоров не привели в целом к сопоставимому повышению уровня защиты окружающей среды, что усиливает научный интерес к механизмам обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

Выбор темы диссертации предопределен также ростом во всем мире числа международных споров, связанных с выполнением международных экологических обязательств, а также поиском оптимальных форм осуществления международного правосудия. Международный суд ООН,

---

[1] Environmental Outlook on the Triple Planetary Crisis: Stakes, Evolution and Policy Linkages / Organisation for Economic Co-operation and Development. Paris: OECD Publishing, 2025. (OECD Environmental Outlook). P.14; UNEP. Circular solutions to the triple planetary crisis [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/news-and-stories/speech/circular-solutions-triple-planetary-crisis (дата обращения: 01.07.2026).

[2] The International Environmental Agreements (IEA) Database Project [Электронный ресурс]. URL: https://www.iea.ulaval.ca/en (дата обращения: 01.07.2026).

специализированные и региональные суды, арбитраж и квазисудебные органы все чаще используются для разрешения международных споров, касающихся изменения климата, трансграничного загрязнения, утраты биоразнообразия, что актуализирует проблему разграничения юрисдикции между органами международного правосудия, унификации подходов к проблемам доказывания причинно-следственной связи между международно-противоправным деянием и наступившим вредом.

Особую научно-практическую остроту приобретают вопросы эффективности процедур квазисудебных органов, к которым относятся договорные органы ООН по правам человека, комитеты по соблюдению международных экологических соглашений и специализированные компенсационные структуры. Как показывает практика, эти процедуры в ряде случаев оказываются более результативными, чем классические международные судебные средства защиты, поскольку первые ориентированы не только на разрешение конкретного спора о выполнении международных экологических обязательств, но и на раннее выявление системных проблем имплементации, оказание технической или финансовой помощи государствам в выполнении обязательств и на поиск согласованных решений в спорах. В то же время отсутствует единообразие в учредительных мандатах квазисудебных органов, составе, мерах воздействия и процессуальных гарантиях для участников спора, что порождает вопросы легитимности и согласованности практики применения этих механизмов выполнения международных экологических обязательств. Тем самым становление и эволюция международных судебных и квазисудебных органов в экологической сфере международного сотрудничества обусловливают необходимость всестороннего системного анализа их деятельности, с особым акцентом на изучении применимых средств, методов взаимодействия между ними и выявлении потенциальных коллизий в их мандатах и правоприменительной практике.

За нарушение международных экологических обязательств наступает международно-правовая ответственность. Традиционная модель международно-правовой ответственности, основанная на бинарной схеме «потерпевшее государство – государство-нарушитель» и на принципе возмещения вреда, демонстрирует очевидные недостатки применительно к экологическим отношениям, характеризующимся диффузным характером вреда, отсроченными и кумулятивными последствиями, множественностью потенциальных жертв (включая будущие поколения) и зачастую невозможностью установления прямой причинно-следственной связи между действием/бездействием конкретного государства и экологическим ущербом. На теоретическом уровне исследование механизмов выполнения международных экологических обязательств актуально в связи с эволюцией концептуального аппарата международного права от классического представления об обязательствах в двусторонней плоскости к признанию обязательств *erga omnes* в экологической сфере – обязательстве не перед конкретным государством, а перед международным сообществом в целом, в том числе в контексте защиты глобальных общественных благ и интересов.

В дополнение к сказанному, исследование национальных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, включая имплементацию в правовые системы государств, создание специализированных национальных экологических судов, развитие процессуальных средств защиты экологических прав, напрямую связано с проблематикой синхронизации международных обязательств и внутригосударственной практики. В этом контексте особую актуальность приобретает анализ факторов эффективного выполнения международных экологических обязательств на национальном уровне.

Таким образом, выбранная тема докторской диссертации адекватно отвечает на вызовы тройного планетарного кризиса и международного права в целом. Она находится на пересечении теоретических и прикладных задач международного экологического сотрудничества, содержит значительную

научную и практическую ценность в части комплексного исследования международных судебных, арбитражных и квазисудебных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, а также имплементации последних в национальные правовые системы.

Степень научной разработанности темы исследования. Интенсивные отечественные научные исследования международного экологического права начались в нашем государстве с 1960-х годов[3]. В рамках научной специальности 12.00.10 «Международное право. Европейское право» (с 2021 г. – 5.1.5. «Международно-правовые науки») можно отметить целый ряд докторских диссертаций, в которых анализировались различные вопросы, связанные с международно-правовой защитой окружающей среды. Самая ранняя из них защищена А. С. Тимошенко почти сорок лет назад, в 1987 г.[4], а все последующие – уже в XXI в. Их авторами были Д. К. Бекяшев, Д. С. Боклан, А. Н. Вылегжанин, Е. Е. Вылегжанина, В. М. Дикусар, М. Н. Копылов, Э. Ю. Кузьменко, Э. Ф. Пушкарева и Н. А. Соколова[5].

---

[3] Первая диссертация была защищена в 1967 г.: Правовые аспекты международной охраны природы. автореф. дис... канд. юрид. наук / Чичварин Владимир Афанасьевич. Москва, 1967. 23 с.; Чичварин В. А. Правовые аспекты международной охраны природы: дис... канд. юрид. наук: Т. 1 / Чичварин Владимир Афанасьевич. Москва, 1966. 342 с.; Чичварин В. А. Правовые аспекты международной охраны природы: дис... канд. юрид. наук: Т. 2 / Чичварин Владимир Афанасьевич. Москва, 1966. С. 343-638. См. монографию на основе диссертации: Чичварин В. А. Охрана природы и международные отношения / В. А. Чичварин. М.: Междунар. отношения, 1970. 287 с. Также см.: Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды / О. С. Колбасов. М.: Междунар. отношения, 1982. 237 с. и др. Из более ранних российских исследований можно отметить работы: Бородин И. П. Охрана памятников природы / И. П. Бородин. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 31 с.; Бородин И. П. Мировая охрана природы / И. П. Бородин. Петроград: тип. М. М. Стасюлевича, 1915.106 с.

[4] Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада: 12.00.10 / Тимошенко Александр Сергеевич. Москва, 1987. 38 с. См. монографии: Тимошенко А. С. Международное право окружающей среды / А. С. Тимошенко // Курс международного права: в 7 т. Т. 5. Отрасли международного права / В. Д. Бордунов, В. С. Верещетин, С. В. Виноградов и др.; отв. ред. В. С. Верещетин. М.: Наука, 1992. С. 294-340; Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды в системе ООН: организационно-правовые вопросы. М.: Наука, 1986.

[5] Бекяшев Д. К. Современные международно-правовые проблемы рыболовства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Бекяшев Дамир Камильевич. Москва, 2017. 751 с.; Вылегжанин А. Н. Международно-правовые основы природоресурсной деятельности государств в Мировом океане: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Вылегжанин Александр Николаевич. Москва, 2002. 349 с.; Вылегжанина Е. Е. Основные тенденции развития экологического права Европейского Союза: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Вылегжанина Елена Евгеньевна. Москва, 2005. 31 с.; Дикусар В. М. Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Дикусар Василий Михайлович. Москва, 2007. 327 с.; Копылов М. Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся государств: Международно-правовые вопросы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Копылов Михаил Николаевич. Москва, 2001. 387 с.; Кузьменко Э. Ю. Институт оценки воздействия на окружающую среду в международном экологическом праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Кузьменко Эльвира Юрьевна. Казань, 2020. 423 с.; Молодцова Е. С. Мирное использование ядерной энергии и охрана окружающей среды: международно-правовые проблемы: дис. ... д-

Механизмы выполнения экологических обязательств исследовались в различных контекстах в ряде докторских диссертаций российских юристов-международников. Так, Р. М. Валеев в своей работе уделил внимание анализу института контроля в международном экологическом праве[6]. М. Н. Копылов обратился к рассмотрению указанных механизмов в рамках раскрытия понятий «международный экологический контроль» и «международный экологический кадастр и международная экологическая администрация», а Н.А. Соколова – в контексте раскрытия концепции «управление в сфере охраны окружающей среды».

Практике международных судов по разрешению международных споров о выполнении международных экологических обязательств уделяли внимание в вышеуказанных докторских диссертациях Н. А. Соколова и Д. С. Боклан, а также сам докторант А. М. Солнцев в своей кандидатской диссертации[7].

В зарубежной международно-правовой науке большое значение для исследуемой темы имеет коллективная монография «Обеспечение эффективности договоров. Права человека, окружающая среда и контроль над вооружениями» (2007), в которой на системном уровне был исследован вопрос механизмов выполнения обязательств в международном праве в целом, а также, в частности, в отраслях, где эти механизмы показали себя наиболее эффективно, таких как: международное право прав человека, международное экологическое право и право разоружения[8]. При этом монография,

---

ра юрид. наук: 12.00.10 / Молодцова Елена Сергеевна. Москва, 2002. 378 с.; Пушкарева Э. Ф. Международный экологический правопорядок и экологические права человека: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Пушкарева Эльвира Фаритовна. Москва, 2008. 350 с.; Соколова Н. А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Соколова Наталья Александровна. Москва, 2010. 467 с.

[6] Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Валеев Револь Миргалимович. Казань, 1999. 423 с. Отметим, что Е. Ю. Устинова в своей диссертации исследовала международный контроль за соблюдением международных договоров в целом без анализа именно международных экологических обязательств: Устинова Е. Ю. Международный контроль за соблюдением международных договоров: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Устинова Елена Юрьевна. Москва, 2008. 21 с.

[7] Солнцев А. М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Солнцев Александр Михайлович. Москва, 2008. 225 с.

[8] Making treaties work: Human Rights, Environment and Arms Control / ed. by G. Ulfstein, T. Marauhn, A. Zimmermann. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 427 p.

посвященная обеспечению соблюдения исключительно многосторонних экологических соглашений, вышла даже на год раньше[9].

В англоязычной литературе был опубликован ряд специализированных исследований, посвященных роли международных судов в разрешении международных споров экологического характера. В их числе: диссертация С. Рейчел «Урегулирование споров в договорах: количественный анализ» (1972), которая заложила основы эмпирического изучения механизмов разрешения споров в международных соглашениях (включая экологические договоры); монография Чезаре Романо «Мирное урегулирование международных экологических споров: прагматический подход» (2000)[10]; коллективная монография «Окружающая среда в свете деятельности международных судов и трибуналов» (2022)[11]; монография Ж. Бендел «Судебные разбирательства по вопросам охраны окружающей среды. Процесс и процедура в международных судах и трибуналах» (2023)[12]; коллективная монография «Международные суды против механизмов несоблюдения: сравнительные преимущества в усилении выполнения договоров» (2024)[13], включающая раздел соискателя о растущей роли договорных органов по правам человека в разрешении экологических споров[14].

Роль договорных органов, созданных на основе международных экологических соглашений, в контроле за выполнением международных

---

[9] Ensuring Compliance with Multilateral Environmental Agreements: A Dialogue between Practitioners and Academia / ed. by U. Beyerlin, P.-T. Stoll, R. Wolfrum. Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. 393 p.

[10] Romano C. P. R. The Peaceful Settlement of International Environmental Disputes: A Pragmatic Approach / C. P. R. Romano. The Hague: Kluwer Law International, 2000. 408 p.

[11] The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals / ed. by E. Sobenes, S. Mead, B. Samson. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. 755 p.

[12] Bendel J. Litigating the Environment: Process and Procedure Before International Courts and Tribunals / J. Bendel. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023. 320 p.

[13] International Courts versus Non-Compliance Mechanisms: Comparative Advantages in Strengthening Treaty Implementation / ed. by C. Voigt, C. Foster. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 507 p.

[14] Solntsev A. UN Human Rights Treaty Bodies' Contribution to Compliance with International Environmental Law: The Growing Importance of Human Rights Treaty Bodies in Environmental Dispute Resolution / A. Solntsev // International Courts versus Non-Compliance Mechanisms: Comparative Advantages in Strengthening Treaty Implementation / ed. by C. Voigt, C. Foster. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 361-382.

экологических обязательств исследовалась Ю. Брунни[15], А. Кардеса-Зальцманном[16], Я. Клабберсом[17], М. Фитцморис и К. Редгвел[18].

Вместе с тем, несмотря на значительный объем научных исследований различных типов механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, в разработке темы сохраняются следующие существенные пробелы. Во-первых, отсутствует комплексное исследование, которое бы системно рассматривало всю совокупность международных и национальных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств в их взаимосвязи и взаимодействии, охватывая институциональные структуры, процедуры мониторинга и отчетности, механизмы разрешения споров, квазисудебные процедуры, финансовые механизмы обеспечения выполнения обязательств и режим международной ответственности как единую систему обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Во-вторых, недостаточно изучены проблемы соотношения различных механизмов обеспечения выполнения обязательств, критерии выбора оптимальных механизмов обеспечения выполнения в зависимости от характера международных экологических обязательств, а также влияние квазисудебных процедур на традиционные институты международной ответственности государств. В-третьих, практически не исследованы вопросы взаимодействия универсальных и региональных механизмов обеспечения выполнения обязательств, проблемы дублирования юрисдикций и коллизий между различными контрольными органами. В-четвертых, актуальной и малоисследованной научной задачей остается разработка критериев оценки эффективности механизмов обеспечения выполнения международных

---

[15] Brunnée J. Multilateral Environmental Agreements and the Compliance Continuum / J. Brunnée // Transnational Governance of Environmental Change / ed. by G. Winter. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 387-408.
[16] Cardesa-Salzmann A. Constitutionalising Secondary Rules in Global Environmental Regimes: Non-Compliance Procedures and the Enforcement of Multilateral Environmental Agreements / A. Cardesa-Salzmann // Journal of Environmental Law. 2012. Vol. 24. No. 1. P. 103-132.
[17] Klabbers J. Compliance Procedures / J. Klabbers // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 995-1009.
[18] Fitzmaurice M., Environmental Non-Compliance Procedures and International Law / M. Fitzmaurice, C. Redgwell // Netherlands Yearbook of International Law. 2000. Vol. 31. P. 35-65.

экологических обязательств и формулирование предложений по их совершенствованию с учетом как достижений международно-правовой доктрины, так и практики функционирования различных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Настоящее диссертационное исследование призвано восполнить указанные выше пробелы и внести вклад в формирование целостной концепции функционирования международных и национальных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

Цель и задачи диссертационного исследования

Целью настоящего диссертационного исследования является выявление закономерностей становления и развития международных и национальных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, определение особенностей их функционирования для разработки концепции совершенствования механизмов обеспечения соблюдения международных экологических обязательств в условиях тройного планетарного кризиса.

Для достижения указанной цели в диссертации поставлены следующие задачи:

- рассмотреть актуальные вопросы развития международного экологического права и тенденции «экологизации» международного права;
- проанализировать теоретико-правовые основы выполнения международных экологических обязательств;
- рассмотреть понятие «международные экологические обязательства» и выделить виды обязательств и тенденции развития;
- выявить обязательства *erga omnes* в международном экологическом праве и показать их специфические черты в сравнении с другими видами обязательств;
- определить роль общепризнанных принципов международного права в выполнении международных экологических обязательств;

- рассмотреть юридическую природу механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, дать их определение и классифицировать виды;
- проанализировать специфические черты международных споров, возникающих из нарушения международных экологических обязательств;
- рассмотреть судебные и арбитражные механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств, уделяя особое внимание региональным правозащитным судам;
- проанализировать современные международно-правовые проблемы международного экологического правосудия;
- рассмотреть различные квазисудебные механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств (договорные органы ООН по правам человека; компенсационная комиссия ООН; квазисудебные органы экономического характера);
- проанализировать виды механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств в международных экологических соглашениях;
- исследовать «процедуру соблюдения» международных экологических соглашений;
- провести комплексный анализ механизмов обеспечения выполнения государствами международных экологических обязательств на национальном уровне;
- рассмотреть общую характеристику предпосылок выполнения международных экологических обязательств на национальном уровне;
- проанализировать механизм имплементации международных экологических обязательств в национальных правовых системах;
- исследовать создание и функционирование национальных экологических судов как способа обеспечения выполнения государствами международных экологических обязательств на национальном уровне.

Научная новизна исследования

Научная новизна настоящего диссертационного исследования определяется комплексным характером изучения деятельности международных и национальных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, рассматриваемых как в их самостоятельном функционировании, так и во взаимосвязи и взаимодействии между собой, что позволяет обосновать и предложить целостную модель совершенствования работы этих механизмов.

В диссертации предложена оригинальная классификация международных экологических обязательств. Такая классификация учитывает степень их определенности, юридическую силу, механизм обеспечения выполнения и характер адресатов, что повышает аналитическую пригодность концепта в доктрине и практике.

Сформулирован и обоснован авторский подход к пониманию функций механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, включающий: *превентивную функцию* (*ex ante mechanisms*), направленную на предупреждение нарушений через институциональную поддержку, техническое содействие, финансирование и наращивание потенциала; *мониторинговую и контрольную функции*, обеспечивающие транспарентность действий государств через системы отчетности, верификации, экспертной оценки и процедуры соблюдения; *корректирующую функцию* (*ex post mechanisms*), включающую международную ответственность, разрешение споров и принудительные меры реагирования на нарушения. Эта авторская концептуальная модель позволяет систематизировать разнородные функции механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств и выявить пробелы в их деятельности.

Новизной является также выявление феномена «нормативной гибридизации» в современном международном экологическом праве, проявляющегося в сочетании юридических обязательств из договоров с

«мягкими» политико-правовыми обязательствами, принимаемыми конференциями сторон международных экологических соглашений. При этом последние зачастую играют существенную роль в определении поведения государств благодаря детализированности, адаптивности и оперативности их принятия.

Получены новые знания, состоящие в обосновании необходимости перехода от фрагментированной системы автономных международно-правовых экологических режимов к интегрированной архитектуре глобального экологического управления, основанной на единой институциональной платформе – международной экологической организации, а также целесообразности создания международного экологического суда как специализированного судебного органа с обязательной юрисдикцией, что позволит преодолеть ограничения юрисдикции иных судебных средств разрешения споров.

Элемент научной новизны исследования заключается и во введении в российскую правовую науку ранее не анализировавшихся документов: международно-правовых актов (Эскасусское соглашение 2018 г., проект международного соглашения по борьбе с загрязнением пластмассами и др.); решений и консультативных заключений международных судебных и квазисудебных органов; актов, принятых конференциями сторон международных экологических соглашений (Куньминско-Монреальская Глобальная рамочная программа в области биоразнообразия 2022 г. и др.).

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в восполнении пробела в доктрине международного экологического права, вызванного недостаточной разработанностью ключевых проблем, связанных с механизмами обеспечения выполнения международных экологических обязательств, а также в концептуальном развитии отраслевого инструментария международного экологического права.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут служить научной основой для международных организаций

и государств при принятии решений и разработке правовых актов, способствующих укреплению международного экологического сотрудничества. Предложенный в диссертации подход к пониманию и корректировке механизмов реализации международно-правовой ответственности и разрешения споров может укрепить режим обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

Научные выводы и рекомендации диссертации имеют важное значение для совершенствования законодательной и правоприменительной деятельности Российской Федерации в области выполнения международных экологических обязательств. В диссертации проведен критический анализ имплементации международных экологических обязательств в национальные правовые системы, выявлены системные недостатки в этой сфере (дефицит координации между федеральными органами исполнительной власти, недостаточное финансирование природоохранных мероприятий, слабость судебного контроля, ограниченный доступ общественности к экологической информации) и сформулированы конкретные предложения по их устранению.

Результаты и выводы диссертационной работы могут быть применены в научно-исследовательской деятельности, в учебном процессе при преподавании курсов «Право международных организаций», «Право международной ответственности», «Международное экологическое право», «Защита экологических прав человека»; «Экология, климат, энергетика: международно-правовое регулирование»; «Бизнес, права человека и устойчивость»; ‘Environmental Protection and Human Rights’.

Методологическую основу настоящего диссертационного исследования составляет комплекс общенаучных, специально-юридических и междисциплинарных методов познания, применение которых в их системном единстве и взаимодополнении позволило провести всестороннее исследование механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств и сформулировать научно обоснованные выводы и рекомендации.

Диалектический метод составляет философско-методологическую основу исследования, позволяя рассматривать механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств в их становлении, развитии и взаимосвязи с общими закономерностями эволюции международного права. Применение диалектического метода позволило выявить противоречия между универсальными императивами экологической безопасности и партикулярными интересами государств, между требованиями научно обоснованной экологической политики и политико-экономическими ограничениями, между юридической силой международных норм и реальной практикой их соблюдения. Разрешение этих противоречий через формирование новых институтов и механизмов составляет движущую силу развития международного экологического права.

Системный метод применялся для исследования механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств как целостной системы взаимосвязанных элементов, включающей институциональные структуры, процедуры мониторинга и отчетности, «процедуры соблюдения», механизмы разрешения споров, финансовые механизмы обеспечения выполнения экологических обязательств и национальную имплементацию. Системный подход позволил выявить функциональные связи между различными элементами, определить их роль в обеспечении эффективности международного экологического права и обосновать концепцию функций механизмов (превентивные, мониторинговые, корректирующие).

Исторический метод использовался для исследования эволюции международно-правового регулирования охраны окружающей среды от первых двусторонних соглашений XIX века и арбитражных решений до современной многоуровневой глобальной системы экологического управления. Историческая ретроспектива позволила выявить основные этапы развития механизмов обеспечения выполнения обязательств: от двусторонних консультаций к институционализированным «процедурам соблюдения»; от

концентрации на возмещении материального ущерба к превентивным механизмам содействия выполнению обязательств.

Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления механизмов обеспечения выполнения обязательств в различных многосторонних экологических соглашениях с целью выявления общих закономерностей институционального проектирования, лучших практик и типичных недостатков. Также этот метод использовался для сопоставления международно-правовых режимов различных регионов (универсальные, региональные, субрегиональные соглашения) и для сравнения подходов различных правовых систем к имплементации международных экологических обязательств.

Формально-юридический (догматический) метод, составляющий основу юридического анализа, применялся для исследования содержания международных договоров, решений международных судов и арбитражей, актов квазисудебных органов, резолюций международных организаций, актов национального законодательства. Использование метода включало толкование правовых норм в соответствии со статьями 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (текстуальное, контекстуальное, телеологическое, историческое толкование), выявление правовой природы различных категорий норм (императивные / диспозитивные, материальные / процессуальные обязательства), определение иерархии источников международного экологического права.

Структурно-функциональный метод применялся для анализа институциональной архитектуры многосторонних экологических соглашений, позволяя выявить функции различных органов (конференции сторон, секретариаты, вспомогательные научно-технические органы, комитеты по соблюдению, финансовые механизмы) и оценить адекватность институционального дизайна целям обеспечения эффективности договорных режимов.

Комплексное применение общенаучных, специально-юридических и междисциплинарных методов в их системном единстве и взаимодополнении обеспечило методологическую строгость исследования, позволило преодолеть ограниченность чисто догматического подхода и сформулировать научно обоснованные выводы о природе, функционировании и путях совершенствования механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

Совокупность изложенного позволила соискателю сформулировать следующие положения, выносимые на защиту.

1. Выявлено, что в современных условиях тройного планетарного кризиса международные экологические обязательства предстают как сложная, многоуровневая и динамически развивающаяся система, характеризующаяся многообразием форм (обязательства поведения и результата, материальные и процессуальные, индивидуальные, коллективные и *erga omnes*) и высокой степенью дифференциации в зависимости от возможностей государств и их вклада в глобальное загрязнение. При этом проведенный анализ позволяет заключить, что источники таких обязательств уже не ограничиваются рамками исключительно международного экологического права: в результате процесса «экологизации» международного правопорядка экологические обязательства государств все более последовательно интегрируются в другие отрасли международного права, что требует их системного, межотраслевого и междисциплинарного толкования.

2. Под международным экологическим обязательством следует понимать установленное нормой международного права правовое отношение, в силу которого один субъект международного права связан требованием вести себя определенным образом в интересах другого субъекта (группы субъектов или международного сообщества в целом), обладающего, в свою очередь, правовым интересом требовать такого поведения в сфере предупреждения и ограничения трансграничного и глобального экологического вреда, сохранения и устойчивого использование природных ресурсов и глобальных

экологических благ, а также гарантирования надлежащего сотрудничества, обмена информацией, проведения оценки воздействия на окружающую среду и доступа к правосудию по экологическим вопросам.

3. Доказано, что обязательство государств по предотвращению трансграничного экологического вреда не является статичным, а представляет собой динамический стандарт *due diligence*, содержание которого эволюционирует по мере развития научного знания (прежде всего в рамках трех консенсуальных научных платформ – МГЭИК, МПБЭУ (IPBES) и МНПГ-ХОЗ (ISP-CWP)), появления новых «наилучших доступных технологий» (НДТ) и изменения социально-экономических возможностей государств, включая в себя обязанности: постоянного мониторинга экологических рисков; оценки воздействия на окружающую среду для потенциально вредоносной деятельности; применения принципа предосторожности при наличии угрозы серьезного или необратимого ущерба; информирования затрагиваемых государств и проведения консультаций; принятия превентивных мер, соразмерных характеру и масштабу риска.

4. Обосновано, что международные экологические обязательства в сфере защиты климата являются обязательствами *erga omnes*, что влечет за собой фундаментальное переосмысление реализации международной ответственности: переход от двусторонней модели (государство-потерпевшее требует от государства-нарушителя возмещения ущерба за причиненный ему вред) к многосторонней модели, при которой любое государство, независимо от наличия прямого ущерба его территории или населению, вправе требовать прекращения экологически противоправного поведения, что отражает переход от антропоцентрической модели международной ответственности, сфокусированной на защите субъективных прав отдельных государств, к экоцентрической модели, направленной на защиту таких ценностей международного сообщества, как стабильность климатической системы, целостность биосферы и сохранение биоразнообразия.

5. Обосновано, что конференции сторон многосторонних экологических соглашений обладают автономной компетенцией, осуществляемой через принятие решений, резолюций, руководящих принципов и технических приложений, которые, несмотря на формальное отсутствие статуса поправок к договору, *de facto* модифицируют международно-правовой режим, конкретизируя международные экологические обязательства и создавая новые стандарты поведения. Решения конференций сторон не требуют ратификации; принимаемые квалифицированным большинством голосов или консенсусом, они создают законные ожидания государств-участников и порождают обязательства добросовестного соблюдения (*bona fide*), хотя некоторые из них, являясь последствием толкования, получают признание *opinio juris* и становятся международными обычаями. Установлено, что данный феномен отражает «нормативную гибридизацию» в современном международном экологическом праве – сочетание юридически обязательных норм договоров с «мягкими» политико-правовыми обязательствами, принимаемыми конференциями сторон. При этом последние зачастую играют существенную роль в регулировании поведения государств благодаря детализированности, адаптивности и оперативности их принятия.

6. Выявлен системный дефект в международно-правовом регулировании, выражающийся в чрезмерной фрагментации договорного массива, отсутствии выстроенной «вертикальной» иерархии между нормами различных соглашений, а также в недостаточной «горизонтальной» согласованности их регулятивного содержания, что приводит к дублированию обязательств, конкуренции режимов и нерациональному расходованию ограниченных финансовых и институциональных ресурсов государств на выполнение сходных международных экологических обязательств. В целях преодоления указанных дисфункций, формирования эффективной синергии международных экологических соглашений и повышения эффективности выполнения международных экологических обязательств представляется целесообразным институционализировать практику регулярных совместных

заседаний секретариатов таких соглашений, а также расширить использование меморандумов о взаимопонимании между их секретариатами и международными организациями (и их компетентными органами), действующими в смежных сферах.

7. Разработана авторская дефиниция для доктринального использования: механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств представляют собой основанную на общепризнанных принципах и нормах современного международного права деятельность международных и национальных институтов, включая судебные и квазисудебные органы, направленную на оценку соблюдения государствами международно-правовых обязательств в части установления соответствия фактического поведения государств международно-правовым предписаниям, а также – при наличии *процедуры последующих действий* – на анализ и оценку мер, предпринимаемых государствами во исполнение вынесенных контрольными органами решений.

8. В диссертации представлена авторская концепция четырехзвенной модели механизмов выполнения международных экологических обязательств, которая представляет собой синтез разрозненных доктринальных подходов в единую системную модель, охватывающую весь спектр институтов – от классического международного правосудия до внутригосударственного правоприменения: международные суды, арбитраж и региональные правозащитные суды; квазисудебные механизмы (договорные органы ООН по правам человека, Компенсационная комиссия ООН, квазисудебные органы экономического характера); конвенционные механизмы МЭС (средства выполнения, меры по выполнению, согласительные процедуры, процедура соблюдения); национальные механизмы имплементации.

9. Выявлено, что, несмотря на наличие судебных и арбитражных механизмов практическое обращение государств к этим процедурам остается нечастым явлением. Данный «парадокс экологического правосудия» объясняется не общими дефектами процессуальных механизмов, а

особенностями экологических споров, делающими состязательное судебное и арбитражное разбирательство неподходящими инструментами для разрешения споров. Во-первых, экологические проблемы характеризуются множественной каузальностью – глобальное изменение климата, трансграничное загрязнение атмосферы, деградация морской среды являются результатом совокупного воздействия множества государств, что делает сложным установление причинно-следственной связи между деянием конкретного государства и конкретным ущербом. Во-вторых, экологические проблемы требуют не ретроспективного установления ответственного и присуждения компенсации, а перспективного регулирования поведения и координации политики государств. В-третьих, экологические споры характеризуются научной неопределенностью в расчете ущерба, делающей затруднительным вынесение судебного решения на основе правовых стандартов *lege lata*.

10. Выявлена тенденция к «экологизации» в деятельности договорных органов системы ООН по правам человека и региональных судов по правам человека, что позволило соискателю сформировать концепцию «экологического толкования» традиционных прав человека, основанную на признании неразрывной связи между защитой окружающей среды и реализацией основных прав и свобод человека, в т.ч. таких как: право на жизнь, требующее от государств принятия превентивных мер против экологических угроз жизни; право на уважение частной и семейной жизни, защищающее от существенного загрязнения, шумового воздействия и иных экологических нарушений, препятствующих нормальной жизнедеятельности; право на справедливое судопроизводство и право на эффективное средство правовой защиты, гарантирующие доступ к правосудию по экологическим спорам; свобода информации, обеспечивающая доступ к экологической информации.

11. Доказано, что «процедуры соблюдения» (англ. *non-compliance procedure*), созданные на основе международных экологических соглашений и

направленные на содействие соблюдению, техническое консультирование и финансовую поддержку, в отличие от состязательного судебного разбирательства, с присуждением победы одной стороне и поражения другой, являются наиболее адекватными механизмами обеспечения выполнения международных экологических обязательств, а также формируют эффективную систему мониторинга за выполнением этих обязательств.

Разработана авторская классификация *процедур соблюдения*, функционирующих на основе трех альтернативных институциональных моделей: а) содействующей модели, основанной на оказании технической и финансовой помощи государствам, испытывающим трудности в выполнении международных экологических обязательств; б) принудительной модели, предполагающей возможность наложения ограничительных мер на нарушителей; в) смешанной модели, сочетающей элементы содействия и принуждения.

Доказано, что эффективность процедур соблюдения определяется взаимодействием следующих факторов, таких как: характер регулируемых обязательств (количественные / качественные, абсолютные / относительные); институциональный дизайн контрольного органа (независимость членов, полномочия по инициированию разбирательств *proprio motu*, возможность проведения инспекций *in situ*); процессуальные гарантии (транспарентность разбирательств, право на защиту, участие НПО); наличие перечня мер реагирования (содействующие / принудительные, материальные / репутационные); наличие финансовой поддержки для реализации решений на национальном уровне.

12. Доказано, что тройной планетарный кризис сделал неэффективной традиционную модель международной ответственности, основанную на подходе «отдельное деяние определенного государства – конкретный вред – возмещение ущерба», что требует формирования новой модели международной ответственности, основанной на: а) признании коллективной ответственности международного сообщества за глобальные экологические

проблемы; б) распределения ответственности в зависимости от исторического вклада государств в создание проблемы и их нынешних возможностей на основе принципа общей, но дифференцированной ответственности; в) переносе бремени доказывания на потенциального причинителя вреда; г) применении принципа предосторожности при наличии научной неопределенности относительно потенциальных негативных последствий.

13. Установлено, что в международном экологическом праве формируется специальный режим ответственности за невыполнение международных экологических обязательств (*lex specialis*), отражающий переход от модели ответственности, центрированной на возмещении уже причиненного ущерба, к модели, ориентированной на предотвращение будущего вреда и восстановление экологических систем. Это проявляется в: признании обязательств *erga omnes* в климатической сфере, позволяющем любому государству требовать прекращения нарушения, независимо от прямого ущерба; применении принципа предосторожности, допускающего установление ответственности при отсутствии абсолютной научной определенности причинно-следственной связи; перенесении бремени доказывания на потенциального причинителя вреда в случае деятельности, связанной с высоким экологическим риском; приоритете превентивных и восстановительных мер над денежной компенсацией; признании экологического ущерба *per se* (ущерба самой окружающей среде, независимо от ущерба имущественным интересам государств); введении объективной ответственности за определенные категории деятельности.

14. Установлена высокая роль финансовых механизмов как неотъемлемого элемента обеспечения выполнения международных экологических обязательств развивающимися государствами, что базируется на принципе общей, но дифференцированной ответственности, в соответствии с которым развитые страны несут историческую ответственность за создание глобальных экологических проблем и обладают финансовыми и технологическими возможностями для их решения, тогда как развивающиеся

государства нуждаются в финансовой и технической поддержке для выполнения экологических обязательств. Финансовые механизмы должны выполнять следующие функции: компенсаторную – возмещение развивающимся государствами дополнительных издержек выполнения международных экологических обязательств; трансферную – передача экологически безопасных технологий; превентивную – содействие наращиванию институционального потенциала для предотвращения несоблюдения обязательств. Выявлено, что развитые государства подрывают соответствующие положения международного права – не выполняют международных обязательств по передаче технологий и ослабляют свои договорные обязательства в ходе переговоров по новым международным договорам.

15. Доказано, что современная система глобального экологического управления, основанная на фрагментированных автономных договорных режимах, неспособна обеспечить адекватный ответ на вызовы тройного планетарного кризиса. Фрагментация проявляется в: отсутствии единых стандартов и процедур контроля; дублировании функций и конкуренции между секретариатами различных конвенций; недостаточной координации между экологическими и торговыми режимами; неравномерном распределении финансовых и технических ресурсов. Следовательно, преодоление фрагментации требует институциональной трансформации через создание на глобальном уровне двух институтов: а) Международной экологической организации, которая должна интегрировать фрагментированную систему экологических соглашений, обеспечить согласованность экологических и торговых политик, установить единые стандарты контроля и гарантировать справедливое распределение финансовых ресурсов; б) Международного экологического суда с обязательной юрисдикцией, который должен преодолеть ограничения факультативной юрисдикции Международного Суда ООН и фрагментированной практики арбитражей. Создание специализированного

экологического суда обеспечит единообразное толкование и применение международного экологического права, сформирует последовательную судебную практику и повысит легитимность судебных решений за счет специализации судей в экологической проблематике.

16. Установлено, что эффективность международных экологических обязательств определяется не только совершенством международно-правовых норм, но и адекватностью национальной имплементации в трех измерениях: нормативном – принятие законодательства, имплементирующего международные обязательства в национальные правовые системы; институциональном – создание компетентных органов, обладающих полномочиями и ресурсами для мониторинга соблюдения экологических норм; правоприменительном – обеспечение судебного и административного контроля за соблюдением экологических норм частными и публичными акторами.

Сравнительный анализ национальных подходов к имплементации выявляет системные недостатки в большинстве государств: фрагментацию компетенции между различными органами, недостаточное финансирование природоохранных мероприятий, слабость судебного контроля, ограниченный доступ общественности к экологической информации и правосудию, отсутствие эффективных санкций за экологические правонарушения. Преодоление данных недостатков требует: создания единых координационных органов по имплементации международных экологических обязательств; принятия специальных законов об имплементации международных экологических обязательств; обеспечения прямой применимости международных экологических норм в национальных судах; развития института стратегической экологической оценки; расширения прав граждан и НПО на доступ к экологическому правосудию.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена: анализом широкого спектра источников международного права, решений и

консультативных заключений международных судов и арбитражей, актов международных квазисудебных органов, документов международных организаций; применением комплекса научных методов (формально-юридического анализа, системного подхода, сравнительно-правового метода, институционального анализа, количественных методов); апробацией результатов на международных и российских научных конференциях и в авторитетных рецензируемых отечественных и зарубежных журналах.

Апробация результатов диссертационного исследования. Настоящее исследование было подготовлено и обсуждено на кафедре международного права юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» 27 августа 2026 г.

Основные идеи, теоретические и практические положения, а также выводы диссертационного исследования нашли отражение в 190 научных публикациях автора: 16 в изданиях, входящих в международные базы данных, 48 в изданиях из Перечня Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации (ВАК РФ), 32 в изданиях из RCSI, 18 монографий.

Основные выводы исследования были отражены в выступлениях на различных научных конференциях, таких как: ежегодная межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права» (10–11 апреля 2009 г., РУДН, Москва); ежегодная межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права» (9–10 апреля 2010 г., РУДН, Москва); международная научно-практическая конференция «Современное международное право и научно-технический прогресс» (8 декабря 2011 г., РУДН, Москва); научно-практическая конференция «Водное законодательство и экологические проблемы» (15 июня 2012 г., Москва); международная научно-практическая конференция «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении»,

посвященная 90-летию профессора Д.И. Фельдмана (11–12 октября 2012 г., КФУ, Казань); международная научная конференция «Актуальные проблемы международного права: Liber Amicorum в честь профессора Револя Миргалимовича Валеева» (2013 г., КФУ, Казань); международная ежегодная конференция молодых ученых «Современные тенденции развития науки в контексте реализации европейской модели: видения молодых ученых» (30 мая 2013 г., Кишинев, Республика Молдова); международная научно-практическая конференция «Тункинские чтения» (2014 г., МГУ, Москва); XII ежегодная международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права», посвященная памяти профессора И.П. Блищенко (12–13 апреля 2014 г., РУДН, Москва); XIII Международный конгресс «Блищенковские чтения» (11 апреля 2015 г., РУДН, Москва); международная научно-практическая конференция, посвященная столетию международного полицейского сотрудничества (2015 г., Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва); круглый стол «Современные проблемы международного космического, воздушного и морского права» в рамках XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» (11 апреля 2015 г., РУДН, Москва); круглый стол «Актуальные проблемы современного международного экологического права», посвященный 60-летию профессора М.Н. Копылова (15 июня 2015 г., РУДН, Москва); 11th ESIL Annual Conference «The Judicialization of International Law – A Mixed Blessing?» (10–12 сентября 2015 г., University of Oslo, Осло, Норвегия); «Дни международного права» (19–20 ноября 2015 г., Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург); XIV Международный конгресс «Блищенковские чтения» (16 апреля 2016 г., РУДН, Москва); III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» (2016 г., МГЮА им. О. Е. Кутафина, Москва); IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» (2017 г., МГЮА им. О. Е. Кутафина, Москва); международная научно-практическая

конференция «Современные проблемы международного и евразийского правосудия» (6 октября 2017 г., Воронежский государственный университет, Воронеж); VIII молодежный экологический конгресс «Северная Пальмира» (22–24 ноября 2017 г., Санкт-Петербург); XV Международный конгресс «Блищенковские чтения» (22 апреля 2017 г., РУДН, Москва); научно-практическая конференция «Арктика — территория устойчивого развития и сотрудничества» (20 октября 2017 г., ИГП РАН, Москва); 15th Annual Colloquium of the IUCN Academy of Environmental Law «Stories of the World We Want – and the Law as a Pathway» (29 мая – 3 июня 2017 г., Себу, Филиппины); Annual EELF Conference 2017 «Sustainable Management of Natural Resources – Legal Approaches & Instruments» (30 августа – 1 сентября 2017 г., University of Copenhagen, Копенгаген, Дания); 13th ESIL Annual Conference «Global Public Goods, Global Commons and Fundamental Values: The Responses of International Law» (7–9 сентября 2017 г., Неаполь, Италия); 2018 IUCN Academy of Environmental Law Colloquium «The Transformation of Environmental Law and Governance: Innovation, Risk and Resilience» (4–6 июля 2018 г., University of Strathclyde, Глазго, Шотландия, Великобритания); 1st IAA/AAS SciTech Forum on Space Flight Mechanics and Space Structures and Materials (2018 г., РУДН, Москва); XVI Международный конгресс «Блищенковские чтения» (2019 г., РУДН, Москва); круглый стол «Защита окружающей среды: взаимодействие международного и национального права» (2019 г., РУДН, Москва); международная научно-практическая онлайн-конференция «75 лет ООН: вклад в обеспечение мира, верховенства права и устойчивое развитие» (2020 г., Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан (Казахстан)); международная научно-практическая онлайн-конференция «Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности» (30 сентября 2020 г., Нур-Султан (Казахстан)); международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию «Московского журнала международного права» «К упрочению правопорядка в мире на основе Устава ООН» (20–21 октября 2021 г., МГИМО МИД России, Москва); круглый стол

«Международные организации в современном мире: право и политика» в рамках XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» (19 ноября 2022 г., СПбГУ, Санкт-Петербург); круглый стол «Международное экологическое право» в рамках XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» (6 июня 2022 г., РУДН, Москва); «Окружающая среда и международное право: современные вызовы» («Тункинские чтения») (26 октября 2023 года, МГУ, Москва); «Теория международного права: актуальные проблемы» («Тункинские чтения») (24 октября 2024 года, МГУ, Москва); XI Невский международный экологический конгресс (22-23 мая 2025 г., Таврический дворец, Санкт-Петербург); «The 80th anniversary of the UN world order, international law and future multilateralism» (18-19 октября 2025 г., Уханьский университет, Ухань, КНР); Саратовский юридический форум, круглый стол «Суд ЕАЭС в архитектуре евразийского правопорядка: компетенция, практика, роль в развитии наднационального права и внутригосударственных правовых систем» (24 апреля 2026 г., СГЮА, Саратов) и др.

Результаты исследования нашли практическое применение в деятельности государственных органов, международных организаций и научно-исследовательских учреждений. Автор принял участие в: формировании позиции России при подготовке Добровольного национального обзора (ДНО) России по Целям устойчивого развития (ЦУР), в частности по ЦУР 13; анализе материалов и выработке позиции Центра международных и сравнительно-правовых исследований (ЦМСПИ) при разработке глобального соглашения о борьбе с пластиковым загрязнением.

Объектом диссертационного исследования являются отношения, возникающие между государствами по поводу механизмов выполнения международных экологических обязательств.

Предметом диссертационного исследования являются правовые принципы и нормы, порождающие международные экологические

обязательства, акты «мягкого» права, решения международных судов, арбитражей, квазисудебных органов, а также доктрина.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют научные труды таких отечественных ученых, как А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин, Л. В. Агафонова, Ш. С. Аливердиева, Л. Д. Андрулайтис, Р. Ф. Ахундов, Ю. С. Безбородов, К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев, И. П. Блищенко, С. А. Боголюбов, Д. С. Боклан, Р. М. Валеев, К. Б. Валиуллина, А. А. Виноградова, А. Н. Вылегжанин, В. В. Гаврилов, Д. В. Галушко, Д. И. Гарафова, А. А. Данельян, С. Г. Дзыбова, В. А. Домрачева, М. П. Дьякович, А. Б. Ермаченко, Н. В. Ефимов, А. И. Ислам-Заде, О. В. Кадышева, П. А. Калиниченко, А. Я. Капустин, Н. В. Кичигин, О. С. Колбасов, А. Л. Колодкин, М. Н. Копылов, Т. И. Курносова, И. М. Лифшиц, М. А. Лихачёв, Е. В. Левицкая, А. С. Макарова, В. С. Маличенко, С. Ю. Марочкин, Е. В. Марьин, Д. Ю. Мосейкин, М. З. Меликов, Ли Сын Мин, И. Р. Мустафин, Р. В. Нигматуллин, С. Д. Пименова, В. Е. Понаморенко, М. В. Пономарев, Н. Е. Рязанова, В. С. Рукавишников, Д. О. Сиваков, Т. А. Синицкая, С. В. Скупневский, Н. А. Соколова, А. В. Степаненко, А. Н. Талалаев, Э. С. Теймуров, Н. И. Хлуденева, М. Л. Энтин, П. Н. Юсифова.

Нормативно-правовая база диссертационного исследования. Нормативно-правовая база диссертационного исследования включает комплекс международных договоров, документов международных организаций и национального законодательства.

Универсальные экологические конвенции: Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК) 1992 г. и принятые на ее основе Киотский протокол 1997 г. и Парижское соглашение 2015 г.; Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г.; Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием 1994 г.; Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г. к Венской конвенции об озоновом слое 1985 г.; Базельская конвенция о

контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г.; Минаматская конвенция о ртути 2013 г.; Конвенция о торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) 1973 г., Рамсарская конвенция 1971 г.

Региональные и субрегиональные конвенции: Региональное соглашение о доступе к информации, участии общественности и правосудии по вопросам окружающей среды в Латинской Америке и Карибском бассейне 2018 г. (Эскасусское соглашение); Орхусская конвенция об охране доступа к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам окружающей среды 1998 г.; Конвенция по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики 1992 г.; Конвенция о защите Черного моря от загрязнения 1992 г.

Также были проанализированы акты мягкого права (документы ЮНЕП, ВОЗ, МОТ, ИМО, ФАО, ПРООН и ЮНИДО) и национальные законодательства.

Структура и содержание диссертации обусловлены кругом исследуемых проблем в области международного права и отвечают цели, задачам, объекту и предмету исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, 5 глав (включающих в себя 19 параграфов), последовательно раскрывающих правовую природу, сущность и особенности исследуемых проблем, а также заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Понятие и виды международных экологических обязательств

Вот уже более 50 лет в мире растет осознание грядущего экологического кризиса. Сегодня это понятийно концептуализировалось в формате «тройного планетарного кризиса» (сокращение биологического разнообразия, загрязнение и изменение климата), что нашло отражение в выступлениях Генерального секретаря ООН[19] и Исполнительного директора ЮНЕП[20]. В ЮНЕП был специально разработан документ «Стратегия Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде на 2022–25 годы для решения проблем изменения климата, утраты природной среды и загрязнения»[21]. В Стратегии отмечается: «Три взаимозависимых кризиса ставят под угрозу наше экономическое и социальное благополучие и подрывают наши возможности в деле сокращения масштабов нищеты и улучшения жизни и средств к существованию. Более того, возникает также риск необратимых изменений наших отношений с миром природы. Эти кризисы связаны главным образом с нерациональными моделями потребления и производства…»[22].

---

[19] См.: Ambitious Action Key to Resolving Triple Planetary Crisis of Climate Disruption, Nature Loss, Pollution, Secretary-General Says in Message for International Mother Earth Day: документ ООН SG/SM/21243 от 21 апреля 2022 г.; Alongside Pandemic, World Faces ‘Triple Planetary Emergency’, Secretary-General Tells World Forum for Democracy, Citing Climate, Nature, Pollution Crises: документ ООН SG/SM/20422 от 16 ноября 2020 г.

[20] Andersen I. Action on the triple planetary crisis [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/news-and-stories/speech/action-triple-planetary-crisis (дата обращения: 13.07.2026).

[21] Стратегия Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде на 2022–25 годы для решения проблем изменения климата, утраты природной среды и загрязнения. https://www.unep.org/resources/policy-and-strategy/people-and-planet-unep-strategy-2022-2025 (дата обращения 13.07.2026).

[22] Там же. С. 4.

«Мир уже находится на пороге того, что можно назвать “поликризисом”, когда глобальные кризисы не только усиливаются и ускоряются, но и, по-видимому, синхронизируются»[23].

Таким образом, экологические проблемы прочно связаны с проблемами развития в целом, а именно с экономическими и социальными факторами. Мировое сообщество концептуально отразило это в Целях устойчивого развития (ЦУР), что отражено в показателях в «Повестке дня до 2030 года»[24]. В данный момент осталось менее пяти лет до их выполнения, и пока результаты неутешительны[25]. Как отмечается в докладе Генерального секретаря ООН по ЦУР за 2025 г.: «Согласно имеющимся данным, в глобальном масштабе выполнение 35 % из 137 задач, сформулированных в рамках целей в области устойчивого развития, идет либо по плану, либо с умеренным успехом. Выполнение 47 % задач идет недостаточно быстрыми темпами, а по 18 % задач по сравнению с базовыми показателями 2015 года наблюдается регресс»[26].

Сегодня мы констатируем кризис международных отношений, и многие направления международного сотрудничества почти не развиваются, чего нельзя сказать про международное экологическое право. Принимаются новые документы обязательного и рекомендательного характера: так, 28 июля 2022 года Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) приняла резолюцию 76/300, признающую право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду правом человека[27]; было принято и вступило в силу в 17 января 2026 г.

---

[23] Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Открывая новые горизонты: глобальный прогноз состояния планеты и благополучия человека: доклад ЮНЕП. Найроби: ЮНЕП, 2024. 108 с.

[24] Резолюция ГА ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F70%2F1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False (дата обращения: 13.07.2026).

[25] См. например: Абашидзе А. Х. Пробелы концептуального и практического характера в повестке дня в области устойчивого развития до 2030 г. / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, И. А. Черных, П. Н. Юсифова [и др.] // Международный правовой курьер. 2023. № 1. С. 5-13.

[26] Доклад Генерального секретаря «Ход достижения целей в области устойчивого развития»: документ ООН A/80/81–E/2025 от 2 мая 2025 г.

[27] Остроухов Н. В. Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду: новое право в универсальном международном каталоге прав человека / Н. В. Остроухов, А. М. Солнцев // Международный правовой курьер. 2023. № 7. С. 91-94.

Соглашение на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции 2023 г.[28]; интенсивно с 2022 г. идет процесс работы Межправительственного комитета по ведению переговоров для разработки имеющего обязательную юридическую силу международного договора о борьбе с загрязнением пластмассами, в том числе в морской среде[29].

Приведенные выше стратегические концептуальные документы, принятые международным сообществом, свидетельствуют о важности экологического сотрудничества сегодня. Этот факт крайне существенен для диссертационного исследования. В разрезе международного права в целом он свидетельствует о постоянном росте объема международных экологических обязательств. Эта тенденция длится уже несколько десятилетий. Более того, методологически для исследователя юриста-международника, в отличие от ученых из других областей наук, проблема усложняется тем, что международные экологические обязательства проистекают не только из международных экологических соглашений (МЭС), но и из массы других международных договоров (и других источников) ввиду длящегося процесса *экологизации* международных отношений и международного права[30] (подобное явление происходит и в

---

[28] Соглашение на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции: документ ООН A/CONF.232/2023/4 от 19 июня 2023 г.

[29] См.: Дискуссионный форум 10 по действиям в отношении океана: улучшение работы по сохранению и рациональному использованию океанов и их ресурсов путем соблюдения норм международного права, закрепленных в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву: концептуальный документ, подготовленный Секретариатом: документ ООН A/CONF.230/2025/13 от 20 мая 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/events/conference/inter-governmental-negotiating-committee-meeting-inc-1 (дата обращения: 01.08.2026). Подробнее см.: Солнцев А. М. Борьба с загрязнением пластмассами в международном праве: lex lata и lex ferenda / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. 2023. № 4. С. 35-49.

[30] Боклан Д. С. «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития / Д. С. Боклан // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 117-134; Романов А. И. Устойчивое развитие – экологизация экономики / А. И. Романов // Экономика и управление. 2000. № 5. С. 80-82.; Шамсутдинов Э. Р. Экологизация законодательства – важнейшая часть экологической функции современного государства / Э. Р. Шамсутдинов // Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 9-10 апреля 2009 г.). Ч. 5. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2009. С. 210-215; Боголюбов С. А. Экологизация законодательства, государства и общественной жизни / С. А. Боголюбов // Право и экология: материалы VIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 23-24 мая 2013 г. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2014. С. 33-39.

национальном праве). Как пишет С. А. Боголюбов: «Экологизация отраслей российского и международного права – объективный феномен конца XX – начала XXI в., угрожающий потеплением климата, опустыниванием одних территорий и затоплением других, приводящими к продовольственному коллапсу. От экологизации управления, права и законодательства, всей жизни зависит будущее планеты, континентов, отдельных стран и поселений; уместно отметить, что порой наблюдается тенденция к деэкологизации»[31].

Более того, учитывая растущее значение влияния изменений климата на международное право, в доктрине стали говорить о *климатизации* международного права[32].

Во-первых, эколого ориентированные правовые нормы включаются в источники других отраслей международного права, тем самым расширяя их предметную сферу. Н. А. Соколова поднимает вопрос об экологических «обременениях» норм, входящих в состав других отраслей международного права. По ее мнению, «это, к примеру, находит отражение в усилении защиты окружающей среды в период вооруженных конфликтов. Окружающая среда рассматривается как специальный гражданский объект, который находится под защитой норм международного гуманитарного права... Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в других отраслях международного права, когда его субъекты создают международно-правовые нормы по защите морской среды, космического пространства, по противодействию загрязнению атмосферного воздуха»[33]. Как полагает Н. А. Соколова, инкорпорирование норм по защите окружающей среды в рамках той или иной отрасли придает этим нормам комплексный характер, позволяя рассматривать их, с одной стороны, как необходимый структурный элемент режима природной среды (морской, космической, воздушной, Антарктики и т. п.), которая подлежит

---

[31] Боголюбов С. А. Экологическое право – интегрированная отрасль. Проблемы теории экологического права. Диалог / С. А. Боголюбов, М. К. Сулейменов // Экологическое право. 2014. № 4. С. 32-38.

[32] Climate Change and the Testing of International Law / ed. by S. Maljean-Dubois and J. Peel. 1st ed. Vol. 26. Leiden: Brill, 2023. 145 p.; Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. 2018. № 106 (1). С. 60-78.

[33] Соколова Н. А. Международно-правовые проблемы управления в сфере охраны окружающей среды / Н. А. Соколова. М.: Проспект, 2010. С. 214-269.

экономическому использованию, научно-техническому освоению. В этом случае принятие правовых норм по охране соответствующих природных объектов представляет собой процесс отражения экологических требований в соответствующих отраслях. С другой стороны, такие нормы – необходимый системный элемент международного экологического права. «Учет экологических интересов в рамках различных отраслей международного права, возможно, имеет серьезные теоретические последствия, поскольку усложняет характер международных договоров, кодифицирующих ту или иную отрасль», – заключает она[34].

Во-вторых, в рамках тенденции экологизации мы говорим о расширительном толковании международных норм в направлении придания им экологической составляющей при молчаливом согласии всех участников международного договора. Наглядным примером может служить экологизация международного права в области прав человека. Так, например, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в 2002 г. принял замечание общего порядка № 15 (2002) «О праве на воду» (ст. 11 и 12 Международного пакта о гражданских и политических правах)[35], а Комитет ООН по правам человека принял замечание общего порядка № 36 по статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах «О праве на жизнь», в пункте 62 которого напрямую связываются «обязательства уважать и обеспечивать право на жизнь» и «государственные меры для защиты окружающей среды от изменения климата»[36]. Такие тенденции наблюдаются на универсальном правозащитном уровне[37], но и на региональном уровне

---

[34] Соколова Н. А. Международно-правовые проблемы управления в сфере охраны окружающей среды / Н. А. Соколова. М.: Проспект, 2010. С. 214-269.

[35] См.: General comment No. 15: The Right to Water (Arts. 11 and 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) / Committee on Economic, Social and Cultural Rights. UN Doc. E/C.12/2002/11. 20 January 2003 [Электронный ресурс] // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: https://www2.ohchr.org/english/issues/water/docs/CESCR_GC_15.pdf (дата обращения: 28.08.2025).

[36] Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 36 «Статья 6: Право на жизнь»: документ ООН CCPR/C/GC/36 от 3 сентября 2019 г.

[37] Конева А. Е. Противодействие изменению климата и деятельность договорных органов по правам человека / А. Е. Конева, Д. А. Гугунский // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 353-356; Солнцев А. М. Экологические права человека по международному пакту об экономических, социальных и культурных правах / А. М. Солнцев // Вопросы экономики и права. 2016. № 5. С. 38-44.

межгосударственные отношения развиваются по тому же сценарию. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколах к ней отсутствуют экологические права человека, но в этой сфере рассмотрено уже более 300 дел, поскольку защита происходит через расширительное толкование иных прав человека (право на жизнь; право на уважение личной и семейной жизни, а также жилища; право на справедливое судебное разбирательство и на доступ к суду и т. д.) и в апреле 2024 г. были приняты первые три решения по климатическим искам[38]. В Межамериканском суде по правам человека по подобной схеме развивается процесс экологизации международного права прав человека[39].

В связи со сказанным в рамках настоящего диссертационного исследования будем анализировать не нормы международного экологического права, а международные экологические обязательства. Важно отметить, что международные экологические обязательства могут проистекать не только из международного экологического права, но и из смежных отраслей: международного права прав человека, международного морского права, международного космического права, международного гуманитарного права, международного экономического права и др. Таким образом, методологически в диссертационном исследовании используется широкий подход, будет анализироваться выполнение международных экологических обязательств, проистекающих из разных источников. Соответственно будут рассмотрены и механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств – как общего характера (Международный суд ООН), так и специализированные (Комитет по соблюдению Орхусской конвенции).

---

[38] Солнцев А. М. Защита экологических прав человека: учеб. пособие / А. М. Солнцев. 3-е изд. М.: РУДН, 2021. С. 296-311; Гальперин М. О «зеленом» переходе и процессуальной революции: обзор постановлений Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2024 года по делам Карем против Франции (жалоба №7189/21), Дуарте Агустино и другие против Португалии и 32 других (жалоба 39371/20), Верейн Климасеньоринен Швайц и другие против Швейцарии (жалоба №53600/20) / М. Гальперин // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 2 (50). С. 3-19.

[39] Солнцев А. М. Развитие концепции экологических прав человека в практике Межамериканского суда по правам человека / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Международное правосудие. 2022. № 1 (41). С. 57-78.

Согласно доктрине международного права, международные обязательства бывают договорными и недоговорными. Международные обязательства могут устанавливаться обычной нормой международного права, международным договором или общим принципом, применимым в рамках международного правопорядка. При этом идентичные нормы могут содержаться и в договоре, и в обычае[40]. Государства могут принимать на себя международные обязательства в силу одностороннего акта[41]. Односторонние акты могут порождать международные экологические обязательства по тем же общим правилам, что и в других сферах: когда государство ясно и публично берет на себя определенную юридическую обязанность, оно становится связанным этой обязанностью на международном уровне. Односторонние акты – это, прежде всего, односторонние заявления, ноты, декларации, резолюции, в которых государство само формулирует свое обязательство, не ожидая немедленного «встречного» согласия других государств. Если такое заявление: сделано компетентным органом (глава государства, правительство, МИД); обнародовано вовне (например, в ООН или через официальную ноту); сформулировано как обещание, на которое другие государства вправе разумно рассчитывать, – то оно может породить для государства международное обязательство, в том числе в экологической сфере. В международном экологическом праве односторонние акты чаще всего: конкретизируют или усиливают уже существующие договорные/обычные обязанности; «опережают» договорное регулирование, задавая более высокий экологический стандарт. Приведем примеры односторонних актов, порождающих международные экологические обязательства: заявление о более амбициозных климатических целях (углеродная нейтральность к

[40] Международный суд ООН неоднократно признавал «существование идентичных норм в международном договорном праве и обычном праве». Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America): judgment of 27 June 1986 // I.C.J. Reports. 1986. P. 14. Para. 10; см. также North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. Netherlands): judgment of 20 February 1969 // I.C.J. Reports. 1969. P. 3. Para. 63.

[41] Подробнее см.: Абашидзе А. Х. Односторонние акты государств: вопросы теории и практики / А. Х. Абашидзе, М. В. Ильяшевич. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. 193 с.

определенной дате, отказ от угля и т. п.)[42]. Если такое обещание сформулировано как политическое – это политический сигнал, а если как обязательство перед международным сообществом, оно приобретает юридическое измерение и может учитываться как источник международного обязательства соответствующего государства. Другим примером может служить принятие акта о создании в зонах под национальной юрисдикцией морского заповедника с запретом определенных видов деятельности для всех государств, о чем официально уведомляются партнеры и международные организации. Здесь государство односторонне устанавливает режим, за нарушение которого может нести международную ответственность[43].

В доктрине источников международного экологического права отмечается, что, помимо договоров и обычая, все большую роль играют акты, исходящие от государств и международных организаций, устанавливающие экологические стандарты и цели. Многие такие акты первоначально представляют собой акты мягкого права, но при повторении практики, появлении *opinio juris* и опоре других субъектов на эти обещания превращаются в элементы обычной нормы либо закрепляют для конкретного государства индивидуальные обязательства более высокого уровня по сравнению с минимальным договорным стандартом[44]. Для международного экологического права односторонние акты, на наш взгляд, важны потому, что: позволяют отдельным государствам «поднимать планку» защиты окружающей среды быстрее, чем это возможно через многосторонние переговоры; служат лабораторией для будущих договорных стандартов (сначала – односторонние обещания и практика, затем – обычай и договор); усиливают тенденцию к «экологизации» других отраслей, когда государства

---

[42] Minnerop P. Nationally Determined Contributions Post-Global Stocktake: The Making of Prescribed Qualified Unilateral Acts in International Law / P. Minnerop // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2025. Vol. 58. No. 1. P. 45-117.

[43] Ilyashevitch M. V. Concept of Unilateral Acts of States in International Law / M. V. Ilyashevitch // Moscow Journal of International Law. 2011. No. 1. P. 172-184.

[44] Sands P. Unilateralism, Values, and International Law / P. Sands // European Journal of International Law. 2000. Vol. 11. No. 2. P. 291-302.

односторонне принимают, например, климатические критерии для своей внешней экономической политики.

Международное обязательство может вытекать из процедур, предусмотренных в договоре (решение органа международной организации, обладающей компетенцией в соответствующей области; решение международного суда, затрагивающее два государства, и т. д.). Кроме того, такие различные основания возникновения международных обязательств взаимодействуют друг с другом, как это видно на практике: международные договоры могут способствовать формированию обычаев; обычное право может служить основой при толковании международных договоров.

Существуют различные классификации международных обязательств. Следует отметить, что классификация международных экологических обязательств приобретает не только теоретическое, но и практическое значение для понимания их правовой природы, механизмов обеспечения их выполнения и ответственности за нарушение. В настоящем исследовании систематизируются существующие подходы к классификации международных экологических обязательств на основе анализа международных договоров, международной судебной практики и доктрины. Классификация проводится по следующим основным критериям: 1) по содержанию и характеру требуемого поведения; 2) по степени конкретизации; 3) по адресатам; 4) по временны́м параметрам; 5) по территориальной сфере применения; 6) по юридической силе; 7) по характеру правовых последствий нарушения. Представляется, что классификация экологических обязательств имеет важное значение для оценки эффективности международного экологического права и разработки более совершенных механизмов обеспечения выполнения экологических обязательств в ответ на вызовы тройного планетарного кризиса.

1) Классификация международных экологических обязательств по содержанию и характеру требуемого поведения. В рамках данного подхода, во-первых, выделяются обязательства поведения и обязательства результата.

Фундаментальное разграничение международных обязательств на обязательства поведения и обязательства результата имеет особое значение для международного экологического сотрудничества. Категории обязательств поведения и обязательств результата лежат в основе любого анализа содержания и объема международных обязательств. Хотя по данному вопросу можно многое почерпнуть из решений и заключений международных судов, материалов Комиссии международного права ООН (КМП) и доктрины, тема остается малоисследованной[45]. Эти категории в международном праве берут начало из теории обязательств в национальном гражданском праве. В частности, термины «обязательства средств» и «обязательства результата» восходят к французскому юристу Рене-Николя-Андре Демогу, который ввел их в своей работе «Трактат об обязательствах в целом»[46]. В традиции гражданского права различие связано с характером обязательства, особенно в отношении содержания требуемого исполнения. В обязательствах, связанных со средствами, должник обязан выполнить конкретную деятельность с надлежащей осмотрительностью, но не несет ответственности за гарантирование конкретного результата. Напротив, в обязательствах, связанных с результатом, должник обязан не только осуществить деятельность, но и достичь конкретного результата. В последнем случае обязательство считается исполненным только тогда, когда достигается ожидаемый результат. В отличие от этого, в случае обязательства, связанного со средствами, должник освобождается от ответственности, как только он проявил необходимый уровень осмотрительности для выполнения обязательства.

Этот вопрос обсуждался и в КМП ООН. Вследствие выводов докладчика Р. Аго КМП ввела две категории обязательств, связанных с поведением и

[4545] Лекции Летней Школы по международному публичному праву = Courses of the Summer School on Public International Law. – Т. XXII. Обязательства по международному праву = Vol. XXII. Obligations under International Law / Ида Караччоло = Ida Caracciolo. М.: Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2025. С. 40.

[46] Demogue R. Traité des obligations en général [Электронный ресурс]. T. 1. Paris: Rousseau, 1923. 4904 p. URL: https://play.google.com/store/books/details?id=... (дата обращения: 27.08.2026).

результатом, в статьях 20 и 21 промежуточного проекта статей «об ответственности государств», принятого в первом чтении в 1996 г.[47] Однако точка зрения Комиссии отличалась от традиции гражданского права. Фактически обязательства, связанные с поведением, квалифицируются как требующие от государства принятия определенного образа действий; их нарушение равносильно несоблюдению этого конкретного образа действий. Обязательства, связанные с результатом, — это обязательства, требующие от государства «достижения конкретного результата в конкретном виде, но оставляющие ему свободу выбора средств достижения этого результата с самого начала»[48]. Таким образом, нарушение обязательства возникает из-за неспособности достичь намеченного результата. Комиссия признала это различие, отметив его важность при решении определенных вопросов, связанных с определением сроков и продолжительности нарушения международного обязательства. Комиссия также признала, что это различие не всегда очевидно и что в случаях разногласий в толковании разрешение этих вопросов будет возложено на международный суд[49]. По мнению Комиссии, обязательства по достижению результата «часто встречаются в международном праве, где действие, требуемое от государства, должно быть предпринято на уровне прямых отношений между государствами. Обязательства “по достижению результата”, с другой стороны, […] преобладают там, где от государства требуется создать определенную ситуацию в рамках своей системы внутреннего права. В таких случаях международное право, естественно, уважает свободу государства и ограничивается информированием государства о результате, который должен быть достигнут, оставляя ему свободу выбора средств, которые будут

[47] Draft Articles on State Responsibility with Commentaries Thereto Adopted by the International Law Commission on First Reading, January 1997, 97-02583 [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_1996.pdf (дата обращения: 01.07.2026).
[48] Yearbook of the International Law Commission, 1977. New York: United Nations, 1977. Vol. II, Part 1. P. 46, para. 46. Article 21 (1) «Breach of an international obligation requiring the State to achieve a particular result».
[49] Draft Articles on State Responsibility with Commentaries Thereto Adopted by the International Law Commission on First Reading, January 1997, 97-02583 [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_1996.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

использованы для этой цели. Тем не менее и в этом случае иногда оказывается, что международное право, так сказать, вторгается в сферу государства, требуя принятия определенного образа действий какой-либо ветвью государственного аппарата»[50]. Таким образом, как отмечает профессор Р. Вольфрум, понимание докладчиком КМП Р. Аго этого различия «почти противоположно» классическому подходу»[51]. Из-за подобной критики в проекте статей, принятом Комиссией в 2001 г., не было никаких следов различия, предложенного итальянским профессором Р. Аго. Обязательства по поведению кратко рассмотрены в проекте статей «о предотвращении трансграничного вреда от опасной деятельности» (с комментариями), принятых КМП в 2001 г.[52] Комментируя обязанность предотвращать трансграничный вред, Комиссия квалифицирует ее как обязанность проявлять должную осмотрительность (*due diligence*) и указывает, что фактически «именно поведение государства происхождения определит, выполнило ли государство свои обязательства в соответствии с настоящими статьями. Однако обязанность проявлять *due diligence* не предусматривает обеспечения гарантии полного предотвращения значительного вреда, если это невозможно. В этом случае государство происхождения обязано, как отмечалось выше, приложить все возможные усилия для минимизации риска. В этом смысле оно не гарантирует, что вред не произойдет». Таким образом, системно эти виды международных обязательств не регулируются, трактовка указанных международных обязательств проистекает сегодня из практики международных судов и доктрины.

Обязательства поведения требуют от государств предпринять определенные действия или воздержаться от них, не гарантируя при этом

[50] Draft Articles on State Responsibility with Commentaries Thereto Adopted by the International Law Commission on First Reading, January 1997, 97-02583 [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_1996.pdf (дата обращения: 01.07.2026).
[51] Wolfrum R. Obligation of Result Versus Obligation of Conduct: Some Thoughts About the Implementation of International Obligations / R. Wolfrum // Looking to the Future: Essays on International Law in Honor of W. Michael Reisman / ed. by M. H. Arsanjani [et al.]. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. P. 363-383.
[52] Проекты статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp5.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

достижения конкретного результата. В экологической сфере к таким обязательствам относится, например, обязанность проводить оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) для потенциально вредоносных деятельностей[53]. Статья 14 (1(a)) Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. требует от государств внедрять «соответствующие процедуры, требующие проведения экологической экспертизы своих предлагаемых проектов, которые могут оказывать существенное неблагоприятное воздействие на биологическое разнообразие, в целях предупреждения или сведения к минимуму таких последствий…»[54]. Международный суд ООН в деле *Pulp Mills on the River Uruguay* (2010) подтвердил, что проведение ОВОС является «требованием в соответствии с общим международным правом» для деятельности, способной причинить значительный трансграничный вред[55]. Другой пример – это обязательство уведомлять затрагиваемые государства о потенциально вредоносной деятельности. Принцип 19 Декларации Рио-де-Жанейро 1992 г. устанавливает: «Государства направляют государствам, которые могут оказаться затронутыми, предварительные и своевременные уведомления и соответствующую информацию о деятельности, которая может иметь значительные негативные трансграничные последствия, и проводят консультации с этими государствами на раннем этапе и в духе доброй воли»[56]. Обязательство проводить консультации с заинтересованными государствами (ст. 206 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) требует от государств следующее: когда имеются «разумные основания полагать, что намечаемая деятельность под их юрисдикцией или контролем может вызвать существенное загрязнение морской среды или привести к значительным и вредным изменениям в ней, они в той мере, в какой это практически

[53] Кузьменко Э. Ю. Институт оценки воздействия на окружающую среду в международном экологическом праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Кузьменко Эльвира Юрьевна. Казань, 2020. 423 с.
[54] Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-ru.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
[55] Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports. 2010. P. 14.
[56] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

осуществимо, оценивают потенциальные последствия такой деятельности для морской среды и передают доклады о результатах этой оценки …»[57].

Обязательства результата требуют достижения определенного материального результата, предоставляя государствам свободу выбора средств. Примером может служить определение количественных целевых показателей по сокращению выбросов парниковых газов. Так, Киотский протокол 1997 г. (Приложение B) устанавливал для стран Приложения I конкретные количественные обязательства по ограничению и сокращению выбросов на период 2008–2012 гг. (например, для Европейского союза – 92 % от уровня 1990 г., для России – 100 %)[58]. Парижское соглашение 2015 г., основанное на «определяемых на национальном уровне вкладах» (ОНУВ), устанавливает в статье 2 долгосрочный целевой показатель: удержание прироста глобальной средней температуры «намного ниже 2 °C» и приложение усилий для ограничения роста до 1,5 °C. Международный суд ООН недавно глубоко проанализировал обязательства по климатическими иным связанным договорам (о чем подробнее речь пойдет ниже)[59]. Другим примером может служить регулирование целевых показателей по сохранению биоразнообразия. Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия 2022 г. устанавливает 23 целевых показателя, включая: «обеспечение к 2030 г. того, чтобы не менее 30 % деградированных наземных, внутренних водных, прибрежных и морских экосистем подверглись эффективному восстановлению; обеспечение того, чтобы не менее 30 % наземных и внутренних водных районов, а также прибрежных и морских

[57] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

[58] Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (Киото, 11 декабря 1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

[59] Солнцев А. М. Обязательства государств в отношении климата: консультативное заключение Международного Суда ООН 2025 года / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2025. Т. 15. №4 (56). С.3-25.

районов эффективно сохранялись и управлялись через системы охраняемых территорий» [60].

ИТЛОС в консультативном заключении от 21 мая 2024 года подчеркнул, что обязательство государств по защите морской среды (статьи 192–194 Конвенции ООН по морскому праву) является обязательством *due diligence*, то есть обязательством поведения, а не результата: государства обязаны применять наилучшие доступные средства и приложить все усилия, но не гарантируют полного предотвращения загрязнения[61].

Также в рамках первого подхода классификации можно выделить *материальные* и *процессуальные обязательства.* Материальные обязательства определяют субстантивные стандарты защиты окружающей среды, например обязанность не причинять значительного трансграничного экологического вреда. Принцип 21 Стокгольмской декларации 1972 г. и принцип 2 Декларации Рио 1992 г. устанавливают, что государства имеют суверенное право разрабатывать свои природные ресурсы, но «несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции»[62]. Другой пример — это обязательство применять принцип предосторожности (*precautionary principle*). Принцип 15 Декларации Рио гласит: «В целях защиты окружающей среды государства в зависимости от своих возможностей широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения

[60] Куньмин-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-15/cop-15-dec-04-ru.pdf (дата обращения: 01.08.2026).
[61] Солнцев А. М. Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 года об изменении климата / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 4 (52). С. 38-49.
[62] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

состояния окружающей среды»[63]. Хотя юридический статус принципа предосторожности остается дискуссионным как в доктрине международного права, так и в судебной практике и позиционируется в диапазоне «статус международного обычая – политический ориентир»[64].

Процессуальные обязательства устанавливают процедурные гарантии «экологической демократии». К ним, например, относятся три вида международных экологических обязательств, которые кодифицированы в Орхусской конвенции 1998 г. и Эскасусской конвенции 2018 г.: 1) доступ к экологической информации (например, ст. 4 Орхусской конвенции 1998 г. детально регламентирует право каждого лица на доступ к экологической информации, находящейся в распоряжении государственных органов, без необходимости обосновывать заинтересованность); 2) участие общественности в принятии экологически значимых решений (например, ст. 6 Орхусской конвенции требует «раннего, эффективного и действенного» участия общественности на этапе, «когда все варианты открыты» и может быть обеспечено эффективное участие); 3) доступ к правосудию по экологическим вопросам (ст. 9 Орхусской конвенции гарантирует право на обжалование решений, нарушающих экологическое законодательство).

2) Классификация международных экологических обязательств по степени конкретизации. Первый подход заключается в делении на конкретные и абстрактные обязательства. Конкретные обязательства формулируются с использованием измеримых показателей, например таких как количественные целевые показатели Киотского протокола (сокращение выбросов на определенный процент от базового уровня 1990 г.). В качестве другого примера может служить график поэтапного отказа от озоноразрушающих веществ в Монреальском протоколе 1987 г. Статья 2 Протокола устанавливает для каждого контролируемого вещества

---

[63] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[64] Zander J. The Application of the Precautionary Principle in Practice: Comparative Dimensions / J. Zander. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 376 p.

(хлорфторуглероды, галоны, четыреххлористый углерод и др.) конкретные сроки сокращения производства и потребления: «Каждая Сторона обеспечивает, чтобы на период с 1 июля 1991 года по 31 декабря 1992 года ее расчетный уровень потребления контролируемых веществ, включенных в Группу I Приложения A, не превышал 150 процентов от ее расчетного уровня потребления в 1986 году»[65]. Последующие поправки (Лондонская 1990 г., Копенгагенская 1992 г., Монреальская 1997 г., Пекинская 1999 г., Кигалийская 2016 г.) ужесточали международные экологические обязательства.

Абстрактные обязательства формулируются с использованием оценочных категорий, например обязанности применять «наилучшие доступные технологии»[66]. Например, п. 3b статьи 2 Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. требует применения «наилучших имеющихся технологий, которые экономически осуществимы»[67]. Содержание понятия «наилучшие имеющиеся технологии» является динамическим и эволюционирует по мере технологического прогресса. Другим примером может служить обязанность предпринимать «все надлежащие меры». Статья 1 Конвенции о биологическом разнообразии требует, чтобы государства обеспечивали «сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование его компонентов и совместное получение на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов»[68]. Международный трибунал по морскому праву (ИТЛОС) в консультативном заключении 2024 г. указал, что обязанность государств «принимать все необходимые меры» для защиты морской среды (ст. 194 Конвенции ООН по морскому праву) является

---

[65] Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (Монреаль, 16 сентября 1987 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 01.07.2026).

[66] В России это международное экологическое обязательство системно имплементировано, прежде всего базово в ст. 28.1. «Наилучшие доступные технологии» Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

[67] Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 13 ноября 1979 г.) // United Nations Treaty Series. 1979. Vol. 1302. P. 217.

[68] Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-ru.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

динамическим стандартом, содержание которого эволюционирует в соответствии с развитием научного знания и появлением новых угроз, включая изменение климата[69].

Второй подход в рамках этой категории обязательств подразумевает деление на детерминированные и дискреционные обязательства. Детерминированные обязательства не предоставляют государствам свободы усмотрения, то есть действуют абсолютные запреты. Например, п. 3 статьи 3] Минаматской конвенции о ртути 2013 г. запрещает создание новых ртутных рудников: «Ни одна Сторона не разрешает первичную добычу ртути, если она не велась на ее территории на дату вступления в силу настоящей Конвенции для этой Стороны»[70]. Другой пример, статья 4 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов 1989 г. устанавливает категорический запрет на экспорт опасных отходов в государства, не являющиеся сторонами Конвенции[71].

Дискреционные обязательства, напротив, предоставляют государствам право выбора средств. Примером является система ОНУВ в рамках Парижского соглашения 2015 г., пункт 2 статьи 4 которого гласит: «Каждая Сторона подготавливает, сообщает и сохраняет последовательные определяемые на национальном уровне вклады, которых она намеревается достичь. Стороны принимают внутренние меры по предотвращению изменения климата, с тем чтобы достичь целей таких вкладов»[72]. Однако Парижское соглашение 2015 г. не устанавливает количественных параметров этих вкладов, государства добровольно определяют амбициозность своих обязательств, которые затем подвергаются международному обзору.

---

[69] Солнцев А. М. Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 года об изменении климата / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 4 (52). С. 38-49.

[70] Минаматская конвенция по ртути (Кумамото, 10 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/99/36/02/1242.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

[71] Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.basel.int/Portals/4/download.aspx?e=UNEP-CHW-IMPL-CONVTEXT-2019.Russian.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

[72] Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

3) Классификация международных экологических обязательств по субъектам. Во-первых, здесь мы можем выделить обязательства индивидуальные и коллективные. Индивидуальные обязательства возлагаются на каждое государство отдельно. Так, например, обязательства Приложения I Киотского протокола устанавливали для каждой страны индивидуальный целевой показатель сокращения выбросов. Примером коллективного обязательства может служить обязательство развитых стран по мобилизации 100 млрд долл. США ежегодно для поддержки развивающихся стран в рамках Парижского соглашения (ст. 9). Данное обязательство является предметом споров, поскольку не определяет доли каждого развитого государства. Было принято совместное обязательство Европейского союза по сокращению выбросов на 20 % к 2020 г., и ЕС, надо отметить, успешно перевыполнил эту задачу. Киотский протокол позволяет группе государств коллективно выполнять обязательства с внутренним перераспределением усилий.

Во-вторых, нами выделяются обязательства *erga omnes* и обязательства *erga omnes partes* (на наш взгляд, эта категория международных экологических обязательств крайне важна, поэтому мы детально проанализируем ее отдельно в следующем параграфе). Международный суд ООН в деле *Barcelona Traction* (1970) ввел концепцию обязательств *erga omnes* – обязательств перед международным сообществом в целом, в выполнении которых все государства имеют юридический интерес. Применительно к экологической сфере консультативное заключение МС ООН от 23 июля 2025 года «Обязательства государств в отношении изменения климата» квалифицировало обязательства по защите климатической системы как обязательства *erga omnes*, что означает: любое государство вправе требовать их соблюдения, независимо от причинения прямого ущерба его территории или населению[73]. Комиссия

[73] Солнцев А. М. Обязательства государств в отношении климата: консультативное заключение Международного Суда ООН 2025 года / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2025. Т. 15. №4 (56). С. 3-25.

международного права в Статьях об ответственности государств 2001 г. (ст. 48) разграничивает обязательства *erga omnes* (перед международным сообществом в целом) и обязательства *erga omnes partes* (перед всеми участниками многостороннего договора). Примером последних являются обязательства по защите озонового слоя в рамках Монреальского протокола 1987 г. – любое государство-участник вправе требовать соблюдения обязательств всеми участниками.

4) Классификация международных экологических обязательств по временны́м параметрам. Во-первых, следует различать немедленные и отсроченные обязательства. Немедленные обязательства вводятся в действие сразу после вступления договора в силу для данного государства. Так, обязательство уведомлять о ядерных авариях по Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г. действует немедленно. Отсроченные обязательства начинают действовать после истечения переходного периода. В качестве примера можно привести график поэтапного отказа от озоноразрушающих веществ: статья 5 Монреальского протокола 1987 г. предоставляет развивающимся странам отсрочку на 10 лет по сравнению с развитыми странами.

Во-вторых, можно выделить постоянные и периодические обязательства. Постоянные обязательства действуют непрерывно, например обязательство в виде международного обычая не причинять трансграничный экологический вред действует постоянно. Периодические обязательства связаны с определенными временны́ми рамками. Примерами могут служить: обязательства по сокращению выбросов в период 2008–2012 гг. (первый период Киотского протокола) и 2013–2020 гг. (второй период по Дохийской поправке 2012 г. для тех, кто присоединился к ней); пятилетние циклы пересмотра ОНУВ в рамках Парижского соглашения (п. 9 ст. 4).

5) Классификация международных экологических обязательств по территориальной сфере применения. Во-первых, можно выделить обязательства в отношении территорий под юрисдикцией государства.

Большинство международных экологических обязательств касаются деятельности на территории государства или под его юрисдикцией/контролем. Статья 194(2) Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. гласит: «Государства принимают все меры, необходимые для обеспечения того, чтобы деятельность под их юрисдикцией или контролем осуществлялась таким образом, чтобы она не причиняла ущерба другим государствам и их морской среде путем загрязнения и чтобы загрязнение, являющееся результатом инцидентов или деятельности под их юрисдикцией или контролем, не распространялось за пределы районов, где они осуществляют суверенные права в соответствии с настоящей Конвенцией»[74].

Ряд международных экологических обязательств касается защиты общих пространств, не подпадающих под национальную юрисдикцию, например космического пространства, озонового слоя, климатической системы, открытого моря или Антарктики. Так, Договор об Антарктике 1959 г. и Протокол по охране окружающей среды 1991 г. (Мадридский протокол) устанавливают режим всеобъемлющей охраны окружающей среды Антарктики, включая запрет любой деятельности, связанной с минеральными ресурсами, за исключением научных исследований (ст. 7)[75].

6) Классификация по характеру правовых последствий нарушения. Данная классификация представляется крайне важной для нашего исследования. Во-первых, мы отмечаем обязательства с судебными/арбитражными механизмами обеспечения выполнения экологических обязательств. Ряд МЭС предусматривает обязательные судебные или арбитражные процедуры разрешения споров. Например, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (Ч. XV) устанавливает обязательные механизмы разрешения споров через

[74] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

[75] Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадрид, 4 октября 1991 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.ats.aq/r/protocol.html (дата обращения: 01.07.2026).

ИТЛОС, Международный суд ООН или арбитраж[76], а Конвенция ОСПАР 1992 г. (ст. 32) предусматривает обязательный арбитраж для споров о толковании или применении Конвенции. Во второй главе диссертации мы подробно проанализируем соответствующую практику.

Во-вторых, можно выделить обязательства с квазисудебными механизмами выполнения. Большинство МЭС основано на такой модели, нацеленной не на наказание нарушителей международных экологических обязательств, а на оказание помощи в выполнении обязательств. Например «процедура соблюдения» Монреальского протокола 1987 г. предусматривает техническую и финансовую поддержку государствам, испытывающим трудности, через Многосторонний фонд. Комитет по имплементации и соблюдению[77] Парижского соглашения 2015 г. (п. 2 ст. 15) «имеет стимулирующий характер» и «функционирует транспарентным, невраждебным и ненаказательным образом»[78]. Деятельность этих механизмов будет подробно проанализирована в главе 4 диссертации. Также подчеркнем, что ввиду экологизации международного права прав человека договорные органы ООН по правам человека также анализируют международные экологические обязательства и имеют сходные «ненаказательные» функции (подробнее о них будет сказано в главе 3 диссертации).

7) Дополнительные критерии классификации международных экологических обязательств. Во-первых, выделим здесь деление обязательств по принципу дифференциации. Единообразные обязательства применяются ко всем государствам одинаково. Таков, например, запрет сброса радиоактивных отходов в море (п. 4 ст. 1) Лондонской конвенции 1972 г. с поправками 1993 г.). Дифференцированные обязательства учитывают различия в возможностях государств. Примером может служить требование общей, но

[76] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

[77] Paris Agreement Implementation and Compliance Committee (PAICC) // United Nations Framework Convention on Climate Change: [сайт]. URL: https://unfccc.int/ru/node/631534 (дата обращения: 01.07.2026).

[78] Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

дифференцированной ответственности, закрепленное в принципе 7 Декларации Рио-де-Жанейро и пункте 1 статьи 3 РКИК ООН. Развитые страны несут более строгие обязательства в силу их исторической ответственности за создание глобальных экологических проблем и бóльших экономических возможностей. В то же время специальные положения для наименее развитых стран и малых островных развивающихся государств предоставляют последним отсрочки, финансовую и техническую помощь (ст. 5 Монреальского протокола 1987 г.)[79].

Важной особенностью международных экологических обязательств является их динамический характер. В отличие от статичных обязательств в иных сферах международного права, экологические обязательства постоянно эволюционируют по трем причинам. Во-первых, это развитие научного знания**.** Обязательства адаптируются к новым научным данным о масштабе и характере экологических угроз. МГЭИК регулярно пересматривает оценку климатических рисков, что влияет на амбициозность обязательств государств и представление ОНУВов. Во-вторых, это постоянная эволюция технологического прогресса. Содержание обязательства применять «наилучшие доступные технологии» меняется по мере появления новых технологий. То, что считалось «наилучшим» в 1990-е годы, может быть устаревшим в 2020-е. И, в-третьих, это сравнительно новое явление в праве – механизм «прогрессивной амбициозности». Парижское соглашение (п. 3 ст. 4) требует, чтобы каждый последующий ОНУВ государства представлял собой «прогресс» по сравнению с предыдущим, не допуская регресса (*non-regression principle*)[80]: «Каждый последующий определяемый на национальном уровне вклад Стороны будет представлять собой продвижение вперед сверх текущего определяемого на национальном уровне вклада и отражает ее как можно более

[79] Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (Монреаль, 16 сентября 1987 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 01.07.2026).

[80] Mitchell A. D. An International Law Principle of Non-Regression from Environmental Protections / A. D. Mitchell, J. Munro // International & Comparative Law Quarterly. 2023. Vol. 72. No. 1. P. 35-71.

высокую амбициозность»[81]. Международный суд ООН в консультативном заключении о климате 2025 г. подтвердил динамический характер обязанности государств по защите климатической системы: содержание обязательства должной осмотрительности не является статичным, а эволюционирует в соответствии с актуальным научным консенсусом и возможностями государств[82].

Также крайне существенным и определяющим для нашего исследования является категория «экологизации», благодаря которой международные экологические обязательства появляются в других отраслях международного права. Международные экологические обязательства не существуют изолированно, но взаимодействуют с международными обязательствами в иных сферах международного права. Во-первых, это международное право прав человека**.** Региональные суды по правам человека (Европейский суд, Межамериканский суд и Африканский суд) признали, что международные экологические обязательства государств вытекают из позитивных обязательств по защите права на жизнь, права на уважение частной жизни, права на эффективное средство правовой защиты. Решение ЕСПЧ по делу *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland* установило, что недостаточно эффективная климатическая политика Швейцарии нарушает статью 8 ЕКПЧ[83]. Во-вторых, это международное торговое право**.** Возникают потенциальные конфликты между экологическими мерами и обязательствами в рамках ВТО. Углеродные пограничные корректировки (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM ЕС) могут рассматриваться как нарушение принципа недискриминации (ст. I и III ГАТТ), что требует применения исключений для защиты окружающей среды (пп. b и g ст. XX ГАТТ). В-

[81] Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
[82] Солнцев А. Обязательства государств в отношении климата: консультативное заключение Международного Суда ООН 2025 года // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 4 (56). С. 3–25.
[83] Гальперин М. О «зеленом» переходе и процессуальной революции: обзор постановлений Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2024 года по делам Карем против Франции (жалоба №7189/21), Дуарте Агустино и другие против Португалии и 32 других (жалоба 39371/20), Верейн Климасеньоринен Швайц и другие против Швейцарии (жалоба №53600/20) / М. Гальперин // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 2 (50). С. 3-19.

третьих, это международное инвестиционное право. Климатические меры государств (закрытие угольных электростанций, отказ от нефтегазовых проектов) могут квалифицироваться как экспроприация иностранных инвестиций, что порождает споры в инвестиционных арбитражах. Международные механизмы, нацеленные на обеспечение выполнения международных экологических обязательств, вытекающих из различных отраслей международного права, будут рассмотрены в главах 2 и 3 диссертации.

Классификация международных экологических обязательств демонстрирует их сложную, многоуровневую природу. В отличие от традиционных международных обязательств, экологические обязательства характеризуются: многообразием форм – от жестких количественных целевых показателей до мягких политических обязательств; динамическим характером – постоянной эволюцией в соответствии с развитием научного знания и технологий; кооперативной природой – преобладанием механизмов содействия над принудительными; дифференциацией – учетом различий в возможностях государств через принцип общей, но дифференцированной ответственности; интеграцией – тесной связью с обязательствами в сфере прав человека, торговли, инвестиций. Понимание классификации международных экологических обязательств имеет критическое значение для оценки эффективности международного экологического права и разработки более совершенных механизмов обеспечения их соблюдения в условиях обостряющегося тройного планетарного кризиса.

Проклассифицировав обязательства, перейдем к анализу источников международных экологических обязательств и проанализируем по отдельности экологические обязательства: вытекающие из международных договоров; вытекающие из обычного международного права; вытекающие из общих принципов права; вытекающие из решений международных судов и арбитражей; вытекающие из односторонних действий государств; вытекающие из обязательных решений международных организаций.

Конечно, следует отдельно отметить важную роль судебных решений и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в выявлении и толковании содержания экологических обязательств.

Международные соглашения как основной источник возникновения международных экологических обязательств.

Международное экологическое право (МЭП) является динамично развивающейся отраслью международного публичного права. Действующие сегодня международные экологические соглашения (МЭС) охватывают широкий круг вопросов охраны окружающей среды, включая регулирование опасных химических веществ и отходов, предотвращение загрязнений и борьбу с ними, опустынивание, рациональное использование и сохранение природных ресурсов, сохранение биоразнообразия и дикой живой природы, а также защиту экологических прав человека. Практика заключения МЭС стала широко применяться в международных отношениях лишь с середины XX в., хотя эпизодически международные договоры, содержавшие положения, направленные на защиту окружающей среды, заключались и ранее (например, в части регулирования рыболовства на трансграничных реках).

Одни эксперты утверждают, что «экологическое право не имеет большой истории»[84], другие – что «международные договоры в этой области международного сотрудничества стали появляться не более двух столетий назад»[85]. Такие подходы видятся нам ошибочными. Конечно, сам термин «экологическое право» не использовался ни в одном языке до середины XX в.[86], но были нормы, направленные на защиту, сохранение и использование природных ресурсов, и соответствующие международные и национальные обязательства. Тем более, споры о доступе к природным ресурсам, безусловно

[84] Schorr D. Historical Analysis in Environmental Law / D. Schorr // The Oxford Handbook of Legal History / ed. by M. D. Dubber and C. Tomlins. Oxford University Press, 2018. P. 1001.
[85] Там же.
[86] Интересно отметить, что проф. Н. Робинсон отмечает наличие экологических норм еще в Лесной Хартии 1217 г.: Robinson N. A. The Charter of the Forest: Evolving Human Rights in Nature / N. A. Robinson // The Impact of Environmental Law: Stories of the World We Want / ed. by D. B. Magraw [et al.]. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 54-74.

относящиеся к сегодняшней сфере действия экологического права, были предметом разногласий за несколько тысячелетий до нашего времени. Так, первый известный человечеству международный договор двух шумерских городов-государств Лагаша и Уммы, датируемый 2550 г. до н. э.[87], и решение третейского суда в отношении них, касались вопросов природопользования, а именно использования трансграничной реки[88].

Определенная интенсификация разработки международных соглашений, содержавших нормы по охране окружающей среды, началась в XVIII–XIX вв. По поводу этого периода профессор О. С. Колбасов отмечал следующее: «с развитием судоходства на международных реках, океанического рыболовства и хищнического зверобойного промысла, появлением конкурирующих государственных экономических интересов относительно природной среды возникла необходимость регламентации поведения природопользователей таким образом, чтобы элементарно согласовывать эксплуатационные действия, разграничивать сферы господства, распределять природные ресурсы, предотвращать конфликты, сохранять источники сырья и благоприятные условия природопользования»[89]. Профессор М. Н. Копылов, касаясь раннего периода развития международного регулирования вопросов использования и защиты окружающей среды, указывал, что в то время «предпринимались разрозненные усилия на двустороннем субрегиональном и региональном уровнях по защите и сохранению отдельных объектов живой природы»[90]. Примерами подобных соглашений могут служить соглашение об использовании трансграничной реки – Договор, заключенный между ее величеством Императрицей Австрии, выступавшей как Герцогиня Милана, и ее светлостью Республикой Венецией, об определении границ относительно свободного течения вод пограничной реки Олио и использования их для

[87] Подробнее о трудностях датировки см.: Малиновский А. Международное договорное нормотворчество как политический процесс / А. Малиновский, Е. Трикоз // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2. С. 6-30.
[88] Sand P. H. Environmental Dispute Resolution 4,500 Years Ago: The Case of Lagash v Umma / P. H. Sand // Yearbook of International Environmental Law. 2019. Vol. 30. No. 1. P. 137-142.
[89] Колбасов О. С. Международное экологическое право на пороге XXI века / О. С. Колбасов // Российский ежегодник международного права. 1996-1997. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 1998. С. 120-135.
[90] Международное право / [А. Х. Абашидзе и др.]; под общ. ред. А. Я. Капустина. М.: Гардарики, 2008. 617 с.

рыболовства (Ваприо, 17.08.1754)[91] и Конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции (Париж, 02.08.1839)[92]. Также известным примером является подписанный в 1856 г. Договор о границе между Францией и Испанией по реке Бидасоа, статья 22 которого была прямо направлена на «предотвращение уничтожения рыбы в реке».[93]

Профессор Н. А. Захаров в начале XX в. выделял четыре сферы экологического сотрудничества государств: охрана рыболовства и морских животных; борьба с филлоксерой (тля, завезенная в Европу в конце XIX в., которая нанесла серьезный ущерб виноградарству, поскольку европейские сорта винограда не были устойчивы к вредителю); охрана животного мира, полезного человеку; договоры о развитии сельского хозяйства[94]. В частности, он упомянул о таких договорах рубежа XIX–XX вв., как: Договор о регулировании рыболовства в Северном море (Гаага, 06.05.1882 г.), договоры о морских котиках 1894 и 1897 гг., международные конвенции по борьбе с филлоксерой 1878 и 1881 гг.[95], Лондонское соглашение об охране животных, полезных человеку и интересных для науки в Африке, и регламентации охоты на них (Лондон, 19.05.1900)[96], Парижская конвенция по охране птиц, полезных для сельского хозяйства (Париж, 19.03.1902)[97] и Римское соглашение о Международном сельскохозяйственном институте (предшественник ФАО) 07.06.1905 г.[98]

---

[91] International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents. Second Series: Continuation of Volumes I–XXX (1754-1981) / compiled and ed. by B. Rüster, B. Simma; assisted by A. Schmidt, G. Marx/Zimmerer. Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana Publications, 1990-1995. 5 vols. (loose-leaf).

[92] Международные соглашения по охране природы: сборник документов / [сост. В. А. Чичварин]. М.: Юридическая литература, 1966. 420 с.

[93] Bidassoa Boundary Treaty between France and Spain (1856) // United Nations Treaty Series. 1979. Vol. 1142. Registration No. II-838. P. 371.

[94] Захаров Н. А. Курс общего международного права / Н. А. Захаров. Петроград: Тип. Д.П. Вейсбрут, 1917. 464 с.

[95] В конвенциях участвовали Австро-Венгрия, Германия, Португалия, Франция, Швейцария, Бельгия, Италия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Румыния, Сербия.

[96] В Соглашении участвовали Германия, Испания, Конго, Франция, Великобритания, Италия и Португалия.

[97] В Конвенции участвовали Австро-Венгрия, Германия, Бельгия, Испания, Франция, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Швеция, Швейцария и Португалия.

[98] В соглашении участвовали более 40 государств, включая Россию.

В конце XIX в. было вынесено уникальное в своем роде решение по межгосударственному спору *«О морских котиках Берингова моря»* (1893), немало способствовавшее защите морских живых ресурсов[99].

Нарастающая озабоченность международного сообщества по поводу необходимости сохранения биологического разнообразия, которое неуклонно сокращалось ввиду хищнического истребления, нашла отражение в проведении первой международной экологической конференции, которая прошла в Берне в 1913 г. и стала важным этапом в формировании глобального экологического движения. В ней участвовали представители 17 стран, включая ученых, политиков и общественных деятелей. Основными темами обсуждения были: защита редких видов животных и растений; сохранение лесов и природных ландшафтов; необходимость международного сотрудничества в охране природы; необходимость создания международной комиссии по охране окружающей среды[100]. На наш взгляд, это было крайне важное начало глобального сотрудничества в сфере защиты окружающей среды, которое, к сожалению, прервалось из-за двух мировых войн.

Период от начала Первой мировой войны до конца Второй мировой войны нельзя назвать успешным для развития международного экологического права в целом и для принятия МЭС в частности, хотя в Лиге Наций предпринимались определенные шаги по кодификации и прогрессивному развитию этой отрасли международного права: были подписаны Женевская конвенция о китобойном промысле 1931 г. и Лондонское международное соглашение о регулировании китобойного промысла 1937 г.; велись переговоры о создании конвенции по борьбе с нефтяными загрязнениями, прерванные началом Второй мировой войны; обсуждались вопросы борьбы с незаконной торговлей лесом, а также проблемы санитарии в сельской местности[101].

---

[99] Солнцев А. М. Практикум по международному экологическому праву / А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2011. С.13-21.

[100] Подробнее см.: Абашидзе А. Х. Первая международная экологическая конференция – Конференция по международной охране природы (Берн, 1913 г.) / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Экологическое право. 2006. № 4. С. 2-4.

[101] Подробнее см.: Aloni O. The League of Nations and the Protection of the Environment / O. Aloni. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 384 p.

Прежде чем перейти к рассмотрению развития международного экологического сотрудничества в эпоху ООН, следует отметить историческое решение международного арбитража по делу *«Трейл Смелтер»* (США против Канады, 1938, 1941)[102]. Арбитраж установил, что плавильный завод в г. Трейле (Канада) стал причиной ущерба в США (штат Вашингтон). Это решение уникально сразу по нескольким критериям. Дело рассматривалось в связи с нарушением Канадой принципов международного права при отсутствии на тот момент договорных норм в сфере защиты от нанесения экологического ущерба. Арбитраж по делу *«Трейл Смелтер»* постановил, что «в соответствии с принципами международного права, как и права США, никакое государство не имеет права использовать или разрешать использовать свою территорию таким образом, чтобы это причиняло… ущерб территории другого государства либо собственности или лицам на ней, если случай имеет серьезные последствия, а наличие ущерба установлено ясным и убедительным доказательством»[103]. Данная юридическая формула стала основой принципа международного права, запрещающего причинять ущерб окружающей среде других государств или районов, находящихся за пределами действия национальной юрисдикции[104], закрепленного позднее в Стокгольмской декларации 1972 г. (принцип 21) и Декларации Рио-де-Жанейро 1992 г. (принцип 2). Ведь государство, предъявляя претензию относительно ущерба окружающей среде к государству, где находится источник загрязнения, выступает *de facto* не от имени своих граждан (то есть оно не осуществляет дипломатической защиты), но скорее защищает свое собственное право на то, чтобы его территория не подвергалась вредному воздействию в результате деятельности, проводимой в рамках иностранной юрисдикции.

---

[102] Trail Smelter Case (USA v. Canada), Award of 11 March 1941, 3 UNRIAA, 1905 [Электронный ресурс]. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-trail-smelter-case-united-states-of-america-canada-award-tuesday-11th-march-1941 (дата обращения: 26.08.2026).

[103] См.: UN Reports of International Arbitral Awards. 1949. Vol. 3. P. 1965.

[104] См., например: Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право: учеб. пособие / М. Н. Копылов. М.: РУДН, 2007. С. 199.

Подчеркнем, что исторические решения международного арбитража по делам *«О морских котиках»* (1893) и *«Трейл Смелтер»* (1938, 1941) сыграли важную роль в выработке некоторых фундаментальных принципов, лежащих в основе международного экологического права, а также конкретизации международных экологических обязательств. Все это происходило при отсутствии соответствующих договорных норм.

Создание ООН и научное осознание важности экологических проблем интенсифицировали развитие международного экологического права. Первая крупная конференция ООН, посвященная экологическим проблемам, прошла в 1972 г. в Стокгольме[105]. С тех пор в течение уже более 50 лет экологические проблемы широко обсуждаются на международном уровне, они стали источником международной нестабильности, а некоторые из них – даже угрозой миру и безопасности. Так, проблема изменения климата уже неоднократно обсуждались на заседаниях Совета Безопасности ООН и упоминалась в его резолюциях[106].

Более того, именно в недрах международного экологического права зародилась концепция устойчивого развития, которая уже почти 40 лет является главенствующей идеей развития международного сообщества в целом: в 1980 г. Международный союз охраны природы (МСОП) опубликовал Всемирную природоохранную стратегию, которая включала одну из первых ссылок на устойчивое развитие как глобальный приоритет и вводила в оборот термин «устойчивое развитие»[107]. В 1983 г. ГА ООН создала Международную комиссию по окружающей среде и развитию в качестве независимого органа, но связанного с системой ООН. Возглавила ее госпожа Гро Харлем Брундтланд[108] (отсюда и другое название этой Комиссии – «Комиссия

---

[105] Подробнее см.: Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. М.: РУДН, 2007. С. 13–16.

[106] Абашидзе А. Х. Изменение климата и поддержание международной безопасности / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 11-14.

[107] World Conservation Strategy: Living Resource Conservation for Sustainable Development. International Union for Conservation of Nature and Natural Resources (1980) [Электронный ресурс]. URL: https://www.a21italy.it/medias/31C2D26FD81B0D40.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[108] Известный политический деятель. Занимала следующие посты: министр Норвегии по проблемам окружающей среды (1974-1979), премьер-министр Норвегии (1981, 1986-1989, 1990-1996), Генеральный

Брундтланд»). В 1987 г. Комиссия Брундтланд опубликовала результаты проведенных исследований в виде Доклада «Наше общее будущее»[109], который вывел концепцию устойчивого развития с научного уровня на межгосударственный. Комиссия Брундтланд послужила основой для созыва международной конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992). По ее итогам была принята Декларация принципов, в рамках которой концепция «устойчивое развитие» нашла отражение в 12 из 27 принципов[110]. Надо отметить, что сегодня эта концепция весьма видоизменилась и преобразовалась в 17 Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), детализированных в 169 задачах, которые международное сообщество обязалось достичь до 2030 г.[111] Многие ученые критически воспринимают эту концепцию. Например, по мнению П. С. Королева: «На уровне доктрины международного права также наблюдаются принципиально различающиеся понимания концепции развития, в которой наибольшая значимость придается “устойчивому развитию”, формально хоть и признающее требование соблюдения баланса между экономическим, социальным и экологическим измерениями устойчивого развития, но в действительности ставящей акцент главным образом на экологических аспектах, касающихся экологических ограничений, которые лишают государства Глобального Юга возможности использовать собственные природные ресурсы и богатства на благо национального развития»[112]. И далее подчеркивает, «что концепция устойчивого развития в ее нынешней трактовке и применении на практике

директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (1998-2003). Трижды избиралась на пост премьер-министра. С 1 мая 2007 года – Специальный посланник Генерального секретаря ООН по вопросам изменения климата. Подробнее см.: Брундтланд Гру Харлем // Международное право-International Law. 2001. № 1. С. 404-405.

[109] Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 376 с.

[110] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[111] Резолюция ГА ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F70%2F1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False (дата обращения: 13.07.2026).

[112] Королев П. С. Концепция развития ООН (международно-правовые аспекты): дис… канд. юрид. наук: 5.1.5 / Королев Павел Сергеевич. Москва, 2026. С. 4.

посягает на пространство для национального стратегического маневра в деле обеспечения поступательного экономического и социального развития развивающихся стран.»[113]

Выдающийся математик и философ академик Н. Н. Моисеев критиковал концепцию устойчивого развития за бюрократический подход и игнорирование экологических пределов. Для спасения человечества от катастрофы он предлагал радикальную смену курса и переход к «экологическому социализму» и даже более того – к «христианскому экологическому социализму»[114]. Н. Н. Моисеев считал словосочетание «устойчивое развитие» лингвистическим оксюмороном, поскольку слова «развитие» и «устойчивость» (стабильность) противоречат друг другу. Моисеев подчеркивал, что это понятие было искажено политиками и чиновниками в угоду капиталистической экономике, которая требует постоянного роста. Он предлагал рассматривать устойчивое развитие не как состояние стабильности, а как «стратегию переходного периода». Целью этого периода должен стать переход к коэволюции – гармоничному, согласованному сосуществованию человеческого общества и природы.

Подчеркнем, что, на наш взгляд, дискурс по устойчивому развитию междисциплинарен, в него вовлечены экономисты, социологи, правозащитники, политологи. И с нашей точки зрения, это выхолащивает и без того уязвимую концепцию, в ней остается все меньше экологического содержания в угоду экономическому развитию, что приводит к потере баланса в международном развитии. Порой напускается «экологический туман»[115] (гринвошинг), когда политики и экономисты прикрываются псевдоэкологическими целями для достижения экономической выгоды. Гринвошинг – это практика, при которой компания, продукт или услуга

[113] Королев П. С. Концепция развития ООН (международно-правовые аспекты): дис… канд. юрид. наук: 5.1.5 / Королев Павел Сергеевич. Москва, 2026. С. 14.
[114] Глушенкова Е. И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России / Е. И. Глушенкова. М.: Академия МНЭПУ, 2015. С. 46.
[115] Зеленый туман / под ред. канд. техн. наук М. В. Бегака. М.: ООО ФИД «Деловой экспресс», 2023. 152 с.

позиционируются как «экологичные» без достаточных на то оснований, то есть создается иллюзия заботы об окружающей среде ради имиджа и продаж[116]. Это форма экологического маркетинга, в рамках которого используются «зеленые» слоганы, символика, отдельные второстепенные меры (например, сбор макулатуры), но при этом основной бизнес остается загрязняющим или не меняет существенным образом своего воздействия. Гринвошинг подрывает доверие к реальным экологическим инициативам, вводит в заблуждение потребителей и инвесторов, тормозит переход к подлинно устойчивым моделям производства и потребления.

Сегодня предмет МЭП включает: защиту глобальных экосистем (атмосфера, Мировой океан, биоразнообразие, климат); регулирование трансграничного загрязнения (кислотные дожди, радиоактивные выбросы, пластиковый мусор); управление природными ресурсами (водные, лесные, рыбные запасы); предотвращение экологических катастроф (разливы нефти, ядерные аварии); правовые механизмы устойчивого развития. В целом столь многоаспектный предмет регулирования МЭП нашел отражение в принятии большого количества МЭС. Количество международных экологических соглашений, заключенных на сегодняшний день, составляет более 3700 (включая поправки[117] и протоколы как отдельные единицы в базе), в том числе 2300 двухсторонних и 1450 многосторонних МЭС[118]. База данных МЭС первоначально велась Орегонским университетом (2002–2024), а теперь продолжается Лавальским университетом. Эта база данных не является официальным реестром, зато, на наш взгляд, позволяет системно рассматривать МЭС, заключенные на разных уровнях сотрудничества. Отметим, что ЮНЕП не ведет такого реестра на постоянной основе, хотя, с нашей точки зрения, могла бы это делать системно, что позволило бы

---

[116] См.: Правовые механизмы противодействия гринвошингу / отв. ред. В. Б. Агафонов, Н. П. Воронина. М.: Проспект, 2025. 152 с.

[117] Bélanger L. Treaty amendment procedures: A typology from a survey of multilateral environmental agreements / L. Bélanger, J.-F. Morin // Leiden Journal of International Law. 2024. Vol. 37. No. 1. P. 62-87.

[118] База данных МЭС [Электронный ресурс]. URL: https://www.iea.ulaval.ca/en/agreements (дата обращения: 10.08.2026).

получить официальный реестр МЭС[119]. Актуальность подобного шага обусловлена тем, что в целом государства подписывают около 20 многосторонних и 30 двусторонних экологических соглашений в год[120].

Благодаря недавно проведенному исследованию, посвященному МЭС[121], можно увидеть общую картину динамики роста МЭС как глобального характера, так и двусторонних.

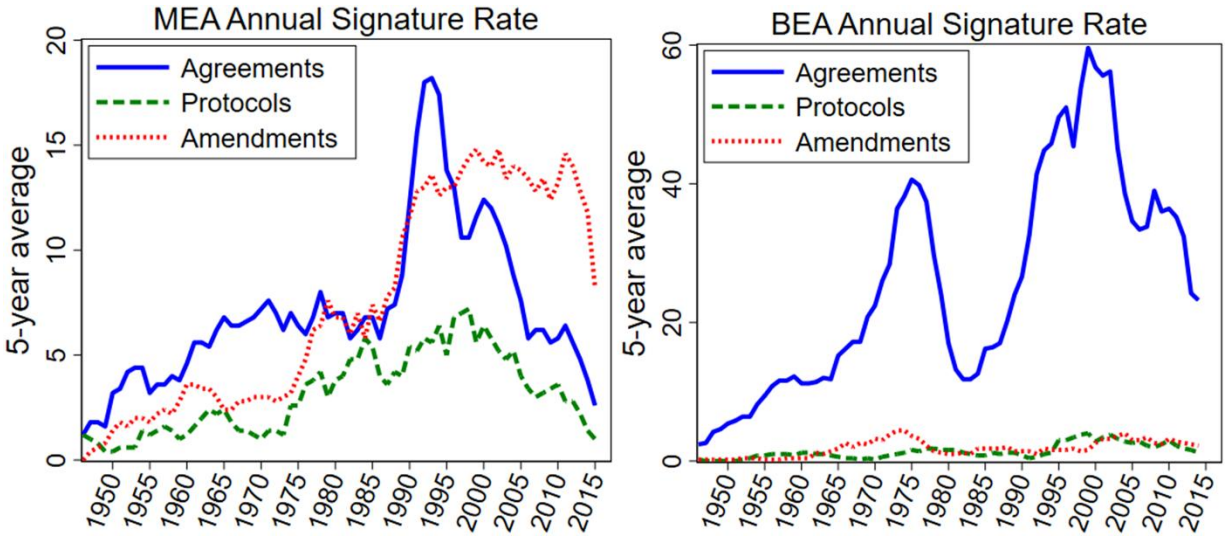

Таблица 1. Динамика роста многосторонних и двусторонних МЭС. Источник: Mitchell Ronald B., Andonova Liliana B., Axelrod Mark, Balsiger Jörg, Bernauer Thomas, Green Jessica F., Hollway James, Kim Rakhyun E., Morin Jean-Frédéric. What We Know (and Could Know) About International Environmental Agreements // Global Environmental Politics 2020; 20 (1). P. 103–121.

МЭП, конечно, развивается не только путем разработки МЭС: выкристаллизовываются обычаи, выявляются принципы, принимается большое количество актов мягкого права, суды и квазисудебные органы выносят решения.

---

[119] Например, в 2005 г. ЮНЕП опубликован реестр 272 основных МЭС: Register of international treaties and other agreements in the field of the environment. Nairobi, UNEP, 2005 [Электронный ресурс]. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/8314/-Register%20of%20International%20Treaties%20and%20Other%20Agreements%20in%20the%20Field%20of%20the%20Environment-20052905.pdf?sequence=2%26isAllowed=y (дата обращения 01.08.2026).

[120] Mitchell R. B. International Environmental Agreements: A Survey of Their Features, Formation and Effects / R. B. Mitchell // Annual Review of Environment and Resources. 2003. Vol. 28. P. 429-461.

[121] Mitchell R. B. What We Know (and Could Know) About International Environmental Agreements / R. B. Mitchell, L. B. Andonova, M. Axelrod [et al.] // Global Environmental Politics. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 103-121.

Представляется, что МЭП развивается в так называемой системе «вызов – реакция». Иными словами, при появлении новой экологической проблемы государства обычно принимают новый МЭС или документ мягкого права, идет развитие *ad hoc*. Например, в рамках Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) ООН было разработано Региональное соглашение о доступе к информации, участии общественности и правосудии по вопросам окружающей среды в Латинской Америке и Карибском бассейне 2018 г. (Эскасусское соглашение; вступило в силу 22 апреля 2021 года)[122]. Также в настоящее время в Межправительственном комитете при поддержке ЮНЕП идет процесс разработки международного соглашения по борьбе с загрязнением пластмассами[123], а в ООН весной 2023 г. закончили разработку Соглашения о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции в качестве дополнения Конвенции ООН по морскому праву[124].

Как уже было отмечено, количество МЭС достаточно высоко. Представляется, что для анализа целесообразно отобрать МЭС, наиболее важные с точки зрения глобальности их охвата, количества ратификаций государствами, и предоставляющие защиту различным объектам охраны окружающей среды, которые при этом содержат механизмы контроля

---

[122] Эскасусское соглашение по состоянию на 1 июля 2023 г. подписали 24 страны региона, а ратифицировали 19 государств [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-18&chapter=27&clang=_en (дата обращения 01.08.2026). Подробнее см.: Солнцев А. М. Соглашение Эскасу как новый этап в развитии механизмов защиты экологических прав человека в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 146-161.

[123] End Plastic Pollution: Towards an International Legally Binding Instrument: resolution adopted by the United Nations Environment Assembly on 2 March 2022, UNEP/EA.5/Res.14. – Nairobi: UNEP, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39762/END%20PLASTIC%20POLLUTION%20-%20TOWARDS%20AN%20INTERNATIONAL%20LEGALLY%20BINDING%20INSTRUMENT%20-%20Russian.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.08.2026).

[124] Соглашение на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/590442 / (дата обращения 01.08.2026). Также см. официальный сайт Подготовительного комитета проекта конвенции [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/bbnj/(дата обращения 01.08.2026).

выполнения международных обязательств. К таковым мы отнесли 21 МЭС (ни в коей мере не умаляя значения остальных многочисленных МЭС). Выбранные нами МЭС можно условно подразделить на четыре группы:

1) МЭС в сфере сохранения биологического разнообразия (7 МЭС): Рамсарская конвенция 1971 г.[125]; Конвенция о всемирном наследии 1972 г.[126]; СИТЕС 1973 г. [127]; КМВ 1979 г.[128]; КБР 1992 г. [129]; КБО 1994 г.[130]; МДРГР 2001 г.[131];

2) МЭС в сфере обращения с опасными веществами (5 МЭС): Базельская конвенция 1989 г.,[132] Картахенский протокол по биобезопасности 2000 г. к

[125] Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (Рамсар, 2 февраля 1971 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

[126] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

[127] Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1978. Вып. XXXII. С. 549-562 или www.cites.org. Популярное название конвенции – СИТЕС – аббревиатура, образованная из первых букв названия Конвенции на английском языке (Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora). Конвенция вступила в силу 1 июля 1975 г. (для СССР 8 декабря 1976 г.).

[128] Конвенция об охране мигрирующих видов животных (Бонн, 1979 г.) // www.cms.int. Россия не ратифицировала КМВ, но участвует в некоторых документах, разработанных в ее рамках, например в Меморандуме о взаимопонимании касательно мер для сохранения Сибирского журавля (Стерха) (Grus leucogeranus) и Меморандуме о взаимопонимании по сохранению находящегося под угрозой исчезновения сайгака (Saiga tatarica).

[129] Статья 2254. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-ru.pdf (дата обращения: 10.08.2025) или Бюллетень международных договоров. 1996. № 9. С. 3. Конвенция вступила в силу 29 декабря 1993 г.

[130] Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием [КБООН] (Париж, 17 июня 1994 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.unccd.int/sites/default/files/2022-02/UNCCD_Convention_text_RUS.pdf (дата обращения: 10.08.2025). Конвенция вступила в силу 26 декабря 1996 г.

[131] Разработанный в рамках ФАО Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/russian/documen/convents/genetic_resources.pdf или http://www.fao.org/ag/cgrfa/itpgr.htm. Вступил в силу 29 апреля 2004 г. (Россия подписала его 3 ноября 2001 г., но не ратифицировала и не присоединилась к нему).

[132] Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.basel.int/Portals/4/download.aspx?e=UNEP-CHW-IMPL-CONVTEXT-2019.Russian.pdf (дата обращения: 10.08.2025). Конвенция вступила в силу 5 мая 1992 г. (для России 01 мая 1995 г.).

КБР[133]; Роттердамская конвенция[134]; СОЗ 2001 г.[135]; Минаматская конвенция 2013 г.[136];

3) МЭС в сфере защиты атмосферы (4 МЭС): Венская конвенция 1985 г.[137] и Монреальский протокол 1987 г.[138] к ней; РКИК 1992 г.[139], Киотский протокол 1997 г.[140] к ней и Парижское соглашение 2015 г.[141];

4) в сфере защиты морской среды и морских биоресурсов (5 МЭС): Китобойная Конвенция[142]; Лондонская конвенция[143]; Конвенция ООН по

---

[133] Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (Монреаль, 29 января 2000 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm (дата обращения: 20.07.2025).

[134] Конвенция о применении процедуры предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-14&chapter=27 (дата обращения: 10.08.2025). Конвенция вступила в силу 24 февраля 2004 г. (Россия присоединилась к ней 28 апреля 2011).

[135] Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22 мая 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс». Вступила в силу 17 мая 2004 г. (Россия присоединилась к ней 17 августа 2011 г.). https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-15&chapter=27&clang=_en

[136] Минаматская конвенция по ртути (Кумамото, 10 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/99/36/02/1242.pdf (дата обращения: 08.08.2025). Россия подписала Конвенцию 24 сентября 2014.

[137] Венская конвенция об охране озонового слоя (Вена, 22 марта 1985 г.) // United Nations Treaty Series. 1985. Vol. 1513. 293 p. Конвенция вступила в силу 29 сентября 1988 г., в том числе для СССР.

[138] Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (Монреаль, 16 сентября 1987 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 01.07.2026). Для СССР он вступил в силу 1 января 1989 г. Россия ратифицировала все поправки к нему.

[139] Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 10.08.2025). Конвенция вступила в силу 21 марта 1994 г., а для Российской Федерации – 28 марта 1995 г.

[140] Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (Киото, 11 декабря 1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 10.08.2025). Протокол вступил в силу 16 февраля 2005 г., в том числе для России.

[141] Парижское соглашение 2015 г., принятое на 21-й сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Париж, 12 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.08.2025). Соглашение вступило в силу 4 ноября 2016 г., Россия присоединилась к нему 7 октября 2019 г.

[142] Международная конвенция по регулированию китобойного промысла (Вашингтон, 2 декабря 1946 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1949. № 16. С. 7-11. Конвенция вступила в силу 10 ноября 1948 г. Конвенция ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 15 июля 1948 г. Депонирование ратификационной грамоты СССР произведено 11 сентября 1948 г.

[143] Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов (Лондон, 29 декабря 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1978. Вып. XXXII. С. 540. Конвенция вступила в силу 30 августа 1975 г. (для СССР 29 января 1976 г.).

морскому праву 1982 г.[144]; Соглашение о рыбных запасах 1995 г.[145], Соглашение 2023 г.[146]

Среди региональных МЭС, имеющих большое значение для Европы, отметим пять конвенций, разработанных в рамках Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН)[147]: Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г.,[148] Конвенция Эспо 1991 г.,[149] Конвенция об охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.,[150] Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий 1992 г.[151] и Орхусская Конвенция 1998 г[152].

---

[144] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.08.2025). Конвенция вступила в силу 16 ноября 1994 г. (для Российской Федерации 11 апреля 1997 г.).

[145] Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими (Нью-Йорк, 4 августа 1995 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/oceancapacity/sites/www.un.org.oceancapacity/files/files/Projects/UNFSA/docs/unfsa_text-ru.pdf (дата обращения: 01.06.2026). Соглашение вступило в силу 11 декабря 2001 г.

[146] Соглашение в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции (Нью-Йорк, 19 июня 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/19822 (дата обращения: 01.07.2026). Вступило в силу 17 января 2026 г. (Россия не участвует); его подписали 145 государств и ратифицировали 92 государства.

[147] В состав Комиссии входят 56 государств: Албания, Лихтенштейн, Андорра, Литва, Армения, Люксембург, Австрия, Мальта, Азербайджан, Молдова, Беларусь, Монако, Бельгия, Черногория, Босния и Герцеговина, Нидерланды, Болгария, Норвегия, Канада, Польша, Хорватия, Португалия, Кипр, Румыния, Чешская Республика, Российская Федерация, Дания, Сан-Марино, Эстония, Сербия, Финляндия, Словакия, Франция, Словения, Грузия, Испания, Германия, Швеция, Греция, Швейцария, Венгрия, Таджикистан, Исландия, Бывшая Югославская Республика Македония (с 12.02.2019 Республика Северная Македония), Ирландия, Испания, Турция, Израиль, Италия, Украина, Казахстан, Великобритания, Кыргызстан, США, Латвия, Узбекистан.

[148] Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 13 ноября 1979 г.) // United Nations Treaty Series. 1979. Vol. 1302. P. 217. Вступила в силу 16 марта 1983 г. (в том числе для СССР).

[149] Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [Конвенция Эспо] (Эспо, 25 февраля 1991 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml (дата обращения: 10.08.2025). Вступила в силу 10 сентября 1997 г., Россия только подписала.

[150] Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.) // United Nations Treaty Series. 1992. Vol. 1936. P. 269. Вступила в силу 06 октября 1996 г. (в том числе для России).

[151] Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Хельсинки, 17 марта 1992 г.) // United Nations Treaty Series.1992. Vol. 2105. P. 457. Вступила в силу 19 апреля 2000 г. (в том числе для России).

[152] Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] (Орхус, 25 июня 1998 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 10.08.2025). Вступила в силу 30 октября 2001 г., Россия не подписала ее и не присоединилась к ней. Подробнее см.: Солнцев, А. М. Орхусский комитет как договорный механизм по соблюдению экологических обязательств государств: quo vadis? / А. М. Солнцев // Международные организации в современном мире: право и политика: материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». М.: Российский университет дружбы народов, 2023. С. 110-116.

Как отмечает М. Н. Копылов: «Принятые за это время многочисленные международные договоры, резолюции и декларации по вопросам международной экологической безопасности, защиты окружающей среды и рационального природопользования недвусмысленно свидетельствуют о том большом значении, которое мировое сообщество придает сегодня международным экологическим правоотношениям»[153]. Дополнительным аргументом можно считать тот факт, что, помимо многочисленных экологоориентированных докладов[154], Генеральный секретарь ООН ежегодно представляет доклад об осуществлении конвенций ООН по окружающей среде (Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке, и Конвенции о биологическом разнообразии)[155].

Говоря о специфике МЭС, также следует отметить, что они действуют и в мирное время, и во время вооруженных конфликтов, если иное не оговорено в тексте самих МЭС[156]. Этот подход подкрепляется положениями принципа 24 Рио-де-Жанейрской декларации 1992 г., который предусматривает следующее: «Война неизбежно оказывает разрушительное воздействие на процесс устойчивого развития. Поэтому государства должны уважать

---

[153] Международное экологическое право: учебник / под ред. Р. М. Валеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 680 с.

[154] См., например: «На пути к обеспечению устойчивого развития: осуществление Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в том числе посредством рационального потребления и производства, на основе Повестки дня на XXI век (Документ ООН A/77/210 и Документ ООН A/77/249); «Реализация Программы действий по ускоренному развитию малых островных развивающихся государств («Путь Самоа») и Маврикийской стратегии по дальнейшему осуществлению Программы действий по обеспечению устойчивого развития малых островных развивающихся государств и последующая деятельность в этой области» (Документ ООН A/77/146 и Документ ООН A/77/218); «Снижение риска бедствий» (Документ ООН A/77/293); «Охрана глобального климата в интересах нынешнего и будущих поколений человечества» (Документ ООН A/77/215); Доклад Ассамблеи Организации Объединенных Наций по окружающей среде Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (Документ ООН A/77/25 и Документ ООН A/77/25/Add.1); «В гармонии с природой» (Документ ООН A/77/244); «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» (Документ ООН A/77/211); «Борьба с песчаными и пыльными бурями» (Док. ООН A/77/216); «Устойчивое горное развитие» (Документ ООН A/77/217).

[155] Осуществление конвенций Организации Объединенных Наций по окружающей среде: документ ООН A/77/215 от 22 июля 2022 г.

[156] Абашидзе А. Х. Международное экологическое право: документы и комментарии. Вып. 3. Экологические права человека / А. Х. Абашидзе, Ю. Г. Васильев, А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2010. С. 90-94.

международное право, обеспечивающее защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов, и должны сотрудничать, при необходимости, в деле его дальнейшего развития»[157]. Большинство МЭС не содержат прямых положений, касающихся их применимости в случае вооруженного конфликта. В статье 7 Проекта статей КМП ООН о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров 2011 г. содержится ориентировочный перечень договоров, предмет которых предполагает продолжение их действия, в полном объеме или частично, в ходе вооруженного конфликта, где есть прямое указание на: (g) «договоры, касающиеся международной охраны окружающей среды»; (h) «договоры, касающиеся международных водотоков и относящихся к ним сооружений и объектов»; (i) «договоры, касающиеся водоносных горизонтов и относящихся к ним сооружений и объектов»[158]. В целом представляется, что в этом случае наряду с кодификацией международного права произошло и его прогрессивное развитие, и сфера действия международного экологического права существенно расширилась. Подчеркнем, что все государства поддержали этот подход при голосовании.

Также отметим, что, согласно принципу 12 проекта принципов КМП 2022 г. по теме «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами»[159], оговорка Мартенса (известна любому специалисту по международному праву) распространяется на защиту окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами[160].

В более общем плане МЭС стали сосредотачиваться на определении целей, а не на предписании того, как государства должны их достичь. Международные договоры, заключенные в последние десятилетия, в

---

[157] Декларация Рио-де-Жанейро об окружающей среде и развитии 1992 г. // СПС «Консультант плюс».
[158] Проект статей КМП ООН «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров» 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp6.pdf (дата обращения: 17.07.2026).
[159] Проект принципов КМП ООН «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» 2022 г. https://legal.un.org/ilc/reports/2022/russian/chp5.pdf (дата обращения: 17.07.2026).
[160] Солнцев А. М. Некоторые новации в сфере защиты окружающей среды до, в период и после вооруженных конфликтов / А. М. Солнцев, Н. В. Остроухов // Международный правовой курьер. 2022. № 5. С. 46-49.

частности Минаматская конвенция о ртути 2013 г. и Парижское соглашение 2015 г., определяют цели и предоставляют множество вариантов регулирования, но они носят скорее стимулирующий и каталитический, а не предписывающий характер, как многие более ранние инструменты (Киотский протокол, Базельская конвенция). Текущие переговоры по договору о пластиковом мусоре отражают аналогичный подход. Также представляется возможным говорить о «процессуальном повороте» в международном экологическом правотворчестве и, соответственно, формулировании международных экологических обязательств, чему, собственно, и посвящена диссертация. Например, Парижское соглашение 2015 г. создает сеть взаимосвязанных процедурных обязательств, требующих от государств представления докладов под названием «определяемые на национальном уровне вклады» (ОНУВ) (для решения проблемы изменения климата), подробной информации, подлежащей экспертной оценке (для уточнения этих вкладов, а также для отслеживания поведения государств в достижении их ОНУВ).

Некоторые эксперты отмечают, что эта тенденция демонстрирует более широкий «поворот к прозрачности» в международном праве, поворот, отражающий признание того, что прозрачность является ценной и существенной целью сама по себе, а не просто средством выполнения международных обязательств[161]. Успешная реализация Орхусской конвенции 1998 г., продемонстрированная в том числе на уровне имплементации многочисленными законодательными актами, которые создали основу для расширения участия общественности в принятии решений по вопросам окружающей среды, доступа к экологической информации и эффективного средств правовой защиты, и относительно недавнее принятие Эскасусского

[161] Sparks T. Transparency Procedures / T. Sparks, A. Peters // Handbook International Environmental Law / ed. by Rajamani L., Peel J. Oxford, 2021. P. 905.

соглашения 2018 г.[162] и Соглашения об экологическом сотрудничестве между Канадой, Мексикой и США 2018 г.[163], служат дополнительным свидетельством поворота к транспарентности в МЭП путем выработки эффективных и приемлемых, с точки зрения государств, механизмов и способов выполнения международных обязательств. Хотя такие МЭС имеют ограниченный географический охват (Орхусская конвенция охватывает регион ЕЭК ООН, Эскасуанское соглашение – регион ЭКЛАК ООН (Карибский бассейн и Латинская Америка), Соглашение 2018 г. – Северную Америку), они подтверждают продолжающееся нормативное развитие международного права, расширение участия в этом и подчеркивают важность регионального сотрудничества.

Обращение к процедурным международным обязательствам государств, в частности в отношении прозрачности, находит отражение также в сфере пересечения международного права прав человека и международного экологического права. Право отдельных лиц на доступ к экологической информации, хотя и возникло недавно, быстро закрепилось в международном праве. Кроме того, формирующаяся практика договорных органов по правам человека предполагает, что, хотя государствам предоставляется широкая свобода усмотрения в отношении надлежащего уровня защиты окружающей среды, который они выбирают для себя, на них распространяются более конкретные процедурные обязательства. Международные договорные правозащитные обязательства требуют от государств: 1) проведения оценки влияния планируемых действий, которые могут причинить ущерб окружающей среде и нарушить права человека; 2) публиковать экологическую информацию и предоставлять гражданам доступ к средствам судебной защиты. В Рамочных принципах прав человека и окружающей среды 2018 г.

---

[162] См.: Солнцев А. М. Соглашение Эскасу как новый этап в развитии механизмов защиты экологических прав человека в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 146-161.

[163] Agreement on Environmental Cooperation among the Governments of the United States of America, the United Mexican States, and Canada 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.epa.gov/sites/default/files/2018-11/documents/us-mxca_eca_-_final_english.2.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

(«Принципы Нокса»)[164], подготовленных Специальным докладчиком ООН по правам человека, четко отражены процессуальные обязательства государств в этом отношении. Упомянутая ранее эволюция принципа предотвращения, обеспечивающая большую ясность в отношении процессуальных обязательств государств, также соответствует рассматриваемой тенденции. Хотя этот поворот к существенному увеличению процедурных международных экологических обязательств укрепляет управление, легитимность и демократические структуры в международных и национальных процессах принятия решений в области защиты окружающей среды, он является также тревожным признаком, поскольку заменяет, а не дополняет политически спорные существенные аспекты нормотворчества в международном экологическом праве.

Сдвиг парадигмы в международно-правовом режиме изменения климата от *обязательств результата* в Киотском протоколе 1997 г. к ОНУВ (при условии соблюдения только *обязательств поведения*) в Парижском соглашении 2015 г. является самым ярким примером этой тенденции[165]. Парижское соглашение включает также красноречивую ссылку на «смягчающие обстоятельства»: «в свете различных национальных обстоятельств» в связи со ссылкой на принцип общей, но дифференцированной ответственности «настоящее Соглашение будет осуществляться таким образом, чтобы отразить справедливость и принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей в свете различных национальных условий» (ст. 2.2). Аналогично использованию ОНУВ в Парижском соглашении резолюция ИКАО об изменении климата 2019 г. «поощряет» государства представлять «добровольные планы действий» по климатической политике и мерам, а также

[164] Доклад Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой: документ ООН A/HRC/37/59 от 24 января 2018 г.

[165] Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. 2018. № 106 (1). С. 60-78.

отчитываться о мерах, отражающих соответствующие национальные возможности и обстоятельства[166]. В отличие от международного права в области сохранения биоразнообразия, где отправной точкой является постоянный суверенитет над природными ресурсами, в отношении «всеобщего достояния» отправной точкой является «общая забота» и связанное с этим понимание того, что порождает международные обязательства *erga omnes*. Однако сегодня в мире мы наблюдаем движение к большему уважению государственного суверенитета.

В соответствии с изменяющейся геополитикой наиболее поздние МЭС отражают также больший паритет между государствами в отношении международных обязательств и учитывают больше нюансов в характере и степени различия между развивающимися и развитыми странами, чем предыдущие инструменты. Так, Минаматская конвенция 2013 г. содержит положения, касающиеся финансовой и технической поддержки развивающихся стран и стран с переходной экономикой, определяет механизм финансирования для своевременного обеспечения достаточных финансовых ресурсов на предсказуемой основе, а также предусматривает обязательства развитых государств оказывать техническое содействие и передачу технологий (ст. 13 и 14). В Киотском протоколе зафиксированы дифференцированные обязательства для различных категорий сторон, Парижское соглашение подстраивает дифференциацию к особенностям каждой из областей регулирования – смягчению последствий, адаптации, финансам, технологии, наращиванию потенциала и прозрачности. Это, по-видимому, отличается от прежнего отражения/проявления дифференциации в международных экологических обязательствах, таких как Монреальский протокол 1987 г., в котором более четко признавались различные отправные точки и вклады государств в отношении проблемы разрушения озонового слоя

[166] ICAO Res A40-18 «Consolidated statement of continuing ICAO policies and practices related to environmental protection – Climate change» (2019) [Электронный ресурс] // International Civil Aviation Organization. URL: https://euctrl-pru.github.io/international-BRA-EUR-2022/references.html (дата обращения: 27.09.2026).

и предусматривались система постоянных корректировок и поправок, а также поэтапное участие развивающихся стран с течением времени. Фактически недавние сдвиги в понимании дифференциации международных обязательств привели к появлению разных форм дифференциации в различных областях и расширению свободы действий для всех.

Важной тенденцией в сфере возникновения международных экологических обязательств стало расширение использования мягкого права для более релевантного регулирования международных экологических отношений. Отчасти это привело к распространению тонких различий в формах права, создаваемых государствами, и разнообразию форм «обязательности выполнения» в отношении условий международных обязательств. Это наиболее очевидно проявилось в Парижском соглашении, положения которого, как отмечает Л. Раджамани, стирают границы между обязательным международным правом и мягким правом, а также между всеми другими источниками, в применении которых существует динамическое взаимодействие[167].

В более общем плане мягкое право играло значительную регулирующую роль с самого начала интенсивного развития международного экологического права. Мягкое право, которое существует не только в форме резолюций и деклараций, но и в виде решений, принимаемых конференциями сторон (КС) МЭС, а также частных и квазичастных стандартов[168], оказывает существенное влияние на повседневное функционирование МЭП. Мягкое право легче разработать, оно привлекает более широкое участие субъектов и акторов, более чутко реагирует на изменения, чем договорное право, и его положения могут быть реализованы немедленно после принятия (в отличие от международного договора). Мягкое право предлагает компромисс между субъектами, с одной стороны, и акторами международного права – с другой,

[167] Rajamani L. The 2015 Paris Agreement: Interplay Between Hard, Soft and Non-Obligations / L. Rajamani // Journal of Environmental Law. 2016.Vol. 28. No. 2. P. 337.
[168] Scott J. Private and Quasi-Private Standards / J. Scott // Handbook International Environmental Law / ed. by Rajamani L., Peel J. Oxford, 2021. P. 436-453.

являясь гибким и нередко более эффективным регулятором, чем договорные нормы в решении некоторых экологических проблем. Мягкое право является продуктом все более усложняющейся международно-правовой системы, причем не только в сфере МЭП, но и в других отраслях[169].

Уникальность международного экологического права состоит в том, что многие МЭС предусматривают создание не только специальных структур, которые контролируют выполнение обязательств, но и таких органов, которые принимают акты мягкого права, способствующие детализации международных экологических обязательств. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Конференции Сторон МЭС. О феномене повышения значимости КС в контексте вклада в детализацию толкования и выполнение международных обязательств пишут в западной литературе уже более 25 лет[170]. Согласно определению КМП ООН, КС «является совещанием сторон договора с целью рассмотрения или выполнения договора, за исключением случаев, когда они действуют в качестве членов органа международной организации»[171]. Юридическая природа КС является спорным вопросом. Черчилль и Ульфстайн классифицировали их как «автономные институциональные процедуры» – образования, которые являются промежуточными между официальными

---

[169] Например, в международном финансовом праве: Понаморенко В. Е. Корпоративный комплаенс в механизме международного финансово-правового регулирования / В. Е. Понаморенко [Электронный ресурс] // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. Т. 1. № 2. С. 32-42. URL: https://jil.hse.ru/article/view/18187 (дата обращения: 01.08.2026).

[170] См.: Churchill R. Autonomous Institutional Arrangements in Multilateral Environmental Agreements: A Little-Noticed Phenomenon in International Law / R. Churchill, G. Ulfstein // American Journal of International Law. 2000. Vol. 94. P. 623-659; Brunnée J. COPing with Consent: Law-Making Under Multilateral Environmental Agreements / J. Brunnée // Leiden Journal of International Law. 2002. Vol. 15. No. 1. P. 9-17; Wiersema A. The New International Law-Makers? Conferences of the Parties to Multilateral Environmental Agreements / A. Wiersema // Michigan Journal of International Law. 2009. Vol. 31. No. 2. P. 231-287; Barrett J. Handbook on Good Treaty Practice / J. Barrett, R. Beckman. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 500 p.; Ulfstein, G. Treaty Bodies and Regimes / G. Ulfstein // The Oxford Guide to Treaties / ed. by D. B. Hollis. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 428-446; Солнцев, А. М. Место института «конференция сторон договора» в системе международного права: новое вино в старые мехи? / А. М. Солнцев // Теория международного права: актуальные проблемы: ежегодная международная научно-практическая конференция («Тункинские чтения»): сборник статей / под ред. О. В. Кадышевой. М.: Юстицинформ, 2025. С. 169-176; Солнцев, А. М. Глава 8. Автономные контрольные учреждения международных экологических соглашений / А. М. Солнцев // Теория многосторонних мировых учреждений / под ред. А. Е. Кутейникова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2026. С. 174-193.

[171] Дополнение № 10 (A/73/10). Доклад Комиссии международного права. Семидесятая сессия (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1643630 (дата обращения: 27.08.2026).

международными организациями и специальными дипломатическими конференциями[172]. КС являются важнейшим органом в рамках своих договорных режимов из-за своей пленарной формы (представлено каждое государство-участник) и широких полномочий, которые им предоставляют их основные договоры. КС имеют секретариаты, которые оказывают административную поддержку, и часто располагают вспомогательными органами (учрежденными непосредственно договором или самими КС), которые помогают им в технических вопросах. Органы, отвечающие этим характеристикам, обычно называются «КС», но иногда получают другие наименования, такие как «совещание государств-участников»[173], «генеральная ассамблея государств-участников»[174] или «руководящий орган»[175]. КС традиционно связаны с международным экологическим правом[176]. Это неудивительно, если учесть, что они были впервые созданы МЭС, принятыми в начале 1970-х годов[177], в частности после Стокгольмской конференции по проблемам окружающей человека среды 1972 г. Первым договором, в котором использовалось выражение «Конференция сторон», была Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц 1971 г.[178] Этот шаг по

---

[172] См.: Churchill R. Autonomous Institutional Arrangements in Multilateral Environmental Agreements: A Little-Noticed Phenomenon in International Law / R. Churchill, G. Ulfstein // American Journal of International Law. 2000. Vol. 94. P. 623-659. Другие подходы к определению КС смотри: Golia A. The Concept of International Organization / A. Golia, A. Peters // The Cambridge Companion to International Organizations Law / ed. by J. Klabbers. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. P. 25; Fernández Arribas G. Rethinking International Institutionalisation Through Treaty Organs / G. Fernández Arribas // International Organizations Law Review. 2020. Vol. 17. P. 457. P 24-32.

[173] Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on their Destruction (1997) // United Nations Treaty Series.Vol. 2056. Art. 11. P. 211.

[174] Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage (2003) // United Nations Treaty Series. 2003. Vol. 2368. Art. 4. P. 3.

[175] International Treaty on Plant Genetic Resources for Food and Agriculture 2001 // United Nations Treaty Series. 2010. Vol. 2400. No. I-43345. Art. 19. P. 303.

[176] The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1080 p.

[177] Romanin Jacur F. The Making of International Environmental Law / F. Romanin Jacur // Research Handbook on the Theory and Practice of International Lawmaking / ed. by C. Brölmann, Y. Radi. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2016. P. 419-441; Fitzmaurice M. Law-Making and International Environmental Law: The Legal Character of Decisions of Conferences of the Parties / M. Fitzmaurice // International Law-Making: Essays in Honour of Jan Klabbers / ed. by R. Liivoja, J. Petman. Milton Park, Abingdon: Routledge, 2014. P. 190-210.

[178] Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (Рамсар, 2 февраля 1971 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

включению словосочетания «Конференция Сторон» в экологические соглашения был позднее повторен в МЭС, принятых после саммита Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992), касающихся защиты биоразнообразия, изменения климата и опустынивания. Действительно, КС, созданная РКИК, является, безусловно, самым известным примером. Ее сессии широко освещаются средствами массовой информации и обсуждаются политиками и учеными. Сегодня институт КС активно развивается и в рамках неэкологических соглашений[179].

Снижение интенсивности заключения новых МЭС связано с тем, что развитие МЭП в форме мягкого права осуществляется преимущественно посредством решений КС универсальных и региональных МЭС. Бóльшая часть этого нормативного развития нацелена на толкование и выполнение международных обязательств. МЭС являются результатом принятия решений на основе консенсуса, и они часто представляют собой компромиссы высокого уровня, вследствие чего нормы МЭС необходимо конкретизировать, прежде чем они могут быть введены в действие. МЭС также содержат положения, составленные заведомо двусмысленно, чтобы сохранить позиции всех сторон переговоров, и нередко спорные вопросы откладываются для последующего обсуждения в рамках КС. В этом контексте задача КС заключается не только в наблюдении за выполнением государствами международных договорных обязательств, но и в толковании последних и решении отложенных вопросов. КС играют роль во взаимодействии между договорными обязательствами по разным МЭС[180] (об этом мы будем говорить ниже, в том числе в контексте синергии химических конвенций). На наш взгляд, характер решений, принимаемых КС, вместе с их растущим влиянием на официально принятые договоры дает новое понимание динамики международного правотворчества

[179] Rioseco S. Conferences of the Parties Beyond International Environmental Law: How COPs Influence the Content and Implementation of Their Parent Treaties / S. Rioseco // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. No. 3. P. 699-719.

[180] См., например: Tehan M. The Impact of Climate Change Mitigation on Indigenous and Forest Communities: International, National and Local Law Perspectives on REDD+ / M. Tehan, L. C. Godden, M. A. Young, K. A. Gover. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 415 p.

и даже добавляет существенные аргументы к обсуждениям текущей траектории международного права.

Роль секретариатов МЭС. Секретариат МЭС – орган, созданный в соответствии с международным соглашением для организации и обслуживания заседаний руководящего органа этого соглашения, а также оказания содействия Сторонам в координации его выполнения[181]. Секретариат выполняет также другие функции, возложенные на него соглашением и решениями руководящего органа. Секретариаты МЭС сегодня работают очень активно, и для выявления эффективности или неэффективности их работы требуется детально изучать работу конкретного МЭС и его секретариата. Например, Т. Хикманн и Дж. Эльзэссер в своей научной статье сосредоточились на институциональном взаимодействии между тремя межправительственными секретариатами МЭС, а именно секретариатами Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Секретариат по климату), Конвенции о биологическом разнообразии (Секретариат по биоразнообразию) и Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием (Секретариат по опустыниванию), с одной стороны, и негосударственными субъектами – с другой[182]. Их анализ показал, что «все три секретариата стремятся повысить общую эффективность глобальных ответов на соответствующие экологические проблемы путем координации множества инициатив, запущенных и реализованных субъектами, отличными от национального государства. В частности, секретариаты используют различные стили взаимодействия для инициирования и поддержания совместных инициатив со своими негосударственными партнерами, движимыми целью активизировать международное сотрудничество и повысить глобальный уровень амбиций по решению трансграничных экологических проблем. Этот вывод подчеркивает

[181] Desai B. H. Multilateral environmental agreements: Legal status of the secretariats / B. H. Desai. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 330 p.
[182] Hickmann T. New Alliances in Global Environmental Governance: How Intergovernmental Treaty Secretariats Interact with Non-State Actors to Address Transboundary Environmental Problems / T. Hickmann, J. P. Elsässer // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 459-481.

общую и всеобъемлющую тенденцию к вовлечению негосударственных субъектов в процесс принятия глобальных политических решений. Кроме того, тематические исследования показывают, что отношения между секретариатами МЭС и негосударственными субъектами демонстрируют элементы сотрудничества без посредничества (то есть прямого взаимодействия) в результате их устойчивых и зрелых отношений. Все три секретариата вложили значительные средства в цифровые решения для создания баз данных и сетей по вопросам, связанным с их назначенными конвенциями и, соответственно, в конкретизацию выполнения международных обязательств. В этом контексте сотрудники секретариатов тесно сотрудничают с научно-исследовательскими институтами и коммерческими структурами для создания и поддержки веб-порталов с соответствующими данными, обеспечивающими основу для общественных знаний об важнейших экологических проблемах и доступных решениях. В этой связи наш анализ подчеркивает динамическое взаимодействие между международными институтами и негосударственными акторами. Это дает начало идее о том, что в сфере глобального экологического управления возникают новые альянсы между секретариатами МЭС и негосударственными субъектами, что в итоге направлено на более эффективное выполнение обязательств. Безусловно следует подчеркнуть, что эти процессы проходят в рамках межгосударственного сотрудничества прежде всего, бюджет МЭС также формируется государствами.

Другим примером может служить Секретариат Рамсарской конвенции 1971 г., который обеспечивает сотрудничество с другими МЭС. В некоторых случаях перспективная оценка ощутимого прогресса, достигнутого в таких взаимоотношениях, показала, что инициатива оказалась весьма выгодной для всех заинтересованных сторон. Сотрудничество реализуется в таких формах, как: принятие меморандума о сотрудничестве, реализация совместных планов работы, расширение обмена информацией и сотрудничества между вспомогательными научными органами конвенций и т. д. В настоящее время

наиболее тесное сотрудничество осуществляется с Конвенцией о биологическом разнообразии 1992 г., Конвенцией о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г., Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Конвенцией ООН по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке, 1994 г., Рамочной конвенцией ООН об изменении климата 1992 г., а также с различными международными речными комиссиями (Международной комиссией по защите реки Дунай, Комиссией по бассейну озера Чад и Администрацией бассейна реки Нигер, Международной комиссией по бассейнам рек Конго – Убанги – Санга).

Пять МЭС, принятых в ЕЭК ООН[183], лежат в основе международной экологической политики этой Комиссии, формируют базу для многих национальных действий по охране человека и окружающей его среды, способствуют устойчивому развитию в регионе. Можно утверждать, что в рамках конвенций и протоколов к ним были достигнуты значительные успехи: многие государства – члены ЕЭК ООН являются сторонами этих МЭС и совместно пользуются связанными с ними преимуществами. Однако для решения совместных вопросов крайне важно объединить усилия путем создания синергии между секретариатами МЭС[184].

Таким образом, можно утверждать, что важной тенденцией сегодня является сдвиг от интенсивного заключения новых МЭС к проработке механизмов эффективного выполнения уже имеющихся международных экологических обязательств. Акцент международных усилий сместился на

---

[183] Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Конвенция о ТЗВБР); Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция об ОВОС); Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Конвенция по водам); Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Конвенция о ПА); и Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция).

[184] Enhancing secretariat functions of the ECE MEAs to better address environmental challenges in the pan-European region: документ ООН CEP/2000/1 от 12 июля 2000 г.; Secretariats for ECE multilateral environmental agreements — the way Forward Enhancing secretariat functions of the ECE MEAs to better address environmental challenges in the pan-European region [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/DAM/env/MEAs/Draft_3.0_Secretariats_for_ECE_multilateral_environmental_agreements_-_the_way_forward.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

реализацию существующих МЭС, а также на устранение дублирования, несоответствий и неэффективности внутри них. Некоторые региональные договоры, такие как, например, Хельсинкская конвенция ЕЭК ООН об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер 1992 г., расширили свой потенциальный охват, разрешив присоединение к ней сторон за пределами региона. И это дало свой положительный результат – сейчас у Конвенции 60 участника. Так, Конвенцию ратифицировали уже Ирак (24.03.2023), Панама (6.07.2023), Бангладеш (20.06.2025), Иордания (6.02.2026), а также 14 государств Африки (Чад (22.02.2018), Гана (22.06.2020), Гвинея-Бисау (14.06.2021), Сенегал (31.08.2018), Того (28.09.2021), Камерун (1.11.2022), Гамбия (17.07.2023), Намибия (8.06.2023), Нигерия (22.03.2023), Кот-д'Ивуар (10.07.2024), Зимбабве (10.07.2024), Сьерра-Леоне (26.09.2025), Ботсвана (20.01.2026) и Малави (26.08.2026)[185]. На наш взгляд, это очень интересная тенденция – расширение сферы действия «успешных» региональных договоров во избежание траты времени и ресурсов на выработку новых МЭС и, соответственно, дублирование международных экологических обязательств.

Гвинея-Бисау в 2023 г. присоединилась также к Орхусской конвенции[186], но в том же году ее покинула Белоруссия ввиду давления механизма соблюдения экологических обязательств на государство. По сходной политической причине Россия вышла из Рамсарской конвенции в 2025 г. По нашему мнению, это негативная тенденция для МЭП, о чем уже приходилось подробно писать[187].

---

[185] Статус ратификаций Хельсинкской конвенции 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-5&chapter=27&clang=_en (дата обращения: 26.08.2026).

[186] Решение VII/10. Присоединение Гвинеи-Бисау к Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды: документ ООН ECE/MP.PP/2021/2/Add.1.

[187] Солнцев А. М. Орхусский комитет как договорный механизм по соблюдению экологических обязательств государств: quo vadis? / А. М. Солнцев // Международные организации в современном мире: право и политика: материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». М.: Российский университет дружбы народов, 2023. С. 110-116; Solntsev A. Problems of Implementation of the Ramsar Convention on Wetlands in China / A. Solntsev, G. Chen // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 168-188.

Другой пример относится к области регулирования трансграничного загрязнения воздуха: быстрая разработка новых протоколов к Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г., характеризовавшей период с 1980 по 2000 г., уступила место усовершенствованию существующих протоколов для расширения их охвата. Например, поправки 2012 г. к Гетеборгскому протоколу 1999 г. о борьбе с подкислением, эвтрофикацией и приземным озоном (вступили в силу с 7 октября 2019 года) распространили контроль на мелкодисперсные твердые частицы, включая черный углерод[188].

Итак, каждое отдельно взятое МЭС интенсивно развивается и со временем образует международно-правовой режим, который состоит из существенного нормативно-правового массива (дополнительные протоколы, поправки, ежегодно принимаемые конференцией сторон МЭС решения и т. д.), ряда научно-технических и контролирующих договорных органов, секретариата[189]. Здесь, на наш взгляд, и возникает существенный дефект в регулировании[190], проявлением чего выступают чрезмерный нормативно-правовой массив, отсутствие вертикальной связи между нормами различных МЭС и слабая горизонтальная связь между ними. При этом в силу юридической природы международного права наладить вертикальную связь в данном случае не получается, поскольку все МЭС юридически равны между собой. Поэтому и следует говорить как раз о методах укрепления горизонтальных связей между МЭС как средстве борьбы с дефектами международного экологического права.

В зарубежной науке и практике МЭП эта проблематика стала рассматриваться на рубеже XX–XXI вв. Именно в 1999 г. состоялась первая

---

[188] Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 13 ноября 1979 г.) // United Nations Treaty Series. 1979. Vol. 1302. P. 217.

[189] Desai B. H. Multilateral environmental agreements: Legal status of the secretariats / B. H. Desai. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 330 p.; Camenzuli L. K. The development of international environmental law at the Multilateral Environmental Agreements' Conference of the Parties and its validity [Электронный ресурс] / L. K. Camenzuli. IUCN, 2007. URL: https://cmsdata.iucn.org/downloads/cel10_camenzuli.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[190] Подробнее: Кожокарь И. П. Дефекты нормативно-правового регулирования / И. П. Кожокарь. М.: Проспект, 2021. 296 с.

конференция, посвященная проработке взаимосвязей между МЭС с целью рационализации и повышения уровня управления защитой окружающей среды[191]. С тех пор количество МЭС не перестало ежегодно увеличиваться, а необходимость повышения эффективности растет с каждым днем.

В действительности уже несколько десятилетий происходит нерациональное использование и финансов, и человеческих ресурсов, а также определенное снижение эффективности международно-правового регулирования защиты окружающей среды.

Цель усилий в области сотрудничества МЭС состоит в том, чтобы повысить эффективность осуществления международных экологических соглашений, и в частности: повысить согласованность и слаженность требований и процедур этих и других конвенций и содействовать их взаимодополняемости; обмениваться опытом, подходами и стратегиями в области осуществления МЭС; увеличить ресурсы и расширить опыт для осуществления мандатов и программ работы МЭС.

На данный момент мероприятия в области сотрудничества и координации осуществляются с более чем 50 межправительственными организациями, секретариатами МЭС и НПО. С учетом широких масштабов этой деятельности организационное оформление процедур сотрудничества существенно варьируется, начиная от заключения международных договоров, меморандумов о взаимопонимании и заканчивая признанием факта сотрудничества путем обмена письмами или включения мероприятий в программы работы Конференций сторон МЭС.

Виды сотрудничества с международными органами включают: консультации, рекомендации и обмен информацией или опытом; участие в соответствующих совещаниях, включая совещания руководящих органов; разработку совместных мероприятий по тематическим областям МЭС и участие в них.

---

[191] Chambers W. B. Interlinkages and the Effectiveness of Multilateral Environmental Agreements / W. B. Chambers. Tokyo: United Nations University Press, 2008. 336 p.

В качестве примера можно привести проявление синергизма или гармонизации международного права в области химической безопасности. Сегодня этот вопрос регулируется тремя конвенциями (Базельской, Роттердамской и Стокгольмской, именуемыми в научной литературе «химическими конвенциями»)[192]. С целью развития синергии проводятся совместные заседания конференций сторон трех конвенций, регулирующих экологически безопасное обращение химических веществ и опасных отходов на глобальном уровне. Такие заседания уже проходили неоднократно начиная с 2010 г. В принципе уже можно отметить существенный прогресс, достигнутый в рамках совместных мероприятий по улучшению сотрудничества и координации трех химических конвенций, что позволило повысить эффективность расходования средств. На совместных заседаниях подчеркивается необходимость обмена информацией и проведения совместных мероприятий между техническими органами Конвенций, а также эффективного участия экспертов и наблюдателей в совещаниях. Однако теперь остро встал вопрос сотрудничества и координации с секретариатом Минаматской конвенции о ртути 2013 г., а в перспективе – и с Конвенцией по пластику, которую с 2022 г. активно разрабатывают государства при поддержке ЮНЕП. В целом нам представляется, что это длительный процесс «ручной настройки» горизонтальных связей МЭС.

Сотрудничество в рамках синергии осуществляется в таких областях, как: вещества и отходы, охватываемые конвенциями; предупреждение и мониторинг незаконной торговли; правовые, правоприменительные и институциональные вопросы; таможенная и транспортная классификация; финансирование и техническая помощь; механизмы обмена информацией и информационные системы; оценки опасностей и рисков; связи между

[192] Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.basel.int/Portals/4/download.aspx?e=UNEP-CHW-IMPL-CONVTEXT-2019.Russian.pdf (дата обращения: 10.08.2025); Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 г.) // United Nations Treaty Series. 1998. Vol. 2244. P. 337; Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22 мая 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

экологически безопасным обращением химических веществ и опасных отходов, с одной стороны, и вопросами, касающимися охраны здоровья, торговли, устойчивого развития и прав человека – с другой[193].

Было принято решение о включении в программы работы трех конвенций межсекторальных и совместных мероприятий, в том числе мероприятия, касающегося информационно-координационного механизма для обмена информацией. Секретариат разработал следующие новые информационные системы: совместный календарь, общую базу данных контактных лиц и экспертов, совместную систему научно-технических публикаций, библиотеку вебинаров и систему онлайновой отчетности. В результате было достигнуто значительное улучшение веб-сайтов конвенций и внутренних возможностей по управлению знаниями. Кроме того, были гармонизированы содержание веб-сайтов конвенций и навигация в них с целью улучшения доступа к статусу ратификации, научной, юридической и технической информации, а также к информации о совещаниях и конференциях[194].

Выше мы говорили о том, что горизонтальные связи между МЭС в принципе возможны, но возникает вопрос, есть ли правовые основы для сотрудничества в каждой из трех конвенций. Правовая основа для сотрудничества Конференций Сторон Роттердамской конвенции и Стокгольмской конвенции с международными организациями и межправительственными и неправительственными органами закреплена в каждой из этих конвенций, в частности в положениях, определяющих функции конференций Сторон[195]. Что касается Конференции Сторон Базельской конвенции, то она рассматривает и принимает любые дополнительные меры, которые могут потребоваться для достижения целей Конвенции и которые

---

[193] Report on Activities Pertaining to International Cooperation and Coordination: joint document UNEP/CHW.12/INF/31–UNEP/FAO/RC/COP.7/INF/20–UNEP/POPS/COP.7/INF/41. Geneva: UNEP, 2015.

[194] Clearing-House Mechanism for Information Exchange: joint document UNEP/CHW.12/26–UNEP/FAO/RC/COP.7/20–UNEP/POPS/COP.7/35. Geneva: UNEP, 2015.

[195] Статья 18.5 (b) Роттердамской конвенции о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 г.) // United Nations Treaty Series. 1998. Vol. 2244. P. 337; Статья 19.5 (b) Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22 мая 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

могут включать в себя международное сотрудничество[196]. Каждая Конвенция предусматривает также возможность сотрудничества своего секретариата с международными органами[197]. Помимо этого, Стороны всех трех Конвенций за эти годы приняли ряд решений, в которых содержится призыв к сотрудничеству с международными органами по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Безусловно, это представляется важным именно в контексте обеспечения выполнения обязательств, поскольку возникают вопросы о том, как совместить выполнение этих обязательств и как добиться того, чтобы не дублировать выполнения сходных экологических обязательств по различным МЭС. Ответить на эти вопросы отчасти помогает статья 30 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. о применении последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу[198].

Секретариат Роттердамской конвенции, находясь под совместным председательством ЮНЕП и ФАО, сам по себе является примером сотрудничества в рамках системы ООН. Это означает, что часть Секретариата Роттердамской конвенции, действующая под руководством ФАО, извлекает выгоды из сотрудничества с Программой ФАО по регулированию пестицидов, в частности в том, что касается осуществления проектов по сокращению связанных с пестицидами рисков. В свою очередь, Группа ФАО по регулированию пестицидов включает в свою деятельность аспекты, касающиеся осуществления Роттердамской конвенции, а также соответствующие аспекты, имеющие отношение к Базельской и Стокгольмской конвенциям. Часть Секретариата Роттердамской конвенции,

---

[196]Статья 15.5 (c) Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.basel.int/Portals/4/download.aspx?e=UNEP-CHW-IMPL-CONVTEXT-2019.Russian.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

[197] Статья 16.1 (d). Там же; Статья 19.2 (c) Роттердамской конвенции о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 г.) // United Nations Treaty Series. 1998. Vol. 2244. P. 337; Статья 20.2 (c) Доклада Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 5-16 июня 1972 г.): документ ООН A/CONF.48/14.

[198] Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

находящаяся в ведении ФАО, также регулярно участвует в совещаниях с представителями региональных и субрегиональных отделений ФАО, созываемых другими подразделениями ФАО или совместно с ними, для включения в их планы работы тем, непосредственно касающихся Роттердамской конвенции. Важность улучшения сотрудничества и взаимодействия с другими международными органами отражена также в соответствующих программах работы и бюджетах, утвержденных Конференциями Сторон[199], в рамках которых международное сотрудничество и координация рассматриваются как одно из совместных мероприятий этих конвенций. Секретариат предлагает рассматривать оценку осуществления и степени воздействия совместных мероприятий, включая деятельность в области международного сотрудничества и координации, в качестве части обзора организационных мер, касающихся синергизма.

Проблематика усложняется еще и тем, что перечень международных документов в области химической безопасности периодически пополняется принятием международных документов рекомендательного и обязательного характера. Так, в 2006 г. был принят всеобъемлющий документ по экологической безопасности – Стратегический подход к международному регулированию химических веществ (СПМРХВ), чья задача состоит во «взаимодействие» с другими МЭС по вопросам химической безопасности, предусматривающим ограничение использования и экологический контроль опасных химических веществ. В 2013 г. была принята Конвенция Минамата по ртути, цель которой состоит в защите окружающей среды за счет ликвидации и снижения негативного воздействия антропогенных источников ртути и ртутных отходов, а также в сокращении общего количества ртути, циркулирующей в глобальной окружающей среде. Конвенция Минамата

[199] Финансирование и бюджет на двухгодичный период 2014-2015 годов: решение БК-11/26, принятое Конференцией Сторон Базельской конвенции на ее одиннадцатом совещании. Финансирование и бюджет на двухгодичный период 2014-2015 годов: решение РК-6/16, принятое Конференцией Сторон Роттердамской конвенции на ее шестом совещании. Женева, 2013. Финансирование и бюджет на двухгодичный период 2014-2015 годов: решение СК-6/30, принятое Конференцией Сторон Стокгольмской конвенции на ее шестом совещании. Женева, 2013.

должна способствовать минимизации выбросов ртути путем: установления контроля за промышленными процессами, в ходе которых используется или выбрасывается ртуть; изъятия из оборота опасных ртутьсодержащих продуктов, включая сферу медицины; регулирования должным образом ртутьсодержащих отходов; разработки механизма ограничения поставок и торговли ртутью, мониторинга загрязнения ртутью объектов окружающей среды и представления информации о выбросах ртути[200].

В этом контексте важно отметить, что в 2013 г. Стороны трех «химических» конвенций уже выразили свою заинтересованность в сотрудничестве и координации с Минаматской конвенцией о ртути, заявив о своей готовности к такому сотрудничеству и такой координации и просили Конференцию полномочных представителей Минаматской конвенции рассмотреть вопрос о сотрудничестве и координации в областях, представляющих взаимный интерес для четырех конвенций[201]. Уже проведен ряд совместных мероприятий с временным секретариатом Минаматской конвенции в таких областях, как: научно-техническая работа; информационная работа; организация и обслуживание информационных веб-семинаров Минаматской конвенции, проводимых секретариатом Минаматской конвенции; организация и обслуживание совещаний руководящих органов, включая представление материалов для документов, подготавливаемых временным секретариатом для шестой сессии Межправительственного комитета для ведения переговоров по Конвенции о ртути, в областях, имеющих отношение к трем конвенциям; вопросы политики и стратегические вопросы (совместный вклад в процесс разработки целей в области устойчивого развития); информационные системы; пропаганда и информационное обеспечение.

---

[200] Synergies among the Basel, Rotterdam and Stockholm conventions [Электронный ресурс]. URL: http://synergies.pops.int/ (дата обращения: 01.08.2026).

[201] Enhancing Cooperation and Coordination among the Basel, Rotterdam and Stockholm Conventions: joint document UNEP/CHW.12/23–UNEP/FAO/RC/COP.7/17–UNEP/POPS/COP.7/33. Geneva: UNEP, 2015.
Establishment and Mandate of the United Nations Compensation Commission (UNCC) [Электронный ресурс]. URL: uncc.un.org/en (дата обращения: 01.08.2026).

Таким образом, проблема взаимодействия между МЭС осознается международным сообществом, а шаги по укреплению связей, передачи опыта делались еще до вступления в силу МЭС (Минаматской конвенции) и продолжаются уже 13 лет[202].

Также будущая работа по синергии будет связана с настраиванием взаимосвязей с учрежденной в 2025 г. под эгидой ЮНЕП *Межправительственной группой экспертов по науке и политике в области химических веществ, отходов и загрязнения (ISP-CWP)*[203] . Это новый независимый межправительственный орган, созданный для укрепления глобального взаимодействия науки и политики. Группа начала функционировать в 2026 г.

Отметим, что Российская Федерация является Стороной всех трех конвенций, участвует в СПМРХВ и вышеуказанной Группе, подписала Конвенцию Минамата. Национальным координатором по перечисленным конвенциям и СПМРХВ является Минприроды России, по Роттердамской конвенции вторым Национальным координатором является также Минздрав России (в этой связи мы выходим на проблемы межведомственного сотрудничества при выполнении экологических обязательств в России, о чем подробно будем говорить в заключительной главе диссертации).

В связи с вышесказанным возникает вопрос об укреплении сотрудничества между секретариатами МЭС, особенно в случае поступления просьб от государств – членов соответствующих МЭС. Сотрудничество между конвенциями является важным средством повышения эффективности выполнения международных экологических обязательств. Необходимо изучать также возможности соответствующих международных организаций и конвенций, которые могут оказывать содействие их эффективному осуществлению.

---

[202] Convention on Mercury and of the Basel, Rotterdam and Stockholm conventions: документ ООН UNEP/MC/COP.5/INF/28 от 4 августа 2023 г.

[203] Intergovernmental Science-Policy Panel on Chemicals, Waste and Pollution: [сайт]. URL: https://www.unep.org/isp-cwp (дата обращения: 01.08.2026).

Важным представляется осуществление сотрудничества секретариатов МЭС с Всемирной торговой организацией (ВТО), которая нередко принимает решения, явно ненацеленные на защиту окружающей среды. Секретариаты вправе обратиться в эту организацию за получением статуса наблюдателя в соответствующих комитетах ВТО и продолжать следить за ходом переговоров и обсуждений в данных комитетах, в том числе путем поддержания связи с сотрудниками секретариата ВТО. Особенно большая нагрузка ложится на Комитет по торговле и окружающей среде. Получение статуса наблюдателя в Комитете ВТО по торговле и окружающей среде дает право принимать участие в работе очередных сессий Комитета, и на регулярной основе на официальных совещаниях специальной (переговорной) сессии Комитета.

Секретариат Картахенского протокола по биобезопасности осуществляет сотрудничество в рамках Меморандума о договоренности с Рабочей группой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по согласованию мер надзора за применением биотехнологии, вследствие чего ОЭСР будет автоматически передавать в Секретариат документацию о решениях ее стран-членов касательно живых измененных организмов (ЖИО). Секретариат продолжает также сотрудничество с Международным центром генной инженерии и биотехнологии (МЦГИБ). С этой целью обеспечена возможность проведения через МПБ поиска научных библиографических данных, поддерживаемых МЦГИБ. В процессе укрепления сотрудничества между секретариатами КБР и Международной конвенции по карантину и защите растений 1951 г. (МККЗР) проводятся совместные совещания секретариатов, где в числе прочего обсуждаются такие вопросы, как: разработка стандартов, представляющих взаимный интерес; совместные мероприятия по созданию потенциала и оказанию технического содействия; дополнительные механизмы обмена информацией. Такие же совещания проводятся с Секретариатом Орхусской конвенции.

Процесс повышения синергии между связанными с биоразнообразием различными МЭС шел в 2014–2016 гг.[204] Ввиду большого количества МЭС в этой сфере сотрудничества процесс идет не столь быстро, как этого бы хотелось. Были выявлены следующие темы для унификации: «национальные стратегии и планы действий в отношении биоразнообразия, стратегические планы в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия; отчетность, мониторинг и показатели; Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам и укрепление взаимосвязи между наукой и политикой; использование информации и повышение информированности; укрепление потенциала; эффективность финансирования и использования ресурсов; а также институциональное сотрудничество. Была также признана потребность в налаживании связей в целях осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»[205]. Но с 2016 г. на этом направлении международного сотрудничества прогресса не наблюдается, что лишний раз подчеркивает тезис крайней сложности выстраивания горизонтальной синергии между МЭС.

Как указывается в резолюции 6/4, принятой Ассамблеей ООН по окружающей среде ЮНЕП 1 марта 2024 года, необходимо: «укреплять синергию, сотрудничество или взаимодействие, в зависимости от обстоятельств, при выполнении своих соответствующих обязанностей и обязательств в рамках многосторонних природоохранных соглашений и других соответствующих природоохранных договоров, при уважении их отдельных мандатов, тем самым способствуя эффективной реализации национальной природоохранной политики и мер, обеспечивая глобальные экологические выгоды и внося вклад в выполнение Повестки дня в области

[204] Report of the Executive Director on Enhancing Synergies among the Biodiversity-Related Multilateral Environmental Agreements: UNEP/EA.2/12, 25 February 2016. Nairobi: UNEP, 2016; Elaboration of Options for Enhancing Synergies among Biodiversity-Related Conventions: UNEP/EA.2/12/Add.1, 29 March 2016. Nairobi: UNEP, 2016.

[205] Report of the Executive Director on Enhancing Synergies among the Biodiversity-Related Multilateral Environmental Agreements: UNEP/EA.2/12, 25 February 2016. Nairobi: UNEP, 2016.

устойчивого развития на период до 2030 года и достижение целей устойчивого развития, учитывая наилучшие имеющиеся научные данные, знания коренных народов, традиционные знания и знания местного населения»[206].

В качестве укрепления горизонтальных связей между МЭС как средств борьбы с дефектами международного экологического права предлагается проведение на системной основе совместных заседаний секретариатов МЭС и подписание меморандумов о взаимопонимании как между соглашениями, так и между секретариатами соглашений и международными организациями и их компетентными органами. Предложенные меры смогут повысить эффективность международного экологического права и, соответственно, способствовать устойчивому развитию международного сообщества.

Естественно возникает вопрос: если существует много МЭС, принимавшихся в разное время, и есть угроза фрагментация в регулировании, то, может быть, стоит создать новый всеобъемлющий договор о защите окружающей среды?

Как указывалось выше, в МЭП отсутствует единый акт, кодифицирующий основные его принципы и нормы, как, например, Венская конвенция о праве договоров 1969 г. – в праве международных договоров, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. – в международном морском праве, Конвенция о международной гражданской авиации 1944 г. – в международном воздушном праве.

Попытки кодификации МЭП предпринимались на официальном и неофициальных уровнях. На официальном уровне КМП ООН в 1996 г. включила в свою долгосрочную программу тему «Право окружающей среды: права и обязанности государств по защите окружающей человека среды»[207], но государства в Шестом комитете ГА ООН не поддержали эту идею. Тем не

[206] Резолюция Ассамблеи ООН по окружающей среде № 6/4 от 1 марта 2024 г. «Содействие синергии, сотрудничеству или взаимодействию в целях осуществления на национальном уровне многосторонних природоохранных соглашений и других соответствующих природоохранных договоров» [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/environmentassembly/unea6/outcomes (дата обращения: 01.07.2026).
[207] См. Ежегодник Комиссии международного права за 1996 год: документ ООН A/51/10.

менее параллельно многие вопросы международного экологического права разрабатывались[208] и разрабатываются в КМП ООН («защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», «повышение уровня моря с точки зрения международного права», «защита атмосферы», «международные водотоки», «Проект статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности» и т. д.). Ситуация с темой «защита атмосферы» была очень показательна как маркер восприятия государствами проблемы – большинство в рамках дискуссии в Шестом комитете ГА ООН высказалось в том духе, что тема хороша для науки, но все участники различных договоров по защите атмосферы не планируют выходить их этих МЭС и разрабатывать новый договор.

В области неофициальной кодификации международного экологического права несомненным прорывом явилась разработка специалистами Комиссии по экологической политике, праву и управлению Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП)[209] и Международного совета по праву окружающей среды (при участии Центра программной деятельности в области права окружающей среды и учреждений ЮНЕП) проекта Международного пакта по окружающей среде и развитию[210], который был одобрен на юбилейном конгрессе ООН по международному публичному праву (Нью-Йорк, 13–17 марта 1995 года)[211]. Измененная и дополненная

---

[208] Подробнее см.: Солнцев А. М. К юбилею Комиссии международного права ООН. Вклад в кодификацию и прогрессивное развитие норм международного экологического права / А. М. Солнцев // Российский ежегодник международного права. 2008 (2009). Санкт-Петербург: СКФ «Россия-Нева», 2009. С. 137-152; Солнцев А. М. Право трансграничных водоносных горизонтов: кодификация и прогрессивное развитие / А. М. Солнцев // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвуз. науч.-практ. конф. (Москва, 10-11 апреля 2009 г.) / под ред. А. Я. Капустина, Ф. Р. Ананидзе. М.: РУДН, 2010. С. 476-499.

[209] Подробнее см., например: Копылов М. Н. Вклад Международного союза охраны природы и природных ресурсов в кодификацию и прогрессивное развитие международного экологического права / М. Н. Копылов // Московский журнал международного права. 2003. № 2 (50). С. 228-245.

[210] О проекте Международного пакта по окружающей среде и развитию см., например: Копылов М. Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся государств: Международно-правовые вопросы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Копылов Михаил Николаевич. Москва, 2001. С. 54-85; Молодцова Е. С. Мирное использование ядерной энергии и охрана окружающей среды: международно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Молодцова Елена Сергеевна. Москва, 2002. С. 69-93;

[211] См.: Draft International Covenant on Environment and Development IUCN. The World Conservation Union. Third Edition: Second Revised Text, 2004 [Электронный ресурс]. URL: www.iucn.org/themes/law/pdfdocuments/EPLP31EN_rev2.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

версия Международного пакта была представлена государствам – членам ООН во время 59-й сессии ГА ООН в 2004 г. Версия Пакта была представлена также государствам – членам ООН по случаю мероприятия высокого уровня по биоразнообразию 22 сентября 2010 года во время 65-й Генеральной Ассамблеи ООН. И после учреждения ЦУР во время заседания Генеральной Ассамблеей ООН 27 сентябрь 2015 г. была представлена 5-ая редакция Пакта как вклад в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.[212]

Проект Международного пакта представляет собой план международного рамочного (или зонтичного) соглашения, консолидирующего и развивающего существующие правовые принципы, касающиеся окружающей среды и развития. За годы, прошедшие с момента подготовки первого издания Пакта ведущими специалистами из всех регионов мира, пятая редакция (2015) продолжает традицию «живого документа». С нашей точки зрения, этот документ достаточно интересный, но слишком «прогрессивный» для государств, поскольку разрабатывался учеными без обсуждения с государствами, которые, как показывает анализ современных международных отношений, не готовы к столь глубокому уровню международного экологического сотрудничества.

В 2018 г. ситуация в сфере осознания необходимости кодификации и прогрессивного развития МЭП стала меняться к лучшему – впервые за всю историю ООН была принята резолюция ГА ООН 72/277 «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды»[213] (*подчеркнем, что это уже совсем другая инициатива, не связанная с обсуждавшимся выше Международным пактом по окружающей среде и развитию*).

Согласно положениям резолюции ГА ООН 72/277, была учреждена специальная рабочая группа открытого состава по Всемирному пакту об

[212] Draft International Covenant on Environment and Development IUCN 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/EPLP-031-rev4.pdf (дата обращения: 25.06.2026).
[213] Резолюция ГА ООН от 10 мая 2018 г. № 72/277 «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды» [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/72/277 (дата обращения: 01.07.2026).

окружающей среде, которая провела свою организационную сессию в Нью-Йорке 5–7 сентября 2018 года. Специальная рабочая группа открытого состава провела пять заседаний[214]. Помимо государств, на заседаниях были представлены различные межправительственные организации и 38 НПО. На этой встрече были приняты два документа: решение 2018/1 «Продолжительность и количество основных сессий Специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной в соответствии с резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи» и решение 2018/2 «Предварительная повестка дня и аннотации к ней для первой основной сессии Специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной в соответствии с резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи»[215].

В резолюции 72/277 предусматривалось, что Рабочая группа «при необходимости рассмотрит сферу охвата, параметры и осуществимость международного документа с целью выработки рекомендаций для ГА ООН в первой половине 2019 года».

На первой сессии в январе 2019 г. присутствовали представители государств, различных межправительственных организаций, 67 НПО (отметим снижающуюся активность: на второй сессии были представлены 38 НПО, а на третьей – уже 24), а также представители секретариатов ряда МЭС. На встрече состоялось общее обсуждение доклада Генерального секретаря ООН «Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах: к заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды»[216]; затем многие участники выступили с официальными

[214] Доклад Специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной в соответствии с резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи от 10 мая 2018 г., озаглавленной «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды»: документ ООН A/AC.289/2.
[215] Там же.
[216] Доклад Генерального секретаря «Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах: к заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды»: документ ООН A/73/419 от 30 ноября 2018 г.

заявлениями[217]. Анализ данного документа нашел отклик в доктрине[218]. Здесь кратко отметим, что в нем были выделены пять проблем, связанных с необходимостью защиты и сохранения окружающей среды, которые могут быть решены путем принятия комплексного международного договора. *Во-первых*, это проблема отраслевых принципов МЭП, единообразного понимания их юридического содержания, определения их статуса. *Во-вторых* – проблема фрагментации и отсутствия синергии различных существующих в МЭП режимов, таких как: международно-правовой режим охраны атмосферы; международно-правовой режим сохранения биологического разнообразия и защиты почв; международно-правовой режим охраны пресноводных ресурсов; международно-правовой режим охраны океанов и морей; международно-правовой режим регламентирования опасных веществ, отходов и видов деятельности. Это приводит к серьезному дефициту координации на уровнях создания новых актов и правоприменительной деятельности, а следовательно, к необходимости повышения согласованности политики, усиления взаимной поддержки и синергии в ходе осуществления международных документов. *Третья проблема* – это отсутствие сопряжения МЭП и других отраслей международного права, в рамках которых приняты международные акты, затрагивающие вопросы защиты и сохранения окружающей среды (права человека, международное гуманитарное право, торговля, инвестиции, интеллектуальная собственность), что находит отражение в том числе в неясности применения принципов МЭП в других отраслях. *Четвертая проблема* — это необходимость преодоления пробелов, относящихся к структуре регулирования в системе МЭП, которая характеризуется институциональной раздробленностью и неоднородностью образующих ее субъектов, что приводит к значительным трудностям в сфере

---

[217] First Substantive session, statements [Электронный ресурс]. URL: https://www.unenvironment.org/events/conference/towards-global-pact-environment (дата обращения: 01.07.2026).

[218] Например, целый номер известного журнала был посвящен этой проблеме: Arevalo-Ramirez // The Review of European, Comparative & International Environmental Law. 2019. Vol. 28. No. 2. P. 217-222.

согласования и координации. При отсутствии международного экологического суда существующие международные суды по-разному трактуют и применяют принципы МЭП. И наконец, *пятая проблема* касается уже эффективности применения МЭП на разных уровнях: на уровне финансирования и передачи технологий, на уровне урегулирования споров и обеспечения соблюдения МЭС, на уровне реализации ответственности за трансграничный ущерб окружающей среде, и, конечно, на национальном уровне (отсутствие надлежащего национального законодательства, финансовых ресурсов, экологически безопасных технологий и институционального потенциала). Именно эта пятая проблема и является предметом настоящей диссертации, хотя, безусловно, она связана с другими четырьмя проблемами.

По итогам второй сессии, которая прошла в марте 2019 г., планировалось передать Генеральной Ассамблее ООН следующие рекомендации: рассмотреть вопрос о принятии международного документа на конференции ООН высокого уровня с целью активизации осуществления МЭП; учредить до этой конференции подготовительный комитет для выработки существенных рекомендаций по элементам международного документа; определить конкретный график проведения переговоров и выработки заключения; а также установить, что переговоры должны быть открыты для всех государств – членов ООН, членов специализированных учреждений и сторон МЭС, а другие будут приглашены в качестве наблюдателей в соответствии с практикой ООН[219].

На третьей сессии, в мае 2019 г., течение дискуссий изменилось, и от идеи разработки единого Всемирного пакта отказались. Заключительный документ, принятый Рабочей группой 23 мая 2019 года, состоял из трех разделов,

[219] Lebada Ana Maria. Draft Elements Proposed for Resolution on Global Pact for the Environment [Электронный ресурс]. URL: https://sdg.iisd.org/news/draft-elements-proposed-for-resolution-on-global-pact-for-environment/ (дата обращения: 01.08.2026).

озаглавленных соответственно: 1) «Цели рекомендаций»; 2) «Основные рекомендации»; 3) «Соображения по дальнейшей работе».

Цели рекомендаций состояли в усилении защиты окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений, подтверждении имеющихся обязательств по МЭС, вкладе в укрепление реализации международного экологического права и касающихся окружающей среды документах, поддержке реализации Повестки дня по устойчивому развитию 2030 и документа «Будущее, которого мы хотим»[220] (пп. 88–89), а также в том, чтобы не притуплять действующие правовые инструменты, не разрушать имеющиеся рамки сотрудничества и соответствующие глобальные, региональные и секторальные органы.

Основные рекомендации включали подтверждение роли ЮНЕП как ведущего глобального экологического органа, который определяет глобальную экологическую повестку дня, способствует согласованному осуществлению экологического аспекта устойчивого развития в системе ООН и служит в качестве авторитетного защитника глобальной окружающей среды, а также роли Ассамблеи ООН по окружающей среде (ЮНЕА). Делегаты призвали к возобновлению усилий на всех уровнях в целях более эффективной реализации существующих международных экологических обязательств, подчеркнув важность усиления амбиций в отношении средств осуществления, включая предоставление и мобилизацию всех типов и источников средств осуществления, в соответствии с Аддис-Абебской программой действий 2015 г.[221] и «Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»[222]. Отдельно было отмечено, что в отношении дискуссии о принципах МЭП важно уделить внимание теме «Общие принципы права», которая в

[220] Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 20-22 июня 2012 г.) «Будущее, которого мы хотим»: документ ООН A/CONF.216/L.1* от 19 июня 2012 г.

[221] Резолюция ГА ООН от 27 июля 2015 г. № 69/313 Аддис-Абебская программа действий Третьей международной конференции по финансированию развития (Аддис-Абебская программа действий): документ ООН A/RES/69/313 от 17 августа 2015 г.

[222] Резолюция ГА ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F70%2F1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False (дата обращения: 13.07.2026).

настоящее время рассматривается в КМП ООН. Делегаты предложили научному сообществу продолжить свою работу по взаимосвязанным и сквозным вопросам путем обмена информацией между ведущими научными, техническими и технологическими органами, которые информируют о работе МЭС и природоохранных процессах, а также поощрять укрепление сотрудничества между научными, техническими и технологическими органами.

Ряд рекомендаций был дан договорным механизмам МЭС. Так, договорным органам, созданным на базе различных МЭС, при сохранении и уважении их мандатов, было рекомендовано активизировать работу по усилению взаимосогласованности МЭС на всех уровнях и рассмотреть возможность выявления и решения проблем в рамках режимов МЭС с тем, чтобы укрепить их реализацию на международном и национальном уровнях. Также органам и секретариатам МЭС рекомендовалось укрепить сотрудничество и коллаборацию между ними самими, учитывая их независимый мандат, а также между ними, ЮНЕП и Ассамблеей. Рабочая группа рекомендовала также усилить обмен информацией и опытом, в том числе в части рационализации отчетных и мониторинговых процессов.

Государствам было рекомендовано ратифицировать МЭС, если они этого еще не сделали, и эффективно имплементировать их; укреплять, где необходимо, экологическое право и политику на национальном уровне, а также потенциал во всех секторах для эффективной имплементации международного экологического права, в том числе через правоприменительный процесс в рамках административного и судебного производств в соответствии с национальными правовыми системами. Рекомендовалось также включать вопросы окружающей среды в секторальную политику и программы на всех уровнях, в том числе в национальные планы развития и планы устойчивого развития.

В документе содержался призыв ко всем соответствующим заинтересованным сторонам принять активное и значимое участие на всех

уровнях в различных форумах, связанных с имплементацией международного экологического права. Отдельно подчеркивалась необходимость поддерживать и использовать 5-ю Программу по развитию и периодическому пересмотру экологического права (Программа Монтевидео V), принятую на 4-й сессии Ассамблеи, с целью укрепления доктрины *Rule of law* в международном экологическом праве и имплементации международного экологического права на всех уровнях.

Что касается третьего раздела рассматриваемого документа («*дальнейшая работа»)*, то Рабочая группа рекомендовала, чтобы ГА ООН направила свои рекомендации всем государствам-членам, а также Ассамблее ООН по окружающей среде (ЮНЕА) для рассмотрения, а Ассамблея подготовила на своей пятой сессии в феврале 2021 г. (UNEA-5) политическую декларацию для Совещания высокого уровня ООН (при условии добровольного финансирования) в контексте празднования юбилея ЮНЕП, учрежденного по итогам Конференции ООН по окружающей среде человека (Стокгольм, 5–16 июня 1972 года), с целью активизации осуществления международного экологического права и международной экологической координации в соответствии с пунктом 88 документа «Будущее, которого мы хотим» (Рио-де-Жанейро, 2012).

В итоговом документе Рабочей группы отмечается, что после принятия рекомендаций многие государства-члены сделали заявления с разъяснением позиции в отношении рекомендаций. Египет и Китай от Группы 77, ЕС и США специально просили, чтобы их заявления были отражены кратко в итоговом отчете.

В заявлении Египта было выражено сожаление по поводу того, что рекомендация о средствах осуществления не признает «каким-либо значимым образом необходимого баланса между действиями и поддержкой»[223].

[223] Пункт 58. Доклад специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс]: A/AC.289/6/Rev.1. Нью-Йорк: ООН, 2019. URL: https://docs.un.org/ru/A/AC.289/6/Rev.1 (дата обращения: 27.08.2026).

Заявление содержит также призыв к увеличению средств осуществления из всех источников «во имя справедливости». США подчеркнули, что «согласованные формулировки о средствах реализации не подразумевают призыв к усилению поддержки со стороны какой-либо конкретной страны», и отметили необходимость «расширения пула доноров, помимо традиционных доноров»[224]. Также США отметили независимость договорных органов МЭС, поскольку они определяют свои приоритеты, исходя из МЭС и работы их секретариатов. ЕС заявил, что рекомендации Рабочей группы не предвосхищают дальнейших обсуждений в отношении предоставления средств осуществления и существующих обязательств[225].

Таким образом, и эта попытка кодификации МЭП не увенчалась успехом. Как отметили непосредственные участники переговоров: «страх сыграл свою роль, и в конечном итоге сформировал результат: боязнь потерять суверенитет, боязнь усложнить существующие режимы МЭС, боязнь раскрыть установленные принципы и их разнообразное, противоречивое применение. Позиции развивающихся стран – это боязнь совершить шаги, которые они не в состоянии осуществить»[226].

На заключительном пленарном заседании НПО охарактеризовали политическую волю как наиболее важный пробел и обвинили те страны, которые несут наибольшую ответственность за экологический крах планеты, в попытке «убить процесс»[227]. Сопредседатель Дуарте Лопес, поблагодарив НПО за помощь в управлении процессом, отметил, что результат был основан на консенсусе, который обеспечивает первый шаг в продолжающемся процессе.

---

[224] Пункт 60. Доклад специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс]: A/AC.289/6/Rev.1. Нью-Йорк: ООН, 2019. URL: https://docs.un.org/ru/A/AC.289/6/Rev.1 (дата обращения: 27.08.2026).

[225] Пункт 59. Там же.

[226] Earth Negotiations Bulletin (ENB). Volume 35 Number 3, Saturday, 25 May 2019. Summary of the Third Substantive Session of the Ad Hoc Open-ended Working Group towards a Global Pact for the Environment (20-22 May 2019, UN Office at Nairobi, Kenya) [Электронный ресурс]. URL: http://enb.iisd.org/vol35/enb3503e.html (дата обращения: 01.08.2026).

[227] Wagner Lynn. Global Pact Talks Forward Recommendations to UNEA-5 [Электронный ресурс]. URL: http://sdg.iisd.org/news/global-pact-talks-forward-recommendations-to-unea-5/ (дата обращения: 01.08.2026).

По итогам встреч 28 июня 2019 года сопредседатели Рабочей группы направили рекомендации[228] ГА ООН. К сожалению, на наш взгляд, вместо того чтобы призывать к созданию Всемирного пакта, Рабочая группа рекомендовала ГА ООН принять паллиативные меры.

Открывая брифинг в штаб-квартире ООН 9 июля 2019 года председатель ГА ООН Мария Фернанда Эспиноса Гарсес предложила ГА ООН «рассмотреть рекомендации Рабочей группы, учитывая, что две трети целей ЦУР, которые должны быть достигнуты в 2020 году, зависят от природоохранных действий, равно как и в целом Повестка дня на период до 2030 года»[229]. Она заявила, что «содержательные, действенные рекомендации, выработанные Рабочей группой, дают положительный сигнал о способности правительств работать вместе и находить точки соприкосновения»[230]. Эспиноза добавила, что эти рекомендации Рабочей группы пришли в «критическое время», поскольку последние данные показывают: человечеству необходимо предпринимать срочные меры, чтобы справиться с климатическим кризисом, сокращением биоразнообразия и опустыниванием. Так, популяция позвоночных сократилась с 1970 г. на 60 %, а часть земель размером с Грецию становится непродуктивной каждый год из-за опустынивания и засухи. При этом было отмечено, что большие возможности заложены в сфере природоохранной деятельности. Например, действия по восстановлению деградировавших земель могут сэкономить до 1,3 млрд долларов в день, которые можно было бы инвестировать в поддержку других целей в области устойчивого развития в дополнение к повышению продовольственной безопасности и средств к существованию.

---

[228] Доклад специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс]: A/AC.289/6/Rev.1. Нью-Йорк: ООН, 2019. URL: https://docs.un.org/ru/A/AC.289/6/Rev.1 (дата обращения: 27.08.2026).

[229] Informal Briefing on the Ad Hoc Open-Ended Working Group Created by General Assembly Resolution 72/77 Entitled ‘Towards a Global Pact for the Environment‘ [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/pga/73/2019/07/09/informal-briefing-on-the-ad-hoc-open-ended-working-group-created-by-general-assembly-resolution-72-77-entitled-towards-a-global-pact-for-the-environment/ (дата обращения: 01.08.2026).

[230] Там же.

Также в рамках встречи было поддержано мнение Рабочей группы о направлении ее итогов в адрес ЮНЕА. Далее в рамках брифинга выразили свои позиции государства и организации[231]. ЕС объявил, что группа стран «в ближайшее время» представит процедурную резолюцию, которая позволит ГА ООН принять рекомендации с намерением организовать лишь несколько неофициальных заседаний и согласовать текст к концу июля 2019 г. ЕС подчеркнул, что консенсус должен и впредь быть основой для дальнейших действий.

Марокко, Франция и Китай также приветствовали результаты работы Рабочей группы. Франция заявила, что итоги представляют собой первые шаги к соглашению, которое будет подготовлено в 2021 г. и принято в ходе конференции «Стокгольм + 50» в 2022 г. Марокко выразило уверенность, что Всемирный пакт по окружающей среде, если он будет согласован и принят, сможет действительно согласовать и скоординировать принципы МЭП и их реализацию. Он добавил, что «юридически обязательный характер такого соглашения не является существенным на данном этапе» из-за отсутствия консенсуса в настоящее время, но его следует дополнительно обсудить на предлагаемом совещании высокого уровня в 2021 г.»[232].

Китай настоятельно призвал ГА ООН принять во внимание озабоченность, выраженную в результатах работы Рабочей группы в отношении активизации ЮНЕП и оказания поддержки развивающимся странам в осуществлении МЭС посредством предоставления финансовой, технологической помощи и помощи в создании потенциала.

Тогда еще оставалась надежда на то, что государства будут продолжать обсуждения, которые смогут закончиться разработкой международного Пакта к 2022 г. – знаменательной 50-й годовщине Конференции ООН по окружающей человека среде («Стокгольм+50»). К нашему сожалению, этого

---

[231] Доклад специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи: A/AC.289/6/Rev.1. Нью-Йорк: ООН, 2019.
[232] Там же.

не произошло и на самой конференции «Стокгольм+50: здоровая планета для всеобщего процветания – наша ответственность, наша возможность». Двухдневная международная встреча завершилась принятием заявления[233] ее организаторов – Швеции и Кении, – подготовленного государствами-членами и заинтересованными сторонами в ходе пленарных заседаний и диалогов с руководством. В заявлении содержится несколько рекомендаций, касающихся практической повестки дня, включая среди прочего: достижение благополучия человека как основы здоровья планеты и всеобщего процветания; признание и осуществление права на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду; принятие общесистемных изменений для преобразования нынешней экономической системы, а также ускорение преобразования ведущих мировых отраслей.

Таким образом, осуществлявшиеся в течение 50 лет попытки проведения всеобъемлющей экологической кодификации нельзя признать успешными. Но, с другой стороны, надо отметить, что это не является, с нашей точки зрения, критически важным элементом эффективности выполнения международных экологических обязательств. Модель сетевого управления вполне практична и эффективна. Создание множества параллельных международно-правовых режимов при наличии контрольных механизмов (о чем мы будем неоднократно говорить ниже) вполне может быть эффективной. Любой юрист понимает, насколько сложно (если вообще возможно) в условиях наличия нескольких тысяч МЭС создать новое всеобъемлющее МЭС, найти ответ на вопросы, должны ли государства выходить из старых МЭС при присоединении к новому и сколько времени на это уйдет и т. д. На наш взгляд, не столь важно иметь единый кодифицирующий акт для отрасли, все зависит от специфики различных экологических отношений, которые детально регулируются отдельными актами, а принятие единого акта,

[233] Presidents´ Final Remarks to Plenary. Key recommendations for accelerating action towards a healthy planet for the prosperity of all [Электронный ресурс]. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/40110/Key%20Messages%20and%20Recommendations%20-%20Formatted.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.08.2026).

напротив, может сдержать их развитие. Многие отрасли международного права успешно функционируют при отсутствии единого кодифицирующего договора, например в международном праве прав человека Всеобщая декларация прав человека 1948 г. по значимости для формирования отрасли является аналогом Декларации Рио 1992 г. для МЭП.

Определенные достижения в кодификации и прогрессивном развитии МЭП имеются и на уровне доктринальной кодификации. В 1997 г. Институт международного права принял три резолюции в сфере МЭП[234], которые, несомненно, внесли определенный вклад в концептуальное развитие международного экологического права, в том числе в определение понятия «окружающая среда». Ассоциация международного права также занималась определенными вопросами экологического сотрудничества в рамках таких комитетов, как: «Международное право и повышение уровня моря», «Устойчивое развитие и зеленая экономика в праве международной торговли», «Прибрежная государственная юрисдикция в отношении загрязнения морской среды» (1992–2000), «Международное право в области устойчивого развития» (2003–2012), «Правовые аспекты устойчивого развития» (1992–2002), «Роль международного права в устойчивом управлении природными ресурсами в целях развития» (2012–2020), «Правовые принципы, касающиеся изменения климата» (2008–2014), «Транснациональное правоприменение экологического законодательства» (1997–2006), «Международное право о водных ресурсах» (1990–2004)[235].

В целом кодификация МЭП представляет собой систематизацию и усовершенствование принципов и норм международного экологического права, осуществляемые путем установления и точного формулирования содержания действующих норм, пересмотра устаревших и разработки новых

---

[234] Были приняты следующие резолюции: «Окружающая среда» (резолюция №2) «Позитивная и негативная ответственность по международному праву» (резолюция №3), «Процедуры принятия и исполнения норм в сфере охраны окружающей среды» (резолюция №4). Тексты см. Институт международного права: офиц. сайт. Бельгия. URL: http://www.idi-iil.org (дата обращения 01.08.2026).

[235] ILA Committees // International Law Association. URL: https://www.ila-hq.org/index.php/committees (дата обращения: 01.08.2026).

норм с учетом потребностей развития международных отношений и закрепление этих норм в едином, внутренне согласованном порядке в международном акте, который призван с возможно большей полнотой регулировать международные отношения по поводу охраны окружающей среды, рационального природопользования, обеспечения экологической безопасности и соблюдения экологических прав человека[236]. Это в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности выполнения международных экологических обязательств.

Надо понимать, что процесс кодификации МЭП не имеет конечной точки развития. Он будет продолжаться и на уровне создания международных договоров, и на уровне разработки актов рекомендательного характера. Выше уже упоминалось о разрабатываемом договоре по пластику, а также о принятом весной 2023 г. Соглашении на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции. Например, Специальный докладчик ООН по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов Башкут Тунджак во исполнение резолюции 36/15 Совета по правам человека в 2019 г. предложил для обсуждения документ под названием «Принципы в области прав человека и защиты работников от воздействия токсичных веществ» [237]. Этот документ представляет собой окончательный свод принципов, призванных помочь государствам, предприятиям и другим ключевым субъектам в соблюдении и защите трудящихся от воздействия токсичных химикатов в рамках профессиональной деятельности и предоставлении им средств правовой защиты в случае нарушения их прав. Принципы, содержащиеся в докладе, вытекают из почти 25-летней работы в

[236] Копылов М. Н. Роль института кодификации и прогрессивного развития в формировании международного экологического права / М. Н. Копылов, Э. Ю. Кузьменко // Международное публичное и частное право. – 2005. № 3. С. 24-28.

[237] Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически безопасного обращения с опасными веществами и отходами и их утилизации: документ ООН A/HRC/42/41 от 17 июля 2019 г.

рамках мандата, включая посещения стран, тематические исследования и контакты с государствами и негосударственными субъектами, а также интенсивные и целенаправленные консультации, проводимые с 2017 г.

В области защиты экологических прав человека на международном уровне также происходят лавинообразные процессы. С одной стороны, на региональном уровне успешно кодифицированы процессуальные экологические права: в ЕЭК ООН приняли Орхусскую конвенцию «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» 1998 г. (48 ратификаций), а в ЭКЛАК ООН – Эскасусское соглашение о доступе к информации, участии общественности и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды в Латинской Америке и Карибском бассейне 2018 г. (19 ратификаций)[238]. Более того, возможна защита экологических прав человека в трех действующих региональных системах защиты прав человека. Детально эти вопросы мы рассмотрим ниже. Здесь важно отметить, что на универсальном уровне экологические права до сих пор не зафиксированы в международных договорах и выводятся путем расширительного понимания, эволюционного толкования Международных пактов по правам человека или других договоров по правам человека. Принятие «третьего Пакта» по экологическим правам человека обсуждается уже несколько десятилетий, но безуспешно. Позитивным достижением стало принятие Специальным докладчиком по экологическим правам Совета ООН по правам человека так называемых Принципов Нокса 2018 г.[239] – Рамочных принципов по правам человека и окружающей среде. Данный документ мягкого права представляет собой 16 принципов, основанных на анализе действующего международного права прав человека. В сущности, это достойная основа для разработки

[238] Статус ратификации Эскасусского соглашения [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-18&chapter=27&clang=_en (дата обращения: 01.08.2026).

[239] Доклад Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой: документ ООН A/HRC/37/59 от 24 января 2018 г.

международного договора в этой сфере, но Совет по правам человека решил немного изменить вектор работы. Вместо того, чтобы продолжать разрабатывать данный документ, акцент был перенесен на право на благоприятную окружающую среду, и 8 октября 2021 года Советом по правам человека была принята Резолюция 48/13 «Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду». Эта резолюция вызывает несколько вопросов, она была принята 43 голосами «за» при четырех воздержавшихся (Индия, Китай, Российская Федерация и Япония). В процессе дискуссий было отмечено, что у Совета нет соответствующего мандата, юридическое содержание материального экологического права неясно, и непонятно, кто будет наполнять это право юридическим содержанием. 28 июля 2022 года ГА ООН приняла резолюцию 76/300, признающую право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду правом человека. ГА ООН приняла резолюцию 161 голосом, голосов «против» не было, а восемь государств – членов ООН (Беларусь, Камбоджа, Китай, Эфиопия, Иран, Кыргызстан, Российская Федерация и Сирия) воздержались. Крайне важно подчеркнуть, что против резолюции не проголосовал никто, хотя ранее при голосовании по другим «прорывным правозащитным резолюциям» был более противоречивый результат[240].

Подводя промежуточный итог, отметим, что описанная поступательная эволюция МЭП позволяет выявлять и решать конкретные мировые экологические проблемы (в 2013 г. приняли Конвенцию по ртути, в 2023 г. – Соглашение на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции[241], а завтра вполне может быть решена еще какая-либо проблема). Однако при этом какие-то проблемы

[240] Остроухов Н. В. Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду: новое право в универсальном международном каталоге прав человека / Н. В. Остроухов, А. М. Солнцев // Международный правовой курьер. 2023. № 7. С. 91-94.

[241] См. Проект текста соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции: документ ООН A/CONF.232/2019/6 от 17 мая 2019 г.

всегда оказываются неучтенными (например, антропогенный подводный шум). Кодификация и прогрессивное развитие МЭП будет продолжаться только по отдельным трекам международного экологического сотрудничества (экологические права человека, борьба с пластиком). Выявлено, что принятие единого кодифицирующего акта по международному экологическому праву в виде конвенции крайне маловероятно, поскольку, во-первых, государства не готовы к углубленному экологическому сотрудничеству и, во-вторых, имеется много МЭС, включающих разную терминологическую лексику и предусматривающих разные методы контроля выполнения обязательств, поэтому новое всеобъемлющее соглашение скорее вызовет путаницу в международных обязательствах, и пройдет немало времени, пока оно вступит в силу. Установлено, что есть необходимость в проведении исследования под эгидой ЮНЕП и МСОП обычаев международного экологического права по аналогии с исследованием МККК международного гуманитарного права[242].

Экологические обязательства, вытекающие из обычного международного права. Обычное международное право остается важным источником публичного международного права, несмотря на колоссальный рост количества договорных норм в XX–XXI вв. Обычное международное право входит в число источников международного права, перечисляемых в пункте 1 статьи 38 Статута Международного Суда, в подпункте b которого говорится о «международном обычае как доказательстве всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». В этой формулировке отражены два конститутивных элемента обычного международного права: всеобщая практика и признание в качестве правовой нормы (*opinio juris*[243]).

Ряд важных областей международного права, по сути, по-прежнему регулируется обычным международным правом ввиду немногочисленности

---

[242] Customary IHL Database [Электронный ресурс]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl (дата обращения: 01.07.2026).

[243] Используется латинский термин ‘*opinio juris*’, поскольку он лучше передает специфику данного субъективного элемента обычного международного права как относящегося к правосознанию, а не к формальному согласию. См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят третья сессия, Дополнение № 10 (A/73/10). Нью-Йорк: ООН, 2018. С. 136.

применимых договоров или их отсутствия. Они образуют международные экологические обязательства. Даже при существовании действующего договора нормы обычного международного права по-прежнему регулируют вопросы, не предусмотренные договором, и продолжают применяться в отношениях с государствами, не являющимися его участниками, и между ними. В любом случае норма международного обычного права может сохраняться и применяться отдельно от договора даже при одинаковом с ним содержании и даже между участниками договора[244].

При этом нельзя забывать о наличии партикулярного (регионального или локального) обычного международного права. Как отмечается в тексте проектов выводов о выявлении обычного международного права, подготовленном КМП ООН: «Норма партикулярного обычного международного права, будь то регионального, местного или иного, является нормой обычного международного права, применимой только в отношениях между ограниченным числом государств» (вывод 16)[245]. Следует подчеркнуть, что сама по себе норма партикулярного обычного международного права не создает ни обязательств, ни прав для третьих государств. Можно отметить наличие подобных обычаев, порождающих такие международные экологические обязательства, как: обязательство защищать права на рыболовство для граждан, проживающих на берегу пограничной реки между двумя государствами[246]; обязательство достичь договоренности относительно

---

[244] Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят третья сессия, Дополнение № 10 (A/73/10). Нью-Йорк: ООН, 2018. С. 135.

[245] См. Там же.

[246] Дело «О судоходных и смежных правах» (Коста-Рика против Никарагуа): Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 2009. P. 3.; см. также Отдельное мнение судьи Б. Сепульведы Амора, с. 278-282, п. 20-36. В деле «О судоходных и смежных правах», когда возник вопрос о том, превратилась ли давно установившаяся практика рыболовства для собственного потребления (признанная обеими сторонами) в норму партикулярного международного обычного права, Международный Суд отметил: «Эта практика по своей природе, особенно с учетом удаленности, малочисленности населения и малонаселенности этой территории, вряд ли зафиксирована каким-либо формальным образом в официальных документах. По мнению Суда, особое значение имеет тот факт, что Никарагуа не отрицала наличия права, которое возникает из практики, существовавшей без помех и не оспаривавшейся в течение длительного времени».

регламентации производства электроэнергии на реке, являющейся границей между двумя государствами[247].

Несмотря на некоторые особенности, процесс формирования обычно-правовых норм в сфере МЭП протекает во многом подобно процессу формирования обычного права в целом в международном праве. Развитие такого процесса привело к возникновению «ядра» норм обычного права, состоящих из одного *принципа предотвращения* и трех связанных с ним обязанностей, а именно *обязанности проявлять должную осмотрительность* (*due diligence*) как сердцевину принципа предотвращения и процедурных обязанностей по *проведению ОВОС* и *добросовестному сотрудничеству*, в том числе через уведомления и консультации[248]. Взаимосвязи между этими нормами сложны и не могут быть сведены к простой последовательности. Это традиционное ядро находит свое выражение главным образом в принципах 2, 17, 19 и 18 Декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), в международных договорах, материалах КМП ООН и решениях международных судов.

Есть основания полагать, что обычно-правовой принцип защиты окружающей среды носит императивный характер. КМП ООН упомянула также обязательства, «имеющие основополагающее значение для защиты и сохранения окружающей среды, такие как обязательства, запрещающие массовое загрязнение атмосферы или морей», как императивные нормы общего международного права[249]. Отметим, что об этом говорится в комментарии (п. 15) к статье 23 «Неисчерпывающий перечень» Проектов выводов о выявлении и правовых последствиях императивных норм общего

---

[247] Kraftwerk Reckingen AG v. Canton of Zurich and others, Appeal Judgment, BGE 129 II 114, ILDC 346 (CH 2002), 10 October 2002, Switzerland, Federal Supreme Court [BGer]; Public Law Chamber II, para. 4 // International Law in Domestic Courts (ILDC). Oxford Public International Law [Электронный ресурс]. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:ildc/346ch02.case.1/law-ildc-346ch02 (дата обращения: 01.07.2026).

[248] Dupuy, P.-M. Customary International Law and the Environment / P.-M. Dupuy, G. Le Moli, J. E. Viñuales // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by L. Rajamani, J. Peel. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 385-401.

[249] См.: Статья 19 (3(d)), of the draft articles on State responsibility, Yearbook of the International Law Commission, 1977. New York: United Nations, 1977. Vol. II, Part 1. P. 95-96, read in conjunction with paragraphs (17) and (18) of the commentary to that article (Там же. P. 102)

международного права (jus cogens). Об этом пишут многие ученые[250], и мы выражаем солидарность с ними.

Экологические обязательства, вытекающие из общих принципов права. Существование таких принципов определяется на различных основаниях. В частности, о признании государствами этих принципов, как представляется, свидетельствуют среди прочего *travaux préparatoires*, договорные положения, а также признание, выраженное в резолюциях Генеральной Ассамблеи и в декларациях. Для нас такие принципы интересны именно с точки зрения выявления международных обязательств, хотя в рамках системы международного права в целом они выполняют много функций. Они обеспечивают заполнение лакун в международно-правовых нормах, основанных на договорах и обычаях, для того, чтобы избегать неясности (*non liquet*), служат средством толкования других норм международного права и являются инструментом усиления правовой аргументации»[251]. Более того, им отводится более абстрактная роль, заключающаяся в том, что они лежат в основе международно-правовой системы или что они служат укреплению ее системного характера[252].

Общие принципы права можно найти также в области международного экологического права[253]. Специальный докладчик КМП отметил, что одним из возможных примеров общих принципов является принцип «платит

---

[250] Oral N. Environmental Protection as a Peremptory Norm of General International Law: Is It Time? / N. Oral // Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Disquisitions and Dispositions / ed. by D. Tladi. Leiden: Brill | Nijhoff, 2021. P. 575-599; Lorenzo P. The Protection of the Environment as an Imperative Norm of International Law (Ius Cogens) / P. Lorenzo // Revista de Derecho de la Universidad de Montevideo. 2020. Vol. 19. No. 37. P. 41-69.

[251] Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом для Комиссии международного права ООН от 5 апреля 2019 г.: документ ООН A/CN.4/732.

[252] Подпункт 25-26. Там же.

[253] По поводу мнения о том, что могут существовать некоторые общие принципы (в смысле п. 1c ст. 38 Статута Международного Суда), специфичные для области экологического права и не всегда вытекающие из национальных правовых систем, см., например, Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports. 2010. P. 14; Separate Opinion of Judge Cançado Trindade, p. 135, at paras. 6, 28, 48, 52; Mbengue M. M. General Principles of International Environmental Law in the Case Law of International Courts and Tribunals / M. M. Mbengue, B. McGarry // General Principles and the Coherence of International Law / ed. by M. Andenas, M. Fitzmaurice, A. Tanzi, J. Wouters. Leiden: Brill | Nijhoff, 2019. P. 408-441, at pp. 408-413. Однако авторы отмечают также, что, «поскольку основной свод международного экологического права называется «принципами», так как он возник в значительной степени из универсальных документов «мягкого права» (таких как Рио-де-Жанейрская декларация), в этом смысле такие нормы могут рассматриваться как свод норм международного обычного права» (p. 420).

загрязнитель», который прямо предусмотрен или закреплен в нескольких МЭС[254] и в соответствии с которым загрязнитель несет расходы по предотвращению, контролю и сокращению загрязнения[255]. В некоторых недавних договорах в преамбулах принцип «загрязнитель платит» упоминается как «общий принцип международного экологического права»[256].

Помимо международных договоров, принцип «загрязнитель платит» включен в некоторые международные документы рекомендательного характера. В частности, принцип 16 Декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) предусматривает следующее: «Национальные власти должны стремиться содействовать интернализации экологических издержек и использованию экономических средств, принимая во внимание подход, согласно которому загрязнитель должен, в принципе, покрывать издержки, связанные с загрязнением, должным образом учитывая

---

[254] Пункт 135 Второго доклада об общих принципах права, подготовленного Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом (72 сессия, Женева, 27 апреля – 5 июня и 6 июля – 7 августа 2020 г.): документ ООН A/CN.4/741 от 9 апреля 2020 г.

[255] См., например, Convention on Third Party Liability in the Field of Nuclear Energy (Paris, 29 July 1960) // United Nations Treaty Series. 1967. Vol. 956. No. 13706. P. 251; Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage (Vienna, 21 May 1963) // United Nations Treaty Series. 1977. Vol. 1063. No. 16197. P. 265; Convention for the Protection of the Mediterranean Sea against Pollution (Barcelona, 16 February 1976) [Электронный ресурс]. URL: https://jncc.gov.uk/our-work/ospar-convention/ (дата обращения: 14.08.2026); Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage (2003) // United Nations Treaty Series. 2003. Vol. 2368. Art. 4. P. 3; ASEAN Agreement on the Conservation of Nature and Natural Resources (Kuala Lump ur, 9 July 1985) // UNEP Selected Multilateral Treaties in the Field of the Environment. Cambridge, 1991. Vol 2. P. 144; Convention on the Protection of Alps (Salzburg, 7 November 1991) // United Nations Treaty Series. Vol. 1917. No. 32724. Art. 2. P. 135; Convention for the Protection of the Marine Environment of the North-East Atlantic (Paris, 22 September 1992) [Электронный ресурс]. URL: https://jncc.gov.uk/our-work/ospar-convention/ (дата обращения: 14.03.2026); Agreement on the European Economic Area (Brussels, 13 December 1993) // Official Journal of the European Communities. Vol. 37. No. L 1. P. 3; Convention on the Protection and Use of Trans boundary Watercourses and International Lakes (Helsinki, 17 March 1992) // United Nations Treaty Series. 2004. Vol. 1936. No. 33207. Art. 2. P. 309; Agreements on the Protection of the Rivers Meuse and Scheldt (Charleville Mezieres, 26 April 1994) // International Legal Materials. 1995. Vol. 34. P. 851. Art. 3. Para. 2 (d); Convention on Cooperation for the Protection and Sustainable Use of the Danube River (Sofia, 29 June 1994) // Official Journal of the European Communities. 1994. Vol. 52. No. L 342. P. 19-20. Art. 2, Para. 4; Protocol to the Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter (London, 7 November 1996) // London Convention 1972 and 1996 Protocol (2003 Edition). – London: International Maritime Organization, 2003. P. 9-39; Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter (1996) // London Convention 1972 and 1996 Protocol (2003 Edition). London: International Maritime Organization, 2003. Art. 3. P. 15; Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on their Destruction (1997) // United Nations Treaty Series. Vol. 2056. Art. 3. Para. 2; Bern. См. также: Sands P. Principles of International Environmental Law / P. Sands. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 279-281.

[256] См., например, International Convention on Oil Pollution Preparedness, Response and Cooperation (London, 30 November 1990) // United Nations Treaty Series. 2000. Vol. 1991. No. 32194. P. 106.

общественные интересы и не нарушая международную торговлю и инвестирование»[257].

Таким образом, принцип «загрязнитель платит» можно считать общим принципом права по смыслу пункта 1c статьи 38 Статута Международного Суда на тех основаниях, что его признание международным сообществом может быть установлено благодаря инкорпорации этого принципа в ряд широко признанных договоров и других международных документов и что он широко представлен в национальном праве[258].

В порядке дискуссии отметим, что не всегда просто выделить общие принципы права в области межгосударственного экологического сотрудничества. Например, решение арбитража по делу *«Трейл Смелтер»* часто цитируется в поддержку той точки зрения, что общие принципы международного права налагают на государства обязательства по предотвращению трансграничного загрязнения воздуха[259]. Первоначально спор о компенсации рассматривался в межгосударственной американо-канадской комиссии. В апреле 1935 г. США и Канада подписали договор о передаче спора на рассмотрение арбитража[260], состоявшего из трех арбитров, которым помогали два ученых, назначенных, соответственно, этими двумя странами. В основе решения лежит заключение арбитража о том, что «В

---

[257] См. также акты ОЭСР: Recommendation of the Council on Guiding Principles concerning International Aspects of Environmental Policies, OECD/LEGAL/0102 (1972), annex, paras. 2–5; Recommendation of the Council on the Implementation of the Polluter-Pays Principle, OECD/LEGAL/0132 (1974); Recommendation of the Council concerning the Application of the Polluter-Pays Principle to Accidental Pollution, OECD/LEGAL/0251 (1989); Recommendation of the Council on the Use of Economic Instruments in Environmental Policy, OECD/LEGAL/0258 (1991). См. также Dupuy P.-M. Customary International Law and the Environment / P.-M. Dupuy, G. Le Moli, J. E. Viñuales // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by L. Rajamani, J. Peel. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 81. («На первый взгляд, принцип «загрязнитель платит» представляется простым вариантом обязанности по возмещению ущерба, причиненного другим лицам, в том виде, в каком он применяется в экологическом контексте. Однако подобное ограниченное понимание лишило бы этот принцип какого-либо самостоятельного содержания, учитывая, что такая обязанность прочно укоренилась в международном обычном праве благодаря как принципу непричинения вреда, так и принципу предотвращения»).

[258] Bugge H. C. The polluter pays principle: dilemmas of justice in national and international contexts / H. C. Bugge // Environmental Law and Justice in Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 411-428.

[259] Transboundary Harm in International Law: Lessons from the Trail Smelter Arbitration / ed. by R. M. Bratspies, R. A. Miller. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 347 p.

[260] Convention on the Final Settlement of the Difficulties Arising Through the Complaints of Damage Done in the State of Washington by Fumes Discharged from the Smelter of the Consolidated Mining and Smelting Company, Trail, British Columbia (15 April 1935) // League of Nations Treaty Series. 1937. Vol. 162. P. 73.

соответствии с принципами международного права... ни одно государство не имеет права использовать или разрешать использование территории таким образом, чтобы причинить вред дымом на другой территории или самой территории, или имуществу или лицам, находящимся на ней, в случае если имеют место серьезные последствия, а вред подтвержден четкими и убедительными доказательствами»[261]. Этот часто цитируемый отрывок решения использовался для обоснования целого ряда мнений относительно допустимости определенных выбросов в атмосферу. Однако важно помнить, что упомянутый принцип был применим *a priori* в силу арбитражного компромисса между США и Канадой (это не был вывод судей) и что это дело, вероятно, имеет большее значение именно для этого соглашения и для выводов суда об оценке и измерении количественного возмещаемого ущерба.

Экологические обязательства, вытекающие из решений международных организаций, становятся источниками международных экологических обязательств в тех случаях, когда государства заранее согласились на признание их юридической силы и на то, что такие решения будут конкретизировать или «донастраивать» их договорные и обычные обязанности. Учредительные акты ряда организаций прямо предусматривают, что их органы могут принимать обязательные решения, которыми государства-члены связаны, – классический подход для интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС) и специализированных организаций. Применительно к экологической сфере это означает, что нормы относительно выбросов, стандартов качества воды, охраны видов и т. п. могут устанавливаться не только самим договором, но и последующими актами его органов. Выше мы уже писали, что большинство современных МЭС создают конференции сторон и вспомогательные органы, уполномоченные принимать решения по реализации договора. Когда сами договоры прямо указывают, что определенные решения таких органов являются обязательными (например, по

[261] Trail Smelter Case (United States v. Canada), Awards of 16 April 1938 and 11 March 1941, 3 RIAA 1905, at 1965.

поправкам, финансовым механизмам, процедурным правилам соблюдения), эти решения становятся источником конкретных международных обязательств по выполнению «рамочных» норм договора. В экологических режимах значительная часть реально действующих обязательств «рождается» не в исходном договоре, а в последующих решениях органов МЭС. Имеются в виду установление списков веществ, предельных величин выбросов, процедур отчетности, форматов национальных планов и т. д. В результате сами решения конференций сторон и специализированных органов приобретают нормативное значение и выступают источником специфических экологических обязательств (например, по представлению отчетности, ведению реестров, применению конкретных методик мониторинга)[262]. Например, КС РКИК ООН принимают решения об утверждении правил учета выбросов, методик отчетности, процедур прозрачности и механизмов соблюдения, которым государства обязаны следовать в силу своих договорных обязательств[263]. Нам представляется, что эти решения детализируют общие нормы договоров и превращают, например, абстрактное обязательство «представлять национальные вклады» в конкретную обязанность представлять отчет по установленному формату, в определенные сроки и с заданным содержанием. Комитет по соблюдению и совещание сторон принимают решения по конкретным делам о несоблюдении, устанавливая для государств-нарушителей индивидуализированные обязанности (изменить законодательство, реформировать процедуры доступа к информации и участия общественности). Поэтому решения, принимаемые в рамках реализации МЭС, порой приобретают нормативный эффект и фактически становятся источником дополнительных международных обязательств государств. Появление новых научных данных и технологий

---

[262] Солнцев А. М. Решения, принятые в рамках реализации международных экологических соглашений / А. М. Солнцев // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 182-187.

[263] Регулирование в области изменения климата: мировая практика и перспективы [Электронный ресурс]. ЦМСПИ, 2021. С. 36. URL: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/%D0%A6%D0%9C%D0%A1%D0%9F%D0%98_%D0%98%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B0_1649167910.pdf (дата обращения: 01.08.2026)

требует постоянной корректировки стандартов (НДТ, предельные выбросы, списки веществ и видов). Через решения органов договоров экорежимы получают способность быстро адаптировать международные обязательства к меняющимся условиям, не переписывая само МЭС.

Экологические обязательства, вытекающие из решений международных судов и арбитражей. С*удебные решения* сами по себе не могут быть источниками права[264], но могут быть источниками обязательств как минимум для сторон конкретного спора. Выводы судебных органов при толковании и применении договоров, обычаев и общих принципов права, определяющих нормы международного права, могут служить указанием на правовые обязательства, связывающие государства, международные организации и другие органы. Как отмечается, «Судебные решения, а также доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций сыграли жизненно важную роль в развитии международного права. Это особенно очевидно в годы становления международного права, но не только. Вес судебных решений и научных трудов варьируется в зависимости от конкретного трибунала и соответствующей области международного права»[265]. Как отмечал Р. Бернхардт: «нельзя недооценивать роль решений международных судов в процессе нормотворчества. Убедительно проработанные решения часто оказывают важнейшее влияние на процесс нормотворчества, даже если в теории суды применяют существующее право и не создают нового»[266].

Более того, судебные решения могут разъяснять договорные нормы или целенаправленно толковать их для применения к новым ситуациям, которые,

---

[264] Некоторые ученые считают судебные решения таким же источником права, как и другие источники права и описывают формулировку статьи 38 «...как важную в принципе и не видят большой сложности в том, чтобы рассматривать вспомогательное средство для определения правовых норм как источник права не просто по аналогии, а прямо...». см. Jennings R. Y. International Lawyers and the Progressive Development of International Law / R. Y. Jennings // Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century: Essays in Honour of Krzysztof Skubiszewski / ed. by J. Makarczyk. The Hague: Kluwer Law International, 1996. P. 413-424.

[265] Доклад Комиссии международного права о работе ее семьдесят второй сессии (26 апреля – 4 июня и 5 июля – 6 августа 2021 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/76/10). Нью-Йорк: ООН, 2021. С. 218.

[266] Bernhardt R. Custom and Treaty in the Law of the Sea / R. Bernhardt // Recueil Des Cours: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1987. Vol. 205. No. 7. P. 247-330.

возможно, ранее не предусматривались[267]. В этом отношении Международный суд, как главный судебный орган ООН, своими решениями внес существенный вклад в развитие различных областей международного права, в то числе в международное экологическое право. Суд, в свою очередь, часто применяет материальные нормы, разъясненные в его предыдущих решениях. В ходе этого процесса он посредством своих судебных решений, разъясняющих нормы международного права, также вносит вклад в укрепление и даже развитие международного права[268]. Важно уточнить и не забывать, что решения Международного Суда ООН не имеют обязательной силы, кроме как между сторонами и только в отношении данного конкретного дела (ст. 59 Статута Международного Суда ООН). Таким образом, хотя в Суде не существует *stare decisis*, аналогичного тому, что существует в правовых системах общего права, где иерархия судебных прецедентов вышестоящих судов является обязательной для нижестоящих судов, на практике Международный суд опирается на свои собственные предыдущие решения. Это повышает предсказуемость и последовательность в применении международного права, а также служит укреплению правовой безопасности государств. Суд отступает от предыдущих решений только по серьезным причинам, и если он это делает, то часто приводит соответствующее обоснование. Конечно, сказанное относится не только к Международному суду ООН, но и к другим международным судам и трибуналам, о чем далее мы подробно будем говорить.

---

[267] См. International Court of Justice, Handbook of the International Court of Justice [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/files/publications/handbook-of-the-courten.pdf (дата обращения: 27.07.2026). Действительно, еще в 1949 г. Международный суд признал такую «новую ситуацию» в отношении Устава ООН в своем Консультативном заключении по делу «О возмещении ущерба, понесенного на службе ООН»: «Суд здесь сталкивается с новой ситуацией. Вопросы, которые она порождает, могут быть решены только путем осознания того, что в данной ситуации доминируют положения Устава, рассматриваемые в свете принципов международного права». С тех пор во многих решениях Международный суд прямо признавал эволюцию международного права. Он подчеркнул важность такой эволюции для определения права, применимого к данному делу.

[268] См. Там же. Вынесено заключение о том, что «решение Суда не просто разрешает конкретный спор, но также неминуемо вносит вклад в развитие международного права. Полностью осознавая это, Суд учитывает эти две цели при подготовке и составлении своих решений».

Доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций как вспомогательные средства для выявления и толкования международных экологических обязательств. В последнее время стали появляться интересные исследования, касающиеся вспомогательной роли доктрины в выявлении международно-правовых норм [269]. При этом надо отметить, что в решениях судов чаще всего используются коллективные исследования (прежде всего КМП, затем можно отметить исследования Ассоциации международного права, Института международного права, Международного союза охраны природы (МСОП) и МККК) и лишь изредка – исследования отдельных ученых. Например, из 4500 трудов, процитированных в решениях и консультативных заключениях Международного суда ООН (исключая самоцитирование), наиболее часто упоминаемыми в решениях Суда оказались работы таких ученых, как: Ш. Розен (233 цитаты), Х. Лаутерпахт (119 цитат) и Дж. Фитцморис (67 цитат)[270]. Представляется, что ранее доктрина имела большее значение для разъяснения применимых норм международного права. Сегодня роль доктрины снижается, поскольку государства чаще регулируют вопросы с помощью трех общеизвестных видов источников, хотя процесс выявления из этих источников применимых норм и их содержания может потребовать обращения к научным трудам. Применительно к МЭП, где научная экспертиза крайне важна, думается, что мнение договорных органов, созданных на основе МЭС, имеет существенное значение.

Отметим, что в «климатических» судебных решениях все чаще идет отсылка к данным Международной группы экспертов в области изменения

---

[269] Sivakumaran S. The Influence of Teachings of Publicists on the Development of International Law / S. Sivakumaran // International & Comparative Law Quarterly. 2017. Vol. 66. No. 1. P. 1-37; Helmersen, S. T. Finding «the Most Highly Qualified Publicists»: Lessons from the International Court of Justice / S. T. Helmersen // European Journal of International Law. 2019. Vol. 30. No. 2. P. 509-535; Helmersen S. T. The Application of Teachings by the International Court of Justice / S. T. Helmersen. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 232 p.; Wood M. Teachings of the Most Highly Qualified Publicists (Art. 38 (1) ICJ Statute) [Электронный ресурс] / M. Wood // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2012. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1480 (дата обращения: 27.07.2026).

[270] Helmersen S. T. The Application of Teachings by the International Court of Justice / S. T. Helmersen. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 513.

климата (МГЭИК), что, с нашей точки зрения, также может быть квалифицировано как доктрина. МГЭИК была создана совместным решением ЮНЕП и ВМО для того, чтобы предоставить «скоординированные на международном уровне научные оценки масштабов, сроков и потенциального экологического и социально-экономического воздействия изменения климата, а также реалистичные стратегии реагирования»[271].

Международный трибунал по морскому праву в консультативном заключении об изменении климата 2024 г.[272] прямо указал: «Трибунал отмечает, что большинство участников разбирательства ссылались на доклады МГЭИК, признавая их авторитетными оценками научных знаний об изменении климата, и что никто из участников не оспаривал авторитетность этих докладов» (п. 51)[273]. И далее: «Что касается изменения климата и закисления океана, то наиболее достоверные научные данные содержатся в трудах МГЭИК, отражающих научный консенсус. Как отмечалось выше в пункте 51, большинство участников выразили мнение, что доклады МГЭИК представляют собой авторитетную оценку научных знаний об изменении климата, и ссылались на них в своих выступлениях в ходе настоящего разбирательства. В этой связи Трибунал считает, что оценки МГЭИК, касающиеся климатических рисков и смягчения последствий изменения климата, заслуживают особого внимания» (п. 208)[274].

Подобными экспертными данными и статусом обладают также Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию

---

[271] Официальными документами, утвердившими учреждение МГЭИК, стала резолюция ВМО № 4 (XXXVIII) и решение Исполнительного совета ЮНЕП 14/20. Эти документы были приняты в 1988 г. с целью предоставления научных данных о климатических изменениях для поддержки международной политики. Таким образом, МГЭИК была учреждена не отдельным международным договором, а решением функционального органа ООН и специализированного учреждения ООН, что подчеркивает ее междисциплинарный и научно-политический статус.

[272] Подробнее см.: Солнцев А. М. Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 года об изменении климата / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 4 (52). С. 38-49.

[273] Advisory Opinion No. 31. Request for an Advisory Opinion submitted by the Commission of Small Island States on climate change and International Law (21 May 2024) [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_orig.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[274] Там же.

и экосистемным услугам (МПБЭУ, IPBES) и Межправительственная научно-политическая группа по химическим веществам, отходам и загрязнению (МНПГ-ХОЗ). Эта триада международных научно-политических органов призвана реагировать на тройной планетарный кризис.[275] Легитимные научные наработки указанных органов уже востребованы и будут в дальнейшем использоваться в качестве доктринальных данных в международных судах.

Таким образом, подводя итог первому параграфу диссертации, можно дать следующее определение термина «международное экологическое обязательство». Под международным экологическим обязательством следует понимать установленное нормой международного права, зафиксированной в международном договоре, международном обычае, общих принципах права, решениях международных судов, одностороннем акте, обязательном решении международных организаций, правовое отношение, в силу которого один субъект международного права связан требованием вести себя определенным образом в интересах другого субъекта (или группы субъектов, или международного сообщества), обладающего, в свою очередь, правовым интересом требовать исполнения этого поведения в сфере предупреждения и ограничения трансграничного и глобального экологического вреда, сохранения и устойчивого использование природных ресурсов и глобальных экологических благ, а также гарантирования надлежащего сотрудничества, обмена информацией, проведения оценки воздействия на окружающую среду и доступа к правосудию по экологическим вопросам.

[275] UNEP, Press release. Nations come together to establish new Intergovernmental Science-Policy Panel on Chemicals, Waste and Pollution [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/nations-come-together-establish-new-intergovernmental-science-policy?__cf_chl_rt_tk=WC_5LehGjPXQiW8GNcR2Pcxi1tjFoetFXCmRgeFrrqI-1752745616-1.0.1.1-ammuxhoxKcig44RhlPR.CINO6gy.PxhGlV.kGstr1EY (дата обращения: 01.08.2026).

§ 2. Обязательства *erga omnes* как специфический вид обязательств в международном экологическом праве

Ответственность государства возникает в силу нарушения международно-правового обязательства, независимо от происхождения соответствующего обязательства. В этом контексте иногда используется слово «источник», как, например, в преамбуле Устава ООН, где подчеркивается необходимость уважения «обязательств, вытекающих из договоров и других источников международного права». Но надо отметить, что относительно источников международного права в доктрине всегда идут споры[276], поэтому мы предпочитаем использовать термин «происхождение», который имеет тот же смысл, но при этом не дает повода для доктринальных разногласий.

Нарушение международно-правового обязательства имеет место в том случае, когда какое-либо поведение, присваиваемое государству как субъекту международного права, представляет собой невыполнение этим государством своего международного обязательства[277]. Нарушение, присвоенное государству, влечет международную ответственность. На практике используются и такие термины, как «неисполнение международных обязательств», «деяния, несовместимые с международными обязательствами», «нарушение международного обязательства» или «нарушение обязательства»[278]. Все эти формулировки имеют одно и то же значение. В проекте статей об ответственности государств 2001 г. предпочтение отдано выражению «нарушение международно-правового

---

[276] Многие темы, связанные с источниками международного права, либо уже рассмотрены, либо находятся в стадии рассмотрения в КМП: Identification of customary international law; Peremptory norms of general international law (Jus cogens); General principles of law; Subsidiary means for the determination of rules of international law; Non-legally binding international agreements.

[277] См. подробнее: Банис П. А. Присвоение ответственности в современном международном праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Банис Павел Андреевич. Москва, 2012. 189 с.

[278] Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10). Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 38 (Комментарий к проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния). На Конференции по кодификации международного права, проходившей в Гааге в 1930 г., был принят термин «любое… невыполнение международных обязательств государства» (см. Ежегодник, 1956 год, том II, с. 225 английского текста, док. ООН A/CN.4/96, приложение 3, статья 1).

обязательства», которое по смыслу соответствует формулировке пункта 2с статьи 36 Статута Международного суда ООН.

При решении вопроса о том, является ли какое-либо поведение, присваиваемое государству, нарушением его международно-правовых обязательств, основной акцент делается на соответствующем первичном обязательстве. Именно оно должно толковаться и применяться к данной ситуации, устанавливая тем самым существо требуемого поведения, стандарт, который надлежит соблюсти, результат, который должен быть достигнут, и т. д.

Ущерб, вина, умысел не являются необходимыми элементами международно-противоправного деяния государства. Необходимость наличия таких элементов обусловлена содержанием первичного обязательства, и на этот счет не существует никакого общего правила.

Суть международно-противоправного деяния заключается в несоответствии фактического поведения государства тому поведению, которому оно должно было бы следовать для соблюдения конкретного международно-правового обязательства. Подобное поведение порождает новые правоотношения, относящиеся к общей категории международной ответственности. В этом случае мы можем говорить о несоответствии обязательствам государства, о деянии, противоречащем обязательству, или о деянии, не согласующимся с обязательством. В некоторых случаях от соответствующих государств требуется вполне определенное поведение; в других случаях обязательство лишь является минимальным стандартом, сверх которого государство может действовать по собственной воле. Содержание такого поведения может быть различным: им может являться действие или бездействие либо сочетание действий и бездействий; им может являться принятие закона или конкретного административного или другого решения по какому-либо делу или даже угроза таких действий, независимо от исполнения этой угрозы, или же окончательное судебное решение. Оно может предполагать предоставление пособнических услуг или принятие мер

предосторожности либо же исполнение запретительного решения. В любом случае лишь путем сопоставления фактического поведения государства с тем поведением, которое юридически требуется в силу международно-правового обязательства, можно установить наличие или отсутствие нарушения этого обязательства. Слова «не соответствует тому, что» достаточно гибки, чтобы охватить многие различные способы выражения обязательства, а также различные формы его нарушений.

Мы делаем акцент в диссертации на нарушении международно-правового обязательства, а не какого-либо правила или нормы международного права. Значение для этих целей имеет не просто наличие нормы, а ее применение к конкретному случаю ответственного государства. Термин «обязательство» широко используется в международных судебных решениях и практике, а также в научной литературе для охвата всех возможностей. Ссылка на «обязательство» ограничивается обязательством по международному праву[279].

Важно подчеркнуть, что правоотношения, возникающие в результате совершения международно-противоправного деяния, не всегда двусторонние. Некоторые противоправные деяния порождают ответственность соответствующего государства по отношению к нескольким или многим государствам или даже по отношению к международному сообществу в целом (*erga omnes*). Как раз этот случай нередко проявляется в международном экологическом праве в силу его специфической природы.

Международный суд ООН в деле *Barcelona Traction* отметил, что основное различие следует провести между обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами, возникающими по отношению к другому государству в области дипломатической защиты. По самой своей природе первые касаются всех государств. Ввиду важности задействованных прав все государства могут рассматриваться в качестве

[279] Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10). Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 38.

имеющих правовой интерес в их защите; речь идет об обязательствах *erga omnes*[280]. Каждое государство в силу своего членства в международном сообществе имеет правовой интерес в защите некоторых основных прав и выполнении некоторых основных обязательств. Среди них Суд отметил «объявление вне закона актов агрессии и геноцида, а также …принципы и нормы, касающиеся основных прав человеческой личности, включая защиту от рабства и расовой дискриминации»[281]. В последующих делах Суд подтвердил этот постулат[282].

Явление глобализации отражается в универсализации международного права, в появлении новых обязательств *erga omnes*, а в целом – в повышении ответственности каждого члена международного сообщества за свои действия. Это же явление глобализации ведет к активизации международных отношений, к вовлечению в международно-правовое регулирование новых отношений. Явление глобализации придает новое значение нормальному ходу всех существующих международных отношений, демонстрирует настоятельную необходимость предотвращения не только военной угрозы, но и экономических, экологических и гуманитарных кризисов. Вместе с тем, в настоящее время ученые говорят о деглобализации[283], что ведет к замораживанию некоторых форматов сотрудничества и росту новых вызов и угроз.

В научных трудах все чаще обращают внимание на необходимость обеспечения защиты общественных интересов, что говорит об изменяющейся структуре международного правового порядка[284]. Заметную роль в развитии

---

[280] Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Second Phase: judgment of 5 February 1970 // I.C.J. Reports. 1970. P. 32.

[281] Там же.

[282] См. East Timor (Portugal v. Australia): judgment of 5 February 1995 // I.C.J. Reports 1995. P. 90-102. Para. 29; Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion of 8 July 1996 // I.C.J. Reports. 1996. P. 258. Para. 83; Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia): judgment of 3 February 2015 // I.C.J. Reports. 2015. P. 87-88.

[283] Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? / А. Н. Чумаков [Электронный ресурс] // Век глобализации. 2023. №3 (47). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-ili-deglobalizatsiya (дата обращения: 06.08.2026).

[284] См. Абашидзе А. Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств erga omnes / А. Х. Абашидзе // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений: монография / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Европейская Комиссия, 2008. С. 45-52; Клюня,

этого процесса играет Международный суд ООН. Общеизвестно, что именно в решении Международного суда ООН по делу компании *«Барселона трэкшн»* впервые прозвучал термин «обязательства *erga omnes*», что означает «обязательства государства перед международным сообществом в целом»[285]. Тем самым Суд дал определение термину «обязательства перед международным сообществом в целом» вместе с обязательствами перед всеми государствами, обладающими соответствующими правами, в противоположность термину «взаимные обязательства одного государства перед другим государством» в рамках их двусторонних отношений, в которых соответствующими правами обладает лишь второе государство. Суд пришел к выводу, что с учетом важности прав, о которых идет речь, все государства, которые могут рассматриваться как имеющие законный интерес к обеспечению своей защиты, берут на себя обязательства *erga omnes*. Например, Суд в двух случаях – решение по *Восточному Тимору* 1995 г.[286] и заключение по *строительству стены* 2004 г.[287] – выносил решение, согласно которому уважение принципа самоопределения народов является правом и обязательством *erga omnes*. В последнем случае Суд выразил мнение, что обязательства *erga omnes* по своему характеру тождественны общей заботе всех государств и что ввиду важности прав, о которых идет речь, можно утверждать: все государства имеют законный интерес к обеспечению своей защиты. Следует также сказать, что Суд рассмотрел характер обязательств по Конвенции о геноциде при разбирательстве трех дел: «Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и

А. Ю. Соотношение императивных норм международного права и обязательств erga omnes / А. Ю. Клюня // Евразийский юридический журнал. 2015. № 3. С. 54-58; Исполинов А. С. Нормы jus cogens в решениях международных и национальных судов / А. С. Исполинов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 42-50; Сазонова К. Л. К вопросу о соотношении международных преступлений государства, норм jus cogens и обязательств erga omnes в современном международном праве / К. Л. Сазонова // Право и политика. 2013. № 9. С. 1175-1181.

[285] Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Second Phase: judgment of 5 February 1970 // I.C.J. Reports. 1970. P. 32.

[286] East Timor (Portugal v. Australia): judgment of 5 February 1995 // I.C.J. Reports 1995. P. 105.

[287] Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem: advisory opinion 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/186 (дата обращения: 01.06.2026).

Герцеговина против Сербии и Черногории)»[288]; «Вооруженная деятельность в Конго» (Конго против Руанды)[289] и «Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Хорватия против Сербии)»[290].

В современной науке международного права есть суждение том, что обязательства *erga omnes* вытекают также из норм международного экологического и международного космического права, поскольку предусмотренные данными отраслями международного права такие термины, как, например, «общие экологические угрозы» или «общее наследие человечества», свидетельствуют о регулировании соответствующих правоотношений за рамками национальных юрисдикций государств, выводя их на международно-правовой уровень. По мнению К. Л. Сазоновой, квалификация обязательств, предусмотренных международным экологическим правом, в качестве *erga omnes* меняет восприятие рассматриваемой концепции в целом, поскольку смещает акцент в сторону предотвращения экоцида или нераспространения ядерного оружия[291]. Однако, на наш взгляд, не только в указанных областях международного экологического сотрудничества, но гораздо шире.

Обязательства *erga omnes* в контексте международного экологического права рассматривались Международным Судом ООН в 1970-х годах в делах о ядерных испытаниях[292]. Так, Австралия в своем заявлении по делам об испытаниях ядерного оружия обратилась к Суду с просьбой «вынести в судебном порядке решение о том, что проведение новых испытаний ядерного оружия в южной части Тихого океана противоречит действующим нормам

---

[288] Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Preliminary Objections: judgment of 11 July 1996 // I.C.J. Reports. 1996. P. 616. Para. 31.

[289] Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda): judgment of 3 February 2006 // I.C.J. Reports. 2006. P. 31-32. Para. 64.

[290] Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia): judgment of 3 February 2015 // I.C.J. Reports. 2015. P. 87-88.

[291] Сазонова К. Л. Ответственность государств и международных организаций за неправомерное применение силы в международном праве: теория и практика / К. Л. Сазонова. М.: Nota bene, 2014. 380 с.

[292] Солнцев А. М. Практикум по международному экологическому праву / А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2011. С. 45-51.

международного права, и убедить Французскую Республику отказаться от дальнейших его испытаний»[293]. И хотя до этого, 22 июня 1973 года Судом уже принимались временные меры, 20 декабря 1974 года он вынес окончательное решение, указав в нем, что цель заявителей, требовавших прекратить ядерные испытания, считается достигнутой после объявления Францией о том, что она отказывается от продолжения ядерных испытаний в атмосфере, и что теперь от Суда не требуется проводить производство [294]. Следует отметить, что Австралия подала заявление о возбуждении этого дела, руководствуясь стремлением защитить не только свои интересы, но и интересы других государств, поскольку, по ее мнению, ядерные испытания Франции являются нарушением свободы морского пространства. В своем заявлении она, в частности, указала, что морское пространство не статично, его жизненные системы сложны и тесно взаимосвязаны. Поэтому очевидно: никто не может утверждать, что загрязнение, особенно радиоактивное, в одном месте не может иметь последствий для других мест. Игнорирование Судом соображений такого рода означало бы невыполнение им своих функций по защите судебными средствами интересов международного сообщества[295]. По этому вопросу с особым мнением выступили судьи Ониема, Диллард, Хименес де Аречага и Уолдок, заявившие: «Что касается права на свободу от ядерных испытаний, которым, согласно заявлению Австралии, она обладает вместе с другими государствами, то мы вновь сталкиваемся с вопросом о законных интересах, который, на наш взгляд, является частью общей юридической базы рассматриваемого дела. Если бы материалы, предоставленные Австралией, убедили бы Суд в существовании общей нормы международного права, запрещающей испытания ядерного оружия в атмосфере, от Суда одновременно потребовалось бы четко установить характер и содержание этой

[293] Memorial on Jurisdiction and Admissibility submitted by the Government of Australia // I.C.J. Pleadings, Nuclear Tests Cases. Vol. 1. P. 337-338. Paras. 46-485.
[294] Nuclear Tests case (Australia v. France), Interim Measures: order of 22 June 1973 // I.C.J. Reports. 1973. P. 99; Nuclear Tests (New Zealand v. France): order of 22 June 1973 // I.C.J Reports. 1973. P. 135.
[295] Memorial on Jurisdiction and Admissibility submitted by the Government of Australia // I.C.J. Pleadings, Nuclear Tests Cases. Vol. 1. P. 337-338.

нормы, в частности выяснить, наделяет ли она каждое государство правом в индивидуальном порядке добиваться через Суд соблюдения этой нормы. Коротко говоря, вопрос о законном интересе не может рассматриваться в отрыве от субстантивного правового вопроса, касающегося факта существования и сферы действия указанной нормы международного обычного права. Хотя мы признаем, что принцип *actio popularis* международного права толкуется по-разному, замечания, высказанные Судом по делу *"Барселона трэкшн"*[296], с достаточной убедительностью демонстрируют, что данный вопрос можно рассматривать как один из тех, которые способны обеспечить логическое обоснование и предмет разбирательства в Суде»[297]. Таким образом, судьи, высказавшие коллективное особое мнение, воздержались от определения тех значительных последствий, которые может повлечь обязанность *erga omnes* в материальном праве с точки зрения процессуального права. Это явное разночтение между материальным правом и процессуальным правом представляет собой главный недостаток, присущий концепции «обязательства *erga omnes*».

Данная правовая ситуация получила подтверждение в принятой в 2005 г. резолюции Института международного права, озаглавленной «Обязательства erga omnes в международном праве». Статья 1a Резолюции определяет обязательство *erga omnes* следующим образом: «обязательство по общему международному праву, которое несет государство в любом данном конкретном случае перед международным сообществом, с учетом его общих ценностей и его ориентированности на обеспечение соблюдения действующих норм, поэтому неисполнение этого обязательства наделяет государства правом на принятие соответствующих мер». Статья 1b того же документа определяет обязательство *erga omnes partes* (хотя в Резолюции эта терминология не употребляется, а просто в обоих случаях используется

[296] Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Second Phase: judgment of 5 February 1970 // I.C.J. Reports. 1970. P. 32.
[297] Nuclear Tests (Australia v. France), I.C.J. Reports 1974, p. 312, paras. 116-117.

термин *erga omnes*) как обязательство по международному праву, которое государство – участник многостороннего договора в любом данном конкретном случае несет перед всеми другими государствами – участниками этого же договора, с учетом их общих ценностей и их ориентированности на обеспечение соблюдения действующих норм, поэтому невыполнение этого обязательства наделяет все эти государства правом на принятие соответствующих мер. Что касается процедурных требований к приведению в действие данного механизма, то в Резолюции говорится о том, что между государством, виновным в нарушении обязательства *erga omnes*, и государством, перед которым данное государство несет это обязательство, должна существовать юрисдикционная совместимость, чтобы последнее государство могло «обратиться в Международный Суд или другие международные судебные органы с жалобой на несоблюдение данного обязательства» (ст. 3). Для того чтобы государство могло участвовать в работе Суда или механизма, имеющего касательство к этому обязательству, «участие должно регулироваться специальными правилами» (ст. 4); в противном случае участие невозможно[298]. При этом Институт высказал убежден в существовании и функционировании в международном праве такой нормы, как обязательство *erga omnes* в его нынешнем понимании[299].

КМП ООН занималась обязательством *erga omnes* в связи с работой над проектом статьи 48 «Призвание к ответственности государством, иным, чем потерпевшее государство» в рамках Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. В пункте 1 статьи 48 говорится, что любое государство, иное, чем потерпевшее государство, вправе призвать к ответственности другое государство, если: а) нарушенное обязательство является обязательством в отношении группы государств, включающей это

[298] Annuaire de l'Institut de droit international. 2005. Vol. 71, t. I. Session de Cracovie. Paris: A. Pedone. P. 119-151 (premier rapport, 2002); P. 189-212 (deuxième rapport, 2004); P. 153-187 (réponses et observations de la Commission).

[299] Fitzmaurice M. The International Court of Justice and International Environmental Law / M. Fitzmaurice // The Development of International Law by the International Court of Justice / ed. by C. J. Tams, J. Sloan. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 358-381.

государство, и установлено в целях защиты коллективного интереса этой группы; b) нарушенное обязательство является обязательством в отношении международного сообщества в целом[300]. В подпункте (a) речь идет об обязательствах *erga omnes* перед группой государств, а в подпункте (b) – об обязательствах *erga omnes* перед международным сообществом в целом[301]. Что касается вопроса о ситуации с не потерпевшим государством, то, как представляется, Комиссия занимает нейтральную позицию в вопросе о существовании коллективного интереса группы и правовом характере обязательств, налагаемых многосторонним договорами. Ответить на этот вопрос можно только через толкование конкретного договора.

Вопрос об обращении в международные суды на основании коллективного интереса, зафиксированного в многосторонних договорах, обсуждается с 1923 г., когда он впервые был поднят Постоянной палатой международного правосудия в ходе разбирательства дела *«Пароход Уимблдон»*[302]. В постановлении Суда по этому делу говорилось, что статья 380 Версальского договора о свободе прохода по Кильскому каналу носит общий и не допускающий возражений характер и что все четыре истца имеют в этом деле признаваемый правом интерес и, следовательно, отвечают требованиям указанного договора. Решением 1966 г. по Юго-Западной Африке, принятым Судом с незначительным перевесом голосов, было отказано в иске о признании правосубъектности[303], поданном Эфиопией и Либерией, которые утверждали, что, будучи членами Лиги Наций, они подпадают под

---

[300] Yearbook of the International Law Commission, 2001. Vol. II (Part Two). New York: United Nations, 2001. P. 126-128.

[301] Там же. В комментарии говорится, что обязанности по защите коллективного интереса групп, согласно подпункту (a), иногда называют «обязанностями ‘erga omnes’». В подпункте же (b) говорится, что в статьях их авторы избегают использовать термин «обязанности ‘erga omnes’», потому что этот термин не передает всего смысла того, что имеет в виду Суд, и иногда его путают с обязательствами перед всеми сторонами договора.

[302] S.S. Wimbledon (France, Italy, Japan and United Kingdom v. Germany): judgment of 17 August 1923 // P.C.I.J. Reports, Series A, No. 1. Leyden: Swets & Zeitlinger, 1923. P. 16-20.

[303] В своем решении 1962 г. Суд подтвердил юрисдикцию по данному делу, а также правосубъектность заявителей на основании пункта 2 статьи 7 мандата (South West Africa (Ethiopia v. South Africa), Preliminary Objections: judgment of 21 December 1962 // I.C.J. Reports 1962. The Hague: ICJ, 1962. P. 319-386). В решении 1966 года, однако, говорилось, что их правосубъектность не может быть признана как «соответствующая существу данного дела» (South West Africa (Ethiopia v. South Africa), Second Phase: judgment of 18 July 1966 // I.C.J. Reports 1966. P. 18. Para.4).

соответствующий мандат, нацеленный на создание надлежащего административного механизма, который выражал бы коллективные интересы, разделяемые членами Лиги Наций. Однако в 1966 г. Суд высказался за проведение различия между положениями мандата, касающимися, соответственно, «поведения» и «особых интересов», указав на то, что право требовать должного исполнения мандата не может проистекать из простого факта членства в Лиге Наций. В итоге он пришел к выводу, что заявители в своем индивидуальном качестве государств не обладают никаким отдельным автономным правом самостоятельно или в дополнение к праву, которым они наделены как члены Лиги Наций, заниматься коллективной институциональной деятельностью, направленной на то, чтобы добиться должного исполнения мандата в части, касающейся «выражения интересов». В то же время Международный суд ООН согласился с более либеральной позицией участников недавнего дела *«Обязательство преследовать по закону или экстрадировать»*[304], базирующейся на обязательстве *erga omnes partes*, предусмотренном в многосторонних договорах, Конвенции против пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Что касается участия Бельгии в деле, то Суд определил, что все государства-участники имеют общий интерес в том, что касается исполнения обязательства предотвращать пытки и принимать меры к преследованию в уголовном порядке виновных, и что общий интерес предполагает: это обязательство несет любое государство-участник перед всеми другими государствами – участниками Конвенции. Поэтому был сделан вывод, что все государства-участники имеют законный интерес к обеспечению защиты указанных прав и что эти обязательства можно определить как обязательства *erga omnes partes* в том смысле, что каждое государство-участник заинтересовано в его исполнении в любом данном конкретном случае[305]. Суд

[304] Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal): judgment of 20 July 2012 // I.C.J. Reports. 2012. P. 6. Para.1.
[305] Там же. Para. 68.

пришел к выводу, что государство – участник Конвенции может ссылаться на соответствующие обязательства другого государства-участника для подтверждения факта неисполнения обязательства *erga omnes partes*, например, согласно пункту 2 статьи 6 и пункту 1 статьи 7 Конвенции, и для исправления этой ситуации, и в этом плане «особые интересы» не требуются[306]. Таким образом, исходя из своей практики, Суд подтверждает, что основанием для признания обязательства *erga omnes partes* служит практика толкования соответствующих многосторонних договоров. В своем исковом заявлении против Японии *«Китобойный промысел в Антарктике»* Австралия сослалась на обязательство *erga omnes partes* в рамках Международной конвенции по регулированию китобойного промысла. Япония не оспорила этот довод, но впоследствии Суд в своем решении обошел молчанием данный момент. Трудно представить себе, чтобы Суд изменил свое мнение относительно обязательства *erga omnes partes* после вынесенного в 2012 г. постановления по делу *«Обязательство преследовать по закону или экстрадировать»*, Впрочем, если не придерживаться эволюционного токования (которое Суд, на наш взгляд, отвергает), невозможно вообразить, чтобы в 1946 г. в ситуации, совершенно отличной от той, которая существовала в 1984 г., когда была принята Конвенция против пыток, Международная комиссия по регулированию китобойного промысла приняла к рассмотрению иск непострадавшей стороны.

В противоположность этому, ввиду отсутствия каких бы то ни было процедурных норм в общем международном праве в части обязательства *erga omnes partes* перед международным сообществом в целом, трудно вообразить аналогичную ситуацию для обращения любого государства в международный суд или трибунал.

Статья 192 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. предусматривает общее обязательство, которое можно охарактеризовать как обязательство *erga*

[306] Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal): judgment of 20 July 2012 // I.C.J. Reports. 2012. P. 6. Para. 69.

omnes, то есть как обязанность государств защищать и сохранять морскую среду. Данное положение является важнейшей составляющей использованного в Части XII Конвенции подхода к обеспечению охраны и сохранности морской среды[307]. Хотя базовая структура Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. опирается на распределение бремени расходов на охрану морской среды в соответствии с районами разграничения морского пространства, важно отметить, что в Конвенции тем не менее присутствует зонтичная оговорка, касающаяся общей обязанности государств охранять морское пространство. Следует отметить далее, что упоминание об общей обязанности охранять некоторые виды природных ресурсов присутствует и в других международных соглашениях, в том числе в статье 20 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков и статье 10 Проекта статей по праву трансграничных водоносных горизонтов. Эти документы были разработаны на базе статьи 192 Конвенции по морскому праву[308]. В комментарии к Конвенции по водотокам говорится, что ввиду общего характера обязательства, сформулированного в этой статье, Комиссия высказалась за то, чтобы данная статья предшествовала другим, более конкретным статьям[309]. В Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г.[310] говорится, что стороны, «желая положить конец заражению окружающей человека среды радиоактивными веществами» (преамбула) обязуются запретить, предотвращать и не производить любые испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы в … атмосфере» (ст. 1). Хотя участниками этого договора до сих пор являются 124 государства[311], после того, как в 1974 г. Франция объявила о своем намерении прекратить

[307] United Nations Convention on the Law of the Sea 1982: A Commentary. Vol. IV / ed. by M. H. Nordquist, S. Rosenne, A. Yankov. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1990. P. 36.
[308] Yearbook of the International Law Commission, 1994. vol. II. Part Two. New York: United Nations, 1994. P. 118 // Official Records of the General Assembly, Sixty-third Session, Supplement No. 10 (A/63/10). New York: United Nations, 2008. P. 55.
[309] Там же. p. 118 (1).
[310] Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.) // United Nations Treaty Series. 1963. Vol. 480. P. 44-45.
[311] Там же.

испытания ядерного оружия в атмосфере, сегодня представляется маловероятным, чтобы какое-либо государство осмелилось нарушить достигнутый благодаря Договору частичный запрет на испытания ядерного оружия, который через нормы международного обычного права стал обязательным для всех государств[312].

В консультативном заключении Международного Суда ООН по запросу Генеральной Ассамблеи 1996 г.[313] относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения Суд задался вопросам, приведет ли применение ядерного оружия к нанесению серьезного ущерба окружающей среде, в том числе, возможно, и глобальной атмосфере. Суд согласился с тем, что окружающая среда ежедневно подвергается угрозе и что применение ядерного оружия может стать катастрофой для окружающей среды… и что окружающая среда – это не абстрактное понятие, а среда обитания, от которой зависят качество жизни и здоровье людей, в том числе и еще не родившихся[314]. Суд определил, что общая обязанность государств обеспечить, чтобы подпадающая под их юрисдикцию и контроль деятельность не создавала угрозы для окружающей среды других государств или районов, которые они не контролируют, сейчас является частью свода норм международного права, касающихся охраны окружающей среды.

Само собой разумеется, что понятие «общая обязанность государств» охватывает и такие глобальные аспекты охраны атмосферы, как разрушение озонового слоя и изменение климата. Пункт 1 статьи 2 («Общие обязательства») Конвенции по охране озонового слоя 1985 г. гласит: «Стороны принимают надлежащие меры… для защиты… от неблагоприятных последствий… изменяющих или способных изменить состояние озонового слоя. В пункте 1 статьи 3 («Принципы») РКИК 1992 г. говорится, что

---

[312] Хотя в Суде Договор о запрещении ядерных испытаний не рассматривался под углом зрения норм международного обычного права в силу спорности (по мнению Суда) этого вопроса, Суд тем не менее указал на целесообразность его рассмотрения (Особое мнение судьи Оньемы и его коллег, с. 368).
[313] Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion // I.C.J. Reports 1996. P. 226. At p. 241.
[314] Там же. Para. 29.

«сторонам следует защищать климатическую систему на благо нынешнего и будущих поколений…», – принцип, который, как представляется, распространяется и на развитые, и на развивающиеся страны. указывают, что все государства несут общую обязанность защищать климатическую систему и что степень ответственности должна быть «дифференцированной» в зависимости от «имеющихся у них возможностей».

Что касается вопроса о том, можно ли считать, что трансграничное загрязнение воздуха двустороннего и регионального характера также подпадает под общую обязанность охранять атмосферу, то налицо прочная связь между трансграничным загрязнением воздуха и глобальными проблемами разрушения озонового слоя и изменения климата. И если на последние категории распространяется понятие «общей обязанности», то и первые также должны рассматриваться как подпадающие под нее.

Как отметил Международный Суд ООН в консультативном заключении *о климатических обязательствах*: «… обязательства государств, касающиеся защиты климатической системы и других компонентов окружающей среды от антропогенных выбросов парниковых газов — в частности, обязательство предотвращать значительный трансграничный ущерб в соответствии с обычным международным правом, — являются обязательствами *erga omnes*»[315]. С этим мнение остается лишь согласиться.

В заключение хотелось бы высказать следующее мнение. Существование различных обязательств *erga omnes* в международном экологическом праве зафиксированы в различных международных договорах и решениях Международного Суда ООН, что подчеркивает существование соответствующих норм *jus cogens* в международном экологическом праве.

[315] Obligations of States in respect of Climate Change – Advisory Opinion [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/187 (дата обращения: 24.07.2026).

§ 3. Выполнение международных экологических обязательств в свете отдельных основных принципов международного права

Выполнение международных экологических обязательств представляет собой одну из наиболее сложных сфер реализации международного права. Экологические угрозы по своей природе нередко трансграничны, их последствия могут проявляться спустя длительное время, а предотвращение вреда требует согласованных действий множества государств. Поэтому эффективность международно-правового регулирования окружающей среды определяется не только содержанием МЭС, но и применением основных принципов международного права, формирующих общий нормативный контекст поведения государств.

Выполнение международных экологических обязательств нельзя понимать исключительно как техническую реализацию положений МЭС. Оно основывается на фундаментальных принципах международного права: добросовестном выполнении обязательств, сотрудничестве, непричинении трансграничного вреда, суверенном равенстве государств, мирном разрешении споров и других принципах. Их совместное действие обеспечивает баланс между государственными интересами, необходимостью охраны окружающей среды и задачами устойчивого развития. В условиях углубления глобального экологического кризиса именно последовательное применение этих принципов является необходимым условием повышения эффективности международного экологического права.

Расширение сотрудничества на международном уровне становится все более необходимым в XXI в. в связи с нарастанием глобальных проблем, таких как загрязнение окружающей среды или глобальное потепление. Международное право в период 1990-х – начала 2020-х годов характеризовалось именно как «право сотрудничества» в противоположность

ранее существовавшему «праву сосуществования»[316]. В течение 30 лет такой подход диктовал структурные изменения, в рамках которых принцип сотрудничества получил признание не только как моральный долг, но и как юридическая обязанность. Так, концепция международного сотрудничества во многом опиралась на понятие «общих интересов» международного сообщества в целом. В целом ряде многосторонних договоров предусматривались и продолжают предусматриваться различные формы международного сотрудничества, различающиеся по своему содержанию и правовому характеру. Международное сотрудничество по смыслу этих договоров нередко строится на конкретных обязательствах и предполагает обеспечение их выполнения.

С 2022 г. стали происходить «тектонические» сдвиги в геополитике, которые существенно подрывают действие принципа сотрудничества в мире. Например, на климатическом треке есть существенные подвижки в сторону перехода к невозобновляемым источникам энергии (в том числе к углю) в связи с энергетическим кризисом, вызванным односторонними ограничительными мерами США и ЕС против России, а США денонсировали Парижское соглашение и РКИК ООН. Однако, следует подчеркнуть, что никто из государств не последовал примеру США и не стал выходить из этих МЭС, тем самым сохраняя приверженность ранее установленным критериям климатического сотрудничества.

Одна из главных целей ООН, как об этом говорится в ее Уставе, состоит в том, чтобы «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера»[317] (п. 3 ст. 1 Устава ООН). В пункте 1b статьи 13 Устава ООН говорится, что ГА «организует исследования и дает

[316] Delb Delbrück J. The International Obligation to Cooperate – An Empty Shell or a Hard Law Principle of International Law? – A Critical Look at a Much Debated Paradigm of Modern International Law / J. Delbrück // Coexistence, Cooperation and Solidarity. Liber Amicorum Rüdiger Wolfrum. Vol. 1. Leiden: Martinus Nijhoff, 2012. P. 3-16.

[317] Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 10.08.2025).

рекомендации в целях содействия международному сотрудничеству в области экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения»[318]. Статья 56 Устава ООН гласит, что «все члены Организации Объединенных Наций обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией». При всей важности данного положения Устава в нем сказано лишь об «обязательстве со стороны государств», которое ограничивается «действиями в сотрудничестве с Организацией»[319]. Формулировка самого обязательства носит двусмысленный характер, ибо не ясно, о каком обязательстве идет речь: юридическом или моральном? Более того, обязательство возлагается на государства – члены ООН, а не на все государства. Речь идет конкретно о государствах – членах ООН, действующих в сотрудничестве с Организацией, а не о других государствах в рамках их взаимных отношений. Вместе с тем в комментарии к Уставу ООН обращается внимание на недостатки ограниченного толкования сказанного в статье 56 относительно обязанности государств-членов. Согласно комментарию, статья 56 требует сотрудничества не только между самими государствами-членами, но и между государствами-членами и Организацией[320].

В 1970 г. сфера сотрудничества была расширена и распространена на все государства и на их взаимоотношения друг с другом принятием Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствие с Уставом ООН (резолюция ГА 2625(XXV) от 24.10.1970 г.), в которой четвертый принцип сформулирован как обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом.

Устав ООН не содержит конкретных положений по охране окружающей среды, так же, как и Декларация о принципах международного права 1970 г.

---

[318] Там же.
[319] Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 10.08.2025).
[320] Wolfrum R. Article 56 / R. Wolfrum // The Charter of the United Nations: A Commentary / ed. by B. Simma [et al.]. 2nd ed. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 942.

Профессор Алан Бойл отмечал в этом контексте, что в Декларации акцент ставился на экономическом суверенитете и содействии экономическому росту, экологические проблемы не были приоритетными для авторов этой резолюции на тот момент исторического развития[321]. Важно указать, что резолюция ГА была принята до крупнейшей Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде 1972 г., придавшей существенный импульс международному экологическому сотрудничеству.

Вместе с тем, по нашему мнению, именно посредством толкования целей ООН, перечисленных в пункте 3 статьи 1 Устава в конце 1960-х годов ООН стала заниматься экологическими вопросами[322]. Поэтому можно смело заявить, что отсутствие прямых ссылок на защиту окружающей среды в Декларации о принципах дружественных отношений не означает, что сформулированные в ней принципы сотрудничества не имеют значения в экологическом контексте.

В 1972 г. в Стокгольме состоялась Конференция ООН по окружающей человека среде, на которой была принята Декларация ООН по окружающей человека среде. Принцип 24 этой Декларации был посвящен сотрудничеству, но не содержал детально проработанных правил международного сотрудничества[323]. После Стокгольмской конференции ГА ООН в своей резолюции 2995 (XXVII) от 15 декабря 1972 г. «Сотрудничество между государствами в области окружающей среды» согласилась с тем, что сотрудничество между государствами в области окружающей среды будет развиваться эффективно, если государства будут эффективно обмениваться

---

[321] Boyle A. E. The Principle of Co-operation: The Environment / A. E. Boyle // The United Nations and the Principles of International Law: Essays in Memory of Michael Akehurst / ed. by V. Lowe, C. Warbrick. London: Routledge, 1994. P. 120.

[322] Principles of International Environmental Law / P. Sands, J. Peel, A. Fabra, R. MacKenzie. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 56–57.

[323] «Международные проблемы, связанные с охраной и улучшением окружающей среды, следует решать в духе сотрудничества всех стран, больших и малых, на основе равноправия. Сотрудничество, основанное на многосторонних и двусторонних соглашениях или на другой соответствующей основе, крайне важно для организации эффективного контроля, предотвращения, уменьшения и устранения отрицательного воздействия на окружающую среду, связанного с деятельностью, проводимой во всех сферах, и это сотрудничество следует организовать таким образом, чтобы в должной мере учитывались суверенные интересы всех государств». Текст см.: Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. М.: РУДН, 2007. 114 с.

информацией. В пункте 2 Резолюции признается, что «сотрудничество между государствами в области окружающей среды… может быть установлено путем ознакомления официальных кругов и общественности с техническими данными, касающимися работ, подлежащих осуществлению государствами в рамках их национальной юрисдикции во избежание серьезного ущерба, который может быть причинен окружающей среде прилегающего района». Таким образом, стоит отметить важную мысль: еще до вынесения Международным Судом ООН в 2010 г. решения по делу *«Целлюлозно-бумажные комбинаты (ЦБК) на реке Уругвай»* на ГА уже в 1970-х годах говорилось о связи между обязанностью представлять информацию, обязанностью сторон сотрудничать друг с другом и обязанностью предотвращать нанесение вреда.

Через 20 лет, в июне 1992 г., на Конференции ООН по окружающей среде и развитию была принята Декларация Рио, в принципе 27 которой подчеркивалось, что «государства и народы сотрудничают в духе доброй воли и партнерства в выполнении принципов, воплощенных в настоящей Декларации, и в дальнейшем развитии международного права в области устойчивого развития»[324].

Как отмечает профессор М. Н. Копылов, «юридическое содержание принципа сотрудничества в области охраны окружающей среды и рационального природопользования сегодня может быть раскрыто через юридическую обязанность государств, независимо от их общественного и государственного строя, сотрудничать друг с другом по вопросам поддержания мира и международной (в том числе экологической) безопасности, а также способствовать совершенствованию международного экологического правопорядка»[325].

---

[324] Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. М.: РУДН, 2007. 114 с.

[325] Копылов М. Н. Принцип международного сотрудничества глазами юриста-эколога / М. Н. Копылов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2005. № 2 (18). С. 122-128.

Принцип международного сотрудничества в настоящее время является одним из основополагающих в международно-правовом регулировании охраны окружающей среды. На нем основываются практически все действующие и разрабатываемые в данной области международно-правовые акты[326]. Действительно, в МЭС принцип сотрудничества получил дальнейшее развитие и уточнение, поскольку международное сотрудничество входит в число основных вопросов защиты окружающей среды.

Как мы писали выше, в международном экологическом праве проводят различие между двумя типами МЭС (и соответственно проистекающих их них международных экологических обязательств): ориентированными на результат и ориентированными на конкретные действия[327]. К МЭС первого типа относятся, например, Монреальский протокол 1987 г. и Киотский протокол 1997 г. а к числу МЭС второго типа – Конвенция о китобойном промысле 1946 г., Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г., Базельская конвенция 1989 г., Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г., Картахенский протокол 2003 г. и др. МЭС второго типа содержат нечеткие формулировки о средствах и методах достижения поставленных целей, что нередко затрудняет оценку хода их достижения. Вместе с тем в МЭС обоего типа уделяется внимание различным формам сотрудничества. Государства сотрудничают на основе суверенного равенства, территориальной целостности, устойчивого развития, взаимной выгоды и добросовестности в целях достижения справедливого и разумного использования, а также надлежащей защиты окружающей среды. В ходе сотрудничества они обмениваются данными, предоставляют данные по запросу, координируют свою научно-исследовательскую деятельность; обмениваются

[326] Копылов М. Н. Международное экологическое право — отрасль современного международного права // Международное экологическое право: учебник / под ред. Р. М. Валеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 680 с.
[327] Brunnée J. Enforcement Mechanisms in International Law and International Environmental / J. Brunnée // Ensuring Compliance with Multilateral Environmental Agreements: A Dialogue between Practitioners and Academia. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. P. 3-4.

соответствующими научно-техническими данными, информацией и опытом на регулярной основе. Например, в пункте 1 статьи 4 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г., посвященной сотрудничеству в правовой и научно-технической областях, говорится, что «стороны содействуют и благоприятствуют обмену научно-технической, социально-экономической и правовой информацией, имеющей отношение к настоящей Конвенции, в соответствии с более подробными положениями, содержащимися в приложении II»[328]. При этом в приложении II к Конвенции содержится детальный перечень видов информации, которой стороны будут обмениваться.

Также ряд МЭС и международных актов рекомендательного характера, направленных на защиту окружающей среды, ориентированы на сотрудничество в целях предотвращения вреда. Например, в статье 4 Проекта статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности 2001 г. указано, что «заинтересованные государства добросовестно сотрудничают и, в случае необходимости, запрашивают содействие одной или нескольких компетентных международных организаций в предотвращении значительного трансграничного вреда или в любом случае минимизации его риска»[329]. В комментарии к этой статье говорится, что «принцип сотрудничества между государствами имеет основополагающее значение для разработки и проведения эффективной политики по предотвращению значительного трансграничного вреда или в любом случае минимизации его риска и что, согласно принципу 24 Стокгольмской декларации и принципу 7 Декларации Рио, сотрудничество является важнейшим элементом любого эффективного планирования охраны окружающей среды»[330].

---

[328] Венская конвенция об охране озонового слоя (Вена, 22 марта 1985 г.) // United Nations Treaty Series. 1985. Vol. 1513. 293 p.

[329] Проект статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности 2001 г. // СПС «Консультант плюс».

[330] Yearbook of the International Law Commission, 2001. Vol. II. Part Two. New York: United Nations, 2007. P. 155.

Большое развитие принцип международного сотрудничества получил в практике Международного Суда ООН. В решении от 2010 г. по делу *«ЦБК на реке Уругвай»* Суд обратил внимание на связь между обязательствами информировать Международную административную комиссию по р. Уругвай (CARU), сотрудничать и предотвращать вред. Суд отметил, что, только сотрудничая друг с другом, заинтересованные государства смогут совместно управлять рисками нанесения вреда окружающей среде и предупреждать их[331]. При обсуждении конкретного содержания обязательства сторон сотрудничать друг с другом Суд сослался на их обязанность информировать CARU, что позволяет наладить сотрудничество между сторонами, необходимое для выполнения обязательства предотвращать вред[332]. Кроме того, Суд заявил, что эти обязательства (процедурные обязательства информировать, уведомлять и обсуждать) приобретают еще бóльшую актуальность, когда речь идет об общих ресурсах, которые можно защитить только благодаря тесному и постоянному сотрудничеству прибрежных государств[333]. Согласно позиции Суда, обязательство уведомлять означает создание условий для успешного сотрудничества сторон, позволяющего им оценивать воздействие реализации своих планов на состояние речного бассейна на основе всей имеющейся у них информации и, когда это целесообразно, обсуждать изменения в них, необходимые для того, чтобы не допустить потенциального вреда от такого воздействия[334].

По сравнению с делом *«ЦБК на реке Уругвай»* при разбирательстве в 2014 г. дела «*О китобойном промысле в Антарктике»* (Австралия против Японии, с участием Новой Зеландии) Суду пришлось столкнуться с более сложными проблемами с точки зрения трактовки обязательства сотрудничать[335]. В данном конкретном случае речь шла об обязательстве государства-участника

---

[331] Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports. 2010. P. 49. Para. 77.
[332] Там же. С. 56. Пункт. 102.
[333] Там же. С. 51. Пункт. 81.
[334] Там же. С 58. Пункт. 113.
[335] Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan), Requests for Provisional Measures: order of 27 August 1999 // I.C.J. Reports 1999. The Hague ICJ, 1999. P. 280-334.

(Японии) сотрудничать с Комиссией по китобойному промыслу. Новая Зеландия предложила ряд направлений сотрудничества Японии с Комиссией и Научным комитетом в своем письменном обращении в Международный Суд, где за основу для налаживания такого сотрудничества рекомендовалось воспользоваться одним из трех вариантов: статьей 65 Конвенции ООН по морскому праву (следует отметить, что эта статья обязывает государства сотрудничать друг с другом через международные организации, а не с ними)[336]; пунктом 30 письменных замечаний[337]; консультативным заключением, вынесенным в 1980 г. Международным Судом по делу «*О толковании Соглашения между ВОЗ и Египтом*»[338]. Суд напомнил об обязанности взаимодействовать с Комиссией и Научным комитетом (пп. 83 и 240 решения Суда) и вытекающем из этой обязанности обязательстве с должным вниманием относиться к рекомендациям Комиссии (пп. 83, 137), но он не включил эти моменты в свой анализ соответствующих вопросов. Представляется, что Суд просто вывел обязательство сотрудничать из общего свода обязательств государств сотрудничать с договорными органами (п. 83). Для более глубокого понимания его позиции следует исходить из того, что в своем решении Суд придерживался той же самой логики (пусть и явно не показывая ее), какой он руководствовался при вынесении консультативного заключения в отношении толковании Соглашения между ВОЗ и Египтом, согласно которому был создан специальный правовой режим, регулирующий правовые отношения между Египтом и Организацией, существо которого составляет свод взаимных обязательств сотрудничать в духе доброй воли (п. 43 решения).

С нашей точки зрения, позицию Суда можно охарактеризовать как созвучную тенденции развития международного экологического права.

---

[336] Письменные замечания Новой Зеландии по вопросу о допустимости ее заявления о вступлении в дело (Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening): письменные замечания от 4 апреля 2013 г.: пункты 94-97. Гаага: Международный Суд ООН, 2013. 97 с.

[337] Там же. Пункт 95.

[338] Дело «Толкование Соглашения между ВОЗ и Египтом»: Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion // I.C.J. Reports. –The Hague: International Court of Justice, 1980. P. 73.

Важно отметить, что принцип сотрудничества государств тесно связан с принципом добросовестного соблюдения взятых на себя международных обязательств, или *pacta sunt servanda* (п. 2 ст. 2 Устава ООН). Каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права, а также обязательства, вытекающие из договоров, в которых оно участвует. Как отмечает А. В. Гидирим: «Добросовестность как юридическое понятие со всей спецификой его применения к государствам содержит человеческое представление о чести и достоинстве государства, порядочности его лидеров, означает отсутствие двуличия во взаимоотношениях государств, выполнение договорных обязательств в полном объеме и в условленный срок – словом, это такое поведение, которое должным образом соответствует объекту и цели договора. Добросовестность должна сопровождать договор и тогда, когда он подвергается процедуре изменения, прекращения или приостановления его действия»[339].

В 1973 г. в своем определении по делу о ядерных испытаниях Международный Суд заявил, что один из базовых принципов, регулирующих создание и исполнение правовых обязательств, каким бы ни был их источник, — это принцип добросовестности. Вера и доверие являются неотъемлемыми элементами международного сотрудничества, особенно в наш век, когда сотрудничество во многих областях приобретает все большее значение[340]. Суд подтвердил это свое мнение в решении по делу *«ЦБК на реке Уругвай»*, заявив, что работа механизма сотрудничества между государствами регулируется принципом добросовестности[341]. Говоря о соблюдении международных правил, Суд указал, что международное обычное право в том виде, как оно получило отражение в статье 26 Венской конвенции о праве международных

[339] Гидирим А. В. Право международных договоров / А. В. Гидирим // Международное право: учебник / отв. ред. С. А. Егоров. М.: Статут, 2014. С. 230-256.
[340] Nuclear Tests (Australia v. France), Jurisdiction of the Court: judgment of 20 December 1974 // I.C.J. Reports. 1974. Para. 46. P. 268.
[341] Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports. 2010. Para. 145.

договоров, то есть в виде принципа *pacta sunt servanda*, охватывает все обязательства, установленные договором, включая процедурные обязательства, имеющие большое значение для сотрудничества между государствами.

Принцип добросовестного соблюдения взятых на себя международных обязательств получил конкретное правовое наполнение благодаря расширению практики государств и эволюции позиций международных судебных учреждений, что демонстрирует его важную роль на каждом этапе развития международного права – во-первых, в создании международных прав и обязанностей, во-вторых, в интерпретации и применении международных норм и, в-третьих, в осуществлении их государствами. Типичным примером его осуществления является статья 300 Конвенции ООН по морскому праву. Здесь на наш взгляд интерес представляют три аспекта: 1) ведение переговоров и консультаций в духе доброй воли; 2) исключение злоупотребления правами; 3) сохранение «режима» доброй воли.

Таким образом, нам представляется, можно рассчитывать на то, что с развитием принципа добросовестности выполнения обязательств сформируются единые правовые стандарты в рамках международного сообщества, состоящего из государств, разделяющих разные ценности и отстаивающих разные интересы[342]. Поскольку международное сообщество становится все более интегрированным в функциональном отношении, то от государств – участников МЭС требуется, чтобы они неукоснительно выполняли свои обязательства добросовестно сотрудничать с соответствующими международными организациями. Так, еще в начале 1980-х годов Международный Суд вынес свое консультативное заключение по делу *«О толковании положений Соглашения от 25 марта 1951 г. между ВОЗ и Египтом»*, указав на то, что «при разбирательстве любого дела приоритетное

[342] Подробнее см.: Каламкарян Р. А. Принцип добросовестности в современном международном праве / Р. А. Каламкарян. М.: Наука, 1991. 188 с.

внимание должно уделяться четко прописанной обязанности сотрудничать в духе доброй воли для продвижения целей и задач режима»[343].

Следует отметить, что именно синтез двух рассмотренных выше важнейших принципов международного права позволит всем субъектам международного права добросовестно сотрудничать в сфере защиты окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений. Международное сотрудничество в рамках МЭС строится на конкретных обязательствах и предполагает юридическое обеспечение их выполнения.

Более того, к реализации принципа сотрудничества подталкивает и специфика самого МЭП. В сравнении с другими отраслями международного публичного права оно более ориентировано на защиту общего блага, в сохранении которого заинтересовано все международное сообщество (климат, биологическое разнообразие). В регулировании МЭП существенное место занимают негосударственные территории, то есть части морского пространства, не подлежащие национальному присвоению, Антарктика, космическое пространство, открытое море. Правовой режим негосударственных территорий напрямую определяется нормами международного права (например, международными договорами о рыболовстве и использовании живых ресурсов открытого моря), а также специальными положениями национального права в отношении своих граждан (например, национальными законами о судоходстве)[344].

Важным ориентиром выступает принцип непричинения трансграничного вреда. Он означает обязанность государства осуществлять деятельность под своей юрисдикцией или контролем таким образом, чтобы не причинять существенного ущерба окружающей среде других государств или районам, находящимся за пределами национальной юрисдикции. Данный принцип

---

[343] Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу о толковании Соглашения от 25 марта 1951 г. между ВОЗ и Египтом от 20 декабря 1980 г. // I.C.J. Reports 1980. Гаага: Международный Суд ООН, 1980. С. 73. П. 49.

[344] Международное право: учебник / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. [Т. Бекназар, А. Насырова, Н. Спица; науч. ред., сост. указ. Т. Ф. Яковлева]. Москва; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. С. 501.

получил развитие в международной судебной практике и в актах международных конференций по окружающей среде. Его содержание не сводится к обязанности гарантировать отсутствие любого вреда: государство должно проявлять *due diligence*, то есть принимать разумные меры по предупреждению, минимизации и контролю экологических рисков. В частности, значение приобретают предварительная ОВОС, мониторинг потенциально опасной деятельности, обмен информацией и проведение консультаций с затрагиваемыми государствами.

С нашей точки существенное значение для выполнения международных экологических обязательств имеет принцип мирного разрешения международных споров. Экологические разногласия могут возникать вследствие использования трансграничных водотоков, строительства гидротехнических объектов, загрязнения морской среды, трансграничного переноса загрязняющих веществ или распределения природных ресурсов. Их разрешение посредством переговоров, посредничества, согласительных процедур, арбитража или судебного разбирательства способствует не только защите прав государств, но и предотвращению дальнейшего экологического ущерба. При этом для экологических споров особенно важны оперативность процедур, учет научной неопределенности и возможность применения временных мер. Об этом подробнее мы будем писать ниже.

Реализация экологических обязательств должна также осуществляться с соблюдением принципа суверенного равенства государств. Суверенитет предполагает право каждого государства самостоятельно распоряжаться своими природными ресурсами в соответствии со своей экологической политикой. Однако современное международное право не рассматривает это право как неограниченное. Оно сопряжено с обязанностью не использовать территорию, природные ресурсы и находящиеся под контролем государства виды деятельности во вред правам и законным интересам других государств, а также глобальной окружающей среде. Следовательно, суверенитет в экологической сфере имеет функционально ограниченный характер: он

осуществляется в рамках международных обязательств, принципов сотрудничества и предотвращения вреда. Сегодня государственный суверенитет реализуется таким образом, чтобы учитывать общие интересы в защите окружающей среды. В этом контексте можно привести в пример Конвенцию ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.[345] Ценность определенных объектов крайне высока и сохранение их осуществляется в интересах всего человечества. Конкретная обязанность по охране объектов возлагается на государство, на территории которого они находятся. Конвенция о биоразнообразии 1992 г. также реализует концепцию общественного интереса, общей ответственности. Конвенция возлагает обязанность охраны на все государства, но подчеркивает суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей экологической политике. Безусловно, нет императивной нормы, обязывающей государства создавать заповедники в наиболее уязвимых и биологических ценных районах или запрещать определенные виды пользования (вырубку леса, охоту, строительство и т. п.). Однако есть определенные соответствующие договорные режимы. Природа не знает границ, и трансграничный характер загрязнений лишь подчеркивает необходимость совместных действий всего международного сообщества в рамках реализации фундаментального принципа международного права – обязанности государств сотрудничать друг с другом.

§ 4. Юридическая природа и классификации механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств

Увеличение числа международных экологических обязательств обусловливает рост научного интереса к правовым и институциональным

[345] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

механизмам обеспечения выполнения таких обязательств как на международном, так и на национальном уровнях. Конечно, прежде всего мы полагаемся на добросовестное выполнение обязательств со стороны государства[346]. Однако в настоящем диссертационном исследовании приведено немало примеров, когда государства считали, что они выполняли обязательства, но международный суд или квазисудебный орган указывал им в итоге на несоблюдение их. Причина такой ситуации состоит в различном толковании обязательств, и цель механизмов обеспечения выполнения обязательств заключается в том, чтобы вернуть государство к выполнению обязательств согласно устоявшейся практике и принципам международного права. Поэтому один из наших выводов – констатация необходимости более широкого использования договорных механизмов выполнения экологических обязательств, поскольку именно с их помощью можно более точно оценить соблюдение международных обязательств, укрепить доверие между участниками международного договора, обеспечить уверенность в его надлежащем выполнении, а также урегулировать спорные вопросы, связанные с соблюдением международного договора.

В доктрине международного права в этом отношении принято говорить о «контроле в международном праве», о «способах обеспечения выполнения международных договоров»[347] или о «механизмах обеспечения выполнения обязательств»[348]. Последний термин, на наш взгляд, более четко определяет суть соответствующих правоотношений. Механизм обеспечения выполнения в общем смысле предполагает системность и упорядоченность какой-либо деятельности или процесса. Представляется, что такое понимание вполне коррелирует с необходимостью выработки единой терминологии.

---

[346] Захарова Н. В. Принцип добросовестного выполнения международных обязательств в современном международном праве / Н. В. Захарова // Международное право на службе мира и сотрудничества государств. М.: Междунар. отношения, 1981. С. 133-141.

[347] Ильинская О. И. К вопросу о способах обеспечения выполнения международных договоров / О. И. Ильинская // Lex Russica (Русский закон). 2010. № 6. С. 1420-1428.

[348] Симонова (Никитенко) Н. С. Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам: понятие, основные элементы / Н. С. Симонова (Никитенко) // Московский журнал международного права. 2013. № 3. С. 60-82.

Полагаем, что в целом указанные термины в достаточной степени синонимичны, но многое зависит от юридического содержания данных терминов, от того, что именно каждый автор в них вкладывает. Такой механизм обеспечения выполнения международных обязательств, как междисциплинарный институт контроля, хорошо вписывается в систему международного права. Важно отметить, что в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., являющейся кодифицированным документом о международных договорах, нет положений, касающихся механизмов обеспечения выполнения договоров. Поэтому механизмы разнятся от договора к договору, смотря по тому, о чем условились государства в результате переговоров. На наш взгляд международный контроль представляет собой важнейшее средство обеспечения выполнения международных договоров и сложившийся международно-правовой институт. При этом отсутствие позитивной нормы международного права относительно сущности международного контроля осложняет унификацию подходов к его пониманию. В этой связи считаем полезным указать несколько доктринальных точек зрения на понятие международного контроля.

Следует отметить, что институт контроля в международном праве был фундаментально проанализирован в докторской диссертации Р. М. Валеева[349]. Безусловно, за четверть века, прошедшие после появления этой работы, много чего произошло и изменилось в международном праве. В частности, в нашей работе внимание сосредоточено именно на специфике контроля в отношении международных экологических обязательств, что поднимает анализ отраслевых и межсекторальных вопросов обеспечения их выполнения на новый уровень. При этом мы не ставим своей целью проанализировать институт контроля применительно к отрасли международного экологического права, а используем в нашем исследовании другую оптику: нас интересует именно выполнение международных экологических обязательств, которые

[349] Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Валеев Револь Миргалимович. Казань, 1999. 423

могут проистекать из разных источников различных отраслей международного права.

Следует поддержать позицию Н. С. Симоновой в отношении того, что международный контроль — это особый вид международных правоотношений[350].

В упомянутой выше работе Р. М. Валеев предположил, что международный контроль представляет собой «основанную на общепризнанных принципах и нормах современного международного права деятельность его субъектов или созданных ими органов по проверке соблюдения государствами международно-правовых обязательств и в принятии мер по их выполнению»[351].

По мнению С. Ю. Марочкина, «основной функцией международного контроля является установление соответствия фактического поведения государств правовым предписаниям путем проверки (наблюдения, инспекций, заслушивания докладов, представления информации)[352]. Здесь, на наш взгляд, ускользает судебная форма контроля, которая является важным звеном нашей авторской концепции механизмов выполнения обязательств.

А. Н. Талалаев под международным контролем подразумевает «согласованную деятельность государств или международных организаций по проверке соблюдения государствами принятых на себя договорных обязательств с целью обеспечения их точного и неукоснительного выполнения»[353]. Здесь ученый имеет в виду только договорные обязательства, хотя они проистекают из более широкого круга источников.

Е. Ю. Устинова считает, что механизмы контроля не включают деятельности международного суда и арбитража, которая должна

---

[350] Симонова Н. С. Институт международного контроля как элемент механизма обеспечения выполнения обязательств по международным договорам / Н. С. Симонова // Московский журнал международного права. 2014. № 1. С. 83.

[351] Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Валеев Револь Миргалимович. Казань, 1999. С.11.

[352] Марочкин С. Ю. Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Марочкин Сергей Юрьевич. Свердловск, 1984. С. 148.

[353] Талалаев А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров / А. Н. Талалаев. М.: Международные отношения, 1985. С. 117.

рассматриваться в качестве самостоятельных международно-правовых институтов и элементов механизма обеспечения выполнения международных договорных обязательств[354]. Мы не можем согласиться с подобной точкой зрения и уделяем в диссертации много внимания изучению функционирования международных судов, арбитражей и квазисудебных органов.

Наиболее близко нашему пониманию проблемы определение «механизма обеспечения выполнения договорных обязательств», данное Н. С Симоновой (Никитенко): «объединенная условиями обязательности и добросовестности выполнения обязательств система международно-правовых институтов, применение норм которых обеспечивает выполнение обязательств, вытекающих из международных договоров»[355]. И далее она продолжает: «К числу основных международно-правовых институтов, составляющих сущность механизма обеспечения выполнения договорных обязательств, отнесены: институты обязательности и добросовестности выполнения международно-правовых обязательств, международные и внутригосударственные средства обеспечения выполнения международных договоров, институты судебных органов и международных организаций, а также институт ответственности»[356]. На наш взгляд, среди механизмов не хватает упоминания квазисудебных органов. Более того, во всех вышеупомянутых определениях отсутствует упоминание о мерах постконтроля или последующих действий (англ. *follow up procedure*), которые сегодня достаточно эффективно работают в целом ряде договорных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

Таким образом представляется возможным предложить авторское определение. Механизмы обеспечения выполнения международных

---

[354] Устинова Е. Ю. Международный контроль за соблюдением международных договоров: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Устинова Елена Юрьевна. Москва, 2008. С. 15-16.
[355] Симонова (Никитенко) Н. С. Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам: понятие, основные элементы / Н. С. Симонова (Никитенко) // Московский журнал международного права. 2013. № 3. С. 60.
[356] Там же. С. 60.

экологических обязательств, на наш взгляд, представляют собой основанную на общепризнанных принципах и нормах современного международного права деятельность международных организаций и органов, включая судебные и квазисудебные, а также национальных органов в рамках имплементации, направленную на предотвращение нарушения и оценку соблюдения государствами международно-правовых обязательств, в части установления соответствия фактического поведения государств международно-правовым предписаниям, в случае несоответствия принятия принудительных мер реагирования. В случаях, когда это предусмотрено применимым международно-правовым режимом, такие механизмы также включают последующий контроль (англ. *follow up procedure*) за выполнением государствами решений, выводов, рекомендаций и иных актов компетентных международных органов.

Если сказать более кратко, то механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств - это совокупность международных и внутригосударственных институтов, процедур и средств, направленных на содействие имплементации международных экологических обязательств государств, предупреждение и выявление их несоблюдения, оценку соответствия поведения государств применимым международно-правовым предписаниям, принятие мер реагирования и, при наличии соответствующей процедуры, последующий контроль за выполнением актов компетентных международных органов.

В зарубежной доктрине МЭП также отсутствует единство в понимании юридической природы соответствующих механизмов обеспечения выполнения обязательств. Например, в фундаментальном труде «Принципы международного экологического права» авторы объединяют вопросы имплементации, принуждения и разрешения споров в единый комплекс соблюдения международных экологических обязательств, трактуя его широко – как совокупность национального имплементационного законодательства, международного правоприменения государствами и международными

организациями, а также международного разрешения споров[357]. Аналогичный, но более институционально дифференцированный подход прослеживается в «Оксфордском учебнике международного экологического права», где институциональные механизмы разбираются вне связи с вопросами «эффективности и соблюдения международных экологических соглашений», объединенными в один раздел[358]. Отечественная доктрина традиционно разграничивает судебные, квазисудебные и договорные механизмы выполнения обязательств, подчеркивая специфику функционирования каждого из них применительно к международному экологическому праву[359].

Различие подходов проявляется прежде всего в вопросе о том, следует ли считать «механизмом выполнения» только формализованные юрисдикционные и квазиюрисдикционные процедуры, либо содержательно относить сюда также разнородные инструменты – финансовую помощь, наращивание потенциала, обмен информацией, национальную отчетность. Автор настоящей диссертационной работы предлагает концепцию функций механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, включающую:

1) превентивную функцию (*ex ante*), направленную на предупреждение нарушений через институциональную поддержку, финансирование и наращивание потенциала;

2) мониторинговую и контрольную функции, обеспечивающие транспарентность через отчетность, верификацию и процедуры соблюдения;

3) корректирующую функцию (*ex post*), охватывающую международную ответственность, разрешение споров и принудительные меры реагирования, а также последующие меры.

---

[357] Principles of International Environmental Law / P. Sands, J. Peel, A. Fabra, R. MacKenzie. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 144-194.

[358] The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by L. Rajamani, J. Peel. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 887-1056.

[359] Абашидзе А. Х., Международное право. Мирное разрешение споров: учеб. пособие для вузов / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 221 с.

Одновременно эта теоретическая модель функций механизмов находит конкретное институциональное воплощение в авторской четырехзвенной классификации механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Мы станем подробно рассматривать описанную конструкцию, начиная с последней классической функции механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, а затем перейдем к первым двум функциям, которые особенно специфичны для МЭП.

Судебный и арбитражный механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств обычно признаются классическими, «жесткими» формами обеспечения выполнения обязательств, поскольку решения таких органов обязательны для исполнения сторонами спора и опираются на принудительную силу международного права в его традиционном понимании. Эти формы обеспечения представлены Международным Судом ООН, ИТЛОС и другими специализированными и региональными международными судами, а также международным арбитражем. Они все чаще используются для разрешения споров о трансграничном загрязнении, изменении климата и утрате биоразнообразия. Особое место в этой группе занимают региональные правозащитные суды – Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека и Африканский суд по правам человека и народов. Только последний упомянутый суд обладал при создании компетенцией по защите экологических прав человека и, соответственно, правом принуждения к соблюдению государством обязательств по защите экологических прав человека. Другие международные суды не обладали прямой экологической юрисдикцией, однако через доктрину «экологизации» прав человека (в частности, права на жизнь и права на уважение частной и семейной жизни) выработали обширную практику по делам о загрязнении окружающей среды, климатических исках и доступе к экологическому правосудию. Консультативное заключение Межамериканского суда 2017 г. и современная

практика ЕСПЧ по климатическим делам иллюстрируют трансформацию классических правозащитных механизмов в инструменты обеспечения выполнения экологических обязательств государств, хотя это порождает вопросы соотношения специализированной экологической и правозащитной юрисдикций.

Квазисудебные механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Квазисудебные механизмы образуют промежуточную категорию между классическим международным правосудием и политико-дипломатическими средствами урегулирования. Их отличительная черта – сочетание процедурной формализации (состязательность, письменные представления, вынесение итоговых актов) с отсутствием строго обязательной юридической силы решений в традиционном смысле, что порождает доктринальные споры об их правовой природе. Как отмечается в нашей диссертационной работе, практика показывает, что квазисудебные процедуры в ряде случаев оказываются более результативными, чем традиционные судебные средства защиты, поскольку ориентированы не только на разрешение конкретного спора, но и на раннее выявление системных проблем имплементации и содействие государствам в исполнении международных экологических обязательств. К данной группе относятся три основных типа институтов:

- *договорные органы ООН по правам человека* (комитеты, учрежденные универсальными договорами по правам человека), которые рассматривают индивидуальные, коллективные и межгосударственные сообщения, в том числе по вопросам экологического характера, применяя доктрину «экологизации» прав человека и оценивая соблюдение государствами обязательств должной осмотрительности (*due diligence*) в экологической и климатической сфере;
- *Компенсационная комиссия ООН* – специализированный квазисудебный орган, созданный для рассмотрения претензий о возмещении экологического и иного ущерба, причиненного международно-противоправными деяниями (в

частности, в связи с последствиями вооруженных действий Ирака против Кувейта); ее практика сформировала важные стандарты оценки и компенсации трансграничного экологического вреда;

•*квазисудебные органы экономического характера* – механизмы, осуществляющие разрешение споров в рамках торговых и инвестиционных режимов (например, ОРС ВТО, инвестиционный арбитраж), в компетенцию которых все чаще попадают вопросы соотношения торговых обязательств и природоохранных мер государств.

Отсутствие единообразия учредительных мандатов, состава и мер воздействия этих органов, а также различия в процессуальных гарантиях для их участников порождают проблемы легитимности и согласованности их практики, что рассматривается диссертантом как одна из ключевых нерешенных проблем современного МЭП.

Механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств в МЭС. Данная группа механизмов институционально закреплена непосредственно в текстах МЭС и в решениях конференций сторон этих МЭС. Автор диссертации выделяет внутри этой группы четыре относительно самостоятельных вида механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств, различающихся по функциональному назначению, а именно:

а) *средства выполнения*. Финансовая помощь, создание и наращивание потенциала, техническая помощь и передача технологий на взаимосогласованных условиях составляют инфраструктурную основу выполнения обязательств развивающимися государствами. Эти механизмы осуществляют превентивную (*ex ante*) функцию и реализуются через специализированные финансовые институты МЭС (например, Глобальный экологический фонд, Зеленый климатический фонд), а также через программы содействия соблюдению в рамках, в частности, Монреальского протокола и Конвенции СИТЕС;

б) *меры по выполнению*. К данной подгруппе относятся национальные планы действий, национальная отчетность, периодическая оценка и отслеживание прогресса выполнения МЭС, оценка эффективности, обмен информацией, повышение осведомленности и просвещение, исследования, сотрудничество и координация действий, а также взаимодействие с заинтересованными сторонами. Эти инструменты носят преимущественно мониторинговый и информационный характер и обеспечивают транспарентность действий государств – участников МЭС, позволяя выявлять системные проблемы имплементации международных экологических обязательств на раннем этапе;

в) *согласительные процедуры.* Переговоры, следственные комиссии, посредничество, согласительные комиссии и добрые услуги представляют собой традиционные дипломатические средства мирного разрешения международных споров в отношении выполнения международных экологических обязательств, адаптированные к специфике экологических разногласий. Их значение состоит в возможности урегулирования конфликта до перехода к формализованному судебному или квазисудебному разбирательству, а также в сохранении гибкости при разрешении технически сложных вопросов трансграничного характера;

(г) «процедура соблюдения». Данный механизм обеспечения выполнения международных экологических обязательств представляет собой специфический институт, выработанный практикой МЭС начиная с Монреальского протокола 1987 г. и получивший развитие в последующих соглашениях (Орхусская конвенция 1998 г., Киотский протокол 1997 г., Парижское соглашение 2015 г. и др.). Эта процедура носит несостязательный, содействующий характер и направлена не на установление ответственности государства-нарушителя, а на оказание ему помощи в возвращении к состоянию соблюдения обязательств через комитеты по соблюдению, обладающие полномочиями *proprio motu* и правом проведения инспекций *in situ.* Диссертант обосновывает в четвертой главе, что данная процедура

образует самостоятельный правовой феномен на стыке классических международных судов и квазисудебных механизмов, отражая явление «нормативной гибридизации» современного МЭП.

Механизмы обеспечения выполнения на национальном уровне. Реализация международных экологических обязательств в конечном счете зависит от эффективности их имплементации во внутригосударственные правовые системы, поскольку большинство норм МЭП адресовано именно государствам как основным субъектам исполнения. Данный уровень включает общую характеристику предпосылок выполнения обязательств (правовые, институциональные, финансовые условия), собственно механизм имплементации в национальные правовые системы (трансформация, инкорпорация международных норм во внутреннее законодательство) и создание специализированных национальных экологических судов как относительно новой, но динамично развивающейся меры институционального обеспечения. Проведенный в диссертации критический анализ российской системы имплементации выявил ряд системных недостатков: дефицит координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, недостаточное финансирование экологических мероприятий, слабость судебного контроля и ограниченный доступ общественности к экологической информации. Эти выводы соответствуют общей закономерности, отмечаемой в западной доктрине, согласно которой государства обязаны обеспечивать выполнение экологических обязательств посредством принятия национальных имплементирующих мер, обеспечения их соблюдения в пределах собственной юрисдикции и исполнения обязательств перед соответствующими международными организациями. Тенденция к учреждению специализированных экологических судов и трибуналов в национальных правовых системах рассматривается как перспективное направление укрепления судебного контроля за соблюдением экологических норм на внутригосударственном уровне.

Таким образом, представленная в диссертации авторская концепция четырехзвенной структуры механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств представляет собой попытку интегрирования разрозненных доктринальных подходов в единую системную модель, охватывающую весь спектр механизмов (от классического международного правосудия до внутригосударственного правоприменения), а именно:

1) судебный и арбитражный механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств;

2) квазисудебные механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств (договорные органы ООН по правам человека, Компенсационная комиссия ООН, квазисудебные органы экономического характера);

3) конвенционные механизмы МЭС по обеспечению выполнения международных экологических обязательств (средства выполнения, меры по выполнению, согласительные процедуры, процедура соблюдения);

4) национальные механизмы имплементации международных экологических обязательств.

На наш взгляд, такой подход позволяет преодолеть фрагментарность существующих классификаций механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств и создать основу для сравнительного анализа эффективности существующих международных и национальных механизмов.

В целом следует согласиться с мнением, что «создание постоянных международных структур способствует гарантированию выполнения международных договоров путем институционализации как на универсальном, так и на региональном уровне. Тем самым реализуется один

из основных принципов международного права – принцип *pacta sunt servanda*»[360].

§ 5. Особенности международных споров, возникающих из нарушения международных экологических обязательств

Международные споры возникают из предполагаемого нарушения международных обязательств, и тут в действие вступают различные механизмы, которые призваны сподвигнуть или принудить субъектов международного права к выполнению этих обязательств.

Международный экологический спор, как и любой другой международный спор, может представлять угрозу международному миру и безопасности. Следовательно, как справедливо отмечает А. В. Кукушкина, уже с момента возникновения такого спора должен действовать принцип мирного разрешения споров как общепризнанный императивный принцип международного права[361].

Международные судебные и арбитражные механизмы, призванные разрешать споры, играют важнейшую роль в юридическом контроле за выполнением государствами международных экологических обязательств. Как справедливо отмечает Р. М. Валеев, «разрешение споров, возникших в связи с выполнением международных обязательств, международными судебными органами считается крайним, но надежным методом, когда другие методы оказываются недостаточно эффективными»[362].

Мирное разрешение экологических споров является важным фактором поддержания международного мира и безопасности. Тема «поддержание международного мира и безопасности: природные ресурсы и конфликты» постоянно находится в зоне внимания Совета Безопасности ООН, поскольку

---

[360] Ильинская О. И. К вопросу о способах обеспечения выполнения международных договоров / О. И. Ильинская // Lex Russica (Русский закон). 2010. № 6. С. 1420.

[361] Кукушкина А. В. Международно-правовое урегулирование и предупреждение международных экологических споров / А. В. Кукушкина // Россия и международное право: материалы междунар. конф., посвященной 100-летию Ф. И. Кожевникова / под ред. А. Н. Вылегжанина, Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 190-196.

[362] Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Валеев Револь Миргалимович. Казань, 1999. С. 132.

конкуренция за право добычи нефти, золота, алмазов и других ценных сырьевых ресурсов приводит к разжиганию войн, а доходы от их продажи подпитывают эти войны. В рамках своих резолюций СБ ООН принимал различные меры с целью не допустить, чтобы незаконная эксплуатация природных ресурсов, особенно алмазов и древесины, разжигала вооруженные конфликты[363]. СБ ООН постоянно следит за тем, чтобы эксплуатация природных ресурсов не подпитывала и не продлевала вооруженных действий и в целях предотвращения этого вводит санкции в отношении отдельных сырьевых товаров. Так, Совет вводил эмбарго на необработанные алмазы, добываемые в Анголе (1998), в Сьерра-Леоне (2000), в Либерии (2003) и Кот-д'Ивуаре (2005). Помимо алмазов, добываемых в Африке, эмбарго накладывалось, например, на экспорт леса из Либерии в 2003 г., а начиная с 2000 года эксперты ООН следят за эксплуатацией природных ресурсов в Демократической Республике Конго[364]. В этом отношении отметим также роль Кимберлийского процесса, который представляет собой объединенную акцию государств, частного сектора и гражданского общества, направленную на введение в практику глобальной системы сертификации сведений о происхождении необработанных алмазов. Участие в этом процессе используется в качестве критерия для снятия эмбарго на необработанные алмазы. Это тоже можно считать специфической формой механизма обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

В современном мире вызывает озабоченность все увеличивающееся число споров международного экологического характера. Речь идет прежде всего, о спорах по возмещению вреда, причиненного в результате трансграничного загрязнения окружающей среды, и спорах относительно использования трансграничных природных объектов.

---

[363] См.: Заявление Председателя Совета Безопасности ООН: документ ООН S/PRST/2007/22 от 25 июня 2007 г.

[364] См.: Бельгия призвала Совет Безопасности предотвращать появление «кровавых брильянтов» [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/story/2007/06/1108271 (дата обращения: 25.06.2026).

В целом нам представляется возможным выделить четыре основные сферы возникновения международных экологических споров: доступ государств к природным ресурсам (например, дело «О котиках», дело «О голубом тунце»); экономическое развитие и защита окружающей среды (международное экологическое право налагает тяжелое экономическое бремя на государства, поэтому государства, не соблюдающие норм МЭС, пользуются экономическими преимуществами в сравнении с остальными государствами); толкование объема экологических обязательств государств в связи с возрастанием количества МЭС; защита экологических прав человека в межгосударственных судебных или квазисудебных учреждениях (вовлечение государств в международные экологические споры в связи с защитой интересов их физических или юридических лиц).

Затрагивая проблематику международных экологических споров, ученые непременно отмечают их специфику по сравнению с другими видами международных споров. В связи с этим профессор Ч. Романо предупреждает, что каждый анализирующий понятие «международный экологический спор» рискует попасть в методологическую ловушку[365]. Дело в том, что начиная с каменного века и до наших дней – эпохи информационного общества – большинство международных споров имеют экологическую составляющую, поскольку касаются распределения контроля над природными ресурсами: минеральными природными ресурсами, рыбными запасами, землей как таковой[366]. В связи с этим возникает резонный вопрос: встречаются ли вообще экологические споры в чистом виде, если большинство международных споров в той или иной степени содержат экологический аспект? Здесь уместно привести соображения Н. А. Соколовой, согласно которым вопросы охраны окружающей среды объективно интегрированы в контекст других глобальных проблем и в какой-то момент оправданно может возникнуть уверенность, что

[365] Romano C. P. R. The Peaceful Settlement of International Environmental Disputes: A Pragmatic Approach / C. P. R. Romano. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. XLIII.
[366] См., например: Westing A. H. Global resources and international conflicts: environmental factors in strategic policy and action / A. H. Westing. Oxford: Oxford University Press, 1986. 280 p.

экологические интересы не имеют самостоятельной ценности. Тем не менее экологическая проблематика, пусть и весьма осторожно, обретает реальные черты[367]. Профессор М. Н. Копылов рассматривает эту проблему в ракурсе такого явления, как «экологизация» международных отношений: «Включение эколого-ориентированных норм в источники, традиционно относящиеся к другим отраслям международного права, зачастую происходит в силу сложившейся традиции или по соображениям удобства и не ведет к расширению предметной сферы таких отраслей»[368] . С другой стороны, можно строго и последовательно построить определение термина «международный экологический спор», но велика вероятность того, что будет создано замкнутое и автономное определение, которое нельзя будет использовать за пределами контекста, в рамках которого оно было сформулировано.

Проблема, как нам видится, состоит прежде всего в определении понятия «экология», или «окружающая среда», которое может наполняться различным содержанием в зависимости от контекста, а именно исторической эпохи, культурного сообщества, методологического подхода в науке и т. д. Экология (от греч. οικος – дом, хозяйство, обиталище и λόγος – учение) – наука, изучающая взаимоотношения живой и неживой природы. Термин предложил в 1866 г. немецкий биолог Эрнст Геккель. Современное значение слова «экология» имеет более широкое значение, чем в начальной стадии развития этой науки. Существует большое количество определений экологии, употребляются такие термины, как «ландшафтная экология», «медицинская экология», «антропоэкология», «экология города», «экология культуры» и т. д. Однако чаще всего под экологическими вопросами понимаются прежде всего вопросы охраны окружающей среды (энвайронментализм). Во многом такое смещение смысла произошло благодаря все более ощутимым последствиям влияния человека на окружающую среду. За рубежом часто

---

[367] Соколова Н. А. Вопросы охраны окружающей среды в деятельности международных судебных учреждений / Н. А. Соколова // Российский ежегодник международного права. 2003. Т. 2003. С. 99.

[368] Международное право / [А. Х. Абашидзе и др.]; под общ. ред. А. Я. Капустина. М.: Гардарики, 2008. С. 471.

разделяют понятия *ecological* (*англ.* относящееся к науке экологии) и *environmental* (*англ.* относящееся к окружающей среде). Всеобщее внимание к экологии как науке привлекло обширное финансирование международными фондами экологических исследований, что повлекло за собой расширение первоначально довольно четко обозначенной Э. Геккелем области знаний (исключительно биологических) на другие естественные и даже гуманитарные науки с целью получения доходов из специализированных фондов.

В целом понятия «экология», «окружающая среда» имеют множество значений, но в параметрах настоящего исследования нас интересует международно-правовой аспект данного понятия. Иными словами, понятие «окружающая среда» должно включать те элементы, которые находятся под защитой международного права и которые международное сообщество к таковым относит.

В начале XX в. коренные народы считались частью окружающей среды исходя из их глубокой внутренней связи с природой, поэтому международные меры, направленные на защиту природы, предполагалось применять и к коренным народам[369]. При разрешении дела «О морских котиках» в конце XIX в. никто не рассматривал это дело как один из первых примеров международного экологического арбитража. Это было просто дело о защите важного экономического ресурса, приносящего солидный доход в государственную казну. Во время рассмотрения уже в конце XX в. дела *«Габчиково – Надьямарош»* в Международном Суде ООН., можно было увидеть совсем другую картину: одна сторона (Словакия) расценивала данный конфликт как экономический спор, делая акцент на важности гидроэлектростанции для людей и ссылаясь на принцип добросовестного выполнения международных обязательств, а другая сторона (Венгрия) фокусировала внимание Суда на экологических аспектах дела, а именно на

[369] См.: Абашидзе А. Х. Первая международная экологическая конференция – Конференция по международной охране природы (Берн, 1913 г.) / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Экологическое право. 2006. № 4. С. 3

негативном влиянии проекта на экосистему Дуная и качество питьевой воды в Будапеште.

Лишь немногие международно-правовые акты содержат определение окружающей среды, поскольку идентифицировать и ограничить объем этого понятия весьма сложно. Как уже было отмечено, единый международно-правовой акт в международном экологическом праве отсутствует, что также не позволяет дать общепризнанное определение окружающей среде. Поэтому в международном праве для целей раскрытия того или иного международного документа преобладают определения отдельных объектов окружающей среды, таких, например, как: морская среда, антарктическая среда, экосистема, флора и фауна.

В Стокгольмской декларации 1972 г. понятие «окружающая среда» не содержится, лишь в преамбуле упоминается, что окружающая человека среда «обеспечивает его физическое существование и предоставляет ему возможности для интеллектуального, нравственного, социального и духовного развития… Оба аспекта окружающей человека среды, как естественной, так и созданной человеком, имеют решающее значение для его благосостояния и для осуществления основных прав человека, включая даже право на саму жизнь»[370]. Первую попытку международно-правового определения окружающей среды можно считать излишне антропоцентричной, говорящей скорее о роли природы для человека. В докладе «Наше общее будущее» очень лаконично, но чрезмерно абстрактно окружающая среда определяется как место «где мы все живем»[371]. В Декларации Рио-де-Жанейро 1992 г.[372] отсутствуют определения окружающей среды или экосистемы.

---

[370] См.: Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 5-16 июня 1972 г.): документ ООН A/CONF.48/14. Также см.: Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. М.: РУДН, 2007. С. 17.

[371] См.: Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 376 с.

[372] См.: Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.): документ ООН A/CONF.151/26. Также см.: Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. М.: РУДН, 2007. С. 29-35.

В некоторых МЭС содержится определение окружающей среды, экосистемы применительно к предмету этих соглашений. Например, понятие «морская экосистема Антарктики» раскрывается в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики (Канберра, 20 мая 1980 года) следующим образом: «комплекс взаимоотношений морских живых ресурсов Антарктики друг с другом и с окружающей их физической средой» (п. 3 ст. 1).

Многие МЭС косвенно определяют окружающую среду или один из ее элементов при дефинировании понятий вреда или ущерба ей. К таковым относятся, например: Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г. (п. 2 ст. 1)[373], Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. (ст. 1а)[374], Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (п. 4 ст. 1) [375].

Международный суд ООН также не внес ясности в определение окружающей среды. В Консультативном заключении «Правомерность угрозы или использования ядерного оружия» в 1996 г. зафиксировано, что «окружающая среда – это не отвлеченное понятие, не абстракция, это

---

[373] «Неблагоприятное воздействие» – изменения в физической среде или биоте, включая изменения климата, которые имеют значительные вредные последствия для здоровья человека или для состава, восстановительной способности или продуктивности природных и регулируемых экосистем или для материалов, используемых человеком. Отметим, что биота – это исторически сложившаяся совокупность организмов, объединенных общей областью распространения // Снакин В. В. Экология и охрана природы: словарь-справочник / В. В. Снакин; под ред. акад. А. Л. Яншина. М.: Academia, 2000. С. 43. Термин «биота» был введен для объединения двух понятий – фауны и флоры. См.: Лосев К. С. Проблемы экологии России = Russia in Environmental Crisis / К. С. Лосев, В. Г. Горшков, К. Я. Кондратьев и др.; отв. ред. В. И. Данилов-Данильян, В. М. Котляков. М.: Б. и., 1993. С. 76.

[374] «Загрязнение воздуха» – введение человеком (прямо или косвенно) веществ или энергии в воздушную среду, влекущее за собой вредные последствия такого характера, как угроза здоровью людей, нанесение вреда живым ресурсам, экосистемам и материальным ценностям, а также нанесение ущерба ценности ландшафта или создание помехи другим законным видам использования окружающей среды.

[375] «Загрязнение морской среды» – привнесение человеком (прямо или косвенно) веществ или энергии в морскую среду, включая эстуарии, которое приводит или может привести к таким пагубным последствиям, как вред живым ресурсам и жизни в море, опасность для здоровья человека, создание помех для деятельности на море, в том числе для рыболовства и других правомерных видов использования моря, снижение качества используемой морской воды и ухудшение условий отдыха. Здесь отметим, что эстуарий (от лат. aestuarium – затопляемое устье реки) – воронкообразный, сужающийся к вершине залив, образующийся в результате подтопления низовьев речной долины и преобразованный воздействием волнового, речного и приливного факторов // Снакин В. В. Экология и охрана природы: словарь-справочник / В. В. Снакин; под ред. акад. А. Л. Яншина. М.: Academia, 2000. С. 329.

жизненное пространство, качество жизни и благополучие человечества и будущих потомков»[376].

Согласно статье 1 Резолюции Института международного права (1997) окружающая среда включает абиотические и биотические природные ресурсы, такие как воздух, вода, почва, фауна и флора, и взаимодействие между этими факторами, а также характерные аспекты ландшафта[377]. Заметную роль в определении понятия «окружающая среда» сыграл документ, разработанный ЮНЕП для Компенсационной комиссии ООН по возмещению экологического вреда, причиненного Ираком при вторжении в Кувейт в 1990–1991 гг. (подробнее ниже: гл. 3, § 3). В соответствии с этим документом окружающая среда – это «абиотические и биотические компоненты, включая воздух, воду, почву, флору, фауну и экосистему, образуемую взаимодействием указанных элементов». В понятие «окружающая среда» включены также природные ландшафты и культурное наследие[378].

Указанный подход получил подтверждение при официальной кодификации международного права благодаря КМП ООН, внесшей большой вклад в развитие международного экологического права в целом[379]. На основании материалов КМП ООН в 2006 г. была принята Резолюция ГА ООН «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в

---

[376] Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons – Advisory Opinion of 8 July 1996 // I.C.J. Reports. 1996. Para. 26.

[377] Justitia et pace. Institut de Droit International. Session of Strasbourg – 1997. Resolution №2 «Environment» [Электронный ресурс] // Institut de Droit International. URL: http://www.idi-iil.org/idiE/resolutionsE/1997_str_02_en.PDF (дата обращения: 25.06.2026).

[378] Доклад рабочей группы экспертов по ответственности и компенсации за экологический вред, наносимый во время вооруженных конфликтов: документ ЮНЕП UNEP/Env.Law/3/Inf.1(1996) или Report of the Working Group of Experts on Liability and Compensation for Environmental Damage Arising from Military Activities / United Nations Environment Programme (UNEP). 17 May 1996. Para. 42.

[379] См., например: Абашидзе А. Х. Важный шаг в кодификации института ответственности / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, О. Д. Миловидов // Юрист-международник. 2008. № 1. С. 70-72; Solntsev A. M. Activity of the International Law Commission on the Codification and Progressive Development of International Ecological Law / A. M. Solntsev // Sudebnik. 2006. Vol. 11. No. 3–4. P. 605-615; Hafner G. Environmental Issues in the Work of the International Law Commission / G. Hafner, H. L. Pearson // Yearbook of International Environmental Law. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 3-51; Arévalo L. B. The work of the international law commission in the field of international environmental law / L. B. Arévalo // Boston College Environmental Affairs Law Review. 2005. No. 8. P 12-18; Копылов М. Н. Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права / М. Н. Копылов, С. М. Копылов, Э. Ю. Кузьменко. М.: Экон-Информ, 2007. С. 105-113.

результате опасных видов деятельности»[380], где в статье 2b говорится, что «окружающая среда включает природные ресурсы, как абиотические, так и биотические, такие как воздух, вода, почва, фауна и флора, и взаимодействие между этими факторами, и характерные аспекты ландшафта». В статье 2a уточняется, что понятие «ущерб» означает «значительный ущерб, причиненный лицам, имуществу или окружающей среде, и включает: гибель или причинение вреда здоровью людей; утрату или повреждение имущества, включая имущество, которое составляет часть культурного наследия; утрату или ущерб в результате ухудшения состояния окружающей среды; расходы на разумные меры по возвращению к прежнему состоянию имущества или окружающей среды, включая природные ресурсы; расходы на разумные меры реагирования»[381].

Понятие «международный экологический спор» впервые определил профессор Р. Билдер в своей лекции по мирному разрешению в сфере международного экологического права, прочитанной 50 лет назад в Гаагской академии международного права следующим образом: «разногласие, противостояние правовых аргументов или интересов сторон относительно изменения природных систем окружающей среды благодаря вмешательству человека»[382]. На наш взгляд, это такое определение не включает «естественных изменений» и не учитывает современного экосистемного подхода в природопользовании[383], который позволяет наиболее полно и системно поддерживать уровень экологической безопасности[384].

---

[380] Резолюция ГА ООН от 4 декабря 2006 г. № 61/36 «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности»: документ ООН A/RES/61/36 от 18 декабря 2006 г.
[381] Там же.
[382] Bilder R. The settlement of disputes in the field of International law of the environment / R. B. Bilder // Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye. 1975. T. 144. P. 141.
[383] Подробнее о важности экосистемного подохода см.: Бринчук М. М. Экосистемный подход в праве / М. М. Бринчук // Экологическое право. 2008. № 1. С. 6-14.
[384] Экосистема (биогеоценоз) – относительно устойчивая система динамического равновесия, в которой организмы и неорганические факторы являются полноправными компонентами. Экосистема представляет собой совместно функционирующие на данном участке организмы, взаимодействующие с физической средой таким образом, что поток энергии создает четко определенные структуры и круговорот веществ между живой и неживой частями // Снакин В. В. Экология и охрана природы: словарь-справочник / В. В. Снакин; под ред. акад. А. Л. Яншина. М.: Academia, 2000. С. 323.

В ответ на вопрос, что является центральным пунктом глобальных изменений окружающей среды, происшедших за историческое время, и в особенности за последние 50–100 лет, специалисты отвечают следующим образом: «Это не загрязненность среды обитания, от которой страдает большинство населения планеты. И не потепление климата, чью связь с парниковым эффектом некоторые исследователи все еще подвергают сомнению. Главный экологический итог хозяйственной деятельности человека – разрушение природных экосистем на огромных территориях суши, а также в акваториях полузамкнутых морей и прибрежной океанической зоны»[385]. Согласно КБР 1992 г., «экосистема» означает динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также их неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое. Выделение экологических систем как самостоятельного объекта охраны окружающей среды требует более детального отражения в нормативных актах положений, направленных на их охрану или восстановление, в соответствии с их спецификой[386].

В рамках настоящего исследования под экосистемой подразумевается системное взаимодействие элементов окружающей среды, находящихся под зашитой международного права, таких как природные ресурсы (абиотические и биотические (воздух, вода, почва, фауна и флора)) и характерные аспекты ландшафта.

Профессор Ч. Романо определяет международный экологический спор как «противостояние правовых аргументов или интересов между двумя или более государствами, принимающее форму конфликтного специфического требования и касающееся антропогенного изменения экосистем (или их

---

[385] Данилов-Данильян В. И. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. Размышления / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев, И. Е. Рейф // Зеленый мир. 2006. № 19-20. С. 23

[386] Например, в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133. дается определение понятия «естественная экологическая система» (Статья 1), а в преамбуле Федерального закона от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2220 определены предпосылки создания специфических правовых основ охраны озера Байкал: озеро представляет собой уникальную экологическую систему и относится к природным объектам всемирного наследия.

отдельных элементов), которое оказывает отрицательное воздействие на людей и ведет к истощению природных ресурсов»[387]

Данное определение в целом представляется нам наиболее приемлемым, за исключением того факта, что оно не учитывает участия международных организаций, транснациональных корпораций (ТНК), неправительственных организаций (НПО) и индивидов в международных спорах, особенно в спорах, связанных с защитой экологических прав человека, в которых активно участвуют акторы международного права. Таким образом, в рамках настоящего исследования международный экологический спор – *это противостояние правовых аргументов или интересов между субъектами и/или акторами международного права, принимающее форму конфликтного специфического требования и касающееся антропогенного изменения экосистем, которое оказывает отрицательное воздействие на людей и ведет к истощению природных ресурсов.*

В рамках настоящего исследования рассматриваются как международные экологические споры в чистом виде[388], так и международные споры с экологической составляющей[389]. Последний вид международных споров порой трудно отграничить от остальных видов международных споров, что обусловлено указанной сложностью в определении и обособлении экологических споров в отдельную категорию.

Если в международном праве акцент делается именно на разрешении споров, то в экологическом праве важным считается управление (англ. - *management*) экологическими проблемами, ведущими к спорам. Решение спора, причиной которого является экологическая проблема, зависит прежде всего от устранения и разрешения экологической проблемы. Спор так или иначе будет разрешен, но решен будет лишь специфический правовой вопрос,

---

[387] Подробнее см.: Romano C. P. R. The Peaceful Settlement of International Environmental Disputes: A Pragmatic Approach / C. P. R. Romano. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 29.

[388] См., например: Дело о плотине Гат; Дело «Трейл Смелтер; Дело «Фукуру-Мару» // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: Изд-во МНИМП, 1999. С. 447-452.

[389] См., например: Дело о гидроузле «Габчиково-Надьямарош» Там же. С. 409-430; Солнцев А. М. Дело «Волга» / А. М. Солнцев // Абашидзе, А. Х. Международное морское право. Теория и практика / А. Х. Абашидзе, Ю. А. Арсентьев, М. И. Лазарев. М.: Международные отношения, 2005. С. 97-108.

являющийся составной частью комплексной экологической проблемы. Решение вопроса с помощью согласительных процедур или с помощью международных судебных учреждений совершенно не обязательно ликвидирует экологическую проблему. Поэтому и возникает вопрос о том, когда следует осуществлять управление экологической проблемой: до подачи в орган разрешения споров, в процессе разрешения или после ее разрешения?[390]

Для наглядности приведем пример. После триумфальной победы Австралии и Новой Зеландии в Международном суде ООН[391] многие были воодушевлены и уверены, что теперь Япония перестанет массово вылавливать китов под прикрытием получения научных данных. Случилось иное: в 2019 г. Япония вышла из Международной китобойной комиссии (IWC) и продолжает коммерческий забой китов, хотя информацию о ежегодных уловах исправно сообщает в IWC[392].

Это важный момент для нашего диссертационного исследования, поскольку он выявляет потребность в использовании квазисудебных процедур, обеспечивающих возможность контроля исполнения после вынесения решения (*follow up*). Далее мы более подробно раскроем этот тезис.

За всю историю развития международного права сложилась разветвленная система средств и методов мирного урегулирования и предотвращения международных споров. Основы правового регулирования международных экологических отношений составляют в том числе и общепризнанные принципы общего международного права, которые в силу

---

[390] Romano C. P. R. International Dispute Settlement / C. P. R. Romano // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1038.

[391] Дело «О китобойном промысле в Антарктике» (Австралия против Японии): Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening) [Электронный ресурс]. The Hague: International Court of Justice, 2014. URL: https://www.icj-cij.org/case/148 (дата обращения: 27.07.2026). Подробнее см.: Солнцев А. М. Перспективы разрешения Международным судом ООН дела «О китобойном промысле в Антарктике» (Австралия против Японии) / А. М. Солнцев, Г. Т. Мжаванадзе [Электронный ресурс] // Международное правосудие. 2013. №2 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razresheniya-mezhdunarodnym-sudom-oon-dela-o-kitoboynom-promysle-v-antarktike-avstraliya-protiv-yaponii (дата обращения: 27.07.2026).

[392] Данные об уловах на сайте IWC [Электронный ресурс]. URL: https://iwc.int/table_objection (дата обращения: 27.07.2026).

своей императивности и универсальности сохраняют свою регулятивную функцию и в этой специальной области деятельности[393].

Принцип мирного разрешения международных споров является одним из основных принципов современного международного права и зафиксирован в Уставе ООН (п. 3 ст. 2), а также в Декларации о принципах международного права 1970 г. и Заключительном акте СБСЕ 1975 г. Он получил своеобразное преломление в международном экологическом праве. Согласно Принципу 26, закрепленному в Декларации по окружающей среде и развитию, которая была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), государства разрешают все свои экологические споры мирным путем и надлежащими средствами в соответствии с Уставом ООН[394].

В «Повестке дня на XXI век», принятой на той же Конференции ООН, уточнялось (п. 39.10), что «в области предотвращения и урегулирования споров государствам следует продолжить изучение и рассмотрение путей и средств расширения диапазона и повышения эффективности имеющихся в их распоряжении методов, в частности с учетом соответствующего опыта, накопленного в рамках существующих международных соглашений, правовых документов или учреждений, и, по мере необходимости, механизмов их осуществления, таких как механизмы предотвращения и урегулирования споров. В их число могут входить механизмы и процедуры обмена данными и информацией, уведомления и консультаций в отношении ситуаций, которые могут привести к спорам с другими государствами по вопросам устойчивого развития, а также механизмы и процедуры для эффективных мирных средств урегулирования споров в соответствии с Уставом ООН, в том числе в тех

---

[393] Копылов М. Н. Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права / М. Н. Копылов, С. М. Копылов, Э. Ю. Кузьменко. М.: Экон-Информ, 2007. С. 42.

[394] См.: Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.): документ ООН A/CONF.151/26. Также см.: Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. М.: РУДН, 2007. 114 с.

случаях, когда это необходимо, обращение в Международный Суд, и их включение в договоры, касающиеся устойчивого развития»[395].

Как видно из текста приведенной статьи «Повестки дня на XXI век», акцент ставится именно на предотвращении экологических споров. Таким образом, одним из возможных вариантов решения международных экологических споров может быть применение процедуры их предупреждения. Ее можно охарактеризовать как совершенно новую и нуждающуюся в детальной разработке, хотя профессор С. В. Виноградов еще в конце 70-х годов прошлого века писал, что «вопрос предотвращения транснационального ущерба окружающей среде – один из важнейших аспектов проблемы окружающей среды».[396]

Например, в последнем из принятых МЭС – Соглашении 2023 г. статья 56 прямо гласит: «Стороны сотрудничают друг с другом в целях предотвращения споров»[397].

Сформировавшаяся система разрешения споров в международном экологическом праве уже частично направлена на предотвращение экологических споров. Следственные комиссии, переговоры, обмен информацией, системы периодической отчетности (доклады по осуществлению положений МЭС)[398], международные инспекции, новация международного экологического права – процедура соблюдения – все они в той или иной степени содействуют предотвращению споров и, соответственно, предотвращению нанесения экологического вреда. Последнее

---

[395] См.: Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.): документ ООН A/CONF.151/26. Так же см.: Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992): [сайт]. URL: http://www.un.org/russian/conferen/rio/ (дата обращения: 28.08.2026).

[396] Виноградов С. В. Судебное рассмотрение споров, связанных с транснациональным ущербом окружающей среде / С. В. Виноградов // Вопросы международного морского и воздушного права. М.: Институт государства и права АН СССР, 1979. С. 47.

[397] Соглашение в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции (Нью-Йорк, 19 июня 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/19822 (дата обращения: 01.07.2026).

[398] Подробнее см.: Солнцев А. М. Выполнения Россией обязательств по международным экологическим соглашениям / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. 2006. № 1 (61). С. 184-200; Ensuring Compliance with Multilateral Environmental Agreements: A Dialogue between Practitioners and Academia / ed. by U. Beyerlin, P.-T. Stoll, R. Wolfrum. Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. 393 p.

особо важно ввиду затруднения восстанавливаемости экологического ущерба. Известно, что в результате антропогенной деятельности наносится огромный ущерб окружающей среде, уничтожаются природное и культурное наследие, происходит загрязнение морской среды, сокращается способность Земли к производству возобновимых ресурсов. Такой ущерб не может быть устранен посредством применения процедур мирного урегулирования споров. Также сложно представить себе, что денежная сумма, даже очень большая, сможет компенсировать этот ущерб, тем более что суммы, назначаемые Международным судом ООН за компенсацию экологического вреда, крайне малы[399], о чем подробно поговорим ниже. Здесь возникает вопрос, что делать в случае нанесения окружающей среде вреда, последствия которого не могут быть ликвидированы ни с помощью реституции или субституции, ни другими известными в практике государств средствами? В таком случае необходимо избегать причинения такого ущерба *ab initio* через механизмы, которые содействовали бы соблюдению государствами международных обязательств в области охраны окружающей среды[400]. Применение четких процедур предупреждения международных споров в этой области является одним из способов обеспечения выполнения обязательств, вытекающих из международных договоров по охране окружающей среды.

Впервые концепция предупреждения споров как отличная от концепции урегулирования споров была рассмотрена на совещании экспертов в Италии в 1974 г.[401], где шла речь о необходимости создания процедур, способствующих предупреждению споров между государствами.

---

[399] Солнцев А. М. Компенсация за ущерб природным ресурсам versus компенсация за экологический ущерб (на примере разрешения спора между Демократической Республикой Конго и Угандой) / А. М. Солнцев // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 3. С. 14-24; Солнцев А. М. Оценка экологического ущерба Международным судом ООН в деле об определенных видах деятельности, осуществленных Никарагуа в пограничном районе (Коста-Рика против Никарагуа) / А. М. Солнцев // Международное право: практико-ориентированный курс: учеб.-метод. пособие. Вып. 1 / под ред. А. Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2020. С. 68-77.

[400] Кукушкина А. В. Международно-правовое урегулирование и предупреждение международных экологических споров / А. В. Кукушкина // Россия и международное право: материалы междунар. конф., посвященной 100-летию Ф. И. Кожевникова / под ред. А. Н. Вылегжанина, Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 192.

[401] Adede A. O. Prevention and settlement of international environmental disputes / A. O. Adede // UNEP’s New Way Forward: Environmental Law and Sustainable Development. Nairobi: UNEP, [n.d.]. P. 54.

В настоящее время предлагается принять следующие комплексеные меры[402]:

- сформировать миссии ООН в виде «зеленых беретов»;
- создать сеть технических экспертов, которые будут назначаться Исполнительным директором ЮНЕП с согласия государств и с учетом мнения международных организаций, занимающихся вопросами охраны окружающей среды. Генеральный секретарь ООН должен быть наделен полномочиями формировать с согласия Исполнительного директора ЮНЕП группы *ad hoc* для выяснения фактических обстоятельств как по просьбе государства, на территории которого сложилась ситуация, способная привести к возникновению спора или по просьбе государств, между которыми уже возник спор, так и по собственной инициативе или по просьбе Исполнительного директора ЮНЕП в случае, если сложившаяся ситуация представляет собой угрозу для международного мира и безопасности;
- обеспечить дальнейшее развитие системы своевременного уведомления государства другим государством о планируемой трансграничной деятельности, которая может вызвать причинение ущерба окружающей среде (по примеру Конвенции Эспо 1991 г.);
- разработать обязательную или необязательную согласительную процедуру, в соответствии с которой стороны будут обязаны использовать или будут использовать в добровольном порядке услуги, предоставляемые одним или несколькими экспертами, чьи доклад и рекомендации не являются тем не менее обязательными для сторон;
- создать следственную комиссию, в формировании которой Исполнительному директору ЮНЕП отводится главная роль. Комиссия вправе потребовать информацию о ситуации от государства, на территории которого она возникла. Ее члены (три человека) будут назначаться с согласия

[402] Кукушкина А. В. Международно-правовое урегулирование и предупреждение международных экологических споров / А. В. Кукушкина // Россия и международное право: материалы междунар. конф., посвященной 100-летию Ф. И. Кожевникова / под ред. А. Н. Вылегжанина, Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 193-196.

Исполнительного директора ЮНЕП из числа экспертов по окружающей среде на основе предложения государств.

В некоторых МЭС содержатся положения, направленные на предотвращение споров. Например, статья 28 Соглашения о рыбных запасах 1995 г. гласит: «Государства сотрудничают в целях предотвращения споров. Для этого они согласовывают действенные и оперативные процедуры принятия решений в рамках субрегиональных и региональных рыбохозяйственных организаций и договоренностей и укрепляют при необходимости существующие процедуры принятия решений»[403]. Статья 17 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 года) формулирует эту проблему в следующем виде: государства «вступают в консультации и, при необходимости, в переговоры с целью достичь справедливого урегулирования потенциальных споров. Консультации и переговоры проводятся на основе того, что каждое государство должно добросовестно и в разумной степени учитывать права и законные интересы другого государства»[404].

В проекте Международного пакта по окружающей среде и развитию 1995 г. (в ред. 2015 г.)[405], представляющего собой акт неофициальной кодификации, содержится статья 72, посвященная вопросам выполнения обязательств и предотвращения споров: «Участники настоящего Пакта поддерживают, укрепляют или содействуют созданию процедур и институциональных механизмов — включая процедуры расследования и установления фактов, — призванных помогать государствам и побуждать их к полному выполнению своих обязательств и предотвращению споров, касающихся окружающей среды. Такие процедуры и механизмы должны совершенствовать и усиливать

---

[403] Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими (Нью-Йорк, 4 августа 1995 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/oceancapacity/sites/www.un.org.oceancapacity/files/files/Projects/UNFSA/docs/unfsa_text-ru.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[404] Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 г.) // Московский журнал международного права. 2002. № 4. С. 257-278.

[405] См.: Draft International Covenant on Environment and Development IUCN 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/EPLP-031-rev4.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

требования к отчетности, а также, при необходимости, предусматривать рассмотрение обращений со стороны общественности». Примером может служить Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадрид, 4 октября 1991 г.)[406], который предусматривает различные процедуры, направленные на контроль за соблюдением государствами своих положений. К таковым относятся возможность назначения коллективных или индивидуальных инспекций (ст. 14); меры, принимаемые Консультативным совещанием по Договору об Антарктике (ст. 10); обязательная процедура оценки воздействия на окружающую среду – ОВОС (Приложение № 1). Показательным примером можно считать практическое использование последней процедуры, когда многие страны – участницы Договора об Антарктике выступали против российских работ по изучению подледникового озера Восток. Однако после предоставления Россией отчетов о процедуре ОВОС[407] относительно бурения в Антарктике они были вынуждены признать правомерность действий России. Таким образом, обязательная процедура ОВОС способствовала снятию напряженности и предотвращению назревавшего экологического спора, грозившего перейти в экологический конфликт[408]. При появлении ситуации несоблюдения государством положений МЭС, другие государства – участники соответствующего МЭС могут предложить финансовую помощь, техническое содействие или передачу технологий (КБР 1992 г., Монреальский протокол 1987 г.), что также способствует переводу конфликтной ситуации в мирное русло.

---

[406] Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадрид, 4 октября 1991 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.ats.aq/r/protocol.html (дата обращения: 01.07.2026). Протокол вступил в силу для Российской Федерации 14 января 1998 г.

[407] См. Отбор проб воды подледникового озера Восток. Оценка воздействия на окружающую среду: документ WP-001-RU [Электронный ресурс]: официальный сайт Секретариата Договора об Антарктике. URL: https://www.ats.aq (дата обращения: 28.08.2026). Анализ воздействия деятельности человека на окружающую среду включал: идентификацию источников воздействия; ожидаемое воздействие на объекты окружающей среды, на первозданность и эстетические ценности окружающей среды, на районы научного, исторического и культурного значения и т. д.

[408] Подробнее см.: Солнцев А. М. Охрана окружающей среды в Антарктике / А. М. Солнцев // Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию МГЮА: Традиции и новации в Российском праве: сборник статей. М.: МГЮА, 2006. С. 209; Лукин В. В. Международно-правовые аспекты научных исследований в Антарктике (на примере озера Восток) / В. В. Лукин, А. А. Матвеев // Юрист-международник. 2005. № 3. С. 46-56.

Здесь можно сделать следующий важный вывод. Международное экологическое право на определенном этапе развития воспользовалась достижениями международного права защиты прав человека в отношении механизмов мониторинга и других методов предотвращения споров и конфликтов. В следующей главе диссертации мы подробно рассмотрим вклад в выполнение международных экологических обязательств со стороны региональных судебных правозащитных органов и универсальных договорных органов по правам человека. Указанные методы и механизмы получили дальнейшее прогрессивное развитие именно в рамках международного экологического права. Это происходит, по нашему мнению, потому что в международном праве защиты прав человека и других отраслях международного публичного права предмет мониторинга часто излишне политизирован и нарушения норм международного права в этих отраслях можно скрыть. Напротив, на современном этапе развития науки и техники изменения в состоянии окружающей среды легко можно зафиксировать и установить источник загрязнения, как это было, например, в случае загрязнения р. Сунгари в 2005 г. со стороны Китая, или когда было установлено, что страной происхождения радиоактивных веществ (цезий, калий-40 и др.), загрязняющих Баренцево море, является Великобритания (Селлафилд).[409] Таким образом, международное экологическое право выступает предвестником апробации различных методов и механизмов предотвращения споров для всего международного публичного права.

В целом, как отмечают Д. Д. Кэрон и Г. Г. Шинкарецкая, часто бывает так, что споры решаются, а еще лучше – их удается избежать, – приложив усилия к устранению несправедливостей, лежащих в основе конфликта, методами

[409] Губарев В. Член-корреспондент РАН Дмитрий Матишов: вместе с океаном в жизни и в науке / В. Губарев // Наука и жизнь. 2008. № 3. С. 17-25.

превентивной дипломатии[410]. В связи с этим укажем на один из экологических споров с участием России.

Китайско-российский экологический спор начала XXI в., связанный с неоднократным загрязнением р. Амур, имел все основания быть рассмотренным в международном судебном органе, однако в результате интенсивных переговоров было подписано двустороннее соглашение и создана двусторонняя комиссия, что позволяет теперь контролировать экологическую ситуацию на границе двух стран. Так, последний известный инцидент был зафиксирован более 20 лет назад – 13 ноября 2005 года, когда в результате аварии на химическом заводе *Jilin Petroleum and Chemical Company* в китайской провинции Цзилинь ядовитые вещества попали в р. Сунгари – правый приток р. Амур, являющийся источником питьевого водоснабжения Хабаровска. Точная информация о характере инцидента официально пришла из Китая лишь спустя две недели. Именно этот экологический инцидент послужил причиной ускорения российско-китайских переговоров о необходимости подписания соглашения о мониторинге трансграничных водных объектов, при том, что Российская сторона инициировала разработку проекта соглашения еще в 1997 г. Через три месяца после инцидента (21 февраля 2006 года) были подписаны Протокол о создании Подкомиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды и Меморандум о взаимопонимании между Министерством природных ресурсов РФ и Государственной администрацией КНР по охране окружающей среды по вопросам совместного мониторинга качества воды трансграничных водных объектов[411]. Следующим этапом стало подписание Межправительственного соглашения между Россией и КНР о рациональном использовании и охране трансграничных вод (Пекин, 29.01.2008 г.), которое для координации

---

[410] Кэрон Д. Д. Мирное разрешение международных споров посредством права / Д. Д. Кэрон, Г. Г. Шинкарецкая // Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны: сб. статей. М.: Спарк, 1996. С. 323

[411] Смольякова Т. Желтая река. Россия и Китай договорились беречь дальневосточную природу / Т. Смольякова // Российская газета. 2008. № 4579. С. 3.

деятельности по реализации Соглашения предусматривает создание Российско-китайской совместной комиссии. Уже в мае 2008 г. на российско-китайских переговорах на высшем уровне в окончательном заявлении по итогам переговоров председатель КНР Ху Цзиньтао заявил: «Активно будем работать и в области охраны окружающей среды, на должном уровне сберегать трансграничные водные ресурсы». Президент России поддержал это заявление, подчеркнув, что в российско-китайском сотрудничестве «одним из важнейших направлений была и остается охрана окружающей среды»[412].

Положительные итоги заключения Соглашения можно было наблюдать уже летом 2008 г. Так, 5 июня 2008 года (около 11:00 МСК) в городе Цицикар (китайская провинция Хэйлунцзян, граничащая с Россией) при разрезании поступившего на утилизацию газового баллона произошла утечка газа, повлекшая смерть троих и отравление еще восьми человек, а 6 июня (около 19:00 МСК) Министерство окружающей среды КНР предоставило в ответ на запрос Минприроды России[413] следующую информацию об инциденте: данным газом был фосген[414]; после инцидента баллон, из которого произошла утечка, и другие аналогичные баллоны были уничтожены; произошедший инцидент не причинил ущерба окружающей среде.

Поскольку в МЭП отсутствует какой-либо единый международный акт, регулирующий сотрудничество государств в сфере защиты окружающей среды, то мы не можем констатировать наличие какого-либо универсального и общеприемлемого средства для разрешения споров в международном экологическом праве. Проект Международного пакта по окружающей среде и развитию, являющийся актом неофициальной кодификации, в пункте 1 статьи

---

[412] Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров от 23 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/05/23/1933_type63377type63380_201233.shtml (дата обращения: 02.06.2026).

[413] См. Информационное сообщение МИД России 828-06-06-2008 «Ответ официального представителя МИД России А. А. Нестеренко на вопрос СМИ о чрезвычайном происшествии на китайском предприятии» [Электронный ресурс]: официальный сайт МИД России.URL: https://www.mid.ru/ (дата обращения: 02.06.2026).

[414] Газ фосген (дихлорангидрид угольной кислоты) обладает удушающим действием. Впервые получен в 1812 г. английским физиком и химиком Хемфри Дэви. В годы Первой мировой войны (1914-1918) использовался как боевое отравляющее средство. Ядовит только при вдыхании паров. Противоядия не существует.

73 содержит перечисление всех известных классических средств мирного разрешения споров, а в пункте 2 той же статьи говорится, что если стороны в течение одного года не смогли разрешить спор, то по решению одной из сторон спор передается для разрешения либо в арбитраж, включая ППТС, либо в постоянный международный суд (Международный суд ООН или Международный трибунал по морскому праву)[415].

Система международно-правовых средств выкристаллизовывалась на протяжении долгого времени путем проб и ошибок, создания теоретических работ и практики. Международное экологическое право развилось как разветвленная сеть соглашений и институтов лишь во второй половине XX в., когда система международно-правовых средств разрешения споров уже сформировалась. Первоначально международные экологические споры разрешались в рамках системы мирного разрешения споров без изменений. Однако в процессе взаимовлияния общей системы международного права и МЭП наметились две тенденции. Во-первых, МЭС предусматривали различные средства разрешения споров, приспосабливая их под свою специфику. Это специализированные, или «эндогенные» средства разрешения споров, возникшие внутри отрасли МЭП. Во-вторых, различные средства мирного разрешения споров, в том числе международные судебные учреждения, стали предусматривать различные специальные процедуры для разрешения международных экологических споров. В этом случае можно говорить об «экзогенных» средствах разрешения споров. В настоящее время использование эндогенных процедур возрастает, хотя исторически их роль была минимальна. Обращение к экзогенным процедурам всегда пользовалось успехом, чему могут служить свидетельством многочисленные решения международных судебных учреждений.

Государства и международные межправительственные организации вправе избрать любую стратегию разрешения международного спора: решать

[415] См.: Draft International Covenant on Environment and Development IUCN 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/EPLP-031-rev4.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

его с использованием внешних (экзогенных) или же внутренних (эндогенных) процедур разрешения споров[416]. Укажем, впрочем, на угрожающую этому принципу в современном международном праве опасность, которая состоит в том, что многие международные организации (например, ВТО) создают свои собственные процедуры разрешения споров, обращение к которым для членов этих организаций является обязательным. Однако юрисдикции таких органов не исключительны, они очень часто пересекаются как между собой, так и с юрисдикцией постоянных международных судебных учреждений.

При определении средства мирного разрешения споров государства могут выбрать один из трех вариантов: общие международно-правовые акты о мирных средствах по разрешению споров, клаузулу о мирных средствах по разрешению споров в МЭС или двусторонний договор, определяющий применение конкретной процедуры разрешения спора.

О первом случае мы подробно писали выше[417], двусторонние договоры не представляют интереса для исследования. Поэтому далее мы детально проанализируем клаузулу о разрешении споров в наиболее значимых МЭС. Клаузула — это особое положение в международном договоре, используемое для обозначения разнообразных особых положений и условий, например клаузула о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, клаузула о коренном изменении обстоятельств[418]. Двусторонние соглашения часто предусматривают создание постоянных комиссий или комиссий *ad hoc*. Международный спор может быть разрешен также на основании конкретного, чаще двустороннего, договора, предусматривающего либо обращение к существующему органу или суду, либо создание такового. Например, в пункте 1 статьи 33 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. предусматривается наличие такого

---

[416] The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1038.

[417] Абашидзе А. Х., Международное право. Мирное разрешение споров: учеб. пособие для вузов / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 221 с.

[418] См.: Словарь международного права. М.: Международные отношения, 1986. С. 111.

соглашения: «В случае возникновения спора между двумя или более сторонами в связи с толкованием или применением настоящей Конвенции соответствующие стороны при отсутствии применимого соглашения между ними стремятся урегулировать спор мирными средствами согласно изложенным ниже положениям»[419].

Одним из негативных последствий отсутствия единого кодифицирующего акта в международном экологическом праве применительно к теме настоящего исследования является ситуация с клаузулой о разрешении споров. До 1972 г. только четвертая часть всех международных соглашений содержали клаузулу о разрешении споров[420]. Большинство ранних МЭС, заключенных в XIX в. и до 1970-х годов, как правило, не включали положений о разрешении споров[421]. Среди МЭС, не имеющих клаузулы, можно отметить Китобойную конвенцию 1946 г., Рамсарскую конвенцию 1971 г., Соглашение СНГ о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды 1992 г.[422] Профессор А. Кисс указал, что уже в начале 1980-х годов примерно 1/3 всех МЭС содержали такую клаузулу[423]. А к началу XXI в. уже более половины всех МЭС содержали положения о разрешении споров[424].

Большинство МЭС, за редким исключением, содержат обычную двухступенчатую схему разрешения споров. Первая стадия включает обязательство разрешать споры мирно при помощи согласительных средств (переговоры, посредничество и т. д.). Так в статье 19 Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства 1998 г.

---

[419] Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 г.) // Московский журнал международного права. 2002. № 4. С. 257-278.

[420] Reithel C. Dispute settlement in treaties: a quantitative analysis. PhD dissertation / C. Reithel. Washington, 1972. 128 p.

[421] The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1039.

[422] Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды (Москва, 8 февраля 1992 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 1. С. 12-18.

[423] Kiss A. C. Le règlement des différends dans les conventions multilatérales relatives à la protection de l'environnement / A. C. Kiss // The Settlement of Disputes on the New Natural Resources / ed. by R. J. Dupuy. The Hague: Martinus Nijhoff, 1983. P. 120.

[424] Romano C. P. R. The Peaceful Settlement of International Environmental Disputes: A Pragmatic Approach / C. P. R. Romano. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 39.

говорится: «В случаях возникновения разногласий между Сторонами в отношении интерпретации или применения настоящей Конвенции Стороны стремятся урегулировать спор путем переговоров или любыми другими мирными средствами по своему выбору»[425]. Аналогичные положения содержатся и в пункте 1 статьи XVIII Конвенции СИТЕС 1973 г. Иногда первая стадия разрешения споров содержит несколько подстадий. Например, в пунктах 1–2 статьи 27 КБР 1992 г. указано: «При возникновении спора между Договаривающимися Сторонами относительно толкования или применения настоящей Конвенции заинтересованные стороны стремятся к урегулированию спора путем переговоров. Если заинтересованные стороны не могут достичь согласия путем переговоров, они могут совместно прибегнуть к добрым услугам третьей стороны или обратиться к ней с просьбой о посредничестве»[426].

В случае неурегулирования спора остается два варианта: либо МЭС содержит общие положения и не предлагает конкретных дальнейших шагов, (например, ст. 13 Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г.[427]), либо предлагается вторая стадия разрешения спора (согласительная процедура, международные судебные учреждения или отсылка к какому-либо органу, учрежденному на основании данного МЭС, чьи решения обязательны для сторон).

Вторая стадия разрешения спора предполагает обращение к процедурам, чьи решения обязательны для сторон. В МЭС может содержаться просто отсылка к согласительной процедуре, арбитражу, договорному органу или постоянному суду, а может наличествовать подробное описание этой процедуры. В случае простой фиксации варианта дальнейшего разрешения

---

[425] Разработана в рамках Совета Европы: Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://conventions.coe.int (дата обращения: 01.08.2025).

[426] Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-ru.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

[427] «При возникновении спора между двумя или несколькими Договаривающимися Сторонами настоящей Конвенции относительно толкования или применения Конвенции они ищут решения путем переговоров или любым другим методом урегулирования споров, приемлемым для Сторон в споре».

спора можно обратиться к пункту 2 статьи XVIII СИТЕС 1973 г., где говорится, что если спор не разрешен путем переговоров, то «Стороны могут, по взаимному согласию, передать спор в арбитраж, Постоянной палате третейского суда в Гааге»[428]. В КБР 1992 г. вторая стадия разрешения спора предполагает обращение к арбитражному разбирательству или к Международному Суду ООН; если стороны не договорились обратиться к одной из двух указанных процедур, то им надлежит прибегнуть к согласительной процедуре (пп. 3–4 ст. 27). При этом Приложение № 2 к Конвенции в части первой содержит описание процедуры арбитражного разбирательства (ст. 1–17), а в части второй – детализацию согласительной процедуры (ст. 1–6). Другим примером МЭС, содержащего положения о детализации второй стадии разрешения спора, является Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г. Вторая стадия по Протоколу 1991 г. предполагает обращение либо к Международному Суду ООН, либо к Арбитражному Трибуналу, причем Протокол содержит Дополнение (ст. 1–13), где детализирована процедура арбитражного разрешения споров применительно к толкованию или применению положений Протокола 1991 г. или шести приложений к нему. В Приложении № 6 к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. также подробно говорится об арбитражном разбирательстве.

РКИК ООН 1992 г. предусматривает не менее трех механизмов для разрешения споров: вспомогательный орган по осуществлению для обеспечения помощи в реализации (ст. 10); многосторонний консультативный процесс для решения вопросов относительно реализации неконфронтационным способом (ст. 13); урегулирование оставшихся споров более традиционными способами путем переговоров, представления в

[428] Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1978. Вып. XXXII. С. 549-562.

арбитраж или Международный суд ООН, или международную примирительную комиссию (ст. 14).

В Конвенции Минамата о ртути 2013 г.[429] детально прописана процедура разрешения споров. Так, в пункте 1 статьи 25 Конвенции говорится, что «стороны стремятся урегулировать любой возникающий между ними спор относительно толкования или применения настоящей Конвенции путем переговоров или другими мирными средствами по своему выбору» [430]. А далее идет детализация разрешения потенциального спора и указывается, что при ратификации любая сторона может «направить депозитарию письменное заявление о том, что в отношении любого спора, касающегося толкования или применения настоящей Конвенции, она признает одно или оба из следующих средств урегулирования спора как обязательные в отношении любой Стороны, принимающей на себя такие же обязательства: a) арбитражное разбирательство в соответствии с процедурой, предусмотренной в части I приложения E; b) передачу спора в Международный Суд» [431]. При этом специально оговаривается, что «истечение срока действия заявления, уведомление об аннулировании или новое заявление никоим образом не влияют на разбирательство, ведущееся в арбитражном суде или в Международном Суде, если стороны спора не договорились об ином» (п. 4) [432]. Далее уточняется, если стороны спора не приняли одно и то же средство урегулирования спора и если они не смогли урегулировать свой спор с помощью средств, упомянутых в пункте 1, в течение 12 месяцев после направления одной из Сторон другой Стороне уведомления о наличии спора между ними, этот спор по просьбе любой из сторон спора передается на рассмотрение согласительной комиссии. В Приложении E к Конвенции

[429] Минаматская конвенция по ртути (Кумамото, 10 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/99/36/02/1242.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
[430] Там же.
[431] Там же.
[432] Там же.

Минамата детально изложены процедура арбитражного разбирательства (17 статей) и согласительная процедура (11 статей).

Часть IX Соглашения 2023 г. (ст. 56–61) посвящена урегулированию споров, о чем свидетельствуют сами названия соответствующих статей: «Предотвращение споров», «Обязательство урегулировать споры мирными средствами», «Урегулирование споров любыми мирными средствами по выбору сторон», «Споры технического характера», «Процедуры урегулирования споров», «Временные договоренности». Данный факт говорит о том, что отношение международного сообщества к мирному разрешению споров крайне серьезное, данная процедура регулируется дифференцированно и детализированно. Государства стараются предотвращать споры, берут на себя *обязательства* мирными средствами урегулировать споры, а до урегулирования спора его стороны прилагают все усилия для заключения временных договоренностей практического характера. При этом в части VIII Соглашения 2023 г. (ст. 53–55), то есть до этой главы, речь идет об осуществлении (имплементации) и соблюдении Соглашения. Это крайне важные стадии предотвращения возможных споров: государства занимаются имплементацией (ст. 53) и отчитывается перед Конференцией сторон об имплементационных мерах (ст. 54), а для контроля (облегчения и рассмотрения осуществления и мотивации к соблюдению положений Соглашений) создается Комитет по осуществлению и соблюдению (*Implementation and Compliance Committee*).

Проанализировав положения различных МЭС, можно прийти к следующему заключению. Во-первых, если ранее предпочтение отдавалось международным судебным учреждениям *ad hoc*, то теперь клаузула содержит прямую отсылку к Международному Суду ООН и ППТС. Во-вторых, клаузула вместо четко сформулированного описания необходимого средства разрешения спора содержит возможность выбора из ряда процедур урегулирования споров. В сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимо унифицировать и синхронизировать клаузулу о разрешении споров в

различных МЭС, уточнив в том числе, какая процедура используется первой по очереди, и какая является приоритетной во второй стадии. В-третьих, содержание сравнительно недавних МЭС свидетельствует о том, что процедура урегулирования международных споров регулируется все более дифференцированно и детализированно.

Отмеченная тенденция достигла кульминации с принятием Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., часть XV которой (ст. 279–299) посвящена различным аспектам урегулирования споров. Предполагается использование таких процедур, как: обмен мнениями, региональные процедуры, согласительные процедуры (Приложение № V к Конвенции 1982 г.), арбитраж (Приложение № VII к Конвенции 1982 г.), специальный арбитраж (Приложение № VIII к Конвенции 1982 г.), Международный морской трибунал с несколькими специализированным камерами (Приложение № VI к Конвенции 1982 г.) и т. д. Этот перечень оказался настолько исчерпывающим, что некоторые договоры в клаузулах о разрешении споров просто содержат отсылку к указанным положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Такая ссылка содержится, в частности, в пункте 2 статьи 16 Протокола 1996 г. к Лондонской Конвенции 1972 г.[433] Причем сторона спора, прибегающая к использованию средств в соответствии с пунктом 2 статьи 16 Протокола 1996 г., не обязательно должна быть стороной Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В статье 69 Соглашения 2023 г. такой подход также сохранен.

В настоящее время клаузула о разрешении споров в МЭС стала обычным и широко распространенным фактом, хотя на практике она используется редко[434]. Классическая процедура разрешения споров применяется в случае нарушения положений международного права, когда выбранный орган,

---

[433] Протокол 1996 года к Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года (Лондонский протокол): принят в Лондоне 7 ноября 1996 г.: вступил в силу 24 марта 2006 г. // Международная морская организация. URL: https://www.imo.org (дата обращения: 28.08.2026). Доступен также: http://www.londonconvention.org.

[434] Romano C. P. R. International Dispute Settlement / C. P. R. Romano // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1041.

организованный без учета конкретного МЭС, выносит решения, определяя, кто виноват, и не обеспечивая необходимыми средствами защиты. К этой процедуре часто прибегают и тогда, когда в споре всего две стороны, предмет спора максимально ограничен и локализован, не носит глобального характера. Международные отношения далеко не идеально урегулированы нормами международного права, и поэтому когда спор передается независимому органу, стороны осознают, что они дают ему свободу действий вплоть до создания новых прецедентов. Вдобавок стороны должны быть уверены, что передача дела независимому органу является обоюдным решением и не нанесет ущерб их политическим отношениям. Все вышеприведенные аргументы снижают возможность передачи международного спора независимой комиссии или международному судебному учреждению до критически низкого уровня. Плюс ко всему специальные правовые режимы или международные организации содержат, во-первых, возможность обращения к внутренним процедурам и органам по разрешению споров, которые являются хорошей альтернативой вышеупомянутым экзогенным средствам разрешения споров; во-вторых, к сравнительно недавно появившейся «процедуре соблюдения» (*non-compliance procedures*).

Резюмируя вышесказанное, отметим важную тенденцию современного МЭП, а именно институционализацию[435] и интернализацию[436] процессов принятия решений и управления и разрешения международных споров в рамках конкретного МЭС. Большинство МЭС, заключенных после 1970 г., содержат положения об учреждении постоянных институтов, целью которых является: достижение целей МЭС, управление вверенными им ресурсами, мониторинг соответствия и т. д. К таким институтам относятся конференции

[435] Институционализация – превращение какого-либо социального явления или движения в организованное учреждение, формализованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти различных уровней и другими признаками организации: дисциплиной, правилами поведения и т. п.
[436] Интернализация – процесс превращения внешних факторов в устойчивые внутренние качества путем усвоения выработанных во вне ценностей, традиций // Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. СПб.: Лань, 1999. 528 с.

сторон, секретариат, различные технические и научные группы и фонды[437]. Например, в соответствии с положениями РКИК ООН 1992 г. действуют: Конференция Сторон (ст. 7); Секретариат (ст. 8); Вспомогательный орган для консультирования по научным и техническим аспектам (ст. 9); Вспомогательный орган по осуществлению (ст. 10) и Финансовый механизм (ст. 11). При Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях создан Комитет по рассмотрению стойких органических загрязнителей (КРОЗ), при Конвенции о биологическом разнообразии – Вспомогательный орган по научным, техническим и технологическим консультациям (ВОНТТК) и т. д.

Все эти договорные институты содействуют в том числе предотвращению международных споров. Поэтому существует не так много практических примеров разрешения международных экологических споров о толковании, применении и нарушении положений МЭС на основе их клаузулы о разрешении споров. Одним из немногих примеров является дело *«О заводе МОКС»* (Ирландия против Великобритании)[438], которое Ирландия пыталась разрешить путем применения процедур, указанных в клаузулах двух различных МЭС: Конвенции по охране морского пространства Северо-восточной Атлантики 1992 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Международные экологические споры могут возникнуть из-за нарушения не только конкретного МЭС, но и других различных международных договоров, обычаев и принципов международного права. К последним могут быть отнесены принцип предотвращения, принцип не нанесения трансграничного вреда и другие[439]. Многие ранние международные

---

[437] Международные экспертные организации и вспомогательные органы (по научным вопросам) международных договоров по окружающей среде и изменению климата [Электронный ресурс]. URL: https://iclrc.ru/ru/publications/105 (дата обращения: 25.06.2026).

[438] Солнцев А. М. Мирное разрешение международных экологических споров: теория и практика / А. М. Солнцев // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 17 апреля 2006 г.) / под ред. А. Я. Капустина, А. Х. Абашидзе. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. С. 274-287.

[439] Подробнее об отраслевых принципах международного экологического права см.: Копылов М. Н. Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права / М. Н. Копылов, С. М. Копылов, Э. Ю. Кузьменко. М.: Экон-Информ, 2007. С. 42-81; Кукушкина А. В. Международно-правовая

экологические споры, разрешенные при помощи международных судебных учреждений, возникли именно благодаря нарушениям обычаев международного права и разрешались без ссылок на какие-либо МЭС. Дело *«Трейл Смелтер»* (США против Канады)[440], являющееся классическим примером одного из первых экологических споров, не затрагивает нарушения ни одного международного договора между США и Канадой. То же самое можно сказать о деле *«О морских котиках Берингово моря»* (Великобритания против США) и деле *«О ядерных испытаниях»* (Австралия и Новая Зеландия против Франции)[441]. В других случаях рассматривалось нарушение международных договоров неэкологического содержания, но спор затрагивал вопросы защиты окружающей среды, и в решениях говорилось о существовании или отсутствии обычных международных экологических норм. В качестве примеров можно привести дело *«Lac Lanoux»* (Франция против Испании)[442], в основе которого были положения договора о границах между этими государствами, дело *«Габчиково – Надьямарош»* (Венгрия против Словакии)[443], суть которого касалась Договора 1977 г. о строительстве ГЭС, или дело *«О целлюлозных заводах на реке Уругвай»* (Аргентина против Уругвая)[444], затрагивающее толкование положения Статута реки Уругвай 1975 г.

охрана окружающей среды // Международное право: учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: Международные отношения, 2005. С. 686-690.

[440] Trail Smelter Case (USA v. Canada), Award of 11 March 1941, 3 UNRIAA, 1905 [Электронный ресурс]. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-trail-smelter-case-united-states-of-america-canada-award-tuesday-11th-march-1941 (дата обращения: 26.08.2026).

[441] Bering Sea Fur Seals Arbitration (Great Britain v. United States), Award of 15 August 1893, 1 Moore's International Arbitrations 755 (1898). Переиздано в: International Environmental Law Reports. V.1. Early decision / ed. C. C. Robb. Cambridge, 1999. P. 43-88; Nuclear Tests case (Australia v. France), Interim Measures: order of 22 June 1973 // I.C.J. Reports. 1973. P. 99; Nuclear Tests (New Zealand v. France): order of 22 June 1973 // I.C.J Reports. 1973. P. 135.

[442] Lac Lanoux Arbitration (Spain v. France) (1957) [Электронный ресурс]. URL: https://www.pastpaperhero.com/resources/spain-v-france-lac-lanoux-arbitration-12-riaa-281-1957 (дата обращения: 01.06.2026).

[443] Case Concerning the Gabcikovo-Nagymaros project (Hungary v. Slovakia): judgment of 25 September 1997 // I.C.J. Reports. 1997. P. 7.

[444] Case concerning Pulp Mills on the river Uruguay (Argentina v. Uruguay) [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org (дата обращения: 25.06.2026).

Приведенные примеры подтверждают тезис, что экологический спор нечасто возникает из толкования одного МЭС, поэтому клаузула не всегда помогает.

Вышеприведенный анализ клаузул МЭС демонстрирует широчайшую палитру средств разрешения споров, возникающих в связи с предполагаемым несоблюдением экологических обязательств, которые будут детально проанализированы в последующих главах диссертации.

В целом в рамках первой главы диссертационного исследования можно сделать следующие выводы.

МЭП является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей международного публичного права. За последние 50 лет количество МЭС и регуляторов мягкого права значительно увеличилось, охватывая широкий спектр вопросов – от изменения климата до защиты биоразнообразия. Однако, несмотря на рост числа соглашений, эффективность их реализации остается проблемой, что указывает на необходимость усиления механизмов контроля и координации между государствами и международными организациями.

Важное значение, на наш взгляд, имеет тенденция экологизации других отраслей международного права, таких как международное гуманитарное право, международное право прав человека, международное морское право и др. Это проявляется в том, что экологические нормы включаются в договоры и решения, первоначально не связанные с охраной окружающей среды. Например, Комитет по правам человека ООН расширительно толкует право на жизнь, связывая его с обязанностью государств защищать окружающую среду и климат, что свидетельствует о растущем признании взаимосвязи экологических проблем и других аспектов международных отношений.

Выявляется серьезная проблема фрагментации международного экологического регулирования, вызванная большим количеством МЭС, принятых в разное время и с разными целями. Отсутствие вертикальных и слабость горизонтальных связей между соглашениями затрудняют их эффективную реализацию. В качестве решения предлагается усиление

сотрудничества между секретариатами МЭС, проведение совместных заседаний и подписание меморандумов о взаимопонимании между секретариатами МЭС. Однако, как показывает пример четырех «химических» конвенций, процесс гармонизации остается сложным и требует времени.

Как уже отмечалось выше, существенную роль играет отсутствие единого кодифицирующего акта в МЭП, аналогичного Венской конвенции о праве международных договоров в праве международных договоров или Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в международном морском праве. Различные попытки создания всеобъемлющего договора, такого как Всемирный пакт о защите окружающей среды, пока не увенчались успехом из-за отсутствия политической воли и сложности согласования интересов государств. Тем не менее автор придерживается мнения, что создание такого всеобъемлющего экологического договора решит лишь часть проблем, породив при этом новые проблемы (необходимость внесения поправок в некоторые действующие МЭП, денонсация других МЭП, длительный период вступления в силу нового договора и т. д.). Поэтому наиболее перспективным видится обобщение обычаев МЭП.

Несмотря на сложную геополитическую обстановку, развитие МЭП продолжается через принятие новых соглашений и актов мягкого права, что позволяет адаптироваться к современным вызовам, таким как пластиковое загрязнение, усиление изменения климата, утрата кораллов, ртутные загрязнения.

Особое внимание следует обратить на важность принципа международного экологического сотрудничества в условиях глобальных экологических кризисов. Несмотря на значительные достижения в области МЭП, сохраняются серьезные проблемы, в том числе фрагментация регулирования, недостаточная эффективность реализации соглашений и необходимость дальнейшей кодификации МЭП. Укрепление синергии между МЭС, развитие механизмов контроля и учет экологических аспектов в других

отраслях права являются ключевыми направлениями для будущего развития МЭП.

Вместе с тем наблюдается эволюция принципа международного сотрудничества от морального долга к юридической обязанности, особенно в контексте реализации международных экологических обязательств. Этот принцип закреплен в ключевых документах, таких как Устав ООН 1945 г., Декларация о принципах международного права 1970 г.; его юридическое содержание уточнено в решениях Международного Суда ООН. Однако его реализация остается сложной из-за двусмысленных формулировок и отсутствия четких механизмов принуждения, что требует дальнейшего развития международно-правовых инструментов.

Практика Международного Суда ООН, особенно решения по делам *«ЦБК на реке Уругвай»* и *«Китобойный промысел в Антарктике»,* демонстрирует, как судебные органы интерпретируют и конкретизируют принципы сотрудничества и добросовестности. Суд связывает эти принципы с процедурными обязательствами, такими как обмен информацией и консультации, что способствует формированию последовательной и устойчивой практики для разрешения международных экологических споров.

Взаимосвязь принципа сотрудничества и принципа добросовестного выполнения международных обязательств особенно важна в МЭП, где выполнение договоренностей нередко зависит от доброй воли государств. В решениях международных судов и договорных нормах (например, в ст. 300 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) подчеркивается необходимость добросовестности в переговорах, исключения злоупотребления правами и поддержания режима сотрудничества.

Таким образом, принципы международного сотрудничества и добросовестности являются краеугольными камнями МЭП. Их развитие зависит как от кодификации и прогрессивного развития МЭП, так и от судебной практики. Для решения глобальных экологических проблем

необходимо укреплять механизмы сотрудничества, обеспечивать четкость обязательств и повышать ответственность государств за их выполнение.

Следует еще раз отметить, что экологические проблемы носят трансграничный характер и требуют совместных действий всего международного сообщества. Признание этого факта отражено в МЭС, таких как Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. и Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного наследия 1972 г., которые сочетают уважение государственного суверенитета с защитой общих интересов международного сообщества. Однако отсутствие императивных норм и нечеткость формулировок в некоторых МЭС затрудняют их эффективную реализацию, что указывает на необходимость дальнейшего укрепления международного экологического правопорядка.

Обязательства *erga omnes* играют ключевую роль в международном экологическом праве. Эти обязательства возникают из норм, защищающих общечеловеческие ценности, таких как сохранение морской среды, предотвращение трансграничного загрязнения или запрет ядерных испытаний. Решения Международного Суда ООН (например, дело *Barcelona Traction* или консультативное заключение «О законности угрозы ядерным оружием») подтверждают, что нарушения таких обязательств затрагивают интересы всех государств, а не только непосредственно пострадавших. Это создает международно-правовую основу для коллективных действий, направленных на защиту окружающей среды.

Несмотря на признание материально-правовой значимости обязательств *erga omnes*, их практическая реализация сталкивается с процессуальными сложностями. Международный суд ООН и другие международные судебные органы порой избегают четких решений по искам, основанным на коллективных интересах (таким, например, как дело Австралии против Франции «*О ядерных испытаниях*»). Отсутствие универсальных механизмов для подачи исков непострадавшими государствами или международными организациями ограничивает эффективность указанных обязательств.

Сложившаяся ситуация требует дальнейшего развития международных процессуальных норм, а также расширения юрисдикции международных судов.

Существует важное различие между обязательствами *erga omnes* и *erga omnes partes*. Последние, как показано в деле Бельгии против Сенегала (о Конвенции против пыток), позволяют государствам-участникам требовать соблюдения договорных норм даже без доказательства «особого интереса». В МЭП это может применяться к многосторонним соглашениям, таким как Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 192) или Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. Однако для обязательств *erga omnes* общего характера (например, защита климата) такие механизмы пока отсутствуют.

Заметную роль играет связь обязательств *erga omnes* с *jus cogens*, такими как запрет экоцида или массового загрязнения. Решения Международного Суда (например, «*О законности ядерного оружия*») и договоры (например, Договор о запрете ядерных испытаний 1963 г.) подтверждают, что некоторые международные экологические обязательства проистекают из международных обычаев. Это означает, что их нарушение влечет ответственность не только перед конкретными государствами, но и перед международным сообществом. Однако для полного признания международных экологических норм в качестве *jus cogens* требуется дальнейшая практика и консенсус государств.

Таким образом, обязательства *erga omnes* являются мощным инструментом защиты глобальных экологических интересов, но их потенциал ограничен пробелами в международном процессуальном праве и неоднозначностью толкования. Для усиления их роли необходимы: развитие механизмов коллективного принуждения (например, через реформу международных судов); четкое закрепление экологических норм как *jus cogens* в практике государств и международных организаций. Это позволит

трансформировать теоретические конструкции в рабочие инструменты глобального экологического управления.

В настоящей главе подчеркивается методологическая проблема выделения международных экологических споров в «чистом виде», поскольку большинство международных конфликтов имеют экологическую составляющую, связанную с доступом к природным ресурсам или антропогенным воздействием на окружающую среду. Более того, экологические аспекты часто интегрированы в политические, экономические и социальные конфликты, что затрудняет их однозначную квалификацию. Эта неопределенность требует гибкого подхода к анализу споров, учитывающего как экосистемный подход, так и интересы различных субъектов международного права, включая государства, международные организации и неправительственных акторов.

Принцип мирного разрешения споров, закрепленный в Уставе ООН и других международных документах, играет ключевую роль в МЭП. Однако в МЭП делается акцент не только на урегулировании уже возникших споров, но и на их предотвращении. Институты МЭП, такие как процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), системы мониторинга и обмена информацией, а также механизмы контроля за соблюдением обязательств (например, комитет по осуществлению в различных МЭС), становятся критически важными. Пример с бурением скважины в леднике над озером Восток в Антарктиде демонстрирует, как превентивные меры могут снять напряженность до перерастания ее в полноценный международный спор.

Исторически экологические споры разрешались через международные судебные и арбитражные органы (например, Международный суд ООН или арбитраж *ad hoc*), но современные тенденции указывают на рост значения специализированных («эндогенных») механизмов, таких как процедуры соблюдения в МЭС (*non-compliance procedures*) или согласительные комиссии в МЭС. Клаузулы в современных МЭС (например, в Конвенции Минамата 2013 г. или Соглашении 2023 г.) становятся более детализированными,

предлагая многоступенчатые подходы, включая переговоры, арбитраж и медиацию. При этом сохраняется проблема фрагментации: отсутствие единого кодифицированного акта в МЭП приводит к разнообразию процедур, что может осложнять их применение.

Представляется возможным указать на парадокс: даже успешное юридическое разрешение международного экологического спора (как в деле *«О китобойном промысле между Австралией и Японией*») не всегда гарантирует реальное прекращение экологически вредной деятельности. Это связано с тем, что судебные решения часто фокусируются на правовых аспектах, а не на устранении глубинных причин конфликта, таких как экономические интересы или отсутствие альтернатив при том или ином действии или бездействии государств. Поэтому ключевое значение приобретает «управление» экологическими проблемами, включая постконфликтный мониторинг (процедура *follow-up*), техническую помощь и адаптацию договорных обязательств. Процедура *follow-up* – это механизм в МЭП, нацеленный на мониторинг и обеспечение выполнения государствами взятых на себя экологических обязательств. Данная процедура представляет собой важный инструмент обеспечения эффективности МЭП, позволяющий не только фиксировать нарушения, но и стимулировать государства к выполнению обязательств через прозрачность, диалог и (при необходимости) давление.

Примеры эмбарго на «кровавые алмазы» или деятельность Кимберлийского процесса показывают, что сочетание правовых, экономических и политических инструментов может быть более эффективным, чем исключительно судебные механизмы.

В целом международные экологические споры требуют комплексного подхода, сочетающего традиционные методы мирного урегулирования с инновационными превентивными и управленческими механизмами. Для повышения эффективности необходимо дальнейшее развитие унифицированных процедур, усиление роли международных организаций и

интеграция экологических стандартов в другие отрасли международного права в рамках процесса экологизации.

Международное экологическое обязательство в настоящей диссертации предстает как особый вид международно-правового обязательства, отличающийся совокупностью материальных и процессуальных компонентов, нацеленных на предотвращение, ограничение или устранение трансграничного вреда окружающей среде. Такое обязательство характеризуется не только двусторонней корреляцией прав и обязанностей государств, но и встроенной «объективированной» целью – охраной глобальных и региональных экологических благ как общего интереса международного сообщества.

Нами предлагается многоуровневая классификация международных экологических обязательств, исходящая, во-первых, из их материального содержания (обязательства по предотвращению загрязнения, по сохранению экосистем и биоразнообразия, по регулированию климатических выбросов, по защите морской среды и др.), а во-вторых, из их функциональной направленности (обязательства результата, обязательства должного поведения, смешанные обязательства). Особо выделяется ось классификации по кругу лиц: обязательства, устанавливающие индивидуальные стандарты для конкретных государств, и обязательства с выраженной элементной природой *erga omnes*, согласно которым нарушение одним государством затрагивает интересы всего международного сообщества. Важным дифференцирующим критерием выступает и процессуальный аспект – наличие или отсутствие встроенных процедур контроля и отчетности (например, в рамках климатических, озоновых или биологических режимов), что позволяет выделить обязательства с жесткими механизмами верификации и обязательства преимущественно политико-декларативного характера.

Представленная в диссертации авторская концепция четырехзвенной структуры механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств представляет собой попытку синтеза

разрозненных доктринальных подходов в единую системную модель, охватывающую весь спектр механизмов – от классического международного правосудия до внутригосударственного правоприменения, а именно: 1) судебный и арбитражный механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств; 2) квазисудебные механизмы обеспечения выполнения международных экологических обязательств (договорные органы ООН по правам человека, Компенсационная комиссия ООН, квазисудебные органы экономического характера); 3) конвенционные механизмы МЭС по обеспечению выполнения международных экологических обязательств (средства выполнения, меры по выполнению, согласительные процедуры, процедура соблюдения); 4) национальные механизмы имплементации международных экологических обязательств.

Исследование показывает, что международные споры, возникающие из нарушения международных экологических обязательств, обладают рядом специфических черт по сравнению с классическими межгосударственными спорами: они, как правило, носят комплексный, многоуровневый и научно-технически насыщенный характер, требуют привлечения экспертизы, установления причинно-следственных связей и оценки риска, а не только ретроспективной фиксации вреда.

ГЛАВА 2. СУДЕБНЫЙ И АРБИТРАЖНЫЙ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Постоянное усложнение межгосударственных отношений в сфере защиты окружающей среды позволяет предположить, что они никогда не будут исчерпывающим образом регулироваться в договорном порядке. Это, в свою очередь, делает необходимым эволютивное толкование договорных обязательств либо применение обычных норм более общего характера. Существенное внимание в связи с этим во второй главе диссертации будет уделяться именно международным судам и арбитражам. Как указывал еще более 30 лет назад проф. А. С. Тимошенко, «можно отметить общую тенденцию повышения роли международных трибуналов для мирного урегулирования споров государств, включения в международные договоры положений, устанавливающих механизм и порядок судебного разбирательства»[445].

Осознание государствами и международным сообществом в целом негативных последствий (вплоть до вооруженных столкновений), к которым могут привести международные экологические споры по поводу трансграничного ущерба окружающей среде, совместного использования разделяемых природных ресурсов и т. п., уже на ранних этапах привело к созданию институциональных механизмов по их разрешению в форме постоянно действующих комиссий или международных арбитражей *ad hoc*[446]. Учитывая возрастающую потребность в разрешении международных экологических споров, являющихся исключительно сложными по своему содержанию, международное сообщество прилагает усилия к развитию необходимых для этого судебных учреждений.[447] Однако, несмотря на

---

[445] Тимошенко А. С. Международное право окружающей среды / А. С. Тимошенко // Курс международного права: в 7 т. Т. 5. Отрасли международного права / В. Д. Бордунов, В. С. Верещетин, С. В. Виноградов и др.; отв. ред. В. С. Верещетин. М.: Наука, 1992. С. 294.

[446] Международное право / [А. Х. Абашидзе и др.]; под общ. ред. А. Я. Капустина. М.: Гардарики, 2008. С. 489.

[447] Колбасов О. С. Международное экологическое право на пороге XXI века / О. С. Колбасов // Российский ежегодник международного права. 1996-1997. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 1998. С. 120.

немалое количество существующих постоянных международных судебных учреждений и арбитражей *ad hoc*, государства тем не менее отдают явное предпочтение другим средствам разрешения споров[448]. Вместе с тем обращение к процедуре разрешения споров для международного права означает, по меткому замечанию проф. Ч. Романо, то же самое, что патология для медицины[449]. Если процедура разрешения международных споров в целом выполняет роль «Золушки» для международного права[450], то судебная процедура, по образному замечанию П. Бирни, – это «последний порт захода»[451].

Между тем заметную роль в мирном урегулировании экологических споров играют международные суды (прежде всего Международный суд ООН и ИТЛОС) и арбитраж (ППТС, *ad hoc*, инвестиционные арбитражи). В рамках настоящей главы диссертации мы, учитывая последствия экологизации международного права прав человека и международного экономического права, проанализируем также роль региональных судебных правозащитных механизмов (Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека и Африканский суд по правам человека и народов[452]) и затронем суды региональных интеграционных объединений. Среди всех международных судов и арбитражей существует ряд международных форумов, адаптированных для разрешения международных экологических споров. Это, например, Международный суд ООН и ИТЛОС, где были созданы специальные камеры для разрешения экологических споров в 1993 г. и в 2002 г. соответственно; а также ППТС, где разработаны специальные правила для разрешения споров по природным ресурсам (эта адаптация, на наш взгляд,

---

[448] Шинкарецкая Г. Г. Международная судебная процедура / Г. Г. Шинкарецкая. М. : Наука, 1992. С. 218-219.
[449] Romano C. P. R. International Dispute Settlement / C. P. R. Romano // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1037.
[450] Там же.
[451] Birnie P. Dispute settlement procedures in the 1982 UNCLOS / P. Birnie // Law of the sea and international shipping: Anglo-Soviet post UNCLOS perspectives. London, 1985. P. 39.
[452] Методологически важно отметить, что хотя Межамериканская комиссия по правам человека и Африканская комиссия по правам человека и народов являются по юридической природе квазисудебными органами, и их можно было бы рассматривать в следующей главе диссертации, посвященной именно квазисудебным органам, но логичнее указать на их вклад в настоящей главе, поскольку их деятельность неразрывно связана с деятельностью соответствующих региональных правозащитных судов.

оказалась неэффективной, субъекты не увидели значительных преимуществ при обращении к ним (и форумам и процедурным правилам) и продолжили рассматривать споры в обычном порядке). Обобщая недостатки международных судов и арбитражей в деле рассмотрения международных экологических споров и в деле мотивации субъектов к выполнению международных экологических обязательств, в завершении главы мы обсудим перспективы создания специального Международного экологического суда. Безусловно, количество экологических споров стремительно растет, проанализировать их все, особенно при наличии множества международных судов и арбитражей, весьма затруднительно, но выявить основные тенденции представляется ясным и вполне достижимым.

МЭС предусматривают возможность обращения к международным судебным органам лишь на основе взаимного соглашения. Иногда в них содержится оговорка относительно того, что дело может быть передано на рассмотрение МС ООН в соответствии со Статутом Суда. Здесь имеется в виду случай, когда государство при ратификации Статута приняло одностороннюю декларацию о признании обязательной юрисдикции Суда. В таком случае при возникновении международного экологического спора государство может в одностороннем порядке возбудить дело в МС ООН против государства, признавшего ранее его обязательную юрисдикцию. Многие МЭС предусматривают возможность для государств в любое время сдать в Секретариат ООН декларацию с признанием обязательности юрисдикции МС ООН, ИТЛОС, арбитража; к таковым относится, например, РКИК ООН 1992 г.[453]

МЭС начиная с 1980-х годов стали включать положение, предусматривающее возможность односторонней передачи спора на

[453] Согласно пункту 2 статьи 14 РКИК 1992 г.: «При ратификации, принятии, одобрении Конвенции или присоединении к ней или в любое время после этого Сторона… может представить Депозитарию заявление в письменном виде о том, что в любом споре относительно толкования или применения Конвенции она признает, в качестве обязательного условия *ipso facto* и без специального согласия, в отношении любой Стороны, взявшей на себя такое же обязательство: a) передачу спора в Международный Суд и/или b) арбитражное разбирательство в соответствии с процедурами, подлежащими принятию Конференцией Сторон, по возможности в кратчайшие сроки, в приложении, посвященном арбитражу».

рассмотрение международного судебного учреждения, когда другие процедуры разрешения споров не ведут к желаемому результату. К таковым, например, относятся Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г.[454] и Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных 1997 г.[455]

Международные судебные учреждения напрямую эффективно содействуют укреплению института ответственности в международном праве. Ответственность предполагает признание виновной одной из сторон в нарушении международного права и возмещение ущерба. Именно международные судебные учреждения обеспечивают реализацию ответственности. В этом отношении МЭП выступает авангардом для всего международного права – в настоящее время кодифицированы (или находятся в стадии завершения кодификации) многие нормы в сфере международно-правовой экологической ответственности, в частности ответственности за: вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (позитивная ответственность – *liability*)[456]; деятельность в Антарктике;[457]

---

[454] Статья 19 Протокола гласит: «Каждая Сторона при подписании, ратификации, принятии, одобрении или присоединении к настоящему Протоколу, или в любое время после этого может выбрать путем подачи письменного заявления одно или оба из следующих средств урегулирования споров… Международный Суд ООН, Арбитражный трибунал. Сторона, не сделавшая заявление …или в отношении которой заявление утратило силу, считается признавшей компетенцию Арбитражного трибунала».

[455] Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией (Брюссель, 15 декабря 1997 г.) [Ратифицировано Российской Федерацией 26 апреля 2008 г.] // Official Journal of the European Communities. 1998. L 42. P. 43-57. В соответствии с пунктом 2 статьи 15 Соглашения если Совместный комитет по вопросам управления не урегулирует спор в течение 90 дней, то по просьбе Стороны-заявителя учреждается Арбитражный орган в соответствии с Приложением III Соглашения.

[456] Резолюция ГА ООН от 4 декабря 2006 г. № 61/36 «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности»: документ ООН A/RES/61/36 от 18 декабря 2006 г.; Резолюция ГА ООН от 6 декабря 2007 г. № 62/68 «Предотвращение трансграничного вреда от опасных видов деятельности»: документ ООН A/RES/62/68 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/convdrafts.shtml (дата обращения: 01.06.2026). Подробнее см.: Абашидзе А. Х. Важный шаг в кодификации института ответственности / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, О. Д. Миловидов // Юрист-международник. 2008. № 1. С. 70-72.

[457] Приложение VI к Протоколу об охране окружающей среды 1991 г. к Договору об Антарктике 1959 г. «Материальная ответственность, возникающая в результате чрезвычайных экологических ситуаций» (Стокгольм, 14 июня 2005 г.) // Международное право. International Law. 2007. № 3 (31). С. 7-19. Также см. текст: www.ats.aq. Подробнее см.: Абашидзе А. Х. Усиление эффективности режима экологической ответственности в Системе Договора об Антарктике / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Государство и право. 2006. № 10. С. 59-66; Солнцев А. М. Материальная ответственность, возникающая в результате чрезвычайных экологических ситуаций в Антарктике / А. М. Солнцев, О. Д. Миловидов // Международное право. International Law. 2007. № 3 (31).С. 88-96.

ущерб от трансграничного перемещения ГМО[458]; загрязнения моря нефтью;[459] ущерб, причиненный трансграничной транспортировкой опасных отходов и их удалением[460]; ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов;[461] ядерный ущерб[462].

Создание столь большого количества кодифицированных международно-правовых актов в сфере экологической ответственности (что является отличительной чертой МЭП и не имеет аналогов в других отраслях международного права) вносит большой вклад в развитие международно-правового института позитивной ответственности в целом. Указанный факт

---

[458] Нагойско-Куала-Лумпурский дополнительный протокол об ответственности и возмещении к Картахенскому протоколу по биобезопасности (Нагоя, 15 октября 2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/395 (дата обращения: 01.06.2026).

[459] Можно отметить целый ряд соответствующих конвенций. Так, Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (Брюссель, 29 ноября 1969 г.) вступила в силу 19 июня 1975 г. (для СССР – 22 сентября 1975 г). Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 27-ФЗ Российская Федерация денонсировала настоящую Конвенцию и присоединилась к Протоколу от 27 ноября 1992 г. о ее изменении. Другой пример – Международная конвенция о создании Международного Фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью (Брюссель, 18 декабря 1971 г.). Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 26-ФЗ Российская Федерация денонсировала настоящую Конвенцию и присоединилась к Протоколу от 27 ноября 1992 г. о ее изменении. Перечислим еще несколько документов, а именно: Протокол 1992 года об изменении Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 года (Лондон, 27 ноября 1992 г.). Российская Федерация присоединилась к настоящему Протоколу Федеральным законом от 2 января 2000 г. N 27-ФЗ. Протокол вступил в силу для Российской Федерации 20 марта 2001 г.; Протокол 1992 года об изменении Международной Конвенции о создании международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 года (Лондон, 27.11.1992 г.). Российская Федерация присоединилась к настоящему Протоколу Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 27-ФЗ. Протокол вступил в силу для Российской Федерации 20 марта 2001 г.; Протокол 1992 года об изменении Международной конвенции о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 года (Лондон, 27 ноября 1992 г.). Российская Федерация присоединилась к настоящему Протоколу Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 26-ФЗ. Протокол вступил в силу для Российской Федерации 20 марта 2001 г.; Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом 2001 года (23 марта 2001 г.). Тексты всех документов см.: www.imo.org.

[460] Протокол об ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничной транспортировкой опасных отходов и их удалением к Базельской конвенции 1989 г. (Базель, 10 декабря 1999 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.basel.int/meetings/cop/cop5/docs/prot-r.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

[461] См., например: Конвенцию о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом (Женева, 10 октября 1989 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.unece.org/trans/conventn/legalinst_54_TDG_CRTD.html (дата обращения: 10.08.2025).

[462] См., например: Конвенцию об ответственности в отношении третьих лиц в области ядерной энергии (Париж, 29 июля 1960 г.) (Парижская Конвенция) (с изменениями, внесенными Дополнительными Протоколами 1964 г., 1982 г. и 2004 г) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nea.fr (дата обращения: 10.08.2025); Конвенцию от 31 января 1963 г., дополняющую Парижскую конвенцию от 29 июля 1960 г. (Брюссельская Дополняющая Конвенция) с изменениями, внесенными Дополнительным Протоколом от 28 января 1964 г. и Протоколом от 16 ноября 1982 г.; Венскую Конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Вена, 21 мая 1963 г.) с дополн. от 1988 г. (Конвенция вступила в силу 12 ноября 1977 г., для РФ 13 августа 2005 г.); Конвенцию по дополнительной компенсации за ядерный ущерб (12 сентября 1997 г.).

предполагает возможность применения международными судебными учреждениями положений этих международных договоров.

Наиболее востребованными международными судебными учреждениями, предусматриваемыми положениями МЭС, являются Международный суд ООН и ППТС.

§ 1. Международный арбитраж

Конфликты, связанные с доступом к природным ресурсам, безусловно относящиеся к сегодняшней сфере действия МЭП, были предметом споров за тысячелетия до нашего времени. Так, первый известный человечеству международный договор двух шумерских городов-государств Лагаш и Умма, датируемый 2550 г. до н. э.[463], и решение третейского суда между ними, касались вопросов использования трансграничной реки[464].

Первый известный в Средневековье международный арбитраж, рассматривавший вопросы защиты и управления окружающей средой, состоялся еще в начале XV в. в контексте разрешения пограничных споров Тевтонского (Немецкого) ордена с Польшей, Литвой и герцогами Мазовецкими и Столпе (спор об островах, рыбной ловле, судоходстве и берегах Вислы и Древенца, 1411 г.)[465]. В последующем при арбитражном рассмотрении международных споров экологические вопросы поднимались в основном в контексте разрешения пограничных споров по водной границе и соответствующего совместного рационального управления морскими или речными живыми ресурсами.

Со времени принятия первого экологического арбитражного решения, текст которого нам доступен в полном виде, прошло более 130 лет. Имеется в

---

[463] Подробнее о трудностях датировки см.: Малиновский А. Международное договорное нормотворчество как политический процесс / А. Малиновский, Е. Трикоз // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2. С. 6-30.
[464] Sand P. H. Environmental Dispute Resolution 4,500 Years Ago: The Case of Lagash v Umma / P. H. Sand // Yearbook of International Environmental Law. 2019. Vol. 30. No. 1. P. 137-142.
[465] Цит. по: Таубе М. А. История зарождения современного международного права (Средние века). Т. 1: Введение и часть общая / М. А. Таубе. Санкт-Петербург: Типо-лит. П. И. Шмидта, 1894. С. 58.

виду дело *«О морских котиках» (Pacific Fur Seal Arbitration)*[466] между США и Великобританией. Также из ранних арбитражей можно отметить дело *«Трейл Смелтер»* (США против Канады, 1949 г.), дело *«Об озере Лану»* (Франция против Испании, 1957 г.) и дело *«О плотине Гат»* (США против Канады, 1968 г.). Отметим, что некоторые решения оказали решающее влияние на развитие современного МЭП. Так, арбитраж по делу *«Трейл Смелтер»*[467] постановил, что «в соответствии с принципами международного права, как и права США, никакое государство не имеет права использовать или разрешать использовать свою территорию таким образом, чтобы это причиняло… ущерб территории другого государства либо собственности или лицам на ней, если случай имеет серьезные последствия, а наличие ущерба установлено ясным и убедительным доказательством»[468]. Данная юридическая формула рассматривается многими юристами в качестве одного из источников принципа международного права, запрещающего причинять ущерб окружающей среде других государств или районов, находящихся за пределами действия национальной юрисдикции[469]. Ведь *de facto* государство, предъявляя претензию относительно ущерба окружающей среде к государству, где находится источник загрязнения, выступает не от имени своих граждан (то есть оно не осуществляет дипломатической защиты), но, скорее, защищает свое собственное право на то, чтобы его территория не подвергалась вредному воздействию в результате деятельности, проводимой в рамках иностранной юрисдикции.

Заслуживают внимания выводы арбитража по делу *«Об озере Лану»*, возникшего в связи с намерением Франции использовать указанное озеро как

---

[466] Дело «О котиках Берингова моря», 1983 (Великобритания против США) // International Environmental Law Reports. Vol.1: Early Decisions / ed. C. C. Robb. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 43-88; Камаровский Л. А. Международный третейский суд в Париже / Л. А. Камаровский // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического Общества, состоящего при Императорском Московском Университете, и его Статистического отделения. СПб., 1894. Том 3. С. 125-150; Голубев Н. Н. Международные третейские суды XIX века: Очерки теории и практики / Н. Н. Голубев. М.: Унив. тип., 1903. С. 90.

[467] См.: Дело «Трейл Смелтер» // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: Изд-во МНИМП, 1999. С. 449-451.

[468] См.: United Nations. Reports of International Arbitral Awards. New York: United Nations, 1949. Vol. 3. P. 1965.

[469] См. например: Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право: учеб. пособие / М. Н. Копылов. М.: РУДН, 2007. 267 с.

водохранилище с последующим отводом вод из озера для производства гидроэлектроэнергии. Испания возражала против этих планов Франции, поскольку они могли негативно сказаться на объеме стока реки Карол, вытекающей из озера и протекающей по испанской территории. Франция, не отказываясь от своих планов, предложила немного изменить проект таким образом, чтобы Испания получила такое же, и даже большее количество воды путем отвода ее из реки Арьеж. Однако Испания все равно была против французского проекта, что привело к учреждению в 1956 г. арбитража, который в целом поддержал Францию, подчеркнув, что только в случае «загрязнения или изменения химического состава, температуры или каких-либо иных характеристик воды… Испания могла бы предъявлять претензии о нарушении своих прав»[470]. Данное решение подтвердило право государств, потерпевших ущерб от загрязнения, предъявлять претензии к государству-нарушителю и указало на существование международно-правовой нормы, запрещающей одному государству так изменять естественные условия (в данном случае – сток воды) на своей территории, что этим причинялся бы вред другому государству. Многие отечественные ученые отмечали, что положения решения этого арбитража представляют несомненный интерес для доктрины международного права и отражают определенные тенденции его развития.[471]

Таким образом, важность международной судебной процедуры в сфере охраны окружающей среды была убедительно подтверждена арбитражным разбирательством межгосударственных споров по делам *«Трейл Смелтер»* и «*Озеро Лану»*. Как заметил профессор А. С. Тимошенко, эти решения не только демонстрировали применимость общего принципа права *sic utere tuo ut alienum non laedas* (так используй свою, чтобы не причинить ущерб чужому) к межгосударственным отношениям по поводу окружающей среды, но и

---

[470] Lac Lanoux Arbitration (France v. Spain): Award of 16 November 1957 // American Journal of International Law. 1959. Vol. 53. P. 170.

[471] См. например: Виноградов С. В. Судебное рассмотрение споров, связанных с транснациональным ущербом окружающей среде / С. В. Виноградов // Вопросы международного морского и воздушного права. М.: Институт государства и права АН СССР, 1979. С. 56; Клименко Б. М. Международные реки: правовые вопросы использования международных рек в промышленности и сельском хозяйстве / Б. М. Клименко. М.: Международные отношения, 1969. С. 186.

содействовали формированию специального принципа МЭП, запрещающего одному государству так изменять естественные условия на своей территории, чтобы этим оказывать неблагоприятное воздействие на природную среду других государств[472].

К недостаткам арбитражного разбирательства дел можно отнести высокую стоимость процесса, которая полностью ложится на стороны спора, тогда как деятельность постоянного международного суда финансируется зачастую всеми государствами-членами учредительного акта суда. Однако арбитраж привлекает государства обязательностью решения и гибкостью своей процедуры, возможностью влиять на состав судей, выбор права, календарь слушаний, выбор правил процедуры, ограничение юрисдикции. В частности, возможность выбора права и закрепления его в компромиссе очень полезна при разрешении международных экологических споров, поскольку обращение к национальному праву позволяет заполнить имеющиеся пробелы в международном. Так произошло в деле *«Трейл Смелтер»*, компромисс которого предусматривал использование при разрешении спора «право и практику США и международного права» (ст. 4 Компромисса).

Со второй половины XX в. государства, ведшие переговоры по МЭС или договорам, содержавшим экологические нормы, часто выступали за включение конкретных положений об учреждении арбитражного суда, наделенного полномочиями принимать обязательные и окончательные решения. Почти все МЭС, имеющие клаузулу о разрешении споров, предусматривают возможность арбитражного разрешения споров. В них арбитражная процедура обычно детализируется либо прямо в тексте (например, Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г.), либо в отдельном приложении (например, Приложение VI к Базельской конвенции 1989 г.). Ранние примеры планирования создания

[472] Тимошенко А. С. Международное право окружающей среды / А. С. Тимошенко // Курс международного права: в 7 т. Т. 5. Отрасли международного права / В. Д. Бордунов, В. С. Верещетин, С. В. Виноградов и др.; отв. ред. В. С. Верещетин. М.: Наука, 1992. С. 294-340.

органа для принятия обязательных решений при разрешении споров, включают «специальную комиссию», которая должна быть создана по просьбе любой из сторон споров, связанных с рыболовством и сохранением в открытом море (Конвенция об открытом море 1958 (ст. 9–12)), и подробные положения об учреждении арбитража в Приложении к Международной конвенции относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью 1969 г. (ст. VIII и Приложение). Другие МЭС содержат положения о передаче споров в арбитраж по инициативе одной из сторон спора[473] или обеих сторон[474]. Существуют и МЭС, которые просто ссылаются на возможность передачи споров в арбитраж, не предоставляя подробностей о создании такого органа или его рабочих механизмах[475]. Некоторые МЭС предусматривают передачу споров в арбитраж по взаимному согласию соответствующих сторон[476] или позволяют стороне заявить во время подписания или ратификации соглашения, что она не связана частями положений об урегулировании споров, включая передачу в арбитраж[477], или допускают, что сторона может заявить во время подписания или ратификации или в любое время после этого свое согласие на обязательное обращение в арбитраж и/или Международный суд ООН[478].

Отличительной особенностью МЭС, заключенных после 1990 г., является возможность третьей стороны, имеющей правовой интерес, принимать участие в рассмотрении дела, несмотря на обычную закрытость

---

[473] Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года, измененная Протоколом 1978 года (МАРПОЛ 73/78) (статья 10 и протокол 11); Конвенция о химическом загрязнении Рейна 1976 г. (статья 15 и приложение B); Конвенция о защите Рейна от загрязнения хлоридами 1976 г. (статья 13 и приложение B); Бернская конвенция 1979 г. (статья 18); Конвенция ОСПАР 1992 г. (статья 32 (2)); Дунайская конвенция 1994 г. (статья 24); Водный протокол САДК 1995 г. (статья 7); Протокол к Лондонской конвенции 1996 г. (статья 16); Рейнская конвенция 1998 г. (статья 16); Пересмотренный водный протокол САДК 2000 г. (статья 7).

[474] Барселонская конвенция 1976 г. (статья 22 и приложение A); АНТКОМ 1980 г. (статья XXV и приложение); Картахенская конвенция 1983 г. (статья 23 и приложение); Нумейская конвенция 1986 г. (статья 26 и приложение).

[475] Балтийская конвенция 1974 г. (статья 18); Венская конвенция 1985 г. (статья 11).

[476] СИТЕС 1973 г. (статья XVIII (ППТС); Базельская конвенция 1989 г. (статья 20 и приложение VI).

[477] Конвенция об оперативном оповещении 1986 г. (статья 11); Конвенция о помощи 1986 г. (статья 13).

[478] Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. (статья 27 и приложение II, часть 1); Конвенция об изменении климата 1992 г. (статья 14); Конвенция о водотоках 1992 г. (статья 22); Конвенция о промышленных авариях 1992 г. (статья 21); Конвенция Минамата о ртути 2013 г. (статья 25).

арбитражной процедуры. Так, согласно статье 15 Приложения IV к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 года) «Любая Сторона настоящей Конвенции, которая имеет в предмете спора интерес правового характера и может быть затронута в результате решения по данному делу, имеет право принять участие в разбирательстве с согласия суда»[479].

В течение последних нескольких десятилетий арбитражная процедура Приложения VII к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. применялась неоднократно: в 1998 г. – Австралией и Новой Зеландией против Японии в связи со спором «*О сохранении южного голубого тунца»*[480]; в 2001 г. – Ирландией против Соединенного Королевства в споре *«О разрешении на строительство завода по производству МОКС-топлива»*[481]; в 2005 г. – Малайзией против Сингапура в связи с рекультивацией земель[482]; в 2010 г. – Маврикием против Соединенного Королевства *«О законности создания морской охраняемой зоны вокруг архипелага Чагос»*[483]. Кроме того, в 1999 г. Нидерланды и Франция подали на арбитраж в Постоянную палату третейского суда (ППТС) спор относительно Конвенции о хлориде по Рейну 1976 г. и Протокола к ней 1991 г.;[484] в 2001 г. Ирландия инициировала арбитражное разбирательство против Соединенного Королевства в связи со свободой

---

[479] Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.) // United Nations Treaty Series. 1992. Vol. 1936. P. 269.

[480] Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan), Requests for Provisional Measures: order of 27 August 1999 // I.C.J. Reports 1999. The Hague ICJ, 1999. P. 280-334.

[481] Proceedings pursuant to the OSPAR Convention (Ireland v. United Kingdom, 5 June 2001 – 2 July 2003) [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXIII/59-151.pdf (дата обращения: 02.08.2026). The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom) (Request for Provisional Measures): order of 3 December 2001 // ITLOS Case No. 10. Подробнее см.: Солнцев А. М. Мирное разрешение международных экологических споров: теория и практика / А. М. Солнцев // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 17 апреля 2006 г.) / под ред. А. Я. Капустина, А. Х. Абашидзе. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. С. 274-287.

[482] Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore) [Электронный ресурс]. URL: https://pca-cpa.org/en/cases/56/ (дата обращения: 01.05.2026).

[483] Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom) [Электронный ресурс]. URL: https://pca-cpa.org/ar/cases/11/ (дата обращения: 01.05.2026).

[484] Dispute regarding Treaty interpretation (The Netherlands – France) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/international-law-reports/article/abs/case-concerning-the-auditing-of-accounts-between-the-kingdom-of-the-netherlands-and-the-french-republic-pursuant-to-the-additional-protocol-of-25-september-1991-to-the-convention-on-the-protection-of-the-rhine-against-pollution-by-chlorides-of-3-december-1976/EA411BC41BC190483845CA22471F8AF9 (дата обращения: 01.05.2026).

информации в соответствии со статьей 9 Конвенции ОСПАР 1992 г.; [485] в 2003 г. Бельгия и Нидерланды передали в ППТС спор относительно железнодорожной линии Iron Rhine[486], а в 2010 г. Пакистан передал в ту же инстанцию спор относительно своих прав и прав Индии в соответствии с Договором о реке Инд[487].

Особо среди международных арбитражей стоит подчеркнуть роль рассматривавшей большинство вышеупомянутых дел ППТС, которая ведет активную деятельность в сфере разрешения и предотвращения экологических споров: принимает специальные процедурные регламенты; выносит решения по рассмотрению экологических споров; участвует в разработке клаузул о разрешении споров в МЭС (например, соглашения по торговле выбросами парниковых газов в рамках Киотского протокола 1999 г.); проводит консультации и конференции совместно с ЮНЕП. ППТС не является судом в классическом понимании, а предоставляет институциональную и процедурную платформу для арбитража, посредничества и других форм мирного урегулирования споров.

Так, на основе Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ 19 июня 2001 года был принят *Примерный Регламент ППТС по арбитражному разбирательству споров, связанных с природными ресурсами и/или окружающей средой*, а 16 апреля 2002 года на базе Согласительного регламента ППТС и Согласительного регламента ЮНСИТРАЛ – *Примерный согласительный Регламент ППТС по урегулированию споров, связанных с*

---

[485] Proceedings pursuant to the OSPAR Convention (Ireland v. United Kingdom, 5 June 2001 – 2 July 2003) [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXIII/59-151.pdf (дата обращения: 02.08.2026). Подробнее см.: Солнцев А. М. Мирное разрешение международных экологических споров: теория и практика / А. М. Солнцев // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 17 апреля 2006 г.) / под ред. А. Я. Капустина, А. Х. Абашидзе. М.: Российский университет дружбы народов, 2006. С. 274-287.

[486] В Деле «О железной дороге» Нидерланды ввели на национальном уровне экологические требования при проезде поездов из Германии в Бельгию через территорию Нидерландов, что нарушало право Бельгии на транзитный проход. Подробнее см.: Dispute regarding Treaty interpretation (The Netherlands – France) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/international-law-reports/article/abs/case-concerning-the-auditing-of-accounts-between-the-kingdom-of-the-netherlands-and-the-french-republic-pursuant-to-the-additional-protocol-of-25-september-1991-to-the-convention-on-the-protection-of-the-rhine-against-pollution-by-chlorides-of-3-december-1976/EA411BC41BC190483845CA22471F8AF9 (дата обращения: 01.05.2026).

[487] Indus Waters Western Rivers Arbitration (Pakistan v. India) [Электронный ресурс]. URL: https://pca-cpa.org/en/cases/284/ (дата обращения: 01.06.2026).

природными ресурсами и/или окружающей средой[488]. Эти документы предусматривают ведение специализированного списка арбитров с опытом в экологической сфере, а также списков научных и технических экспертов. Таким образом, появилась возможность урегулирования спорных ситуаций, касающихся защиты окружающей среды или сохранения природных ресурсов для государств, межправительственных организаций, неправительственных организаций, ТНК и частных сторон[489].

Международные экологические споры, рассматриваемые ППТС, возникают в рамках эколого-ориентированных договоров (Конвенция ОСПАР 1992 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Договор о водах реки Инд 1960 г., Конвенция о хлоридах Рейна 1976 г.), 13 МЭС[490] и в рамках двусторонних договоров об арбитраже *ad hoc*. ППТС рассматривает споры между государствами и негосударственными субъектами, возникающие в рамках ряда двусторонних и многосторонних инвестиционных договоров, контрактов и других инструментов. Некоторые из этих споров касаются правовых вопросов, связанных с внутренним регулированием в области охраны окружающей среды, а также обязательств принимающего государства по международному экологическому праву. Например, ППТС рассматривала ряд споров, связанных с Механизмом чистого развития Киотского протокола.

---

[488] Регламенты выложены на официальном сайте ППТС – www.pca-cpa.org. См. также по этому вопросу: Wu C. Q. A Unified Forum? The New Arbitration Rules for Environmental Disputes Under the Permanent Court of Arbitration / C. Q. Wu // Chicago Journal of International Law. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 263-279.

[489] Sands Ph. Environmental disputes and the Permanent Court of Arbitration: issues for consideration. Background paper for Secretary-General of the PCA.1996; Mackenzie R., Sands Ph. Settlement of disputes under international environmental agreements: a potential role for the PCA. Background paper for the Bureau of the PCA. 1997. Указанные работы доступны на официальном сайте ППТС – www.pca-cpa.org.

[490] Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г.; Конвенция о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г.; Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.; Протокол к Договору об Антарктике об охране окружающей среды 1991 г.; Конвенция о сохранении южного голубого тунца 1993 г.; Соглашение о сохранении афро-евразийских мигрирующих водно-болотных птиц 2000 г.; Конвенция о сохранении и управлении запасами далеко мигрирующих рыб в западной и центральной частях Тихого океана 2000 г.; Протокол к Конвенции о защите Альп 2002 г.; Договор о создании трансграничного парка «Большой Лимпопо» 2003 г.; Протокол к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер и к Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий 2006 г.; Соглашение о рыболовстве в южной части Индийского океана 2006 г.; Соглашение о взаимоотношениях между Глобальным фондом разнообразия сельскохозяйственных культур и Руководящим органом Международного договора о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2006 г., Конвенция о сохранении и управлении рыбными ресурсами открытого моря в южной части Тихого океана 2009 г. См. подробнее: Там же.

Касаясь в целом деятельности ППТС, можно отметить, что механизм по разрешению споров, запущенный во многом благодаря России, прекрасно работает уже в течение более чем 125 лет. Возможность модернизации и реформирования, заложенная на Второй Гаагской конференции мира в 1907 г., вновь проявилась в конце XX в., что дало новую жизнь Постоянной Палате Третейского Суда. Тем самым был подтвержден принцип периодичности в отношении созыва государств с целью усовершенствования механизма мирного разрешения споров. Если сравнить деятельность ППТС и Международного Суда ООН, то можно сделать следующий вывод: к услугам ППТС обращаются преимущественно экономически развитые государства, а в Международный суд ООН – в основном развивающиеся государства, ввиду того что при МС существует Фонд, помогающий в оплате юридической помощи[491].

Среди положительных черт ППТС можно отметить: гибкость (стороны могут выбирать арбитров для экологической экспертизы); конфиденциальность (в отличие от открытых судебных процессов, например, в МС ООН); скорость (арбитраж обычно проходит быстрее, чем рассмотрение споров в межгосударственных судах); наличие специализированных процедурных правил. Среди отрицательных сторон выделим следующие: отсутствие контроля за исполнением – решения ППТС, будучи обязательными по силе, не всегда выполняются (как в случае с Китаем в споре о Южно-Китайском море или Индия в споре с Пакистаном по Договору о водах Инда 1960 г.); доступность – развивающиеся страны иногда избегают арбитража из-за высоких затрат, а соответствующий фонд отсутствует.

Таким образом, ППТС остается одним из самых востребованных механизмов урегулирования сложных международных экологических споров, особенно там, где традиционные суды (такие как МС ООН) не имеют

[491] Солнцев А. М. Экологическое измерение деятельности Постоянной палаты третейского суда (к 100-летию Второй Гаагской конференции мира (15 июня – 18 октября 1907 г.) / А. М. Солнцев // Российский ежегодник международного права. 2007. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2008. С. 210-220.

достаточной специализации. Ее роль будет расти в свете появления широкого спектра новых вызовов – от климатических исков до споров о глубоководной добыче полезных ископаемых.

Инвестиционный арбитраж. Растущая роль арбитража отражена в судебной практике в спорах между инвесторами и государством, связанных с обвинениями во вмешательстве в иностранные инвестиции, вызванными государственными интересами в отношении защиты окружающей среды или климата[492]. Иностранные инвесторы используют международный арбитражный процесс, известный как урегулирование споров между инвесторами и государствами (УСИГ) и предусмотренный в основе тысяч международных инвестиционных соглашений (МИС), главным образом двусторонних. УСИГ, реализуемый преимущественно через инвестиционные арбитражи в рамках МИС, играет значительную роль в балансировании интересов иностранных инвесторов и суверенных прав государств. Одним из ключевых аспектов этой системы является ее влияние на экологическую политику государств, что вызывает дискуссии в академических и практических кругах. Государства, принимая меры по охране окружающей среды (например, вводя ограничения на добычу ресурсов[493] или ужесточая экологические стандарты), рискуют столкнуться с исками инвесторов о косвенной экспроприации или нарушении стабилизационных оговорок. Как отмечается экспертами: «Иски, поданные в рамках процесса УСИГ, используются для оспаривания действий по борьбе с изменением климата и защите окружающей среды, совершаемых государствами, и для требования миллиардов долларов США в виде компенсаций. Решения по таким делам принимают не независимые судьи, а арбитражные юристы, многие из которых работают в юридических фирмах, представляющих интересы инвесторов. Из-за этого несправедливого, недемократического и малоэффективного процесса возник кризис законности в области

[492] Sarvarian A. [Review of] Investment Arbitration and Climate Change. By Anja Ipp and Annette Magnusson (eds) / A. Sarvarian // British Yearbook of International Law. 2024. Article brae004. P.18.
[493] Boklan D. Defending permanent sovereignty over natural resources against the obligation to freely trade: the international legal dimension / D. Boklan, C. Kuppuswamy // Mineral Economics. 2024. Vol. 1. No. 1. P. 1-10.

международного инвестиционного режима»[494]. К числу мер, используемых государствами, уязвимыми перед угрозой исков УСИГ, относятся действия по принятию, укреплению и реализации законодательства, нормативных актов, стандартов и политики в области климата и экологии. Действительно, отказ в выдаче разрешений на разведку месторождений нефти и газа, постепенный уход от использования угольных электростанций, отказ в выдаче разрешений на строительство крупных шахт, введение запрета на гидроразрыв пласта и ужесточение законов о защите источников водоснабжения привели к подаче арбитражных исков. Одним из ключевых критических аргументов является сдерживание экологической политики из-за угрозы дорогостоящих исков. Государства могут избегать усиления природоохранных норм, опасаясь компенсационных выплат в рамках УСИГ. Это явление подрывает принцип суверенитета в регулировании общественных благ, включая экологию. Число известных инициированных дел по УСИГ, заведенных в связи с действиями, предпринимаемыми государствами, возросло с 12 в 2000 г. до 37 в период 2000–2010 гг. и 126 в период 2011–2021 гг.[495] По данным Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), в рамках УСИГ было подано более 127 исков, в каждом из которых содержится требование возместить ущерб в размере 1 миллиарда долларов США[496]. «Многомиллиардные иски в рамках УСИГ приобретают характер установившейся практики в делах по вопросам климата и экологии, представляя собой золотую жилу для иностранных инвесторов и экономический кошмар для государств с низким и средним уровнем дохода»[497]. Выход из многосторонних инструментов, обеспечивающих

[494] Доклад Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Дэвида Р. Бойда. Платить загрязнителям: катастрофические последствия урегулирования споров между инвесторами и государствами для действий по борьбе с изменением климата и охране окружающей среды и для прав человека: документ ООН A/78/168 от 13 июля 2023 г.

[495] United Nations Conference on Trade and Development, ‘Treaty-based investor-State dispute settlement cases and climate action’, IIA Issues Note, No. 4, September 2022.

[496] Навигатор ЮНКТАД по урегулированию инвестиционных споров [Электронный ресурс]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/ investment-dispute-settlement (дата обращения: 01.07.2026).

[497] Доклад Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Дэвида Р. Бойда. Платить

поддержку УСИГ, является еще одним шагом на пути к упразднению этой неэффективной системы. Боливия и Эквадор вышли из Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г.[498] и расторгли все свои двусторонние инвестиционные договоры. В конституциях этих двух государств существуют положения, согласно которым правительствам запрещается передавать юрисдикцию международного арбитража по вопросам, связанным с иностранными инвестициями[499].

На наш взгляд, система УСИГ берет свое начало в колониализме и экстрактивизме[500] и не отвечает требованиям XXI в., поскольку интересы иностранных инвесторов в такой системе ставятся выше прав государств, прав человека и защиты окружающей среды. Иски по УСИГ и связанные с ними непомерные расходы уже привели к серьезным последствиям, поскольку из-за них сдерживаются, задерживаются и ослабляются решения государств в области климатической и экологической политики. Не меньшую обеспокоенность, чем непомерные расходы, связанные с арбитражными разбирательствами в рамках УСИГ, вызывает и регулятивный застой, возникающий в результате угроз проведения таких разбирательств в отношении действий по борьбе с изменением климата и защите окружающей среды. Поскольку иски в рамках УСИГ и угрозы выступают препятствием для прогресса в решении климатических и экологических проблем, они оказывают значительное влияние на права человека. Права участия,

---

загрязнителям: катастрофические последствия урегулирования споров между инвесторами и государствами для действий по борьбе с изменением климата и охране окружающей среды и для прав человека: документ ООН A/78/168 от 13 июля 2023 г.

[498] Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 18 марта 1965 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51253/ (дата обращения: 01.07.2026).

[499] UNCTAD's Reform Package for the International Investment Regime / United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: UNCTAD, 2018. 48 p.

[500] Экстрактивизм — модель экономики и система социально-экономических отношений, основанная на интенсивном извлечении природных ресурсов (сырья) и их вывозе за пределы территории происхождения, как правило, для переработки в других регионах или странах. Подробнее см.: Панфилов Н. Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая концепция / Н. Панфилов, Р. Дохов [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ne-tolko-prirodnye-resursy-ekstraktivizm-kak-obobschayuschaya-kontseptsiya (дата обращения: 04.08.2026).

необходимые для реализации всех прав человека, постоянно нарушаются, в результате чего пострадавшие сообщества оказываются невидимыми. На наш взгляд, права на жизнь, здоровье, питание и воду, культурные права и право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду нарушаются и будут нарушаться, а верховенство закона по-прежнему будет подрываться, если не ликвидировать систему УСИГ. Нам представляется, что необходимо пересмотреть МИС, чтобы пресечь инвестиции, противоречащие действиям по борьбе с изменением климата и защите окружающей среды, а также нормам в области прав человека, упразднить защиту, предоставляемую инвесторам, осуществляющим такие инвестиции, и способствовать инвестированию в разработку рациональных решений. Международное сообщество нуждается в справедливом переходе к «зеленой», безуглеродной энергетике, для чего необходимы масштабные инвестиции в возобновляемые источники энергии, накопители энергии и энергоэффективность, а также постепенный отказ от использования ископаемых видов топлива, прекращение вырубки лесов и преобразование промышленного сельского хозяйства. Все эти действия следует возглавить и в значительной степени профинансировать богатым государствам, уровень выбросов которых исторически высок.

Действительно, на фоне инициатив и международных соглашений, призывающих к более широкому учету концепции устойчивого развития в международном инвестиционном праве, необходимо оценить, нашла ли эта концепция отражение в решениях инвестиционных арбитражей. Ссылки на концепцию устойчивого развития в инвестиционном арбитраже могут в конечном итоге обеспечить более полное соответствие разрешения инвестиционных споров все более важному аспекту контекста, в который встроены положения международных инвестиционных соглашений. Признали ли арбитражные суды актуальность концепции устойчивого развития при рассмотрении международных инвестиционных споров? Чтобы ответить на этот вопрос в доктрине был проведен контент-анализ 91 решения, включающих как минимум одно упоминание термина «устойчивое развитие». В результате

эксперт пришел к выводу, что использование концепции устойчивого развития арбитражами является незначительным и проблематичным, а это свидетельствует о существенном разрыве с усилиями, предпринимаемыми в сфере разработки инвестиционной политики и международного судопроизводства. Подобные решения демонстрируют общее отсутствие упоминания этой концепции в решениях арбитражей и неспособность последних в полной мере признать ее интегративный характер[501].

Критика УСИГ на наш взгляд привела к предложениям о таких реформах, как: создание специализированных экологических трибуналов в рамках инвестиционных споров; включение клаузул об устойчивом развитии (англ.– *sustainability clauses)* в новые МИС; переход к системе многостороннего инвестиционного суда (как в случае соглашения между ЕС и Канадой (CETA)). Таким образом, дальнейшее развитие УСИГ требует баланса между защитой инвестиций и устойчивым развитием, что соответствует целям Повестки 2030 ООН (ЦУР). Текущая практика инвестиционных арбитражей показывает, что экологизация в международном инвестиционном праве протекает крайне сложно и затрудняет выполнение государствами экологических обязательств.

§ 2. Международные суды

Международные суды – детище XX в., поэтому ранних примеров разрешения экологических споров нет. Постоянная палата международного правосудия (Суд Лиги Наций) также не внесла вклад в разрешение экологических споров, и только начиная со второй половины XX в. экологические споры стали рассматриваться в международных судах. Вместе с тем важно уточнить, что МЭП не существует в вакууме и, конечно, правовые позиции и концепции, выработанные в международных судах ранее или не по

[501] Marcoux J.-M. The Concept of Sustainable Development in Investment Arbitration: A Disconnect from Investment Policymaking and International Adjudication / J.-M. Marcoux // Leiden Journal of International Law. 2025. Vol. 38. No. 3. P. 501-510.

экологическим спорам, используются и при разрешении экологических споров (например, концепция *erga omnes*).

Разрешение международных экологических споров, связанных с невыполнением экологических обязательств, может быть передано в международные суды, которые обладают соответствующей юрисдикцией и компетенцией для вынесения юридически обязательных решений. В области охраны окружающей среды ряд международных судов приобрели особое значение. Это прежде всего Международный суд ООН и Международный трибунал по морскому праву (ИТЛОС), а также региональные суды экономической интеграции. Потенциально имеет возможность внести свой вклад в выполнение экологических обязательств Международный уголовный суд (МУС). Кроме того, несколько неправительственных инициатив направлены на создание «международных судов» для решения международных экологических проблем. Они, хотя и не принимают решений, обязательных к исполнению, но предоставляют возможность доступным образом довести экологические проблемы до сведения общественности.

Международный суд ООН. Стороны прибегают к рассмотрению спора в судебном порядке на основе взаимного согласия. В одностороннем порядке возможно инициировать дело только против государства, являющегося стороной договора, в котором государства признали обязательность обращения в Международный суд при разрешении споров, или против государства, признавшего обязательную юрисдикцию Суда и сдавшего соответствующую декларацию в Секретариат Суда (Статут Суда, п. 2 ст. 36). В настоящее время так поступили 75 государств[502]. Однако в этой декларации можно сделать оговорку, какие дела не будут разрешаться в рамках Суда. Одним из первых государств, исключивших экологические споры (относительно морских ресурсов и загрязнения морской среды) из юрисдикции Суда, стала Австралия еще в 1954 г. Действия Австралии были

[502] Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/declarations (дата обращения: 03.06.2026).

продиктованы тем фактом, что Япония собиралась обратиться в МС ООН относительно распространения национального закона Австралии о ловле жемчужных раковин за пределами австралийских территориальных вод на все суда всех флагов.

Многие государства (Канада, Новая Зеландия, Сальвадор, Филиппины и др.) в 1970-х годах делали сходные оговорки об исключении морских экологических спорах из обязательной юрисдикции Международного суда ООН. Это было обусловлено тем, что третья конференция по морскому праву по созданию единой конвенции затянулась, и государства, учитывая большие пробелы в международном морском праве, не желали отдавать споры на усмотрение Суда. С принятием в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву указанные оговорки были сняты большинством государств.

Следующие декларации с ограничением юрисдикции Суда применительно к разрешению экологических споров появились уже в 1990-х годах. Так, в 1994 г. Канада сделала оговорку[503], что споры, касающиеся Мер по сохранению и управлению, принятых ею в отношении судов, ведущих промысел в районе регулирования НАФО (Североатлантическая рыболовная организация), не входят, как это определено в Конвенции о многостороннем сотрудничестве в сфере рыболовства в Северо-Западной Атлантике 1978 г., в юрисдикцию МС. Указанную декларацию Канады можно рассматривать как тактический правовой шаг, поскольку незадолго до сдачи этой декларации Канада внесла поправки в национальный закон, суть которых касалась регулирования рыболовства за пределами исключительной экономической зоны, то есть в открытом море. Одной из причин разработки и введения этих поправок стала угроза исчезновения черного палтуса (*turbot, Greenland Halibut*). Данная декларация Канады сыграла свою роль, поскольку весной 1995 г. Испания подала письменное заявление в Международный суд ООН, оспаривая

[503] Декларация Канады от 10 мая 1994 г., п. 2 d // Yearbook of the International Court of Justice, 1994-1995. The Hague: International Court of Justice, 1995. P. 85.

рыболовную юрисдикцию Канады[504]. В результате 4 декабря 1998 года Суд, учитывая оговорку Канады, отказал Испании в принятии дела к рассмотрению, несмотря на мотивированные позиции пяти судей, проголосовавших против решения (в их числе был судья Международного Суда от России профессор В. С. Верещетин[505]).

Вторая интересующая нас декларация была внесена Польшей в 1990 г. Она исключила из юрисдикции Суда споры, касающиеся загрязнения окружающей среды, если только юрисдикция Суда не вытекает из договоров, обязательных для Польши[506]. Позднее Польша исключила все споры, касающиеся защиты окружающей среды, из юрисдикции Суда[507]. Причина указанных действий Польши кроется, скорее всего, в ситуации, в которой страна оказалась в 1990-х годах. Сказалось наследие прошлого: ускоренная индустриализация и модернизация страны и экономики не сопровождалось соблюдением строгих экологических стандартов. Оказавшись в конце XX в. у границ Евросоюза, в непосредственной близости от Германии, известной своей сильной «зеленой» политикой, Польша была вынуждена пойти на принятие декларации об исключении экологических споров из обязательной юрисдикции МС ООН.

После проведения Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. начался новый виток развития МЭП, что нашло свое отражение и в развитии международного экологического правосудия. Так, в июле 1993 г. была создана Камера по экологическим вопросам (*Chamber for Environmental Matters*) при МС ООН[508] в соответствии с пунктом 1 статьи 26 Статута Международного суда ООН,

---

[504] Fisheries Jurisdiction Case (Spain v. Canada) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1998. P. 432.

[505] См.: Мезяев А. Б. О судье Международного Суда ООН В. С. Верещетине / А. Б. Мезяев // Казанский журнал международного права. 2007. № 1. С. 168-169.

[506] Декларация Польши от 25 сентября 1990 г. о признании обязательной юрисдикции Международного суда ООН [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Series. Vol. 1579. No. 27566. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201579/volume-1579-I-27566-English.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

[507] Декларация Польши от 25 марта 1996 г. о признании обязательной юрисдикции Международного суда ООН [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Collection. Chapter I, No. 4. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=I-4&chapter=1 (дата обращения: 28.08.2026).

[508] ICJ Press № 93/20 «States understandably saw environmental law as part of international law as a whole» [Электронный ресурс]. URL: https:www.icj-cij.org) (дата обращения: 01.08.2026).

которая гласит: «Суд может по мере надобности образовать одну или несколько камер в составе трех или более судей по усмотрению Суда для разбора определенных категорий дел, например трудовых дел и дел, касающихся транзита и связи». При этом решение, принятое Камерой, считается вынесенным самим Судом (ст. 27 Статута Суда). Камера из семи судей была сформирована и готова к работе 6 августа 1993 года. Отметим, что идея создания этой Камеры при Суде не нова. Президент Суда Н. Сингх еще в конце 1980-х годов выдвинул эту идею[509], а воплощена в жизнь она была благодаря Председателю МС ООН Сэру Р. Дженнингсу, который выступил с этой идеей на Конференции в Рио-де-Жанейро[510]. Однако, данная инициатива не нашла отклика у государств. В 2006 г. было принято решение не выбирать судей в эту Камеру, поскольку за 13 лет ее существования ни одно государство не прибегло к ее помощи для разрешения межгосударственных споров. Как отметила Президент МС ООН Розалин Хиггинс[511], «государства стали относиться к международному экологическому праву как к части международного права». Однако, отметим, государства всегда могут запросить Суд о создании подобной Камеры.

На наш взгляд, идея создания специальной Камеры при Суде не была революционной и не способствовала решению проблемы международного правосудия; скорее, это был паллиатив. Во-первых, судьи, формировавшие Камеру, не имели специализированных знаний в сфере международного экологического права, они выбирались из состава Суда. Во-вторых, непонятно, что государства могли выиграть при обращении в Камеру, а не просто в сам Суд или, что гораздо лучше, запросив учреждение камеры *ad hoc* в соответствии с пунктом 2 статьи 26 Статута Суда. В-третьих, часто государства (например, дело *«Габчиково – Надьямарош»* между Венгрией и

---

[509] Jennings R. The Role of the International Court of Justice in the Development of International Environmental Protection Law / R. Jennings // Review of European Community & International Environmental Law. 1992. Vol. 1. No. 3. P. 243

[510] JenningsR. Need for an Environmental Court? / R. Jennings // Environmental Policy and Law. 1992. Vol. 20. No. 5/6. P. 312-314.

[511] ICJ Press № 93/20 «States understandably saw environmental law as part of international law as a whole» [Электронный ресурс]. URL: https:www.icj-cij.org) (дата обращения: 01.08.2026).

Словакией) и судьи (например, дело *«О рыболовной юрисдикции»* между Испанией и Канадой) не могут решить, является спор экологическим или нет. В-четвертых, появление специализированного ИТЛОС определило юрисдикцию международных споров относительно морской среды (помимо Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., уже 29 международных соглашений содержат ссылки на ИТЛОС[512]). В-пятых, как отметил профессор М. Н. Копылов, Камера могла рассматривать лишь межгосударственные споры[513], из чего следует, что международные организации, а также физические и юридические лица были лишены права прибегнуть к международному экологическому правосудию.

Международный суд ООН при осуществлении своей юрисдикции не раз затрагивал вопросы защиты окружающей среды, в частности при рассмотрении дел *«О рыболовной юрисдикции»*[514], *«О ядерных испытаниях»*[515], *«О фосфатах Науру»*[516], *«О гидроузле Габчиково – Надьямарош»*[517], *«О целлюлозных заводах»*[518], *«О распылении токсических*

---

[512] International Agreements Conferring Jurisdiction on the Tribunal [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/en/main/jurisdiction/international-agreements-conferring-jurisdiction-on-the-tribunal/ (дата обращения: 01.06.2026).

[513] Международное право / [А. Х. Абашидзе и др.]; под общ. ред. А. Я. Капустина. М.: Гардарики, 2008. 617 с.

[514] Дело «О рыболовной юрисдикции», 1974 (Великобритания против Исландии; ФРГ против Исландии): Fisheries Jurisdiction Case (United Kingdom v. Iceland); Fisheries Jurisdiction Case (Federal Republic of Germany v. Iceland) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1974. P. 3-252; Дело «О рыболовной юрисдикции», 1998 (Испания против Канады): Fisheries Jurisdiction Case (Spain v. Canada) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1998. P. 432. Также см.: Англо-исландский спор о рыболовной зоне // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: Изд-во МНИМП, 1999. С. 170-176.

[515] Дело «О ядерных испытаниях», 1974 (Новая Зеландия против Франции; Австралия против Франции): Nuclear Tests Case (New Zealand v. France); Nuclear Tests Case (Australia v. France) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1974. P. 253-529; Временные меры по делу «О ядерных испытаниях (Новая Зеландия против Франции; Австралия против Франции)»: Nuclear Tests Case (New Zealand v. France; Australia v. France), Interim Measures // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1973. P. 99-165; Дело «Запрос на изучение ситуации в соответствии с п. 63 Решения Суда по делу «О ядерных испытаниях» (Новая Зеландия против Франции), 1995»: Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's judgment of 20 December 1974 in the Nuclear Tests (New Zealand v. France) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1995. P. 288.

[516] Дело «О фосфатах Науру», 1992 (Науру против Австралии): Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1992. P. 240-350. Также см.: Дело Науру // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: Изд-во МНИМП, 1999. С. 34-41.

[517] Дело «О гидроузле Габчиково-Надьямарош», 1997 (Венгрия/Словакия): Case Concerning the Gabcíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1997. P. 7-242. Также см.: Дело о гидроузле «Габчиково — Надьямарош» // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: Изд-во МНИМП, 1999. С. 409-430.

[518] Временные меры по делу «О целлюлозно-бумажных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)»: (Case concerning Pulp Mills on the river Uruguay (Argentina v. Uruguay) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 2007. P. 3-41.

гербицидов»[519] и др. За годы подготовки диссертации большинство решений судов подвергались анализу со стороны автора[520], поэтому будут обозначены лишь основные тенденции.

Многие ученые отмечают, что в деле *«О проливе Корфу»*[521] МС ООН отметил наличие в международном праве двух обычаев, имеющих огромное значение не только для международного права в целом, но и для международного экологического права в частности[522]. Во-первых, это обычная норма международного права гласящая, что никакое государство не может использовать свою территорию в ущерб правам других государств, а, во-вторых, – норма об обязательном незамедлительном уведомлении государств об опасных ситуациях, которые могут причинить им вред. Отметим, что принцип недопущения трансграничного загрязнения еще за восемь лет до этого был зафиксирован в арбитражном решении по делу *«Трейл Смелтер»*.

Важные выводы для международного экологического права были сделаны в деле *«О фосфатах Науру»* (Науру[523] против Австралии). Австралия, пока Науру была под ее опекой, усиленно эксплуатировала ее земли для добычи фосфатов, что привело к ужасающей деградации земель, и в результате 80 % земель стали непригодны для земледелия. Науру требовала, чтобы Суд признал материальную ответственность Австралии за нанесение территории

---

[519] Дело «О распылении токсических гербицидов» (Эквадор против Колумбии): Aerial Herbicide Spraying (Ecuador v. Colombia) [Электронный ресурс]. The Hague: International Court of Justice, 2013. URL: https://www.icj-cij.org/case/138 (дата обращения: 12.08.2026).

[520] Солнцев А. М. Практикум по международному экологическому праву / А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2011. 159 с.; Солнцев А. М. Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 года об изменении климата / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 4 (52). С. 38-49; Солнцев А. М. Развитие концепции экологических прав человека в практике Межамериканского суда по правам человека / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Международное правосудие. 2022. № 1 (41). С. 57-78.; Солнцев А. М. Компенсация за ущерб природным ресурсам versus компенсация за экологический ущерб (на примере разрешения спора между Демократической Республикой Конго и Угандой) / А. М. Солнцев // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 3. С. 14-24 и др.

[521] Дело «О проливе Корфу», 1949 (Великобритания против Албании): Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1949. P. 4.

[522] См., например: Соколова Н. А. Вопросы охраны окружающей среды в деятельности международных судебных учреждений / Н. А. Соколова // Российский ежегодник международного права. 2003. Т. 2003. С. 99-110; Виноградов С. В. Судебное рассмотрение споров, связанных с транснациональным ущербом окружающей среде / С. В. Виноградов // Вопросы международного морского и воздушного права. М.: Институт государства и права АН СССР, 1979. С. 55.

[523] Республика Науру — маленькое островное государство в западной части Тихого океана с площадью территории всего 22 кв. км. и населением около 10 000 человек.

островного государства значительного ущерба ввиду его неспособности предотвратить катастрофу, вызванную хищнической деятельностью метрополии по эксплуатации природных ресурсов Науру[524]. Суд не смог завершить рассмотрение дела, поскольку на решающей его стадии Австралия и Науру вступили в интенсивные переговоры и в результате подписали Соглашение. В соответствии с этим документом Австралия признала свою ответственность за экологический ущерб, причиненный Науру, и обязалась выплатить для реабилитации земель сумму в 107 млн австралийских долларов, а также оказать пострадавшей стороне экономическую, техническую и иную помощь. После подписания указанного Соглашения оба государства обратились в Суд с просьбой удалить дело из реестра в связи с достижением взаимопонимания и соглашения. Таким образом, в настоящем деле Суд, конечно, не решил всех экологических и социальных проблем Науру, но именно сами факты принятия дела к слушанию и начала судебных слушаний стали причиной разрешения экологического спора между Австралией и Науру.

Нельзя обойти вниманием дело о гидроузле *«Габчиково – Надьямарош»*, которое с 1993 г. и до настоящего времени находится в сфере внимания МС ООН. Хотя решение было вынесено в 1997 г., но до 2017 г. стороны ежегодно уведомляли Суд о процессе выполнения решения[525]. Дело подробно

---

[524] См.: Дело Науру // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999. С. 34.

[525] 3 сентября 1998 г. Словакия подала в Секретариат Суда ходатайство о вынесении дополнительного решения по делу. Словакия считала вынесение такого решения необходимым в связи с нежеланием Венгрии исполнять судебное решение от 25 сентября 1997 г. В своем ходатайстве Словакия заявила, что стороны провели ряд переговоров о порядке исполнения решения 1997 г. и парафировали проект Рамочного соглашения, который был одобрен правительством Словакии. Однако, по утверждению словацкой стороны, Венгрия решила отложить его одобрение и даже дезавуировала его после прихода к власти нового венгерского правительства. Словакия просила Суд определить порядок исполнения решения, ссылаясь в качестве основания для своего ходатайства на Специальное соглашение, подписанное в Брюсселе 7 апреля 1993 г. между Словакией и Венгрией. После подачи Венгрией заявления с изложением своей позиции по запросу Словакии стороны возобновили переговоры и регулярно информировали Суд о ходе переговоров. В письме представителя Словакии от 30 июня 2017 г. правительство Словакии обратилось к Суду с просьбой «зафиксировать прекращение производства по делу [возбужденному в связи с ходатайством о вынесении дополнительного решения] и… распорядиться об исключении дела из списка подлежащих рассмотрению дел». В письме от 12 июля 2017 г. представитель Венгрии заявил, что его правительство «не возражает против прекращения производства по делу, возбужденному в связи с ходатайством Словакии от 3 сентября 1998 г. о вынесении дополнительного решения». В письме обоим представителям от 18 июля 2017 г. Суд сообщил о своем решении зафиксировать прекращение процедуры, начатой по просьбе Словакии, и принял к сведению, что обе стороны оставляют за собой право в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Специального соглашения от 7 апреля 1993 г. между Венгрией и Словакией просить Суд вынести дополнительное решение для определения

рассмотрено в отечественной литературе по международному праву[526], поэтому зафиксируем в настоящем исследовании лишь ключевые моменты. Суть дела заключалась в том, что Венгрия решила приостановить совместные со Словакией работы по строительству гидроузла на реке Дунай по экологическим соображениям, которые не имели нормативного отображения в их двустороннем Договоре о проекте гидроузла 1977 г. Иными словами, Венгрия ссылалась на нарушение Словакией общего обязательства по предотвращению экологического вреда, акцентируя внимание на существовании в международном праве принципа предосторожности. Суд отметил важность международного экологического права и указал на необходимость учета экологических норм не только когда государства планируют осуществление деятельности, но также и тогда, когда продолжают начатую раннее деятельность. Это необходимо для того, чтобы согласовать потребности экономического развития с интересами защиты окружающей среды, что составляет основу концепции устойчивого развития. К сожалению, Суд не счел нужным рассмотреть вопрос Венгрии о том, появились ли новые императивные нормы МЭП, в частности принцип предосторожности[527]. В итоге Международный Суд ООН вынес решение, призвав стороны прийти к соглашению, гарантирующему достижение целей договора с учетом экологического императива.

Итоги рассмотрения данного дела весьма существенны для МЭП; помимо прочего, оно оказало влияние на создание Конвенции ООН по вопросам несудоходного использования международных водотоков 1997 г. Суд не принял доводов Венгрии о «чрезвычайной экологической необходимости», так как на момент отказа (1989) не было неопровержимых доказательств необратимого ущерба. В решении впервые на уровне международного

средств исполнения своего решения от 25 сентября 1997 г. Подробнее см.: Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) [Электронный ресурс] // International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/case/92 (дата обращения: 01.07.2026).

[526] см.: Дело о гидроузле «Габчиково – Надьямарош» // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999. С. 409-430.

[527] Подробнее о принципе предосторожности см.: Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право: учеб. пособие / М. Н. Копылов. М.: РУДН, 2007. С. 236–240.

правосудия была упомянута концепция устойчивого развития – поиск баланса между экономическим развитием и экологической защитой, что позже стало ключевым элементом для МЭП. Также Суд подчеркнул, что страны должны совместно решать вопросы использования трансграничных вод. Даже в условиях спора они обязаны возобновить переговоры и найти решение, учитывающее: экологические последствия; экономическую целесообразность, справедливое распределение водных ресурсов. В итоге в 1998 г. Венгрия и Словакия подписали новое соглашение, скорректировавшее режим использования Дуная, благодаря чему Венгрия получила гарантии минимизации экологического ущерба (например, поддержание уровня воды в старом русле Дуная). В 2000-х годах стороны регулярно консультировались, но полноценный совместный проект не восстановлен. Словакия модернизировала ГЭС, введя законодательно процедуру эко-мониторинга. Венгрия создала защищенные зоны в пойме Дуная (например, национальный парк «Дуна-Ипой»). Несмотря на значительные улучшения, Венгрия периодически жалуется на снижение уровня грунтовых вод из-за работы ГЭС, но Словакия настаивает, что выполняет все экологические стандарты ЕС. Таким образом, решение Суда было выполнено – стороны формально соблюдают переговорные обязательства, конфликт не эскалируется.

Можно констатировать, что судебное решение по делу *«Габчиково – Надьямарош»* (включая отдельные мнения Судей) наряду с арбитражным решением по делу *«Трейл-Смелтер»*, внесли вклад в развитие МЭП и по сей день являются наиболее цитируемыми в этой отрасли международного права[528].

Компенсация за экологический ущерб. Критерии и методика расчета компенсации в практике международного права – явления, детально не урегулированные. Лишь в 2024 г. КМП ООН постановила включить в свою

[528] См. например: The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007.1080 p.

долгосрочную программу работы тему «Компенсация за ущерб, причиненный международно-противоправными деяниями»[529].

В Статьях об ответственности государств (далее – Статьи) этому посвящена статья 36: «1) Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией; 2) Компенсация охватывает любой исчисляемый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена». Данная норма является обычной, что еще раз было подтверждено Судом в решении Суда *«ДРК против Уганды»* 2022 г.[530]

КМП в комментарии к проекту Статей отметила: «Из различных форм возмещения компенсация, возможно, является наиболее распространенной в международной практике[531]. В деле *«Габчиково – Надьмарош»* Международный Суд заявил: «существует вполне устоявшаяся норма международного права, согласно которой потерпевшее государство имеет право на получение компенсации от государства, совершившего международно-противоправное деяние, за причиненный им ущерб»[532].

Столь широкое определение компенсации приводит к тому, что различные международные суды по-разному подходят к трактовке этого понятия. Большинство судов полагаются на одну и ту же базовую отправную точку, требующую «полной компенсации», в сочетании с общим признанием в проектах статей КМП того, что «компенсация должна покрывать любой

---

529 Доклад Комиссии международного права. Семьдесят пятая сессия (29 апреля – 31 мая и 1 июля – 2 августа 2024 г.): документ ООН A/79/10.

530 Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda). Reparations: judgment of 9 February 2022 // I.C.J. Reports. 2022.

531 Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10). Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 38

532 Gabčíkovo-Nagymaros Project (Венгрия/Словакия), Решение Международного Суда ООН от 25 сентября 1997 г. // I.C.J. Reports 1997. P. 7. Para. 152. См. также решение Постоянной палаты международного правосудия по делу «О фабрике в Хожуве», в котором она указала, что «существует принцип международного права, согласно которому возмещение за противоправное деяние может состоять из компенсации» (Factory at Chorzów (Jurisdiction): judgment of 26 July 1927. No. 8 // P.C.I.J. Series A. 1927. No. 9.).

поддающийся финансовой оценке ущерб, включая упущенную выгоду»[533]. Однако эти принципы оставляют значительное пространство для интерпретации, в котором сосуществует множество различных подходов судов к методам оценки компенсации, определению видов ущерба, подлежащих разумной компенсации, и определению размера возмещения. Хотя дискреционный характер компенсации в каждом контексте или даже в каждом отдельно взятом случае означает неизбежные вариации, ограниченное объяснение (если оно имеется) того, как именно суд пришел к назначению определенной суммы, вызывает вопросы о справедливости компенсации. По этой причине К. Грей охарактеризовала присуждение компенсации за ущерб как нечто едва ли не «импрессионистское»[534]. Этот подход также создает постоянные проблемы с управлением ожиданиями при оценке компенсации в международных судебных делах или, что более важно, с пониманием того, что может привести к финансовым последствиям, чтобы соответствующим образом формировать поведение субъектов международного права.

Более детально вопросы компенсации рассмотрены в международном праве прав человека и международном гуманитарном праве[535], в том числе в носящем рекомендательный характер специальном международном акте «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» (принят резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2005 года). При этом отметим, что практика международных судов и трибуналов в части назначения сумм

---

533 Комментарий к статье 36. Crawford J. The ILC's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries / J. Crawford. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 387 p.

534 Gray C. Remedies / C. Gray // The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C. P. Romano, K. J. Alter, Y. Shany. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 882-905.

535 «Воюющая Сторона, которая нарушит постановления сказанного Положения, должна будет возместить убытки, если к тому есть основание. Она будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил» (Статья 3 Гаагской Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm (дата обращения: 20.07.2025).

компенсаций различна[536] (что следует, например, из сопоставления соответствующих решений Межамериканского суда по правам человека и Европейского суда по правам человека[537]).

В комментарии КМП к Статьям об ответственности государств отмечается следующее: «…экологический ущерб нередко может превышать размеры ущерба, легко определяемого с точки зрения расходов по очистке территории или обесценения имущества. Фактический ущерб, нанесенный таким ценностям экологического порядка (биологическому разнообразию, красоте природного ландшафта и т. д., иногда именуемым “ценностями, не имеющими утилитарного значения”), является не менее реальным, чем ущерб имуществу, и подлежит компенсации в не меньшей степени, хотя его, возможно, и сложнее определить в количественном отношении»[538]. Компенсация за ущерб окружающей среде в международном праве – явление не очень распространенное, и международная правоприменительная практика в этом отношении не столь репрезентативна[539]. Экологический ущерб – широкое понятие, включающее в себя ущерб природным ресурсам и ряд иных элементов[540]. Ущерб природным ресурсам носит чисто экономический характер, тогда как экологический ущерб, помимо этого, предполагает возмещение в натуре (например, соразмерная высадка уничтоженного леса), возмещение ценностей экологического порядка, названных выше.

Ввиду сложностей, возникающих на практике при расчете экологического вреда, автор предлагает разработать в рамках ЮНЕП, как ведущем мировом

---

536 Кебурия К. О. Значение Основных принципов и руководящих положений ООН о праве на защиту и возмещение ущерба 2005 г. / К. О. Кебурия, А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 78-98.

537 Shelton D. Remedies in International Human Rights Law / D. Shelton. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. 476 p.

538 Комментарий к пункту 15 статьи 36 Доклада Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10). Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2001.

539 Reis T. H. Compensation for Environmental Damage under International Law: The Role of the International Judge / T. H. Reis. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2011. 296 p; Rudall J. Compensation for Environmental Damage Under International Law / J. Rudall. Abingdon: Routledge, 2020. 138 p.

540 Правовое регулирование возмещения экологического вреда: науч.-прак. пособие / С. А. Боголюбов, Е. С. Болтанова, М. М. Бринчук [и др.]; отв. ред. Н. В. Кичигин. М.: ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. 368 с.

экспертном центре – вспомогательном органе ГА ООН, универсальную методику оценки экологического ущерба, поскольку количество судебных дел, где такая оценка окажется востребованна, будет расти. Отметим, что на национальном уровне подобного рода документы приняты в большинстве государств мира[541]. Принятие такого документа рекомендательного характера способствовало бы унификации практики и усилило бы положительные ожидания от решений международных судов.

В 2018 и 2022 гг. Международный суд ООН впервые определил конкретные суммы компенсации за экологический вред; рассмотрим эти случаи подробнее.

Итак, в феврале 2018 г. Международный суд ООН впервые за свою историю вынес решение о возмещении экологического ущерба[542]. В принципе, это третье решение, в котором Суд присудил конкретную сумму в счет компенсации ущерба[543].

Предыстория дела такова. 18 ноября 2010 года Коста-Рика возбудила в Международном суде ООН дело против Никарагуа в отношении предполагаемого вторжения последней в пределы коста-риканской территории, ее оккупации и использования армией Никарагуа, а также предполагаемых нарушений обязательств Никарагуа перед Коста-Рикой в

---

[541] Например, в России: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 1. Ст. 25; приказ Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (ред. от 18 ноября 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс»; приказ Минприроды России от 28 января 2021 г. № 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды» // СПС «КонсультантПлюс»; приказ Минсельхоза России от 31 марта 2020 г. № 167 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам» // СПС «КонсультантПлюс»; приказ Минприроды России от 13 апреля 2009 г. № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс»; приказ Госкомэкологии РФ от 11 февраля 1998 г. № 81 «Об утверждении Методики исчисления размера ущерба от загрязнения подземных вод» // СПС «КонсультантПлюс».

[542] Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua). Compensation Owed by the Republic of Nicaragua to the Republic of Costa Rica: judgment of 2 February 2018 // I.C.J. Reports. 2018. P. 15.

[543] Corfu Channel (United Kingdom v. Albania): judgment of 9 April 1949 // ICJ Reports. 1949. P. 4; Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of Congo): judgment on Compensation of 19 June 2012 // ICJ Reports. 2012. P. 324.

соответствии с международными договорами. В апреле 2013 г. Международный суд объединил в одно производство разбирательство по этому делу с разбирательством по делу, касающемуся строительства дороги в Коста-Рике вдоль реки Сан-Хуан (Никарагуа против Коста-Рики) и возбужденному Никарагуа 22 декабря 2011 года.

В решении, вынесенном 16 декабря 2015 года по этим объединенным делам, Суд постановил, в частности, что Никарагуа обязана компенсировать Коста-Рике материальный ущерб, причиненный противоправной деятельностью Никарагуа на территории Коста-Рики. Кроме того, он постановил, что если в течение 12 месяцев с даты принятия решения стороны не достигнут соглашения по этому вопросу, то вопрос о компенсации, причитающейся Коста-Рике, будет по просьбе одной из сторон решаться Судом. Вследствие этого Суд зарезервировал право вынести дальнейшее решение относительно последующей процедуры по делу, касающемуся некоторых мероприятий, проведенных Никарагуа в приграничном районе (Коста-Рика против Никарагуа).

Стороны не смогли договориться о конкретной стоимости компенсации, и в письме от 16 января 2017 года правительство Коста-Рики обратилось к Суду с просьбой «урегулировать вопрос о компенсации, причитающейся Коста-Рике за ущерб, причиненный противоправной деятельностью Никарагуа». 2 февраля 2018 года Суд вынес свое решение по вопросу о компенсации, причитающейся с Республики Никарагуа Республике Коста-Рика за экологический ущерб, причиненный противоправной деятельностью Республики Никарагуа на территории Коста-Рики: 120 000 долл. США за порчу или утрату экологических товаров и услуг; 2708,39 долл. США для покрытия расходов на восстановление находящихся под международной защитой водно-болотных угодий; на покрытие издержек и расходов, понесенных Коста-Рикой непосредственно в результате противоправной деятельности Республики Никарагуа на территории Коста-Рики, – 236 032,16 долл. США; проценты по годовой ставке – 4 % от суммы компенсации,

причитающейся Республике Коста-Рика в размере 20 150,04 долл. США (при этом, если общая сумма не будет выплачена до 2 апреля 2018 года, то проценты по общей сумме, причитающиеся с Республики Никарагуа Республике Коста-Рика, увеличатся с 3 апреля 2018 года и будут составлять 6 % в год). В письме от 22 марта 2018 года Никарагуа сообщила Суду о том, что 8 марта 2018 года она перевела Коста-Рике всю сумму компенсации, причитающейся последней в этом деле.

Так как подобные дела представляют собой достаточно редкое явление в международном праве, то большой вопрос возникает по поводу использования методологии оценки экологического ущерба, поскольку в международном праве нет единого подхода к данному вопросу.

В своих заявлениях стороны предлагали различные методологии расчета ущерба окружающей среде в денежном выражении. Коста-Рика предложила подход «экосистемных услуг», в то время как Никарагуа – подход «восстановление затрат». Исходя из разных методологий, стороны пришли к существенным различным суммам компенсации. Так, согласно расчетам Коста-Рики, ущерб окружающей среде составил примерно 6,711 млн долл. США, тогда как Никарагуа оценила его в 188 504 долл. США.

В соответствии с предложенным Коста-Рикой подходом «экосистемных услуг» некоторые товары и услуги могут быть проданы на рынке и имеют «прямую потребительскую стоимость» (например, древесина), тогда как другие товары и услуги не могут быть проданы на рынке и имеют «косвенную потребительную стоимость» (например, предотвращение наводнений). По мнению Коста-Рики, именно эта методология оценки экологического ущерба в полной мере позволяет оценить ущерб окружающей среде, и она нашла поддержку в международной и национальной практике.

Согласно подходу Никарагуа, необходимо оценить стоимость сохранения эквивалентной территории в период восстановления пострадавшего района. Никарагуа утверждала, что ее подход зиждется на работе Компенсационной комиссии ООН по оценке ущерба окружающей среде, причиненного в первой

войне в Персидском заливе[544] (подробнее о деятельности этой Комиссии мы поговорим в следующей главе).

Рассмотрев предложенные подходы сторон, Суд прежде всего отметил, что компенсация за ущерб окружающей среде проистекает из международного права, особенно в свете необходимости обеспечения полного возмещения ущерба. Согласно мнению Международного Суда, международное право разрешает взыскивать компенсацию, как экологического ущерба, так и затрат и расходов, понесенных Коста-Рикой в результате незаконной деятельности Никарагуа (например, на мониторинг и восстановление поврежденной окружающей среды). Хотя методы оценки ущерба, предложенные сторонами спора, имели прецеденты в международном праве, но Суд отметил, что были также прецеденты использования и других методов расчета компенсации. В результате Суд пришел к выводу, что он не будет выбирать между двумя предложенными методами оценки, а использует частично элементы одной и второй методологии.

В конечном счете Суд решил оценить ущерб окружающей среде на основе метода «общей оценки». Исходя их этого подхода компенсация рассчитывается на основе общей оценки повреждения или утраты объектов окружающей среды, а не путем определения стоимости конкретных категорий экологических товаров и услуг с учетом времени, которое может понадобиться для восстановления.

По мнению Суда, этот метод оценки был использован по следующим причинам. Во-первых, было желательно принять подход, учитывающий корреляцию между деятельностью Никарагуа и ущербом, причиненным некоторым экологическим товарам и услугам. Во-вторых, Суд посчитал свой подход более подходящим, чем другие, в свете конкретных характеристик пострадавшего района, а именно охраняемых водно-болотных угодий

[544] Солнцев А. М. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде в результате Иракского вторжения и оккупации Кувейта, в практике Компенсационной комиссии ООН / А. М. Солнцев // Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (МИИГАиК, ИЗиСП, 23 марта 2017 г.) / отв. ред. С. А. Боголюбов. М.: МИИГАиК, 2017. С. 121-126.

согласно Рамсарской конвенции 1971 г. В-третьих, общая оценка ущерба позволила учесть способность поврежденной территории к естественному восстановлению.

В целом решение Суда является новаторским относительно расчета компенсации за ущерб, нанесенный окружающей среде. Критический анализ решения показывает, что Суд недостаточно убедительно обосновал выбор метода определения ущерба, что привело к более низкой оценке ущерба окружающей среде, чем утверждал заявитель. В самом деле, присужденная сумма составила лишь около 5 % от суммы иска, поданного Коста-Рикой. Также непонятно, почему Международный суд не назначил экспертизу, хотя он обладает таким правом согласно статье 50 Статута.

Важно отметить, что Суд признал нарушения Рамсарской конвенции 1971 г. и Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. и, назначив сумму компенсации для Коста-Рики, вернул государство к выполнению международных экологических обязательств.

Спустя четыре года Суд вынес следующее, второе по счету, решение с расчетом экологического ущерба. Решением 2022 г. по делу *«ДРК против Уганды»* Суд назначил ДРК компенсацию за ущерб его природным ресурсам, нанесенный во время вооруженного конфликта с Угандой[545]. Были определенные надежды на выработку единых стандартов оценки экологического ущерба в судебной практике, но, к сожалению, этого не произошло. Если в отношении полезных ископаемых (золото, алмазы, колтан, олово и вольфрам) представляется допустимым оценивать чисто экономический ущерб, опуская вопросы компенсации за экологический вред, сопряженный с добычей этих ископаемых, то в отношении ущерба флоре и фауне следует производить более широкую оценку именно экологического вреда, а не чисто экономической расчет ущерба природным ресурсам.

---

[545] Солнцев А. М. Компенсация за ущерб природным ресурсам versus компенсация за экологический ущерб (на примере разрешения спора между Демократической Республикой Конго и Угандой) / А. М. Солнцев // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 3. С. 14-24.

В отличие от дела *Коста-Рика против Никарагуа*, в упомянутом деле 2022 г. Суд обратился к помощи внешнего эксперта, что можно рассматривать как положительный момент, но методология Суда в итоге не стала прозрачнее и обоснованнее. Суд, хотя и проанализировал все виды ущерба, присудил «глобальную сумму» компенсации за весь экологический ущерб, что не позволяет сделать объективный вывод о наличии определенной методологии расчета в отношении каждого вида ущерба. Более того, сосредоточенность сторон и Суда на разграблении и эксплуатации природных ресурсов и исключение из обсуждения экологического вреда в широком понимании свидетельствует о рассмотрении им окружающей среды с точки зрения ее экономической ценности и потенциала для эксплуатации человеком, а не в качестве самоценной сущности. В результате Суд не принял во внимание, например, экологического ущерба биоразнообразию: вместо биоразнообразия рассматривались флора и фауна, а вместо оценки обезлесения – коммерческая древесина.

При рассмотрении этого дела Суд столкнулся с практическими и теоретическими проблемами. Действительно, основание для возмещения вреда окружающей среде в данном случае было непростым. Монетизация стоимости нанесенного экологического ущерба – непростая задача, особенно когда ущерб был нанесен задолго до того, как доказательства были оценены судом. Однако в данном случае Суд располагал средствами для более глубокого изучения вопроса. К сожалению, несмотря на то что решение о компенсации по делу Коста-Рика против Никарагуа предоставило Суду теоретические основания для возмещения экологического вреда, в деле ДРК возможность признать и оценить негативное воздействие вооруженного конфликта на природную среду.

Данное решение лишь подтверждает нашу концепцию о необходимости создании универсальной методики оценки экологического ущерба. Недавно Международный суд вынес консультативное заключение *«Правовые последствия, вытекающие из политики и практики Израиля на*

оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим» (19 июля 2024 года), где признал также необходимость возмещения вреда, нанесенного природным ресурсам за время оккупации[546]. Соответственно, это заключение потенциально ставит вопрос о расчете компенсации за ущерб.

Решение о компенсации в сумме 60 млн долл. за экологический ущерб в период вооруженного конфликта представляется несоразмерным в числе прочего из-за отсутствия универсальной методики расчета компенсации экологического вреда в международном праве, а также небогатой и противоречивой практики международных судов и трибуналов.

Консультативные заключения МС ООН. Почти все МЭС предполагают возможность обращения за консультативным заключением в Международный суд ООН через главные органы ООН, и лишь некоторые – возможность прямого обращения в Суд с этой целью. Например, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.[547] гласит: «Конференция и Исполнительный совет с разрешения Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций самостоятельно наделяются правом обращаться с запросом в Международный Суд о даче консультативного заключения по любому юридическому вопросу, возникающему в рамках сферы деятельности Организации» (п. 5 ст. VI).

Как справедливо отмечено, «консультативные заключения Международного суда ООН не обладают обязывающей силой, т. е. не являются *res judicata*. Однако уровень аргументации, используемой при вынесении заключений, позволяет говорить об их прецедентном характере (*auctiritas rei judicate*), высокой юридической ценности и большом моральном авторитете, что имеет колоссальное значение для функционирования

[546] Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem: advisory opinion 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/186 (дата обращения: 01.06.2026).

[547] Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (Нью-Йорк, 24 сентября 1996 г.) // Дипломатический вестник МИД РФ. 1996. № 10. С. 38-59.

механизма обеспечения выполнения обязательств по международным договорам»[548].

В настоящее время были зафиксированы две попытки запроса консультативного заключения в Международном суде ООН о последствиях изменения климата. В 2011 г. Конференция малых островных развивающихся государств по инициативе Палау выступила за обращение в Международный суд ООН для получения консультативного заключения по вопросу о том, несут ли государства международную ответственность за выбросы парниковых газов. Формулировка вопроса звучала следующим образом: «Существует ли международное обязательство государств по обеспечению того, чтобы любая деятельность в пределах границ их территории, связанная с выделением парниковых газов, не наносила ущерба другим государствам?»[549] Эта инициатива не была поддержана большинством государств на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В 2023 г. подобный запрос был повторен и в 2025 г. Международным судом ООН было вынесено консультативное заключение, которое, по нашему мнению, уже окажет позитивное влияние на решение проблемы изменения климата[550]. «Сложность в данном случае состоит в доказательстве причинно-следственной связи между деятельностью и причиненным вредом, т. е. того, что выбросы парниковых газов конкретным государством привели к затоплению данной исчезающей островной страны»[551].

23 июля 2025 года Суд опубликовал долгожданное консультативное заключение об обязательствах государств в отношении изменения климата и

---

[548] Симонова Н. С. Влияние консультативной юрисдикции международных региональных судебных органов на обеспечение выполнения обязательств по международным договорам / Н. С. Симонова // Международное публичное и частное право. 2015. № 2 (83). С. 9-12.

[549] Palau seeks UN World Court opinion on damage caused by greenhouse gases [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=39710#.WmeIcKhl-Uk (дата обращения: 22.01.2026).

[550] Bodansky D. The Role of the International Court of Justice in Addressing Climate Change: Some Preliminary Reflections / D. Bodansky // Arizona State Law Journal. 2017. Vol. 49 No. 8 [Электронный ресурс]. URL: https://ssrn.com/abstract=3012916 (дата обращения: 18.03.2025).

[551] Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. 2018. № 106 (1). С. 60-78.

правовых последствиях невыполнения этих обязательств[552]. Прежде всего в консультативном заключении МС подчеркивается роль Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) в предоставлении наилучших имеющихся научных данных. Суд напоминает, что любое увеличение глобального потепления имеет значение, и даже потепление на 1,5 °C не считается безопасным для большинства стран, сообществ, экосистем и секторов. Ссылаясь на решения, принятые Конференцией Сторон, действующей в качестве Совещания Сторон Парижского соглашения (КСС), Суд считает пороговое значение в 1,5 °C согласованным основным целевым показателем температуры в соответствии с Парижским соглашением.

Что касается обязательств по Парижскому соглашению, то Суд подчеркнул: одной лишь подготовки определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) недостаточно; их содержание имеет значение для определения степени соблюдения, и это содержание не полностью зависит от усмотрения сторон. В консультативном заключении отмечается, что стороны Парижского соглашения должны сделать все возможное для того, чтобы их соответствующие ОНУВ соответствовали максимально возможным амбициям, при этом стандарт зависит от таких аспектов, как вклад стран в совокупные выбросы парниковых газов (ПГ) и их национальные обстоятельства. Суд также уточнил, что ОНУВ в совокупности должны быть способны достичь температурного целевого показателя и целей Соглашения и что стороны обязаны прилагать все усилия для достижения выполнения своих ОНУВ. Судьи также выделили обязательства, связанные с адаптацией и сотрудничеством в форме финансирования, передачи технологий и наращивания потенциала. Важно отметить, что, поскольку этот вопрос обсуждался в ходе слушаний, Суд подчеркнул: правовые обязательства государств вытекают не только из РКИК ООН, Киотского протокола и

[552] Obligations of States in respect of Climate Change, Advisory Opinion [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/187 (дата обращения: 24.07.2026).

Парижского соглашения. В своем консультативном заключении судьи рассмотрели другие различные источники «наиболее непосредственно соответствующего права», включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., международное право прав человека и международное обычное право. Суд указал, что соблюдение договоров по климату не обязательно является достаточным для выполнения других соответствующих обязательств. Ссылаясь на ИТЛОС, Международный Суд отметил, например, что стороны Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. обязаны принимать все необходимые меры для сокращения и контроля загрязнения морской среды (в том числе выбросов парниковых газов) с конечной целью полного предотвращения его возникновения. В консультативном заключении далее уточняется, что обязательства по международному обычному праву одинаковы для всех государств и существуют независимо от того, является ли государство участником договоров об изменении климата, что представляется ключевым моментом с учетом выхода США из Парижского соглашения.

Суд уточнил, что ответственность государства за нарушение обязательств может быть признана любым государством в соответствии с обычным международным правом. Он подчеркнул, что непринятие государством надлежащих мер по защите климатической системы от выбросов парниковых газов, в том числе посредством производства ископаемого топлива, потребления ископаемого топлива, выдачи лицензий на разведку ископаемого топлива или предоставления субсидий на ископаемое топливо, может представлять собой международно-противоправное деяние, приписываемое этому государству. Он также отметил, что государство может быть признано ответственным за непринятие необходимых нормативных и законодательных мер по ограничению объема выбросов, производимых частными субъектами под его юрисдикцией.

Хотя Суд не делает никаких заявлений об ответственности отдельных государств, которая должна оцениваться в каждом конкретном случае, в консультативном заключении излагаются доступные средства правовой

защиты. В нем подчеркивается, что нарушения государствами своих обязательств могут повлечь за собой «весь спектр правовых последствий, предусмотренных законодательством об ответственности государств», включая неповторение, реституцию и компенсацию.

В консультативном заключении также подчеркивается: право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду является существенным для осуществления других прав человека; после создания государства исчезновение одного из его составных элементов не обязательно повлечет за собой утрату его государственности, что важно для малых островных государств, территориальной целостности которых угрожает повышение уровня моря.

Завершая чтение консультативного заключения, председатель Международного суда ООН судья Юдзи Ивасава подчеркнул, что вопросы, поставленные Генеральной Ассамблеей, представляют собой нечто большее, чем юридическая проблема: «они касаются экзистенциальной проблемы планетарного масштаба, которая ставит под угрозу все формы жизни и само здоровье нашей планеты»[553]. Он выразил надежду, что выводы Суда послужат основой и руководством для социальных и политических действий по решению продолжающегося климатического кризиса.

В целом Международный суд играл и играет положительную роль в применении и развитии норм МЭП. Вопросы охраны окружающей среды в деятельности Суда отражают существенный интерес мирового сообщества к экологической проблематике, в том числе к вопросам ответственности государств за причиненный окружающей среде ущерб, вызванный деятельностью в пределах их юрисдикции.

---

[553] IISD News. International Court of Justice Advisory Opinion on the Obligations of States in Respect of Climate Change [Электронный ресурс]. URL: https://enb.iisd.org/international-court-justice-advisory-opinion-climate-change-23Jul2025?utm_medium=email&utm_campaign=ENB%20Update%20-%2024%20July%202025&utmcontent=ENB%20Update%20-%2024%20July%202025+CID_9ac593ad858df6789008505f3d3500fe&utm_source=cm&utm_term=Read%20highlights%20and%20images (дата обращения: 01.06.2026).

Международный суд ООН, несмотря на процессуальные ограничения, отсутствие налаженной системы экспертизы, внес существенный вклад в легитимацию экологических обязательств государств через устойчивую судебную практику, выявление обычаев, интеграцию экологических принципов в общее международное право. Его практика создала основу для укрепления межгосударственного экологического и климатического диалога.

20 мая 2026 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция (A/80/L.65)[554], разработанная Вануату – островным государством в Тихом океане, находящимся на передовой линии климатического кризиса, – и рядом других стран. Она была принята после интенсивного обсуждения, включавшего многочисленные предложенные поправки, 141 голосом «за», восемью «против» и 28 воздержавшимися. Против проголосовали Беларусь, Иран, Израиль, Либерия, Россия, Саудовская Аравия, США и Йемен. Резолюция призывает все государства – члены ООН предпринять все возможные шаги, чтобы избежать нанесения значительного ущерба климату и окружающей среде, включая выбросы, производимые в пределах их границ, и выполнить свои обязательства по сохранению климату, принятые в рамках Парижского соглашения.

Представитель США заявила, что позиция ее страны основана на твердом неприятии придания юридического или оперативного значения консультативному заключению Суда, подчеркнув, что «резолюция неправомерно рассматривает заключение Суда как неоспоримо авторитетное и устанавливающее для государств обязательства» [555]. На этом основании она возражала против любых попыток вывести из данного заключения обязанности, утверждая, что «эта резолюция крайне проблематична, поскольку призывает государства соблюдать так называемые обязательства, основанные на необязательных выводах Суда, по которым мнения государств

[554] Резолюция ГА ООН от 17 декабря 2024 г. № A/80/L.65 «Мировой океан и морское право» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.un.org/ru/A/80/L.65 (дата обращения: 01.06.2026).
[555] General Assembly, 82nd & 83rd Meetings (AM & PM), 20 May 2026 [Электронный ресурс]. URL: https://press.un.org/en/blog/ga12760 (дата обращения: 28.09.2026).

– членов ООН расходятся». В тексте заключения правовой подход Суда представлен также как чрезмерное вмешательство в государственный суверенитет, добавила она, предупредив, что «такое расширительное правовое правило недопустимым образом вмешивается в суверенные права каждого государства на регулирование и управление собственной энергетической политикой»[556].

Также большой вопрос возникает в контексте вмешательства третьих сторон в дела Международного суда на основе статьи 62 («1.Если какое-нибудь государство считает, что решение по делу может затронуть какой-либо его интерес правового характера, то это государство может обратиться в Суд с просьбой о разрешении вступить в дело. 2. Решение по такой просьбе принадлежит Суду»[557]) или статьи 63 Статута («1. В случае возникновения вопроса о толковании конвенции, в которой, кроме заинтересованных в деле сторон, участвуют и другие государства, Секретарь Суда немедленно извещает все эти государства. 2. Каждое из государств, получивших такое извещение, имеет право вступить в дело, и, если оно воспользуется этим правом, толкование, содержащееся в решении, равным образом обязательно и для него)[558]. Такого рода вмешательства можно классифицировать как «вмешательство в интересах сообщества» или «вмешательство в собственных интересах» на основе заявленных прав, представленных аргументов и общего контекста вмешательств. Как отмечается, «из 87 вмешательств по статье 63 Статута около 77 % способствуют продвижению интересов сообщества, тогда как только 35 % заявлений по статье 62 Статута делают это»[559]. Рассматривая ситуацию с точки зрения «затрат и обязательств», можно выделить следующую закономерность: статья 63 сравнительно «недорога», не требует

---

[556] General Assembly, 82nd & 83rd Meetings (AM & PM), 20 May 2026 [Электронный ресурс]. URL: https://press.un.org/en/blog/ga12760 (дата обращения: 28.09.2026).

[557] Статут Международного Суда Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice (дата обращения: 01.06.2026).

[558] Там же.

[559] Huremagić H. Intervening for the community? – The law and politics of third-party intervention before the International Court of Justice / H. Huremagić // Journal of International Dispute Settlement. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 12-19.

больших обязательств, благодаря чему и стала основным инструментом продвижения интересов сообщества; статья 62 более «дорогостояща» и используется главным образом для защиты конкретных прав и достижения конкретных результатов. Однако полезность статьи 63 ограничена объемом ее толкования, что снижает ее практическое действие в спорных разбирательствах. Представляется, что назрела соответствующая реформа. В доктрине предлагается два пути для подобной реформы[560]. Первый предполагает сохранение широкой допустимости при толковании в соответствии со статьей 63 и признание того, что обязательства *erga omnes* и *erga omnes partes* могут удовлетворять порогу правового интереса, установленному статьей 62. Второй путь предусматривает экономию ресурсов за счет более строгого контроля за применением статьи 63 и уточнения того, что одни лишь обязательства *erga omnes* и *erga omnes partes* не соответствуют порогу статьи 62, в сочетании с введением в качестве *amici curiae* для государств в спорных делах.

Государства, вмешиваясь в вопросы, представляющие интерес для сообщества, могут делать это также потому, что они (потенциально) затронуты исходом дела. В рамках запроса на экспертизу, касавшегося французских ядерных испытаний в южной части Тихого океана, Соломоновы острова, Микронезия, Маршалловы острова и Самоа вмешались, в частности, на основании статьи 63 Статута, чтобы поддержать судебный иск Новой Зеландии против Франции[561]. Хотя Австралия и Самоа ранее зафиксировали последствия французских ядерных испытаний, они были оценены как ограниченные, и не ожидалось существенного воздействия от подземных испытаний 1990-х годов. Скорее, дело касалось важных экологических вопросов и был Новая Зеландия, Острова Кука, Ниуэ, Токелау). В этих обстоятельствах, и поскольку сами государства основывали свои

[560] Там же.
[561] Declaration of Intervention by the Solomon Islands (24 August 1995), para. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/60 (дата обращения: 28.08.2026).

вмешательства в первую очередь на интересах сообщества, такие вмешательства рассматривались, соответственно, как «вмешательства в интересах сообщества». В более общем плане эти вмешательства были обусловлены региональной солидарностью и коллективной заботой об окружающей среде, а для некоторых государств – прошлым опытом ядерных испытаний США. Другой пример – вмешательство Новой Зеландии в дело о китобойном промысле с целью присоединиться к Австралии в публично заявленном общем деле защиты китов[562]. В этом случае вмешательство также было отнесено к категории «вмешательства в интересах сообщества», поскольку не было прямых корыстных интересов, которые могли бы в достаточной мере объяснить усилия по вмешательству и потенциальные «издержки суверенитета», связанные с ними.

В контексте нашего исследования возникает следующий вопрос: будет ли вмешательство в случае нанесения экологического вреда квалифицироваться как способствующее защите интересов общества только в том случае, если государство, осуществляющее вмешательство, не понесло и не может обоснованно ожидать нанесения экологического вреда в данном конкретном случае и не находится рядом с районом, где причинен или может быть причинен вред? Можно утверждать, что если ни одно из указанных условий не выполняется, то вмешательство будет рассматриваться как способствующее защите собственных интересов.

Международный трибунал по морскому праву (ИТЛОС[563]) является одним из молодых постоянно действующих международных судов. На сегодняшний день 172 государства (из 193 государств – членов ООН) признали юрисдикцию ИТЛОС[564]. За 30 лет своего существования Трибунал принял к рассмотрению

---

[562] Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening) [Электронный ресурс]. The Hague: International Court of Justice, 2014. URL: https://www.icj-cij.org/case/148 (дата обращения: 27.07.2026); Declaration of Intervention by the Solomon Islands (24 August 1995), para. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/60 (дата обращения: 28.08.2026).

[563] ИТЛОС – наиболее распространенная аббревиатура в русско- и англоязычной научной литературе. Произошло от первых букв названия трибунала на англ. языке: International Tribunal for the Law Of the Sea (ITLOS).

[564] International Tribunal for the Law of the Sea [Электронный ресурс]: официальный сайт. Гамбург. URL: https://itlos.org/en/main/the-tribunal/states-parties/ (дата обращения: 15.05.2026).

36 дел, в том числе одно с участием международной организации – ЕС[565]. В ряде своих решений ИТЛОС затрагивал вопросы защиты морской среды[566], например в делах *«О голубом тунце», «О заводе МОКС», «О запасах рыбы-меч»,* о которых будет говориться ниже. В феврале 1997 г. ИТЛОС в соответствии с пунктом 1 статьи 15 его Статута учредил Камеру по спорам относительно морской среды (англ. - Chamber for Marine Environment Disputes) для разрешения межгосударственных дел в сфере защиты и сохранения морской среды[567]. В состав судебной камеры входят семь судей. В 2002 г. Трибунал уточнил, что в компетенцию Камеры входят[568]: вопросы защиты и сохранения морской среды согласно положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; вопросы защиты и сохранения морской среды согласно положениям специальных конвенций и соглашений, предусмотренных статьей 237 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; вопросы защиты и сохранения морской среды согласно положениям любого международного соглашения, положения которого предусматривают разрешения споров Трибуналом.

Трибунал неоднократно подчеркивал, что защита морской среды является обязательством *erga omnes*. Это было подтверждено в деле «*MV Saiga (№ 2)»* (1999), где ИТЛОС указал, что экологические нормы имеют приоритет в случаях их коллизии с экономическими интересами[569]. В деле *«судно Волга»*[570] Трибунал рассмотрел вопрос о незаконном промысле рыбы и подтвердил право прибрежных государств на принятие жестких мер против

---

[565] См.: Международный трибунал по морскому праву [Электронный ресурс]: официальный сайт. Гамбург. URL: https://www.itlos.org/ (дата обращения: 15.05.2026).

[566] Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand *v.* Japan) (Australia *v.* Japan) (Requests for Provisional Measures); The MOX Plant Case (Ireland *v.* United Kingdom) (Request for Provisional Measures); The '*Volga*' Case (Russian Federation *v.* Australia) (Application for Prompt Release); Case Concerning Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia *v.* Singapore) (Request for Provisional Measures).

[567] Press Release ITLOS/Press 5 (3 марта 1997) [Электронный ресурс]. URL: https://www.itlos.org (дата обращения: 15.05.2026).

[568] International Tribunal for the Law of the Sea (7 October 2002). Resolution on the Chamber for Marine Environment Disputes [Электронный ресурс]. URL: https://www.itlos.org (дата обращения: 15.05.2026).

[569] The M/V «SAIGA» (No. 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea) [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-2/ (дата обращения: 01.06.2026)

[570] The «Volga» Case (Russian Federation v. Australia) [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-11/ (дата обращения: 01.06.2026).

браконьерства, включая арест судов. Это способствовало укреплению механизмов сохранения морских биоресурсов. В деле *«Norstar» (2019)*[571], хотя основным вопросом была конфискация судна, ИТЛОС косвенно подтвердил, что экологические соображения могут оправдывать действия государств по пресечению незаконной деятельности в море. Италия утверждала: Norstar участвовал в незаконных операциях по бункеровке яхт в открытом море, что потенциально могло привести к загрязнению. Однако Трибунал не нашел достаточных доказательств того, что судно представляло экологическую опасность. Он подчеркнул, что обвинения в экологических нарушениях должны быть обоснованными и подтвержденными. Меры по защите моря должны быть адекватными и не нарушать права судовладельцев без веских оснований. ИТЛОС подтвердил, что государства могут ограничивать судоходство для защиты морской среды (например, в исключительных экономических зонах (ст. 56, 220 Конвенции ООН по морскому праву)). Однако в данном случае Италия не доказала, что действия Norstar требовали столь жестких мер. Таким образом, государства не могут оправдывать арест судов голословными заявлениями об экологической угрозе, а принцип соразмерности диктует, что меры по защите моря должны быть обоснованными и не чрезмерными.

Консультативные заключения. ИТЛОС вынес три консультативных заключения, и два из них крайне важны для прояснения и уточнения международных экологических обязательств. Детально оба дела проанализированы в статьях[572], поэтому в рамках диссертации отметим лишь концептуальные моменты.

---

[571] The M/V «Norstar» Case (Panama v. Italy) [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-25/ (дата обращения: 01.06.2026).

[572] Абашидзе А. Х. Консультативное заключение Международного трибунала по морскому праву об ответственности государств за деятельность на морском дне за пределами национальной юрисдикции / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, М. Д. Сюняева // Государство и право. 2012. № 7. С. 72-82.; Солнцев А. М. Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 года об изменении климата / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 4 (52). С. 38-49.

В 2011 г. Трибунал впервые вынес консультативное заключение по запросу Международного органа по морскому дну[573], подтвердив, что государства обязаны применять принцип предосторожности и выполнять международные обязательства *due diligence* при освоении ресурсов морского дна за пределами национальной юрисдикции (Района). Это усилило экологические стандарты, относящиеся к глубоководной добыче полезных ископаемых.

В условиях, когда международные климатические договоры не устанавливают твердых обязательств в сфере сокращения выбросов парниковых газов, оставляя проблеме поведения государств существенное пространство на их усмотрение, возрастает необходимость в устранении пробелов в регулировании мер по противодействию изменению климата, и международные суды сегодня призваны играть важную роль в этом процессе. В 2023 г. запросы о вынесении консультативных заключений по вопросам изменения климата получили Международный суд ООН (от Генеральной Ассамблеи ООН) и Межамериканский суд по правам человека (от Чили и Колумбии). Международный трибунал по морскому праву получил запрос 12 декабря 2022 года и уже 21 мая 2024 года вынес консультативное заключение об обязательствах государств – участников Конвенции ООН по морскому праву 1982 года в сфере защиты морской среды от антропогенных выбросов парниковых газов[574]. Трибунал указал, что антропогенные выбросы парниковых газов являются загрязнителем по смыслу Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (п. 4 ст. 1) и, соответственно, у государств есть конкретные обязательства по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды в результате антропогенных выбросов парниковых газов.

---

[573] Responsibilities and obligations of States sponsoring persons and entities with respect to activities in the Area (Request for Advisory Opinion submitted to the Seabed Disputes Chamber) [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_17/17_adv_op_010211_en.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

[574] Request for an Advisory Opinion submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law (Request for Advisory Opinion submitted to the Tribunal) [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_corr.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

Трибунал установил, что в соответствии с пунктом 1 статьи 194 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «государства – участники Конвенции имеют конкретные обязательства принимать все необходимые меры для предотвращения, сокращения и контроля загрязнения морской среды антропогенными выбросами парниковых газов и стремиться к согласованию своей политики в этой связи» (п. 243). Обязательство принимать все необходимые меры является обязательством *due diligence*, которое требует от государств создания национальной системы регулирования загрязняющей деятельности и проявления бдительности для обеспечения эффективности этой системы (п. 235). Следует подчеркнуть, что сама концепция *due diligence* еще детально не проработана в доктрине международного права[575]. В данном случае вызывает опасение непроработанность связи *due diligence* с принципом общей, но дифференцированной ответственности. Трибунал указал, что точное содержание обязательства *due diligence* зависит от нескольких факторов, включая «научную и технологическую информацию, соответствующие международные правила и стандарты, риск причинения вреда и срочность» (п. 239). Трибунал установил, что в контексте выбросов парниковых газов стандарт должной осмотрительности «является строгим, учитывая высокие риски серьезного и необратимого вреда морской среде от таких выбросов» (п. 243). Трибунал отметил, что стандарт *due diligence* может варьироваться также в зависимости от возможностей государства и имеющихся ресурсов. В результате и в соответствии с принципом общей, но дифференцированной ответственности, заложенным в РКИК, от государств с бóльшими возможностями и ресурсами может потребоваться сделать больше, чем от развивающихся государств. Однако Трибунал отметил, что даже государство с меньшими ресурсами должно «делать все возможное в

[575] Отметим, что Комиссия международного права ООН на своем 77-м году деятельности в 2024 г. взялась за тему *due diligence*. См.: Доклад Комиссии международного права. Семьдесят пятая сессия (29 апреля – 31 мая и 1 июля – 2 августа 2024 г.): документ ООН A/79/10. Приложение II. Должная осмотрительность в международном праве [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2024/russian/annex2.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

соответствии со своим потенциалом и имеющимися ресурсами для предотвращения, сокращения и контроля загрязнения морской среды антропогенными выбросами парниковых газов» (п. 241). Статья 192 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. возлагает на государства-участников общее обязательство по защите и сохранению морской среды. Это обязательство «применяется ко всем морским районам и может быть использовано для борьбы с любой формой деградации морской среды, включая последствия изменения климата, такие как потепление океана и повышение уровня моря, а также закисление океана» (п. 400). Обязательство «может включать восстановление морских местообитаний и экосистем» в случаях, когда морская среда деградировала (п. 386). Более того, обязательство принимать меры, необходимые для защиты и сохранения морской среды, предписывает государствам обеспечивать соблюдение этих мер негосударственными субъектами, находящимися под их юрисдикцией или контролем (п. 396). Подобно обязательству предотвращать, сокращать и контролировать загрязнение, оно подразумевает стандарт *due diligence* с описанными выше критериями.

В целом ИТЛОС способствовал: конкретизации обязательств государств по предотвращению загрязнения; развитию принципов устойчивого использования морских ресурсов; усилению роли международного сотрудничества в расследовании нарушений международных экологических обязательств. Международный трибунал по морскому праву внес значительный вклад в защиту морской среды, формируя существенные правовые позиции. Его решения и консультативные заключения способствуют балансу между экономической деятельностью и сохранением океанов для будущих поколений. ИТЛОС оказывает большое влияние на развитие международного правосудия в целом[576], а также может служить

[576] См.: Шинкарецкая Г. Г. Развитие системы международного правосудия после Третьей конференции ООН по морскому праву / Г. Г. Шинкарецкая // Российский ежегодник международного права. 2007. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2008. С. 169-177.

специализированным международным судебным органом по рассмотрению дел, связанных с защитой и сохранением морской среды, и действовать в качестве механизма выполнения государствами экологических обязательств. Крайне важно подчеркнуть, что решения ИТЛОС касаются не только Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а целого ряда международных договоров – как тех, которые анализируются в тексте решений, так и тех, которые предусматривают юрисдикцию ИТЛОС [577]

В целом, если ИТЛОС в правовых позициях ищет баланс между защитой окружающей среды и морскими видами деятельности, то органы международного экономического правосудия в большинстве случаев поддерживают экономические интересы стороны спора, нередко рассматривая защиту окружающей среды как лишний барьер в свободной торговле, вследствие чего порог доказуемости необходимости внедрения экологических мер весьма высок.

Суды региональных интеграционных объединений. Региональные интеграционные объединения часто создают собственные судебные органы для разрешения споров между государствами-членами, юридическими лицами и даже частными лицами. Например, интеграционные суды действуют при ряде региональных организаций в Евразии (Суд ЕС, Суд ЕАЭС), в Америке (Андский трибунал, Трибунал Меркосур) и в Африке (Суд ЭКОВАС, Трибунал САДК, Суд ВАС). Конечно, их гораздо больше упомянутых, действуют они с разной интенсивностью, но в перечень мы включили наиболее известные и интенсивно работающие. При этом в своей практике касались вопросов защиты окружающей среды или климатических вопросов только Суд ЕС и два африканских суда. Эти суды призваны обеспечить единообразное понимание и применение интеграционного права. Действуя в пределах своей юрисдикции, они формулируют многие жизненно важные для

[577] International Agreements Conferring Jurisdiction on the Tribunal [Электронный ресурс]. URL: https://itlos.org/en/main/jurisdiction/international-agreements-conferring-jurisdiction-on-the-tribunal/ (дата обращения: 01.06.2026).

развития интеграционного процесса концептуальные положения. Посредством судебного толкования суды восполнили многие пробелы, уточнили содержание целого ряда интеграционных актов, затрагивающих вопросы защиты окружающей среды. Приведем некоторые примеры из практики судов региональных интеграционных объединений.

Суд ЕС. За последние 50 лет политика ЕС оказала существенное влияние на развитие экологического права в Европе. В ЕС было принято около 250 важных природоохранных актов, которые впоследствии были реализованы и применены в государствах – членах ЕС и за его пределами (балканские страны, Норвегия, Швейцария и др.). С 1970-х годов были приняты сотни правовых актов, охватывающих большинство областей охраны окружающей среды. В настоящее время в сферу действия права ЕС входят защита, в частности, видов животных и растений, воды, почвы, воздуха, климата, сбор и утилизация отходов, контроль за химическими веществами, ГМО или опасными объектами. В период с 1976 г. по настоящее время Суд ЕС вынес более 1000 решений по вопросам, касающимся окружающей среды[578]. Решения Суда ЕС затрагивали различные сектора приложения экологического права (вода, воздух, почву, флору и фауну). Национальные суды государств – членов ЕС имеют право запрашивать у Суда аутентичное толкование права ЕС[579]. Существуют определенные проблемы юрисдикции, ограничен доступ для индивидов и юридических лиц, высока роль Европейской комиссии, которая передала в Суд более половины всех дел. В силу процессуальных норм ЕС прямые иски, поданные в Суд ЕС, особенно иски об аннулировании, довольно «закрыты» для частных истцов. Таким образом, наилучшим способом подачи дела в Суд ЕС остается обращение в национальный суд за предварительным решением. В связи с этим Суд ЕС сосредоточился на расширении доступа

[578] Krämer L. The Environment before the European Court of Justice / L. Krämer // International Judicial Practice on the Environment: Questions of Legitimacy / ed. by C. Voigt. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 25-51.
[579] Peiffer O. European Union Court System and the Protection of the Environment / O. Peiffert // The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals / ed. by E. Sobenes, S. Mead, B. Samson. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. P. 219-244.

истцов к национальным судам, когда речь идет об охране окружающей среды. Эта процессуальная схема привела к определенным трудностям в отношении соблюдения Евросоюзом Орхусской конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г.[580] (далее – Орхусская конвенция). Это очень интересный вопрос для юристов-международников, поскольку квазисудебный орган (Орхусский комитет) указал, что ЕС как сторона Орхусской конвенции не выполняет своих экологических обязательств. В итоге ЕС (после нескольких лет давления) внес в 2021 г. изменения в Регламент ЕС 2006 г.[581] (подробнее этот казус будет рассмотрен ниже).

Суд ЕАЭС пока не имел возможности выразить свою позицию по экологическим и климатическим вопросам, связанным с экономической интеграцией государств-членов. Это обусловлено прежде всего отсутствием соответствующих статей в Договоре о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014)[582].

Организация Африканского Единства (ОАЕ) успешно продвигала деколонизацию всего континента, но оказалась менее эффективной в решении проблем, связанных с сокращением бедности и экономическим развитием. В сочетании с ростом влияния глобализации это привело к тому, что несколько субрегионов Африки объединились в региональные экономические сообщества (РЭС)[583]. Все государств Африки сегодня являются частью хотя бы одного из РЭС. Эти субрегиональные органы были сформированы с целью

---

[580] Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] (Орхус, 25 июня 1998 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

[581] Орхусский регламент (Регламент (ЕС) № 1367/2006 с поправками, внесенными Регламентом (ЕС) 2021/1767) [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32006R1367 (дата обращения: 01.08.2026).

[582] Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[583] Thompson B. Economic Integration in Africa: A Milestone – The Abuja Treaty / B. Thompson // African Journal of International and Comparative Law. 1993. Vol. 5. No. 3. P. 743-750.

содействия более тесной координации и интеграции между государствами-членами. Региональные экономические сообщества были созданы на основе Лагосского плана действий по развитию Африки 1980 г.[584] и Договора об учреждении Африканского экономического сообщества 1991 г.[585]. В этих документах создание РЭС рассматривалось как начальный этап африканской интеграции, которая в конечном итоге приведет к слиянию стран континента в единое целое. В настоящее время существует восемь РЭС: Союз арабского Магриба (САМ), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Сообщество сахело-сахарских государств (СЕН-САД), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Экономическое сообщество центральноафриканских государств (ЭСЦАГ), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Межправительственный орган по развитию (ИГАД) и Сообщество развития юга Африки (САДК). Каждое из этих РЭС имеет свои собственные учредительные договоры, которые, в частности, устанавливают цели РЭС, общие политические рамки для государств-членов, области сотрудничества и определенные обязательства. Большинство договоров о РЭС включают сохранение окружающей среды и достижение устойчивого развития в качестве ключевых целей. Кроме того, четыре учредительных договора РЭС предусматривают также создание судов или трибуналов (Суд КОМЕСА, Суд ВАС, Суд ЭКОВАС, Трибунал САДК). Учредительные договоры САМ, ИГАД и СЕН-САД не предусматривают подобных судебных механизмов, в то время как Суд ЭСЦАГ, хотя и был создан в 1992 г., но до сих пор не функционирует. Мандаты различных африканских региональных судов и трибуналов различаются на практике.

Суд ЭКОВАС и Суд ВАС являются наиболее прогрессивными и инновационными судебными механизмами в области разрешения экологических споров в Африке. Внося вклад в развитие международного

---

[584] Lagos Plan of Action for Development of Africa (1980) [Электронный ресурс] // Organisation of African Unity (OAU). URL: https://www.resakss.org/node/6653 (дата обращения: 21.06.2026).

[585] Treaty Establishing the African Economic Community (3 June 1991) [Электронный ресурс]. URL: https://au.int/en/treaties/treaty-establishing-african-economic-community (дата обращения: 21.06.2026).

экологического права, перечисленные суды и трибуналы взаимодействовали с другими универсальными или региональными судами[586].

Суд ЭКОВАС сыграл значительную роль в развитии экологической политики через рассмотрение дела *«SERAP v. Nigeria»* (2021)[587]. Суть дела такова. НПО Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP) обвинило Нигерию в неосуществлении борьбы с загрязнением нефтью в дельте Нигера. По итогам рассмотрения Суд постановил, что государство нарушило право на здоровую окружающую среду (ст. 24 Африканской хартии) и обязал принять меры по восстановлению экосистемы.

Благодаря рассмотрению этого дела Суд ЭКОВАС способствовал: признанию экологических прав как части прав человека посредством прямого применения статьи 24 Африканской хартии о правах человека и народов 1981 г.; расширению доступа к правосудию – НПО и частные лица могут обращаться в Суд при исчерпании внутренних средств защиты; стимулированию экологической политики – решения Суда вынуждают государства принимать более строгие природоохранные законы. Несмотря на нехватку специализированных экологических норм в договорной базе ЭКОВАС, Суд сослался как на общеафриканские договоры, так и на иные МЭС (Орхусская конвенция[588]). Суд ЭКОВАС стал важным механизмом защиты окружающей среды в Западной Африке, формируя устойчивую судебную практику и усиливая ответственность государств и корпораций. Однако для большей эффективности требуются укрепление исполнительных механизмов и дальнейшая гармонизация экологического законодательства в регионе. Этот анализ демонстрирует, как региональные суды могут стать

---

[586] Mb Mbengue M. M. The Protection of the Environment Before African Regional Courts and Tribunals / M. M. Mbengue // The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals / ed. by E. Sobenes, S. Mead, B. Samson. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. P. 289-324.

[587] Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP) v. Federal Republic of Nigeria: Judgment No. ECW/CCJ/JUD/18/12 of 14 December 2012 // Community Court of Justice of the Economic Community of West African States (ECOWAS). – Abuja: ECOWAS Court, 2012. Para. 7.

[588] Суд указал: «Хотя Орхусская конвенция не является обязательным документом для африканских государств, ее значение как убедительного доказательства *communis opinio juris*, позволяющего НПО обращаться в суды для защиты прав человека, связанных с окружающей средой, не может быть проигнорировано или недооценено этим Судом.» См.: Там же. Пункт 58.

катализатором экологической защиты даже в условиях слабых национальных правовых систем.

Суд ВАС впервые рассмотрел вопрос защиты окружающей среды в деле *«ANAW против Танзании»*[589]. В этом деле рассматривается обязательство по защите окружающей среды как таковое, без какой-либо связи с обеспечением права на здоровую окружающую среду для данного Сообщества. Дело НПО ANAW является *африканским* аналогом арбитража по делу «Железного Рейна» в ППТС, которое мы рассматривали выше. Спор возник из-за проекта Танзании по модернизации, асфальтированию, мощению, перепланировке, строительству, созданию, вводу в эксплуатацию или строительству дороги «Натта – Мугуму – Табора В – Кляйнс-Гейт – Лолиондо» (известной как «Северная дорога») через Национальный парк Серенгети с последующим открытием ее для использования широкой публикой. ANAW утверждала, что такой проект нарушит положения Договора о ВАС, и просила Суд вынести постоянный судебный запрет для предотвращения этих действий. Суд ВАС, учитывая уникальные обстоятельства дела ANAW, решил вынести бессрочный судебный запрет, не разрешающий Танзании реализовывать ее первоначальное предложение или предлагаемые действия по строительству или обслуживанию асфальтобетонной дороги стандартного качества через Национальный парк Серенгети с учетом ее права осуществлять в будущем другие программы или инициировать политику, которые не окажут негативного воздействия на окружающую среду и экосистему Национального парка Серенгети. Выдача такого постановления еще раз свидетельствует об экологическом активизме, характерном для реальной судебной практики африканских региональных судов.

Таким образом, даже если только суды ВАС и ЭКОВАС на данный момент вынесли решения, касающиеся выполнения международных экологических обязательств, представляется, что большинство существующих африканских

[589] Africa Network for Animal Welfare (ANAW) v The Attorney General of the United Republic of Tanzania: Appeal Judgment No. 3. (15 March 2012) // East African Court of Justice, Appellate Division. Arusha: EACJ, 2012. P. 13.

региональных судов обладают более или менее широкой юрисдикцией, которая может охватывать споры, связанные с охраной окружающей среды. Спектр положений об охране окружающей среды, содержащихся в первичном и вторичном праве региональных экологических соглашений, подтверждает эластичность такой юрисдикции в отношении вопросов защиты окружающей среды.

Несмотря на скудность судебной практики, африканские региональные суды внесли значительный вклад в развитие МЭП, выполнение международных экологических обязательств, более тесно связав защиту окружающей среды и права человека, усилив содержание обязательств государств проявлять должную осмотрительность и разработав проактивные средства правовой защиты в области охраны окружающей среды.

Региональные судебные органы интеграционных объединений играют возрастающую роль в развитии международного экологического права и толкования международных экологических обязательств через толкование экологических норм в региональных соглашениях, разрешение споров с экологической составляющей и гармонизацию экологических стандартов. Среди проблем в их работе можно отметить следующие: фрагментарность юрисдикций (не все суды имеют прямую компетенцию по экологическим вопросам); проблемы исполнения (слабые механизмы принуждения); конфликт компетенций (коллизии между региональными и национальными экологическими стандартами). В целом региональные интеграционные суды вносят значимый вклад через интерпретацию экологических принципов, конкретизацию экологических обязательств государств и формирование устойчивой практики для гармонизации экополитики. Среди перспективных направлений у данного вида судов можно отметить развитие юрисдикции в сфере разрешения «климатических» дел[590], интеграцию ЦУР в

[590] Krämer L. Changement climatique, droits fondamentaux et accès à la justice / L. Krämer // Revue du droit de l'Union européenne. 2019. № 1. P. 213-223.

правоприменительную практику, усиление взаимодействия с другими международными судами.

§ 3. Региональные правозащитные суды

После создания ООН интенсивное развитие такой отрасли международного права, как международное право прав человека, предшествовало генезису международного экологического права. Это послужило одной из причин того, что международно-правовая защита окружающей среды происходит не ради природы как таковой (экоцентричный подход), а для блага человека (антропоцентрический подход).

Защита экологических прав человека возможна как в рамках региональных систем защиты прав человека (о чем мы сейчас поговорим), так и в рамках договорных органов ООН по правам человека, являющихся квазисудебными механизмами (о чем пойдет речь в параграфе 1 главы 3).

В мире существуют три сформировавшихся региональных системы защиты прав человека: американская (в рамках Организации американских государств), африканская (в рамках Африканского союза) и европейская (в рамках Совета Европы ЕЭК ООН)[591]. В первых двух системах защиты прав человека экологические права признаются в международных документах напрямую, а также выводятся из других категорий прав человека путем расширительного толкования. В европейской системе используется только метод эволюционного толкования. Раскроем последовательно сложившуюся практику в рамках трех региональных систем.

Африканская, межамериканская и европейская правозащитные системы вносят свой вклад в толкование экологических аспектов прав человека, защищаемых соответствующими договорами по правам человека и другими связанными договорами. Это важный момент для нашего диссертационного исследования, демонстрирующий, что международные суды, в том числе

[591] См. подробнее: Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / отв. ред. А. Х. Абашидзе. М.: Юрайт, 2025. 434 с.

региональные суды по правам человека, толкуют не только обязательства по учреждающим их документам, но, гораздо шире, – выводят экологические обязательства из других сходных международных договоров.

Вынесение решений по делам, связанным с загрязнением окружающей среды или неустойчивой добычей природных ресурсов, привело к разработке расширяющегося перечня обязательств государства в отношении процессов принятия решений, касающихся политики в области окружающей среды и защиты лиц и общин, затрагиваемых экологической опасностью.

В ходе производства по индивидуальным и коллективным жалобам в региональных системах были истолкованы международные экологические обязательства по защите таких прав, как право на жизнь, право на здоровье, право на частную и семейную жизнь, право на собственность и право на развитие.

Методологически важно отметить, что в рамках межамериканской и африканской систем защиты прав человека наряду с судами действуют и комиссии, которые обладают квазисудебными функциями. Авторская позиция состоит в том, что нецелесообразно выводить их для анализа в третью главу диссертационного исследования, где рассматриваются именно квазисудебные органы. Основанием для такой позиции служит то обстоятельство, что суд и комиссия очень тесно органически и юридически взаимосвязаны в этих двух системах правоприменительной практикой и используемыми актами.

Разрешение экологических споров в Европейской системе защиты прав человека. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ), разработанная в рамках Совета Европы, является первой региональной правозащитной конвенцией, исполнение положений которой гарантирует Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Однако положения об экологических правах человека отсутствуют и в ЕКПЧ, и в дополнительных протоколах к ней, в отличие от рассматриваемых ниже межамериканской и африканской систем защиты прав человека. Перед тем как говорить о возможности закрепления экологических прав в дополнительном

протоколе к ЕКПЧ, проанализируем то, что уже было сделано на пути к этому шагу.

Как справедливо отмечает Е. С. Алисиевич, «защита права на благоприятную окружающую среду на основании ЕКПЧ представляет особый интерес, поскольку это право прямо не закреплено в ЕКПЧ, однако фактически косвенно обеспечивается посредством прецедентного права ЕСПЧ, которое в настоящее время активно развивается»[592].

Хотя ЕКПЧ напрямую и не закрепляет экологические права человека, ЕСПЧ косвенным образом признает экологические права, которые могут повлиять на: право на жизнь (ст. 2 ЕКПЧ); право на уважение личной и семейной жизни, а также жилища (ст. 8); право на справедливое судебное разбирательство и на доступ к суду (ст. 6); свободу выражения мнения (ст. 10); право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13) и защиту собственности (ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ). Рассмотрим кратко практику по указанным статьям Конвенции[593].

Статья 2 ЕКПЧ. «*Йонерйолдыз против Турции*» (подход к понятию «деградация окружающей среды» с точки зрения ст. 2 Конвенции, закрепляющей право на жизнь)[594].

Основная цель статьи 2 заключается в запрете государствам умышленно лишать жизни, кроме случаев, прямо предусмотренных статьей. Это положение носит негативный характер, что необходимо для предотвращения совершения государствами определенных действий. Однако Суд выработал доктрину «позитивных обязательств», в соответствии с которой статья 2 распространяет на публичную власть обязанность предпринимать меры для того,

---

[592] Алисиевич Е. С. Совет Европы (§ 2 раздела 2) / Е. С. Алисиевич // Абашидзе, А. Х. Международное экологическое право: документы и комментарии. Вып. 3. Экологические права человека / А. Х. Абашидзе, Ю. Г. Васильев, А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2010. С. 132-133.

[593] Подробный обзор постановлений Европейского суда по правам человека в сфере защиты экологических прав человека см.: Ramnewash-Oemrawsingh S. T. The Human Right to a Viable Environment / S. T. Ramnewash-Oemrawsingh. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 550 p.

[594] Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Йонерйолдыз (Öneryıldız) против Турции» (30 ноября 2004 г.) [Электронный ресурс] // Европейский суд по правам человека, жалоба № 48939/99. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67614 (дата обращения: 28.09.2026).

чтобы гарантировать право на жизнь, когда ей угрожают лица или деятельность, напрямую не связанные с государством.

Если говорить об окружающей среде, то статья 2 применяется в случаях, когда определенные действия, подвергающие опасности окружающую среду, настолько критичны, что ставят под угрозу и жизнь человека.

ЕСПЧ постановил, что в деле *Йонерйолдыз против Турции* имелось нарушение статьи 2. Обстоятельства дела таковы: на месте муниципальной мусорной ямы произошел взрыв, повлекший смерть 39 человек, которые нелегально построили жилища вокруг этого места. В данном происшествии погибли 9 членов семьи заявителя. Хотя доклад экспертов, составленный за два года до этого случая, акцентировал внимание муниципальных властей на опасности метанового взрыва в яме, власти не предприняли никаких действий. Суд признал: так как власти знали или должны были знать о реальном и непосредственном риске для жизни людей, живущих около мусорной ямы, они обязаны были согласно статье 2 Конвенции предпринять превентивные меры для защиты этих людей. Суд также обвинил власти в том, что они не информировали население о рисках, которым оно подвергалось, проживая в этом месте.

Свои доводы Суд подтвердил и в деле *Будаева и другие против России*[595]. Обстоятельства дела заключались в следующем. Шестеро заявителей по этому делу проживали в г. Тырныауз Республики Кабардино-Балкария (район Приэльбрусья). После схода селевой лавины 18 июля 2000 года органы власти объявили о срочной эвакуации жителей, однако заранее не уведомили население о предполагаемом сходе селя, хотя обладали достаточной информацией. Когда жители вернулись домой на следующий день, второй, более мощный сход селя разрушил плотину и повредил бóльшую часть домов,

[595] Постановление ЕСПЧ по делу Budayeva and Others v. Russia от 20 марта 2008 г., жалобы № 15339/02, № 21166/02, № 20058/02, № 11673/02, № 15343/02. Страсбург: ЕСПЧ, 2008 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2008. № 9; Буторина Е. Стихийное последствие. Европейский суд признал ответственность российских властей за бездействие во время чрезвычайной ситуации / Е. Буторина // Время новостей. 2008. № 48 [Электронный ресурс]. URL: https://vremya.ru/2008/48/51/200247.html (дата обращения: 12.08.2026).

убив и покалечив некоторых местных жителей. Квартиры и все имущество заявителей были уничтожены. Муж первой заявительницы погиб, а ее младший сын получил серьезные травмы.

Данные факты послужили основанием для обращения в Европейский суд с жалобой на нарушения статей 2, 8 и 13 ЕКПЧ, а также статьи 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Однако Суд признал лишь нарушение права на жизнь и права на беспрепятственное пользование своим имуществом. ЕСПЧ также повторил, что статья 2 возлагает на государства позитивное обязательство по принятию соответствующих мер, направленных на охрану жизни людей, находящихся под их юрисдикцией. Это позитивное обязательство влечет за собой первоочередную ответственность государства по внедрению процессуальных мер, направленных на эффективное разрешение любых ситуаций, представляющих угрозу для права на жизнь. Что касается материального аспекта этого положения, то в контексте деятельности, опасной для жизни, особый акцент должен делаться на нормах, снижающих уровень возможного риска для человеческой жизни[596].

В деле 2025 г. *Каннаваччиуоло и другие против Италии*[597] (далее – *Каннаваччиуоло*) суть касалась систематического и длительного загрязнения окружающей среды в регионе Кампания в Италии, известном как ‘Terra dei Fuochi’ («Земля пожаров»), где на протяжении десятилетий происходили незаконные захоронение и сжигание опасных отходов, что привело к серьезным последствиям для здоровья местного населения. Постановление по делу *Каннаваччиуоло*, вынесенное ЕСПЧ 30 января 2025 года, представляет собой важный шаг для развития экологических прав человека. Это первое постановление, связывающее нарушение права на жизнь с длительным воздействием загрязняющих веществ, выбрасываемых в окружающую среду.

[596] См.: Судебные дела по правам человека // European Human Rights Advocacy Centre: бюллетень. 2008. Вып. 3 (3). С. 14-15 [Электронный ресурс]. URL: http://www.londonmet.ac.uk/londonmet/library/h91268_3.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[597] Cannavacciuolo and Others v. Italy: judgment of 30 January 2025. Applications nos. 51567/14, 39742/14, 74208/14 and 24215/15 // European Court of Human Rights (First Section). Strasbourg: European Court of Human Rights, 2025.

Решающим элементом для применимости нормы «право на жизнь» стало изменение подхода Суда к требованию причинно-следственной связи, которое вызывает нарушение статьи 2. Более того, это первое пилотное постановление Суда по экологическому делу, которое предусматривает принятие Италией целого комплекса мер по улучшению состояния окружающей среды в Кампании[598]. В целом, с нашей точки зрения, Постановление по делу *Каннаваччиуоло* следует рассматривать как поворотный момент для установления экологической справедливости.

Дело *Каннаваччиуоло* вносит значительный вклад в практику Суда по вопросам защиты экологических прав человека. Крайне важно подчеркнуть, что постановление было принято единогласно. С одной стороны, при рассмотрении этого дела можно отметить два явных модернистских шага вперед, но, с другой стороны, – один шаг назад. Суд в деле *Каннаваччиуоло* впервые указал на наличие позитивных обязательств в соответствии с правом на жизнь в деле о крупномасштабном загрязнении окружающей среды. Суд отметил, что, несмотря на осведомленность о серьезных рисках для здоровья, власти не предприняли систематических и скоординированных мер для решения проблемы. В деле *Каннаваччиуоло* Суд значительно смягчил требования к доказательству причинно-следственной связи между загрязнением и вредом, распространив такой подход на право на жизнь. Это постановление сигнализирует о более широком сдвиге в сторону подхода, основанного на принципе предосторожности, который теперь также установлен в контексте статьи 2 ЕКПЧ.

Вторым значимым достижением стало применение процедуры пилотного постановления, которое впервые было принято в контексте экологического спора. Это позволило Суду более детально обозначить общие меры, необходимые для устранения последствий загрязнения окружающей среды.

---

[598] Солнцев А. М. Право на жизнь: экотест наконец пройден: комментарий к Постановлению Европейского Суда по правам человека от 30 января 2025 года по делу Cannavacciuolo and Others v. Italy (жалобы № 51567/14, 39742/14, 74208/14, 21215/15) / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 56-69.

Данный шаг может стать отправной точкой для усиления внимания к экологическим вопросам в рамках системы, традиционно ориентированной на рассмотрение вреда, причиненного конкретным индивидам. Найдут ли в последующих экологических постановлениях отражение эти позитивные шаги? В этом есть большие сомнения, как нам кажется, поскольку в данном деле была во многом беспрецедентная ситуация: загрязнение возникло в результате преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом отходов, осуществляемой полностью вне какой-либо нормативной базы в Италии. Более того, в отношении «Земли пожаров» ранее уже принимались решения в Суде ЕС и ЕСПЧ, что подчеркивает долговременный характер загрязнения и бездействия государства. Это, конечно, снижает потенциальную «прецедентную ценность» дела для будущих судебных разбирательств по экологическим вопросам. Проще всего для придания устойчивости правоприменительной практике было бы зафиксировать в Конвенции право на благоприятную окружающую среду. Это особенно актуально в европейской системе прав человека, поскольку она является единственной региональной системой прав человека, которая прямо не признает экологических прав. Таким образом, постановление Суда может стать еще одним стимулом для принятия давно обсуждаемого дополнительного протокола о праве на здоровую окружающую среду, поскольку оно подчеркивает сохраняющиеся и широко распространенные экологические проблемы на всем европейском континенте, которые продолжают угрожать общественному здоровью и правам человека. Пока перспективы в этом отношении туманны.

Определенным шагом назад можно считать тот факт, что Суд не пожелал применять более мягкие требования к правоспособности для объединений. Он также ограничил статус жертвы для лиц, не проживающих за пределами определенных административных районов, хотя власти и были виноваты в том, что не провели тщательную оценку территориальных последствий загрязнения.

Постановление по делу *Каннаваччиуоло* является важным шагом в развитии экологических прав в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Оно подчеркивает, что государства обязаны принимать активные меры для защиты жизни и здоровья граждан от экологических угроз. Это решение демонстрирует также, как Суд может использовать пилотные постановления для решения системных экологических проблем, требующих масштабных реформ на национальном уровне.

Статья 8 ЕКПЧ. Одной из первых попыток выявить «экологическое измерение» Конвенции стало дело *Пауэлл и Райнер против Великобритании*[599]. Заявители утверждали, что шум самолетов, взлетающих и садящихся в аэропорту Хитроу, нарушает их право на частную жизнь (ст. 8 ЕКПЧ). Комиссия признала их жалобу приемлемой, но Суд единогласно не нашел нарушения Конвенции, обосновав это экономическими интересами государства. Тем не менее данное дело показало, как можно «пробить брешь» в конвенционном режиме с целью защиты экологических прав человека[600].

Для того чтобы вопрос касался сферы применения статьи 8 ЕКПЧ, экологические факторы должны иметь непосредственное и серьезное влияние на личную, семейную жизнь и жилище. Другими словами, негативный эффект должен достигать определенного минимального уровня. Оценка данного уровня зависит от всех обстоятельств дела, таких как интенсивность и длительность нанесения вреда, физический и психический эффект, а также общее состояние окружающей среды. Суд подтвердил данное положение в решении по делу «*Лопез Остра против Испании*»[601]. Заявительница жаловалась, что дым и шум от очистительного завода, расположенного около ее дома, делали условия для проживания ее семьи невыносимыми. Она терпела неудобства, причиняемые заводом, на протяжении трех лет, но поняв, что

---

[599] Постановление ЕСПЧ по делу Powell and Rayner v. United Kingdom от 21 февраля 1990 г., жалоба № 9310/81. Страсбург: ЕСПЧ, 1990.

[600] См.: Голубок С. Экологическое измерение права на уважение частной жизни / С. Голубок // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42. С. 5.

[601] Постановление ЕСПЧ по делу Lopez Ostra v. Spain от 9 декабря 1994 г., жалоба № 16798/90. Страсбург: ЕСПЧ, 1994.

такие неудобства будут продолжаться еще неопределенное время, по рекомендации педиатра дочери заявительницы семья решила переехать. Государство признало, что шум и запах негативно влияют на уровень жизни заявительницы, но оспаривало, что они подвергают серьезному риску здоровье и достигают уровня опасности, при котором фундаментальные права заявительницы были бы нарушены. Тем не менее Суд признал, что сильное загрязнение окружающей среды может влиять на благополучие человека и препятствовать его праву на уважение личной и семейной жизни, жилища, даже если оно не несет серьезной угрозы его здоровью.

Статья 8 Конвенции предусматривает возможность вмешательства со стороны публичных властей, но такое вмешательство должно иметь законную цель, служащую интересам общества, например экономическому благополучию страны. Меры, принимаемые государством, должны быть законными, адекватными и разумно необходимыми. По делу *Лопез Остра* государство не нашло справедливого баланса между экономическим благополучием города, связанным с нахождением на его территории очистительного завода, с одной стороны, и здоровьем, условиями жизни заявительницы и членов ее семьи – с другой.

Заявительница по делу *Фадеева против России*[602] проживала в г. Череповце рядом с территорией металлургического комбината «Северсталь». Суд признал, что в течение длительного времени концентрация различных токсичных элементов в воздухе рядом с домом заявительницы серьезно превышала безопасный уровень и что здоровье заявительницы ухудшилось в результате того, что она долго подвергалась воздействию промышленных выбросов с металлургического комбината. Таким образом, Суд признал нарушение статьи 8 Конвенции. Суд также заключил, что, несмотря на свободу усмотрения, российские власти не смогли найти справедливого баланса между интересами общества и соблюдением прав

[602] Постановление ЕСПЧ по делу Fadeyeva v. Russia от 9 июня 2005 г., жалоба № 55723/00. Страсбург: ЕСПЧ, 2005.

заявительницы по статье 8 Конвенции. Кроме этого, Суд указал, что власти не предложили заявительнице помощи в переезде из опасной зоны, а также не приняли эффективных мер, чтобы остановить загрязнение окружающей среды металлургическим комбинатом в нарушение национальных природоохранных стандартов.

Филипп Лич, директор лондонского Европейского центра защиты прав человека и один из представителей Н. М. Фадеевой в Суде, так резюмировал исход дела: «Это важное решение устанавливает, что все правительства должны осуществлять эффективное регулирование частного сектора, чтобы предотвратить загрязнение окружающей среды в тех случаях, когда существует серьезный потенциальный риск здоровью»[603].

По мнению К. Коротеева, юриста московского правозащитного центра «Мемориал», центральным в решении Суда является вывод об отсутствии у России четкой экологической политики. При этом именно существование такой политики позволило британскому правительству в другом сходном деле доказать отсутствие нарушения Конвенции[604].

Статья 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. «Папаставроу (Papastavrou) и другие против Греции»[605]. Заявители и администрация спорили о праве собственности на участок земли. В соответствии с решением префекта было постановлено, что на месте, где находился оспариваемый участок, должно проводиться восстановление леса. Заявители утверждали, что решение префекта не отвечает интересам общества, ссылаясь на то, что геологические характеристики делают это место неподходящим для восстановления леса. Суд учел сложность вопроса и факт того, что решение префекта основывалось только на постановлении Министерства сельского хозяйства, принятом 60 лет

---

[603] Цит. по: Голубок, С. Экологическое измерение права на уважение частной жизни / С. Голубок // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42. С. 5.
[604] См.: Там же.
[605] Постановление ЕСПЧ Papastavrou and Others v. Greece от 10 апреля 2003 г., жалоба № 46372/99. Страсбург: ЕСПЧ, 2003.

назад, без переоценки ситуации. Суд также отметил, что законы Греции не предусматривали компенсации за участок.

Таким образом, Суд постановил, что власти не смогли найти справедливого баланса между интересами общества и правами заявителей и, соответственно, нарушили статью 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Статья 10 ЕКПЧ. Вопрос о праве активистов по защите окружающей среды на распространение материалов был поднят в деле *Стил и Моррис против Великобритании*. В это дело были вовлечены два активиста, которые участвовали в экокампании против *McDonald's*. Как часть кампании была выпущена и распространена рекламная листовка с надписью «Что не так с *McDonald's*?». *McDonald's* предъявила иск о клевете к двум заявителям. Судебный процесс длился 313 дней, и заявители не получили никакой юридической помощи, несмотря на то что в то время они были безработными или получали низкую заработную плату. *McDonald's* выиграл у них дело. ЕСПЧ признал, что такие крупные межнациональные компании, как *McDonald's,* имеют право защищать свою репутацию в суде, но в то же время подчеркнул, что маленькие неформальные группы, организующие кампанию, должны быть способны эффективно выполнять свою деятельность. Суд посчитал существенным, чтобы в судебном процессе, включающем и крупные компании, и маленькие группы, организующие кампании, соблюдалось равноправие сторон. Иначе говоря, была признана возможность «сковывающего эффекта» интересов в продвижении свободного обращения информации и идей о деятельности мощных коммерческих предприятий. Не предоставив юридической помощи заявителям, Великобритания не обеспечила справедливого судебного разбирательства. Отсутствие справедливости и присуждение фактических убытков заявителям означает, по мнению Суда, что право заявителей на свободу выражении их мнения было нарушено.

Пункт 1 статьи 6 ЕКПЧ. В данном случае можно указать на решение по одному из первых российских дел экологической направленности – делу

Бурдов против России[606]. Заявитель в 1986 г. был мобилизован для ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, где получил дозу радиоактивного излучения, что было подтверждено экспертным заключением. Назначенная ему компенсация не была выплачена, и тогда заявитель обратился в российский суд. Шахтинский суд несколько раз выносил решения в его пользу, но компенсация так и не была выплачена. Власти объясняли это отсутствием денежных средств. Европейский суд признал российские власти виновными, указав: «Немыслимо, чтобы пункт 1 статьи 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон – справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство, – не предусматривал бы защиты процесса исполнения судебных решений... Исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно рассматриваться как составляющая “судебного разбирательства” по смыслу ст. 6 Конвенции».

Статья 13 ЕКПЧ. Статья 13 гарантирует каждому право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах. Суд вывел процессуальные требования из определенных положений Конвенции, а также подчеркнул важность права на доступ к правосудию в контексте статьи 8 Конвенции. Когда речь идет о сложных вопросах экологической или экономической политики, процесс принятия решений, затрагивающий вопросы вмешательства, должен быть справедливым и учитывать интересы вовлеченных лиц. В деле «*Хаттон и другие против Великобритании*»[607] Суд признал, что право на доступ к правосудию — это часть справедливого процесса принятия решений по экологическим вопросам в соответствии с требованиями статьи 8 Конвенции.

В деле «*Хаттон и другие против Великобритании*» Суд рассматривал, получили ли заявители соответствующую защиту в национальных судах. Заявители жаловались на чрезмерный шум по ночам от приземляющихся и

[606] Постановление ЕСПЧ по делу Burdov v. Russia от 7 мая 2002 г., жалоба № 59498/00. Страсбург: ЕСПЧ, 2002.
[607] Постановление ЕСПЧ по делу Hatton and Others v. United Kingdom от 2 октября 2001 г., жалоба № 36022/97. Страсбург: ЕСПЧ, 2001.

взлетающих самолетов в аэропорту Хитроу. Они заявляли, что судебный надзор Англии слишком ограничен: в то время суды могли только оценивать деятельность государств, то есть определять, действовало ли государство нерационально, незаконно или явно необоснованно. Английские суды не могли рассматривать вопрос о том, являлось ли увеличение ночных полетов справедливым ограничением права на уважение частной и семейной жизни или жилища тех, кто жил вблизи аэропорта Хитроу. Соответственно, суд вынес постановление о наличии нарушения статьи 13 Конвенции.

Климатические постановления ЕСПЧ. Это новое важное направление работы ЕСПЧ, и мы считаем возможным отделить его от чисто экологических дел, поскольку климатические дела более междисциплинарны – они касаются защиты окружающей среды, использования энергоресурсов, экономических вопросов. Международный суд ООН, ИТЛОС и Межамериканский суд по правам человека уже вынесли концептуальные консультативные заключения по вопросам изменения климата, а Африканский суд по правам человека и народов в июле 2025 г. получил запрос на вынесение соответствующего заключения. ЕСПЧ явно отстает в этом отношении, хотя поступило более 10 климатических жалоб, но запроса на консультативное заключение пока не было (по данным на 01.06.2026 г.). В 2024 г. было рассмотрено сразу три дела, в 2025 г.[608] – одно норвежское дело, а с тех пор Суд климатических дел больше не рассматривал, хотя подано уже 16 климатических исков[609].

Большая палата Европейского суда по правам человека вынесла 9 апреля 2024 года три постановления по делам: *Карем против Франции*[610]*, Дуарте Агустино и другие против Португалии и 32 других*[611]*, Верейн*

[608] Лунев, А. Нефтедобыча побеждает? Обзор Постановления Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2025 года по делу Greenpeace Nordic and Others v. Norway / А. Лунев // Международное правосудие. 2026. Т. 16. № 2 (58). С. 16-31.

[609] Climate Litigation Database. European Court of Human Rights [Электронный ресурс]. URL: https://climaterightsdatabase.com/database/?_deciding_body=european-court-of-human-rights (дата обращения: 01.06.2026).

[610] European Court of Human Rights. Carême v. France. Application no. 7189/21: decision of 9 April 2024.

[611] European Court of Human Rights. Duarte Agostinho and Others v. Portugal and 32 Other States. Application no. 39371/20: decision of 9 April 2024.

Климасеньоринен Швайц и другие против Швейцарии[612]. Если в первых двух случаях Суд сохранил традиционный подход, признав жалобы (включая обращение против России) неприемлемыми в связи с недостаточной конкретизацией нарушений конвенционных прав, то решение по швейцарскому делу представляет собой революционный прецедент, впервые раскрывающий «климатическое измерение» статей 2, 8 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и выводящий новые международные обязательства для государств. Для обоснования своей позиции Суд предпринял беспрецедентный пересмотр ключевых процессуальных доктрин, включая: 1) концепцию «статуса жертвы», расширив понимание непосредственной угрозы конвенционным правам; 2) требования к процессуальной правоспособности (*standing*), допустив коллективные иски; 3) запрет на *actio popularis*, создав исключения для системных экологических нарушений.

В Постановлении от 28 октября 2025 года по делу *Greenpeace Nordic and Others v. Norway* ЕСПЧ отказал истцам в удовлетворении их требований. В деле стоял вопрос о том, в какой степени ЕКПЧ может функционировать в качестве инструмента ограничения государственной политики в области разведки и добычи ископаемого топлива в условиях углубляющегося климатического кризиса. Истцы опирались преимущественно на статьи 2 и 8 Конвенции, основывая свои аргументы на утверждении о наличии причинно-следственной связи между лицензированием геологоразведочных работ, последующей добычей нефти и газа, обусловленными этим выбросами парниковых газов (в том числе за пределами территории государства-ответчика), с одной стороны, и климатическим ущербом, который способен привести к нарушению охраняемых ЕКПЧ прав – с другой. А. А. Лунев указывает, «что Суд, с одной стороны, признал реальность и серьезность угрозы антропогенного изменения климата, а также наличие достаточно

[612] European Court of Human Rights. Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland. Application no. 53600/20: judgment of 9 April 2024.

тесной связи между решениями о выдаче лицензий на разведку ископаемого топлива и потенциальным климатическим вредом. С другой стороны, Суд существенно сузил рамки своего рассмотрения, сосредоточившись преимущественно на процессуальных аспектах национального принятия решений и фактически отказавшись от оценки материальных климатических обязательств государства, включая вопрос о допустимости продолжения разработки нефтегазовых месторождений с точки зрения соответствия правам человека» [613]. В итоге ЕСПЧ сознательно воздержался от вывода о существовании у государств позитивного обязательства оставлять углеводороды в недрах либо существенно ограничивать их добычу во имя защиты конвенционных прав, Суд не установил нарушения Конвенции со стороны Норвегии и констатировал достаточность национальных процессуальных гарантий для последующей оценки климатических последствий на более поздних стадиях лицензирования.

Подводя определенный итог рассмотрению четырех климатических дел в ЕСПЧ, можно отметить следующее. Особого внимания заслуживает новая парадигма в подходе к правосубъектности НПО, которые теперь могут инициировать судопроизводство в ЕСПЧ без представления индивидуальных жалоб конкретных потерпевших. Этот процессуальный прорыв, с одной стороны, отражает стремление Суда создать эффективный фильтр против потенциального потока «климатических» обращений, делегируя предварительный отбор авторитетным НПО по аналогии с исторической ролью бывшей Комиссии по правам человека. С другой стороны, такая либерализация *standing* порождает комплекс методологических и политико-правовых проблем.

Анализ выявленных преимуществ новой модели показывает ее значительный потенциал в: усилении публичности экологической

---

[613] Лунев А. Нефтедобыча побеждает? Обзор Постановления Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2025 года по делу Greenpeace Nordic and Others v. Norway / А. Лунев // Международное правосудие. 2026. Т. 16. № 2 (58). С. 16-31.

юриспруденции; улучшении мониторинга исполнения решений; повышении доступности международной защиты; фокусировании внимания на системных проблемах; обеспечении качества процессуальных документов.

Однако параллельно возникают существенные институциональные риски, включая: смещение фокуса с индивидуальных обращений; рост политически чувствительных дел; угрозу восприятия пристрастности Суда; опасность инструментализации процедур.

Несмотря на историческое значение признания глобального характера климатических угроз конвенционным правам, анализируемые решения демонстрируют ограниченную эффективность судебного механизма в разрешении комплексных политико-правовых дилемм экологического регулирования. Представляется, что ЕСПЧ, осуществив революцию в процессуальных подходах, тем не менее не смог предложить убедительной материально-правовой концепции баланса между экологическими императивами и суверенными прерогативами государств в области климатической политики[614].

Проанализировав практику ЕСПЧ по рассмотрению дел, связанных с защитой экологических прав, можно констатировать следующее: отсутствие формального закрепления в тексте Конвенции права на благоприятную окружающую среду и на возмещение экогенного вреда не стало препятствием для признания за публичными властями обязанностей в этой сфере даже в тех случаях, когда вред причиняется не имеющими прямой связи с государством субъектами экономической деятельности. Число зарегистрированных и рассмотренных жалоб по данной категории дел носит не единичный характер, а представляет собой множество, позволяющее анализировать развитие прецедентной практики[615]. Однако, несмотря на амбициозность и

[614] Гальперин М. О «зеленом» переходе и процессуальной революции: обзор постановлений Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2024 года по делам Карем против Франции (жалоба №7189/21), Дуарте Агустино и другие против Португалии и 32 других (жалоба 39371/20), Верейн Климасеньоринен Швайц и другие против Швейцарии (жалоба №53600/20) / М. Гальперин // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 2 (50). С. 3-19.

[615] См.: Князев М. А. Государство как субъект компенсации экогенного вреда: практика Европейского суда по правам человека / М. А. Князев // Государство и право. 2008. № 11. С. 119-123.

динамичность прецедентного права Европейского суда по правам человека, оно остается неполным в том, что касается гарантий прав человека на благоприятную окружающую среду. Хотя Суд может иногда толковать положения Конвенции, он не может изменять ее содержание, и поэтому право на благоприятную окружающую среду будет защищено только в конкретном случае его нарушения, четко определенном Конвенцией. Следовательно, мы можем наблюдать непрекращающийся процесс дополнения «шаг за шагом» содержания некоторых «традиционных» прав, гарантированных Конвенцией, являющийся результатом растущей осведомленности и обеспокоенности вопросами окружающей среды, воплощения в жизнь классического утверждения о том, что Европейская конвенция – живой инструмент, который может быть истолкован и применен в контексте современных условий[616].

Так, к концу 1990-х годов в Совете Европы напрямую заговорили об отсутствии признания ЕКПЧ права на благоприятную окружающую среду. В связи с этим стоит рассмотреть рекомендацию Парламентской ассамблеи СЕ (1431) от 4 ноября 1999 года[617] и ответ на нее Комитета министров Совета Европы (КМСЕ) о будущих действиях, которые должны быть предприняты Советом Европы по вопросу защиты окружающей среды[618]. В своем ответе КМСЕ указал, что признание права на здоровую и благоприятную окружающую среду (*healthy and viable environment*) сталкивается с рядом проблем, в том числе и правовых, и на настоящий момент Комитет не видит возможности признания такового права для включения его в дополнительный протокол. И хотя КМСЕ разделяет беспокойство Ассамблеи относительно угрозы окружающей среде, он считает, что внимание должно быть

---

[616] Environment protection and the European Convention on Human Rights // Council of Europe Publishing. Human rights files. 2005. No. 21. P. 69.

[617] Рекомендация ПАСЕ «О будущих действиях, которые должны быть предприняты Советом Европы по вопросу защиты окружающей среды» от 4 ноября 1999 г. № 1431 (1999) [Электронный ресурс]. URL: http://assembly.coe.int//Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta99/EREC1431.htm (дата обращения: 01.06.2026).

[618] Ответ Комитета министров СЕ на Рекомендацию ПАСЕ 1431 (1999) «О будущих действиях, которые должны быть предприняты Советом Европы по вопросу защиты окружающей среды» № 8892 от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=385199&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383 (дата обращения: 01.08.2026).

сосредоточено на вступлении в силу подписанных ранее конвенций по данному вопросу.

Осознавая положительные моменты принятия дополнительного протокола к ЕКПЧ, Парламентская ассамблея в 2003 г. приняла рекомендацию 1614 «Окружающая среда и права человека»[619]. Рекомендация основывалась на максимально детализированном докладе Комитета по окружающей среде, сельскому хозяйству и местным и региональным вопросам, а также на мнении Комитета по правовым вопросам и правам человека. Парламентская ассамблея рекомендовала КМСЕ принять дополнительный протокол к ЕКПЧ, признающий личные процессуальные права, направленные на расширение защиты права на окружающую среду. В качестве временной меры предлагалось подготовить рекомендацию государствам-членам, предусматривающую способы защиты Конвенцией личных прав от ухудшения состояния окружающей среды.

Комитет министров запросил Руководящий комитет по правам человека предоставить мнение по рекомендации Парламентской ассамблеи 1614 (2003). В ответ Руководящий комитет признал, что ни Конвенция, ни дополнительные протоколы к ней прямо не признают права на защиту окружающей среды. Он также отметил, что некоторые государства-члены уже включили в свои конституции положения о праве на защиту окружающей среды, сформулированные как право каждого или как обязательство государства. Руководящий комитет констатировал: существующее прецедентное право ЕСПЧ доказывает, что Конвенция уже предлагает определенную степень защиты по вопросам окружающей среды через существующие конвенционные положения и их расширительное толкование в судебной практике. Также Руководящий комитет пришел к мнению о том, что принятие проекта дополнительного протокола в соответствии с положениями, закрепленными в

---

[619] Рекомендация ПАСЕ «Окружающая среда и права человека» от 27 июня 2003 г. № 1614 (2003) [Электронный ресурс]. URL: http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=//Documents/AdoptedText/ta03/EREC1614.htm (дата обращения: 01.06.2026).

Рекомендации Ассамблеи, нецелесообразно. Кроме того, было отмечено, что Рекомендация Комитета министров государствам-членам также неуместна, поскольку уже существующая судебная практика по данному вопросу и так связывает государства обязанностью применения положений Конвенции. Вместе с тем Руководящий комитет пришел к выводу о том, что более приемлемым будет составление проекта документа в форме руководства или пособия, обобщающего права, интерпретированные в решениях Суда, и подчеркивающего необходимость усиления защиты окружающей среды на национальном уровне. Данный документ сделал бы более ясными положения о праве на защиту окружающей среды, косвенно предусмотренные Конвенцией, и тем самым облегчил бы понимание государствами своих обязательств по Конвенции в данной сфере[620]. В своем ответе Ассамблее КМСЕ одобрил позицию, выраженную Руководящим комитетом, и предоставил ему компетенцию, в соответствии с которой он должен составить такой документ[621].

В 2005 г. было разработано Руководство по правам человека и окружающей среде (далее – Руководство), целью которого являлось расширение понимания взаимосвязи между защитой прав человека по Конвенции и окружающей средой, и улучшение в связи с этим защиты экологических прав на национальном уровне. Руководство адресовано публичной власти и широкой публике. Оно определяет, что экологические факторы могут влиять на индивидуальные конвенционные права тремя способами: 1) напрямую; в таком случае власти должны будут убедиться, что такие права не подвержены серьезным неблагоприятным экологическим факторам; 2) через использование лицом своих процессуальных прав, дать ход которым могут неблагоприятные экологические факторы; государство в таком

---

[620] Мнение Руководящего комитета по правам человека: документ CDDH(2003)026.
Национальные отчеты по осуществлению Киевского Протокола [Электронный ресурс]. URL: https://prtr.unece.org/nationalreports/reports-files (дата обращения: 01.08.2026).

[621] Ответ Комитета министров СЕ на Рекомендацию ПАСЕ 1614 (2003) «Окружающая среда и права человека» [Электронный ресурс]. URL: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=109805&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383 (дата обращения: 01.08.2026).

случае должно соблюдать требования о доступе к информации, участию в принятии решений и доступе к правосудию по экологическим вопросам; 3) посредством вмешательства в конкретные личные права человека под законным предлогом защиты окружающей среды. Руководство состоит из двух частей. Первая посвящена принципам, которые возникли из соответствующих судебных решений, вторая обобщает те же принципы с объяснениями, используя конкретные дела. Список таких дел не является исчерпывающим, авторы Руководства выбрали наиболее подходящие. Обе части делятся на шесть глав, три из которых посвящены материальным экологическим правам, а три другие – процессуальным[622].

В 2008 г. Председатель Парламентской ассамблеи Луис Мариа де Пуиг в одном из интервью заявил о том, что Парламентская ассамблея ищет пути к созданию дополнительного протокола к ЕКПЧ, касающегося защиты экологических прав[623].

В сентябре 2009 г. Парламентская ассамблея приняла рекомендацию 1885 (2009)[624], в которой отмечается тесная взаимосвязь между защитой прав человека и качеством окружающей среды и говорится о необходимости признания за человеком права на благоприятную окружающую среду. При этом Ассамблея, признавая, что охрана окружающей среды все еще не гарантируется должным образом; подчеркивала необходимость сохранить для будущего поколения благоприятную, пригодную для жизни окружающую среду согласно принципу солидарности между поколениями. В завершение документа Ассамблея рекомендовала Комитету министров разработать дополнительный протокол к ЕКПЧ, в котором признавалось бы право на здоровую и жизнеспособную окружающую среду.

---

[622] Отчет о 61-м заседании Руководящего комитета по правам человека «Права человека и окружающая среда» от 16 декабря 2005 г.: документ CM (2005)186 Addendum II.

[623] Press release. Council of Europe. 220(2008) [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/t/dc/av/advsearch_en.asp (дата обращения: 01.06.2026).

[624] Рекомендация ПАСЕ «О разработке Дополнительного протокола к Европейской Конвенции по правам человека, посвященного праву на здоровую окружающую среду» от 30 сентября 2009 г. № 1885 (2009). [Электронный ресурс]. URL: http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta09/EREC1885.htm (дата обращения: 01.06.2026).

В Протоколе предлагается закрепить процессуальные и материальные права. И если с процессуальными правами все более или менее понятно (право на доступ к информации, участие общественности в принятии решений и доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды), то материальный аспект определить сложнее. Еще не выработано единого термина для обозначения «благоприятной» окружающей среды (*здоровая, жизнеспособная, устойчивая, сбалансированная и др.*). Также еще не выработан объем защиты, который должен быть юридически гарантирован.

Конгресс местных и региональных властей в октябре 2009 г. принял Рекомендацию 276 (2009)[625]. В пункте 9 этой Рекомендации Конгресс поддержал Рекомендацию ПАСЕ о разработке дополнительного протокола к ЕКПЧ, который признавал бы право на благоприятную окружающую среду. Конгресс принял на себя обязательство внести активный вклад в ту работу, которая будет проводиться в связи с этим.

В ноябре 2009 г. Бюро Руководящего комитета подготовило доклад, в котором говорилось о том, что Комитет экспертов по развитию прав человека подтвердил возражение против составления дополнительного протокола, касающегося экологических прав. Он также признал вероятность дополнения и расширения «Руководства по правам человека и окружающей среде». Бюро же считает, что Руководящий комитет мог бы выразить готовность принять участие в возможной работе, связанной с экологическими правами, которая может быть выполнена другими органами Совета Европы в 2010 г., или доверить ее Комитету экспертов по развитию прав человека.

Руководящий комитет в ноябре 2009 г. предложил Комитету министров высказать свое мнение по поводу рекомендации ПАСЕ 1885 (2009). При этом он сослался на существенную работу, которая уже была проделана Советом Европы в сфере защиты экологических прав, в том числе на созданное в 2006

---

[625] Рекомендация КМРВ «Улучшая качество воздуха в помещении: новый вызов местным властям» от 13-15 октября 2009 г. № 276 (2009) [Электронный ресурс]. URL: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1521489&Site=Congress&BackColorInterne=e0cee1&BackColorIntranet=e0cee1&BackColorLogged=FFC679 (дата обращения: 01.06.2026).

г. Руководство по правам человека и окружающей среде. Комитет министров, к сожалению, вновь отказал.

На наш взгляд, специальное включение права на благоприятную окружающую среду в Конвенцию позволило бы в будущем подавать иски на основании такого права, независимо от других прав человека, закрепленных Конвенцией. Суд должен будет решать дела, непосредственно связанные с нарушением данного права, тогда и его защита будет более адекватной. Также возможно, что признание экологических прав Конвенцией заставит государства предпринимать больше усилий в вопросах охраны окружающей среды (в частности, усилить защиту права на благоприятную окружающую среду, уже признанного в конституциях многих стран, посредством подачи иска в Суд, одобрения соблюдения международных обязательств, взятых на себя государством). Представляется целесообразным поддержать следующую мысль Е. С. Алисиевич: «Расширение каталога прав и свобод человека, гарантируемых ЕКПЧ, за счет права на здоровую и жизнеспособную окружающую среду представляется своевременным и целесообразным, поскольку направлено на закрепление *de jure* того, что давно существует *de facto*. Протокол свидетельствовал бы о новом уровне развития права Совета Европы как в области защиты окружающей среды, так и в сфере обеспечения прав человека, закрепив их очевидную взаимосвязь в основополагающем европейском акте о правах человека – ЕКПЧ»[626].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что Протокол должен быть принят, это просто вопрос времени. Комитет министров откладывает решение этого вопроса, ведь при принятии Протокола увеличится поток жалоб в ЕСПЧ, который и так перегружен делами. УВКПЧ ООН недавно – в 2025 г. – в очередной раз призвало Совет Европы принять Протокол об экологических

[626] Алисиевич Е. С. Защита права на благоприятную окружающую среду в практике Европейского суда по правам человека / Е. С. Алисиевич // Международное право – International Law. 2009. № 4. С. 181-190.

правах человека[627]. 42 из 46 государств – членов Совета Европы признали право на благоприятную окружающую среду в национальном праве. Более того все европейские страны проголосовали за резолюцию ГА ООН 76/300, признающую право на здоровую окружающую среду в глобальном масштабе, что свидетельствует о явном региональном и международном консенсусе. На наш взгляд, уже нет оправданий для непринятия такого протокола, когда весь мир признал соответствующее право, а Совет Европы прикрывается бюрократическими отговорками.

На наш взгляд, при разработке дополнительного протокола к ЕКПЧ необходимо учесть практику такого квазисудебного органа, как Комитет по вопросам соблюдения Орхусской конвенции (подробнее о нем речь пойдет в главе 4). Комитет за 20 лет работы получил более 200 жалоб по вопросам нарушения государствами экологических прав в Европе[628]. Решения Комитета представляют собой толкование важных вопросов, связанных с защитой экологических прав человека.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы. Европейский суд по правам человека внес свой вклад в истолкование взаимосвязи между правами человека и окружающей средой, особенно в решениях по делам, связанным с загрязнением окружающей среды[629], и соответствующими обязательствами государств. ЕСПЧ пришел к выводу, что загрязнение окружающей среды может служить помехой для пользования несколькими защищаемыми правами, в особенности правом на жизнь и правом на частную и семейную жизнь. Суд также установил, что государство несет позитивные обязанности по защите лиц от экологических рисков. В

---

[627] Council of Europe must recognise the right to a healthy environment, UN experts urge [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/05/council-europe-must-recognise-right-healthy-environment-un-experts-urge (дата обращения: 01.06.2026).

[628] Communications from the public. Aarhus Convention [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/env/pp/cc/communications-from-the-public (дата обращения: 01.06.2026).

[629] См., например: Постановление ЕСПЧ по делу Fredin v. Sweden от 18 февраля 1991 г., жалоба № 12033/86. Страсбург: ЕСПЧ, 1991; Постановление ЕСПЧ по делу Lopez Ostra v. Spain от 9 декабря 1994 г., жалоба № 16798/90. Страсбург: ЕСПЧ, 1994; Постановление ЕСПЧ по делу Oneryildiz v. Turkey от 30 ноября 2004 г., жалоба № 48939/99. Страсбург: ЕСПЧ, 2004; Постановление ЕСПЧ по делу Fadeyeva v. Russia от 9 июня 2005 г., жалоба № 55723/00. Страсбург: ЕСПЧ, 2005.

данном своде правовой практики были разъяснены обязанности государства по противодействию экологическим рискам, как только о них становится известно, в том числе посредством надлежащего и действенного регулирования, мониторинга и правоприменения, а также обязанности государства по обнародованию информации, касающейся экологических рисков.

В своем подходе к взаимосвязи между правами человека и экологическими вопросами Европейский суд руководствовался понятиями экологической демократии. Суд отметил, что необходимо обеспечивать баланс между позитивной обязанностью действовать в интересах защиты индивидуальных прав и коллективными интересами общества. Разрабатывая свою политику в области окружающей среды, государство пользуется свободой оценки. Однако эта свобода оценки не является безграничной, так как сдерживается принципом соразмерности любого конкретного ограничения защищаемых прав. Определяя соразмерность, Европейский суд подчеркнул важность соблюдения национального законодательства и процессуальных гарантий, позволяющих вести в обществе диалог по экологической политике, таких как доступ к информации, возможность участвовать в принятии решений и возможность запрашивать судебный надзор за решениями правительства. В тех случаях, когда национальное законодательство не соблюдается или процессуальные гарантии являются недостаточными, справедливый баланс отсутствует и может возникнуть ответственность государства за вмешательство в экологические права и права человека.

Современная система экологической защиты в рамках ЕКПЧ демонстрирует выраженный антропоцентричный характер, фокусируясь преимущественно на защите индивидуальных прав человека от экологических угроз, исходящих как от государственных, так и негосударственных акторов. Однако анализ судебной практики ЕСПЧ позволяет выявить определенные правовые механизмы, создающие возможности для более широкого рассмотрения вопросов охраны окружающей среды.

Институциональный прорыв в этом направлении связан с признанием ЕСПЧ особой роли экологических НПО в качестве «хранителей природы». Данная правовая позиция открывает возможность оспаривания случаев необоснованного ограничения участия таких организаций в процессах принятия экологически значимых решений. Кроме того, интерпретация понятия «юрисдикция» в соответствии со статьей 1 ЕКПЧ позволяет применять конвенционные механизмы к случаям трансграничного экологического вреда, что особенно актуально для климатических споров, традиционно имеющих транснациональный характер.

Несмотря на формальное ограничение сферы действия ЕКПЧ гражданскими и политическими правами, судебная практика демонстрирует значительную эластичность в применении конвенционных норм к широкому спектру экологических угроз. Последние решения Комитета ООН по правам человека (подробнее будут рассмотрены в следующей главе, в разделе о договорных органах по правам человека) подтверждают потенциальную применимость данного подхода и к вопросам изменения климата.

Представляется, что для успешной реализации экологической защиты в рамках ЕКПЧ необходимо последовательное соблюдение шести ключевых условий: наличия конкретного конвенционного права с установленным стандартом защиты; доказательства нарушения этого права конкретными физическими или юридическими лицами (при этом защита не распространяется на абстрактные интересы будущих поколений или природных объектов как таковых); установления факта необеспечения государством надлежащей защиты; демонстрации серьезного, реального и неизбежного риска нарушения прав; подтверждения того, что бездействие государства выходит за пределы допустимого усмотрения; установления

причинно-следственной связи между действиями (бездействием) государства и наступившим вредом[630].

Ограниченность антропоцентричной модели защиты становится особенно очевидной в контексте современных экологических и климатических вызовов. Хотя правозащитные механизмы, включая ЕКПЧ, не могут предложить комплексного решения этих глобальных проблем, они остаются важной платформой для обсуждения и защиты экологических интересов и важным механизмом обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Отсутствие специализированных международных экологических судов делает сохранение и развитие экологической юриспруденции в рамках существующих правозащитных систем особенно значимым, несмотря на присущие им концептуальные ограничения.

Разрешение экологических споров в Межамериканской системе защиты прав человека. Организация американских государств (ОАГ) – международная организация, созданная 30 апреля 1948 года на 9-й Межамериканской конференции в Боготе (Колумбия) на базе Панамериканского союза, существовавшего с 1889 г. В состав ОАГ входит 32 государств[631] (вообще 35, но членство Кубы приостановлено, с Венесуэлой сложилась противоречивая ситуация (представлена представителями оппозиции), Никарагуа официально вышла в 2023 г.).

Для обеспечения защиты прав человека в ОАГ образованы Межамериканская комиссия по правам человека и Межамериканский суд по правам человека. Оба межгосударственных органа созданы на основе Американской конвенции о правах человека 1969 г. (в честь места принятия именуется «Пакт Сан-Хосе»)[632]. Любое лицо или группа лиц, неправительственная организация, государство могут подавать в Комиссию

---

[630] Peters B. The European Court of Human Rights and the Environment / B. Peters // The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals / Sobenes, E., Mead, S., Samson, B. (eds). T.M.C. Asser Press, The Hague. 2022. P. 216.

[631] См., например: Абашидзе А. Х. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов / А. Х. Абашидзе // Московский журнал международного права. 2004. № 1. С. 55-75.

[632] Американская конвенция о правах человека (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org/ru/legal/multilateraltreaty/oas/1969/ru/20081 (дата обращения: 14.03.2026).

петиции, содержащие обвинения в нарушении Конвенции государством-членом. В Суд могут обращаться лишь государства – стороны спора и Комиссия. Суд может заняться разрешением спора только после рассмотрения дела Комиссией.

В Дополнительном протоколе к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав 1988 г.[633] (далее – Сан Сальвадорский протокол) содержится положение о защите экологических прав человека, но только на национальном уровне, а не в рамках межамериканских правозащитных механизмов. Благодаря правоприменительной практике ситуация недавно изменилась, и теперь защищать право на благоприятную окружающую среду можно в Межамериканском суде. Ниже мы детально проанализируем этот вопрос.

Отметим, что Сан-Сальвадорский протокол 1988 г. ратифицировали всего 16 из 35 государств – членов ОАГ[634], а Пакт Сан-Хосе – 24 из 35[635].

В регионе, богатом природными ресурсами, где добыча, разведка и эксплуатация нефти и газа играют важную роль, межамериканская система защиты прав человека выступает в качестве форума для урегулирования экологических споров посредством подачи исков о нарушении прав человека. Таким образом, на протяжении десятилетий она способствует судебному рассмотрению экологических вопросов, используя эволюционное и системное толкование прав в соответствии с Американской конвенцией о правах человека. Ниже рассматриваются доктрины, процессуальные инструменты, имеющиеся в распоряжении межамериканской системы (с особым акцентом

---

[633] Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights (Protocol of San Salvador) [Электронный ресурс]. URL: http.www.oas.org/en/sare/social-inclusion/protocol-ssv/docs/protocol-san-salvador-en.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[634] Государства, которые не ратифицировали Протокол, но входят в ОАГ: Чили, Гаити, Доминиканская Республика, Венесуэла, США, Барбадос, Тринидад и Тобаго, Ямайка, Гренада, Доминика, Сент-Люсия, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Багамы, Сент-Китс и Невис, Канада, Белиз, Гайана. См.: Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights «Protocol of San Salvador» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cidh.oas.org/basicos/english/basic6.prot.sn%20salv%20ratif.htm (дата обращения: 14.03.2026).

[635] Государства, которые не ратифицировали Пакт, но входят в ОАГ: США, Венесуэла (вышла), Тринидад и Тобаго, Сент-Люсия, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Багамы, Сент-Китс и Невис, Канада, Белиз, Гайана. См.: Там же.

на Межамериканском суде по правам человека) как форума для разрешения споров, связанных с экологическими вопросами, и обеспечения защиты окружающей среды. Также мы определим слабые и сильные стороны системы в рассмотрении экологических дел, влияние ее «прецедентного права» на развитие международного экологического права. Это включает в себя изучение новаторских решений Межамериканского суда по правам человека, касающихся вопросов окружающей среды и климата. В результате анализа мы пришли к выводу, что консультативные заключения Суда не только признали право на здоровую окружающую среду основополагающим для существования человечества, но и сформировали реальные трансграничные средства правовой защиты для жертв ухудшения состояния окружающей среды, что повлияет в числе прочего на судебные разбирательства по вопросам изменения климата во всем мире.

Охрана окружающей среды требует, чтобы люди имели доступ к информации, участию в процессах принятия соответствующих решений, и к суду по вопросам, касающимся защиты окружающей среды. Эти экологические права опосредовано представлены в Американской конвенции. Право на экологическую информацию содержится в статье 13 указанной конвенции, согласно которой каждый имеет право на свободу мнения и его выражение, что означает свободу искать, получать и распространять информацию независимо от границ, как устно, так и в письменном и печатном виде. Участие общественности в процессе принятия решений по экологически значимым вопросам отражено в статье 23 Конвенции, где сказано: каждый гражданин обладает правом принимать участие в ведении государственных дел непосредственно или через свободно избранных представителей. И, наконец, право на доступ к средствам судебной защиты провозглашено в статье 25 Американской конвенции в следующей форме: каждый имеет право на прямое и быстрое обращение или любое другое действенное обращение в компетентные суды за защитой нарушенных основных прав.

В деле *«Коренное сообщество Сумо против Никарагуа»*[636] было признано, что распоряжение государством природными ресурсами коренных народов без их согласия влечет нарушение права собственности (ст. 21 Американской конвенции). Правительство Никарагуа предоставило иностранной компании концессию на вырубку леса на исконной территории проживания этнической группы сумо без консультации с сообществом сумо. Комиссия установила в 1998 г., что правительство нарушает права коренного народа, и передала дело в Межамериканский суд по правам человека. 31 августа 2001 года Суд постановил, что государство Никарагуа нарушило положения Американской конвенции, в том числе право собственности. По решению Суда Никарагуа должна была принять внутренний закон для защиты прав коренных народов и выплатить 50 000 долл. США в качестве компенсации за моральный вред и 30 000 долл. США на покрытие судебных издержек и расходов.

В деле *«Яномани против Бразилии»*[637] (1985) Комиссия установила правовую связь между качеством окружающей среды и правом на жизнь. Власти Бразилии нарушили положения Американской декларации прав и обязанностей человека 1948 г. при строительстве шоссе через территорию проживания племени яномани. Эти действия привели к притоку некоренных народов, принесших инфекционные заболевания. Комиссия пришла к выводу, что правительство нарушило право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность и право на сохранение здоровья.

В деле «*Народ сарамака против Суринама*» (2007) Межамериканский суд по правам человека рассмотрел вопрос о нарушении правительством Суринама права народа сарамака в результате предоставления компании концессии на исконной территории этого народа. Суд перечислил ряд обязательств правительства в экологической сфере и подтвердил

---

[636] Дело «О правах общины Маянья (Сумо) Авас Тингни» (Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua), 31 августа 2001 г. [Электронный ресурс] / Межамериканский суд по правам человека. San José: Inter-American Court of Human Rights, 2001. URL: https://jurisprudencia.corteidh.or.cr/en/vid/883975917 (дата обращения: 13.08.2026).

[637] Дело 7615 (Yanomami v. Brazil, 1985) [Электронный ресурс] / Washington, D.C.: Inter-American Commission on Human Rights, 1985. URL: https://www.cidh.org/annualrep/84.85eng/Brazil7615.htm (дата обращения: 14.03.2026).

соответствующие обязательства правительства Суринама. Суд призвал правительство Суринама обеспечить эффективные консультации с народом сарамака и указал на необходимость получения от последнего предварительного и письменного согласия на эксплуатацию его земель, на обеспечение гарантий в том, чтобы данный народ также пользовался выгодой от любого проекта и на территории его проживания не проводились никакие работы без предварительной экологической экспертизы и оценки[638].

В 2005 г. Межамериканский суд по правам человека рассмотрел также первое дело о нарушении прав человека в результате изменения климата. Группа канадских эскимосов-инуитов подала жалобу в Межамериканскую комиссию по правам человека на то, что США игнорируют международные требования о необходимости сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу и в результате глобального потепления от этих выбросов они страдают от ряда негативных последствий, вследствие чего правительство США ответственно за нарушение прав инуитов. Комиссия не смогла единогласно признать жалобу приемлемой[639].

Помимо принятия индивидуальных жалоб, Межамериканская комиссия по правам человека имеет право исследовать ситуации в области прав человека в целом либо в конкретном государстве – члене ОАГ. В 1997 г. были опубликованы исследования Комиссии, в которых уделено особое внимание экологическим правам коренных народов в Эквадоре и Бразилии[640]. При расследовании ситуации в Эквадоре Комиссия установила, что процесс добычи нефти влечет загрязнение воды, воздуха и почвы, в результате чего население региона Ориенте подвергается риску серьезных заболеваний (кожные заболевания, сыпь, хронические инфекции и заболевание желудочно-

---

[638] Case of the Saramaka People v. Suriname. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 28 November 2007 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. No. 172. San José: IACtHR, 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_172_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[639] Petition to the Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief, from Violations Resulting From Global Warning Caused by Acts and Omissions of the United States [Электронный ресурс]. URL: http://www.cicl.ofg/publications/ /icc_petition_7dec2005.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[640] Доклад по ситуации с правами человека в Бразилии: документ OEA/Ser.L/V/II.97; Доклад по ситуации с правами человека в Эквадоре: документ OEA/Ser.L/V/II.96.

кишечного тракта). Кроме того, загрязнение рек повлекло гибель большого количества рыбы. Комиссия признала нарушение права на жизнь (ст. 11) и права на личную свободу и безопасность (ст. 7), поскольку загрязнение и деградация окружающей среды создают постоянную угрозу для жизни и здоровья людей. В заключение Комиссия постановила, что загрязнение окружающей среды, влекущее болезни для людей и угрозу здоровью, несовместимо с правами человека.

Межамериканский суд по правам человека содействовал установлению важных норм защиты коренных народов и племен от неблагоприятных изменений окружающей среды. Суд признал, что коренные народы и племена имеют право собственности на традиционно занимаемые ими земли и территории[641]. Суд пришел к этому заключению путем толкования Американской конвенции о правах человека в свете других соответствующих международных договоров по правам человека. Например, право на исконные земли, территории и природные ресурсы подкрепляется правом на самоопределение, признаваемым как Международным пактом о гражданских и политических правах и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, так и нормами, установленными Конвенцией № 169 Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 г.

В 2017 г. Межамериканский суд произвел революцию в деле разрешения споров, касающихся защиты экологических прав человека. Рассмотрим этот случай подробнее.

Чуть выше мы отмечали, что Сан-Сальвадорский протокол, с одной стороны, признает наличие экологических прав, но, с другой стороны, не позволяет защищать их напрямую в межамериканских правозащитных органах. Поясним ситуацию. Сан-Сальвадорский протокол в пункте 6 статьи 19 предоставляет

---

[641] См., например: Moiwana Community v. Suriname, 15 June 2005; Claude-Reyes, et al. v. Chile, 19 September 2006; Sawhoyamaxa Indigenous Community v. Paraguay, 29 March 2006.
Montreal Technoparc, SEM-03-005, Council Resolution 04-05 (20 August 2004) // Commission for Environmental Cooperation. Montreal: CEC, 2004.

юрисдикцию для Межамериканской комиссии и Межамериканского суда исключительно в отношении двух категорий прав – прав профсоюзов (ст. 8a) и права на образование (ст. 13), – что исключает возможность подачи индивидуальной (или коллективной) жалобы в Суд при нарушении права на здоровую окружающую среду, закрепленного в статье 11 Протокола. Поэтому экологические права, как и в Европейском суде по правам человека, традиционно рассматривали через расширительное толкование гражданских прав, зафиксированных в Пакте Сан-Хосе: права на жизнь, права на частную собственность и права на доступ к информации (практика в этом отношении весьма интересна и заслуживает отдельного исследования)[642].

Межамериканский суд по правам человека сделал в 2017 г. то, о чем мечтали юристы-экологи всех стран, а именно – прояснил в своем консультативном заключении, существует ли данная категория прав человека, какие обязательства есть у государств в отношении их соблюдения, а также взаимосвязь экологических прав с другими правами человека. Поэтому мы детально проанализируем далее это заключение. Более того, после опубликования консультативного заключения стала «улучшаться» и практика Суда по рассмотрению экологических дел. После анализа консультативного заключения мы рассмотрим дело *«Коренные сообщества Ассоциации Лхака Хонхат против Аргентины»*, в котором цитировались правовые позиции из указанного консультативного заключения. При этом мы уделим внимание тому факту, что не все судьи поддерживают такой подход (что, на наш взгляд, несколько снижает его легитимность), и рассмотрим, какими могли бы быть последствия внутренних противоречий. Затем оценим легитимность такого подхода Суда и для межамериканской системы защиты прав человека, и для концепции экологических прав в целом.

---

[642] Inter-American Court of Human Rights. Case of the Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname. Merits, Reparations and Costs: judgment of 25 November 2015. Ser. C. № 309. San José: IACtHR, 2015; Case of the Kichwa Indigenous People of Sarayaku v. Ecuador. Merits and Reparations: judgment of 27 June 2012 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. № 245. San José: IACtHR, 2012; Case of Salvador Chiriboga v. Ecuador. Preliminary Objections and Merits: judgment of 6 May 2008 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. № 179. San José: IACtHR, 2008.

14 марта 2016 года Республика Колумбия направила в Межамериканский суд запрос о вынесении консультативного заключения. 15 ноября 2017 года Межамериканский суд вынес соответствующее консультативное заключение[643] (опубликовано 8 февраля 2018 года), которое касается обязательств государств в отношении окружающей среды в контексте защиты и гарантий прав на жизнь и личную неприкосновенность, признанных в статьях 4 и 5 Американской конвенции 1969 г. в связи со статьями 1(1) и 2 указанной Конвенции[644]. Данное заключение нашло широкий отклик в научной литературе[645].

В рамках процедуры *amicus curiae* был представлен 51 документ от следующих субъектов: от четырех государств (Аргентина, Боливия, Гондурас и Панама), различных международных организаций и органов, а также от 24 НПО и 20 различных экспертов, представлявших гражданское общество[646]. Следует подчеркнуть, что на наш взгляд такое широкое участие гражданского общества

---

[643] Подробнее о консультативной юрисдикции Межамериканского суда см.: Кожеуров Я. С. Консультативная юрисдикция международного суда: опыт Межамериканского суда по правам человека / Я. С. Кожеуров // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 95-107.

[644] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017, requested by the Republic of Colombia, the environment and human rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights) [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026). Для удобства поясним здесь, что пункт 1 статьи 1 гласит: «Государства – участники настоящей Конвенции обязуются уважать права и свободы, признанные в ней, и обеспечивать для всех лиц, находящихся под их юрисдикцией, свободное и полное осуществление этих прав и свобод без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического, сословного или какого-либо иного социального положения», а в статье 2 указано: «В тех случаях, когда осуществление каких-либо прав или свобод, упомянутых в статье 1, еще не обеспечено законодательными или другими положениями, государства-участники обязуются принимать в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящей Конвенции такие законодательные или другие меры, которые могут оказаться необходимыми для введения в действие этих прав и свобод».

[645] См.: Papantoniou A. Advisory Opinion on the Environment and Human Rights / A. Papantoniou // American Journal of International Law. 2018. Vol. 112. No. 3. P. 460-466; Feria-Tinta M. International Environmental Law for the 21st Century: The Constitutionalization of the Right to a Healthy Environment in the Inter-American Court of Human Rights Advisory Opinion No. 23 / M. Feria-Tinta, S. C. Milnes // Anuario Colombiano de Derecho Internacional. 2019. Vol. 12. No. 12. P. 43-84; Vega-Barbosa G. A Commentary on the Advisory Opinion of the Inter-American Court of Human Rights on the Environment and Human Rights / G. Vega-Barbosa, L. Aboagye // DPCE Online. 2018. Vol. 34. No. 1. P. 291-298; Abello-Galvis R. Inter-American Court of Human Rights Advisory Opinion OC-23/17: Jurisdictional, Procedural and Substantive Implications of Human Rights Duties in the Context of Environmental Protection / R. Abello-Galvis, W. Arevalo-Ramirez // The Review of European, Comparative & International Environmental Law. 2019. Vol. 28. No. 2. P. 217-222; Giannino D. The Ground-Breaking Advisory Opinion OC-23/17 of the Inter-American Court of Human Rights: Healthy Environment and Human Rights [Электронный ресурс]. URL: http://www.iconnectblog.com/2018/12/the-ground-breaking-advisory-opinion-oc-23-17-of-the-inter-american-court-of-human-rights-healthy-environment-and-human-rights/ (дата обращения: 14.03.2026).

[646] Observaciones a la Solicitud de Opinión Consultiva [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/jurisprudencia2/observaciones_oc.cfm?nId_oc=1650 (дата обращения: 14.03.2026).

способствует повышению возможностей негосударственных акторов влиять на развитие международного права и свидетельствует об открытости и демократичности процедуры вынесения консультативного заключения Межамериканским судом.

Консультативное заключение было запрошено Колумбией в связи с достаточно узким вопросом – толкованием положений Картахенской конвенции о защите и освоении морской среды Большого Карибского региона 1983 г.[647] применительно к крупномасштабным инфраструктурным проектам, создающим риск значительного трансграничного экологического ущерба для морской среды Большого Карибского региона[648], но «эффект» от его вынесения оказался гораздо шире. Это произошло потому, что Суд переформулировал и расширил запрос Колумбии, а также применил функциональный подход к определению цели его консультативной юрисдикции и связал права человека с защитой окружающей среды. Такой шаг Суда подвергся критике[649].

В результате Суд пошел дальше и разъяснил ряд материально-правовых и процедурных обязательств, касающихся защиты окружающей среды, вытекающих из Американской конвенции. Более того, Суд расширил

---

[647] Convention for the Protection and Development of the Marine Environment of the Wider Caribbean Region (1983) [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/cep/who-we-are/cartagena-convention (дата обращения: 14.03.2026).

[648] «Как следует толковать Пакт Сан-Хосе, когда существует опасность того, что строительство и эксплуатация крупных новых инфраструктурных проектов могут оказать серьезное воздействие на морскую среду в Большом Карибском регионе и, следовательно, на среду обитания человека, которая необходима для полноценного пользования и осуществления прав жителей побережий и/или островов государства – участника Пакта в свете экологических стандартов, признанных в международном обычном праве и между соответствующими государствами региона?» Полный текст запроса Колумбии на испанском языке см.: Solicitud de Opinión Consultiva presentada por la República de Colombia ante la Corte Interamericana de Derechos Humanos de 14 de marzo de 2016 // Corte Interamericana de Derechos Humanos: sitio official [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/solicitudoc/solicitud_14_03_16_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[649] Например, судья Сьерра Порто, выражая свое совпадающее с позицией Суда мнение, отметил, что большинство государств не смогли представить свои аргументы в поддержку или против этой позиции (IACtHR. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. Concurring opinion Judge Sierra Porto. § 7), поскольку их не интересовал вопрос Картахенской конвенции. Действительно, четыре государства, представившие свои мнения, изложили их в соответствии запросом Колумбии в отношении морской среды, Картахенской конвенции и статей 4 и 5 Американской конвенции. Возможно, что государства не будут теперь воспринимать это заключение как легитимное. Тем более, если бы своевременно стало известно о расширительном подходе Суда к запросу, то, возможно, и большее количество государств высказалось бы. Хотя уже прошло четыре года с принятия заключения, но еще не было заявлений от государств, что они против его текста. Справедливости ради отметим, что ранее такие случаи бывали в практике Суда – см.: Contesse J. Resisting the Inter-American Human Rights System / J. Contesse // Yale Journal of International Law. – 2019. Vol. 44. No. 2. P. 179-237.

возможность защиты экологических прав, заявив, что право на здоровую окружающую среду подпадает под действие статьи 26 Конвенции, а именно – под положение о «прогрессивном развитии», согласно которому американские государства взяли на себя обязательства принимать меры с целью постепенного достижения «полной реализации прав, предусмотренных экономическими, социальными, образовательными, научными и культурными стандартами». Далеко идущие последствия этой аргументации Суда состоят в том, что право на здоровую окружающую среду теперь может быть непосредственно защищено в Суде в качестве автономного права. Данная ситуация еще не предусмотрена в европейской региональной и универсальных системах защиты прав человека. Этим консультативным заключением Суд расширил свою юрисдикцию на вынесение судебных решений по защите прав, изначально не предусмотренных Американской конвенцией.

В рассматриваемом консультативном заключении Суд признал право на здоровую окружающую среду, являющееся основополагающим для человеческого существования, и перечислил ключевые обязанности государств по защите этого и других связанных с защитой окружающей среды прав человека.

В целях пояснения «революционности» заключения Суда наиболее просто разъясним имеющиеся правовые проблемы. В компетенцию Суда (ст. 62 Конвенции) и Комиссии (ст. 44 Конвенции) входит рассмотрение индивидуальных или коллективных жалоб, связанных с нарушениями прав человека, закрепленных в Американской конвенции, и двух вышеуказанных прав в Сан-Сальвадорском протоколе. Однако Суд в консультативном заключении признал, что право на здоровую окружающую среду является новым автономным правом человека, подлежащим судебной защите, подпадающим под действие статьи 26 Конвенции, которая носит название «Прогрессивное развитие» и гласит: «Государства-участники обязуются принимать меры как внутригосударственные, так и в порядке международного сотрудничества, в частности по экономическим и техническим вопросам, в целях постепенного

обеспечения путем законодательства и других соответствующих средств полного осуществления прав, вытекающих из экономических, социальных, образовательных, научных и культурных норм, закрепленных в Уставе Организации американских государств с поправками к нему, внесенными Протоколом Буэнос-Айреса»[650]. В данном случае Суд указал, что такие требования вытекают из статей 30–34 Устава ОАГ, где устанавливается обязательство государств по достижению «интегрального развития» своих народов, включающее понятие «устойчивое развитие»[651].

Надо отметить, что ранее из-за своего расплывчатого содержания статья 26 редко применялась, но в последние годы Суд стал использовать ее для защиты некоторых социальных прав, не зафиксированных в Конвенции и Протоколе (право на здоровье, трудовые права)[652], что вызвало споры в доктрине относительно расширения юрисдикции Суда[653]. И вот дошла очередь до экологических прав. Напомним, что экологическое право было закреплено в статье 11 Сан-Сальвадорского протокола, но Суд не обладал полномочиями по его защите. Теперь ситуация изменилась[654]. Не все судьи были согласны с таким подходом: двое судей проголосовали против (судья Вио Гросси (Чили) и судья Сьерра Порто (Колумбия)) и в своих особых мнениях резко критиковали

---

[650] Convención Americana sobre Derechos Humanos (Pacto de San José, 1969) [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/tablas/17229a.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

[651] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights). Para 57. [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[652] *Case of Poblete Vilches et al. v. Chile*. Merits, Reparations and Costs: judgment of 8 March 2018 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. No. 349. § 110. San José: IACtHR, 2018; *Case of Cuscul Pivaral et al. v. Guatemala*. Preliminary Objection, Merits, Reparations and Costs: judgment of 23 August 2018 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. № 359. San José: IACtHR, 2018; *Case Lagos del Campo v. Peru*. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 31 August 2017 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. № 340. San José: IACtHR, 2017; *Case of Muelle Flores v. Per*u. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 6 March 2019 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. № 375. San José: IACtHR, 2019.

[653] См., например: Ruiz-Chiriboga O. R. The American Convention and the Protocol of San Salvador: Two Intertwined Treaties: Non-Enforceability of Economic, Social and Cultural Rights in the Inter-American System / O. R. Ruiz-Chiriboga // Netherlands Quarterly of Human Rights. 2013. Vol. 31. No. 2. P. 159-186.

[654] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights) Paras. 56, 57. [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

признание возможности судебной защиты права на здоровую окружающую среду в соответствии со статьей 26 Конвенции. По словам судьи Вио Гросси, «упомянутые права не включены в Конвенцию и не содержатся в ней и, следовательно, не могут быть объектом системы защиты, которую он [Суд] устанавливает»[655].

Суд установил достаточно детальное юридическое содержание права на здоровую окружающую среду[656], согласно которому это право должно: гарантировать каждому без какой-либо дискриминации здоровую среду для проживания; гарантировать каждому без какой-либо дискриминации основные общественные услуги; поощрять и продвигать защиту окружающей среды; содействовать сохранению окружающей среды; способствовать улучшению состояния окружающей среды.

Более того, Судом было в целом отмечено, что плохое состояние окружающей среды может повлечь за собой нарушения многих категорий прав человека. Это крайне важно, поскольку тем самым признается не только право на здоровую окружающую среду как самостоятельное право, но и уязвимость иных категорий прав человека под влиянием деградации окружающей среды. Данный факт говорит о необходимости принятия на себя государствами соответствующих экологических обязательств по соблюдению и обеспечению прав человека[657].

В консультативном заключении была отмечена биполярная природа права на здоровую окружающую среду (оно может выступать как в качестве индивидуального права человека, так и в качестве коллективного права), а также было подчеркнуто, что можно защищать экологические права как ныне живущих индивидов или групп лиц, так и права будущих поколений[658].

---

[655] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. Concurring opinion Judge Vio Grossi. Para 5 [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
[656] Там же. Para 60.
[657] Там же Para 53-55.
[658] Там же. Para 59.

Опираясь на телеологической способ толкования права, Суд воспользовался возможностью прояснить ряд аспектов, касающихся экологических обязательств в связи с правами человека на американском континенте. Подтвердив связь между правами человека и защитой окружающей среды, Суд, с одной стороны, сослался на свои предыдущие решения о признании того, что охрана окружающей среды является условием достойной жизни (см., например, дела «*Yakye Axa Indigenous Community v. Paraguay*», «*Xákmok Kásek Indigenous Community v. Paraguay*», «*Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname*»), но, с другой стороны, пошел дальше и признал ряд дополнительных обязательств, опираясь на статьи 4 и 5 Американской конвенции о правах человека. Основываясь на Стокгольмской и Рио-де-Жанейрской декларациях, он определил несколько обязательств *due diligence*, вытекающих из Конвенции[659]. Помимо признания автономного права на здоровую окружающую среду в соответствии с Конвенцией, Суд обозначил дальнейшие обязательства, указав их содержание, объем и применение в рамках Межамериканской системы. Например, чтобы защитить право на жизнь и личную неприкосновенность, государствам необходимо в числе прочего осуществлять процедуру ОВОС (оценку воздействия на окружающую среды) в случае наличия рисков загрязнения окружающей среды, а также предоставлять план действий с учетом чрезвычайных ситуаций, связанных с потенциальными экологическими бедствиями. При этом нельзя забывать про общее обязательство государств по смягчению негативных последствий для окружающей среды. Кроме того, для защиты этих двух категорий прав человека государствам следует сотрудничать, чтобы минимизировать значительный трансграничный ущерб[660], а также обмениваться информацией, уведомлять о потенциальном риске и вести переговоры.

---

[659] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. Concurring opinion Judge Vio Grossi. Para 123, 124 [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
[660] Там же. Para 242.

Суд высказал свою позицию в отношении процессуальных экологических прав, указав, что государства обязаны обеспечивать: право доступа к экологической информации (ст. 13 Американской конвенции), право на участие общественности (подп. (a) п. 1 ст. 23 Американской конвенции), право на участие в процессе принятия решений, доступ к правосудию в отношении государства, которое загрязняет окружающую среду [661].

Что особенно важно, так это признание Судом экстерриториального характера экологических прав человека. Собственно, это и был основной вопрос Колумбии при запросе консультативного заключения в связи с крупномасштабными инфраструктурными проектами в Карибском регионе, которые могут иметь трансграничные последствия. Вопрос состоял в том, включает ли термин «юрисдикция» в пункте 1 статьи 1 Американской конвенции экстерриториальную юрисдикцию применительно к ответственности государства.

Используя статьи 31 и 32 Венской конвенции о праве договоров 1969 г. для толкования термина «юрисдикция», Суд пришел к выводу о том, что указанное понятие не ограничивается исключительно территорией государства. Конвенция охватывает «более широкое понятие, которое включает определенные способы осуществления юрисдикции за пределами территории государства»[662]. Опираясь на *travaux préparatoires* Американской конвенции, постановления Европейского суда по правам человека, мнения Комитета ООН по правам человека, Суд пришел к выводу, что термин «юрисдикция» «охватывает любую ситуацию, в которой государство осуществляет эффективный контроль или юрисдикцию над гражданином либо внутри или за пределами его территории»[663]. Соответственно, «лица, права которых в соответствии с Конвенцией были нарушены вследствие трансграничного вреда, подпадают под юрисдикцию государства

[661] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. Concurring opinion Judge Vio Grossi. Para 242 [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
[662] Там же. Para 74.
[663] Там же. Para 104a.

происхождения ущерба, потому что это государство осуществляет эффективный контроль над деятельностью, осуществляемой на его территории или под его юрисдикцией»[664]. При этом Суд подчеркнул исключительный характер экстерриториальной юрисдикции, требующий «ограничительного толкования» в свете «особых обстоятельств конкретного дела»[665]. Это первый случай, когда Суд признал возможность экстерриториального применения Американской конвенции, хотя ранее и обращался к ее интерпретации[666].

Кроме того, Суд отметил важность реализации принципа предотвращения в трансграничном контексте как в целом, так и для защиты прав человека на жизнь и личную неприкосновенность в случае возможного серьезного и необратимого ущерба окружающей среде, даже при отсутствии научной определенности. В целях реализации принципа предотвращения государства должны: «регулировать и контролировать деятельность, находящуюся под их юрисдикцией, которая может нанести значительный ущерб окружающей среде; проводить процедуру ОВОС, когда существует риск причинения значительного ущерба окружающей среде; подготовить планы действий в чрезвычайных ситуациях для того, чтобы установить меры безопасности и свести к минимуму возможность крупных экологических катастроф, смягчить любой значительный экологический ущерб, который может произойти, и в случае если это произошло, несмотря на предпринятые превентивные действия»[667].

Консультативное заключение было принято единогласно шестью судьями, но к нему было приложено два отдельных совпадающих мнения. Оба судьи были против изложенного в параграфе 57 консультативного заключения широкого

---

[664] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. Concurring opinion Judge Vio Grossi. Para 104d. [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[665] Там же. Para 81.

[666] Franklin Guillermo Aisalla Molina (Ecuador v. Colombia), Admissibility Report No. 112/10 of 21 October 2011. Para 91 // Inter-American Commission on Human Rights; Coard et al. v. United States, Merits Report No. 109/99 of 29 September 1999. Para 37 // Inter-American Commission on Human Rights.

[667] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights). Para 5. [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

толкования статьи 26 Конвенции, которое привело к появлению нового автономного права.

Так, позиция судьи Эдуардо Вио Гросси, представителя Чили, свелась к следующему. Правами, которые могут быть предметом защиты, являются права, закрепленные в Американской конвенции и в Протоколе к ней, а статья 26 Конвенции не касается защиты прав человека напрямую, она лишь обязывает принимать меры для постепенного осуществления таких прав. Сан-Сальвадорский протокол предполагает подачу жалоб в Суд только по вопросам функционирования профсоюзов и права на образование. Вио Гросси добавил, что защита всех прав, указанных в Сан-Сальвадорском протоколе, может быть осуществлена национальными судами государств – участников Конвенции, если это предусмотрено их национальным законодательством. Таким образом, судья сделал вывод, что в данном случае защита права на здоровую окружающую среду в Суде и привлечение к ответственности государства нарушают принцип, согласно которому ни одно государство не может быть привлечено к Суду без прямо выраженного добровольного согласия.

Особое мнение судьи Умберто Антонио Сьерра Порто, представителя Колумбии, государства, направившего запрос о вынесении консультативного заключения, также содержит аргументацию, которая ставит под сомнение вопросы защиты экологических прав Судом напрямую и формирования дальнейшей судебной практики в целом. Он отметил, что вопросы, изначально предоставленные Колумбией в Суд для рассмотрения, ограничивались толкованием норм, касающихся обязательств государств уважать и гарантировать право на жизнь и личную неприкосновенность в связи деградацией окружающей среды. Включение в текст консультативного заключения положений, касающихся прямого обращения для защиты права на здоровую окружающую среду отдельно или в контексте экономических, социальных и культурных прав, выходит за рамки предмета рассмотрения консультативного заключения. Важно подчеркнуть, что колумбийский судья является последовательным борцом против расширения юрисдикции Суда и уже

дважды заявлял свое несогласие[668]. Более того, в пунктах 10 и 11 изложения своего мнения судья говорит, что в настоящем деле Суд «повторяет необоснованный прецедент» (англ.: *groundless precedent*), относящийся к делу «*Лагос-дель-Кампо против Перу*»[669].

В целом мы выделили лишь основные элементы заключения, объем которого составляет 99 страниц. Читая итоговую часть консультативного заключения (пп. 242 и 244), трудно избежать впечатления, что Суд выполнил «квазизаконодательную функцию», определив перечень обязательств государств, вытекающих из международного экологического права и в связи со статьями 4 и 5 Конвенции. При этом по тексту заключения мы видим, что Суд опирался на разные источники, чтобы детализировать конкретное содержание каждого обязательства, практически «смешивая» международные договоры, судебные решения и «мягкое право», хотя сам Суд отметил, что инструменты мягкого права «обеспечивают руководство по толкованию, потому что они придают бóльшую точность основному содержанию, установленному в договорах»[670].

Безусловно, вынесенное консультативное заключение хоть и носит рекомендательный характер, но расширило и укрепило международно-правовую базу, содержащую обязательства государств по защите права на здоровую окружающую среду. Особенно важно отметить, что это не последний шаг, предпринятый Латинской Америкой в области защиты окружающей среды в 2018 г. Так, 4 марта 2018 г. было принято долгожданное, обсуждавшееся более 10 лет Эскасусское соглашение, вступившее в силу 22 апреля 2021 года, которое представляет собой «латиноамериканский аналог» европейской Орхусской

---

[668] См.: Ferrer Mac-Gregor Poisot, E. Concurring Opinion in the Case of Gonzales Lluy et al. v. Ecuador (1 September 2015) // Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 298; Vio Grossi, E. Partially Dissenting Opinion in the Case of Lagos del Campo v. Peru (31 August 2017) // Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 340.

[669] Vio Grossi, E. Partially Dissenting Opinion in the Case of Lagos del Campo v. Peru (31 August 2017) // Inter-American Court of Human Rights. – Series C No. 340. Paras 141-144.

[670] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights). Para 45. [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

конвенции 1998 г.[671] На базе Эскасусского соглашения был создан контрольный механизм – Эскасусский комитет с квазисудебными функциями, деятельность которого будет подробно рассмотрена ниже.

После принятия Судом консультативного заключения встал вопрос о его легитимности: не будут ли государства выступать против, учитывая существенные изменения первоначального запроса Судом и неожиданное появление нового права в «межамериканском каталоге прав»; будут ли цитировать правовые позиции в межамериканской системе и в других международных судах?

Первым экологическим делом, которое рассматривалось в Межамериканском суде по правам человека после принятия консультативного заключения 2018 г., стало дело «*Коренные сообщества Ассоциации Лхака Хонхат против Аргентины*» (*далее* – «*Лхака Хонхат против Аргентины*»)[672]. При его рассмотрении Суд применил некоторые правовые позиции, разработанные в консультативном заключении 2018 г. в отношении права на жизнь и личную неприкосновенность и права на здоровую окружающую среду, в связи с чем дело представляет особый интерес, особенно в контексте внутреннего «раскола» в рамках судебного состава, о чем мы скажем чуть позднее. Само дело примечательно по целому ряду аспектов (в том числе в связи с защитой прав коренных народов)[673], но в рамках настоящего исследования мы

---

[671] Солнцев А. М. Соглашение Эскасу как новый этап в развитии механизмов защиты экологических прав человека в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 146-161.

[672] Inter-American Court Decides First Environmental Rights Case against Argentina // International Justice Resource Center. 2020. 8 April [Электронный ресурс]. URL: https://ijrcenter.org/2020/04/08/inter-american-court-decides-first-environmental-rights-case-against-argentina/ (дата обращения: 14.03.2026).

[673] Tigre M. A. Inter-American Court of Human Rights Recognizes the Right to a Healthy Environment / M. A. Tigre // ASIL Insights. 2020. Vol. 24. Issue 14 [Электронный ресурс]. URL: https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/14/inter-american-court-human-rights-recognizes-right-healthy-environment (дата обращения: 14.03.2026); *de Moerloose* S. The Lhaka Honhat Case of the Inter-American Court of Human Rights: The Long-Awaited Granting of 400,000 Hectares under Communal Property Rights [Электронный ресурс] / S. de Moerloose, C. Ignacio de Casas // EJIL: Talk. 2020. 16 июля. URL: https://www.ejiltalk.org/the-lhaka-honhat-case-of-the-inter-american-court-of-human-rights-the-long-awaited-granting-of-400000-hectares-under-communal-property-rights/ (дата обращения: 14.03.2026); *Cabrera* A. Comentarios a la sentencia de la Corte Interamericana sobre el Caso Lhaka Honhat vs. Argentina [Электронный ресурс] / A. Cabrera, D. Cerqueira, S. Herencia-Carrasco // Justicia en las Américas: Blog de la Fundación para el Debido Proceso. 2020. URL: https://dplfblog.com/2020/04/30/comentarios-a-la-sentencia-de-la-corte-interamericana-sobre-el-caso-lhaka-honhat-vs-argentina/ (дата обращения: 14.03.2022); *Antoniazzi* M. M. Tackling Inequality in Times of Pandemics: Right to Water in the InterAmerican Court of Human Rights / M. M. Antoniazzi, G. C. B. Navarro // Max Planck Institute for

коротко проанализируем суть дела и сделаем акцент на анализе именно международных экологических обязательств и связи с консультативным заключением. Влияние решения на укрепление системы защиты прав коренных народов в Латинской Америке заслуживает отдельного исследования[674] и не входит в предмет нашего исследования.

Межамериканский суд признал Аргентину ответственной за нарушение прав на здоровую окружающую среду, на общинную собственность, культурную самобытность, прав на питание и воду, обязал Аргентину в течение шести лет очистить исконные земли коренных общин от поселенцев и разведенного домашнего скота, восстановить лесные ресурсы, а также передать коренным общинам документ, устанавливающий право коллективной собственности на земли их традиционного проживания. Решение было вынесено Судом 6 февраля 2020 года[675] в контексте реализации статьи 26 Американской конвенции, которую мы уже анализировали выше.

В деле затрагивались вопросы защиты 132 общин коренных народов, насчитывающих более 10 000 человек и проживающих на территории Аргентины, которые входят в Ассоциацию «Лхака Хонхат» (англ.: *Lhaka Honhat Association*; в переводе – Ассоциация «Наша земля»). Они добивались получения в общинную коллективную собственность участка земли площадью 643 000 га, расположенного рядом с границами Парагвая и Боливии. Местонахождение и историческое проживание коренных народов с 1629 г. были подтверждены документами. В основе дела лежит проблема отсутствия делимитации, демаркации и правового титула (права собственности) на исконные земли этих коренных народов.

Comparative Public Law & International Law (MPIL). Research Paper. 2020. No. 2020-30. P. 1-29; *Lima* L. C. The Protection of the Environment before the Inter-American Court of Human Rights: Recent Developments / L. C. Lima // Rivista giuridica dell'ambiente. 2020. Vol. 3. No. 3. P. 495-522.

[674] См. об этой проблеме подробнее: Абашидзе А. Х. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов / А. Х. Абашидзе // Московский журнал международного права. 2004. № 1. С. 55-75.

[675] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso Comunidades indígenas miembros e la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra. Tierra) vs. Argentina. Sentencia de 6 de Febrero de 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

В начале 1900-х годов в рассматриваемом районе начали появляться переселенцы, в том числе креольские общины, устанавливавшие ограждения из колючей проволоки, которые не позволяли свободно перемещаться по территории, а также затрудняли доступ к необходимым ресурсам (в том числе к воде и питанию) для поддержания достаточного уровня жизни аборигенных народов. Эти действия привели также к сокращению лесных ресурсов и биоразнообразия. Более того, Аргентина построила мост для упрощенной связи с соседним государством, который проходил через рассматриваемую землю, без предварительных консультаций с представителями коренных общин (п. 63 решения Суда).

В 1998 г. Ассоциация «Лхака Хонхат» вместе с Центром правосудия и международного права и Центром правовой и социальной защиты подала жалобу в Межамериканскую комиссию по правам человека. Данная жалоба была признана приемлемой в 2006 г. В 2012 г. Комиссия приняла отчет по делу, в котором она определила, что целый ряд прав, закрепленных в Американской конвенции о правах человека, был нарушен, и представила рекомендации аргентинскому государству[676]. Спустя шесть лет, 1 февраля 2018 года, Комиссия передала дело в Суд[677] после того, как Аргентина не выполнила вынесенные Комиссией рекомендации.

Суд подтвердил, что право собственности, в соответствии со статьей 21 Конвенции, защищает права коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, на общинное владение своими землями и что государства обязаны придавать этому праву правовую определенность и гарантировать, что коренные общины могут обладать землей и природными ресурсами. Аргентина не переселила народы с территории, не предложила альтернативного места их проживания, которое подходило бы для ведения традиционного образа жизни, и,

[676] IACHR. Indigenous Communities of the Lhaka Honhat (Our Land) Association v. Argentina. Case No. 12.094. Merits Report No. 2/12 of 26 January 2012. OEA/Ser.L/V/II. Doc. 2 (2012). URL: http://www.oas.org/en/iachr/decisions/court/2018/12094FondoEn.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
[677] IACHR. Comunidades Indígenas Miembros de la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra Tierra) v. Argentina. Case No. 12.094. Letter of Submission to the Inter-American Court of Human Rights, 1 February 2018. URL: http://www.oas.org/es/cidh/decisiones/corte/2018/12094NdeREs.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

более того, не предоставила законного права коллективной собственности для продолжения ведения хозяйства (п. 99 решения)[678]. Суд пришел к выводу, что Аргентина нарушила право собственности (ст. 21) и право на участие общественности в управлении государством (ст. 23), закрепленные в Американской конвенции, не приняв на национальном уровне необходимые нормативные акты и не внедрив механизмы для проведения свободных предварительных консультаций с соответствующими представителями коренных народов, позволявших дать информацию, получить их согласие, а также выслушать позицию самих общин (п. 173 решения).

К тому же Суд установил, что государства обязаны предотвращать вред, наносимый окружающей среде, и, когда невозможно это сделать, осуществлять меры, которые восстановят ситуацию в том виде, в каком она существовала до причинения вреда (п. 202 решения).

Опираясь на региональные и универсальные стандарты в области прав человека, Суд пришел также к выводу, что право на питание может вытекать из статьи 26 Американской конвенции о правах человека и что государства обязаны уважать и гарантировать это право, а также не допускать его нарушения третьими сторонами. Аналогичным образом Суд заявил, что право на доступ к воде вытекает из той же статьи Конвенции, и постановил: государства обязаны гарантировать доступ к воде как путем постепенного осуществления этого права, так и путем принятия незамедлительных мер по обеспечению того, чтобы доступ к воде обеспечивался повсеместно и предоставлялся на недискриминационной основе (п. 210 решения)[679]. И вот мы подошли к важнейшему для нас пункту – Суд снова встал на путь расширительного толкования статьи 26 Американской конвенции; тенденция была продолжена.

Кроме того, Суд заявил, что государства должны принимать необходимые меры и проводить политику для осуществления того, чтобы все лица могли

---

[678] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso Comunidades indígenas miembros e la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra. Tierra) vs. Argentina. Sentencia de 6 de Febrero de 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
[679] Там же.

реализовывать право на культурную самобытность, а также обеспечивать средства по защите этого права и предотвращению вмешательства третьих сторон (п. 231 решения)[680].

Суд установил, что деятельность, которую начали осуществлять переселенцы на затрагиваемой территории (главным образом разведение домашнего скота, незаконные лесозаготовки и ограждение колючей проволокой) оказали негативное влияние на коренных народов, населяющих этот район, а впоследствии и вовсе изменили их образ жизни (п. 273 решения). В связи с этим Суд постановил (п. 272 решения), что государственные меры, механизмы и инструменты были неэффективны для предотвращения причинения вреда коренным общинам, и указал, что государство не гарантировало права коренных общин на здоровую окружающую среду, культурную самобытность, питание и воду в соответствии со статьей 26 Американской конвенции.

Наконец, Суд постановил, что Аргентина нарушила право на судебную гарантию рассмотрения спора в разумные сроки в соответствии со статьей 8.1 Конвенции в отношении национального процесса, касающегося выделения земельных участков. Суд счел, что семилетний процесс в национальных судах был затянут (п. 294 решения)[681].

Суд квалифицировал инструменты по правам человека как «живые инструменты», которые изменяются с течением времени. Основываясь на этом, он придал новое звучание правам человека, вытекающим из статьи 26 Американской конвенции, которая требует от государств принятия мер для достижения полной реализации прав, изложенных в Конвенции. Это было первое дело в истории Суда о правах на здоровую окружающую среду, достаточное питание, воду и участие в культурной жизни, а также о последствиях их реализации и особенностях в рамках осуществления прав коренных народов. Суд в значительной степени опирался на свое толкование права на здоровую

[680] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso Comunidades indígenas miembros e la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra. Tierra) vs. Argentina. Sentencia de 6 de Febrero de 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
[681] Там же.

окружающую среду, закрепленное в консультативном заключении 23/17 от 2018 г., которое мы анализировали выше. В частности, Суд указал, что право на здоровую окружающую среду «должно быть включено в число прав, защищенных статьей 26 Американской конвенции», учитывая обязательство государств добиваться «всестороннего развития» своих народов, вытекающее из статей 30, 31, 33 и 34 Конвенции[682]. Право на здоровую окружающую среду «представляет собой универсальный интерес», «является основополагающим правом для существования человечества», а также «выступает как самостоятельное право, защищает компоненты окружающей среды, такие как леса, моря, реки, и другие элементы окружающей среды». Речь идет о защите природы не только из-за ее полезности и воздействия на человека, но и из-за важности для других живых организмов, которые населяют планету. Как и в консультативном заключении 2018 г., Суд указал на готовность принять и поддержать тенденцию признания прав природы. Он недвусмысленно признал защиту природы из-за ее важности для других живых организмов, а не из-за ее «полезности» или «воздействия» на человека. Тем не менее экологический ущерб может вызвать нарушение других прав человека[683].

Межамериканский суд в своем решении отразил положение, зафиксированное в консультативном заключении 2018 г., отметив, что право на здоровую окружающую среду требует не только обязательства уважать его, но и обязательства гарантии соблюдения, предусмотренной в пункте 1 статьи 1 Конвенции, поскольку одним из способов обеспечения соблюдения является предотвращение нарушений[684]. Эта обязанность по гарантии проецируется на частную сферу, чтобы предотвратить нарушение третьими сторонами. Обязанность включает в себя все те юридические, политические,

---

[682] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Opinión consultiva OC-23/17 de 15 de noviembre de 2017. Solicitada por la República de Colombia. Derechos humanos y medio ambiente. (Obligaciones estatales en relación con el medio ambiente en el marco de la protección y garantía de los derechos a la vida y a la integridad personal – interpretación y alcance de los artículos 4.1 y 5.1, en relación con los artículos 1.1 y 2 de la convención americana sobre derechos humanos). Para 57 [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[683] Там же. Paras 59, 62, 64.

[684] Para 117.

административные и культурные меры, которые способствуют защите прав человека и обеспечивают эффективное рассмотрение возможных нарушений прав человека как незаконных фактов. В этой связи Суд указал, что в ряде случаев государства должны создавать адекватные механизмы для надзора и контроля определенных видов деятельности, чтобы гарантировать права человека, защищая их от деструктивных действий государственных структур, а также частных лиц[685]. Обязательство предотвращать «является средством или поведением, и его несоблюдение не подтверждается простым фактом нарушения права»[686]. Поскольку это указание применяется ко всем правам в Американской конвенции, то логично, что оно относится также к праву на достаточное питание, воду и участие в культурной жизни.

Международное экологическое бязательство государств принимать необходимые меры по предотвращению ущерба окружающей среде естественным образом возникает из-за того, что зачастую невозможно восстановить ситуацию после нанесения ущерба. В соответствии с обязанностью предотвращения Суд указал, что «государства обязаны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства и не допустить, чтобы деятельность, осуществляемая под его юрисдикцией, наносила значительный ущерб… окружающей среде». Это обязательство должно выполняться в соответствии со стандартом *due diligence*, который должен быть уместным и пропорциональным

---

[685] Case of Ximenes Lopes v. Brazil. Merits, Reparations and Costs: judgment of 4 July 2006 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. No. 149. Paras 86, 89-99. San José: IACtHR, 2006; Case of I.V. v. Bolivia. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 30 November 2016 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. No. 329. Paras 154-208. San José: IACtHR, 2016; Case of Ramírez Escobar et al. v. Guatemala. Merits, Reparations and Costs: judgment of 9 March 2018 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. No. 351. Para 355. San José: IACtHR, 2018.

[686] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights) Para 118. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026). Интересно отметить, что Африканская комиссия истолковала природу права на здоровую окружающую среду в том же духе: «В рамках защиты прав человека государства должны принимать разумные меры для предотвращения загрязнения и деградации окружающей среды, содействия сохранению и обеспечению разработки и использования экологически устойчивых природных ресурсов» (Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) v. Nigeria (Ogoni Case): decision of 27 October 2001 // African Commission on Human and Peoples' Rights. Communication № 155/96. 15th Annual Activity Report. Banjul: ACHPR, 2002.).

степени риска экологического ущерба. Суд представил несколько примеров того, как выполнять обязанность проявлять должную осмотрительность в отношении потенциально вредной деятельности. В качестве обязательных шагов при выполнении такой обязанности выступают: нормативное регулирование; контроль и надзор; требование проведения ОВОС; составление планов действий в чрезвычайных ситуациях; смягчение последствий экологического ущерба[687].

Эта *обязанность предотвращать* особенно хорошо отражена в решении по рассматриваемому делу. Суд указал государству на необходимость: «подготовить исследование, определяющее действия, которые следует/требуется предпринять для сбережения воды, а также для предотвращения и устранения ее загрязнения; гарантировать постоянный доступ к питьевой воде; предотвращать продолжающуюся утрату или уменьшение лесных ресурсов и добиваться их восстановления»[688].

При рассмотрении отдельных прав человека, которые могут быть затронуты экологическим ущербом, Суд отметил, что это «может происходить с большей интенсивностью у определенных групп, находящихся в уязвимом положении», к числу которых относятся и коренные народы. Следовательно, «согласно международным нормам права прав человека, государства юридически обязаны действовать в соответствии с принципом равенства, а не дискриминации»[689].

Здесь же стоит упомянуть и право на доступ к воде, которое прямо не зафиксировано в Американской конвенции, но вытекает из ее статьи 26. Судом отмечается, что право на доступ к воде связано с другими правами,

---

[687] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Opinión consultiva OC-23/17 de 15 de noviembre de 2017. Solicitada por la República de Colombia. Derechos humanos y medio ambiente. (Obligaciones estatales en relación con el medio ambiente en el marco de la protección y garantía de los derechos a la vida y a la integridad personal — interpretación y alcance de los artículos 4.1 y 5.1, en relación con los artículos 1.1 y 2 de la convención americana sobre derechos humanos). Para 208 [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[688] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso Comunidades indígenas miembros e la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra. Tierra) vs. Argentina. Sentencia de 6 de Febrero de 2020. Para 370 (item 12) [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

[689] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Opinión consultiva OC-23/17 de 15 de noviembre de 2017. Solicitada por la República de Colombia. Derechos humanos y medio ambiente. (Obligaciones estatales en relación con el medio ambiente en el marco de la protección y garantía de los derechos a la vida y a la integridad personal — interpretación y alcance de los artículos 4.1 y 5.1, en relación con los artículos 1.1 y 2 de la convención americana sobre derechos humanos). Para 142 [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

подчеркивается важность «обеспечения устойчивого доступа к водным ресурсам в сельскохозяйственных целях для осуществления права на питание». В том же духе Суд уже указал, что «право на воду» (а также право на питание) «относится к числу прав, особенно уязвимых в контексте защиты экологических прав».

Суд подчеркнул важность права на участие в культурной жизни и права на культурную самобытность (ст. 30, 45f, 47 и 48 Устава ОАГ), которые также содержатся в консультативном заключении 2018 г., откуда вытекает обязательство государств обеспечивать, чтобы населяющие территорию Аргентины народы стремились достичь всеобъемлющего развития. Необходимо включение и расширение участия различных слоев населения государств (как сельского, так и городского) в культурной жизни, чтобы добиться полной интеграции общества; сохранения и обогащения культурного наследия американских народов.

Суд обязал государство принять различные меры по возмещению ущерба, а именно: разграничить и предоставить единый коллективный статус для коренных общин, входящих в Ассоциацию «Лхака Хонхат»; активизировать перемещение креольского населения за пределы рассматриваемой территории с помощью конкретных механизмов, которые способствуют прежде всего добровольному перемещению этого населения; убрать заборы и скот креольских поселенцев с земель коренных народов; воздерживаться от совершения действий, проведения работ или мероприятий на территории коренных народов; принять законодательные и/или другие меры для обеспечения правовой определенности права собственности в рамках существующего законодательства о признании собственности коренных народов за всеми общинами в Аргентине; представить исследование, в котором проанализированы проблемы отсутствия доступа к питьевой воде и питанию, и план действий по решению этих проблем[690].

[690] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso Comunidades indígenas miembros e la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra. Tierra) vs. Argentina. Sentencia de 6 de Febrero de 2020. Para 370 (item 12) [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

В целом решение создает важный «прецедент», поскольку впервые Суд проанализировал права на здоровую окружающую среду, достаточное питание, воду и культурную самобытность и постановил реализовать конкретные меры по восстановлению этих прав, включая действия по обеспечению доступа к воде и питанию, по восстановлению лесных ресурсов и культуры коренных народов. И хотя эти права отсутствуют в Американской конвенции, а Суд опирался на статью 26 о прогрессивном развитии и неоднократно ссылался на правовые позиции консультативного заключения 2018 г., Суд впервые установил стандарты в отношении права на воду, питание и здоровую окружающую среду. Кроме того, это решение знаменует собой важную веху в борьбе коренных народов за свои права, поскольку это первый случай, когда вынесено судебное решение по наследственной собственности в Аргентине, то есть решение по территориальному спору такого масштаба.

Решение о том, что аргентинское государство несет ответственность за нарушение прав на участие в культурной жизни, культурной самобытности, здоровую окружающую среду, питание и воду, поддержали три судьи (включая Председателя, что определило исход дела). В то же время три судьи (Эдуардо Вио Гросси (Чили), Умберто Антонио Сьерра Порто (Колумбия) и Рикардо Перес Манрике (Уругвай)) проголосовали против[691].

Стоит отметить, что судьи Э. Вио Гросси и У. А. Сьерра Порто уже выражали особое мнение при вынесении консультативного заключения и здесь они опять выступили против появления новых автономных прав, не зафиксированных напрямую в Конвенции и Сан-Сальвадорском протоколе[692].

Судья Сьерра Порто выступил против выделения экологических прав в отдельную группу в данном контексте. По его мнению, создаваемый прецедент

[691] При этом отметим, что двое из этих судей (Вио Гросси и Сьерра Порто) голосовали против и при принятии консультативного заключения.

[692] Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso Comunidades indígenas miembros e la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra. Tierra) vs. Argentina. Sentencia de 6 de Febrero de 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

не отвечает основным антропологическим и социологическим основам, которые выражают особенности коренного и племенного населения.

Судья Вио Гросси также выразил особое мнение относительно нескольких положений решения. Он отметил, что в документах нет достаточных доказательств того, что истцы выполнили требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты, ограничившись утверждением, что судебные процессы были чрезмерно затянуты. Кроме того, он отметил, что не существует договора или иного документа, заключенного или сформулированного в связи с принятием Конвенции, который касался бы ее толкования, а также не существует соглашения или последующей практики со стороны ее государств-участников, отражающих толкование. Поэтому неприемлемо, что под предлогом отсутствия так называемого подлинного толкования Конвенции смысл и сфера ее применения определялись Судом вне рамок и даже в противоречии с договоренностями, достигнутыми его государствами-участниками, что в данном случае касается предполагаемых нарушений прав на культурную самобытность, здоровую окружающую среду, достаточное питание и воду и в целом других экономических, социальных и культурных прав. Суд не должен «обновлять» их смысл по своему усмотрению.

Относительно вышеупомянутого консультативного заключения судья указал, что оно является вспомогательным источником международного права и, следовательно, никоим образом не указывает на то, что предполагаемые нарушения прав должны или могут быть рассмотрены Судом.

Отдельно им был упомянут и Сан-Сальвадорский протокол 1988 г., который, по его мнению, был принят, поскольку на дату его подписания экономические социальные и культурные права не были столь развиты и включены в Конвенцию. В отношении прав, признаваемых Сан-Сальвадорским протоколом, судья Вио Гросси отметил, что государства-участники обязуются постепенно принимать меры, обеспечивающие их полное осуществление (ст. 6.2, 10.2, 11.2 и 12.2).

Судья Рикардо Перес Манрике, представитель Уругвая, в своем особом мнении разделил инициативу развития содержания рассматриваемой группы прав, однако все-таки проголосовал против решения об утверждении автономности новых прав. Он указал, что нецелесообразно выделять самостоятельное и отдельное нарушение прав на культурную жизнь, здоровую окружающую среду, достаточное питание и воду в связи со статьей 26 Конвенции. Более рациональным, по его мнению, представляется заявить о нарушении статьи 21 во взаимосвязи со статьей 26 и пунктом 1 статьи 1 Конвенции, что позволило бы избежать разделения анализа права общинной собственности и других прав и вместо этого подчеркнуло бы взаимозависимость и неделимость собственности (земли) и гарантий общин коренных народов «на здоровую окружающую среду, достаточное питание, воду и культурную самобытность» (представляется, что Манрике здесь выводит концепцию «параллелизма» прав). «Параллельный» анализ прав позволил бы Суду расширить сферу охвата и содержание обязательств по делу, подчеркнув взаимозависимость и неделимость прав[693].

Дело «*Лхака Хонхат против Аргентины*» является первым делом, в котором Суд прямо зафиксировал наличие нескольких не предусмотренных Конвенцией автономных прав человека (право на питание, на доступ к воде и право на культурную самобытность) и подтвердил вслед за консультативным заключением наличие права человека на здоровую окружающую среду. Критика расширительного толкования статьи 26 Конвенции, присутствующая в мнениях трех судей, проголосовавших против, демонстрирует трещину внутри Суда. Однако, с другой стороны, «ящик Пандоры» уже был открыт в консультативном заключении, и Суду странно было бы кардинально изменить свою позицию два года спустя. Более того, следует отметить вслед за Л. Лима, что «статья 26

[693] Voto parcialmente disidente del juez Ricardo C. Pérez Manrique a la sentencia de 6 de febrero de 2020 de la Corte Interamericana de Derechos Humanos en el caso comunidades indígenas miembros de la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra Tierra) vs. Argentina. Para 7. [Электронный ресурс]. URL: https://summa.cejil.org/entity/u1ybp1knke?file=1586345130965fnq7r9nax0v.pdf (дата обращения:29.07.2025).

подтверждает квазизаконодательную функцию консультативного заключения Суда по вопросам окружающей среды»[694].

Кроме того, стоит отметить, что Аргентина не представила предварительного возражения, оспаривая юрисдикцию Суда в отношении возможности рассмотрения вопроса об автономном нарушении права на здоровую окружающую среду.

Это также первый случай, когда статья 26 Американской конвенции была признана нарушенной в процессе защиты прав коренных народов и общин, ведущих племенной образ жизни. Это позволит коренным народам региона получить более широкий доступ к правосудию и целостное ви́дение защиты своих прав, что особенно важно для уязвимых групп региона, которые по-прежнему проживают в условиях нищеты и страдают от «исторической несправедливости», имея не только физическую зависимость от ресурсов, находящихся на их территории, но и духовную взаимосвязь с ней.

К негативным тенденциям, на наш взгляд, можно отнести тот факт, что в решении ничего не говорится про Эскасусское соглашение. Так, тем самым в Латинской Америке формируются два режима по защите экологических права человека, что может способствовать фрагментации. Сходную ситуацию мы можем наблюдать сейчас в Европе, где наравне с Европейским судом по правам человека действует Орхусский комитет по контролю за выполнением государствами обязательств по Орхусской конвенции 1998 г.[695]

Проанализированные консультативное заключение 2018 г. и решение 2020 г., принятые Межамериканским судом, а также позиции отдельных судей и отсутствие негативной реакции государств на эти заключение и решение показывают важность и сложность развития концепции международных экологических обязательств как для международного экологического права и

---

[694] Lima L. C. The Protection of the Environment before the Inter-American Court of Human Rights: Recent Developments / L. C. Lima // Rivista giuridica dell'ambiente. 2020. Vol. 3. No. 3. P. 518.

[695] Samvel G. Non-Judicial, Advisory, Yet Impactful? The Aarhus Convention Compliance Committee as a Gateway to Environmental Justice / G. Samvel // Transnational Environmental Law. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 211-238.

международного права прав человека, так и, в частности, для межамериканской системы защиты прав человека.

Императив сегодняшнего дня взывает к интеграции государств в сфере защиты и сохранения экологической безопасности. Хотелось бы отметить важную общемировую тенденцию: пока государства не проявляют готовности к углублению экологического сотрудничества, в том числе путем создания универсальной конвенции по защите экологических прав человека или созданию дополнительных протоколов к Европейской конвенции по правам человека или к Пакту Сан-Хосе, активность в этой сфере берут на себя именно международные судебные и квазисудебные органы при молчаливом согласии государств. Известный британский юрист А. Бойл емко выразил эту тенденцию формулой *'legislate or litigate'*.[696]

Осуществляя свои функции, в том числе путем вынесения консультативных заключений, Межамериканский суд активно формирует в регионе единообразную культуру прав человека, что рядом ученых квалифицируется как «конституциализация» межамериканского права прав человека. Как отмечает Дж. М. Паскуалуччи, «посредством своей консультативной юрисдикции Суд внес значительный вклад в повышение единообразия и последовательности толкований материальных и процессуальных положений Конвенции и других договоров по правам человека. Он также дал судебное подтверждение основополагающим, но дискуссионным концепциям права прав человека»[697].

Один из самых важных аспектов консультативного заключения ОС-23/17 – это вывод Суда о том, что в отношении крупномасштабных трансграничных инфраструктурных проектов государства – участники Конвенции могут осуществлять экстерриториальную юрисдикцию при определенных условиях и обстоятельствах и нести ответственность за нарушение экологических прав. Еще одним важным выводом Суда является то, что статья 26 Американской

---

[696] Boyle A. Progressive Development of International Environmental Law: Legislate or Litigate? / A. Boyle // German Yearbook of International Law. 2021. Vol. 62. No. 1. P. 305-333.

[697] Pasqualucci J. M. The Practice and Procedure of the Inter-American Court of Human Rights / J. M. Pasqualucci. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 80.

конвенции, которая предусматривает постепенную реализацию экономических, социальных и культурных ценностей, включает автономное право на здоровую окружающую среду. Наконец, Суд напрямую связал права на жизнь и личную неприкосновенность с основными принципами международного экологического права в рамках обязательства должной осмотрительности.

Таким образом, государства-участники имеют экологические обязательства в соответствии со статьей 26 Конвенции и в случае их несоблюдения могут быть привлечены к ответственности в рамках межамериканской системы защиты прав человека. Впервые в истории межамериканской системы индивид или группа может подать иск о нарушении права на здоровую окружающую среду, о чем до сих пор не смогли договориться в Европейском суде по правам человека.

Широкое толкование статьи 26 Конвенции, включение международных стандартов по охране окружающей среды, применение этих стандартов при рассмотрении обращений ведут к тому, что Межамериканский суд играет выдающуюся роль в качестве суда по правам человека с экологической юрисдикцией. Более того, после решения по делу «*Лхака Хонхат против Аргентины»* каталог прав еще больше расширился, и Суд прямо зафиксировал наличие нескольких не предусмотренных Конвенцией автономных прав человека (право на питание, на доступ к воде и право на культурную самобытность) и подтвердил вслед за консультативным заключением наличие права человека на здоровую окружающую среду.

«Экологизация» деятельности Суда будет иметь последствия как внутри системы, так и для национальных законодательств государств-членов. Так, возможно, Межамериканская комиссия будет более внимательна к «экологическим» жалобам, чем ранее (например, в 2003 г. Комиссия отклонила требование от имени всех граждан Панамы о защите природного заповедника как недопустимое [698]).

[698] IACHR. Metropolitan Nature Reserve v. Panama. Case no. 11.533: report No. 88/03 (22 October 2003).

Кроме того, важно отслеживать реакцию государств, различных латиноамериканских акторов на прямую защиту экологических и других социальных прав в судебном порядке. Это может иметь особое влияние на авторитет Суда, а также на легитимность и эффективность его решений. Пока мы не видим, чтобы государства сопротивлялись решениям, основанным на расширенном толковании статьи 26 Американской конвенции. Не наблюдается и жестких критических реакций в доктрине. Будущее рассмотрение Межамериканским судом дел по защите экологических, а также экономических, социальных и культурных прав поможет выявить пределы толкования статьи 26, если таковые имеются, чтобы Суд по своему усмотрению бесконтрольно не расширял круг гарантируемых Американской конвенцией прав человека, опираясь на апробированный Европейским судом по правам человека принцип «конвенция – живой инструмент».

Представляется, что описанная практика Суда повлияет не только на дальнейшую практику межамериканской системы защиты прав человека, но и на практику других международных судов и квазисудебных органов. Так, например, Комитет ООН по правам человека в решении по делу *«Teitiota v. New Zealand»*[699] уже процитировал проанализированное выше консультативное заключение[700], что говорит о легитимизации подхода Межамериканского суда.

В итоге можно констатировать следующее. Межамериканский суд разработал также систему гарантий, применяемых, когда государство рассматривает вопрос об одобрении проектов в области развития или инвестиционных проектов, которые могут препятствовать осуществлению коренными народами своих прав. В таких случаях, чтобы гарантировать выживание затрагиваемых народов, от государства требуется: провести

---

[699] Ioane Teitiota v. New Zealand: document CCPR/C/127/D/2728/2016 of 7 January 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org/cases,HRC,5e26f7134.html (дата обращения: 14.03.2022). Подробнее см.: Солнцев А. М. Приоткрывая ящик Пандоры: анализ мнения Комитета по правам человека о «климатических» беженцах 2020 года / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2020. № 3 (35). С. 41-54.

[700] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights). Para 47 [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

независимые экологические и социальные оценки; обеспечить надлежащие схемы распределения выгод; провести результативные и приемлемые с культурной точки зрения консультации, а также в некоторых случаях получить свободное и предварительно обоснованное согласие. Данные гарантии, несомненно, помогают прояснить связь между правами человека и окружающей средой. Одновременно с этим для осуществления таких гарантий требуются дальнейшие руководящие указания.

Разрешение экологических споров в Африканской системе защиты прав человека. Еще в середине 1970-х годов считалось, что экологические проблемы затрагивают преимущественно население развитых стран, которое было чрезвычайно обеспокоено ухудшением качества среды обитания. Но по мере того, как на рубеже 1970–1980-х годов острота мировой социально-экологической ситуации «перемещалась» в развивающиеся регионы, проблемы сохранения биосферы становились все более актуальными и в африканских странах[701].

Проблемы взаимодействия общества и природы существовали всегда. Однако их взаимовлияние носило локальный характер. Во второй половине XX в. отдельные изменения в природных системах стали перерастать в глобальные. Деградация природной среды африканского континента идет по нескольким направлениям: обезлесение; опустынивание пастбищных земель; эрозия почв; загрязнение земель и водоемов отходами промышленности, производства и потребления; заражение колодцев и других источников питьевой воды химическими удобрениями, используемыми в сельском хозяйстве; изменение растительного покрова, влекущее за собой обеднение флоры и фауны; снижение численности многих промысловых зверей, птиц, рыб и рептилий, промысловых беспозвоночных; захоронение опасных отходов (в том числе радиоактивных) развитыми странами на территории Африки;

[701] См.: Дрейер О. К. Глобальные проблемы и «третий мир» (Общемировые и региональные процессы развития) / О. К. Дрейер, Б. В. Лось, В. А. Лось. М.: Наука, 1991. 287 с.

злоупотребления при распоряжении природными ресурсами во время вооруженных конфликтов[702].

Развитые государства, которые переносят свои промышленные производства на территорию развивающихся стран Африки не несут за это ответственности по международному праву. Кроме того, развивающиеся страны ожидают, что корпорации и государства, которым эти ТНК принадлежат, будут оказывать непосредственное влияние на формирование благоприятного внешнеэкономического климата. А он, в свою очередь, позволит минимизировать неизбежные противоречия между интересами интенсивного экономического роста и проблемой охраны окружающей среды. На деле же получается наоборот: развитые страны со своими ТНК приносят также экологические катастрофы в Африку, о чем говорит и практика африканских механизмов защиты прав человека.

На этом континентальном (панафриканском) уровне Африканская комиссия по правам человека и народов (далее – Комиссия) и Африканский суд по правам человека и народов (далее – Африканский суд) образуют два важных механизма урегулирования споров, которые выносят решения по вопросам, связанным, в частности, с охраной окружающей среды. Их юрисдикция *ratione materiae* распространяется на иски, связанные с Африканской хартией прав человека и народов (1981)[703].

Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 26.06.1981) – региональный правозащитный договор, вступивший в силу 21 октября 1986 года, – закрепляет широкий спектр как социально-экономических, так и гражданских прав, а также ряд обязанностей человека. Среди международных договоров в области прав человека лишь в Африканской хартии провозглашаются коллективные экологические права, а именно право народов «на общий удовлетворительный уровень окружающей среды,

[702] См.: Naldi G. J. The organization of African Unity. An analysis of its role / G. J. Naldi. 2nd ed. London: Mansell, 1999. P. 213.
[703] African Charter on Human and Peoples' Rights (Nairobi, 27 June 1981) // United Nations Treaty Series 1520 (217).

благоприятствующий их развитию» (ст. 24). Отметим, во-первых, что здесь речь идет о коллективных, а не индивидуальных правах, а, во-вторых, акцент все же делается скорее на промышленном развитии, нежели на благоприятном уровне окружающей среды. Индивидуальные же экологические права Африканская хартия защищает также через расширительное толкование права на на здоровье (ст. 16). Так, в деле против Заира Африканской комиссией по правам человека и народов было установлено, что невозможность государства обеспечить такие базовые услуги, как доступ к чистой питьевой воде, говорит о нарушении статьи 16 Хартии[704].

Механизм выполнения международных обязательств, вытекающих из Хартии – рассмотрение докладов государств о ее выполнении и заявлений о ее нарушениях – осуществляет созданная согласно Хартии Африканская комиссия по правам человека и народов. Комиссия была создана в 1987 г. в качестве квазисудебного органа для рассмотрения нарушений прав человека, перечисленных в Хартии. Решения Комиссии, принимаемые в соответствии со статьей 30 Хартии, являются необязательными рекомендациями. Однако они влияют на толкование Хартии на континентальном и субрегиональном уровнях. Более 15 лет Комиссия работала одна. В 1998 г. был принят и в 2004 г. вступил в силу Протокол к Африканской Хартии, в соответствии с которым был учрежден Африканский суд по правам человека и народов. 15 декабря 2009 года Суд вынес свое первое решение[705]. Вместе с тем тенденция такова, что африканские государства предпочитают Африканскую комиссию, а полномочия Африканского суда в отношении рассмотрения индивидуальных жалоб признают всего семь из 55 государств континента[706]. Взаимоотношения между двумя органами сложны, но, по сути, Суд был учрежден для

[704] См. Сообщения 25/89, 47/90, 56/91 и 100/93.
[705] Judgment in the matter of Michelot Yogogombaye v. the Republic of Senegal: application No. 001/2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.african-court.org (дата обращения: 01.06.2026).
[706] Протокол об учреждении Суда ратифицировали 34 из 55 государств – членов Африканского союза (АС). Однако только семь из этих государств сделали заявление в соответствии со статьей 34(6) о признании юрисдикции Суда по рассмотрению дел от частных лиц и НПО. Причем изначально таких заявлений было 12, но пять государств отозвали свои ратификации [Электронный ресурс]. URL: https://www.african-court.org/wpafc/declarations/ (дата обращения: 01.08.2026).

дополнения мандата Комиссии. Комиссия имеет полномочие передавать дела на рассмотрение Африканского суда. Фактическая и потенциальная роль как Комиссии, так и Африканского суда в реализации и толковании права на здоровую окружающую среду показывает, что Организация африканского единства (ОАЕ) и ее преемник Африканский союз (АС) не ограничились разработкой набора основных положений, касающихся окружающей среды. Они также разработали в определенной степени процессуальные инструменты для обеспечения эффективной защиты окружающей среды. Такой четкий баланс между основными положениями и процессуальными положениями необходим для улучшения сохранения окружающей среды в Африке. Таким образом, ОАЕ и АС создали благодатную почву для развития международного экологического права, развития международных экологических обязательств.

Важно отметить, что в *Протоколе к Африканской Хартии о правах женщин* («Протокол Мапуту») 2003 г. в пункте 1 статьи 18 «Право на здоровую и благоприятную окружающую среду» говорится: «Женщины должны иметь право жить в здоровой и благоприятной окружающей среде»[707].

Важное значение для соблюдения экологических прав имеет *Африканская конвенция по сохранению природы и природных ресурсов 1968 г.* (вступила в силу 16 июня 1969 года). При этом стоит отметить, что 11 июля 2003 года была принята пересмотренная версия Африканской конвенции по сохранению природы и природных ресурсов, которая вступила в силу 23 июля 2016 года[708]. Конвенцию подписали 45 государств, а ратифицировали всего 17[709]. В новой Конвенции напрямую зафиксированы экологические права: право народов на

[707] Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке (Протокол Мапуту) (Мапуту, 11 июля 2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/shestandsforpeace/sites/www.un.org.shestandsforpeace/files/protocolontherightsofwomen.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[708] Revised African Convention on the Conservation of Nature and Natural Resources (2003) [Электронный ресурс]. URL: https://au.int/en/treaties/african-convention-conservation-nature-and-natural-resources-revised-version (дата обращения: 01.06.2026).

[709] List of countries which have signed, ratified/acceded to the Revised African Convention on the conservation of nature and natural resources [Электронный ресурс]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/41550-sl-REVISED_AFRICAN_CONVENTION_ON_THE_CONSERVATION_OF_NATURE_AND_NATURAL_RESOURCES.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

благоприятную окружающую среду (ст. 3), процессуальные экологические права (ст. 16).

В рамках африканской системы защиты прав человека было вынесено три особо значимых решения по экологическим вопросам (в Комиссии два дела о коренных народах (*«О нарушении прав народа огони в Нигерии»* (2001) и «*Сообщество индороис» (2010)), а* в Суде – дело *«Ивуарийская лига по правам человека и другие против Кот-д'Ивуара»* об отходах), и сейчас Африканский суд по правам человека и народов работает над вынесением консультативного заключения по климатическим вопросам. Рассмотрим три принятых решения подробнее.

Дело «О нарушении прав народа огони в Нигерии». В 2001 г. Африканская комиссия по правам человека и народов, в соответствии со статьей 55 Африканской хартии прав человека и народов[710], завершила рассмотрение сообщения о предполагаемых нарушениях прав проживающего в Нигерии народа огони[711]. Это дело является особо значимым, поскольку при его рассмотрении Комиссия впервые столкнулась со значительными нарушениями экономических, экологических, социальных и культурных прав, которые легли в основу жалобы. Кроме того, при рассмотрении данного сообщения Комиссия следовала устойчивому и динамичному подходу, который способствует лучшей и более эффективной защите экономических, социальных и культурных прав в Африке. Рассмотрим данное сообщение и проанализируем решение Комиссии в контексте применения современных подходов в деле усиления процесса реализации экономических, экологических, социальных и культурных прав.

В марте 1996 г. неправительственные организации Центр содействия защите социальных и экономических прав в Нигерии (Social and Economic Rights Action Centre (SERAC)) и Центр социальных и экономических прав в

---

[710] African Charter on Human and Peoples' Rights (Nairobi, 27 June 1981) // United Nations Treaty Series 1520 (217).
[711] Communication 155/96, The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic, and Social Rights / Nigeria [Электронный ресурс]. URL: http://www.escr-net.org/usr_doc/serac.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

Нью-Йорке (CESR) обратились с жалобой в Африканскую комиссию по правам человека и народов. В жалобе утверждалось, что военное правительство Нигерии имело прямое отношение к деятельности по добыче нефти, осуществляемой государственной нефтедобывающей компанией – Нигерийской национальной нефтяной компанией (Nigerian National Petroleum Company (NNPC)), которая является главным акционером консорциума вместе с компанией (Shell Petroleum Development Corporation (SPDC)). Ее деятельность привела к загрязнению окружающей среды, что ухудшило состояние последней и стало причиной возникновения проблем со здоровьем среди народа огони. В жалобе указывалось на широкомасштабное загрязнение почвы, воды и воздуха, разрушение домов, уничтожение сельскохозяйственных культур и скота, а также ужасную атмосферу, в которой пришлось жить и страдать общинам огони, что явилось нарушением их прав на здоровье, благоприятную окружающую среду, жилье и питание.

В деле «*Народ огони*» Африканская комиссия по правам человека и народов пришла к выводу, что «загрязненная и обезображенная окружающая среда, не может рассматриваться как соответствующая удовлетворительному жизненному уровню и развитию, этот провал концепции экологического равновесия вреден как физическому, так и моральному здоровью»[712]. Также в этом деле Комиссия постановила, что статья 24 Хартии возлагает на государства обязанность принимать разумные меры «для предотвращения загрязнения и экологической деградации с целью содействия сохранению и обеспечения экологически устойчивого развития и использования природных ресурсов»[713]. Это решение уникально тем, что впервые право народов

[712] Ebeku K. S. A. The right to a satisfactory environment and the African Commission / K. S. A. Ebeku // African Human Rights Law Journal. 2003. Vol. 3. No. 1. Para. 51. P. 149-166; Nwobike J. C. The African Commission on Human and Peoples' Rights and the Demystification of Second and Third Generation Rights under the African Charter / J. C. Nwobike // African Journal of Legal Studies. 2005. Vol. 1. No. 2. P. 139.

[713] Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) v. Nigeria: Communication No. 155/96, ACHPR/COMM/A044/1 / African Commission on Human and Peoples' Rights // African Human Rights Law Reports. 2001. Paras. 52–53 [Электронный ресурс]. URL: http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/155-96.html (дата обращения: 29.07.2026). См. также: Shelton D. L. Decision Regarding Communication 155/96 (Social and Economic Rights Action Center/Center for Economic and Social Rights v. Nigeria). Case No. ACHPR/COMM/A044/1 / D. L. Shelton // American Journal of International Law. 2002. Vol. 96. No. 4. P. 937-942.

свободно распоряжаться своими природными ресурсами получило подтверждение в международном судебном органе.

Как отмечалось в первой главе диссертационного исследования, важно уделять внимание постконфликтному урегулированию вопроса. В этой связи отметим, что уже началась практическая деятельность Нигерии по исполнению решения Комиссии. В 2011 г. ЮНЕП представила результаты научных исследований по оценке загрязнений нефтью и их последствий для здоровья и окружающей среды. Эксперты установили, что масштабы трагического наследия нерациональной добычи нефти в этом районе катастрофичны для местного населения. ЮНЕП рекомендовала властям Нигерии предпринять срочные меры для смягчения опасных последствий загрязнения. Летом 2012 г. ЮНЕП приветствовала решение правительства Нигерии приступить к реализации проекта по очистке региона Огонилэнд, загрязненного в связи с добычей нефти. Предполагается, что полное восстановление загрязненной территории может быть осуществлено в течение 25–30 лет[714].

В 2010 г. Африканская комиссия по правам человека и народов в своем другом решении по делу «*Сообщество индороис в Кении*» затронула вопрос о переселении народа индороис с их исконных земель правительством Кении с целью строительства на этой территории спортивных объектов. Африканская комиссия зафиксировала нарушение права на землю данного народа, включая право на свободное распоряжение природными и полезными ископаемыми и признала ответственность правительства Кении за нарушение прав этого народа. Африканская комиссия зафиксировала тот факт, что народ индороис не получил адекватной компенсации или реституции за свои земли. С точки зрения Комиссии, это составляет еще одно нарушение правительством Кении права, закрепленного в Африканской хартии прав человека и народов[715].

---

[714] См.: ЮНЕП поможет Нигерии с восстановлением территорий, пострадавших от добычи нефти [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=17972 (дата обращения: 28.07.2026).

[715] Centre for Minority Rights Development (Kenya) and Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. Kenya, Communication No. 276/2003 // African Commission on Human and Peoples' Rights. 46th Ordinary Session. 4 February 2010.

Таким образом, можно констатировать, что Африканская комиссия по правам человека и народов уделяет особое внимание правам коренных и племенных народов, которые страдают от ухудшения состояния окружающей среды, вызванного добычей полезных ископаемых, и насильственного вытеснения этих народов с их исконных земель[716]. Африканская комиссия конкретизировала значимость права на здоровую окружающую среду, признаваемого Африканской хартией прав человека и народов 1981 г., подчеркнув важность проведения оценки воздействия на окружающую среду и независимой научной экспертизы последствий такой деятельности до начала последней. Африканская комиссия также подробно охарактеризовала право на использование природных ресурсов и право на развитие, сформулировав важные нормы в отношении проведения обстоятельных консультаций и получения свободного и предварительно обоснованного согласия.

В 2023 г. Африканский суд по правам человека и народов вынес первое экологическое решение – решение по делу, связанному с масштабными нарушениями прав человека, обусловленными экологической катастрофой 2006 г. в г. Абиджане (Кот-д'Ивуар)[717]. Инцидент был вызван незаконным сбросом высокотоксичных отходов ТНК 'Trafigura', что привело к долгосрочным негативным последствиям для здоровья свыше 100 000 человек и нанесло значительный ущерб экосистеме региона[718]. Суд установил, что произошедшее подпадает под действие: Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. – в части нарушения права на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду (ст. 4, 16, 24); Африканской конвенции об

---

[716] См., например: Communication 155/96, The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic, and Social Rights / Nigeria [Электронный ресурс]. URL: http://www.escr-net.org/usr_doc/serac.pdf (дата обращения: 01.06.2026); Centre for Minority Rights Development (Kenya) and Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. Kenya, Communication No. 276/2003 // African Commission on Human and Peoples' Rights. 46th Ordinary Session. 4 February 2010.

[717] Ligue ivoirienne des droits de l'homme (LIDHO) and Others v. Republic of Côte d'Ivoire, Application No. 041/2016: judgment of 5 September 2023 // African Court on Human and Peoples' Rights [Электронный ресурс]. URL: https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/64f/ebd/f77/64febdf77f811512395983.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[718] Кебурия К. В защиту прав человека и окружающей среды: Постановление Африканского суда по правам человека и народов от 5 сентября 2023 года по делу Ивуарийская лига по правам человека и другие против Кот-д'Ивуар / К. Кебурия // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 4 (52). С. 17-37.

охране природы и природных ресурсов 2003 г. – в контексте экологического ущерба; Бамакской конвенции о запрете ввоза в Африку опасных отходов 1991 г. – ввиду трансграничного характера инцидента. Несмотря на признание государства в качестве основного субъекта международного права прав человека, Суд детально проанализировал роль ТНК ‘Trafigura’ в контекстах косвенной ответственности за нарушения прав человека через экологические преступления и необходимости разработки механизмов привлечения ТНК к ответственности в рамках международного права. Хотя Суд не уравнял ответственность ТНК с государственной, но подчеркнул пробел в регулировании и потребовал дальнейшего изучения вопроса с целью ужесточения правозащитных инструментов.

Это один из краеугольных камней нашего исследования, поскольку мы в диссертации преимущественно говорим о сложностях выполнения государствами международных экологических обязательств, но не редки случаи, когда колоссальный экологический ущерб наносится именно со стороны ТНК, которые не являются субъектом международного права. В этих случаях нельзя забывать, что у государств есть международные экологические обязательства контролировать деятельность ТНК, зарегистрированных в их юрисдикциях, в части строго исполнения национального экологического законодательства.

В течение последних десятилетий в глобальном масштабе сформировался консенсус относительно значительного объема социальной, экономической и политической власти, сосредоточенной в руках ТНК. Данное обстоятельство закономерно актуализировало проблему обеспечения механизмов привлечения корпораций к ответственности в случаях нарушения прав человека. Решение указанной проблемы требует фундаментального пересмотра традиционной парадигмы, в рамках которой концепция прав человека рассматривается исключительно как инструмент ограничения государственной власти и регуляции действий публичных институтов. Подобный подход, ограничивающий сферу действия прав человека

исключительно государственно-властными отношениями, создает правовой вакуум в отношении деятельности ТНК. Такая ситуация представляется теоретически необоснованной и социально неприемлемой, учитывая доминирующее экономическое влияние и политический вес ТНК в ряде национальных юрисдикций, особенно в государствах, относимых к категории развивающихся.

Большинство судей постановило, что Африканская хартия имеет косвенное горизонтальное применение, в то время как единственный из судий, выразивший несогласие с этой точкой зрения, представитель Демократической Республики Конго Блейз Чикайя продвинул эту тему еще дальше, заявив, что Африканская хартия имеет прямое горизонтальное действие[719].

В научной литературе и правоприменительной практике общепризнанным является тезис о том, что государства традиционно осуществляют надзорные функции в отношении ТНК, реализуемые посредством выдачи лицензий и разрешений на хозяйственную деятельность, а в отдельных случаях – делегируя им отдельные властные полномочия юридического и даже военного характера, что находит свое отражение в прецедентной практике, например в деле *«О народе огони»*[720]. Однако, как следует из решений Африканской комиссии по правам человека и народов, в правоприменительной практике постепенно формируется подход, признающий «косвенную ответственность» корпоративных акторов за нарушения прав человека. Яркой иллюстрацией данного подхода служит дело «*Институт по правам человека и развития и другие против Демократической Республики Конго*»[721], в рамках которого

[719] Dissenting Opinion of Judge Blaise Tchikaya. The Matter of Ligue Ivoirienne des droits de l'homme (LIDHO) and Others v. Côte d'Ivoire. Application 041/2016, Judgment of 5 September 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/650/d64/473/650d644739d6f587166974.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[720] Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) v. Nigeria: Communication No. 155/96, ACHPR/COMM/A044/1 / African Commission on Human and Peoples' Rights // African Human Rights Law Reports. 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/155-96.html (дата обращения: 29.07.2026).

[721] Institute for Human Rights and Development and Others v. Democratic Republic of the Congo. Communication No. 393/10 [Электронный ресурс]. URL: https://www.escr-net.org/caselaw/2018/institute-human-rights-and-development-and-others-v-democratic-republic-congo/ (дата обращения: 01.06.2026).

Комиссия инициировала процедуру прямого обращения к горнодобывающей компании ‘Anvil Mining Company’ с требованием принять на себя ответственность за предполагаемое соучастие в нарушениях прав человека.

В контексте развития «мягкого права» Комиссия предприняла значительные усилия по конкретизации обязательств ТНК в соответствии с положениями Африканской хартии прав человека и народов. Особого внимания заслуживают разработанные Комиссией «*Руководящие принципы и положения по представлению отчетов о деятельности государств по статьям 21 и 24 Африканской хартии, посвященные вопросам регулирования добывающих отраслей, защиты прав человека и экологических стандартов» 2021 г*[722]. В данном документе Комиссия приходит к однозначному выводу о том, что статья 27 Хартии формирует достаточную нормативную базу для признания обязательств ТНК перед истцами, включая как пассивные (негативные) обязательства воздержания от нарушений, так и, в определенных обстоятельствах, активные (позитивные) обязательства по защите прав человека.

Рассматриваемое дело представляет собой знаковый прецедент в развитии доктрины корпоративной ответственности за нарушения прав человека в рамках африканской региональной правозащитной системы. Большинство судей Африканского суда по правам человека и народов пришли к выводу, что ТНК несут обязательства по соблюдению международно-правовых норм, несмотря на то, что основное бремя ответственности за обеспечение прав человека традиционно возлагается на государства-участники. В мотивировочной части решения большинство судей сослалось на «Руководящие принципы ООН о бизнесе и правах человека»[723], подчеркнув, что корпорации обязаны: (1) следовать государственной политике в области

[722] State Reporting Guidelines and Principles on Articles 21 and 24 of the African Charter relating to Extractive Industries, Human Rights and the Environment [Электронный ресурс]. URL: https://achpr.au.int/en/node/845 (дата обращения: 01.07.2026).

[723] Guiding Principles on Business and Human Rights [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_en.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

предотвращения и возмещения ущерба, (2) проявлять должную осмотрительность при оценке последствий своей деятельности и (3) разрабатывать механизмы устранения негативных последствий своих действий. Тем не менее в резолютивной части решения судьи ограничились признанием ответственности государства-ответчика, оставив вопрос о прямой ответственности ‘Trafigura’ в сфере косвенных обязательств.

Особое мнение судьи Чикайи, однако, предложило более прогрессивную интерпретацию, утверждая, что ТНК ‘Trafigura’ должна нести полную ответственность с момента осуществления действий, создающих непосредственную угрозу жизни и экосистемам (в данном случае – с момента транспортировки токсичных отходов)[724]. В своем особом мнении судья обосновал необходимость горизонтального применения положений Африканской хартии, распространяющего позитивные обязательства по защите прав человека на частные корпоративные структуры, особенно в случаях систематических нарушений. Этот подход, основанный на принципах экологического права и концепции горизонтального действия прав человека, выходит за рамки традиционной парадигмы государственно-центричной ответственности, предлагая альтернативную модель подотчетности ТНК[725].

Суд обязал государство-ответчика обеспечить полное возмещение вреда через пять предусмотренных международным правом форм: реституцию – восстановление первоначального состояния окружающей среды; компенсацию – материальное возмещение пострадавшим; сатисфакцию – публичное признание нарушений; реабилитацию – медицинскую и социальную поддержку жертв; гарантии неповторения – принятие превентивных мер. Особое внимание было уделено индивидуализированному

[724] Dissenting Opinion of Judge Blaise Tchikaya. The Matter of Ligue Ivoirienne des droits de l’homme (LIDHO) and Others v. Côte d’Ivoire. Application 041/2016, Judgment of 5 September 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/650/d64/473/650d644739d6f587166974.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[725] Nxumalo Sfiso Benard. Beyond State Responsibility: The Trafigura Case and Corporate Accountability in Africa [Электронный ресурс]. URL: https://ohrh.law.ox.ac.uk/beyond-state-responsibility-the-trafigura-case-and-corporate-accountability-in-africa/ (дата обращения: 01.06.2026).

подходу к компенсациям и структурным реформам для предотвращения подобных инцидентов.

Значение данного решения заключается в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, хотя большинство судей ограничились констатацией ответственности Кот-д'Ивуара, особое мнение Чикайи актуализировало дискуссию о необходимости прямого привлечения ТНК к ответственности в африканском контексте. Во-вторых, отдельное мнение Чикайи подчеркнуло упущенную судебную возможность установить прецедент прямой корпоративной ответственности, особенно учитывая предсказуемость катастрофических последствий действий 'Trafigura'. В-третьих, решение демонстрирует тенденцию к ужесточению стандартов ответственности в рамках Африканской хартии, что свидетельствует о развитии более строгого подхода к регулированию корпоративной деятельности. В-четвертых, это особое мнение подтвердило значимость инструментов «мягкого права», таких как *Руководящие принципы Африканской комиссии по отчетности*, в формировании корпоративных обязательств, тем самым укрепляя аргумент в пользу их использования в дополнение к обязательным договорным механизмам.

Хотя Суд в конечном итоге не признал 'Trafigura' субъектом прямой ответственности, данное дело закладывает правовую основу для будущей судебной практики, способствуя дальнейшему развитию доктрины корпоративной подотчетности в Африке. Особое мнение судьи Чикайи служит важным напоминанием о реальных человеческих и экологических последствиях деятельности ТНК и необходимости формирования более эффективных правовых механизмов их регулирования. Таким образом, дело 'Trafigura' открывает новые перспективы для эволюции африканской системы защиты прав человека в направлении более сбалансированного распределения ответственности между государствами и корпоративными акторами.

Данное решение представляет собой важный прецедент в международном праве ввиду массовости и длительности последствий экологического

преступления, отсутствия эффективных национальных средств правовой защиты для большинства пострадавших и расширенного толкования ответственности негосударственных акторов (ТНК) в сфере прав человека.

Рассмотренное дело демонстрирует эволюцию подходов международных судебных органов к вопросам экологических правонарушений и ответственности ТНК. Решение Африканского суда подчеркивает необходимость дальнейшего развития механизмов подотчетности корпораций и усиления экологических гарантий в рамках региональных и универсальных систем защиты прав человека.

Консультативные заключения Африканского суда по правам человека. Африканский суд активно использует консультативную функцию: за 20 лет его работы было вынесено 15 заключений[726]

2 мая 2025 года было подано знаковое ходатайство в Африканский суд по правам человека и народов по проблеме изменения климата[727]. Ходатайство было инициировано Панафриканским союзом юристов (PALU) при поддержке коалиции влиятельных организаций гражданского общества. Данное обращение, основанное на статье 4 Протокола к Африканской хартии прав человека и народов, требует принципиально нового толкования обязательств государств-участников в контексте глобального климатического кризиса, что представляет собой важную веху в развитии региональной системы защиты прав человека.

Центральным элементом ходатайства является просьба о системном толковании ключевых региональных документов в области прав человека – Африканской хартии прав человека и народов, Мапутского протокола, Кампальской конвенции и Африканской хартии прав и благополучия ребенка

[726] Advisory opinion. African Court on Human and Peoples' Rights [Электронный ресурс]. URL: https://www.african-court.org/cpmt/advisory-finalised (дата обращения: 01.06.2026).

[727] Request for Advisory Opinion. In the Matter of a Request by the Pan-African Lawyers Union (PALU) for an Advisory Opinion on the Obligations of States with Respect to the Climate Change Crisis. Made under Article 4 of the Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights, Rule 82(1) of the Rules of the African Court on Human and Peoples' Rights and All Enabling Provisions of the Law [Электронный ресурс]. URL: https://climatecasechart.com/wp-content/uploads/non-us-case-documents/2025/20250502_99025_petition.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

– через призму их применения к проблематике изменения климата. В обосновании своей позиции заявители приводят убедительные аргументы о том, что климатические изменения создают комплексную угрозу реализации широкого спектра защищаемых прав, в том числе: права на жизнь (ст. 4), права на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 16), права на достаточное питание (ст. 22), права на доступ к воде, права на адекватное жилище, права на развитие, права на достоинство, а также права на благоприятную окружающую среду (ст. 24). Особое внимание уделяется вопросу защиты уязвимых групп населения – женщин, детей, коренных народов, лиц с ограниченными возможностями и внутренне перемещенных лиц, – которые подвергаются непропорционально высокому риску в условиях климатического кризиса.

В рамках ходатайства сформулирован комплекс конкретных правовых вопросов, требующих разъяснения со стороны Суда, таких как: определение юридических стандартов в области смягчения последствий изменения климата, адаптации к ним, обеспечения устойчивости и механизмов возмещения ущерба; установление объема обязательств государств по защите экологических активистов и пострадавших сообществ от возможных репрессий; регламентация принципов участия общественности, прозрачности и подотчетности в процессе принятия климатически значимых решений; правовые параметры обеспечения справедливого перехода к низкоуглеродной экономике; вопросы регулирования деятельности ТНК в контексте климатических обязательств; проблемы деколонизации систем управления природными ресурсами.

Особую значимость данному обращению придает акцент на вопиющем дисбалансе между минимальным историческим вкладом африканских государств в глобальные выбросы парниковых газов (не превышающим 10 % от общемирового объема) и катастрофическими последствиями, которые климатические изменения оказывают на континент. В этой связи заявители настаивают на необходимости юридического подтверждения позитивных

обязательств государств по защите населения от климатических угроз и обеспечению соответствия всех антикризисных мер стандартам защиты прав человека.

Содержательный анализ представленного ходатайства позволяет выделить его концептуальную новизну в нескольких аспектах. Во-первых, это первая попытка комплексного осмысления климатической проблематики через призму региональной системы защиты прав человека в Африке. Во-вторых, обращение предлагает интегративный подход, связывающий традиционные права человека с экологическими и климатическими императивами. В-третьих, особое внимание уделяется вопросам климатической справедливости и защите наиболее уязвимых групп населения, что отражает современные тенденции в развитии международного права прав человека. Результаты рассмотрения данного запроса могут иметь существенное значение для формирования правоприменительной практики как на континентальном, так и на глобальном уровне.

§ 4. Общие международно-правовые проблемы деятельности судебных и арбитражных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств

В настоящее время существующая система разрешения международных споров о возможном нарушении международных экологических обязательств и текущая практика их разрешения позволяет говорить о целом ряде проблем. Во-первых, это несогласованность клаузул о разрешении споров. Во-вторых, отсутствие гарантии адекватного возмещения экологического ущерба международными судебными учреждениями. В-третьих, необходимость расширения круга субъектов, имеющих право подачи иска. В-четвертых, наличие фрагментации и диверсификации в международном праве, а также существование конкурирующих и параллельных правовых режимов. Все перечисленное затрудняет разрешение экологических споров

международными судебными учреждениями и взывает к необходимости создания Международного экологического суда.

Необходимо произвести синхронизацию клаузул о разрешении споров в МЭС с клаузулами других международных соглашений. На наш взгляд, в МЭС следует включать положение, в котором будет зафиксировано, какая из процедур разрешения споров имеет первостепенное значение. В том случае, когда такое положение отсутствует, необходимо обращаться к основополагающим принципам международного права и положениям Венской конвенции о праве договоров 1969 г. К сожалению, чаще всего мы имеем дело с ситуацией, обозначенной профессором Ч. Романо как «уловка 22»[728], то есть, когда третья сторона (международное судебное учреждение) должна вынести обязательное решение относительно того, какую процедуру разрешения споров следует избрать для разрешения споров[729].

Наглядной иллюстрацией к сказанному служит дело *«О южном голубом тунце» (*Новая Зеландия против Японии; Австралия против Японии*)*[730]. Суть дела состояла в следующем. Между Австралией, Новой Зеландией и Японией была заключена Конвенция об охране южного голубого тунца 1993 г.[731], которая содержала стандартную клаузулу о разрешении споров (ст. 16). Клаузула предусматривала передачу дела на рассмотрение арбитража или Международного Суда ООН только на основании обоюдного решения сторон. Япония была против передачи дела на рассмотрение международным судебным учреждениям. Однако все три государства являются сторонами Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., положения которой предусматривают необходимой основой для возбуждения иска в арбитраже

---

[728] «Уловка 22» (Catch-22) — антимилитаристское полуабсурдистское, фантасмагорическое произведение американского писателя Дж. Хеллера. Ввиду сложности и запутанности романа, его название стало нарицательным. Крылатое выражение «уловка 22» применяется в обиходной речи относительно чего-то чрезвычайно запутанного и сложного (Хеллер Д. Уловка-22 / Д. Хеллер. М.: Изд. концерн «А-2», 1994. 487 с.)

[729] Romano C. P. R. International Dispute Settlement / C. P. R. Romano // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1045-1046.

[730] Саксина Т. Г. Дело о южном голубом тунце / Т. Г. Саксина // Московский журнал международного права. 2007. № 1. С. 126-148.

[731] Convention for the Conservation of Southern Bluefin Tuna (1993) [Электронный ресурс]. URL: https://www.ccsbt.org (дата обращения: 01.06.2026). Конвенция вступила в силу 20.05.1994.

или ИТЛОС согласие одной из сторон спора. Новая Зеландия и Австралия решили передать дело против Японии на рассмотрение арбитража в соответствии с Приложением VII Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. До образования арбитража истцы на основании пункта 5 статьи 290 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. подали просьбу о временных мерах в ИТЛОС, посчитав, что *prima facie* арбитраж будет обладать компетенцией и что этого требует срочный характер ситуации. ИТЛОС при вынесении временных мер признал, что Конвенция об охране южного голубого тунца 1993 г. не запрещает обращения к другим средствам разрешения споров, в частности к Конвенции 1982 г. Арбитраж пришел к диаметрально противоположному мнению, решив, что он не наделен юрисдикцией для рассмотрения данного дела, поскольку три государства при заключении Конвенции 1993 г. имели намерение исключить возможность одностороннего возбуждения дела в международном судебном учреждении.

Таким образом, одно судебное учреждение (в данном случае ИТЛОС) вынесло решение, что дело можно рассматривать, а другое (арбитраж) отказалось от рассмотрения ввиду отсутствия юрисдикции. Разумеется, ИТЛОС рассматривал вопрос о возможности применения временных мер, и ему достаточно было юрисдикции *prima facie*, а арбитраж должен был рассматривать дело по существу, и ему более тщательно следовало изучить вопрос юрисдикции. Однако факт остается фактом, и разные решения двух судов имеют далеко идущие последствия. Этот прецедент показывает, как обычная клаузула о разрешении споров может породить серьезные разногласия, поставить важные вопросы для всей системы международного права.

Другой, не менее сложной проблемой при разрешении международных экологических споров является фрагментация международного права. В этом контексте нас интересуют случаи с фрагментацией, иными словами разделением одного спора на несколько разных дел, что имеет место, когда одна экологическая проблема порождает несколько различных судебных

тяжб. Примером в данном случае служит дело «О заводе МОКС». Истцом в этом деле выступила Ирландия, которая после неудачных переговоров и консультаций решила инициировать два арбитражных производства против Великобритании в связи с потенциальной угрозой загрязнения вод Ирландского моря с началом функционирования английского завода по производству ядерного топлива МОКС, а также морских перевозок радиоактивных материалов в третьи страны и обратилась в ИТЛОС с целью принятия временных мер[732]. В результате арбитраж по Конвенции ОСПАР вынес решение об отказе Ирландии по причине конфиденциальности информации экономического характера. ИТЛОС принял временные меры, в которых рекомендовал приступить к консультациям с целью обмена информацией, оценки рисков и разработки действий по предотвращению загрязнения морской среды заводом по производству МОКС. Деятельность третьего международного судебного учреждения, вовлеченного в разрешение данного международного экологического спора, а именно арбитража по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., была приостановлена. Причиной послужило обвинение Ирландии в нарушении европейского права и нарушении исключительной юрисдикции Суда ЕС по разрешению споров, связанных с нарушением норм европейского права. Поскольку страны ЕС ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, то ее нормы стали естественной частью коммунитарного европейского права. Соответственно, Еврокомиссия возбудила в 2003 г. иск против Ирландии в Суде ЕС и в 2006 г. выиграла его[733]. Таким образом, при рассмотрении международного судебного спора между Ирландией и Великобританией об адекватной трансграничной процедуре оценки воздействия на окружающую среду, связанного с проектом запуска завода, перерабатывающего отработанное ядерное топливо, были задействованы три международных судебных учреждения. Однако, как показывает практика,

[732] MOX Plant (Ireland v. United Kingdom), 41 International Legal Materials 405 (2002).
[733] Commission of the European Communities v. Ireland. Case C-459/03: judgment of the Court (Grand Chamber) of 30 May 2006 // Official Journal of the European Union. 2006. C 165/2.

передача дела на рассмотрение международным судебным учреждениям совершенно не означает его окончательного разрешения.

Еще одной современной проблемой деятельности судебных и арбитражных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств являются случаи, когда спор может быть разрешен с различным итогом с точки зрения отдельных несогласованных правовых режимов. Наиболее часто это проявляется ввиду противоречий между международным экологическим и международным экономическим правом. Факт наличия противоречий между экологией и торговлей замечен давно[734], множество таких споров разрешались и разрешаются, например, в рамках ОРС ВТО. Однако начало XXI в. принесло новое ви́дение данной проблемы, которое проявилось в деле «О запасах рыбы-меч», рассматривавшемся в двух различных специализированных международных судебных учреждениях – Органе по разрешению споров ВТО (ОРС ВТО) (он относится к квазисудебным органам, о которых мы будем говорить в главе 3; здесь мы приводим этот пример, поскольку ИТЛОС является судом) и ИТЛОС. Суть дела заключалось в следующем. Чили с 1991 г. в соответствии с национальным законом запретила вход в свои порты иностранным судам с уловом рыбы-меч, если этот улов не был осуществлен в соответствии с положениями чилийского законодательства. Причем это касалось также улова, осуществленного за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны Чили. Отметим, что европейские суда ловили рыбу-меч преимущественно для продажи в США, а чилийские порты использовали для необходимой стоянки. В 2000 г. Чили, Колумбия, Эквадор и Перу подписали Рамочное соглашение по сохранению морских живых ресурсов открытого моря Юго-Восточной части Тихого океана (Галапагосское Соглашение)[735].

---

[734] См., например: Экологическое право и рынок: сборник статей / под ред. М. М. Бринчука, О. Л. Дубовик. М.: ИНИОН РАН, 1994. 295 с.

[735] Framework Agreement for the Conservation of Living Marine Resources on the high seas of the Southeast Pacific (2000) (Galapagos Accord) [Электронный ресурс]. URL: https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/08/8-02/living-marine-resources.html (дата обращения: 01.06.2026).

Таким образом, с одной стороны, Чили осуществляла действия по защите и сохранению морских ресурсов от истощения, с другой стороны эти меры предосторожности оказывали прямое воздействие на ограничение свободы торговли и свободы перевозки товаров. В 2000 г. ЕС возбудил дело против Чили в ОРС ВТО[736], утверждая, что действия Чили нарушают статью V (свобода транзита) и статью XI (общая отмена количественных ограничений) ГАТТ[737]. Чили же передала дело на рассмотрение камеры ИТЛОС[738]. Каждая сторона спора выбрала наиболее удобный форум, который, применяя нормы конкретного режима или отрасли, вынесет нужное именно ей решение. С учетом предыдущей судебной практики ОРС ВТО и ИТЛОС именно так бы и случилось: каждое решение было бы законным, поскольку оно было бы принято в рамках автономного правового режима (*self-contained legal regime*). Однако этого не произошло, поскольку в январе 2001 г. стороны провели переговоры, в результате которых Чили вновь открыла доступ для европейских рыболовецких судов в ее порты. Взамен ЕС предложил научную и техническую помощь по сохранению запасов рыбы-меч. После подписания соответствующего двустороннего договора ЕС и Чили приостановили слушания в ОРС ВТО и специальной камере ИТЛОС.

Отсутствие иерархии среди многочисленных международных судебных учреждений и наличие ярко выраженной сегментации международного права на специализированные, автономные правовые режимы, зачастую противоречащие друг другу, может вновь привести к ситуации, схожей с делом «О рыбе-меч». Безусловно, международное экологическое право является благодатной почвой для этого, поскольку экологический аспект при желании можно выделить в большинстве международных споров.

---

[736] Chile – Measures Affecting the Transit and Importation of Swordfish, Request for Consultations by the European Communities: document WT/DS193/1 of 26 April 2000.

[737] Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) (Женева, 30 октября 1947 г.) // Всемирная торговая организация: документы и комментарии; под ред. Смирнова С. А., сост. Васильев Н. М. [и др.]. М.: [б. и.], 2001. 351 с.

[738] Case concerning the conservation and sustainable exploitation of swordfish stocks in the South-Eastern Pacific ocean (Chile v. European Community): order of 20 December 2000 // International Legal Materials. 2001. Vol. 40. P. 475.

Еще одной проблемой, связанной с международным экологическим правосудием, является проблема увеличения числа субъектов, имеющих доступ к международному правосудию. Дело в том, что в настоящее время доступ к международным судебным учреждениям, различным международным квазисудебным органам и комиссиям получили физические и юридические лица, а также международные неправительственные организации. Таким образом, у указанных субъектов появилась возможность оспаривать действия государств на международном уровне на основании международного права. Более того, в процессе разрешения подобных споров право на компенсацию имеют все указанные субъекты. В этой ссвязи можно привести следующий пример.

В 1995 г. Франция возобновила ядерные испытания в южной части Тихого океана, и Новая Зеландия обратилась в МС ООН[739]. Другие государства этого региона инициировали согласительную процедуру в соответствии с пунктом 4 статьи 27 и частью 2 Приложения 2 КБР 1992 г. Наряду с этим индивиды и международные неправительственные организации обратились к услугам различных международных судебных учреждений и международных органов. Так, жители Таити и Мангаревы подали жалобу в Европейскую комиссию по правам человека относительно нарушения Францией статей 2, 3, 8, 13 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и статьи 1 Дополнительного протокола № 1 к ней[740]. Несколько лиц направили жалобы в Комитет ООН по правам человека относительно нарушения статей 6 и 17 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г.[741] Некоторые таитяне пытались обжаловать в Суде Европейских сообществ бездействие Еврокомиссии в отношении Франции[742], а отделение международной

[739] Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's Judgment of 20 December 1974 in the Nuclear Tests (New Zealand v. France) Case: order of 22 September 1995 // I.C.J. Reports. 1995. P. 288.
[740] Noel Narvii Tauira and 18 others v. France, Application no. 28204/95: decision of 4 December 1995 // European Commission of Human Rights.
[741] Vaihere Bordes and John Temeharo v. France: decision of 30 July 1996: документ ООН CCPR/C/57/D/645/1995.
[742] Danielsson and Others v Commission of the European Communities. Order of the President of the Court of First Instance of 22 December 1995. Case T-219/95 R // ECR II. 1995. P. 3051.

неправительственной организации подало иск в национальный суд Франции[743].

Таким образом, с одной стороны, можно отметить огромное количество форумов, где отдельные аспекты дела могут быть обжалованы, а с другой – нельзя не учитывать, как много индивидов и неправительственных организаций в связи с недостатками национальных судебных систем пытаются получить компенсацию на международном уровне. Однако дело «О ядерных испытаниях» показывает, что международное право не гарантирует компенсации и требуется создание новых, более совершенных форумов по возмещению экологического ущерба.

Отметим также тот факт, что нанесение ущерба окружающей среде квалифицируется также как один из видов военных преступлений и, соответственно, является основанием для привлечения индивидов к международной ответственности через *Международный уголовный суд*. В статье 20g проекта «Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества», разработанного Комиссией международного права ООН в 1996 г.[744], предусматривается ответственность в случае вооруженного конфликта за применение не оправданных военной необходимостью методов или средств ведения войны с целью причинить обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде и тем самым нанести большой вред здоровью населения или затруднить его выживание, в случае возникновения такого ущерба. Хотя на основе Кодекса и не было утверждено обязательного для государств документа, принятие данной статьи повлияло и на обсуждение и последующее появление соответствующей статьи в Римском статуте Международного уголовного суда (17.07.1998), где к военным преступлениям отнесено также «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной <…> обширного, долгосрочного и

[743] Association Greenpeace France, Conseil d'Etat (29 September 1995) // L'Actualité juridique. Droit administratif. 1995. P. 749.
[744] Solntsev A. M. Activity of the International Law Commission on the Codification and Progressive Development of International Ecological Law / A. M. Solntsev // Sudebnik. 2006. Vol. 11. No. 3–4. P. 605-615.

серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством» (ст. 8.b, iv)[745]. Безусловно, этого недостаточно, нужно стремиться к полному закреплению преступления «экоцид» в международном праве, в том числе в Римском статуте, о чем мы писали еще в 2009 г.[746] Вот наконец 9 сентября 2024 года Вануату, Фиджи и Самоа совместно представили Генеральному секретарю ООН и Рабочей группе по поправкам Ассамблеи государств – участников Римского статута предложение о внесении поправок в Римский статут Международного уголовного суда[747]. Три тихоокеанских островных государства призывают международное сообщество добавить в список международно запрещенных преступлений новое – преступление «экоцид»[748], которое определяется как «незаконные или злонамеренные действия, совершаемые с осознанием того, что существует значительная вероятность причинения этими действиями серьезного и либо обширного, либо долгосрочного ущерба окружающей среде»[749]. По сути, предложение предусматривает выделение экоцида в качестве отдельного преступления в соответствии с недавно созданной статьей 8 ter Римского статута, а также появление нового абзаца преамбулы и изменение статьи 5 Римского статута. Остается надежда, что государства согласятся на введение пятого вида международного преступления.

---

[745] Подробнее см.: Копылов М. Н. Юридическая ответственность за экологические преступления: учеб. пособие / М. Н. Копылов. М.: Изд-во РУДН, 2004. С. 137-168.

[746] Абашидзе А. Х. Экоцид как международное преступление: проблемы и перспективы / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под. ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз М: Институт права и публичной политики, 2009. С. 258-274.

[747] Mass destruction of nature reaches International Criminal Court (ICC) as Pacific island states propose recognition of ‘ecocide’ as international crime [Электронный ресурс]. URL: https://www.stopecocide.earth/2024/mass-destruction-of-nature-reaches-international-criminal-court-icc-as-pacific-island-states-propose-recognition-of-ecocide-as-international-crime (дата обращения: 01.06.2026).

[748] Bertram D. Should Ecocide be an International Crime? It’s Time for States to Decide // EJIL Talks [Электронный ресурс]. URL: https://www.ejiltalk.org/should-ecocide-be-an-international-crime-its-time-for-states-to-decide/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=ejil-talk-newsletter-post-title_2 (дата обращения: 01.06.2026).

[749] Independent Expert Panel for the Legal Definition of Ecocide. Commentary and core text [Электронный ресурс]. URL: https://static1.squarespace.com/static/5ca2608ab914493c64ef1f6d/t/60d1e6e604fae2201d03407f/1624368879048/SE+Foundation+Commentary+and+core+text+rev+6.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

Термин «экоцид» существует уже более пяти десятилетий. Возникнув в ходе научной кампании по запрету использования гербицидных химикатов американскими военными (получившей название «Операция “Ранч Хэнд”») во время войны во Вьетнаме, он стал универсальным термином для обозначения различных форм экологического насилия и разрушения. С тех пор преступление экоцид нашло отражение во многих уголовных кодексах государств мира (в том числе в ст. 358 Уголовного кодекса РФ). Международное уголовное правосудие до сих пор проявляло мало внимания по отношению к защите окружающей среде. Это не столько случайный пробел, сколько политический выбор. Да, Европа последние два года много внимания уделяет вопросам борьбы с экологическими преступлениями: в 2024 г. была принята новая Директива ЕС 2024/1203 об экологических преступлениях[750], а 14 мая 2025 года Комитет министров Совета Европы (СЕ) единогласно принял новую Конвенцию об уголовной защите окружающей среды[751]. Нам представляется, что это попытка перенести опыт ЕС на уровень СЕ, поскольку текст Конвенции во многом схож с текстом Директивы и вряд ли получит поддержку при ратификации государствами – членами СЕ. Более того, на сайте Совета Европы написано, что Конвенция – «первый международно-правовой договор, упоминающий экоцид»[752]. Но так ли это? При прочтении Конвенции 2025 г. видно, что окончательная редакция статьи 31 далека от ви́дения экоцида как самостоятельного экологического преступления в соответствии с международным правом. Прежде всего, это преступление не называется экоцидом в самой Конвенции, оно сравнивается с экоцидом только в пояснительном докладе. Фактически слово «экоцид» упоминается в тексте Конвенции лишь однажды – в преамбуле, где говорится

[750] Directive (EU) 2024/1203 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 on the protection of the environment through criminal law and replacing Directives 2008/99/EC and 2009/123/EC [Электронный ресурс]. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024L1203 (дата обращения: 01.07.2026).

[751] Convention on the Protection of the Environment through Criminal Law (2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/en/web/cdpc/convention-on-the-protection-of-the-environment-through-criminal-law (дата обращения: 01.06.2026).

[752] Protection of the Environment through Criminal Law, Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/en/web/cdpc/convention-on-the-protection-of-the-environment-through-criminal-law (дата обращения: 01.07.2026).

о неоднократных (и безуспешных) призывах Парламентской ассамблеи к разработчикам более подробно рассмотреть понятие экоцида. Статья 31 также не квалифицирует его как самостоятельное преступление. Для применения понятия «особо тяжкое преступление» необходимо наличие одного или нескольких из 19 основных правонарушений, помимо порога дополнительного ущерба, предусмотренного статьей 31. Это также означает, что рассматриваемое поведение должно быть как незаконным, так и умышленным. Тем самым акторы (государственные, корпоративные или частные субъекты), совершившие некие действия в соответствии с полученным официально разрешением, освобождаются от уголовной ответственности, даже если такие действия приводят к разрушению или необратимому, обширному и существенному ущербу. Это особенно разочаровывающий результат, поскольку он предполагает, что административное одобрение может узаконить даже самые чудовищные формы разрушения окружающей среды (или, по крайней мере, освободить от уголовной ответственности сторону, причастную к таким деяниям). Кстати, формулировка порогового значения ущерба в статье 31 весьма туманна, поскольку упоминаются сразу три отдельных пороговых значения – «разрушение», «необратимый, обширный и существенный ущерб» и «долговременный, обширный и существенный ущерб». Связь между ними крайне неясна, и ни один из этих терминов не определен ни в Конвенции, ни в пояснительном докладе. Однако самое большое разочарование вызывают последствия квалификации деяния как «особо тяжкого преступления». Проще говоря, их нет[753]. В пояснительном докладе к Конвенции прямо признается, что статья 31 «не требует от Сторон установления конкретного уровня наказаний». Вместо этого нам говорят, что «авторы выбрали название “особо тяжкое преступление”, чтобы четко подчеркнуть, что деяние, определенное в статье 31, следует считать особо тяжким».

[753] Bertram D. The First Ecocide Treaty? [Электронный ресурс] / D. Bertram // EJIL Talks. 2025. June 4. URL: https://www.ejiltalk.org/the-first-ecocide-treaty (дата обращения: 01.07.2026).

Множество проанализированных международных судебных и квазисудебных органов содействуют разрешению экологических споров и выполнению международных экологических обязательств. Думается, что существенной проблемой является пересечении их юрисдикций и отсутствие единого Международного экологического суда.

Перспективы учреждения Международного экологического суда. В научной среде с 1980-х годов обсуждается проблема создания Международного экологического суда[754], с тех проводилось множество международных конференций, посвященных данной тематике[755]. Первыми апологетами этой идеи можно считать Альфреда Реста и Амадео Постильоне[756]. Одной из главных целей таких инициатив видится предоставление доступа индивидам и международным неправительственным организациям к международному экологическому правосудию для защиты экологических прав и принуждения государств к выполнению их международных экологических обязательств. Такие европейские экологические катастрофы, как Чернобыльская и Сандозская[757], лишь подтвердили актуальность этой идеи. Ни одно государство не возбудило исков против СССР и Швейцарии.

Своеобразный отклик эта идея получила в принципе 10 Декларации Рио-де-Жанейро 1992 г.: «Экологические вопросы рассматриваются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан на

---

[754] См., например: Hey E. Reflections on an International Environmental Court / E. Hey. The Hague: Kluwer Law International, 2000. 27 p; Murphy S. D. Does the World Need a New International Environmental Court? / S. D. Murphy // George Washington Journal of International Law & Economics. 2000. Vol. 32. No. 3. P. 333-349; McCallion K. F. Environmental Justice Without Borders: The Need for an International Court of the Environment to Protect Fundamental Environmental Rights / K. F. McCallion, H. R. Sharma // George Washington Journal of International Law and Economics. 2000. Vol. 32. P. 351. См. также: International Court of the Environment Foundation: официальный сайт. URL: http://www.greenchannel.com/icef (дата обращения: 01.07.2026); ICEF – About: официальный сайт. URL: http://www.xcom.it/icef/about.html (дата обращения: 01.07.2026).

[755] Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право: учеб. пособие / М. Н. Копылов. М.: РУДН, 2007. С. 130.

[756] См., например: Rest A. Need for an International Court for the Environment? Undeveloped Legal Protection of the Individual in Transnational Litigation / A. Rest // Environmental Policy and Law. 1994. Vol. 24. P. 173-187; Postiglione A. The global environmental crisis: the need for an International court of the Environment / A. Postiglione. Florence: Giunti Gruppo Editoriale, 1996. 156 p.

[757] 1 ноября 1986 г. при тушении пожара на химическом предприятии «Сандоз» в г. Базеле (Швейцария) произошел выброс 1 тыс. тонн химических веществ в Рейн. Погибли миллионы рыб, была заражена питьевая вода.

соответствующем уровне. На национальном уровне каждый человек имеет соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая находится в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах, и возможность участвовать в процессах принятия решений. Государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации. Обеспечивается эффективный доступ к судебным и административным разбирательствам, включая возмещение и средства судебной защиты»[758]. Много шагов предприняло международное сообщество для реализации этого принципа. В рамках ЕЭК ООН в 1998 г. была разработана Орхусская конвенция, предусматривающая процедуру отчетности государств за ее соблюдение, а также возможность возбуждения процедуры соблюдения. Суды и различные комиссии по правам человека позволяют юридическим и физическим лицам защищать свои экологические права[759], о чем говорилось выше.

В пользу создания Международного экологического суда можно привести следующие аргументы. Во-первых, МЭП – весьма специфическая отрасль международного права, поэтому судьям необходимо являться экспертами в сфере экологии. Во-вторых, право на доступ к международному экологическому правосудию должны иметь не только государства, но и международные правительственные и неправительственные организации, а также физические лица. Разрешение международных экологических споров требует разработки специальных процедурных правил. Противники создания Международного экологического суда утверждают, что дальнейшая пролиферация международных судебных учреждений будет вести к

[758] См.: Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.): документ ООН A/CONF.151/26. Так же см.: Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. М.: РУДН, 2007. 114 с.

[759] См.: Солнцев А. М. Защита экологических прав в международных органах и международных судебных учреждениях / А. М. Солнцев, О. Д. Миловидов // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвуз. науч.-практ. конференции (Москва, 20-21 апреля 2007 г.) / под ред. А. Я. Капустина, Ф. Р. Ананидзе. М.: РУДН, 2008. С. 174-195.

углублению фрагментации, а существующие институты международной юстиции вполне могут разрешать международные экологические споры[760]. Известный профессор Элен Хэй, возглавив в 2000 г. кафедру международного природоресурсного права юридического факультета Эразмского университета (Роттердам, Нидерланды), посвятила свою первую открытую лекцию проблеме международного экологического правосудия. Она пришла к следующему выводу: создание Международного экологического суда не является наиболее жизнеспособной альтернативой существующему порядку дел; полезнее перенести акцент на уровень ниже и усиливать национальные судебные системы в сфере экологического правосудия[761].

Основной проблемой создания Международного экологического суда является распределение юрисдикции между механизмами обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Экологические проблемы, как мы неоднократно отмечали ранее, интегрированы в транспортные, торговые и иные международные проблемы, они учитываются при защите прав человека и т. д. Это зачастую порождает конкуренцию юрисдикций международных судебных учреждений при рассмотрении конфликтных ситуаций. Например, спор о торговле парниковыми газами должен рассматриваться в ОРС ВТО в соответствии с положениями ГАТТ или в Международном экологическом суде в соответствии с Парижским соглашением? Спор о генетически модифицированных организмах – в ОРС ВТО в соответствии с Соглашением о фитосанитарных мерах или в Международном экологическом суде согласно Картахенскому протоколу[762]?

Проанализированный материал позволяет нам сделать вывод о необходимости создания Международного экологического суда в ближайшей перспективе, учитывая опыт решений всех указанных выше международных

---

[760] См., например: Jennings R. Need for an Environmental Court? / R. Jennings // Environmental Policy and Law. 1992. Vol. 20. No. 5/6. P. 312-314.
[761] Hey E. Reflections on an International Environmental Court / E. Hey. The Hague: Kluwer Law International, 2000. 27 p.
[762] См., например: Stoll P. Controlling Genetically Modified Organisms: The Cartagena Protocol on Biosafety and the SPS Agreement / P. Stoll // Yearbook of International Environmental Law. 1999. Vol. 10. P. 82-119.

судебных органов. До этого момента необходимо предпринять целый ряд шагов, в том числе тех, что перечислены ниже.

1. Если Международный экологический суд будет создан, то потребуется пересмотр и внесение соответствующих изменений в клаузулу о разрешении споров в МЭС. Необходимо прописать юрисдикцию Суда таким образом, чтобы максимально избежать дальнейшей фрагментации. В предварительном порядке должен решаться вопрос о подсудности с обсуждением всех возможных конкурирующих юрисдикций международных судебных учреждений.

2. Международный экологический суд должен будет либо стать структурной единицей ООН, либо иметь связь с ООН.

3. Судейский корпус должен наполовину состоять из специалистов по общему международному праву, а наполовину – из специалистов по экологическому праву (как международному, так и национальному).

4. Доступ к экологическому правосудию должны иметь государства, международные правительственные и неправительственные организации, а также физические лица.

5. Для того чтобы Суд не завалили жалобами неправительственные организации и физические лица, Суд, с нашей точки зрения, должен выступать по отношению к ним в качестве второй инстанции после прохождения ими региональных судов по правам человека.

6. Во избежание перегрузки Суда необходимо: реформировать на национальном и региональном уровнях систему доступа к экологическому правосудию; оставшимся государствам – ратифицировать Орхусскую конвенцию (открыта для всех государств мира) или Эскасусское соглашение.

Отметим, что использование местных средств судебной защиты для возмещения трансграничного вреда окружающей среде возможно и целесообразно при определенных условиях: во-первых, если это предусмотрено специальным международным соглашением; во-вторых, в тех

ситуациях, когда транснациональный ущерб окружающей среде возникает и затрагивает страны с однотипными правовой и административной системами, и, в-третьих, когда причиненный ущерб незначителен и не касается жизненно важных интересов государства. [763]

Итак, создание Международного экологического суда будет способствовать повышению роли МЭП в системе международного права в целом, а также усилению ответственности международных организаций за нанесение вреда, в том числе экологического (например, в случае если Международный Банк выдает кредит на постройку плотины или прокладку нефтепровода и в процессе осуществления указанных проектов имело место нанесение экологического вреда).

Подведем итоги. Вторая глава представляет собой глубокий и систематизированный анализ судебных и арбитражных механизмов выполнения международных экологических обязательств, охватывающий исторические «прецеденты», современную практику и перспективы развития.

Исторически арбитраж играл ключевую роль в урегулировании экологических споров начиная с древних времен (например, спор между Лагашем и Уммой) и заканчивая современными делами в ППТС. Эти «прецеденты» заложили основы принципов международного экологического права, включая запрет трансграничного ущерба. Однако в XX–XXI вв. наблюдается переход к более институционализированным формам разрешения споров, таким как специализированные камеры в Международном Суде ООН и ИТЛОС, а также разработка экологизированных процедур в ППТС. Тем не менее, несмотря на эти усилия, государства по-прежнему предпочитают переговоры и посредничество, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих судебных механизмов в экологической сфере.

---

[763] Виноградов С. В. Судебное рассмотрение споров, связанных с транснациональным ущербом окружающей среде / С. В. Виноградов // Вопросы международного морского и воздушного права. М.: Институт государства и права АН СССР, 1979. С. 50-53.

Система урегулирования споров между инвесторами и государствами (УСИГ) демонстрирует конфликт между защитой иностранных инвестиций и экологическим регулированием. Многочисленные иски инвесторов против государств, вводящих природоохранные меры (например, ограничения на добычу ресурсов или запрет гидроразрыва пласта), подрывают суверенитет государств в сфере экологической политики. Критика УСИГ, включая предложения о реформе (например, создание специализированных экологических трибуналов или включение «устойчивых оговорок» в инвестиционные соглашения), указывает на необходимость баланса между экономическими интересами и экологическими обязательствами. Однако текущая практика показывает, что инвестиционные арбитражи редко учитывают принципы устойчивого развития, а это затрудняет выполнение государствами их международных экологических обязательств.

Несмотря на наличие множества международных судебных и арбитражных механизмов, их фрагментированность и недостаточная специализация в экологических вопросах ограничивают их эффективность. ППТС, несмотря на свою гибкость и адаптацию к экологическим спорам, остается добровольным механизмом, отягощенным проблемой неисполнения судебных решений (например, дело о Южно-Китайском море, дело 2026 г. о реке Инд между Пакистаном и Индией). Между тем растущее число экологических споров, включая климатические иски и конфликты из-за трансграничного ущерба, требует создания специализированного Международного экологического суда. Такой орган мог бы обеспечить единообразие практики, усилить ответственность государств и корпораций, а также интегрировать принципы устойчивого развития в процесс разрешения споров. Однако реализация этой идеи сталкивается с политическими и процедурными вызовами.

МС ООН сыграл ключевую роль в формировании и развитии норм международного экологического права через рассмотрение дел, таких как *«Габчиково – Надьямарош»*, *«Фосфаты Науру»* и др. Суд способствовал

закреплению принципов устойчивого развития, предосторожности и ответственности за экологический ущерб. Однако ограниченная юрисдикция Суда (например, исключение экологических споров из деклараций некоторых государств) и отсутствие специализированных знаний в области экологии у судей снижают его эффективность в разрешении сложных экологических конфликтов.

Вопросы компенсации за экологический ущерб остаются слабо урегулированными в международном праве. Несмотря на определенный прогресс (например, решения МС ООН по делам *Коста-Рики против Никарагуа* и *ДРК против Уганды*), отсутствие универсальной методики оценки ущерба приводит к противоречивым и несоразмерным решениям. Необходима разработка единых стандартов под эгидой ЮНЕП для обеспечения справедливости и предсказуемости в будущих делах.

Авторская позиция состоит в том, что многие суды сталкиваются с трудностями при оценке экологического ущерба из-за отсутствия четких научных критериев и методологий. Например, в деле *Коста-Рика против Никарагуа* МС ООН отказался от назначения экспертизы, что привело к спорному расчету компенсации. Это указывает на необходимость более тесного сотрудничества судов с научными учреждениями и экспертами в области экологии, климатологии и экономики природопользования. Создание консультативных органов при международных судах, аналогичных Межправительственной группе экспертов по изменению климата (МГЭИК), могло бы повысить обоснованность решений и укрепить доверие к международному экологическому правосудию.

Региональные суды, такие как Суд ЭКОВАС и Суд ВАС в Африке, пропорционально учитывают экологические аспекты в торговой интеграционной политике, связывая защиту окружающей среды с правами человека. Однако фрагментация юрисдикций и слабые механизмы исполнения решений ограничивают их влияние. Усиление взаимодействия между

региональными и международными судами могло бы улучшить защиту экологических прав.

Региональные правозащитные суды играют ключевую роль в развитии «экологической юриспруденции», но их решения носят фрагментарный характер. Несмотря на экологизацию международного права, защита окружающей среды в региональных правозащитных системах (европейской, межамериканской, африканской) обусловлена защитой прав человека, а не природы как таковой. Например, ЕСПЧ интерпретирует экологические права через призму статей Конвенции о защите прав человека (право на жизнь, частную жизнь и т. д.), а не как самостоятельные экологические гарантии. Это подчеркивает необходимость дальнейшего развития экоцентричных подходов, особенно в свете глобальных климатических вызовов. Межамериканский суд признал право на здоровую окружающую среду автономным правом (консультативное заключение ОС-23/17), а Африканский суд рассмотрел дела о трансграничном экологическом вреде и ответственности ТНК. Однако отсутствие единого подхода создает правовую неопределенность. Это требует унификации стандартов, например, через принятие дополнительных протоколов к существующим конвенциям.

Дело *Ивуарийская лига по правам человека против Кот-д'Ивуара* и подобные ему демонстрируют пробелы в привлечении ТНК к ответственности за экологические преступления и нарушение прав человека. Хотя Африканский суд признал «косвенную ответственность» ТНК, механизмы прямого регулирования их деятельности на международном уровне отсутствуют. Это указывает на необходимость разработки для корпораций новых инструментов, таких как обязательные стандарты *due diligence*, в рамках международного права.

Авторская позиция состоит в акцентировании проблем фрагментации и диверсификации МЭП, что приводит к конфликтам юрисдикций и противоречивым решениям (например, дела «*О голубом тунце*» и «*О заводе МОКС*»). Для решения этой проблемы предлагается синхронизация клаузул о

разрешении споров в МЭС и создание Международного экологического суда, который мог бы обеспечить единообразие в применении норм.

В нашей работе отмечается тенденция к расширению круга субъектов, имеющих право обращаться в международные судебные органы, включая физических лиц, юридические лица и НПО. Это отражает глобальную потребность в защите экологических прав на международном уровне, особенно когда национальные системы не справляются. Однако для предотвращения перегрузки судов предлагается ввести фильтры, например обязательное предварительное прохождение региональных судов по правам человека.

Проблема конфликта между экологическими и экономическими интересами является существенным вызовов для эффективного выполнения международных экологических обязательств. Дело «*О рыбе-меч*» иллюстрирует противоречия между международными экологическими обязательствами и международными торговыми обязательствами. Такие конфликты требуют балансировки интересов, чего сложно достичь в условиях автономных правовых режимов. Это подчеркивает необходимость создания механизмов для согласования международных обязательств, вытекающих из разных отраслей международного права.

Особое внимание в работе уделено развитию концепции экоцида и уголовной ответственности за экологические преступления. Проанализированы инициативы по криминализации экоцида на международном уровне (например, предложение тихоокеанских государств внести поправки в Римский статут), отмечая, что текущие документы, такие как Конвенция Совета Европы 2025 г., содержат слабые формулировки и не обеспечивают реальной ответственности. Это указывает на необходимость более четких определений и механизмов выполнения международных экологических обязательств.

Авторская позиция состоит в том, что необходимос создать специализированный суд, который мог бы учитывать специфику

экологических споров. При этом автор осознает связанные с этим шагом сложности, такие как определение юрисдикции и риск дальнейшей фрагментации. Параллельно с обсуждением идеи создания специализированного суда предлагается усиление национальных судебных систем в части укрепления экологического правосудия.

Таким образом, во второй главе подчеркиваются как достижения, так и пробелы в современной системе разрешения международных экологических споров, а также указывается на необходимость дальнейшего развития специализированных механизмов и реформы существующих институтов для обеспечения эффективного выполнения международных экологических обязательств.

ГЛАВА 3. КВАЗИСУДЕБНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Обеспечение выполнения международных обязательств нередко осуществляется специально учрежденными международными органами, выполняющими функции мониторинга или содействующими применению этих договорных обязательств иными способами, в том числе международными органами в составе экспертов, выступающих в своем личном качестве. Договорные органы в составе таких экспертов принимают заявления, относящиеся к одному из видов практики, рассматривают периодические доклады государств о выполнении международных обязательств, рассматривают жалобы о выполнении государствами обязательств, что в конечном итоге способствует применению договоров и может иметь отношение к целям толкования договоров. Наиболее известны экспертные органы, учрежденные международными договорами в сферах: прав человека (девять комитетов и один подкомитет по правам человека); контроля за разоружением (ОЗХО); международного экологического сотрудничества (существует несколько десятков таких органов: Орхусский комитет, Парижский комитет и т. д.); международного морского права (Комиссия по границам континентального шельфа Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.); борьбы с наркотиками (Международный комитет по контролю над наркотиками[764]). Отметим, что в рамках настоящей главы диссертационного исследования будут рассмотрены неспециализированные квазисудебные органы, а специальные механизмы выполнения международных экологических обязательств, разработанных на основе МЭС, будут отдельно обсуждаться в рамках следующей, четвертой, главы.

[764] Making treaties work: Human Rights, Environment and Arms Control / ed. by G. Ulfstein, T. Marauhn, A. Zimmermann. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 427 p.

Члены таких органов не обязательно являются юристами, однако в некоторых договорах содержится особое требование в отношении состава органов – «принимать во внимание полезность участия в работе комитетов ряда лиц, обладающих юридическим опытом»[765]. Документы, принимаемые такими экспертными органами, не являются видом практики применения договоров государствами, и они, как правило, не присваиваются международным организациям. Такие документы носят разные названия, характеризующие их рекомендательную силу: «соображения»[766], «рекомендации»[767], «замечания»[768], «меры»[769], «выводы»[770] и др. Несмотря на то, что эти документы не обладают юридической силой, в отличие от решений международных судов, они играют заметную роль в побуждении государств к выполнению международных обязательств. Они также вносят весомый вклад в толкование положений международного договора.

Заявления экспертных органов, учрежденных договорами по правам человека, обычно принимаются в ответ на доклады государств (например, «заключительные замечания») или на индивидуальные сообщения (например, «соображения»), а также в связи с осуществлением или толкованием соответствующих договоров в целом (например, «замечания общего

---

[765] Статья 28 (2) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.; статья 17 (1) Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; статья 26 (1) Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.

[766] Статья 42 (7c) Международного пакта о гражданских и политических правах; статья 5 (4) Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах; статья 9 (1) Факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах.

[767] Статья 9 (2) Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; статья 21 (1) Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; статья 45 (d) Конвенции о правах ребенка, 1577 СДООН 3; статья 33 (5) Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений; статья 76 (8) Конвенции ООН по морскому праву.

[768] Статья 19 (3) Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; статья 40 (4) Международного пакта о гражданских и политических правах; статья 74 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

[769] Раздел XI, пункт 36, и раздел XII, пункт 37 решения I/7 (Комитет по соблюдению Орхусской конвенции был создан на основании статьи 15 Орхусской конвенции и решения I/7 «Обзор соблюдения Конвенции», принятого на первой встрече сторон в 2002 г. (документ ECE/MP.PP/2/Add.8); статья 14 Единой конвенции о наркотических средствах.

[770] Раздел XV решения 24/CP.7 (Киотский протокол, создан на основе статьи 18 Протокола и решения 24/CP.7 «Процедуры и механизмы соблюдения, предусмотренные Киотским протоколом», принятого на Конференции сторон, выступающей в качестве совещания сторон Киотского протокола (документ FCCC/CP/2001/ 13/Add.3).

порядка»). В доктрине международного права идет спор относительно статуса документов договорных органов. Часть ученых считает, что такие документы имеют значение для официального толкования договора по смыслу статьи 31 (3b) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «Для целей толкования договора наряду с контекстом учитываются… последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования». Таким образом, можно утверждать, что практика договорных органов при молчаливом согласии государств с этой практикой составляют последующую практику по смыслу статьи 31(3b) Венской конвенции 1969 г.[771]

Есть мнение, что статья 31 (3b) Венской конвенции 1969 г. никогда не толковалась таким образом, чтобы включать соображения экспертных органов, где каждый эксперт выступает в личном качестве, она предполагает практику государств-участников при условии, что такая практика последовательна и характерна для всех участников или принята ими[772].

Например, Комитет ООН по правам человека так характеризует свою деятельность: «Хотя при рассмотрении индивидуальных сообщений Комитет по правам человека не выступает в роли судебного органа как такового, Соображениям, распространяемым Комитетом согласно Факультативному протоколу, присущи некоторые основные черты судебного решения. Они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая беспристрастность и независимость членов Комитета, взвешенное толкование формулировок Пакта и окончательный характер принимаемых решений… Соображения Комитета по Факультативному протоколу представляют собой авторитетное определение, выносимое учрежденным в соответствии с самим Пактом органом, на который возложена задача толкования этого документа.

[771] Подробнее см.: Берг Л. А. Последующая практика применения международных договоров как средство судебного толкования: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.5. / Берг Лана Александровна. Москва, 2025. 219 с.
[772] См., например, позицию США: Comments of the United States on the Human Rights Committee's 'Draft general comment 33: The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant Civil and Political Rights', para. 17, October 17, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.state.gov/documents/organization/138851.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

Характер этих Соображений и придаваемое им значение вытекают из ключевой роли Комитета согласно Пакту и Факультативному протоколу»[773].

Вопрос о юридическом значении заявлений экспертных органов, учрежденных договорами по правам человека для целей их толкования, рассматривался международными и национальными судами, а также научными органами и отдельными учеными. Мнения относительно их юридической силы подобных заявлений были полярными. Одни считают, что ценность таких заявлений минимальна[774], другие говорят об «авторитетности»[775], а представители третьей категории полагают, что эти документы содержат установки, имеющие обязательную юридическую силу[776].

При этом государства также придерживаются срединной позиции. В докладе Ассоциации международного права 2004 г., где было обобщено много позиций, зафиксировано: «Правительства, как правило, подчеркивают, что соображениям, заключительным замечаниям и комментариям и замечаниям и рекомендациям общего порядка договорных органов следует придавать большое значение, поскольку они являются заявлениями органов, являющихся экспертами в вопросах, охваченных договором, однако сами по себе они официально не являются толкованиями договора, имеющими обязательную силу»[777].

---

[773] Замечание общего порядка № 33 «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах»: документ ООН CCPR/C/GC/33 от 25 июня 2009 г., п. 11, 13.

[774] Например, Dennis M. J. Justiciability of Economic, Social, and Cultural Rights: Should There Be an International Complaints Mechanism to Adjudicate the Rights to Food, Water, Housing, and Health / M. J. Dennis, D. P. Stewart // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. No. 3. P. 462-516.

[775] Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary / M. Nowak. 2nd ed. Kehl: Engel Verlag, 2005. P. 893; Steiner H. J. International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals / H. J. Steiner, P. Alston. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 265.

[776] Alebeek R. van. The legal status of decisions by human rights treaty bodies in national law / R. van Alebeek, A. Nollkaemper // UN Human Rights Treaty Bodies: Law and Legitimacy / eds. H. Keller, L. Grover. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 384-385; Ulfstein G. Treaty Bodies and Regimes / G. Ulfstein // The Oxford Guide to Treaties / ed. by D. B. Hollis. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 92-93.

[777] Final Report on the Impact of Findings of the United Nations Human Rights Treaty Bodies / International Law Association, Committee on International Human Rights Law and Practice // Report of the Seventy-First Conference of the International Law Association (Berlin, 16-21 August 2004). London: ILA, 2004. P. 5.

Вот, например, заявление Норвегии: «Хотя рекомендации и замечания комитетов по соблюдению не имеют обязательной юридической силы, власти Норвегии придают им большое значение, и они служат важными ориентирами в постоянно ведущейся работе по обеспечению добросовестного осуществления конвенций по правам человека»[778].

Эта точка зрения близка и нам. Безусловно, в этих документах содержатся важные позиции, но порой они слишком «далеки» от конкретных обязательств, зафиксированных в самих договорах, часто мы сталкиваемся с расширительным толкованием, которое не представляет собой консенсуса для государств. Представляется, что это важный длящийся процесс: государства должны письменно реагировать на документы экспертных договорных органов, выражая свое согласие или несогласие. Подчас так можно противодействовать созданию обычая или, по крайней мере, оградить себя от действия этого обычая. Причем это не просто наши «голословные рассуждения». Подкрепление нашей точки зрения мы нашли у КМП ООН в тексте проектов выводов о выявлении обычного международного права. В этом случае мы можем использовать так называемую доктрину о настойчиво возражающем государстве (доктрина постоянного протеста). Вывод 15 текста КМП ООН «О выявлении обычного международного права» гласит: «1. Если государство возражало против нормы обычного международного права в то время, когда эта норма находилась в процессе формирования, такая норма не может быть противопоставлена данному государству, пока оно продолжает возражать. 2. Возражение должно быть ясно выражено, доведено до сведения других государств и продолжаться настойчиво»[779]. Конечно, есть ограничения, если мы имеем в виду императивные нормы общего международного права (вывод 15 (3)).

---

[778] Norwegian Ministry of Foreign Affairs, ‘Human Rights in Norway’, White Paper to the Storting [Электронный ресурс]. URL: https://www.regjeringen.no/no/dokument/dep/ud/stmeld/19992000/report_no21_to_the_storting_1999–2000/4/3/2/id192530/ (дата обращения: 01.08.2026).

[779] Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 г.). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят третья сессия, Дополнение № 10 (A/73/10). Нью-Йорк: ООН, 2018. С. 134.

Итак, мы проанализировали позиции ученых и государств, а каков взгляд международных судов на договорные органы? Позиции договорных органов по правам человека неоднократно цитировались Международным судом ООН[780] и региональными правозащитными органами[781], но при этом все суды говорили, что это аргументы, не имеющие обязательной силы. Например, Международный суд в 2010 г. в рамках дела *Амаду Садио Диалло* отметил, что заявления Комитета по правам человека можно использовать для целей толкования Международного пакта о гражданских и политических правах: «С момента своего учреждения Комитет по правам человека наработал обширную практику толкования правовых норм, особенно в связи со своими выводами по итогам рассмотрения сообщений от отдельных лиц, которые могут ему направляться в отношении государств, участвующих в первом Факультативном протоколе, а также в рамках своих “замечаний общего порядка”. Хотя при осуществлении своих судебных функций Суд ни в коем случае не обязан выстраивать свое собственное толкование Пакта с учетом толкования, данного Комитетом, Суд считает, что толкованию, принятому этим независимым органом, который был специально учрежден в целях наблюдения за осуществлением этого договора, следует придавать большое значение»[782].

Оценка акта договорного органа может зависеть от конкретных соображений, включая убедительность аргументации, характер

---

[780] Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo): judgment of 30 November 2010 // I.C.J. Reports. 2010. P. 639; Judgment No. 2867 of the Administrative Tribunal of the International Labour Organization upon a Complaint Filed against the International Fund for Agricultural Development, Advisory Opinion, of 1 February 2012 // I.C.J. Reports. 2012. P. 10; Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports. 2004. P. 172; Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal): judgment of 20 July 2012 // I.C.J. Reports. 2012. P. 6.

[781] Constitutional Tribunal (Camba Campos et al.) v. Ecuador, Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 28 August 2013, Series C No. 268, paras. 189, 191 // Inter-American Court of Human Rights. San José: IACtHR, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/khorozyan_constitutional_tribunal_v._ecuador.pdf (дата обращения: 26.08.2026); Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) v. Nigeria: Communication No. 155/96, ACHPR/COMM/A044/1 / African Commission on Human and Peoples' Rights // African Human Rights Law Reports. 2001. Paras. 52–53 [Электронный ресурс]. URL: http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/155-96.html (дата обращения: 29.07.2026).

[782] Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo): judgment of 30 November 2010 // I.C.J. Reports. 2010. P. 639.

соответствующего договора и его положений, профессиональный состав ответственного органа, процедуру, на основании которой было сделано заявление и другие факторы. Международный суд ООН оценивает акты договорных органов, прежде чем цитировать. Отдельное заявление, как правило, имеет меньший вес по сравнению с рядом заявлений или замечанием общего порядка, отражающим установившуюся позицию по вопросу толкования («судебная практика» или «прецедентное право»). Соответственно, Международный суд обратил внимание на «обширную практику толкования правовых норм» и «судебную практику» Комитета по правам человека, для того чтобы обосновать в замечании общего порядка утверждение о том, что «толкованию, принятому этим независимым органом, следует придавать большое значение», поскольку оно отражает «тридцатилетний опыт применения вышеупомянутой статьи 14». Таким образом, для цели толкования вес замечания общего порядка относительно интерпретации зависит от того, отражает ли оно тщательно продуманное мнение Комитета по поводу фактического правового содержания (*lex lata*) определенных положений Пакта, в частности от того, лежит ли в основе замечания общего порядка постоянное рассмотрение Комитетом конкретных случаев или ситуаций. В соответствии с этим стандартом каждый элемент замечания общего порядка следует оценивать отдельно.

Приведем позицию Африканской комиссии по правам человека и народов: «При толковании и применении Хартии Комиссия опирается на растущее число правовых прецедентов, рассмотренных в ее решениях, которые принимались на протяжении почти 15 лет. Комиссия также руководствуется Хартией и международными стандартами в области прав человека, в число которых входят решения и замечания общего порядка договорных органов Организации Объединенных Наций»[783].

[783] Civil Liberties Organisation and others v. Nigeria: Communication No. 218/98 / African Commission on Human and Peoples' Rights // Decisions on communications brought before the African Commission. Twenty-Ninth Ordinary Session, Tripoli, Libya, May 2001. Para. 24.

Конечно, вырабатываются методы для придания легитимности позициям договорных органов. Следует отметить, что договорные органы, созданные на основе МЭС, обладают бо́льшей по сравнению с договорными органами по правам человека юридической определенностью и легитимностью, поскольку их документы хоть и разрабатываются экспертными органами, но в итоговом виде утверждаются на конференциях сторон различных МЭС, тем самым подпадая под трактовку статьи 31 (3b) Венской конвенции о праве международных договоров.

Договорные органы по правам человека также пытаются придать бо́льшую легитимность своим актам, хотя это непросто, поскольку у большинства универсальных договоров по правам человека много участников. Например, возникли существенные расхождения позиций государств-членов при расширительном толковании Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах таким образом, чтобы вывести путем расширительного толкования право на воду. В 2002 г. было принято замечание общего порядка Комитета № 15 о том, что в статьях 11 и 12 Пакта подразумевается право на воду[784]. В результате продолжавшихся на протяжении нескольких лет обсуждений 17 декабря 2015 года Генеральная Ассамблея ООН приняла на основе консенсуса резолюцию 70/169, в которой поддерживается позиция Комитета[785]. Здесь консенсус государств-членов был зафиксирован, но по каждому документу договорных органов так, разумеется, не будет происходить. В последнее время было принято решение вывешивать в интернете проекты замечаний общего порядка для подготовки комментариев перед их принятием. Так, например, Комитет по правам ребенка в последние годы вывешивал для обсуждения проекты замечаний общего порядка по вопросам: прав детей в электронной среде (29 государств зафиксировали свою

[784] Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, замечание общего порядка № 15 (2002) «О праве на воду»: документ ООН E/C.12/2002/11 от 20 января 2003 г.

[785] Резолюция ГА ООН от 17 декабря 2015 г. № 70/169 «Право человека на безопасную питьевую воду и санитарию» [Электронный ресурс]. URL: https://gymmg.mskobr.ru/files/model2018/dokladGA.pdf?ysclid=mugkmzkp8401968700 (дата обращения: 01.07.2026). См. также принятую при 41 голосе «против» резолюцию 64/292 ГА ООН от 28 июля 2010 г., которая учредила право на воду на универсальном уровне.

позицию)[786]; прав детей и окружающей среды с акцентом на изменениях климата (121 государство зафиксировало свою позицию)[787]. В зависимости от реакции государств такие замечания общего порядка могут в конечном счете отразить соглашение участников в отношении толкования договора или привести к такому соглашению. При этом отсутствие возражений может быть рассмотрено в качестве согласия на обязательство тех государств-участников, которые не выразили своего мнения.

Учитывая вышеобозначенные рассуждения о правовой природе актов, принимаемых квазисудебными органами, в настоящей главе будут рассмотрены договорные органы ООН по правам человека, Компенсационная комиссия ООН и квазисудебные органы экономического характера.

§ 1. Договорные органы ООН по правам человека

Экологическая проблематика напрямую не нашла отражение в Международном билле по правам человека. Как ни странно, это является тенденцией среди международных органов, осуществляющих контроль за защитой прав человека. Правозащитные органы, включая КЭСКП и ЕСПЧ (о чем мы подробно говорили в предыдущей главе), по мере роста знаний об опасностях, которые несет деградация окружающей среды, все чаще используют в последние годы расширительный подход при толковании прав человека. Это происходит в том числе потому, что большинство международных правозащитных актов было принято до формирования в международном сообществе в 1970-х годах знания об экологическом императиве. Результатом этого является растущее количество актов, принимаемых международными судебными и квазисудебными органами (в

[786] General comment No. 25 on children's rights in relation to the digital environment [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-25-2021-childrens-rights-relation (дата обращения: 01.06.2026).
[787] Draft general comment No. 26 on children's rights and the environment with a special focus on climate change [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/crccgc26-general-comment-no-26-2023-childrens-rights (дата обращения: 01.06.2026).

том числе договорными органами по правам человека), которые в совокупности формируют корпус правовых положений в области прав человека, связанных с окружающей средой.

В резолюции 16/11 Совета ООН по правам человека указано: «ущерб окружающей среде может иметь негативные последствия, как прямые, так и косвенные, для эффективного осуществления прав человека»[788]. Согласно решениям международных судебных и квазисудебных органов, к явлениям, влияющим на нарушение прав человека, относятся: изменение климата; опустынивание; реализация горнодобывающих проектов; крупномасштабные нефтяные разработки; ненадлежащее удаление токсичных отходов; воздействие радиации и вредных химических веществ; крупномасштабное загрязнение воды и т. д.

Безусловно, международные обязательства государств по обеспечению защиты прав человека от ущерба окружающей среде не требуют прекращения всех видов деятельности, которые могут приводить к существенному ухудшению состояния окружающей среды. К примеру, ЕСПЧ постановил, что государства могут по своему усмотрению устанавливать баланс между интересами защиты окружающей среды и другими социально значимыми проблемами, такими как экономическое развитие и права третьих лиц[789]. Однако этот баланс не может быть неразумным или приводить к необоснованным, непредвиденным нарушениям прав человека. Должны быть приняты адекватные меры, в противном случае можно говорить о нарушении прав человека. Так, ЕСПЧ в решениях по ряду дел постановил, что государства не нашли разумного компромисса между защитой прав от ущерба окружающей среде и защитой интересов третьих лиц[790].

---

[788] Резолюция Совета ООН по правам человека № 16/11 «Права человека и окружающая среда» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/RES/16/11 (дата обращения: 01.08.2026).

[789] Hatton and Others v. United Kingdom: judgment of 8 July 2003 (Grand Chamber). Application No. 36022/97 // European Court of Human Rights. Strasbourg: European Court of Human Rights, 2003.

[790] См., к примеру, López Ostra v. Spain: judgment of 9 December 1994. Application No. 16798/90 // European Court of Human Rights; Tatar v. Romania of 27 January 2009. No. 67021/01 [Электронный ресурс]. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=139275&ysclid=mujdl58lw907391059 (дата обращения: 26.09.2026).

Международные договоры в области прав человека, за исполнением которых наблюдают договорные органы по правам человека, создают для государств-участников правовые обязательства по поощрению и защите этих прав[791]. Когда государство утверждает какой-либо договор в области прав человека путем ратификации или присоединения, оно становится участником этого договора и принимает на себя юридическое обязательство соблюдать обозначенные в нем права. Договоры предусматривают создание международных комитетов независимых экспертов (договорных, или конвенционных, органов по правам человека) для наблюдения за реализацией их положений в странах, которые ратифицировали эти договоры или присоединились к ним.

В настоящее время существует 10 договорных органов[792]. В деятельности договорных органов по правам человека следует выделить четыре основных направления: анализ выполнения государством его обязательств в рамках соответствующего международного договора; рассмотрение жалоб; подготовку замечаний общего порядка; проведение расследований. Полномочия договорных органов по правам человека разнятся: одни договорные органы работают по всем четырем направлениям, другие – лишь по одному или нескольким. Главным элементом деятельности подавляющего большинства конвенционных органов по правам человека является регулярное *рассмотрение докладов* государств – участников международного договора об исполнении его положений, а в некоторых случаях – и положений факультативных протоколов к нему. Чаще всего эта функция закреплена непосредственно в тексте международного договора.

---

[791] Абашидзе А. Х. Договорные органы по правам человека: учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, А. Е. Конева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2015. С. 123.

[792] Комитет по правам человека; Комитет по экономическим, социальным и культурным правам; Комитет по ликвидации расовой дискриминации; Комитет против пыток; Комитет по правам ребенка; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин; Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей; Комитет по правам инвалидов; Комитет по насильственным исчезновениям; Подкомитет по предупреждению пыток. Полномочия, функции, состав, численность и другие параметры конвенционных органов по правам человека закреплены в тексте учредивших их международных договоров. Исключение составляет Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, созданный в соответствии с резолюцией ЭКОСОС 1985/17 от 8 мая 1985 г. Подробнее см.: Указ. источник.

Вторая важная часть работы договорных органов – *рассмотрение индивидуальных сообщений* о нарушениях прав человека. Государство может признать соответствующую компетенцию комитета путем заявления или ратификации факультативного протокола. Комитеты рассматривают сообщения, анализируют их на предмет приемлемости и, при необходимости вступают в диалог с заинтересованным государством с целью обеспечить устранение нарушения и восстановление пострадавшего в правах. Диалог, как правило, ведется конфиденциально.

Третьим аспектом деятельности договорных органов по правам человека является подготовка и принятие *замечаний общего порядка*, которые разъясняют положения существующих договоров. Эти замечания не имеют юридически обязывающего характера, однако, будучи инструментом «мягкого права», принимаются во внимание государствами и органами ООН и учитываются самими договорными органами при вынесении рекомендаций по докладам государств.

Наконец, некоторые конвенционные органы уполномочены *проводить расследования* по сообщениям о нарушениях государствами-участниками закрепленных в договорах обязательств.

В целом договорные органы по правам человека формально не относятся к системе ООН[793], хотя обслуживаются Секретариатом ООН и представляют ежегодные доклады ЭКОСОС или Генеральной Ассамблее ООН.

Следует отметить, что международные договоры по правам человека являются одним из основных инструментов защиты прав человека на всех уровнях – национальном, региональном и глобальном, – а договорные органы по правам человека занимают особое место как механизм обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

Защита окружающей среды также является существенным вопросом в работе договорных органов по правам человека. Комитет по правам человека,

[793] За исключением Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам и другие договорные органы по правам человека пришли к выводу о том, что права, подпадающие под юрисдикцию каждого из них, носят многоуровневый характер и связаны между собой и что их осуществление во многом зависит от экологического благополучия. В настоящем разделе диссертации анализируются замечания общего порядка, заключительные замечания и мнения по жалобам, принятые договорными органами по правам человека, в которых затрагиваются международные экологические обязательства.

Договорные органы по правам человека, обладая квазисудебными полномочиями[794], рассматривают экологические жалобы. Это происходит за счет расширительного толкования имеющегося каталога прав человека[795]. В области противодействия изменению климата договорные органы по правам человека также стали проявлять активность: они запрашивают у государств соответствующую информацию при рассмотрении периодических докладов (например, информацию, связанную с тем, какие меры предпринимают государства в целях защиты прав, затрагиваемых при изменении климата), и, в случае если остаются не удовлетворены представленной информацией, делают соответствующие замечания[796]. Кроме того, договорные органы по

---

[794] О компетенции договорных органов см.: Тимофеев М. Т. Как устроены международные суды: практическое руководство для журналистов / М. Т. Тимофеев. М.: Институт права и публичной политики, 2019. С. 63-84; Абашидзе А. Х. Договорные органы по правам человека: учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, А. Е. Конева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2015. 437 с.

[795] Конева А. Е. Противодействие изменению климата и деятельность договорных органов по правам человека / А. Е. Конева, Д. А. Гугунский // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 353-356; Солнцев А. М. Экологические права человека по международному пакту об экономических, социальных и культурных правах / А. М. Солнцев // Вопросы экономики и права. 2016. № 5. С. 38-44.

[796] Например, Комитет по правам человека в заключительных замечаниях по Кабо-Верде отметил: «Комитет приветствует приверженность государства-участника как малого островного государства, особенно уязвимого к изменению климата, мерам по адаптации к этому явлению и смягчению его последствий. Вместе с тем он обеспокоен недостаточностью информации об эффективности существующих механизмов и систем для реализации такой приверженности на практике, а также о мерах, принятых для обеспечения эффективного, значимого и осознанного участия всего населения в проектах, которые могут повлиять на устойчивое развитие и устойчивость к изменению климата (статья 6). Государству-участнику следует активизировать усилия по разработке механизмов и систем для обеспечения устойчивого использования природных ресурсов, разработки и осуществления экологических стандартов, проведения оценок воздействия на окружающую среду, обеспечения надлежащего доступа к информации об экологических опасностях и принятия превентивного подхода для защиты населения государства-участника, включая наиболее уязвимые группы, от негативных последствий изменения климата и стихийных бедствий. Все проекты, влияющие на устойчивое развитие и устойчивость к изменению климата, должны разрабатываться при конструктивном и осознанном участии всего населения. В этой связи Комитет обращает внимание государства-участника на пункт 62 замечания общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь». См.: Заключительные замечания по

правам человека принимают специальные заявления. Так, в октябре 2018 г. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (далее – КЭСКП) принял заявление «Изменение климата и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах»[797], а в сентябре 2019 г. пять договорных органов по правам человека (Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, КЭСКП, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Комитет по правам ребенка и Комитет по правам инвалидов) выпустили совместное заявление о правах человека и проблеме изменения климата[798]. Область защиты окружающей среды и противодействия изменению климата расширяется также путем толкования юридического содержания прав человека в замечаниях и рекомендациях общего порядка. Относительно последнего пункта следует отметить, что подобные документы разработали несколько договорных органа, а именно:

- КЭСКП – замечание общего порядка № 15 (2002) «О праве на воду» (ст. 11 и 12 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП, Пакт)[799]; замечание общего порядка № 27 (2025) об экономических, социальных и культурных правах и экологическом компоненте устойчивого развития[800];

первоначальному докладу Кабо-Верде [Электронный ресурс]. URL: http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmlBEDzFEovLCuW2SVEifiSi5CHiiIjmu%2FKBsO3kKEjkCQdEIepRojcYQDpoThrfHLLfymdqpHD1BqPo5tDGu%2FyA%2BrGRTs7Mpl5uBrrNnuBZXR8vTGNH8y4vFH (дата обращения: 28.08.2026).

797 См.: Climate Change and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: statement by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, UN Doc. E/C.12/2018/1 of 31 October 2018. Geneva: UN, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1651395?ln=en (дата обращения: 28.07.2026).

798 См.: Joint Statement on «Human Rights and Climate Change» // Commission for Environmental Cooperation [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24998&LangID=E (дата обращения: 28.07.2026).

799 См.: General comment No. 15: The Right to Water (Arts. 11 and 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) / Committee on Economic, Social and Cultural Rights. UN Doc. E/C.12/2002/11. 20 January 2003 // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights [Электронный ресурс]. URL: https://www2.ohchr.org/english/issues/water/docs/CESCR_GC_15.pdf (дата обращения: 28.08.2025).

800 Замечание общего порядка № 27 об экономических, социальных и культурных правах и экологическом компоненте устойчивого развития: документ ООН E/C.12/GC/27 от 6 ноября 2025 г.

•Комитет по правам ребенка – замечание общего порядка № 15 (2013) «О праве ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья» (ст. 24 Пакта)[801]; замечание общего порядка № 26 (2023) «О правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата»[802];

•Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин – общая рекомендация № 37 (2018) «О гендерных аспектах снижения риска бедствий в контексте изменения климата»[803];

•Комитет по правам человека (далее – КПЧ, Комитет) – замечание общего порядка № 36 (2018) по статье 6 МПГПП «О праве на жизнь»[804].

Таким образом, договорные органы подготовили прочную почву для вынесения конкретных решений по жалобам на нарушение прав человека в связи с действием/бездействием государств. Например, вынесенное КПЧ замечание общего порядка № 36 по статье 6 МПГПП «О праве на жизнь», которое Комитет обсуждал четыре года, сыграло важнейшую роль в выстраивании аргументации Комитета в деле *«И. Тейтиота против Новой Зеландии»*, которое будет рассмотрено нами ниже. Прежде всего следует обратить внимание на пункт 62 документа (раздел «Взаимосвязь статьи 6 с другими статьями Пакта и другими правовыми режимами»), в котором напрямую связываются «обязательства уважать и обеспечивать право на жизнь» и «государственные меры для защиты окружающей среды от изменения климата»[805]. Попутно отметим: тот факт, что жалоба в деле, о

---

[801] См.: Комитет по правам ребенка. Замечания общего порядка № 15 о праве ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения: документ ООН CRC/C/GC/15 от 17 апреля 2013 г.

[802] См.: Замечание общего порядка № 26 о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата: документ ООН CRC/C/GC/26 от 22 августа 2023 г.

[803] См.: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 37 (2018) о гендерных аспектах снижения риска бедствий в условиях изменения климата: документ ООН CEDAW/C/GC/37 от 13 марта 2018 г.

[804] См.: Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 36 «Статья 6: Право на жизнь»: документ ООН CCPR/C/GC/36 от 3 сентября 2019 г.

[805] Процитируем полностью данный пункт: «Деградация окружающей среды, изменение климата и неустойчивое развитие представляют собой ряд наиболее насущных и серьезных угроз для возможности нынешнего и будущих поколений пользоваться правом на жизнь. Таким образом, обязательства государств-участников по международному праву окружающей среды следует толковать в свете содержания статьи 6 Пакта, а обязательство государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь – также в свете их соответствующих обязательств по международному праву окружающей среды. Осуществление обязательства уважать и обеспечивать право на жизнь, и особенно достойную жизнь, зависит, в частности, от мер, принимаемых государствами-участниками для сохранения окружающей среды и ее защиты от ущерба,

котором пойдет речь ниже, была подана в 2015 г., замечание общего порядка было принято в 2018 г., а решение вынесено в 2019 г., вызывает вопрос о ретроспективности применения этого замечания. Однако возражений по этому поводу со стороны Новой Зеландии не последовало.

Комитет по правам человека. Комитет по правам человека был учрежден в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. КПЧ рассматривает сообщения, получаемые от отдельных лиц, которые заявляют, что их права, перечисленные в Пакте, были нарушены и обеспечить их защиту с помощью внутренних средств не удалось. СССР присоединился к Факультативному протоколу в 1991 г.[806], Россия является правопреемницей СССР.

Экологических прав как таковых в Пакте не содержится, но экологический аспект можно путем расширительного толкования выделить из права на жизнь, прав национальных меньшинств и коренных народов. Такой юридический путь ведет к появлению международных экологических обязательств. Комитет толкует права этнических, религиозных и языковых меньшинств пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, пользоваться родным языком (ст. 27 Пакта) в широком смысле, отмечая, что культура проявляется во многих формах, включая особый образ жизни, связанный с использованием земельных ресурсов (это касается в первую очередь коренных народов). Подобное толкование охватывает традиционные виды деятельности (например, рыболовство или охоту), а также право жить в резервациях, охраняемые законом. Пользование этими правами может потребовать осуществления действенных правовых мер

загрязнения и изменения климата в результате деятельности государственных и частных субъектов. Поэтому государствам-участникам следует обеспечивать устойчивое использование природных ресурсов, разработку и применение существенных экологических стандартов, проведение оценок воздействия на окружающую среду и консультации с соответствующими государствами по вопросам деятельности, которая может оказывать значительное воздействие на окружающую среду, представление уведомлений другим государствам о стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях и сотрудничество с ними, предоставление надлежащего доступа к информации об экологических угрозах и должный учет подхода, основанного на принципе предосторожности».

[806] См: Постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. № 2304-I «О присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 29. Ст. 853.

по защите и мер по обеспечению эффективного участия членов общин меньшинств в принятии решений, которые их затрагивают. Защита таких прав направлена на обеспечение сохранения и непрерывного развития культурной, религиозной и социальной самобытности соответствующих меньшинств, которое обогащает тем самым общество в целом. Например, практика КПЧ в отношении прав коренных народов, включая право пользоваться своей культурой, сыграла ключевую роль в развитии стандартов эффективного проведения консультаций[807]. Аналогичным образом в его Замечании общего порядка № 34[808] (2011 г.) по статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. напрямую признается право на доступ к информации, являющееся главным условием для того, чтобы общины могли узнавать о затрагивающих их экологических рисках и принимать необходимые предупредительные меры.

Репрезентативно обсудим наиболее важные дела из числа рассмотренных Комитетом, показывающие происхождение международных экологических обязательств из различных норм Международного пакта о гражданских и политических правах.

Впервые вопрос о защите экологических прав возник в КПЧ в 1980 г. в связи с делом «*EHP против Канады*»[809]. Группа канадских граждан утверждала, что хранение радиоактивных отходов вблизи их домов является нарушением права на жизнь нынешнего и будущих поколений. Комитет объявил жалобу

---

[807] См., например: Оминаяк и племя озера Любикон против Канады (Ominayak and Lubicon Lake Band v. Canada): сообщение № 167/1984, решение от 26 марта 1990 г., документ ООН CCPR/C/38/D/167/1984. Нью-Йорк: ООН, 1990; Апирана Мауика и др. против Новой Зеландии (Apirana Mahuika et al. v. New Zealand): сообщение № 547/1993, решение от 27 октября 2000 г., документ ООН CCPR/C/70/D/547/1993. Нью-Йорк: ООН, 2000.

[808] Замечание общего порядка № 34 «Статья 19: Свобода мнений и их выражения»: документ ООН CCPR/C/GC/34 от 12 сентября 2011 г.

[809] Сообщение № 67/1980 (EHP v. Canada): решение от 29 марта 1982 г., документ ООН CCPR/C/OP/1 [Электронный ресурс]. URL: http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/html/67-1980.htm (дата обращения: 13.08.2025). См. также Заявление № 197/1985 (Kitok v. Sweden): решение от 27 июля 1988 г., документ ООН CCPR/C/33/D/197/1985 [Электронный ресурс]. URL: https://hrlibrary.law.umn.edu/undocs/197-1985.html (дата обращения: 13.08.2025), по которому Комитет постановил, что Шведский закон «Об оленеводстве» 1971 г. не нарушает прав отдельных представителей саамов, поскольку является разумной и объективной мерой, необходимой для поддержания жизнеспособности и благополучия меньшинства (саамов) в целом.

неприемлемой, поскольку не были исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

В другом деле – «*Б. Оминаяк и Л. Бэнд против Канады*»[810] – заявители утверждали, что правительство провинции Альберта лишило их средств к существованию и нарушило их право на самоопределение путем продажи нефтяных и газовых концессий на их землях. Комитет признал, что историческая несправедливость и более поздние события, в том числе распоряжение нефтью и газом без согласования с проживающими на этой территории национальными меньшинствами, представляют собой нарушение прав меньшинств согласно статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Защита прав человека в условиях воздействия радиации при проведении ядерных испытаний на атоллах в южной части Тихого океана получила отражение в 1995 г. в деле *«Бордо и Темехаро против Франции»*[811]. Заявители утверждали, что испытания представляют угрозу для их права на жизнь, права не подвергаться произвольному вмешательству в их частную и семейную жизнь (ст. 17 Международного пакта), а также несут вред окружающей среде атоллов и морской среде океана. Комитет решил, что нарушение прав в данном случае труднодоказуемо, поскольку научная определенность по этому вопросу отсутствует, а истцы не представили достаточных доказательств, пытаясь перенести бремя доказывания на Францию.

Интересным представляется дело *«Оленеводов саами против Финляндии»*[812]. Представители народа саами, жаловались на разработку карьеров на традиционных землях саамов. Комитет не признал нарушения прав по статье 27, поскольку власти Финляндии принимали меры для

---

[810] Сообщение № 167/1984 (Ominayak and Lubicon Lake Band v. Canada): решение от 26 марта 1990 г., документ ООН CCPR/C/38/D/167/1984. Нью-Йорк: ООН, 1990.

[811] Сообщение № 645/1995 (Bordes and Temeharo v. France): решение от 22 июля 1996 г., документ ООН CCPR/C/57/D/645/1995. Нью-Йорк: ООН, 1996.

[812] Сообщение № 511/1992 (Ilmari Länsman et al. v. Finland): решение от 26 октября 1994 г., документ ООН CCPR/C/52/D/511/1992. Нью-Йорк: ООН, 1994. Есть и другие дела, касающиеся защиты прав оленеводов саами, в частности Сообщение № 431/1990 (O.S. et al. v. Finland): решение от 23 марта 1994 г., документ ООН CCPR/C/50/D/431/1990. Нью-Йорк: ООН, 1994; Сообщение № 671/1995 (Jouni E. Länsman et al. v. Finland): решение от 30 октября 1996 г., документ ООН CCPR/C/58/D/671/1995. Нью-Йорк: ООН, 1996.

обеспечения эффективного участия членов общин меньшинств в принятии решений, затрагивающих их интересы (был проведен ряд консультаций), а объем предполагаемой карьерной добычи не нарушает права заявителей на культуру. Кроме того, Комитет определил: были приняты меры по минимизации отрицательного воздействия на оленеводство и окружающую среду, однако власти Финляндии должны иметь в виду при заключении новых контрактов на разработку, что расширение горнодобывающей деятельности в будущем может привести к нарушению прав меньшинств по смыслу статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

В 1992 г. представители полинезийского народа маори обратились в Комиссию с жалобой на действия Новой Зеландии[813]. Суть дела состояла в проблеме определения баланса между правами коренных народов на природные ресурсы и действиями правительства по сохранению природных ресурсов. Дело в том, что Новая Зеландия приняла ряд мер для регулирования коммерческого и некоммерческого рыболовства в связи со значительным истощением рыбных ресурсов. Около 10 лет правительство согласовывало промысловые квоты с маори, и в 1992 г. был подписан соответствующий документ, который не устроил всех представителей меньшинств. Власти считали, что долг всех новозеландцев состоит в сохранении и рациональном использовании ресурсов для будущих поколений. Комитет же, выслушав обе стороны, отметил, что меры, воздействующие на образ жизни лиц, принадлежащих к меньшинству, не обязательно равнозначны отказу в реализации прав меньшинств в соответствии со статьей 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. В окончательном решении Комитета было признано отсутствие нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. со стороны Новой Зеландии с учетом того факта, что правительство осуществило необходимые меры для

[813] Сообщение № 547/1993 (Apirana Mahuika et al. v. New Zealand): решение от 27 октября 2000 г., документ ООН CCPR/C/70/D/547/1993 [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: ООН, 2000. URL: https://hrlibrary.umn.edu/undocs/547-1993.html (дата обращения: 29.08.2026).

обеспечения участия меньшинств в принятии решения об ограничении рыболовства.

Отметим, что КПЧ наработал большую практику по защите экологических прав коренных народов. Так, недавно Комитетом было рассмотрено дело, связанное с заявлением общины коренного народа Парагвая, в котором было установлено нарушение иностранными компаниями, занимающимися аграрной деятельностью, прав, закрепленных в международных актах по правам коренных народов[814].

25 июля 2019 года Комитет ООН по правам человека единогласно принял мнение[815] по делу «*Портильо Касерес и др. против Парагвая*»[816]. В этом знаменательном решении Комитет впервые рассмотрел вопрос об обязанности государств защищать людей от ухудшения состояния окружающей среды в соответствии со статьями 6 (право на жизнь) и 17 (невмешательство в личную и семейную жизнь, неприкосновенность жилища) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП). При этом Комитет в обоснование своей позиции привел решения органов региональных правозащитных систем, что свидетельствует об определенном сходстве во взглядах международных судебных и квазисудебных органов на процесс экологизации прав человека. Принятое Комитетом ООН мнение, с нашей точки зрения, будет способствовать росту признания защиты окружающей среды как элемента защиты прав человека, тем более что уже в своем последующем «экологическом» мнении по делу «*И. Тейтиота против Новой*

---

[814] Абашидзе А. Х. Особая связь коренных народов с традиционными землями (дело народа ава гуарани против Республики Парагвай) / А. Х. Абашидзе, Н. А. Шеремет // Международный правовой курьер. 2021. № 7. С. 9-16.

[815] С учетом квазисудебного характера деятельности Комитета по правам человека принимаемые им по итогам рассмотрения индивидуальных/коллективных жалоб документы именуются «мнениями», а не «решениями» для того, чтобы подчеркнуть их рекомендательный характер. В соответствии с вышеуказанными оговорками слово «решение» будет использоваться в настоящем тексте исключительно как синоним.

[816] Portillo Cáceres et al. v. Paraguay: document CCPR/C/126/D/2751/2016/ (Human Rights Committee, 20 September 2019). Подробный анализ см.: Солнцев А. М. Когда использование агрохимикатов и пестицидов может привести к нарушению прав человека (практика Комитета ООН по правам человека) / А. М. Солнцев // Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности: сборник материалов Международной научно-практической онлайн-конференции (Нур-Султан, 30 сентября 2020 г.) / под ред. Ш. В. Тлепиной, Р. Д. Акшаловой, Д. М. Каматовой. Нур-Султан: ИП Булатов, 2020. С. 210-218.

Зеландии» КПЧ сослался на это решение[817], продемонстрировав тем самым стремление к устойчивой практике.

Жалоба против Республики Парагвай была инициирована 30 сентября 2013 года двумя крестьянскими семьями (девять взрослых и двое несовершеннолетних – сын и племянник покойного)[818], которые были отравлены большим количеством агрохимикатов и пестицидов (включая инсектициды) с токсичным действием, используемых на соседних фермах. Несмотря на то, что парагвайское законодательство запрещало такое использование и таким методом[819], государство не предприняло существенных шагов для обеспечения соблюдения существующих национальных законов, игнорируя жалобы, поступавшие в различные министерства, административные и судебные органы Парагвая (включая Министерство сельского хозяйства, Министерство по охране окружающей среды, Институт развития сельских районов и освоения земель, Национальную службу фитосанитарного контроля и качества растений и семян, Прокуратуру по уголовным делам г. Куругуати).

В результате один человек (Рубен Портильо Касерес) умер в 2011 г., а еще 22 человека из общины, включая авторов жалобы и двух детей, были госпитализированы. Кроме того, крестьянские семьи пострадали от потери фруктовых деревьев, гибели различных сельскохозяйственных животных, серьезного ущерба урожаю, отравления колодцев[820] и водоемов. Семьи

---

[817] Ioane Teitiota v. New Zealand: document CCPR/C/127/D/2728/2016 of 7 January 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org/cases,HRC,5e26f7134.html (дата обращения: 14.03.2022). Подробнее о деле см.: Солнцев А. М. Приоткрывая ящик Пандоры: анализ мнения Комитета по правам человека о «климатических» беженцах 2020 года / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2020. № 3 (35). С. 41-54.

[818] Норма Портильо Касерес (от ее собственного имени и от имени ее покойного брата Рубена Портильо Касереса), Эрменегильда Касерес, Изабель Бордон Рамирес (от ее собственного имени и от имени ее несовершеннолетнего сына Диего Рубена Портильо Бордона, сына покойного), Руперто Бордон Хуарес, Игнасио Бордон Рамирес, Каферино Бордон Рамирес, Хосе Бордон Рамирес, Алисия Аранда (от ее собственного имени и от имени ее несовершеннолетнего сына Сантьяго Бордона Аранды), Бенито Милсиадес Хара Сильва.

[819] Указ № 2048/04 о защитных насаждениях вдоль дорог; Постановление № 485/03 о защитных насаждениях в населенных пунктах; Указ № 18831/86 о мерах по охране водотоков и родников; Закон № 294/93 о воздействии на окружающую среду; Закон № 716/96 об экологических преступлениях; Закон № 3742/2009 о контроле за фитосанитарными препаратами сельскохозяйственного назначения и Закон № 123/91 об утверждении новых правил фитосанитарной безопасности.

[820] Результаты анализа показали наличие в колодце запрещенных агрохимикатов. Альдрин и линдан (пестицид и инсектицид, запрещенные для использования в любом виде с 24 мая 1993 г. по причине их высокой

утверждали, что государство не выполнило своей обязанности в отношении обеспечения защиты, поскольку не проявило должной осмотрительности и допустило в нарушение действующего законодательства широкомасштабное распыление токсичных веществ на фермах, прилегающих к их домам, в результате чего Портильо Касерес скончался с симптомами отравления токсичными агрохимикатами, а здоровью авторов жалобы был нанесен серьезный ущерб (были зафиксированы такие симптомы недомогания, как тошнота, головокружение, головная боль, повышенная температура, боль в желудке, рвота, понос, кашель и кожные повреждения).

Признав Республику Парагвай виновной, Комитет в целях обеспечения эффективного средства правовой защиты и предоставления полного возмещения лицам, чьи права были нарушены, предписал: «провести эффективное и тщательное расследование фактов; назначить всем лицам, которые несут ответственность за произошедшие события, меры уголовного и административного наказания; предоставить истцам полное возмещение за причиненный им ущерб, включая надлежащую компенсацию; а также не допускать подобных нарушений в будущем»[821]. В заключение Комитет просил Парагвай представить в течение 180 дней информацию о мерах, принятых для претворения в жизнь решения, а также опубликовать его текст и обеспечить широкое распространение, в частности в ежедневной газете, выходящей большим тиражом в департаменте Канендию[822]. Думается, что высказанные рекомендации очень важны в экологических спорах, поскольку включают дифференцированный подход, вплоть до информирования земляков истцов о благополучном разрешении спора.

токсичности для человека и окружающей среды) и эндосульфан (инсектицид, ввести глобальный запрет на применение которого призвал в 2008 г. Комитет по обзору стойких органических загрязнителей Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях. В ноябре 2010 г. государство-участник приняло решение приостановить регистрацию и выдачу разрешений на импорт эндосульфана, запретить его использование при возделывании огородных и плодовых культур и в течение двух лет постепенно запретить его применение в рамках возделывания полевых культур).

[821] Portillo Cáceres et al. v. Paraguay. Communication No. 2751/2016. UN: document CCPR/C/126/D/2751/2016 (25 July 2019) // Human Rights Committee. Geneva: UN, 2019.

[822] Там же. Пункт. 10.

В данном деле Комитет по правам человека обобщил региональную международную правозащитную практику, поскольку до настоящего времени он не имел четкой собственной правовой позиции в отношении обязанности государств защищать окружающую среду и, следовательно, определения объема такого обязательства государства. Тем самым Комитет сделал первый шаг к поиску международного стандарта в отношении объема обязанности государств защищать окружающую среду в целях соблюдения своих международных обязательств в области прав человека, прежде всего в части права на жизнь и защиты жилища, частной и семейной жизни.

Неспособность государства остановить вредное воздействие токсичных веществ на людей влечет нарушение прав на жизнь, на невмешательство в личную и семейную жизнь, на неприкосновенность жилища, причем даже при отсутствии смертельного исхода. Защита этих прав требует, чтобы государства обеспечивали защиту отдельных лиц и общин от подверженности воздействию опасных явлений и веществ. Крайне важно, что Комитет отметил: государства могут нарушать права человека, даже если принимают меры, но они оказываются неэффективными.

Таким образом, можно констатировать, что связь между защитой окружающей среды и правами человека бесспорна, но объем международных экологических обязательств государств, вытекающих из положений Пакта еще недостаточно ясен. Комитет по правам человека, как универсальный правозащитный орган, должен использовать свой глобальный охват, чтобы способствовать последовательной и прозрачной правоприменительной практике, которая помогает установить для государств четкие руководящие принципы.

Далее рассмотрим кратко два климатических дела.

Дело «*Тейтиота против Новой Зеландии*» было инициировано в Комитете ООН по правам человека в связи с предполагаемым нарушением со стороны

Новой Зеландии права на жизнь, зафиксированного в статье 6 МПГПП[823]. До недавнего времени это была единственная «климатическая» жалоба, направленная в договорные органы по правам человека. Однако в сентябре 2019 г. 16 детей и подростков возрастом от восьми до 17 лет (включая широко известную экологическую активистку Грету Тунберг) подали заявление в Комитет ООН по правам ребенка, обвинив Аргентину, Бразилию, Германию, Турцию и Францию в том, что указанные государства не предпринимают достаточных усилий для борьбы с изменениями климата, нарушая тем самым Конвенцию ООН о правах ребенка[824]. 8 октября 2021 года было вынесено решение по этой жалобе[825]. Комитет отказался от ее рассмотрения, поскольку, с его точки зрения, не были исчерпаны национальные средства правовой защиты. Но, с другой стороны, в самом тексте решения были зафиксированы важные правовые позиции относительно влияния (в том числе трансграничного воздействия) климата на права человека. Данные правовые позиции, безусловно, будут цитироваться в других международных и национальных судебных учреждениях, так как количество «климатических» жалоб в ближайшее время будет расти.

Перейдем к рассмотрению содержания дела *Тейтиота против Новой Зеландии.* И. Тейтиота – гражданин островного государства Кирибати в Океании, проживавший на острове Тарава. В 2007 г. он эмигрировал из Кирибати в Новую Зеландию ввиду негативных последствий изменения местного климата и повышения уровня моря. Климатические изменения, влияющие на качество жизни, проявлялись в следующем: из-за деградации

---

[823] Подробный анализ см.: Солнцев А. М. Приоткрывая ящик Пандоры: анализ мнения Комитета по правам человека о «климатических» беженцах 2020 года / А. М. Солнцев // Международное правосудие. 2020. № 3 (35). С. 41-54.

[824] Countries Violate Rights over Climate Change, Argue Youth Activists in Landmark UN Complaint [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/en/story/2019/09/1047292 (дата обращения: 28.08.2025). Подробнее см.: Юсифова П. Н. Дела «Кьяра Сакки и др. против Аргентины, Бразилии, Франции, Германии, Турции» / П. Н. Юсифова // Защита экологических прав человека на международном уровне: практикум: учебное пособие / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская [и др.]; под ред. А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцева. М.: РУДН, 2025. С. 85-107.

[825] Decision adopted by the Committee on the Rights of the Child under the Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on a communications procedure in respect of Communication No. 105/2019 of 8 October 2021. Chiara Sacchi et al: документ ООН CRC/C/88/D/105/2019.

почвы становилось все труднее прокормиться работой в поле; из-за повышения уровня моря пресная вода смешивалась с соленой, становилась непригодной для питья, впоследствии питьевая вода стала выдаваться по талонам; в результате сокращения площади плодородных земель в стране вспыхивали ожесточенные конфликты, связанные с правом на землю, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы. И. Тейтиота и его жена приехали в Новую Зеландию получили там вид на жительство; позже у них родилось трое детей. После 2010 г., когда истек срок вида на жительство, семья продолжала находиться в стране нелегально. В 2012 г. они подали документы на получение статуса беженцев и получили отказ. В 2013 г. И. Тейтиота был привлечен к ответственности Трибуналом по иммиграции и защите Новой Зеландии и после ряда апелляций в сентябре 2015 г. был выслан из страны. Вскоре после этого за ним последовала его семья. 15 сентября 2015 года И. Тейтиота подал жалобу в КПЧ против Новой Зеландии. Жалоба касалась нарушения права на жизнь в соответствии с пунктом 1 статьи 6 МПГПП. Повышение уровня моря в Кирибати привело, во-первых, к нехватке пригодного для жилья пространства, что, в свою очередь, повлекло за собой ожесточенные земельные споры, угрожающие жизни истца, а во-вторых, к ухудшению состояния окружающей среды, в том числе к загрязнению пресной воды соленой водой.

Позиция Комитета ООН по правам человека. Комитет на основании представленных данных признал жалобу приемлемой и при этом отметил, что вопрос состоит не в том, был ли истец на момент подачи заявления жертвой нарушения Пакта в прошлом, а в том, обосновал ли он, что именно после депортации столкнулся с реальной угрозой причинения непоправимого вреда здоровью.

Вначале Комитет указал на пункт 12 своего замечания общего порядка № 31 о характере общего юридического обязательства, возложенного на государства – участников Пакта. В нем зафиксировано обязательство государств-участников «не выдавать, не депортировать, не высылать человека

с их территории, когда есть серьезные основания полагать, что существует реальный риск причинения непоправимого вреда, такого как тот, который предусмотрен статьями 6 и 7 Пакта»[826]. Далее в своей аргументации Комитет неоднократно приводил правовые позиции из вышеупомянутого замечания общего порядка № 36 2018 г. по статье 6, в том числе пункт 62, в котором напрямую связываются «обязательства уважать и обеспечивать право на жизнь» и «государственные меры для защиты окружающей среды от изменения климата». Как раз в этом пункте можно увидеть ту самую тенденцию к «озеленению» прав человека, когда из классических прав человека путем расширительного толкования выводятся экологические составляющие. Комитет также отметил, что он, в дополнение к правовым позициям региональных трибуналов по правам человека, установил: ухудшение состояния окружающей среды может поставить под угрозу эффективное осуществление права на жизнь, а серьезное ухудшение состояния окружающей среды может отрицательно сказаться на благосостоянии человека и привести к нарушению права на жизнь. Для подтверждения данного тезиса были приведены как собственные правовые позиции[827], так и позиции ЕСПЧ[828], Межамериканского Суда по правам человека[829] и Африканской комиссии по правам человека и народов[830].

---

[826] См.: The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant: документ CCPR/C/21/Rev.1/Add.13 [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org/docid/478b26ae2.html (дата обращения: 28.08.2025).

[827] Portillo Cáceres et al. v. Paraguay. Communication No. 2751/2016. Para 7.4. UN: document CCPR/C/126/D/2751/2016 (25 July 2019) // Human Rights Committee. Geneva: UN, 2019.

[828] Cordella and Others v. Italy: judgment of 24 January 2019. Applications nos. 54414/13 and 54264/15. Para 157 // European Court of Human Rights. Strasbourg: European Court of Human Rights, 2019; M. Özel and Others v. Turkey. Applications nos. 14350/05, 15245/05 and 16051/05: judgment of 17 November 2015 // European Court of Human Rights; Budayeva and Others v. Russia, Applications nos. 15339/02, 21166/02, 20058/02, 11673/02 and 15343/02: judgment of 20 March 2008. Paras 71, 89, 90, 118 [Электронный ресурс]. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-85436 (дата обращения: 01.08.2026).

[829] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights). Para 47 [Электронный ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026); Case of Kawas Fernández v. Honduras. Merits, Reparations and Costs: judgment of 3 April 2009. Ser. C. № 196. Para 148 // Inter-American Court of Human Rights. San José: IACtHR, 2009.

[830] Обязанности государств по защите права на жизнь «распространяются на сохранение и защиту окружающей среды, а также на гуманитарные меры реагирования на стихийные бедствия, голод, вспышки инфекционных заболеваний или другие чрезвычайные ситуации». См.: African Commission on Human and

Далее Комитет рассмотрел доказательства по всем потенциальным рискам в Кирибати и высказал свою оценку:

- относительно возникновения насилия из-за доступа к плодородным землям Комитет отметил, что нет оснований считать общую ситуацию насилия достаточно интенсивной для того, чтобы создать реальный риск причинения непоправимого вреда согласно статьям 6 или 7 Пакта (случаи насилия единичны, являются общим риском, однако сам И. Тейтиота в них не участвовал);
- относительно доступа к воде Комитет указал: истец не представил надежной информации, подтверждающей, что запасы пресной воды недоступны, недостаточны или небезопасны и могут создать обоснованно предсказуемую угрозу для здоровья, которая могла бы ущемить право истца на достойную жизнь или вызвать его неестественную или преждевременную смерть;
- относительно снижения урожайности из-за засоления почвы Комитет посчитал, что «в некоторых местах из-за отсутствия альтернативных средств к существованию люди могут подвергаться повышенному риску, становиться уязвимыми по отношению к неблагоприятным последствиям изменения климата (следует подчеркнуть, что эта позиция будет важна для будущих исков), но в данном случае истец не предоставил информации об альтернативных источниках занятости и о наличии финансовой помощи для удовлетворения основных гуманитарных потребностей в Республике Кирибати»; (кроме того, Трибунал Новой Зеландии, напротив, установил, что наиболее питательные культуры по-прежнему доступны в Республике Кирибати).

В завершение Комитет указал на отсутствие данных о том, что после депортации существовал реальный и обоснованно предсказуемый риск того, что истец окажется в ситуации нищеты, отсутствия пищи и крайней

Peoples' Rights. General Comment No. 3 on the African Charter on Human and Peoples' Rights: The Right to Life (Article 4). Pretoria: Pretoria University Law Press (PULP), 2016. 17 p.

ненадежности, которая может поставить под угрозу его право на жизнь. Принимая во внимание тот факт, что остров перенаселен, что противоволновые дамбы разрушаются и количество наводнений увеличивается, а также тезис истца о том, что Республика Кирибати станет непригодной для проживания в течение 10–15 лет, Комитет отметил, что это достаточный срок, чтобы с помощью международного сообщества изменить ситуацию к лучшему, тем более что заметна активность в отношении решения данной проблемы[831]. Здесь важно остановиться и особенно отметить этот пункт. Комитет не только сделал довольно общее заявление об обязательствах всех государств, принимающих беженцев, и государств исхода, но и обратился к международному сообществу в целом (пп. 9.12, 9.13). Теперь, прося «международных усилий» и «помощи международного сообщества», Комитет вводит «беспрецедентное обязательство сотрудничества» всех государств в деле противодействия изменению климата[832]. Если детально изучить замечание общего порядка № 36, можно обнаружить, что единственный случай, когда Комитет указал на ответственность государств как членов международного сообщества за защиту жизней, касался актов агрессии (пункт 70)[833]. Таким образом, можно говорить о выявлении обязательства *erga omnes* в контексте толкования положений Пакта.

Итак, на всех перечисленных основаниях истцу было отказано, и Комитет не увидел заявленной истцом связи между изменением климата и правом на жизнь. Теперь перейдем к пункту мнения Комитета, который уже вошел в историю развития международных экологических обязательств в части защиты экологических прав человека[834]. Процитируем полностью это

---

[831] Human Rights Committee. Views adopted by the Committee under article 5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No. 2728/2016 (Ioane Teitiota v. New Zealand) (7 January 2020). Para 9.12 // UN Doc. CCPR/C/127/D/2728/2016.

[832] Reeh G. Climate Change in the Human Rights Committee // EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law [Электронный ресурс]. URL: https://www.ejiltalk.org/climate-change-in-the-human-rights-committee/ (дата обращения: 28.08.2025).

[833] Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 36 «Статья 6: Право на жизнь»: документ ООН CCPR/C/GC/36 от 3 сентября 2019 г.

[834] Этот пункт, собственно, и позволил использовать в заглавии статьи оборот «приоткрывая ящик Пандоры» – именно «приоткрывая», поскольку Комитет в конечном счете не признал Новую Зеландию виновной в нарушении.

положение: «Комитет принимает к сведению вывод Трибунала о том, что ущерб, вызванный изменением климата, может как быть нанесен в результате внезапных событий, так и быть следствием медленно развивающихся процессов. Данные показывают, что внезапно возникающие события – это отдельные явления, которые оказывают немедленное и очевидное воздействие в течение нескольких часов или дней, в то время как медленный эффект (медленно развивающиеся процессы) может иметь длительное неблагоприятное воздействие на средства к существованию и ресурсы в течение периода от месяца до нескольких лет. Как внезапно возникающие события (такие как сильные штормы и наводнения), так и медленные процессы (такие как повышение уровня моря, засоление и деградация земель) могут стимулировать трансграничное перемещение людей, ищущих защиты от ущерба, связанного с изменением климата. Комитет считает, что без решительных национальных и международных усилий из-за последствий изменения климата в государствах могут быть нарушены права людей в соответствии со статьями 6 или 7 Пакта, что приведет к возникновению у государств исхода обязательств по недопущению принудительного возвращения (принцип невысылки). Кроме того, учитывая, что риск для всей страны оказаться под водой, представляет собой чрезвычайный риск, условия жизни в такой стране могут стать несовместимыми с правом на достойную жизнь до того, как этот риск будет реализован»[835].

Комитет весьма мудро и с «заделом на будущее» указал в заключение: «Не умаляя сохраняющейся обязанности государства-участника учитывать в будущих делах о депортации ситуацию в Республике Кирибати, а также новые и обновленные данные о последствиях изменения климата и повышения уровня моря, Комитет не может считать, что права истца по статье 6 Пакта были нарушены при его депортации в Республику Кирибати в 2015 году»[836].

---

[835] Human Rights Committee. Views adopted by the Committee under article 5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No. 2728/2016 (Ioane Teitiota v. New Zealand) (7 January 2020) // UN Doc. CCPR/C/127/D/2728/2016.

[836] Там же. Para 9.14.

Мнение Комитета было принято 24 октября 2019 года, а обнародовано 7 января 2020 года[837]. При этом 16 членов Комитета проголосовали «за», а два (Василика Санчина из Словении и Дункан Лаки Мухумуза из Уганды) – «против». Стоит отметить, что два особых мнения указывают на интенсивную дискуссию в Комитете. Рассмотрим аргументы этих экспертов.

В. Санчина обосновала свое несогласие с мнением Комитета следующим образом. Она посчитала, что Кирибати не выполняет своих обязательств в части доступа к чистой питьевой воде и тем самым нарушает право истца на жизнь. Кроме того, она акцентировала внимание на том, что в деле есть путаница между понятиями «питьевая вода» и «безопасная питьевая вода». Эксперт привела данные из Доклада специального докладчика ООН по вопросу о праве человека на безопасную питьевую воду и санитарию, подготовленного по итогам миссии этого докладчика в Кирибати в июле 2012 г.[838] В этом докладе говорится в числе прочего о невыполнении показателей Национальной политики в области водных ресурсов и Национальной политики в области санитарии. Словенский профессор в чем-то права, ведь и Национальную программу действий по адаптации Кирибати 2007 г., наличие которой во многом повлияло на исход дела, никто не оценивал на предмет выполнения показателей. Думается, что здесь должны срабатывать другие механизмы контроля и оценки национальных отчетов. Сегодня это мог бы быть Комитет по соблюдению Парижского соглашения, созданный для содействия, поощрения и обеспечения соблюдения обязательств в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 15 Парижского соглашения[839].

---

[837] Там же. Para 9.15.

[838] Press Statement United Nations Special Rapporteur on the Human Right to Safe Drinking Water and Sanitation Ms. Catarina de Albuquerque Mission to the Republic of Kiribati. 25 July 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://newsarchive.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12389&LangID=E (дата обращения: 28.08.2025); Доклад Специального докладчика по вопросу о праве человека на безопасную питьевую воду и санитарию Катарины де Альбукерке. Миссия в Кирибати (23-26 июля 2012 г.): документ ООН A/HRC/24/44/Add.1 от 28 июня 2013 г.

[839] См.: Committee to facilitate implementation and promote compliance referred to in Article 15, paragraph 2 of the Paris Agreement (PAICC) [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/bodies/constituted-bodies/committee-to-facilitate-implementation-and-promote-compliance-referred-to-in-article-15-paragraph-2#eq-1 (дата обращения: 28.08.2020). Подробнее см.: Tabau A.-S. Climate Change Compliance Procedures / A.-S. Tabau // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 12-19.

Угандийский эксперт Дункан Лаки Мухумуза выразил несогласие со всеми аргументами Комитета, указав, что порог риска слишком высок в понимании Комитета («нелогично ждать, пока смерть станет очень частой, чтобы считать порог риска достигнутым» – см. п. 5) и в целом на истца возложено необоснованное бремя доказывания реального риска и опасности произвольного лишения жизни. В подкрепление своей позиции он сослался на предыдущую практику Комитета и уже известное замечание общего порядка № 36 о праве на жизнь. Д. Мухумуза завершил свой текст индивидуального мнения ярким обличительным высказыванием: «Действия Новой Зеландии больше похожи на заталкивание тонущего человека обратно на палубу тонущего судна, с тем “оправданием”, что на борту все-таки есть и другие путешественники».

Если взглянуть на анализируемое дело с определенной долей абстракции, то можно обнаружить, что оно было бы эффективно разрешено, скорее, в другом договорном органе по правам человека – в КЭСКП. Ведь именно в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах зафиксированы право на жилище, здоровье, питание, и именно этот Комитет принял замечание общего порядка «О праве на воду»[840]. Почему истец не обратился в этот Комитет? Ответ прост: Новая Зеландия не признала юрисдикцию КЭСКП в части рассмотрения жалоб, что было предусмотрено Факультативным протоколом 2008 г.[841] Так что, возможно, в ближайшем будущем и в этот Комитет будут поданы «климатические» жалобы, направленные, однако, против государств, признавших его юрисдикцию, в особенности против развитых государств – членов ЕС (Бельгии, Франции, Италии или Испании).

---

[840] См.: Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, замечание общего порядка № 15 (2002) «О праве на воду»: документ ООН E/C.12/2002/11 от 20 января 2003 г. Статьи 11-12.

[841] Протокол был принят 10 декабря 2008 г., и с тех пор его ратифицировали всего 31 государства из 173 государств, ратифицировавших Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Статус см.: Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-3-a&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 28.07.2026).

Кроме того, проблема юрисдикции возникает и в упомянутом деле, связанном с именем Греты Тунберг. Иск инициирован со стороны 16 детей – граждан 12 государств (Аргентины, Бразилии, Франции, Германии, Индии, Маршалловых Островов, Нигерии, Палау, Южно-Африканской Республики, Швеции, Туниса и США) – против пяти государств (Аргентины, Бразилии, Франции, Германии и Турции) в Комитет по правам ребенка. Почему против этих пяти? Являются ли они главными загрязнителями? Нет, в жалобе указано: «Каждый из ответчиков входит в топ-50 исторических источников выбросов с 1850 года, основываясь на выбросах ископаемого топлива: Германия занимает 5-е место, Франция – 8-е, Бразилия – 22-е, Аргентина – 29-е, Турция – 31-е место»[842]. Ответ на этот вопрос кроется в том, что данные государства признали юрисдикцию Комитета по правам ребенка в части подачи жалоб, предусмотренную третьим Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка[843]. Особо отметим тот факт, что дети четырех государств-ответчиков присутствуют, а детей – граждан Турции среди заявителей нет. Швеция – родина Греты Тунберг – не ратифицировала это соглашение, а США является единственным государством в составе ООН, которое не ратифицировало Конвенцию о правах ребенка 1989 г.[844]

Таким образом, можно констатировать, что будущее у «климатических» жалоб в договорных органах по правам человека, бесспорно, есть, но вместе с тем существуют и определенные юрисдикционные ограничения.

---

[842] Communication to the Committee on the Rights of the Child. In the case of *Chiara Sacchi (Argentina); Catarina Lorenzo (Brazil); Iris Duquesne (France); Raina Ivanova (Germany); Ridhima Pandey (India); David Ackley, III, Ranton Anjain, and Litokne Kabua (Marshall Islands); Deborah Adegbile (Nigeria); Carlos Manuel (Palau); Ayakha Melithafa (South Africa); Greta Thunberg and Ellen-Anne (Sweden); Raslen Jbeili (Tunisia); & Carl Smith and Alexandria Villaseñor (USA); Petitioners, v. Argentina, Brazil, France, Germany, Turkey, Respondents.* 23 September 2019. P. 7 [Электронный ресурс]. URL: https://childrenvsclimatecrisis.org/wp-content/uploads/2019/09/2019.09.23-CRC-communication-Sacchi-et-al-v.-Argentina-et-al-2.pdf (дата обращения: 28.08.2025).

[843] Третий Факультативный протокол ратифицировали с даты его принятия в 2011 году 34 государства. Статус см.: Третий Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11-d&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 28.07.2026).

[844] Конвенцию о правах ребенка 1989 г. ратифицировали 196 государств. Статус см.: Конвенция о правах ребенка 1989 г. [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&lang=en (дата обращения: 28.08.2025).

По мере того как негативные последствия изменения климата становятся все более явными, международное право постепенно адаптируется для защиты наиболее уязвимых государств и уязвимых категорий населения. С целью противодействия изменению климата сегодня, во-первых, принимаются новые нормы в МЭП, международном морском праве, международном воздушном праве и международном праве в области прав человека. Во-вторых, происходит процесс расширительного толкования имеющихся норм с целью учета климатических изменений в мире.

Количество климатических споров как споров о толковании международных экологических обязательств, безусловно, будет только расти. Тем важнее принимать в международных судебных и квазисудебных учреждениях взвешенные и обоснованные решения, не давая простор судейскому активизму. Представляется, что в данном случае это удалось, и ряд положений проанализированного мнения Комитета будет цитироваться в других решениях договорных органов по правам человека и региональных механизмах защиты прав человека при рассмотрении «климатических» исков.

Комитет ООН по правам человека впервые за всю историю договорных органов по правам человека рассмотрел «климатический» иск и, отказав конкретному заявителю, в целом признал, что при соблюдении ряда критериев у «климатических» беженцев есть основания не быть высланными в страну, где изменения климата приводят к столь губительным последствиям, что можно констатировать нарушение права на жизнь. В разобранном деле, по мнению Комитета, угрозы жизни не существовало, поскольку в Республике Кирибати уже были приняты соответствующие защитные меры. Получается, что борьба с изменением климата является государственной проблемой и несет в себе угрозу всему населению. Однако именно индивидуальную угрозу доказать крайне непросто, поэтому большинство «климатических» исков носят коллективный характер.

Дело «*Тейтиота против Новой Зеландии*» стало определенной вехой в развитии практики КПЧ: было дано новое истолкование «реального риска

непоправимого вреда»; была показана связь гражданских, экономических и социальных прав в рамках расширительного толкования права на жизнь; была на практике продемонстрирована «климатическая» составляющая права на жизнь; были установлены новые стандарты, которые в будущем могут способствовать благоприятному исходу других дел, связанных с просьбой о предоставлении статуса беженца по причине изменения климата.

В заключение отметим, что Комитет подчеркнул необходимость поддержки со стороны международного сообщества стран, страдающих от последствий изменения климата. Таким образом, было зафиксировано, что обязательства по сотрудничеству в сфере противодействия негативным последствиям изменения климата носят характер *erga omnes*. Если не принимать решительных мер как на международном, так и на национальном уровне, целые государства могут оказаться под водой. В этом случае угроза жизни станет очевидна, и принимающие государства уже не смогут депортировать тех, кто запрашивает статус беженца.

Дело «Жители Торресова пролива против Австралии». Группа из восьми жителей островов Торресова пролива, граждан Австралии, и шестерых их детей подала петицию против Австралии в Комитет ООН по правам человека. Все они являются коренными жителями Бойгу, Порумы, Варрабера и Масига, четырех небольших низменных островов в районе Торресова пролива в Австралии[845].

Островитяне заявили, что изменения погодных условий имеют прямые вредные последствия для их средств к существованию, их культуры и традиционного образа жизни. Они отметили, что сильное наводнение, вызванное приливом, наблюдаемым в последние годы, разрушило семейные могилы и оставило человеческие останки разбросанными по их островам. Жители островов утверждали, что поддержание кладбищ предков, а также их

[845] Подробнее см.: Солнцев А. М. Комитет ООН по правам человека: комментарий Решения от 13 сентября 2023 года по делу о компенсации за ущерб от последствий изменения климата (о жителях Торресова пролива) / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 3-23.

посещение и общение с умершими родственниками лежат в основе местной традиционной культуры. Кроме того, наиболее важные церемонии, такие как церемонии совершеннолетия и посвящения, имеют культурное значение только в том случае, если они проводятся на родных землях общины. Островитяне также утверждали в иске, что изменения климата, связанные с сильными дождями и штормами, привели к деградации земель и деревьев и, как следствие, к сокращению количества пищевых продуктов, получаемых за счет традиционного рыболовства и сельского хозяйства. Например, на острове Масиг повышение уровня моря привело к просачиванию соленой воды в почву и заболеванию кокосовых пальм, что впоследствии привело к гибели фруктов и кокосовой воды, которые являются частью традиционной диеты островитян.

Истцы отметили, что их права были нарушены, поскольку Австралия не смогла адаптироваться к изменению климата, хотя и предпринимала определенные усилия в этом направлении, в частности модернизировала дамбы на островах и сократила выбросы парниковых газов. В петиции утверждалось, что Австралия нарушает основные права человека истцов, предусмотренные Международным пактом о гражданских и политических правах, из-за неспособности правительства решить проблему изменения климата.

Эта петиция представляет собой первый судебный иск по изменению климата в Австралии, аргументы которого были основаны на нарушении прав человека. Она является также первым иском, поданным в орган ООН жителями низменных островов против своего государства, обвинив его в бездействии в сфере борьбы с изменением климата.

Истцы проживают на группе островов у северной оконечности австралийского штата Квинсленд, между материковой частью Австралии и Папуа – Новой Гвинеей. Эти низменные островные сообщества очень уязвимы к последствиям изменения климата, включая повышение уровня моря, штормовые нагоны, обесцвечивание кораллов и закисление океана. В жалобе утверждалось, что недостаточные усилия Австралии по борьбе с изменением

климата нарушили следующие права человека: статью 27 (право на культуру), статью 17 (право на свободу от произвольного вмешательства в частную жизнь, семью и жилище) и статью 6 (право на жизнь) Международного пакта о гражданских и политических правах. В жалобе также утверждалось, что эти нарушения связаны как с неадекватными целями и планами по сокращению выбросов парниковых газов, так и с недостаточным финансированием мер береговой защиты островов, в частности надежности таких сооружений, как дамбы.

13 августа 2020 года Австралия обратилась в Комитет с просьбой отклонить петицию.

23 сентября 2022 года КПЧ установил, что неспособность Австралии должным образом защитить коренных жителей островов от неблагоприятных последствий изменения климата нарушает их права пользоваться своей культурой и быть свободными от произвольного вмешательства в их частную жизнь, семью и дом. Комитет принял во внимание духовную связь жителей островов с их традиционными землями и зависимость их культурной целостности от «здоровья» окружающих их экосистем. Комитет указал, что, несмотря на ряд действий Австралии, таких как строительство новых дамб на четырех островах, которое, как ожидалось, должно было завершиться к 2023 г., необходимо принять дополнительные своевременные и соответствующие меры в целях предотвращения риска для жизни жителей островов, поскольку без надежных национальных и международных усилий последствия изменения климата могут подвергнуть отдельных лиц угрозе нарушения их права на жизнь, предусмотренного Пактом. В качестве средства правовой защиты Комитет попросил Австралию компенсировать коренным островитянам причиненный ущерб, провести содержательные консультации с их общинами для оценки их потребностей и принять меры для дальнейшего обеспечения безопасного существования общин на их соответствующих островах.

Таким образом, Комитет по правам человека вносит свой вклад в разъяснение определенных аспектов связи между правами человека и окружающей средой.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам[846]. Многие положения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. связаны с окружающей средой и устойчивым развитием, и в своем диалоге с государствами-участниками Комитет неизменно подчеркивал взаимосвязь между конкретными экономическими, социальными и культурными правами, а также правом на развитие, включая устойчивую охрану окружающей среды и усилия в области развития.

Учитывая важность ряда конкретных положений Пакта для устойчивого развития в диалоге с государствами – участниками Пакта, можно отметить следующие положения[847]:

а) значимость международного сотрудничества для поощрения экономических, социальных и культурных прав и устойчивого развития (п. 1 ст. 2 Пакта). В этой связи Комитет подчеркивает важное значение увеличения объема официальной помощи в целях развития (ОПР) до 0,7 % от валового национального дохода и обеспечения того, чтобы ОПР содействовала устойчивому развитию путем использования подхода к развитию, учитывающего права человека;

б) роль женщин в усилиях по охране окружающей среды, надлежащему использованию природных ресурсов и управлению ими, а также непропорционально негативное воздействие на женщин и бремя для них в тех случаях, когда истощаются природные ресурсы и наносится ущерб окружающей среде (ст. 3 и 11 Пакта);

---

[846] Комитет по экономическим, социальным и культурным правам был учрежден резолюцией ЭКОСОС 1985/17 для наблюдения за осуществлением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и функционирует как договорный орган.

[847] Заявление Комитета по экономическим, социальным и культурным правам в связи с Конференцией «Рио+20» по вопросу об «экологизации экономики в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты», принятое Комитетом на его 48-й сессии, состоявшейся 30 апреля – 18 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/bodies/constituted-bodies/committee-to-facilitate-implementation-and-promote-compliance-referred-to-in-article-15-paragraph-2#eq-1 (дата обращения: 28.08.2020).

в) обязательство обеспечивать здоровые условия для трудовой деятельности (ст. 7b Пакта);

г) обязательство государства-участника избегать появления неблагоприятных экологических последствий для осуществления права на питание его населения (п. 2a ст. 11 Пакта) и, в частности, необходимость в полной мере оценивать последствия использования недавно разработанных экологичных технологий в области энергии в связи с доступом к питанию и воде. Комитет также подчеркивает негативные последствия для осуществления права на питание в случаях захвата земель и сверхинтенсивного рыболовства, которые не только отрицательно сказываются на экологической устойчивости, но и пагубно отражаются на средствах к существованию нынешнего и будущего поколений;

д) необходимость сохранения природной среды обитания и устойчивых видов использования природных ресурсов в качестве элементов осуществления права на здоровье (ст. 12 Пакта) и, в частности, обеспечение доступа к безопасной питьевой воде и предотвращение деградации и загрязнения воды, затрагивающих право на здоровье. Кроме того, проблемы в сферах ассенизации, сбора и удаления опасных отходов могут не только оказывать негативное влияние на окружающую среду, но и вызывать эпидемии и появление передаваемых с водой заболеваний и тем самым негативно отражаться на осуществлении права на здоровье;

е) наличие связи между сохранением биоразнообразия[,] и i) потенциальными достижениями в фармакологии и медицине, которые имеют решающее значение для поощрения права на здоровье (ст. 12 Пакта) и ii) культурными правами коренных народов и местных общин, включая защиту их прав на традиционные знания (ст. 15 Пакта);

ж)важность тщательного поддержания баланса между требованиями «зеленой» экономики и предусмотренными Пактом обязательствами по уважению, защите и осуществлению прав жителей лесных районов и коренных народов на их исконные земли и традиционную культуру, а также,

в частности, между решениями о проведении рубок, приводящих к обезлесению, принимаемыми без предварительного осознанного согласия жителей лесных районов и коренных народов, которые непосредственно затрагивают их права. Защита их прав тесно связана с защитой окружающей среды и их природной среды обитания, без которой над такими общинами нависает угроза исчезновения;

з) важность обеспечения государствами – участниками Пакта того, чтобы усилия по достижению развития учитывали права бенефициаров развития. В этой связи в 2011 г. по случаю 25-й годовщины Декларации о праве на развитие Комитет принял заявление о значении и актуальности права на развитие[848];

и) важность соблюдения государствами – участниками Пакта своего обязательства по обеспечению того, чтобы корпоративный сектор соблюдал Рио-де-Жанейрские принципы, поскольку они затрагивают все предусмотренные Пактом права, как подчеркивалось Комитетом в его заявлении 2011 г. об обязательствах государств-участников в отношении корпоративного сектора и экономических, социальных и культурных прав[849].

Государства – участники Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. должны регулярно отчитываться перед Комитетом путем представления докладов о мерах, принимаемых на государственном уровне, об успехах, достигнутых в соблюдении признанных в Пакте прав.

В рамках данной процедуры иногда представляются доклады, содержащие информацию по вопросам окружающей среды, поскольку эта проблема затрагивает гарантированные Пактом права.

---

[848] Доклад Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о работе его сорок шестой и сорок седьмой сессий: документ ООН E/C.12/2011/2.

[849] Заявление об обязательствах государств-участников в отношении деловой активности и экономических, социальных и культурных прав: документ ООН E/C.12/2011/1.

Так, в 1986 г. Тунис сообщил[850] (в контексте статьи 11 Пакта) о праве на достаточный жизненный уровень о мерах, принимаемых для предотвращения деградации природных ресурсов, в частности эрозии, а также о мерах по предотвращению заражения пищевых продуктов.

Члены Комитета иногда просят предоставить конкретную информацию относительно экологического вреда, который угрожает правам человека. Польше, например, было предложено представить информацию в 1989 г. о мерах по борьбе с загрязнениями окружающей, особенно в Верхней Силезии[851].

Комитет часто затрагивает вопросы защиты экологических прав в своих замечаниях общего порядка, например в замечаниях «О праве на достаточное питание», «О праве на достаточное жилище», «О праве на воду», «О праве на наивысший достижимый уровень здоровья» и др.

В *Замечании общего порядка № 4 (1991) о праве на достаточное жилище*[852] Комитет по экономическим, социальным и культурным правам пояснил, что право на достаточное жилище включает в себя такие элементы, как его доступность, пригодность для проживания и приемлемое местонахождение, что в целом требует, чтобы жилье не строилось в экологически загрязненных районах.

Комитет также прояснил связь между безопасностью окружающей среды и осуществлением права на достаточное питание. В *Замечании общего порядка № 12 (1999) о праве на достаточное питание*[853] Комитет заявил, что осуществление права на достаточное питание требует от государства принятия «надлежащих мер экономической, экологической и социальной политики». Эти меры политики играют решающую роль в деле обеспечения «отсутствия содержания вредных веществ» в продуктах питания вследствие загрязнения

---

[850] Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства: документ ООН E/1986/3/Add.9.
[851] Доклад Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о работе его третьей сессии: документ ООН E/1989/4/Add.12.
[852] Замечание общего порядка № 4 – Право на достаточное жилище: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.
[853] Замечание общего порядка № 12 – Право на достаточное питание: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.

или неприемлемого уровня гигиены окружающей среды. Кроме того, важно отметить, что изменение климата, продуктивность земельных ресурсов или других природных ресурсов также упомянуты в Замечании общего порядка № 12 и что эти элементы неразрывно связаны с экологическим состоянием почв и воды.

В *Замечании общего порядка № 14 (2000) о праве на наивысший достижимый уровень здоровья*[854] Комитет по экономическим, социальным и культурным правам подробно характеризует право на здоровье и его основополагающие предпосылки, включая чистую окружающую среду.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. содержатся формулировки, касающиеся вопросов экологической и социальной гигиены на рабочем месте. В этой связи улучшение «социальных условий, предопределяющих здоровье», таких как экологическая безопасность, помогают предупреждать инфекционные заболевания.

Наконец, в Замечании общего порядка № 14 содержится призыв к государствам-участникам разработать национальные стратегии, направленные на «снижение и ликвидацию загрязнения воздуха, воды и почвы, включая загрязнение тяжелыми металлами, такими как содержащийся в бензине свинец».

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам признал, что существует право человека на воду, имеющее жизненно важное значение для уважения человеческого достоинства и осуществления прав человека, особенно права на достаточный жизненный уровень, которое сформулировано в статье 11 Пакта (Замечание общего порядка № 15 (2002) о праве на воду).

В *Замечании общего порядка № 15 (2002)*[855] Комитет напрямую увязал право на воду с вызывающими тревогу экологическими вопросами, отметив,

---

[854] Замечание общего порядка № 14 – Право на наивысший достижимый уровень здоровья: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.

[855] Замечание общего порядка № 15 – Право на воду: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.

что при адекватном снабжении водой в ней должны «отсутствовать микроорганизмы, химические вещества и радиоактивные отходы, представляющие опасность», а также она должна быть «приемлемого цвета, запаха и вкуса для целей ее потребления человеком или для целей бытового использования». Таким образом, осуществление права на достаточное водоснабжение зависит от экологической чистоты воды.

Другой важной областью, которая связывает права человека и окружающую среду, являются культурные блага и услуги, имеющие отношение к окружающей среде.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в *Замечании общего порядка № 21 (2009) о праве каждого человека на участие в культурной жизни*[856] заявил, что наличие объектов и предметов культурного назначения необходимо для осуществления права на участие в культурной жизни. К многочисленным культурным объектам, предметам и услугам относятся «природные блага», и государства-участники обязаны защищать «природные блага» от упадка и разрушения в целях соблюдения права на культурную жизнь. Коренные народы также имеют право «предпринимать действия на коллективной основе для обеспечения уважения своего права сохранять, контролировать, защищать и развивать свое культурное наследие», которое включает в себя их представления о растительном и животном мире и генетические ресурсы. Это право требует от государств-участников уважать принцип «свободного, предварительного и осознанного согласия» общин коренных народов.

Анализ деятельности Комитета показал, что государства – члены Пакта несут обязательства в области прав человека, связанные с защитой окружающей среды, причем как процессуальные, так и субстантивные обязательства. Рассмотрим их детально.

---

856 Замечание общего порядка № 21 – «Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1 а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)»: документ ООН E/C.12/GC/21 от 21 декабря 2009 г.

Процессуальные обязательства государств – членов Пакта в области прав человека, связанные с защитой окружающей среды.

К процессуальным обязательствам государств в области экологических прав человека относятся: обязанности по оценке воздействия на окружающую среду и обеспечению открытого доступа к информации; обязанности по содействию участию общественности в процессах принятия решений, касающихся окружающей среды и обязанность обеспечить доступ к средствам правовой защиты.

Обязанности по оценке воздействия на окружающую среду и обеспечению открытого доступа к информации. В своем Замечании общего порядка № 15 (2002) о праве на воду КЭСКП подчеркнул, что отдельные лица должны иметь полный и равноправный доступ к информации относительно водных ресурсов, систем водоснабжения и окружающей среды (п. 48). В комментариях по страновым докладам Комитет призывал государства проводить оценку воздействия мер, которые могут иметь неблагоприятные последствия для окружающей среды, для права на здоровье и других прав, относящихся к их компетенции.

Обязанности по содействию участию общественности в процессах принятия решений, касающихся окружающей среды. В этом плане стоит отметить, что КЭСКП призывает государства проводить консультации с затрагиваемыми сторонами в процессе оценки воздействия на окружающую среду, а также подчеркивает, что перед осуществлением какого-либо действия, которое представляет собой вмешательство в право индивида на воду, соответствующие органы должны обеспечить «возможность проведения реальной консультации с затрагиваемой стороной» (Замечание общего порядка № 15 (2002), п. 56). КЭСКП призывает государства «принять все необходимые меры для защиты законного осуществления всеми людьми своих прав человека в процессе содействия охране окружающей среды и устойчивому развитию».

Обязанность обеспечить доступ к средствам правовой защиты. Начиная с Всеобщей декларации прав человека 1948 г. все последующие международные правозащитные соглашения включают принцип, согласно которому государства должны обеспечить «эффективное средство правовой защиты» в случае нарушений защищенных прав, в том числе тех, которые ущемляются в результате нанесения ущерба окружающей среде. Комитет не раз призывал государства обеспечить «адекватную компенсацию и/или альтернативное жилье и землю для возделывания» коренным общинам и местным фермерам, земли которых были затоплены в результате осуществления крупных инфраструктурных проектов, и «справедливое возмещение и переселение» коренных народов, покинувших районы своего проживания в результате мер по лесовозобновлению.

Субстантивные обязательства государств – членов Пакта в области прав человека, связанные с защитой окружающей среды. Помимо процессуальных обязательств государств, Комитет также указал на наличие материальных обязательств государств в области прав человека, связанных с защитой окружающей среды. К таковым относятся обязательство по принятию и осуществлению нормативных положений, обязательства по обеспечению защиты от ущерба окружающей среде, нанесенного частными субъектами, и обязательства, связанные с трансграничным экологическим ущербом.

Обязательство по принятию и осуществлению нормативных положений. В отношении права на здоровье в Пакте предусмотрено (п. 2b ст. 12), что меры, которые должны быть приняты государством для полного осуществления этого права, «должны включать мероприятия, необходимые для… улучшения всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности». Интерпретируя эту формулировку в своем Замечании общего порядка № 14 (2000), Комитет отметил, что «право на здоровье включает в себя широкий спектр социально-экономических факторов, создающих условия, позволяющие людям жить здоровой жизнью, и охватывает основополагающие предпосылки здоровья, такие как… здоровая окружающая среда» (п. 4).

Согласно толкованию Комитетом формулировки «улучшение всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности» в пункте 2b статьи 12, она включает «предупреждение и снижение уровня воздействия на население вредных веществ, таких как радиация, опасные химикаты, или других пагубных экологических условий, которые прямо или косвенно влияют на здоровье человека» (п. 15). Для выполнения этой задачи от государств требуется принятие мер по защите от опасностей, связанных с состоянием окружающей среды, в том числе за счет разработки и осуществления стратегий, «направленных на снижение и ликвидацию загрязнения воздуха, воды и почвы» (п. 36). В случае если права человека ограничиваются в результате ущерба окружающей среде, в том числе при природных бедствиях, государства обязаны принимать меры путем оказания помощи пострадавшим.

Более того, Комитет настоятельно рекомендовал не принимать регрессивных мер в отношении осуществления прав, защищаемых Международным пактом, в свете закрепленного в Пакте обязательства о как можно более быстром продвижении к полной реализации этих прав. В своем замечании общего порядка о праве на наивысший достижимый уровень здоровья Комитет отметил, что, «как и в случае всех других прав, гарантируемых Пактом, следует исходить из того, что принятие регрессивных мер в отношении права на здоровье не разрешается». Если государства все же умышленно принимают регрессивные меры, то на них возлагается бремя доказывания того, что они сначала тщательно рассмотрели все альтернативы и что эти меры «являются должным образом оправданными применительно ко всей совокупности прав, предусмотренных в Пакте в контексте всестороннего применения государством-участником максимальных имеющихся ресурсов» (п. 32).

Наконец, после включения государством экологических стандартов в его законодательство оно должно осуществлять и обеспечивать выполнение этих стандартов. Кроме того, КЭСКП четко указал, что Пакт обязывает государства воздерживаться «от незаконного загрязнения воздуха, воды и почвы, например

посредством промышленных выбросов с государственных предприятий» (Замечание общего порядка № 14, п. 34) и воздерживаться «от незаконного сокращения объема или загрязнения водных ресурсов» (Замечание общего порядка № 15, п. 21)

Обязательства по обеспечению защиты от ущерба окружающей среде, нанесенного частными субъектами. Комитет в явной форме увязывает обязанность государств по обеспечению защиты от нарушений прав человека со стороны негосударственных субъектов (прежде всего ТНК) с такими нарушениями, вызванными загрязнением или иным ущербом для окружающей среды. Комитет отмечает, что «корпоративная деятельность может оказывать отрицательное воздействие на осуществление прав, закрепленных в Пакте», в том числе посредством пагубного воздействия на естественную природную среду, а также вновь заявляет об «обязанности государств-участников обеспечивать, чтобы все экономические, социальные и культурные права, закрепленные в Пакте, полностью соблюдались, а носители прав должным образом защищались в контексте корпоративной деятельности»[857]. Более того, в контексте права на воду Комитет четко заявил, что обязательство по обеспечению защиты требует принятия и применения эффективных мер, с тем чтобы воспрепятствовать нарушению третьими сторонами этого права путем загрязнения водных источников (Замечание общего порядка № 15 (2002), пп. 23 и 44b).

Обязательства, связанные с трансграничным экологическим ущербом. Настоящий вид обязательств в настоящее время является дискуссионным. Большинство международных правозащитных договоров содержат рестриктивный подход в этой части юрисдикции, хотя, например, во Всеобщей декларации прав человека и Африканской хартии не содержится четких положений о юрисдикционных ограничениях. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах может даже предоставлять

[857] Заявление об обязательствах государств-участников в отношении деловой активности и экономических, социальных и культурных прав: документ ООН E/C.12/2011/1. Пункт 1.

четко определенную основу для экстерриториальных обязательств (п. 1 ст. 2). Комитет истолковывает Пакт как требующий от его государств-участников «воздерживаться от любых действий, которые прямо или косвенно затрагивают осуществление прав на воду в других странах» (Замечание общего порядка № 15, п. 31), а также отмечает, что государства-участники должны принимать меры к тому, чтобы находящиеся в их юрисдикции третьи стороны, их собственные граждане и компании не нарушали права на воду и здоровье в других странах (Замечание общего порядка № 15, п. 33; замечание общего порядка № 14, п. 39).

30 сентября 2025 года (документ E/C.12/GC/27 датирован 26 сентября 2025 года) КЭСКП после многолетнего процесса консультаций принял Замечание общего порядка № 27 «Об экономических, социальных и культурных правах и экологическом измерении устойчивого развития»[858]. Документ прямо утверждает неразрывную связь между наличием международных экологических обязательств и реализацией международных обязательств по Пакту. Ключевые правовые позиции Замечания № 27: Комитет применяет к экологическому контексту стандартную схему: «уважать – защищать – осуществлять». Обязательство «уважать» предусматривает выполнение государствами ряда следующих требований: государства должны воздерживаться от действий, которые предсказуемо наносят значительный ущерб воздуху, земле, воде, океанам, стабильности климата, биоразнообразию и экосистемам; при риске серьезного и необратимого экологического ущерба, затрагивающего пактовые права, государства обязаны применять принцип предосторожности и принимать превентивные меры даже при отсутствии полной научной определенности; государства обязаны сохранять экологические условия, необходимые для реализации пактовых прав хотя бы на базовом уровне в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе, включая защиту источников питьевой воды, снижение выбросов загрязняющих

[858] Замечание общего порядка № 27 об экономических, социальных и культурных правах и экологическом компоненте устойчивого развития: документ ООН E/C.12/GC/27 от 6 ноября 2025 г.

веществ и сохранение критических экосистем (лесов, водно-болотных угодий); государства обязаны не допускать нанесения предсказуемого ущерба реализации пактовых прав в других странах в результате изменения климата, трансграничного загрязнения или неустойчивых моделей развития; при нарушении пактовых прав вследствие экологической деградации государства обязаны обеспечить своевременный, доступный и эффективный доступ к судебным и внесудебным средствам защиты, включая реституцию, компенсацию, сатисфакцию и гарантии неповторения, – эта позиция прямо соотносится с дискуссией о климатических репарациях для государств Глобального Юга.

Практика КЭСКП демонстрирует последовательную трансформацию: если ранние документы увязывали экологические факторы с уже признанными социальными правами, то Замечание № 27 конституирует экологическую устойчивость как автономный нормативный стандарт, интегрированный в систему пактовых обязательств[859].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что при выполнении всех международных обязательств государства – члены Пакта, должны уделять особое внимание защите экологических прав уязвимых групп населения. Комитет акцентирует внимание на защите прав коренных народов, женщин и детей.

В результате анализа актов, принятых КЭСКП, мы установили наличие обязательств государств по Пакту в области прав человека, связанных с защитой окружающей среды, будь то процессуальные или субстантивные обязательства. Более того, государства – члены Пакта должны соблюдать общее требование по недискриминации в области применения экологического законодательства и имеют дополнительные обязательства по отношению к членам особо уязвимых групп, в том числе к женщинам, детям и представителям коренных народов.

---

[859] Абашидзе А. Х. Правозащитное измерение концепции устойчивого развития в международном праве / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Международное публичное и частное право. 2025. № 4. С. 3-8.

Комитет по правам ребенка[860]. Согласно положениям Конвенции о правах ребенка 1989 г., государства должны периодически представлять доклады о принятых ими мерах по закреплению признанных в Конвенции прав и о прогрессе, достигнутом в осуществлении этих прав. При рассмотрении таких докладов Комитет не раз призывал к более тщательному выполнению пункта 2c статьи 24, касающегосяся принятия необходимых мер для борьбы с болезнями и недоеданием, в том числе в рамках первичной медико-санитарной помощи, которая включает среди прочего применение легкодоступных технологий и предоставление достаточно питательного продовольствия и чистой питьевой воды, принимая во внимание опасность и риск загрязнения окружающей среды.

Например, при рассмотрении доклада по ситуации в ЮАР Комитет акцентировал внимание на проблемах деградации окружающей среды, была изучена проблема воздействия загрязненной атмосферы на здоровье ребенка, также было рекомендовано ЮАР активизировать усилия по содействию осуществлению программ устойчивого развития для предотвращения деградации окружающей среды, особенно в отношении загрязнения воздуха[861].

При анализе доклада Иордании Комитет, учитывая проблемы загрязнения питьевой воды в государстве, рекомендовал принять все надлежащие меры, включая международное сотрудничество, для предупреждения и ликвидации последствий разрушительного воздействия загрязнения окружающей среды и для улучшения доступа к питьевой воде детям[862].

С начала 2010-х годов Комитет постепенно расширял толкование конвенционных норм, включая в них экологическое измерение, а в 2023 г.

---

[860] Комитет по правам ребенка был создан в соответствии со статьей 43 Конвенции о правах ребенка 1989 г. для наблюдения за осуществлением государствами положений Конвенции.

[861] См.: Заключительные замечания Комитета по правам ребенка: Южная Африка: документ ООН CRC/C/15/Add.122. Para. 30. Подобная ситуация была при рассмотрении докладов по Киргизии и Гренаде. См.: Заключительные замечания Комитета по правам ребенка: Кыргызстан: документ ООН CRC/C/15/Add.127; Заключительные замечания Комитета по правам ребенка: Гренада: документ ООН CRC/C/15/Add.121.

[862] См.: Заключительные замечания Комитета по правам ребенка: добавление № 125 к докладу Комитета на его пятнадцатой сессии: документ ООН CRC/C/15/Add.125. Para. 50.

закрепил это направление в отдельном тематическом документе – Замечании общего порядка № 26[863].

Первые шаги в этом направлении были сделаны в Замечании общего порядка № 15 (2013) о праве ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения[864] (ст. 24 Конвенции), где изменение климата было названо одной из наиболее серьезных угроз здоровью детей, а государствам предписывалось устранять экологические факторы риска. Параллельно Замечание общего порядка № 16 (2013) о влиянии предпринимательской деятельности на права ребенка[865] потребовало от государств регулировать и контролировать бизнес-структуры, включая их вклад в экологический ущерб. Таким образом, экологическая проблематика первоначально рассматривалась инструментально – как один из факторов реализации уже признанных прав (на здоровье, на защиту от вреда, причиняемого корпорациями), а не как самостоятельный правовой объект.

Качественный сдвиг произошел с принятием 22 августа 2023 года (принято Комитетом на 93-й сессии, 8–26 мая 2023 года) Замечания общего порядка № 26 «О правах детей и окружающей среде с особым вниманием к изменению климата» (CRC/C/GC/26)[866]. Документ впервые прямо и всеобъемлюще подтверждает наличие международного экологического обязательства у государств по защите прав детей на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду как самостоятельного права человека, необходимого для реализации широкого спектра иных конвенционных прав ребенка. Замечание № 26 институционально закрепляет наличие соответствующего

---

[863] Замечание общего порядка № 26 о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата: документ ООН CRC/C/GC/26 от 22 августа 2023 г.

[864] General comment No. 15 (2013) on the right of the child to the enjoyment of the highest attainable standard of health [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crc/general-comments (дата обращения: 01.07.2026).

[865] General comment No. 16 (2013) on State obligations regarding the impact of the business sector on children's rights [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=5&DocTypeID=11 (дата обращения: 01.07.2026).

[866] General comment No. 26 (2023) on children's rights and the environment, with a special focus on climate change [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=5&DocTypeID=11 (дата обращения: 01.07.2026).

международного экологического обязательства, поскольку реализация прав на информацию, участие, свободу выражения мнения и эффективные средства правовой защиты способствует формированию более амбициозной климатической политики, а деградация окружающей среды, напротив, подрывает права наиболее уязвимых групп детей. Документ органично встраивается в более широкий процесс «климатизации» международного правозащитного мониторинга наряду с аналогичными позициями других договорных органов ООН и служит одним из авторитетных источников толкования при анализе наличия международных экологических обязательств, вытекающих из международных универсальных правозащитных договоров.

В целом нам представляется, что по мере того как негативные экологические последствия становятся все более явными, международное право постепенно адаптируется к защите наиболее уязвимых государств и уязвимых категорий населения, вследствие чего количество международных экологических обязательств будет расти. Для содействия более эффективной защите окружающей среды сегодня, во-первых, принимаются новые нормы в МЭП, международном морском праве, международном воздушном праве и международном праве в области прав человека, а во-вторых, осуществляется процесс расширительного толкования имеющихся норм с целью учета климатических изменений в мире (данный процесс получил наименование «экологизация»).

Количество климатических споров как подвидов международных экологических споров, безусловно, будет только расти. Тем важнее становится принимать в международных судебных и квазисудебных учреждениях взвешенные и обоснованные решения, не давая простора судейскому активизму. Представляется, что в данном случае это удалось, и ряд положений проанализированных актов договорных органов по правам человека будет цитироваться в других решениях договорных органов по правам человека и региональных механизмах защиты прав человека при рассмотрении «климатических» исков. Это в свою очередь будет способствовать

повышению эффективности выполнения международных экологических обязательств.

§ 2. Компенсационная комиссия ООН

Появление Компенсационной комиссии ООН (КК ООН)[867] стало частью процесса урегулирования конфликта в Персидском заливе 1990–1991 гг. в рамках ООН[868]. КК ООН была создана в 1991 г. в качестве вспомогательного органа Совета Безопасности ООН (СБ ООН) на основании резолюции СБ ООН 687 от 03.04.1991 г.[869] Согласно положениям Резолюции были учреждены КК ООН и Фонд КК ООН (далее – Фонд) для выплаты компенсации в связи с войной Ирака с Кувейтом. Главным органом КК ООН является Совет управляющих, представленный государствами – членами СБ ООН. Также в состав КК ООН входят управляющие – эксперты в области финансов, права, бухгалтерского учета, страхования, экологии, действующие в личном качестве, а для обслуживания деятельности КК ООН создан Секретариат в составе Исполнительного секретаря[870]. В соответствии с резолюцией СБ ООН 692 от 20.05.1991 г.[871] было решено, что в Фонд деньги будут поступать от экспорта всей иракской нефти и нефтепродуктов, осуществленного после 3 апреля 1991 года, а в случае если Ирак перестанет выполнять решения Совета управляющих, то СБ ООН вновь введет запрет на импорт нефти и нефтепродуктов из Ирака и на связанные с этим финансовые операции. Первоначально было решено перечислять в Фонд 30 % от экспорта всей иракской нефти и нефтепродуктов, затем на основании резолюция СБ ООН

---

[867] Компенсационная комиссия ООН (КК ООН): [сайт]. URL: https://uncc.un.org/en (дата обращения: 01.08.2026).

[868] Подробнее об ирако-кувейтском конфликте см.: Кукушкина А. В. Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: международно-правовые аспекты / А. В. Кукушкина. М.: ЛКИ, 2008. С. 84-94; Блищенко В. И. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX века – начало XXI века): учеб. пособие / В. И. Блищенко, М. М. Солнцева. М.: Городец, 2005. С. 265-292.

[869] Резолюция была принята на 2981-м заседании СБ ООН 12 голосами при одном голосе против (Куба) и двух воздержавшихся (Йемен и Эквадор).

[870] См. его статью об экологической стороне деятельности КК ООН: Kazazi M. Environmental Damage in the Practice of the UNCC / M. Kazazi // Environmental Damage in International and Comparative Law: Problems of Definition and Valuation / ed. by M. Bowman, A. Boyle. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 111-131.

[871] Резолюция была принята на 2987-м заседании Совета Безопасности 14 голосами при одном воздержавшемся (Куба).

1330 (2000) эта доля была уменьшена до 25 %, а впоследствии (на основании резолюции СБ ООН 1483 (2003)) – до 5 %.

Юридическим фактом обязательность выплат Ираком компенсаций стала благодаря решению Совета Безопасности ООН: Ирак несет ответственность по международному праву за любые прямые потери, ущерб, включая ущерб окружающей среде и истощение природных ресурсов, или вред, причиненный иностранным правительствам, физическим и юридическим лицам в результате незаконного вторжения Ирака и оккупации им Кувейта (п. 16 Резолюции СБ ООН 687). Мнения юристов относительно правоспособности СБ ООН учредить КК ООН расходятся. В поддержку действий Совета Безопасности обычно приводится статья 41 Устава ООН, которая гласит: «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

Ирак нарушил принципы международного права, нормы международных договоров и международные обычаи, тем самым были нарушены обязательства erga omnes. Как указал Международный Суд ООН в деле «*Барселона Трэкшн» 1970 г.*, обязательства *erga omnes* в силу самой своей природы «затрагивают все государства» и «ввиду важности затрагиваемых прав можно считать, что все государства имеют правовой интерес в их защите»[872] (подробно вопрос об экологических обязательствах *erga omnes* мы обсудили в главе 1 диссертационного исследования). Нарушенные Ираком обязательства *erga omnes* – это обязательства воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения против

[872] Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Second Phase: judgment of 5 February 1970 // I.C.J. Reports. 1970. P. 32.

территориальной неприкосновенности (п. 4 ст. 2 Устава ООН) и некоторые его обязательства по международному гуманитарному праву. Международный Суд ООН в Консультативном заключении 1996 г. *«О законности угрозы ядерным оружием или его применения»* заявил, что «огромное число норм гуманитарного права, применимых в вооруженном конфликте, носят настолько важный характер для уважения человека и «элементарных соображений гуманности», что они должны «соблюдаться всеми государствами, независимо от того, ратифицировали ли они конвенции, в которых они содержатся, поскольку они представляют собой нерушимые принципы международного обычного права»[873].

Целью учреждения КК ООН было создание режима компенсаций за ущерб, причиненный государствам, физическим и юридическим лицам в результате вторжения Ирака в Кувейт и оккупации им Кувейта в период со 2 августа 1990 года по 2 марта 1991 года. В результате был сформирован конкретный международный механизм выплат компенсаций, практическая работа которого началось 12 марта 1997 года.

КК ООН при выполнении своих функций рассматривает различные сложные административные, финансовые, правовые вопросы и вопросы политики, касающиеся, в частности, механизма определения уровня выплат в Фонд; распределения средств и удовлетворения претензий; процедур оценки ущерба, составления перечня претензий и проверки их обоснованности, урегулирования спорных претензий. Как подчеркнул Генеральный секретарь ООН, КК ООН не является судом или арбитражем, перед которым предстают стороны; это политический орган, который главным образом изучает претензии в плане установления фактов, проверяет их обоснованность, оценивает ущерб и сумму выплат и регулирует спорные вопросы, причем

[873] Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion // I.C.J. Reports 1996 (I). P. 257. Para. 79. По мнению Суда, эти нормы включают обязательства, которые, по существу, носят характер erga omnes.

только в связи с последним моментом может идти речь о квазисудебной функции КК ООН.[874]

Опишем процедуру рассмотрения претензий. Международная организация или государство направляет претензии в КК ООН (юридические и физические лица направляют свои претензии к Ираку не напрямую в КК ООН, а, ради экономии времени, своему государству), Секретариат производит оценку – выясняет, отвечают ли претензии формальным требованиям, затем Исполнительный секретарь направляет претензии в соответствующие подкомиссии, где уполномоченные проверяют и оценивают потери, урегулируют спорные вопросы. В случае если претензия представляется сложной, подкомиссия вправе назначить устные прения, где стороны представят свои позиции. Принятое решение о сумме компенсации подкомиссия направляет Совету управляющих, который может утвердить сумму к выплате, пересмотреть ее или вернуть претензию обратно в подкомиссию. Важно отметить, что в случае, если сторона оспаривает решение КК ООН (ошибка в праве и процедуре, ошибка в фактах), такие споры подлежат рассмотрению Советом уполномоченных, который должен руководствоваться не только внутренними актами, но и Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ.

В первом своем Решении Совет управляющих обозначил основания для подачи претензий в КК ООН: любой ущерб, нанесенный в период со 2 августа 1990 года по 2 марта 1991 года от военных операций, угрозы военных операций; перемещения людей или запрета на выезд из Ирака или Кувейта; действия властей Ирака (их агентов, контролируемых ими юридических лиц) в связи с вторжением или оккупацией; нарушение порядка в Кувейте или Ираке, а также взятие в заложники и другие виды незаконного лишения

[874] Доклад Генерального секретаря ООН, представленный Совету Безопасности во исполнение пункта 19 Резолюции СБ ООН 687, на основе поручения Совета Безопасности Генеральному секретарю разработать и представить в течение 30 дней рекомендации по Фонду и КК ООН, которые были приняты резолюцией СБ ООН 692 // S/22559, § 20 от 02.05.1991 г.

свободы[875]. Все претензии были поделены на шесть категорий: претензии от индивидов, депортированных из Ирака или Кувейта во время вооруженного конфликта (категория A); претензии от индивидов, которые серьезно пострадали или получили увечья (категория B); претензии от индивидов по вопросам ущерба собственности или личного ущерба в размере менее 100 000 долл. США (категория C); претензии от индивидов по вопросам ущерба собственности или личного ущерба в размере более 100 000 долл. США (категория D); претензии от юридических лиц (категория E); претензии от правительств и международных организаций, включая экологический вред (категория F).

Деятельность КК ООН не получила достаточного освещения в трудах российских ученых, но в зарубежной литературе исследованию деятельности Комиссии посвящено большое число публикаций – как об общих проблемах КК ООН[876], так и об экологической стороне ее деятельности[877]. В рамках

---

[875] Решение 1 Совета Управляющих Компенсационной комиссии ООН «Критерии ускоренного рассмотрения срочных претензий»: документ ООН S/AC.26/1991/1 от 2 августа 1991 г.

[876] Gattini A. The UN Compensation Commission: Old Rules, New Procedures on War Reparations / A. Gattini // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 161-181; Caron D. D. The UN Compensation Commission: practical justice, not retribution / D. D. Caron, B. Morris // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 183-199; Fox M. B. Imposing liability for losses from aggressive war: an economic analysis of the UN Compensation Commission / M. B. Fox // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 201-221; Feighery T. J. Assessing the costs of Iraq's 1990 invasion and occupation of Kuwait – the United Nations Compensation Commission / T. J. Feighery // Refugee Survey Quarterly. 2003. Vol. 22. No. 4. P. 87-104; Chung J. J. The United Nations Compensation Commission and the balancing of rights between individual claimants and the government of Iraq / J. J. Chung // UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs. 2005. Vol. 10. P. 141-148.

[877] Low L. Compensation for Wartime Environmental Damage: Challenges to International Law After the Gulf War / L. Low, D. Hodgkinson // Virginia Journal of International Law. 1995. Vol. 35. No. 2. P. 405-483; Boelaert-Suominen S. A. J. Iraqi War Reparations and the Laws of War: a Discussion of the Current Work of the United Nations Compensation Commission with Specific Reference to Environmental Damage During Warfare / S. A. J. Boelaert-Suominen // Zeitschrift für öffentliches Recht. 1996. Vol. 50. P. 225-316; Mackenzie R. Liability and Compensation for Environmental Damage in the Context of the Work of the United Nations Compensation Commission / R. Mackenzie, R. Khalastchi // Review of European Community & International Environmental Law. 1996. Vol. 5. No. 4. P. 281-289; Aznar-Gómez M. J. Environmental Damages and the 1991 Gulf War: Some Yardsticks Before the UNCC / M. J. Aznar-Gómez // Leiden Journal of International Law. 2001. Vol. 14. No. 2. P. 301-334; Sands, P. Principles of International Environmental Law / P. Sands. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 1116 p; Payne C. R. UN Commission Awards Compensation for Environmental and Public Health Damage from 1990–91 Gulf War [Электронный ресурс] / C. R. Payne // ASIL Insight. 2005. Vol. 9. No. 25. URL: https://www.asil.org/insights/volume/9/issue/25/un-commission-awards-compensation-environmental-and-public-health-damage (дата обращения: 10.08.2026); Mirto L. N. Environmental Protection by International Organizations in Wartime [Электронный ресурс] / L. N. Mirto // Berlin Conference, 2–3 December 2005 «International Organisations and Global Environmental Governance» URL: http://web.fu-berlin.de/ffu/akumwelt/bc2005/papers/mirto_bc2005.pdf (дата обращения: 10.08.2026); McManus, K. P. Civil Liability for Wartime Environmental Damage: Adapting the United Nations Compensation Commission for the Iraq War / K. P. McManus // Boston College Environmental Affairs Law Review. 2006. Vol. 33. No. 2. P. 417-448.

данного исследования нами будут рассмотрены только претензии категории «F-4 (экологический ущерб и ущерб здоровью населения) от государств и международных организаций». В связи с этим уточним, что в состав подкомиссии по рассмотрению этих жалоб вошли Thomas Mensah (Председатель) и два уполномоченных – José Allen и Peter Sand[878].

В результате вооруженных действий в регионе Персидского залива окружающей среде был нанесен огромный вред, включая разлив нескольких тысяч баррелей сырой нефти в воды Персидского залива, большой урон болотам, флоре и фауне (погибло более 15 000 птиц), рыболовству[879].

Если в своем первом Решении Совет управляющих КК ООН в общем виде обозначил основания для предъявления претензий, то позднее он конкретизировал перечень мер, принятие которых необходимо для нормализации ситуации[880]: (a) смягчение и предотвращение экологического вреда, включая расходы, напрямую связанные с тушением нефтяных пожаров и задерживанием стока нефти в прибрежные и международные воды; (b) меры, как уже принятые для очистки и восстановления окружающей среды, так и предполагаемые меры, которые могут быть документально подтверждены как действительно необходимые для очистки и восстановления окружающей среды; (c) мониторинг и оценку экологического вреда для целей подсчета и уменьшения вреда и восстановления окружающей среды; (d) мониторинг здравоохранения и выполнения медицинских проверок для целей расследования и борьбы с возрастающими рисками здоровью, возникшими вследствие нанесения экологического вреда; (e) истощение или убытки природных ресурсов.

---

[878] См.: Sand P. H. Compensation for Environmental Damage from the 1991 Gulf War / P. H. Sand // Environmental Policy and Law. 2005. Vol. 35. No. 6. P. 244-249.

[879] Подробнее см.: Робертс А. Ущерб, нанесенный природной среде во время войны в Персидском заливе 1991 г. / А. Робертс // Защита окружающей среды в международном гуманитарном праве: сборник статей. М.: Изд-во Междунар. Ком. Красного Креста, 1995. С. 45-58.

Роберт А. Ущерб, нанесенный природной среде во время войны в Персидском заливе 1991 г. // Защита окружающей среды в международном гуманитарном праве. Сборник статей. М., 1995; Price A. R. G. The 1991 Gulf War: Environmental Assessments of IUCN and Collaborators. A Marine Conservation and Development Report / A. R. G. Price, N. Downing, S. W. Fowler [et al.]. Gland, Switzerland: IUCN, 1994. 48 p.

[880] Решение 7 Совета Управляющих Компенсационной комиссии ООН «Критерии, применимые к дополнительным категориям претензий»: документ ООН S/AC.26/1991/7/Rev.1 от 17 марта 1992 г.

Большую роль в дальнейшей практической деятельности подкомиссии КК ООН при выделении критериев принятия претензий по трансграничному вреду сыграл документ, разработанный ЮНЕП[881], о чем уже говорилось выше. В этом документе было отражено широкое определение понятий «окружающая среда» (включая ландшафты и культурное наследие), «вред окружающей среде», «природные ресурсы», были подробно проанализированы все основания для претензий КК ООН за прямой экологический ущерб.

В рамках категории «F4» КК ООН было получено 168 претензий от 12 государств[882] на сумму почти 85 млрд долл. США, удовлетворено было претензий на сумму в 5,3 млрд долл. США. КК ООН с 2001 по 2005 г. приняла пять докладов[883] относительно выплат компенсации Ираком за нанесенный трансграничный вред окружающей среде соседних государств, а также компенсации государствам, оказавшим помощь при очистке территорий. В понятие вреда включались: загрязнение воздуха, истощение водных ресурсов, ущерб грунтовым водам, ущерб культурному наследию, загрязнение Персидского залива нефтью, ущерб береговой линии, ущерб рыбному промыслу, ущерб болотам и пастбищам, ущерб лесному хозяйству, сельскому хозяйству и скотоводству, ущерб или угроза ущерба здравоохранению. Истцы требовали возмещения ущерба за: распыление и распространение на территории истцов переносимых по воздуху загрязняющих веществ,

---

[881] Доклад рабочей группы экспертов по ответственности и компенсации за экологический вред, наносимый во время вооруженных конфликтов: документ ЮНЕП UNEP/Env.Law/3/Inf.1(1996) или Report of the Working Group of Experts on Liability and Compensation for Environmental Damage Arising from Military Activities / United Nations Environment Programme (UNEP). 17 May 1996.

[882] Шесть государств Персидского залива (Кувейт, Иран, Иордания, Саудовская Аравия, Сирия и Турция) и шесть государств, не входящих в регион Персидского залива (Австралия, Канада, Германия, Нидерланды, Великобритания и США).

[883] См. Доклад и рекомендации группы уполномоченных в отношении первой партии претензий: документ ООН S/AC.26/2001/16 от 22 июня 2001 г.; Второй доклад Компенсационной комиссии Организации Объединенных Наций: документ ООН S/AC.26/2002/26 от 3 октября 2002 г.; Третий доклад Компенсационной комиссии Организации Объединенных наций «Доклад и рекомендации Группы уполномоченных в отношении третьей партии претензий «F4»: документ S/AC.26/2003/31 от 18 декабря 2003 г.; Четвертый доклад Компенсационной комиссии Организации Объединенных наций «Доклад и рекомендации Группы уполномоченных в отношении части первой четвертой партии претензий «F4»: документ S/AC.26/2004/16 и S/AC.26/2004/17 от 9 декабря 2004 г.; Доклад и рекомендации Группы уполномоченных в отношении пятой партии претензий «F4»: документ ООН S/AC.26/2005/10 от 30 июня 2005 г.

образовавшихся в результате нефтяных пожаров, вызванных поджогами сотен нефтяных скважин в Кувейте иракскими вооруженными силами во время вторжения Ирака в Кувейт и последующей его оккупации; многочисленные нефтяные реки и озера, сформированные нефтью из разрушенных нефтяных скважин, которые не поджигались; выпуск Ираком миллионов баррелей нефти в море из нефтепроводов, терминалов, находящихся не на берегу, и нефтяных танкеров; разрушение хрупкой пустыни и прибрежного ландшафта, вызванное движением военных транспортных средств и персонала, строительством тысяч километров военных траншей и установлением мин, тайников оружия и других укреплений; неблагоприятные воздействия на окружающую среду в связи с перемещением и переселением тысяч людей, бежавших из Ирака и Кувейта в результате вторжения Ирака в Кувейт и последующей его оккупации; за оставленные мины, неразорвавшиеся снаряды и другие следы войны.

При обсуждении выплаты компенсации в рамках последнего (пятого) доклада встал вопрос, должна ли выплачиваться компенсация за ущерб, нанесенный природным ресурсам, которые не имеют никакой коммерческой ценности, и если да, то как ущерб должен быть оценен[884]. Имеется в виду ущерб так называемым ценностям, не имеющим утилитарного значения экологического порядка. Ирак утверждал, что компенсация за временный вред природным ресурсам, не имеющим коммерческой ценности, то есть тем, «которыми не торгуют на рынке», противоречит положениям резолюции СБ ООН 687 и международному праву в целом[885], тогда как истцы, напротив, указывали на наличие в международном праве такой нормы, ссылаясь на решение по делу «*Chorzów Factory*»: «Компенсация должна как можно быстрее ликвидировать все последствия неправового действия и вернуть, насколько возможно, то состояние дел, которое существовало бы, если это

[884] Подробнее о понятии «трансграничный ущерб» см.: Строчук В. М. Понятие трансграничного ущерба окружающей среде / В. М. Строчук // Московский журнал международного права. 2004. № 1. С. 158-170.
[885] См. Доклад и рекомендации Группы уполномоченных в отношении пятой партии претензий «F4»: документ ООН S/AC.26/2005/10 от 30 июня 2005 г. Подпункты 45-47.

действие никогда не происходило»[886]. КК ООН, выслушав обе стороны, поддержала истцов, отметив, что отсутствие в ряде МЭС[887] положения о «чистой экологической ответственности» не влечет за собой отмены ответственности за такой ущерб. В связи с этим обратим внимание, что, согласно пункту 2 статьи 36 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.[888], компенсация охватывает любой исчислимый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена. Оговорка «исчислимый в финансовом выражении» направлена на то, чтобы исключить компенсацию за «моральный ущерб» государству (оскорбление или вред, нанесенный в результате нарушения прав, не связанных с фактическим ущербом имуществу или людям). В комментариях Комиссии международного права ООН к пункту 2 статьи 36 указывается, что экологический ущерб нередко может превышать размеры ущерба, легко определяемого с точки зрения расходов по очистке территории или обесценения имущества. Фактический ущерб, нанесенный таким ценностям экологического порядка (биологическому разнообразию, красоте природного ландшафта и т. д., иногда именуемым «ценностями, не имеющими утилитарного значения»), является не менее реальным и подлежащим компенсации, чем ущерб имуществу, хотя его, возможно, и сложнее определить в количественном отношении[889]. Например, применительно к утрате урожая зерновых можно исчислить ущерб, учитывая рыночные цены на зерновые, но нельзя количественно оценить вред, нанесенный биоразнообразию этого региона. В то же время ущерб, нанесенный беженцами иранским пастбищам, можно исчислить исходя из цены утраченного корма для скота. Также КК ООН постановила, что

---

[886] Factory at Chorzów (Jurisdiction): judgment of 26 July 1927. No. 8 // P.C.I.J. Series A. 1927. No. 9. P. 47.

[887] Например: Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. (ред. 1992 г.), Международная конвенция о создании Международного Фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 г. (ред. 1992 г.).

[888] Резолюция ГА ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/589 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901941379 (дата обращения: 10.08.2025).

[889] Ежегодник Комиссии международного права за 2001 год: документ ООН A/CN.4/SER.A/2001. Т. II. Часть 2. С. 256.

требования, связанные лишь с временной утратой возможности пользоваться теми или иными природными ресурсами до их полного восстановления (как естественным путем, так с помощью людей) подлежат компенсации. Возмещение «чистого экологического вреда» и временного вреда природным ресурсам не противоречит положениям резолюции СБ ООН 687; главное – доказать, что вред окружающей среде явился прямым следствием вторжения и оккупации Кувейта Ираком. Эти два вывода являются достаточно революционными для международного экологического права, что также отметила и Комиссия международного права ООН в своих материалах[890].

Подводя итог деятельности КК ООН в сфере возмещения экологического вреда, можно отметить, что при рассмотрении претензий Комиссия тщательно отсекала все теоретические и спекулятивные претензии или претензии, демонстрировавшие слабую связь между вредом окружающей среде и вторжением Ирака в Кувейт. К работе привлекались эксперты в сферах экологии, сельского хозяйства, лесоводства, патологии растений, восстановления окружающей морской и земной сред, морской биологии, прибрежной экологии и геоморфологии, геологии, гидрогеологии, качества воды, химии и т. д. В результате общая сумма выплат, рекомендованных Группой F-4 в ее пяти докладах по претензиям этой категории и утвержденных без изменений Советом управляющих КК ООН, составила *5,26 млрд. долл. США* (заявлено было 84 904 244 069 долл. США) и стала самой большой суммой компенсации в истории международного экологического права[891]. Отметим, что общая сумма компенсаций за экологический вред невелика по сравнению с остальной суммой выплат КК ООН (примерно 10 %), но чрезвычайно велика в сравнении с выплатами компенсаций в других случаях нанесения трансграничного экологического вреда. В 2005 г. были закончены расчеты суммы компенсации, которую должен выплатить Ирак за оккупацию

[890] Ежегодник Комиссии международного права за 2006 год: документ ООН A/CN.4/SER.A/2006/Add.1. Т. 2. Часть 2. С. 134.
[891] См. Guidelines for the Follow-up Programme for Environmental Awards of the United Nations Compensation Commission // Environmental Policy and Law. 2005. Vol. 35. No. 6. P. 276-281.

Кувейта. КК ООН признала обоснованными претензии на сумму в 52,4 млрд долл. США. Данная сумма – лишь часть из 352 млрд долл. ущерба, нанесенного Ираком соседним странам в ходе вторжения. В целом следует отметить, что природа КК ООН уникальна и займет видное место в истории международных усилий по восстановлению послевоенного миростроительства. Интересно также проследить взаимодействие органов внутри ООН в сфере возмещения экологического вреда после военных действий: Совет Безопасности признал Ирак ответственным по международному праву и контролировал выплату компенсаций; ЮНЕП создала документ – базу оценки и компенсации экологического вреда; независимые эксперты в составе подкомиссии КК ООН принимали решения по возмещению вреда.

Отметим, что особое признание среди юристов-международников получил вклад КК ООН в развитие института ответственности за вред окружающей среде. Это было отмечено в материалах Комиссии международного права ООН при обсуждении темы «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (Международная ответственность в случае ущерба от трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности)». В комментарии к Принципу 2 документа под названием «Принципы, касающиеся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности»[892] Комиссия международного права постулирует, что в понятие «ущерб» включается и компенсация ущерба ценностям, не имеющим утилитарного значения экологического порядка. Предвестником подобного изменения института ответственности явились именно решения КК ООН. Согласно положениям Проекта понятие «ущерб» означает значительный урон, нанесенный лицам, имуществу или окружающей

[892] Принципы были приняты Резолюцией ГА ООН от 4 декабря 2006 г. № 61/36 «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности»: документ ООН A/RES/61/36 от 18 декабря 2006 г.

среде, и включает: гибель или причинение вреда здоровью людей; утрату или повреждение имущества, включая имущество, которое составляет часть культурного наследия; утрату или ущерб в результате ухудшения состояния окружающей среды; расходы на разумные меры по восстановлению имущества или окружающей среды, включая природные ресурсы; расходы на разумные меры реагирования.

Решения КК ООН не являются чисто судебными решениями как таковыми, но их следует квалифицировать в качестве вспомогательных средств для определения правовых норм. Материалы КК ООН содержатся в пятом томе авторитетного академического издания под названием «Сборник решений по международному экологическому праву»[893].

Следует также отметить некоторые минусы деятельности КК ООН. Во-первых, это вопрос финансирования. Деньги на компенсацию шли от экспорта иракской нефти, то есть в конечном счете страдал иракский народ, остро нуждавшийся в денежных средствах после войны. Кстати, деятельность самой КК ООН (так называемые административные расходы) финансировалась полностью на эти деньги. Во-вторых, КК ООН уделила экологическим претензиям далеко не первостепенное внимание (лишь часть жалоб в одной из шести категорий претензий), претензии принимались только от государств и международных организаций. Таким образом, индивиды и юридические лица не могли подавать претензий за возмещение экологического вреда. Возможно, на тот момент (1991 г.), международное экологическое право не было достаточно развито, поскольку Орхусская конвенция была принята позднее – лишь в 1998 г. В-третьих, экологические претензии принимались КК ООН лишь до 1 февраля 1997 года, а последствия вреда окружающей среде могут проявиться гораздо позднее, чем в отведенные шесть лет. Согласно Дополнительному протоколу I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., касающемуся жертв международных вооруженных конфликтов

[893] См.: International Environmental Law Reports. Vol. 5: International Environmental Law in International Tribunals / ed. by K. Lee. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 650 p.

1977 г., при ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба (п. 1 ст. 55). В-четвертых, практикам и академическому сообществу необходимо оценить, адекватна ли сумма назначенной КК ООН компенсации для возвращения окружающей среды, ее компонентов к прежнему состоянию или в будущем надо изменить систему и методы подсчета трансграничного вреда окружающей среде при ведении военных действий.

Впрочем, несмотря на то что КК ООН является *ad hoc* органом и по исполнении своих функций перестала функционировать, она тем не менее может служить примером для создания Международного экологического суда[894]. В целом можно заключить, что деятельность КК ООН в области возмещения экологического вреда содействует прогрессивному развитию международного экологического права. Был создан ускоренный механизм по возмещению ущерба, который можно использовать в других случаях возмещения трансграничного ущерба, в том числе и экологического.

Война в Персидском заливе 1991 г. привела к одной из самых страшных экологических катастроф в истории, а некоторые проекты по восстановлению и ликвидации ее последствий являются беспрецедентными по своему характеру и масштабу. С выплатой компенсации по последней оставшейся претензии, произведенной в январе 2022 г., присужденная компенсация в размере 52,4 млрд долл. США была выплачена в полном объеме и распределена между 1,5 млн заявителей. В связи с этим 9 февраля 2022 года состоялась специальная сессия Совета управляющих, посвященная выполнению мандата Комиссии спустя почти 31 год. На этой сессии Совет управляющих принял свое окончательное решение (решение 277 (2022)), в котором заявил, что правительство Ирака выполнило свои международные обязательства по выплате компенсации всем заявителям, получившим от Комиссии компенсацию за потери и ущерб, понесенные непосредственно в

[894] Juni R. L. The United Nations Compensation Commission as a Model for an International Environmental Court / R. L. Juni // Environmental Lawyer. 2000. Vol. 7. No. 1. P. 53-60.

результате вторжения Ирака в Кувейт. 22 февраля 2022 года Председатель Совета управляющих представил Совету Безопасности Заключительный доклад Совета управляющих о работе Компенсационной комиссии (S/2022/104)[895]. Впоследствии Совет Безопасности принял резолюцию 2621 (2022), которая прекратила действие мандата Комиссии и подтвердила, что процесс рассмотрения претензий Комиссией является полным и окончательным. Заключительная сессия Совета управляющих состоялась 9 декабря 2022 года. После более чем 31 года работы Комиссия завершила свою деятельность 31 декабря 2022 года, как того требует резолюция 2621 Совета Безопасности[896].

Возникает закономерный вопрос: имеется ли будущее у проекта, подобного КК ООН, в сфере возмещения трансграничного экологического вреда за нарушение международных экологических обязательств? Этот вопрос имеет практическое значение, поскольку в ряде случаев международное сообщество не смогло найти консенсуса и отреагировать соответствующим образом, например, на действия сил НАТО против Югославии (взрыв нефтяного завода, загрязнение почвы, Дуная и т. д.), действия США против Афганистана в 2001 г. (серьезный урон флоре и фауне, обезлесивание), вторжение в Ирак сил НАТО в 2003 г. (загрязнение системы водоснабжения, горение нефтяных скважин, деградация экосистемы)[897]. В то же время конфликт между Израилем и Палестиной относительно строительства Израилем стены в настоящее был разрешен частично благодаря созданию органа, подобного КК ООН, а именно – Совета Реестра ущерба (UN Register of Damage), причиненного в результате строительства Израилем стены на

[895] Letter dated 10 February 2022 from the President of the Governing Council of the United Nations Compensation Commission addressed to the President of the Security Council [Электронный ресурс]. URL: https://uncc.un.org/sites/default/files/2023-05/final_report_with_letter.pdf (дата обращения: 01.08.2026).
[896] Establishment and Mandate of the United Nations Compensation Commission (UNCC) [Электронный ресурс]. URL: uncc.un.org/en (дата обращения: 01.08.2026).
[897] Подробнее об экологических последствиях военных действий см.: Кукушкина А. В. Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: международно-правовые аспекты / А. В. Кукушкина. М.: ЛКИ, 2008. 175 с.

оккупированной палестинской территории[898]. Основанием для создания Совета вновь послужило признание со стороны международного сообщества факта нарушения Израилем обязательств *erga omnes*, которые включают обязательство уважать право палестинского народа на самоопределение и некоторые его обязательства Израиля по международному гуманитарному праву. В деле «О Восточном Тиморе» Международный Суд ООН назвал «безупречным» утверждение о том, что «право народов на самоопределение, вытекающее из Устава ООН и практики ООН, носит характер *erga omnes*»[899]. Только в случае с КК ООН это обосновывалось на доктринальном уровне (научные статьи, монографии), а в случае с Советом – на уровне решения Международного суда ООН[900].

Создание Реестра ущерба предусмотрено резолюцией Генеральной Ассамблеи от 20 июля 2004 года и Консультативным заключением Международного суда ООН. В 2004 г. по запросу Генеральной Ассамблеи Международный суд ООН признал, что «строительство стены, сооружаемой Израилем, оккупирующей державой, на оккупированной палестинской территории, в том числе в Восточном Иерусалиме и вокруг него, и введение связанного с нею режима противоречат международному праву». Суд указал, что Израиль обязан возместить весь ущерб, причиненный этим строительством. Учитывая, что строительство стены на оккупированной палестинской территории, среди прочего, повлекло за собой изъятие и разрушение домов, коммерческих предприятий и сельскохозяйственных

---

[898] Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в мае 2007 г. назначил Харуми Хори (Япония), Матти Пааво Пеллонпаа (Финляндия) и Майкла Рабойна (США) членами Совета Реестра, а в ноябре того же года принял решение назначить Владимира Горяева (директор Отдела Азии и Тихого океана в Департамента по политическим вопросам Секретариата ООН в Нью-Йорке) из России исполнительным директором Секретариата Реестра ущерба, причиненного в результате строительства Израилем стены на оккупированной палестинской территории. См.: UN News [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=8712 (дата обращения: 15.10.2025).

[899] Дело «О Восточном Тиморе»: East Timor (Portugal v. Australia) // I.C.J. Reports. The Hague: International Court of Justice, 1995. P. 102.

[900] Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion: решение от 9 июля 2004 г. П. 155. The Hague: International Court of Justice, 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/131 (дата обращения: 14.08.2026).

угодий, Суд заключил, что Израиль обязан произвести возмещение ущерба, причиненного всем затронутым физическим или юридическим лицам. В частности, Израиль обязан вернуть землю, сады, оливковые рощи и другое недвижимое имущество, изъятое у физических или юридических лиц для целей строительства стены на оккупированной палестинской территории. В случае если такая реституция окажется по существу невозможной, Израиль обязан выплатить указанным лицам компенсацию за причиненный ущерб[901].

Генеральная Ассамблея поручила Генеральному секретарю ООН создать реестр ущерба. В декабре 2006 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию[902] об организации специальной службы Реестра ущерба, включающей Совет и Секретариат, возглавляемый Исполнительным директором. Согласно этой Резолюции, Совет должен состоять из трех независимых членов, которым будет оказывать помощь Исполнительный директор Секретариата реестра ущерба. Совету было поручено создать реестр и поддерживать его; на него возлагалась ответственность за определение критериев ущерба, категорий повреждений и процедуры регистрации жалоб.

Однако стоит отметить, что решения Совета Реестра не находятся в открытом доступе, тогда как информация о практике КК ООН доступна, и положения решений КК цитируются другими международными механизмами обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Например, в решении 2018 г. Международного суда ООН по делу *«Об определенных видах деятельности, осуществленных Никарагуа в пограничном районе»* («Коста-Рика против Никарагуа») неоднократно присутствуют ссылки на КК ООН.[903] Оба государства признали вклад КК ООН

---

[901] Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion: решение от 9 июля 2004 г. П. 152-153. The Hague: International Court of Justice, 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/case/131 (дата обращения: 14.08.2026).

[902] См. Создание реестра ущерба Организации Объединенных Наций, причиненного в результате строительства стены на оккупированной палестинской территории: документ ООН A/RES/ES-10/17 от 15 декабря 2006 г. (принят в рамках 10-й чрезвычайной специальной сессии ГА).

[903] Дело об определенных видах деятельности, осуществленных Никарагуа в пограничном районе (Коста-Рика против Никарагуа), компенсация, выплаченная Республикой Никарагуа Республике Коста-Рика: Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua), Compensation: решение

в подтверждение факта наличия компенсации за экологический вред в международном праве, но Коста-Рика отметила, что сами методы оценки уже устарели.

§ 3. Квазисудебные органы экономического характера

Квазисудебные органы экономического характера – Орган по разрешению споров (ОРС) ВТО, Инспекционная панель Всемирного банка, аналогичные механизмы других международных финансовых институтов (МФИ) – обеспечивают выполнение экологических обязательств не путем прямого применения МЭС, а через встраивание экологических критериев в процедуры экономического регулирования и отчетности. Однако при разрешении конкретных споров экономические интересы, как правило, превалируют над экологическими. Глубокое исследование на уровне диссертации на соискание степени доктора юридических наук в этой сфере провела Д. С. Боклан[904]. С тех пор концептуальных изменений в этой сфере не произошло, но определенные новации представляется важным отметить.

Орган по разрешению споров ВТО. Главным результатом окончания Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров в 1994 г. была кардинальная трансформация системы Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г. (ГАТТ 1947), и, в частности, его преобразование во Всемирную торговую организацию (ВТО). Одной из ключевых новаций в институциональной структуре ВТО было установление процедуры разрешения споров, которая претерпела определенные изменения в сравнении с механизмом ГАТТ 1947.[905] Договоренность о Правилах и Процедурах,

---

Международного суда ООН от 2 февраля 2018 г. The Hague: International Court of Justice, 2018. П. 39, 40, 48, 50, 51, 101 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/en/case/150 (дата обращения: 15.10.2025). URL: https://www.icj-cij.org/en/case/150 (проверено 15.10.2025).

[904] Боклан Д. С. Взаимодействие международного экологического и международного экономического права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Боклан Дарья Сергеевна. Москва, 2016. 414 с.

[905] См.: Малинин С. А. Механизм разрешения споров в ГАТТ / С. А. Малинин, А. И. Вяткина // Российский ежегодник международного права. 1993-1994. СПб.: Россия-Нева, 1995. С. 145-158; Рогов С. Н. Системы разрешения международных торговых споров в ГАТТ и ВТО / С. Н. Рогов // Московский журнал международного права. 1998. № 1. С. 108-120; Приказчиков А. А. Механизм разрешения споров ВТО и его влияние на внутреннее право государств / А. А. Приказчиков // Государство и право. 2001. № 5. С. 78-85.

регламентирующих урегулирование споров (или Договоренность об урегулировании споров) была принята на Уругвайском Раунде в виде Приложения 2 к Соглашению о ВТО и применяется с момента вступления его в силу с 1 января 1995 года. Названная Договоренность содержит отсылки к упоминавшимся ранее правилам и процедурам ГАТТ, заменяя их новой системой урегулирования споров ВТО, которая строится на основе предшествовавшей системы ГАТТ[906].

Не вызывает сомнений, что в целом механизм разрешения споров ВТО является востребованным. Наравне с развитыми странами к ОРС ВТО также обращаются развивающиеся государства и выигрывают международные торговые споры против развитых государств. Например, в деле *«О бананах»* (1997)[907] Эквадор получил право на применение санкций против ЕС.

К сожалению, апелляционный орган ВТО не функционирует с 11 декабря 2019 года ввиду истечения срока полномочий арбитров[908]. Последний из них покинул свой пост в ноябре 2020 г. Для рассмотрения апелляций необходимо участие как минимум трех арбитров. Попытки ряда членов ВТО разблокировать ситуацию неизменно наталкиваются на заседаниях ОРС на неуступчивую позицию США, тогда как согласно правилам ВТО, для принятия решения требуется консенсус всех государств-членов организации[909].

На наш взгляд, данная практика политического давления на международный судебный орган весьма порочна, поскольку накопилось уже много дел, ожидающих апелляции.

---

[906]См.: Цепов А. Б. Система урегулирования споров ВТО как важнейший элемент международного экономического порядка / А. Б. Цепов // Международное право – International Law. 1998. № 2. С. 328-335.

[907] See.: European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas: Report of the Appellate Body, WT/DS27/AB/R, adopted 25 September 1997 // World Trade Organization. Geneva: WTO, 1997. P. 113.

[908] В ВТО в 63-й раз не смогли договориться об отборе арбитров в Апелляционный орган [Электронный ресурс]. URL: https://wto.ru/news/v-vto-v-63-y-raz-ne-smogli-dogovoritsya-ob-otbore-arbitrov-v-apellyatsionnyy-organ/ (дата обращения: 15.07.2026).

[909] Kalachyhin H. M. The Collapse of the Appellate Body as a Determining Factor of the WTO's Future / H. M. Kalachyhin // International Organisations Research Journal. 2021. Vol. 16. No. 3. P. 238-255.

Наиболее важным инструментом защиты окружающей среды в рамках ВТО является статья XX ГАТТ («Общие исключения»), позволяющая государствам вводить торговые ограничения, если они: необходимы для защиты жизни и здоровья людей, животных или растений (п. b); связаны с сохранением истощаемых природных ресурсов (п. g). Так, например, в деле *«США – Креветки»* (1998, 2001) ОРС признал правомерность американских ограничений на импорт креветок, выловленных без устройств, защищающих морских черепах (ст. XX (g)), но указал на дискриминационный характер их применения. В деле *«Бразилия – Шины»* (2007) было подтверждено право стран запрещать импорт опасных отходов (в данном случае – старых шин) согласно статье XX (b). Таким образом, ОРС допускает ограничительные экологические меры, но требует их соответствия принципу недискриминации (ст. I, III ГАТТ).

Рассмотрим в качестве примера одно знаковое дело – дело *«О гормонах в говядине»*, или дело «О гормонах» (это сокращенные названия дела *«Меры ЕС относительно мяса и мясной продукции»* (*Канада против Европейского сообщества, США против Европейского сообщества*))[910]. Спор касался запрета Европейского сообщества на импорт мяса или мясной продукции, полученной от крупного рогатого скота, которому назначались в целях ускоренного роста натуральные гормоны[911] (17β-эстрадиол, прогестерон, тестостерон) или синтетические гормоны (ацетат[912] тренболона (trenbolone acetate), зеранол и ацетат меленгестрола (melengestrol acetate – MGA)[913]. Такой

[910] McDonald J. Big Beef up or Consumer Health Threat? The WTO Food Safety Agreement, Bovine Growth Hormone and the Precautionary Principle / J. McDonald // Environmental and Planning Law Journal. 1998. Vol. 15. No. 2. P. 115-126; Wirth D. A. European Communities – Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones) / D. A. Wirth // American Journal of International Law. 1998. Vol. 92. No. 4. P. 755-758; Pauwelyn J. The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary (SPS) Measures as Applied in the First Three SPS Disputes: EC – Hormones, Australia – Salmon and Japan – Varietals / J. Pauwelyn // Journal of International Economic Law. 1999. Vol. 2. No. 4. P. 641-664; Christoforou T. Settlement of science-based trade disputes in the WTO: a critical review of the developing case law in the Face of Scientific uncertainty / T. Christoforou // New York University Environmental Law Journal 2000. Vol. 8. No. 3. P. 622-629.

[911] Гормоны, которые вырабатываются эндогенно людьми и животными.

[912] Ацетат – соль уксусной кислоты.

[913] European Communities – Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones): Report of the Appellate Body, WT/DS26/AB/R (United States v. European Communities) и WT/DS48/AB/R (Canada v. European Communities), 16 January 1998 // World Trade Organization. Geneva: WTO, 1998. AB-1997-4.

запрет был установлен в ряде Директив ЕС[914] начиная с 1981 г. и охватывал как появление на внутреннем рынке ЕС, так и импорт мяса животных из третьих государств. Исключение допускалось только в некоторых случаях, когда вещества гормонального действия назначались для терапевтических или зоотехнических целей. Европейское сообщество ссылалось на принцип предосторожности: поскольку воздействие искусственных гормонов на здоровье человека окончательно еще не изучено, то существует основание для запрета импорта мяса с такими гормонами. Дело заключается в том, что и ЕС, и США регулируют на законодательном уровне использование гормонов в мясной продукции; отличие состоит лишь в разных подходах к решению данного вопроса. Европейское сообщество ставит защиту здоровья покупателя выше коммерческой выгоды агропромышленных и фармацевтических компаний[915]. Когда имеется определенное сомнение относительно безопасности пищевого продукта, ЕС принимает меры по защите населения, особенно в случаях, в которых потенциальный риск может нанести вред значительной части населения. США придерживаются иного подхода: государство снимает с себя ответственность за риск в отношении здоровья населения и переносит его на производителя.

Анализируемое дело является лишь одним из примеров противоречий между США и ЕС. Как отмечает А. В. Шиянов, ЕС, защищая внутренний рынок, санкционирует широкое применение протекционистских мер, злоупотребление антидемпинговыми процедурами и уклонение от исполнения решений ОРС ВТО[916].

ЕС утверждало, что принцип предосторожности, закрепленный в Договоре ЕС, является обычной нормой международного права. Однако ОРС ВТО, оценив доказательства сторон, вынес решение, что принцип

---

[914] Последней была Директива Совета 96/22/ЕС от 29 апреля 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1996/22/oj/eng (дата обращения: 10.08.2026). Директива вступила в силу 1 июля 1997 г.

[915] См.: European Communities – Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones): Report of the Appellate Body, WT/DS26/AB/R (United States v. European Communities) и WT/DS48/AB/R (Canada v. European Communities), 16 January 1998 // World Trade Organization. Geneva: WTO, 1998. AB-1997-4.

[916] См.: Шиянов А. В. Некоторые противоречия между Всемирной торговой организацией и Европейским Союзом / А. В. Шиянов // Международное право – International Law. 2003. № 1-2 (15-16). С. 186-193.

предосторожности имеет значение лишь для МЭП, а в общем международном праве он не получил должного закрепления. В данном случае ОРС, руководствуясь положениями соглашений ВТО, решил, что ЕС нарушил торговые ограничения[917].

Широко обсуждаются вопросы, связанные с конфликтами, возникающими из-за противоречий между требованиями норм, закрепленных в договорах ВТО и МЭС[918]. Так, Апелляционный орган по делу *«О креветках-черепахах»* (1998) при анализе материалов ссылался (среди прочих документов) на Декларацию Рио-де-Жанейро 1992 г. и Повестку дня на XXI век, КБР 1992 г. и Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.[919] ОРС ВТО поднимал вопросы экологического характера и во многих других делах, например в деле *«О тунце»*, деле *«О креветках»*, деле *«О ГМО»* и др.[920]

Недавняя практика ОРС ВТО вызывает много споров. Постоянный суверенитет над природными ресурсами и принцип свободной торговли – два прочно устоявшихся принципа международного права. Главный вопрос заключается в том, справедливо ли принуждать государства происхождения природных ресурсов экспортировать их в другие государства вместо того, чтобы эксплуатировать их в интересах своего национального развития? С одной стороны, торговля природными ресурсами регулируется правовыми нормами международного торгового права, в частности правом ВТО, которое закрепляет обязательство осуществлять свободную трансграничную

---

[917] Hey E. Considerations Regarding the Hormones Case, the Precautionary Principle and International Dispute Settlement Procedures / E. Hey // Leiden Journal of International Law. 2000. Vol. 13. No. 1. P. 239-248.

[918] Marceau G. Conflicts of Norms and Conflicts of Jurisdictions: The Relationship between the WTO Agreement and MEAs and Other Treaties / G. Marceau // Journal of World Trade. 2001. Vol. 35. No. 6. P. 1081-1131.

[919] United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products: Report of the Appellate Body, 6 November 1998, WT/DS58/AB/R // WTO Dispute Settlement Reports (DSR). 1998. Vol. VII. P. 2794-2797 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/58ABR.pdf&Open=True (дата обращения: 26.08.2026).

[920] United States – Restrictions on Imports of Tuna: Report of the Panel, DS21/R, 3 September 1991, unadopted // GATT B.I.S.D. 1993. Vol. 39. P. 155. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/357797750_GD239_-_United_States_-_Restrictions_on_Imports_of_Tuna_DS21R_BISD_39S155 (дата обращения: 26.08.2026); United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products: report of the Appellate Body WT/DS58/AB/R of 12 October 1998; European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products: reports of the Panel WT/DS291/R, WT/DS292/R, WT/DS293/R of 29 September 2006. Документы ВТО: DS291 – США, DS292 – Канада, DS293 – Аргентина.

торговлю. С другой стороны, государства обладают постоянным суверенитетом над своими природными ресурсами, который включает как право на торговлю природными ресурсами, так и право ограничивать такую торговлю. Именно баланс между этими двумя принципами труднодостижим. Существующие положения права ВТО и ее судебная практика далеки от справедливого баланса между ними. Обязательство обеспечивать свободную торговлю преобладает над правами, вытекающими из постоянного суверенитета над природными ресурсами. Согласно обзорам торговой политики ВТО, более трети всех заявленных экспортных ограничений приходится на сектор природных ресурсов. Тем не менее правила ВТО недостаточно эффективны для обеспечения постоянного суверенитета государств над их природными ресурсами. Исходя из судебной практики ВТО и результатов рассмотрения дел в рамках таких споров, как *«Меры, связанные с экспортом различных сырьевых материалов»* (Китай – сырье), *«Меры, связанные с экспортом редкоземельных металлов, вольфрама и молибдена»* (Китай – редкоземельные металлы), и совсем недавнего спора *«Меры, связанные с сырьевыми материалами»* (Индонезия – сырьевые материалы), утверждается, что судебная практика ВТО чрезмерно отдает предпочтение принципу свободной торговли, а не принципу суверенитета над природными ресурсами[921].

Индонезия – страна, богатая природными ресурсами, включая минеральные: ее запасы никеля составляют 23,7 % от общемировых. Сегодня это важнейший ресурс, в том числе для производства электромобилей. Индонезия хотела продавать готовые никельсодержащие продукты, а не просто никелевое сырье, поэтому ввела запрет на экспорт, чтобы за время установленного запрета создать перерабатывающие мощности. Цены на никель на мировых рынках сразу выросли. Эта мера вызвала споры в международном сообществе, в частности ЕС посчитал, что такая мера

[921] Boklan D. Defending permanent sovereignty over natural resources against the obligation to freely trade: the international legal dimension / D. Boklan, C. Kuppuswamy // Mineral Economics. 2024. Vol. 1. No. 1. P. 1-10.

противоречит принципам неограничивающей торговой политики, которым привержена ВТО. Это дело было передано в Орган по разрешению споров ВТО под названием «*DS592 – Меры Индонезии, касающиеся сырья*»[922]. Хотя правительство Индонезии в итоге проиграло дело против ЕС, оно намерено продолжать применять эту меру для дальнейшего развития промышленности переработки сырого сырья в Индонезии. С тех пор Индонезия подала апелляцию на доклад третейской группы по делу DS592 и не демонстрирует никаких признаков отмены общенационального запрета на экспорт сырого сырья, которое в перспективе будет включать бокситы, медь и олово. Применение статьи XXI ГАТТ может быть использовано в качестве стратегии, которая позволит избежать пристального внимания со стороны международного сообщества, если для реализации мер, противоречащих принципам ВТО, использовать исключение, связанное с национальной безопасностью. Представляется, что правительство Индонезии может защитить и обезопасить основополагающий принцип своей страны как суверенного государства, контролирующего собственные сырьевые ресурсы[923].

В контексте диссертационного исследования важно отметить, что 24 июля 2026 г. Россия обжаловала пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС (англ. - *CBAM*) в ОРС ВТО[924]. С одной стороны, здесь можно отметить потенциальное противоречие между климатических обязательствами и торговыми. Но, с другой стороны, Россия подчеркивает, что она «поддерживает меры по охране окружающей среды, однако считает меры ЕС чрезмерно ограничительными и дискриминационными, полагая, что они направлены на защиту внутренних отраслей промышленности ЕС и подрыв

[922] Panel Report. Indonesia – Measures Relating to Raw Materials. WTO Doc. WT/ DS592/7 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds592_e.htm (дата обращения: 01.07.2026).
[923] Zaki M. R. S. Safeguarding Sovereignty: Indonesia's Solution to the Raw Materials Case in WTO / M. R. S. Zaki, M. H. Armanto, R. A. H. Albar [et al.] // Indonesian Journal of International Law. 2023. Vol. 20. No. 4. Article 6.
[924] Russia requests dispute panel on EU carbon border adjustment and emissions trading scheme [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news26_e/dsb_24jul26_464_e.htm (дата обращения: 01.08.2026).

конкуренции» [925] . Иными словам, с точки зрения обозначенной позиции CBAM похож на гринвошинг. Получается, что мы опять возвращаемся к ранее озвученными мыслям, что трудно дать определение международному экологическому спору, в т.ч. поскольку государства сами по-разному оценивают конфликтные ситуации между ними.

В контексте наших размышлений уместно упомянуть о Соглашении ВТО о субсидиях на рыболовство 2022 г.[926] — это многосторонний договор ВТО, призванный остановить практику вредного государственного финансирования, которое приводит к истощению Мирового океана и сокращению рыбных запасов[927]. По сути, это первый экологоцентричный договор в системе ВТО. Он вступил в силу 15.09.2025 г., Россия присоединилась к нему18.03.2024 г.

Таким образом, ОРС ВТО играет значительную роль в балансировании между принципами свободной торговли и экологическими интересами. Хотя основной мандат ВТО связан с либерализацией торговли, ОРС неоднократно рассматривал споры, затрагивающие экологические меры государств, формируя устойчивую практику в области «зеленой» торговой политики.

Роль ОРС ВТО в защите окружающей среды весьма противоречива. С одной стороны, мы можем констатировать толкование статьи XX ГАТТ в пользу экологических мер и интеграцию международных экологических стандартов в практику ОРС ВТО. С другой стороны, его роль остается ограниченной из-за примата торговых правил. В практике ОРС ВТО прослеживается приоритет торговых правил – экологические меры не должны нарушать базовые принципы ВТО (например, режим наибольшего

---

[925] Russia requests dispute panel on EU carbon border adjustment and emissions trading scheme [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news26_e/dsb_24jul26_464_e.htm (дата обращения: 01.08.2026).

[926] Соглашение ВТО о субсидиях на рыболовство (Женева, 17 июня 2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/33.pdf&Open=True (дата обращения: 01.08.2026).

[927] Коломин В. О. Соглашение ВТО по рыболовным субсидиям как элемент глобального регулирования отрасли / В. О. Коломин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soglashenie-vto-po-rybolovnym-subsidiyam-kak-element-globalnogo-regulirovaniya-otrasli (дата обращения: 20.07.2026).

благоприятствования). Также можно отметить жесткие требования к доказательной базе – недостаточно деклараций и заявлений, нужны научные исследования. Конечно, есть риск «зеленого протекционизма», в рамках которого меры должны быть направлены в первую очередь на защиту среды, а не на поддержку местных производителей.

Новое измерение природоохранной компетенции ООН и ее специализированных учреждений нашло отражение в деятельности *Инспекционной комиссии Всемирного банка*[928].

Рио-де-Жанейрская конференция по окружающей среде и развитию 1992 г. вдохновила различные международные и национальные организации на целый ряд новых инициатив по повышению роли отдельных лиц и неправительственных гражданских групп в защите окружающей среды на международном уровне. Среди наиболее ярких примеров – создание Инспекционной группы Всемирного банка в 1993 г. Группа была сформирована в ответ на общественные протесты против нарушений прав человека и окружающей среды в результате крупномасштабных проектов развития, финансируемых Банком (таких как плотина Нармада в Индии), для рассмотрения и расследования жалоб затронутых общественных групп в районах реализации проектов относительно несоблюдения ответственными органами соответствующих экологических и социальных стандартов Банка. С 1993 г. Группа рассмотрела более 170 запросов[929], наибольшее количество из которых касались соблюдения оперативной директивы по оценке окружающей среды (OD 4.01), а также проводимой в отношении проектов плотин и водохранилищ экологической политики (OD 4.00), экологических

[928] The World Bank Inspection Panel: Resolution No. IBRD 93-10, Resolution No. IDA 93-6 of 22 September 1993. Washington, D.C.: World Bank, 1993 [Электронный ресурс]. URL: https://www.inspectionpanel.org (дата обращения: 01.08.2026). См. подробнее: Нурмухаметова Э. Ф. Инспекционная Комиссия Всемирного Банка: вклад в устойчивое развитие / Э. Ф. Нурмухаметова // Московский журнал международного права. 2006. № 4. С. 129-145; Пушкарева Э. Ф. Обеспечение охраны окружающей среды при осуществлении экономической деятельности: международно-правовое регулирование / Э. Ф. Пушкарева // Московский журнал международного права. 2013. Часть 2. № 2. С. 32-45; Пушкарева, Э. Ф. Обеспечение охраны окружающей среды при осуществлении экономической деятельности: международно-правовое регулирование / Э. Ф. Пушкарева // Московский журнал международного права. 2013. Часть 1. № 1. С. 39-59.

[929] Inspection Panel. Panel Cases [Электронный ресурс]. URL: https://www.inspectionpanel.org/panel-cases (дата обращения: 20.07.2026).

аспектов работы Банка (OMS 2.36), коренных народов (OD 4.20), водных ресурсов и управления ими (OP 4.07), диких земель (OPN 11.02) и естественных мест обитания (OP/BP 4.04)249.

Всемирный банк принял программу действий в четырех частях, нацеленную на: обеспечение решения экологических проблем за счет деятельности, финансируемой Банком; поддержку государств-членов в организации своей жизни в соответствии с принципами уменьшения бедности, эффективности экономики и защиты окружающей среды; оказание помощи государствам-членам в установлении приоритетов, создании механизмов и выполнении программы в области охраны окружающей среды; обеспечение участия в решении глобальных экологических задач путем сотрудничества с Глобальным экологическим фондом.

Каждый проект, финансируемый Банком, в случае возможного воздействия на окружающую среду предварительно подлежит всестороннему изучению и оценке на предмет экологического воздействия. Если оценка приводит к выводу о необходимости проведения действий по охране окружающей среды, кредитный договор с Банком будет содержать положения о такой деятельности и, как правило, положение о полном или частичном финансировании этой деятельности.

Следует отметить, что Всемирный банк поддерживает развитие МЭП и с использованием других механизмов. С 1984 г. Банк придерживается принципа, что он не финансирует проекты, которые противоречат обязательствам кредитуемого государства по МЭС. Данный принцип нашел отражение и в других положениях Банка, таких как «Политика в области лесов»[930] и «Политика по экологической оценке»[931].

Отказываясь финансировать подобные проекты, Банк подчеркивает важность МЭС. Кроме того, Банк также помогает в вовлечении государств в

[930] World Bank. OP 4.36 – Forests: Operational Manual. Washington, DC: World Bank, 2013. Para. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/27d693b301bfdae68c3991b81e97d353-0290012023/original/OP-4-36-Forests.pdf (дата обращения: 29.08.2026).
[931] Там же. Para. 3.

МЭС, помогая им выполнять обязательства по договору. Например, Банк способствовал участию в подобных договорах Российской Федерации и новых независимых государств, образовавшихся в результате распада СССР[932].

В целом можно выделить четыре механизма, посредством которых Всемирный банк принимает участие в развитии МЭП и способствует соблюдению международных экологических обязательств, а именно: политику и процедуры Банка в отношении окружающей среды; соблюдение положений по состоянию окружающей среды в кредитных и грантовых соглашениях Банка; функционирование Банка в качестве попечителя и имплементационного органа международных целевых фондов по вопросам охраны окружающей среды; деятельность Инспекционного совета Всемирного банка по охране окружающей среды[933].

Инспекционный совет Всемирного банка является независимым постоянным органом в структуре Банка, состоящим из трех представителей различных государств – членов Банка, кандидатуры которых выдвигаются Президентом Банка и назначаются Исполнительными директорами Банка сроком на пять лет. Основными критериями, которым должен соответствовать член Инспекционного совета, являются: способность серьезно и честно рассматривать требования, предъявляемые к ним; независимость от Управления Банком; знания в области вопросов развития и условий жизни в развивающихся государствах; знания и опыт в деятельности Банка (как желательное условие). У Инспекционного совета имеется свой Секретариат.

Инспекционный совет был создан для «обеспечения людей, прямо или косвенно пострадавших от проекта, финансируемого Банком, специальным

---

[932] Participation of the Russian Federation and Newly Independent States of the former Soviet Union in the International Environmental Agreements / World Bank, Environmental Department. Washington, D.C.: World Bank, 1996.

[933] См.: Shihata I. F. I. The World Bank's Contribution to the Progressive Development of International Environmental Law / I. F. I. Shihata // Liber Amicorum Ibrahim F. I. Shihata: International Finance and Development Law / ed. by S. Schlemmer-Schulte, K.-Y. Tung. The Hague: Kluwer Law International, 2001. P. 141-149.

механизмом, через который они смогут требовать, чтобы Банк действовал в соответствии со своими политикой и процедурами»[934].

Основными целями Инспекционного совета являются осуществление контроля качества при подготовке проекта и оценка его имплементации, а также повышение ответственности Управления и персонала Банка за свои деятельность и процедуры, обеспечение прозрачности их деятельности.

Инспекционному совету предоставлен мандат исследовать с разрешения Совета исполнительных директоров Банка жалобы, поданные от имени групп и индивидов (но не от имени одного лица), чьи права были нарушены или могут быть нарушены в результате неспособности Банка в своей деятельности соответствовать своим стандартам в процессе разработки, оценки, имплементации проекта, финансируемого Банком.

Жалобы могут быть поданы также местным представителем пострадавших лиц, Советом исполнительных директоров Банка и в некоторых случаях – одним из исполнительных директоров. Чтобы ограничить роль неправительственных организаций, существует положение о том, что неместные представители могут представлять пострадавших лишь в исключительных случаях, когда иное подходящее представительство невозможно.

Жалобы должны быть представлены в письменной форме и содержать информацию о том, как интересы пострадавших были нарушены (или могут быть нарушены) неспособностью Банка следовать своей операционной политике и своим процедурам в отношении финансируемого Банком проекта, его оценки или имплементации. Истец должен также доказать, что были исчерпаны все другие средства получения обоснованного ответа от персонала Банка.

---

[934] The World Bank Inspection Panel: Resolution No. IBRD 93-10, Resolution No. IDA 93-6 of 22 September 1993. Washington, D.C.: World Bank, 1993 [Электронный ресурс]. URL: https://www.inspectionpanel.org (дата обращения: 01.08.2026).

После получения жалобы о проверке, которая в целом соответствует сфере деятельности Инспекционного совета (что устанавливается им в первую очередь) Совет регистрирует жалобу, ставит в известность об этом истца и Совет исполнительных директоров Банка и отправляет копию жалобы в Администрацию Банка, которая должна дать ответ в течение 21 дня. После получения ответа Инспекционный совет должен в течение 21 дня изучить ответ и дать рекомендации Совету исполнительных директоров Банка о необходимости полного расследования.

Совет исполнительных директоров Банка обладает достаточной властью, чтобы] разрешить или отклонить рекомендацию о полном расследовании. До 1999 г. Исполнительные директора часто отклоняли рекомендации Инспекционного совета о проведении расследования. Вместо этого принималось решение о необходимости составления Администрацией Банка «планов действий», что означало: жалобы уже не будут подвергнуты полной оценке, а имплементация плана действий не будет находиться под серьезным наблюдением. Более того, истцы при таких решениях не получали реальной возможности доказать свою правоту. После внесения изменений в 1999 г. Совет исполнительных директоров Банка поддержал все рекомендации о расследовании. После получения разрешения на полное расследование Инспекционный совет ведет свою работу, используя также свое право на доступ ко всем материалам Банка. По завершении расследования Инспекционный совет предоставляет доклад с оценкой выполнения Банком своей политики. В течение шести недель Администрация Банка должна предоставить Совету исполнительных директоров Банка доклад и рекомендации в соответствии с выводами Инспекционного совета. Доклад Инспекционного совета, рекомендации Администрации Банка и решение Совета исполнительных директоров Банка публикуются через две недели после решения Совета исполнительных директоров Банка.

Опишем этапы процесса работы Инспекционного совета[935].

•*Первичный этап*: Совет уведомляет общественность, что он получил Запрос о проведении инспекции через Уведомление о получении запроса на своем веб-сайте; в течение 15 рабочих дней после получения Запроса Совет принимает решение выдавать Уведомление о регистрации или Уведомление об отказе в регистрации;

•*Правомочность и Рекомендация Совета*: руководство Банка отвечает в течение 21 рабочего дня после Регистрации; при необходимости Совет посещает место выполнения проекта; в течение 21 рабочего дня после получения ответа Руководства Совет дает рекомендацию Совету исполнительных директоров, относительно целесообразности проводить расследование; выносится решение Совета директоров касательно рекомендации Совета (обычно в течение 10 рабочих дней);

•*Направление на урегулирование споров*: если расследование одобрено, секретарь Механизма подотчетности Всемирного банка предлагает разрешение споров Заявителям и заемщику; если стороны соглашаются на урегулирование споров, Совет временно приостанавливает расследование; максимальная продолжительность процесса урегулирования споров составляет один год (с возможностью продления на шесть месяцев);

•*Расследование*: если стороны не выбирают урегулирование споров или если урегулирование споров не дало результата, Совет начинает расследование; Совет совершает визит на место выполнения проекта для расследования; Совет представляет свой отчет о расследовании Совету исполнительных директоров (стремится завершить его в течение шести месяцев после публикации своего Плана расследования);

•*Пост-расследование*: отчет Совета о расследовании конфиденциально передается Заявителям; руководство Банка представляет Отчет и

---

[935] Инспекционный совет Всемирного банка. Где Вы будете услышаны: [Электронный ресурс]. URL: https://www.inspectionpanel.org/sites/default/files/publications/Inspection_Panel_Brochure_Russian_2021.pdf (дата обращения: 20.07.2026).

Рекомендацию (в течение шести недель после получения Отчета о расследовании); обсуждение и утверждение Советом исполнительных директоров Плана действий руководства (ПДР);

•*Проверка ПДР и его Реализация*: на основании критериев и условий пропорциональности, основанных на оценке риска, Совет при участии Группы внутреннего аудита (ГВР) может рекомендовать Совету директоров подтвердить выполнение ПДР; получив одобрение, Совет проверяет, соответствуют ли выполненные действия Руководства выводам Совета; ГВР проверяет, соответствуют ли действия руководства политике Управления банка; в конце процесса Совет директоров представляет Совету отчет о проверке.

Данная квазисудебная процедура может иметь самые серьезные последствия. Подача жалобы в Совет может: привести к решению Совета о том, были ли нарушения политики и процедур Всемирного банка связаны с предполагаемым ущербом; помочь привлечь внимание к ущербу или потенциальному ущербу, извлекая уроки, которые дадут возможность избежать такого ущерба в будущих проектах Банка; привести руководство Всемирного банка к действиям по устранению причиненного вреда либо на ранней стадии процесса, либо в результате Плана действий руководства, распоряжения Совета директоров по окончании расследования Совета; привести к подтверждению Советом успешной реализации корректировочных мер в ПДР (этот процесс аналогичен «мониторингу», осуществляемому другими независимыми механизмами подотчетности); привести к процессу разрешения спора, если и Заявители, и страна-заемщик согласны.

Вместе с тем есть и определенные ограничения: подача жалобы в Совет не является гарантией того, что ущерб, причиненный проектом, финансируемым Всемирным банком, будет устранен или предотвращен, поскольку Совет не является судом, механизмы принудительного исполнения отсутствуют. Тем не менее Совет подотчетен непосредственно Совету исполнительных директоров банка, а руководство Банка несет ответственность за рассмотрение выводов

Совета и реагирование на них. Данная процедура: не определяет виновности или невиновности отдельных сотрудников Банка (скорее Совет изучает вопросы соблюдения политики Банка со стороны руководства в целом); не приводит к расследованию в отношении правительства Заемщика, поскольку Совет исследует работу Банка, а не действия Заемщика; не приводит автоматически к приостановке или отмене проекта (что является решением Банка).

За этим нововведением последовало появление аналогичных механизмов, созданных в Межамериканском банке развития (Независимый механизм консультаций и расследований, впервые сформированный в 1994 г.)[936], Азиатском банке развития (1995 г.; ныне Механизм подотчетности)[937], в Международной финансовой корпорации и Многостороннем агентстве по инвестиционным гарантиям (1998)[938], Европейском банке реконструкции и развития (2004)[939] и Африканском банке развития (2006)[940]. Эти механизмы обеспечивают предметный и независимый обзор деятельности этих банков и расширяют доступ к международным средствам правовой защиты для негосударственных субъектов.

Инспекционная группа Всемирного банка и контрольные квазисудебные органы, созданные другими региональными банками развития, вносят существенный вклад в усовершенствование международного права, создавая в рамках многостороннего банка развития административную процедуру, позволяющую проверять соблюдение учреждением его внутреннего права по инициативе третьих лиц, не являющихся сотрудниками.

---

[936] См.: Independent Consultation and Investigation Mechanism (MICI) // Inter-American Development Bank. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iadb.org/en/mici/home,1752.html (дата обращения: 20.07.2026).

[937] См.: Accountability Mechanism // Asian Development Bank [Электронный ресурс]. URL: https://www.adb.org/site/accountability-mechanism/main (дата обращения: 20.07.2026).

[938] Compliance Advisor Ombudsman (CAO) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cao-ombudsman.org (дата обращения: 20.07.2026).

[939] См.: Project Complaint Mechanism // European Bank for Reconstruction and Development [Электронный ресурс]. URL: https://www.ebrd.com/work-with-us/project-finance/project-complaint-mechanism.html (дата обращения: 20.07.2026).

[940] См.: Independent Review Mechanism (IRM) // African Development Bank Group [Электронный ресурс]. URL: https://www.afdb.org/en/about-us/organisational-structure/independent-review-mechanism-irm (дата обращения: 20.07.2026).

Представляется, что наиболее эффективным каналом обеспечения экологических интересов при экономическом регулировании являются именно международные финансовые институты, поскольку экологические меры для них выступают обязательным условием предоставления кредита, а не факультативным ограничением, как в торговых и инвестиционных спорах. Вместе с тем сохраняются структурные ограничения: Инспекционная панель не наделена полномочиями по мониторингу исполнения собственных рекомендаций, а НПО не имеют самостоятельного права на подачу жалоб в защиту публичного экологического интереса, что снижает превентивный потенциал механизма.

Эволюция трехсторонней Комиссии по экологическому сотрудничеству: от НАФТА к ЮСМКА. Определенный интерес представляет региональная инициатива – созданная в 1994 г. в рамках сотрудничества США, Канады и Мексики Комиссия по экологическому сотрудничеству[941], обладающая в числе прочего квазисудебной функцией. Рассмотрим генезис этой Комиссия, которая существенно изменялась за годы существования вплоть до текущего 2026 года, когда США решили выйти из нее.

Во время переговоров по поводу создания Соглашения о североамериканской зоне свободной торговли 1992 г. (далее НАФТА, от англ. NAFTA – North American Free Trade Area) экологические НПО и некоторые члены Конгресса США высказывали предположение о том, что исчезновение препятствий в международной торговле и инвестировании позволит США и Канаде переместить свои компании в Мексику и извлекать выгоду из более низких экологических стандартов. Экологическое законодательство Мексики было на тот момент сравнительно неплохим, но вот исполнение его не было должным образом обеспечено. Защитники окружающей среды справедливо полагали, что перемещение коммерческих компаний в Мексику усугубит

[941] Солнцев А. М. Комиссия НАФТА по экологическому сотрудничеству: 20-летний опыт в разрешении экологических споров / А. М. Солнцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 37-44.

неблагоприятное состояние ее окружающей среды, приведет к увеличению безработицы в США и Канаде и побудит все три страны – участницы НАФТА снизить стандарты, установленные экологическим законодательством[942].

В связи с этими опасениями правительство США предложило заключить в качестве дополнения к Соглашению НАФТА Североамериканское соглашение о сотрудничестве в сфере окружающей среды, которое усовершенствовало бы обеспечение исполнения законодательства об охране окружающей среды в Мексике, а также в США и Канаде. В результате в 1993 г. было принято *Североамериканское соглашение о сотрудничестве в сфере окружающей среды*[943] (далее – Соглашение 1993 г.). Данное Соглашение было заключено между Канадой, Мексикой и США (государствами – участниками Соглашения НАФТА 1992 г.). Соглашение рассматривается в качестве самостоятельного международного договора, но связанного с Соглашением НАФТА. Соглашение вступило в силу 1 января 1994 года (как и Соглашение НАФТА).

Соглашение 1993 г. направлено на защиту окружающей среды в Северной Америке. Оно содержит ряд положений, подчеркивающих, насколько важно для сторон соблюдение национального экологического законодательства, на котором держится эффективная защита окружающей среды. В дополнение к усилению защиты окружающей среды Соглашение делает акцент на важности принципов, связанных с «благим управлением» (‘good governance’), включая упрощенный доступ граждан к процедурам защиты экологических прав и прозрачность в деятельности органов.

Для достижения поставленных целей в Соглашение включены положения об учреждении постоянной Комиссии по экологическому сотрудничеству[944], которая начала функционировать в 1994 г. в форме международной организации. Комиссия состоит из Совета, Секретариата и Объединенного

---

[942] Knox J. H. A New Approach to Compliance with International Environmental Law: The Submissions Procedure of the NAFTA Environmental Commission / J. H. Knox // Ecology Law Quarterly. 2001. Vol. 28. P. 1-122.

[943] North American Agreement on Environmental Cooperation (1993) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cec.org/Page.asp?PageID=1226&SiteNodeID=567 (дата обращения: 01.08.2026).

[944] Комиссия НАФТА по экологическому сотрудничеству: [сайт]. URL: http://www.cec.org (дата обращения: 01.08.2026).

общественного консультативного комитета (JPAC – ООКК). Совет заседает в составе министров окружающей среды трех стран-участниц. Секретариат состоит из международных служащих и находится в Монреале (Канада). Финансирование деятельности ОКК происходит следующим образом: каждое из трех государств ежегодно вносит 3 млн долл. США. В состав ООКК входят 15 человек (по пять от каждой страны-участницы). ООКК взаимодействует с Советом и Секретариатом, участвует в разработке ежегодной программы работы, в расчете бюджета.

Соглашение требует от каждой страны «эффективного обеспечения исполнения законодательства об охране окружающей среды» (п. 1 ст. 5), способствует сотрудничеству и помощи в достижении этой цели (пп. 3–4 ст. 10), учреждает два механизма соблюдения Соглашения. Один из них представляет собой традиционный межправительственный механизм решения споров, позволяющий любой из сторон обращаться в арбитраж в случае неоднократного нарушения другой стороной обеспечения исполнения законодательства об окружающей среде (разд. 5). Обращение в арбитраж может повлечь наложение санкций на виновную сторону. Другой механизм — это процедура, которая дает возможность физическим лицам и НПО подавать заявления на неспособность государства обеспечить соблюдение положений национального экологического права и международных экологических обязательств (ст. 14.1 Соглашения). При этом отметим, что НПО в рассмотрении коммерческих споров в НАФТА не участвуют. Если заявление соответствует требованиям, установленным в Соглашении, то Секретариат может подготовить отчет о расследовании (в Соглашении намеренно используется термин ‘factual record’ (фактический отчет), чтобы подчеркнуть квазисудебную функцию Комиссии), проведенном на основании заявленных утверждений. Хотя этот отчет не влечет юридических последствий за несоблюдение, процедура может выявить трудности, возникающие у государств при соблюдении своего экологического законодательства, и будет

способствовать более строгому выполнению положений законодательства или международных обязательств.

Итак, чтобы инициировать отчет Секретариата Комиссии, заявление должно преодолеть несколько препятствий. Во-первых, чтобы быть рассмотренной Секретариатом, заявление должно удовлетворять определенным минимальным требованиям (ст. 14.1 Соглашения), а именно: заявление должно быть составлено в письменной форме на языке, определенном Стороной в уведомлении Секретариата; четко определено лицо или организация, направившая заявление; предоставлена достаточная информация, позволяющая Секретариату рассмотреть заявление, в том числе любые документальные доказательства, на которых может быть основано заявление; заявление должно быть направлено на содействие исполнению экологического законодательства, а не на преследование промышленных предприятий; присутствует доказательство того, что заявление ранее подавалось в письменной форме в соответствующие органы государства-участника и были получены ответы, если таковые имеются; заявление может быть подано лицом или организацией, зарегистрированной на территории одной из Сторон.

Если Секретариат определяет, что заявление допустимо, он должен решить, следует ли просить от заинтересованной стороны ответа на четыре дополнительных вопроса: нанесен ли вред человеку или организации, подающей заявление; основано ли это заявление исключительно на данных СМИ; поднимаются ли вопросы, дальнейшее исследование которых усовершенствует цели настоящего Соглашения; были ли использованы иные способы урегулирования вопросов, доступные согласно законодательству соответствующего государства-члена (ст. 14.2 Соглашения). Заявления, которые заслуживают ответа, могут быть исследованы Секретариатом Комиссии, только если они пройдут еще два этапа.

Во-первых, Секретариат должен решить в свете заявления и ответа государства, необходима ли подготовка отчета. При этом в Соглашении 1993

г. не указано, какие факторы Секретариату следует учесть на данном этапе, кроме одного: Секретариат может не действовать, если соответствующее государство представит соответствующие доказательства, что этот вопрос является предметом отложенного судебного или административного разбирательства (ст. 14.3а Соглашения). Вместе с тем Секретариат указал в отчете по делу *Skeena River Fishery*, что он учитывает, «остаются ли после рассмотрения ответа на заявление какие-то “существенные вопросы”, на которые отчет мог бы пролить свет»[945]. Думается, что это общее положение, применимое ко всем делам.

Во-вторых, если Секретариат считает, что расследование должно иметь место, он должен обратиться в Совет Комиссии для одобрения. Секретариат может продолжить работу, если по крайней мере две трети членов Совета проголосовали за санкционирование подготовки отчета (ст. 15.2 Соглашения). Опять же стоит подчеркнуть, что Соглашение 1993 г. не определяет факторов, которые Совет должен учесть, вынося решение начать Секретариату процедуру подготовки отчета или нет.

После получения одобрения Секретариат может привлечь широкий круг источников, в том числе стороны спора, публичные источники, а также свою собственную информацию (ст. 15.4 Соглашения). Далее Секретариат представляет проект доклада в Совет, и государства-участники могут предоставить свои комментарии к нему, хотя и не могут требовать от Секретариата изменить документ. Совет имеет также другой способ контроля: он решает двумя третями голосов, сделать ли доклад доступным для общественности (ст. 15.7). После публикации доклада Комиссия не прилагает никаких усилий по дальнейшему отслеживанию ситуации или оцениванию последствий (*follow up*).

---

[945] Skeena River Fishery, SEM-09-005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cec.org/Page.asp?PageID=751&ContentID=&SiteNodeID=250&BL_ExpandID=156 (дата обращения: 01.08.2026).

В целом процедура обращения граждан в Комиссию НАФТА является лишь одним из многих подобных механизмов, которые были созданы за последние годы на универсальном и региональном/субрегиональном уровнях. Стоит отметить, что такая процедура разрешения экологических споров после апробации в НАФТА была воспринята и в других торговых режимах[946]. Продемонстрируем, как процедура рассмотрения заявлений Комиссией НАФТА работала на практике и попытаемся оценить ее эффективность.

Комиссия по экологическому сотрудничеству начала работать в 1994 г. и получила свое первое обращение в 1995 г., с тех пор ею было получено 115 заявлений. При этом 106 дел уже окончательно закрыты, а 9 находятся в стадии рассмотрения[947]. Количество обращений каждый год менялось от двух до семи. Более половины из представленных заявлений (65) были направлены против Мексики, 36 против Канады и только 16 против Соединенных Штатов[948] (включая одно заявление, поданное против двух государств – США и Канады (дело «*Devils Lake*»)).

Представленные заявления, почти все из которых были составлены экологическими группами (НПО), определили широкий спектр предполагаемых нарушений экологического законодательства со стороны органов трех государств-членов, в том числе отказ в обеспечении исполнения законов, касающихся загрязнения воздуха и воды, ОВОС и защите исчезающих видов. Большинство из заявлений не преодолели и первые три препятствия: решение Секретариата о допустимости заявления, необходимость ответа со стороны государства и необходимость составления отчета. Секретариат нашел около трети представленных заявлений недопустимыми, или, иначе, не заслуживающими ответа. В отношении тех, к

---

[946] Dominican Republic-Central America-United States Free Trade Agreement (DR-CAFTA): ch. 17. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2005. 5 August; United States-Colombia Trade Promotion Agreement: ch. 18. Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 2008. 22 November; United States-Panama Trade Promotion Agreement: ch. 17. Washington, D.C., 2007. 28 April; United States-Peru Trade Promotion Agreement: ch. 18. Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 2007. 12 April.

[947] Submissions on Enforcement Matters, CEC [Электронный ресурс]. URL: http://www.cec.org/submissions-on-enforcement/ (дата обращения: 01.06.2026).

[948] Registry of Submissions [Электронный ресурс]. URL: http://www.cec.org/wp-content/uploads/sem-process-status-en.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

которым ответы от государств были запрошены, Секретариат принял решение не рекомендовать составление отчетов почти в 40 % случаев. В общем, принимая во внимание заявления, которые были отклонены по другим причинам (например, отзыв заявителем), Секретариат рекомендовал подготовить отчет в 26 случаях из 106, то есть менее чем для одной трети всех заявлений, которые он получил. По причинам, которые неясны, доля заявлений, получивших рекомендации со стороны Секретариата, снизилась в последние годы. При этом Совет отклонил запрос Секретариата лишь несколько раз.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, описанная процедура привлекла постоянный поток заявлений, поданных на канадские и мексиканские органы, тогда как индивиды и НПО из США обращаются к ней крайне редко. Это часто связывают с большей доступностью внутренних средств правовой защиты в Соединенных Штатах, чем в Канаде и Мексике[949]. Многие мексиканские заявления касаются неисполнения национального законодательства в рамках локальных проектов (например, *Cozumel* SEM-96-001 (постройка терминала для туристических судов); *Aquanova* SEM-98-006 (креветочная ферма); *Metales y Derivados* SEM 98-007 (цинкоплавильный завод), *El Boludo Project* SEM-02-004 (шахты по добыче золота); *ALCA-Iztapalapa* SEM-03-004 (обувная фабрика), *Coronado Islands* 05-002 (терминал для природного газа)). Канадские НПО, напротив, часто использовали процедуру для того, чтобы предотвратить запуск широкомасштабных программ. Это привело к первому канадскому отчету по делу *«BC Hydro»*, где был представлен широкий взгляд на экологический ущерб, причиненный гидроэлектростанциями в Британской Колумбии[950]. Заявители признали отчет ценным, и за ним последовали серии сходных

[949] См.: Graubart J. Legalizing Transnational Activism: The Struggle to Gain Social Change from NAFTA's Citizen Petitions / J. Graubart. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2008. 170 p.; Christensen R. The Citizen Submission Process Under NAFTA: Observations After 10 Years / R. Christensen // Journal of Environmental Law & Practice. 2004. Vol. 14. P. 165-172.

[950] BC Hydro (SEM-97-001), Factual Record (11 June 2000) // Commission for Environmental Cooperation. North American Environmental Law and Policy. Vol. 6. Montreal: CEC, 2000. 118 p.

заявлений, несколько из которых также привели к составлению отчетов (*BC Mining* SEM-98-004; *BC Logging* SEM-99-004; *Ontario Logging* SEM-02-001).

Было высказано предположение, что данная процедура может привлечь внимание к аналогичным проблемам в США[951], и два заявления были поданы на правительство США. Хотя они оба повлекли рекомендации о составлении отчетов, Совет сузил первую из них так, что она потеряла свою важность[952], а вторая от 20 сентября 2004 года, привела к составлению отчета лишь 26 июня 2014 года, то есть спустя 10 лет после выдачи[953].

Постепенно в 2010-х годах интерес к процедуре в отношении Канады и Мексики стал падать. Заявления отзывают после того, как Совет сужает круг вопросов. Так, на встрече Комитета осенью 2011, заявители жаловались на различные проблемы с процедурой, в том числе на длительные задержки, вмешательство Совета и отсутствие последующих мер после составления отчета. В ответ на включенный в опрос заявителей вопрос, «нуждается ли механизм в пересмотре и повышении качества?», почти каждый заявитель ответил «да»[954].

Таким образом, можно согласиться с мнением профессора Дж. Нокса, которое он высказал в 2012 г.: «процедура обращения не является своевременной и справедливой»[955]. Процедура обращения в Комиссию резко критиковалась на этом основании почти с момента ее создания, и с течением времени критика стала только громче и оправданнее. Упомянутые

---

[951] Pratt M. J. The Citizen Submission Process of the NAAEC: Filling the Gap in Judicial Review of Federal Agency Failures to Enforce Environmental Laws / M. J. Pratt // Emory International Law Review. 2006. Vol. 20. No. 2. P. 741-750; Wold C. The Inadequacy of the Citizen Submission Process of Articles 14 & 15 of the North American Agreement on Environmental Cooperation / C. Wold, L. Ritchie, D. Scott, M. Clark // Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review. 2004. Vol. 26. No. 3. P. 415-419.

[952] Там же. P. 425-429.

[953] Coal-fired Coal-fired Power Plants, SEM-04-005 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.cec.org/islandora/en/item/11532-north-american-environmental-law-and-policy-en.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[954] JPAC Summary of Responses to the JPAC Questionnaire on Submitters Experiences with the Citizen Submission Process Under NAAEC Articles 14 and 15 // Commission for Environmental Cooperation [Электронный ресурс]. URL: http://www.cec.org/Page.asp?PageID=1212&SiteNodeID=1029&SiteLanguageId= (дата обращения: 01.07.2026).

[955] Knox J. H. Evaluating Citizen Petition Procedures: Lessons from an Analysis of the NAFTA Environmental Commission / J. H. Knox, D. L. Markell // Texas International Law Journal. 2012. Vol. 47. No. 3. P. 505-512.

длительные, все растущие задержки сделали процедуру менее привлекательной для потенциальных заявителей.

С другой стороны, стоит отметить, что исследования процедуры сос стороны внешних экспертов позволили прийти к выводу, что Секретариат принимает объективные решения, основанные на тщательном рассмотрении заявлений и соответствующих фактов в области окружающей среды[956]. Критика процедуры как несправедливой была направлена на поведение государств, как в своем личном качестве, так и в составе Совета.

Хотя Совет редко пользовался своим правом отклонять просьбу Секретариата о составлении отчета, он часто сужал сферу освещенных в ней вопросов[957]. В некоторых случаях такое сужение не затрагивало основного содержания, но в других случаях из запроса выпадала важная информация. Ярким примером является дело *«О перелетных птицах»*, в котором заявление подавалась на США за систематические нарушения выполнения законов, запрещающих отстрел перелетных птиц при лесозаготовках[958]. Секретариат рекомендовал составить отчет, основываясь на широком спектре нарушений, но Совет поручил Секретариату исследовать только два конкретных случая, упомянутых в заявлении в сноске, в результате чего Секретариат потратил

---

[956] Graubart J. Legalizing Transnational Activism: The Struggle to Gain Social Change from NAFTA's Citizen Petitions / J. Graubart. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2008. P.127-128; Wold C. The Inadequacy of the Citizen Submission Process of Articles 14 & 15 of the North American Agreement on Environmental Cooperation / C. Wold, L. Ritchie, D. Scott, M. Clark // Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review. 2004. Vol. 26. No. 3. P. 415-419.

[957] Species at Risk, SEM-06-005, Council Council Resolution 10-05 (20 December 2010) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cec.org/submissions/registry-of-submissions/species-at-risk/ (дата обращения: 26.08.2026); Lake Chapala II, SEM-03-003, Council Resolution 08-01 (30 May 2008) // Commission for Environmental Cooperation. Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore) [Электронный ресурс]. URL: https://pca-cpa.org/en/cases/56/ (дата обращения: 01.05.2026); Montreal Technoparc, SEM-03-005, Council Resolution 04-05 (20 August 2004) // Commission for Environmental Cooperation. Montreal: CEC, 2004; Oldman River II, SEM-97-006, Council Resolution 01-08 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – Montreal: CEC, 2001; Aquanova, SEM-98-006, Council Resolution 01-09 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. North American Environmental Law and Policy. Vol. 12. Montreal: CEC, 2003. 163 p.; Migratory Birds, SEM-99-002, Council Resolution 01-10 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – Montreal: CEC, 2001; BC Logging (SEM-00-004), Council Resolution 01-12 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. North American Environmental Law and Policy. Vol. 14. Montreal: CEC, 2003. 189 p.; BC Mining (SEM-98-004), Council Resolution 01-11 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – North American Environmental Law and Policy. Vol. 13. Montreal: CEC, 2003. 234 p.

[958] Migratory Birds, SEM-99-002, Council Resolution 01-10 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. Montreal: CEC, 2001.

месяцы на проведение официального расследования об уничтожении нескольких птиц[959]. Подобная ситуация сложилась в декабре 2010 г. в канадском деле «*Виды, находящиеся под угрозой исчезновения*». Совет настолько сузил запрос Секретариата, что заявители отозвали свой запрос, указав, что пределы, введенные Советом «могут сорвать объективную оценку отказа Канады приводить в исполнение собственное законодательство»[960].

Хотя оба вышеуказанных случая были подвергнуты критике со стороны Комитета, независимых экспертов, экологических групп и ученых[961], Совет только уклонялся от ответа. Вместе с тем был и положительный эффект от критики: в 2004 г. Совет утвердил подготовку отчета по поводу нарушения канадскими властями положений законодательства по охране перелетных птиц в канадской провинции Онтарио[962]. В 2008 г. другая коалиция экологических НПО и ученых-экологов подписала письмо с жалобой на неоправданные задержки Совета в принятии решений по рекомендациям Секретариата, и Совет вскоре после этого одобрил два отчета, которые ожидали своей очереди с 2005 г.[963]

Среди плюсов в работе Комиссии можно отметить, что в некоторых случаях она привлекла большое внимание к экологическим проблемам и повышению уровня охраны окружающей среды[964].

---

[959] Wold C. The Inadequacy of the Citizen Submission Process of Articles 14 & 15 of the North American Agreement on Environmental Cooperation / C. Wold, L. Ritchie, D. Scott, M. Clark // Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review. 2004. Vol. 26. No. 3. P. 415-419; Garver G. Tooth Decay: Examining NAFTA's «Environmental Teeth» / G. Garver // Environmental Forum. 2008. Vol. 25. No. 3. P. 34-39.

[960] Species at Risk, SEM-06-005, Letter from Ecojustice to CEC (17 January 2011) // Commission for Environmental Cooperation.

[961] Markell D. L. The Commission for Environmental Cooperation's Citizen Submission Process / D. L. Markell // Georgetown International Environmental Law Review. 2000. Vol. 12. P. 545-574; JPAC Advice to Council 03-05 (17 December 2003) // Commission for Environmental Cooperation [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cec.org/Page.asp?PageID=122&ContentID=1274&SiteNodeID=295&BL_ExpandID= (дата обращения: 01.07.2026).

[962] Ontario Logging, SEM-02-001, Council Resolution 04-03 (12 March 2004) // Commission for Environmental Cooperation. Montreal: CEC, 2004.

[963] Lake Chapala II, SEM-03-003, Council Resolution 08-01 (30 May 2008) // Commission for Environmental Cooperation.

[964] Graubart J. Legalizing Transnational Activism: The Struggle to Gain Social Change from NAFTA’s Citizen Petitions / J. Graubart. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2008. 170 p.; Dorn J. G. NAAEC Citizen Submissions Against Mexico: An Analysis of the Effectiveness of a Participatory Approach to Environmental Law Enforcement / J. G. Dorn // Georgetown International Environmental Law Review. 2007. Vol. 20. No. 1. P. 129-160.

Как мы продемонстрировали выше, процедура рассмотрения заявлений требовала реформы. Для улучшения работы Комиссии предлагалось два варианта. Во-первых, предлагалось внести поправки в Североамериканское соглашение о сотрудничестве в сфере защиты окружающей среды 1993 г. в части придания обязательной силы отчетам Комиссии, а также предоставления индивидам и НПО права инициировать арбитражный процесс в соответствии с частью V Соглашения. Однако это были планы на долгую перспективу. Значительные улучшения в процедуре возможны и без таких поправок, в этом заключался второй вариант реформы в рамках четырех этапов процедуры рассмотрения заявлений:

(а) *в период от первоначальной подачи заявления до решения Секретариата о рекомендации составлять ли отчет*: Секретариату следует обновить «Рекомендации по применению процедуры»[965]; Секретариат обязан соблюдать разумные сроки при рассмотрении заявлений; ответы государств должны быть своевременными и доступными для общественности; заявители должны иметь право высказываться по поводу позиции государства;

(б) *в период от рекомендации Секретариата до решения Совета*: Совет должен всегда разрешать Секретариату подготовку отчета; если Совет не отстраняется от процедуры полностью, то он должен взять на себя следующие обязательства: не позднее чем через три месяца решить, следует ли выносить отчет; остановить сужение сферы, анализируемой в отчетах, и иное вмешательство в принятие Секретариатом решений; объяснять свои решения, если он не одобряет или сужает заявление;

(в) *в период от решения Совета до публикации отчета*: Секретариату следует значительно сократить количество времени, необходимого для принятия отчета; Совет должен принять резолюцию, позволяющую

[965] Guidelines for Submissions on Enforcement Matters under Articles 14 and 15 of the North American Agreement on Environmental Cooperation [Электронный ресурс]. URL: https://www.cec.org/Page.asp?PageID=30101&ContentID=25256&SiteNodeID=210 (дата обращения: 01.07.2026).

Секретариату публикацию всех отчетов; Совет не должен превышать 60-дневный срок публикации отчетов;

(д) *в период осуществления действий, связанных с публикацией отчета*: проведение регулярного наблюдения за последующей деятельностью по уже принятым отчетам (*follow up)*. Такая процедура давно и эффективно используется на международном уровне в рамках защиты прав человека в составе механизма универсального периодического обзора договорными органами по правам человека системы ООН.

В итоге в 2018 г. состоялась реформа: НАФТА была переформатирована в ЮСМКА[966] путем принятия нового договора – Соглашения между США, Мексикой и Канадой[967] (ЮСМКА[968] – это транслитерация английской аббревиатуры; аббревиатура «СШМКС» представляется не очень благозвучной). Также параллельно в 2018 г. было заключено новое Соглашение ЮСМКА о сотрудничестве в сфере окружающей среды[969] взамен Соглашения 1993 г. Оба новых соглашения вступили в силу 1 июля 2020 года.

Благодаря этим двум соглашениям появилось много нововведений. Выделим именно те, которые касаются темы нашего исследования:

- возможность рассмотрения межгосударственных экологических споров в арбитраже имелась и ранее (за 15 лет ни разу не использовалась), а теперь установлено разрешение споров в рамках так называемой лестничной практики: если консультации не работают, то дело рассматривается

---

[966] Дементьев А. А. Интеграционное перерождение: из НАФТА в USCMA / А. А. Дементьев // Государство и право. 2022. № 1. С. 179-187.

[967] Agreement between the United States of America, the United Mexican States and Canada [Электронный ресурс]. URL: https://ustr.gov/tradeagreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between (дата обращения: 05.12.2025). Подробнее см.: Комкова Е. ЮСМКА вместо НАФТА / Е. Комкова // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 50-58; Final Environmental Assessment of the Canada-United States-Mexico Agreement (CUSMA) [Электронный ресурс]. URL: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/cusma-aceum/final_ea-ee_finale.aspx?lang=eng (дата обращения: 01.07.2026). Следует отметить, что само это Соглашение имеет много положений (глава 24 целиком), направленных на регулирование защиты окружающей среды.

[968] При этом аббревиатура меняется в каждой из трех стран, поскольку изменяется порядок стран в названии: в Канаде – CUSMA, в США – USMCA, а в Мексике –T-MEC.

[969] Agreement on Environmental Cooperation among the Governments of the United States of America, the United Mexican States, and Canada [Электронный ресурс]. URL: http://www.cec.org/wp-content/uploads/cec-sem-related-provisions_plus-eca.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

Комитетом по окружающей среде, за которым при необходимости следуют министерские консультации и далее – общий режим урегулирования споров Соглашения ЮСМКА[970];

- в Соглашении 2018 г. не предусмотрены так называемые «отчеты по статье 13» – отчеты, подготовленные с разрешения Секретариата Комитета и по его усмотрению. Некоторые из таких отчетов вызвали споры у сторон, например отчет «*О влиянии импорта трансгенной кукурузы на Мексику*». Однако, на наш взгляд, они представляли собой единственный путь прямого анализа Комитетом воздействия торговли на окружающую среду. Теперь Комиссии предоставили более широкие полномочия по сотрудничеству;

- существенно сократились сроки прохождения и рассмотрения жалоб на разных стадиях: рассмотрения в секретариате (было 120 дней, стало 60); написания проекта решения в Секретариате (было 180 дней, стало 120); комментария государства (было 45 дней, стало 30); голосования в Совете (было 60 дней, стало 30). Более того, все сроки стало возможно отслеживать онлайн на сайте[971].

Там образом, продиагностировав проблемы процесса подачи заявлений в Комиссию НАФТА/ЮСМКА по экологическому сотрудничеству и рассмотрев путь реформы, предлагаем теперь использовать его применительно и к нашей реальности. Напомним, что перед ЕАЭС стоит множество экологических вопросов, которые неизбежно будут обостряться при углублении экономической интеграции государств. Выражаем уверенность, что эволюционно в ближайшее время экологическое сотрудничество в рамках ЕАЭС будет нарастать. Тем более что Комиссия существенно отличается от других подобных международных квазисудебных

[970] Commission for Environmental Cooperation. (2004). Maize and biodiversity: The effects of transgenic maize in Mexico [Электронный ресурс]. URL: http://www3.cec.org/islandora/en/item/2152-maize-and-biodiversity-effects-transgenic-maize-in-mexico-key-findings-and-en.pdf (дата обращения: 01.07.2026).
[971] SEM Compliance Tracker [Электронный ресурс]. URL: http://www.cec.org/submissions-on-enforcement/sem-compliance-tracker (дата обращения: 10.11.2025).

органов, поскольку, являясь наднациональным органом, она контролирует выполнение именно национального экологического законодательства.

К сожалению, 7 января 2026 г. президент США Дональд Трамп подписал меморандум об официальном выходе Соединенных Штатов из Комиссии по экологическому сотрудничеству. Администрация Трампа обосновала этот шаг тем, что подобные организации «больше не служат американским интересам» и являются неэффективными[972]. Комиссия продолжает работать как двухсторонняя. Отметим, что юристы-экологи США (и тут мы с ними полностью солидарны) весь критично рассматривают шаги администрации Трампа по выходу из международных экологических инициатив: «…последствия действий администрации для состояния окружающей среды и благополучия людей будет гораздо труднее обратить вспять или устранить. Ущерб, наносимый изменением климата, глобальной утратой биоразнообразия и загрязнением — так называемым «тройным экологическим кризисом», — становится все труднее предотвратить или смягчить. Подрыв эффективных международных усилий по решению этих проблем повлечет за собой негативные последствия для охраны окружающей среды и благополучия людей, которые, вероятно, сохранятся еще долгое время после завершения срока полномочий администрации Трампа»[973].

Таким образом, подводя итог третьей главе диссертации, можно сказать следующее. Механизмы выполнения международных экологических обязательств в значительной мере формируются и развиваются именно в пространстве квазисудебных процедур: договорные органы ООН по правам человека, компенсационные и инспекционные механизмы создают своеобразную «плотную сеть», через которую постепенно уточняются

[972] Trump Withdraws US From 66 International Organizations, Including Pivotal Climate Treaties [Электронный ресурс]. URL: https://earth.org/trump-withdraws-us-from-66-international-organizations-including-pivotal-climate-treaties/ (дата обращения: 10.01.2026).
[973] Knox J. H. The Trump Administration Steps Back from International Environmental Cooperation / J. H. Knox, D. Bodansky, L. Rajamani // American Journal of International Law. 2025. Vol. 119. No. 4. P. 767-777.

содержание и объем международных экологических обязательств и выстраиваются стандарты их исполнения.

Ключевая часть современных механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств функционирует вне «классических» судов и абритражей. Речь идет о международных органах, члены которых действуют в личном качестве и чьи акты формально не имеют обязательной силы. Тем не менее их рекомендации, замечания общего порядка, заключительные замечания и мнения по индивидуальным жалобам фактически выполняют роль опорных ориентиров для государств, оказывая прямое воздействие на практику исполнения международных обязательств и их толкование.

Обеспечение выполнения международных экологических обязательств осуществляется здесь посредством комплексного квазисудебного мониторинга, диалога с государствами, оценочных процедур, докладов, расследований, а также рассмотрения жалоб и вынесения структурированных рекомендаций. Эти органы не просто «наблюдают» за соблюдением договорных обязательств. Они, по сути, создают нормативно-интерпретационную среду, в которой государствам становится все сложнее игнорировать экологический компонент своих международных обязательств.

Также следует отметить постепенное формирование механизма выполнения международных экологических обязательств через процесс «экологизации» прав человека. Поскольку ранние универсальные правозащитные договоры почти не содержат экологических прав, договорные органы ООН по правам человека используют расширительное толкование уже закрепленных прав (права на жизнь, здоровье, жилище, питание, участие в культурной жизни, права коренных народов и т. п.), чтобы выстроить на их основе новые экологические обязательства.

Итак, механизм выполнения международных экологических обязательств не ограничивается МЭС (о чем мы будем подробно говорить в следующей

главе); он реализуется через правозащитные режимы. Комитет по правам человека, КЭСКП, Комитет по правам ребенка и другие договорные органы формируют корпус практики, в которой ущерб окружающей среде трактуется как нарушение прав человека. Это означает, что государство, нарушающее международные экологические обязательства, одновременно нарушает международные правозащитные обязательства, а значит, подвергается мониторингу, диалогу, критике и рекомендациям в рамках устойчиво действующих процедур.

Такое расширительное толкование является самостоятельным механизмом выполнения международных экологических обязательств: государства вынуждены корректировать национальную политику, отчетность и практику именно потому, что экологические аспекты начинают «прорастать» через уже признанные правозащитные обязательства и попадают в поле зрения квазисудебных органов.

В результате механизм выполнения международных экологических обязательств обретает форму последовательной правоприменительной практики, основанной на интерпретациях договорных органов, которая широко цитируется национальными и международными судами, становясь частью их аргументации. Это усиливает связывающий эффект и превращает мягкое право в источник устойчивых ожиданий относительно поведения государств.

Климатические дела, детально проанализированные в тексте, выступают своеобразной лабораторией, в которой тестируются и кристаллизуются новые стандарты выполнения международных экологических обязательств. В ходе рассмотрения этих дел вырабатываются критерии риска, порог «реального и разумно предсказуемого» вреда для прав на жизнь, здоровье, жилье, культурную самобытность. Это тонкая работа по выяснению того, где заканчивается «общий экологический риск» и начинается нарушающая обязательства фактическая угроза правам человека. Именно здесь механизмы выполнения международных экологических обязательств приобретают

содержательную конкретность: через правовую артикуляцию уровней риска, допустимости, порога доказательств и стандартов должной осмотрительности.

Часть раздела диссертации, посвященная Компенсационной комиссии ООН, показывает иную, но тесно связанную с правозащитной сферой модель механизма выполнения международных экологических обязательств – через ответственность за вред окружающей среде в контексте вооруженного конфликта. КК ООН выступает не как суд, а как политико-квазисудебный орган, который систематизирует претензии, оценивает ущерб, устанавливает факты и определяет размер компенсации, в том числе за экологический вред. В рамках категории F-4 была разработана сложная методика оценки экологического ущерба, включающая как вред, прямо поддающийся экономической оценке (разлив нефти, уничтожение рыболовных ресурсов, деградация болот), так и ущерб «ценностям, не имеющим утилитарного значения» – биоразнообразию, ландшафтам, культурно–природному наследию. Здесь механизм выполнения международных экологических обязательств принимает форму институционализированной ответственности за нарушение обязательств *erga omnes*. Факт признания Ирака ответственным за «прямые потери, ущерб, включая ущерб окружающей среде и истощение природных ресурсов», и последующая выплата компенсаций демонстрируют, что экологический вред становится предметом международной ответственности и что международное сообщество готово использовать специальные механизмы для «материализации» экологических обязательств в виде конкретных выплат. Важно, что Комиссия признала подлежащим компенсации экологический вред, не ограничиваясь утилитарно–коммерческими параметрами. Это свидетельствует о том, что механизмы выполнения международных экологических обязательств включают в себя не только ответственность за экономически измеримый ущерб, но и за деградацию природных систем и экологических ценностей, которые не сводятся к товару.

Анализ практики ОРС ВТО показывает, что механизмы выполнения международных экологических обязательств формируются не только «изнутри» МЭП и международного права прав человека, но и в смежном, на первый взгляд чисто экономическом контуре – праве международной торговли. Здесь квазисудебные органы решают принципиально иную задачу, используя не прямое принуждение государства к охране окружающей среды, а проверку соответствия национальных экологических, санитарных и фитосанитарных мер обязательствам по либерализации торговли. Отсюда следует важный вывод: механизм выполнения международных экологических обязательств в торговом контуре действует как двусторонний фильтр. С одной стороны, он сдерживает произвольное использование экологических и санитарных обоснований в качестве скрытого протекционизма; с другой – вырабатывает через толкование принцип превентивности и стандарты научной обоснованности регуляторных мер, которые затем заимствуются другими механизмами обеспечения выполнения международных экологических обязательств. Показательно и то, что паралич Апелляционного органа ВТО (блокирование назначений членов) демонстрирует институциональную уязвимость квазисудебных механизмов экономического характера: без работающего органа второй инстанции сама функция обеспечения выполнения обязательств (в том числе тех, что имеют экологическое измерение) оказывается подорвана, чем подчеркивается зависимость эффективности механизма выполнения обязательств от устойчивости обеспечивающей его институциональной инфраструктуры.

Панель по инспекциям Всемирного банка и аналогичные механизмы представляют собой особую разновидность механизма выполнения международных экологических обязательств – механизм внутреннего самоконтроля международной организации за соблюдением ею собственных операционных экологических и социальных стандартов. Из этого можно вывести несколько заключений. Во-первых, здесь механизм выполнения международных экологических обязательств смещается с уровня

«государство – договорный орган» на уровень «международная организация – затронутое частное лицо/сообщество», что расширяет круг субъектов, способных инициировать контрольную процедуру, и демонстрирует проникновение логики подотчетности в сферу международного финансирования развития. Во-вторых, итоговым продуктом такой процедуры является не решение, обязывающее к чему-либо стороны, а доклад о соответствии, который направляется Совету директоров – то есть сохраняется классическая для квазисудебных механизмов конструкция «рекомендация плюс политическое решение», где юридическая необязательность компенсируется репутационным и институциональным давлением. В-третьих, наличие таких инспекционных механизмов свидетельствует о том, что механизмы выполнения международных экологических обязательств не ограничиваются классическими межгосударственными договорами: они встраиваются в операционные правила международных финансовых институтов и тем самым дисциплинируют потоки финансирования крупных инфраструктурных и ресурсных проектов, потенциально опасных для окружающей среды.

Секретариат Комиссии по экологическому сотрудничеству НАФТА (ныне – в рамках Соглашения между Канадой, Мексикой и США) с его процедурой рассмотрения гражданских обращений – еще один самостоятельный тип механизма выполнения международных экологических обязательств, возникший на стыке региональной торговой интеграции и экологического сотрудничества.

Из практики по делам вытекает следующий вывод: механизм выполнения международных экологических обязательств здесь построен по модели «мягкого расследования» – Секретариат фиксирует факты неэффективного применения государством собственного экологического законодательства, а решение о публикации фактологической справки принимает межправительственный Совет, что сохраняет за государствами политический контроль над последствиями процедуры. Тем самым обеспечивается не

принуждение к изменению поведения через санкции, а публичность как самостоятельный инструмент понуждения к выполнению обязательств: раскрытие информации о неисполнении государством собственных экологических норм создает репутационные и политические издержки.

Механизмы выполнения международных экологических обязательств претерпевают процесс, который можно назвать «экономизацией» – они постепенно встраиваются не только в правозащитные и компенсационные, но и в торгово-финансовые институциональные контуры. Это принципиально расширяет само понятие механизма выполнения международных экологических обязательств: он перестает быть прерогативой специализированных МЭС и превращается в сквозной институциональный инструмент, пронизывающий торговое, финансовое и интеграционное право.

При этом общей закономерностью для всех квазисудебных органов экономического характера (в отличие от правозащитных договорных органов) является более выраженная асимметрия между фактоустанавливающей функцией (расследование, оценка соответствия, экспертная проверка) и функцией принятия итогового решения, которая почти всегда остается за политическим органом. Это подтверждает общий вывод, сделанный ранее на основе анализа деятельности договорных органов по правам человека: механизм выполнения международных экологических обязательств функционирует эффективно там, где экспертная (квазисудебная) оценка дополняется политическим механизмом легитимации и принуждения, а не заменяет его.

ГЛАВА 4. МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЯХ

В рамках настоящей главы диссертационного исследования будет показана и проанализирована широкая палитра механизмов выполнения экологических обязательств, которые предусмотрены именно в рамках МЭС. Ни одна отрасль международного права по количеству специализированных механизмов не может сравниться в этом отношении с МЭП, что определяет специфику МЭП.

Еще на стадии переговоров о создании МЭС можно было заметить активное целенаправленное обсуждение будущих механизмов выполнения обязательств. Отметим, что ЮНЕП разработала Руководство по ведению переговоров при создании международных экологических соглашений (МЭС), где также освещены вопросы создания механизмов выполнения обязательств, содержащихся в МЭС[974].

Представляется возможным выделить четыре группы механизмов выполнения международных экологических обязательств, предусмотренных МЭС:

- *средства выполнения* (финансовая помощь, создание и наращивание потенциала, техническая помощь и передача технологий на взаимосогласованных условиях);
- *меры по выполнению* (национальные планы действий, национальная отчетность, периодическая оценка и отслеживание прогресса в области исполнения МЭС и оценка эффективности исполнения, обмен информацией; повышение осведомленности и просвещение; исследования; сотрудничество и координация действий; взаимодействие с заинтересованными сторонами);

[974] Guide for Negotiators of Multilateral Environmental Agreements. Nairobi: UNEP, 2007. 62 p. [Электронный ресурс]. URL: https://wedocs.unep.org/20.500.11822/7496 (дата обращения: 08.08.2026).

•*согласительные процедуры* (переговоры, следственные комиссии, посредничество, согласительные комиссии, добрые услуги);

•*процедура соблюдения* (будет рассмотрена подробно в следующем параграфе).

Безусловно, необходимо предпринимать меры для совершенствования соблюдения обязательств в рамках МЭС посредством проведения консультаций с государствами – членами МЭС, секретариатами МЭС, соответствующими международными региональными и субрегиональными организациями, НПО, частным сектором и всеми другим заинтересованными сторонами. При этом надо улучшать соблюдение МЭС и усиливать работу по обеспечению выполнения национальных законов, направленных на осуществление этих соглашений. Сложно дать единый рецепт. Нужно разрабатывать механизмы и процедуры обеспечения соблюдения МЭС с учетом специфики каждого договора. При этом для создания действительно эффективных МЭС важно рассматривать вопросы соблюдения на стадиях разработки и проведения переговоров по МЭС, а также совершенствовать их после вступления в силу.

Представленная выше четырехзвенная структура является результатом многолетнего опыта международного сообщества по созданию МЭС.

§ 1. Средства выполнения обязательств, вытекающих из МЭС

Такие средства включают в себя ресурсы, политику и действия, необходимые для осуществления положений международного договора. Они способствуют достижению целей, заявленных в договоре, и позволяют всем участникам, прежде всего развивающимся государствам, выполнить свои обязательства. В контексте международного соглашения «средства выполнения» обычно означают финансовую и технологическую поддержку и поддержку в области наращивания потенциала, необходимые для того, чтобы развивающиеся государства могли выполнить свои обязательства по соглашению.

Первое из указанных/рассматриваемых средств – *финансовая помощь* – занимает существенное место в системе международной охраны окружающей среды. Финансовая помощь представляет собой сложную совокупность финансовых механизмов и источников, взаимосвязанных и находящихся под влиянием таких факторов, как МЭС, многосторонние институты, двустороннее содействие и частные инвестиции[975]. При этом принцип общей, но дифференцированной ответственности получил конкретное нормативное выражение в качестве основания для предоставления финансовой помощи в рамках МЭС, а также через различные финансовые механизмы. Посредством предоставления такой помощи развитые государства участвуют в покрытии дополнительных издержек, связанных с охраной глобальной окружающей среды, которые несут развивающиеся страны. Функциональное назначение финансовой помощи включает, в частности, укрепление потенциала, содействие в ликвидации последствий стихийных бедствий, финансирование приобретения природоохранного оборудования, предназначенного для борьбы с загрязнением, а также обеспечение соблюдения международно-правовых требований. Среди указанных направлений особое политико-правовое значение приобрело *укрепление потенциала* (подробнее о нем будет сказано ниже). Эффективное государственное управление в экологической сфере предполагает наличие научных и технических знаний, развитой инфраструктуры экологического мониторинга и регулирования, а также усложненных процедур принятия решений. В этой связи передача технологий и предоставление финансовых ресурсов, включая займы, кредиты и гранты, выступают элементами более широкой концепции укрепления потенциала.

Необходимость фиксации в МЭС средств выполнения проистекает из принципа общей, но дифференцированной ответственности, который концептуально был сформирован и зафиксирован в принципе 7 Декларации Рио-де-Жанейро 1992 г.: «Государства сотрудничают в духе глобального

---

[975] Matz N. Environmental Financing: Function and Coherence of Financial Mechanisms in International Environmental Agreements / N. Matz // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2002. Vol. 6. P. 473-534.

партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления здорового состояния и целостности экосистемы Земли. Вследствие своей различной роли в ухудшении состояния глобальной окружающей среды государства несут общую, но различную ответственность. Развитые страны признают ответственность, которую они несут в контексте международных усилий по обеспечению устойчивого развития с учетом стресса, который создают их общества для глобальной окружающей среды, и технологий, и финансовых ресурсов, которыми они обладают»[976].

Принцип общей, но дифференцированной ответственности в рамках МЭП представляет собой норму, согласно которой государства, объединенные общей целью, принимают на себя различные обязательства, определяемые их социально-экономическим статусом и исторической ролью в формировании рассматриваемой экологической проблемы[977]. Активное закрепление данного принципа в МЭП наблюдается с 1990-х годов. Однако дифференциация ответственности государств на основе их экономического развития и исторического вклада не является исключительной особенностью экологического права; ее правовые предпосылки прослеживаются уже в начале XX в. В настоящем исследовании основное внимание уделено анализу концепции общей и дифференцированной ответственности в контексте МЭП.

МЭС реализуют концепцию общей, но дифференцированной ответственности различными способами. Во-первых, они могут предусматривать предоставление развивающимся государствам льготного периода для реализации экологических обязательств. Характерным примером служит пункт 1 статьи 5 Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой (далее – Монреальский протокол) к Венской

---

[976] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[977] Hey E. Common but Differentiated Responsibilities / E. Hey, S. Paulini // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1568 (дата обращения 01.08.2026); Leclerc T. The Notion of Common but Differentiated Responsibilities and Respective Capabilities: A Commendable but Failed Effort to Enhance Equity in Climate Law / T. Leclerc // Debating Climate Law / ed. by B. Mayer, A. Zahar. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 76-85.

конвенции об охране озонового слоя 1985 г. Он предоставляет развивающимся государствам 10-летний срок до того, как они будут обязаны соблюдать общие существенные нормы Монреальского протокола. Во-вторых, МЭС могут устанавливать существенные обязательства только для развитых государств и государств с переходной экономикой. Киотский протокол к РКИК ООН в этом отношении может служить примером; он требовал соблюдения согласованных сокращений выбросов парниковых газов от развитых государств и государств с переходной экономикой, а не от развивающихся государств (ст. 3 и Приложение А Киотского протокола). Следует отметить, что Парижское соглашение не следует этому подходу, поскольку оно требует представления ОНУВ от всех сторон. В-третьих, большинство МЭС обусловливают реализацию их положений развивающимися государствами передачей технологий и финансовых средств от развитых государств (например, п. 7 ст. 4 РКИК ООН и п. 4 ст. 20 Конвенции о биологическом разнообразии). Эти положения в значительной степени реализуются посредством так называемых финансовых механизмов (например, ст. 21 Конвенции о биологическом разнообразии и ст. 21 Конвенции по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке), связанных с Международным банком реконструкции и развития (МБРР). В-четвертых, некоторые МЭС предусматривают особые материально-правовые нормы, регулирующие отношения между развитыми и развивающимися государствами. Примером такого подхода служит поправка 1995 г. к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, запрещающая трансграничную перевозку опасных отходов между развитыми и развивающимися государствами[978]. Наконец, механизмы контроля за соблюдением экологических требований, действующие в контексте большинства МЭС, предусматривают, что в случае

[978] The Basel Convention Ban Amendment (1995) [Электронный ресурс]. URL: https://www.basel.int/Implementation/LegalMatters/BanAmendment/Overview/tabid/1484/Default.aspx (дата обращения: 01.08.2026).

несоблюдения обязательств государству может быть предложена помощь для возвращения его к соблюдению соглашения. Сказанное иллюстрирует, например, содержание пункта III (1c) принятого на КС Конвенции о биологическом разнообразии Решения BS-I/7, устанавливающего механизм соблюдения Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии[979].

МЭС часто предусматривают *финансовую помощь* и мобилизацию финансирования для поддержки эффективного осуществления их положений. Финансовая помощь может, в частности, поддерживать:

- наращивание потенциала (финансовая помощь может быть использована для наращивания потенциала, необходимого для осуществления действий, требуемых в соответствии с конкретным инструментом, в том числе путем предоставления профессиональной подготовки, обучения и технической помощи отдельным лицам и организациям);
- выполнение договорных обязательств (для выполнения некоторых обязательств, таких как развитие инфраструктуры, внедрение новых технологий или внедрение систем мониторинга и отчетности, могут потребоваться значительные финансовые ресурсы);
- обеспечение справедливости (финансовая помощь, предоставляемая для эффективного участия в выполнении договоренностей, зафиксированных в документе, может способствовать обеспечению справедливости и укреплению потенциала всех стран с учетом приоритетов и потребностей развивающихся стран, особенно из числа имеющих весьма ограниченные возможности, таких как наименее развитые страны и малые островные развивающиеся государства);
- поддержку инноваций (финансовая помощь может поддержать усилия по разработке новых технологий или принятию инновационных подходов для

[979] MOP 1 Decision BS-I/7 «Establishment of procedures and mechanisms on compliance under the Cartagena Protocol on Biosafety» [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/decision/cop?id=8289 (дата обращения: 01.08.2026).

решения сложных вопросов путем предоставления ресурсов для содействия исследованиям и разработкам, внедрения новых технологий и распространения информации и передового опыта).

Финансовые вопросы имеют существенное значение для любого МЭС. Так, например, бюджет Конвенции о биоразнообразии составляет 25,5 млн долл. США, Конвенции СИТЕС – 4,8 млн долл. США, Конвенции по борьбе с опустыниванием – 16,7 млн долл. США[980]. Поэтому вопросы создания специальных фондов и других соответствующих механизмов для содействия участию в переговорах делегатов из стран, нуждающихся в финансовой помощи, весьма существенны. Учитывая необходимость денежных ресурсов и специалистов высокого уровня для реализации МЭС и оценки потенциальной работы, потребуется принять меры по созданию и укреплению потенциала развивающихся стран, являющихся сторонами МЭС, в целях оказания этим странам помощи в выполнении их обязательств по МЭС. В этой связи может оказываться финансовая и техническая помощь в создании и укреплении организационного и институционального потенциала, необходимого для обеспечения рационального природопользования с целью продвижения работы по осуществлению МЭС. Международное сообщество принимает меры по созданию потенциала и передаче технологии, которые должны согласовываться с потребностями, стратегиями и приоритетами соответствующей страны и могут основываться на аналогичных мероприятиях, уже проводимых национальными учреждениями, либо осуществляться при поддержке со стороны многосторонних или двусторонних организаций. Для покрытия расходов на мероприятия по созданию потенциала в целях усиления соблюдения МЭС можно было бы использовать самые разные источники финансирования, в том числе такие как Глобальной экологический фонд (ГЭФ), выделяющий средства в соответствии со своим

[980] Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием [КБООН] (Париж, 17 июня 1994 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.unccd.int/sites/default/files/2022-02/UNCCD_Convention_text_RUS.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

мандатом, а также многосторонние банки развития, специальные фонды для осуществления МЭС или двусторонние межправительственные или частные источники финансирования. Также стороны МЭС могли бы просить свои соответствующие секретариаты координировать их инициативы по созданию потенциала и передаче технологии или проводить совместные мероприятия по междисциплинарным вопросам в целях эффективного расходования имеющихся средств и во избежание дублирования усилий. В этом отношении интересен случай с *Бамакской конвенцией о запрещении ввоза в Африку опасных отходов и о контроле за их трансграничной перевозкой и обращением с ними в пределах Африки 1998 г.*[981] В связи со слабой координацией между государствами – членами Бамакской конвенции, низкой эффективностью соблюдения и невысоким субъектным составом (ее ратифицировали всего 29 из 55 государств – членов Африканского союза)[982] в 2013 г. было принято решение, что ЮНЕП будет осуществлять секретарские функции для Конвенции.

В Парижском соглашении 2015 г. целый ряд положений посвящен этим вопросам (ст. 9–11, 13.9, 13.10). Финансовая помощь в выполнении международных обязательств может играть ключевую роль не только в повышении эффективности выполнения договорных обязательств, но и в возвращении к выполнению договорных обязательств государств-дефолтов[983]. Безусловно, необходимо учитывать, что основная «вина по загрязнению» лежит сегодня на промышленно развитых странах, которые взяли обязательство помогать развивающимся. Для реализации этих целей был

---

[981] Bamako Convention on the Ban of the Import into Africa and the Control of Transboundary Movement and Management of Hazardous Wastes within Africa [Электронный ресурс]. URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/Convention_En_Bamako_Ban_Import_into_Africa_and_Transboundary_Movement_hazardouswastes_Bamako_30January1991.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

[982] Перечень государств-членов, ратифицировавших Бамакскую конвенцию [Электронный ресурс]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7774-sl-BAMAKO_CONVENTION_ON_THE_BAN_OF_THE_IMPORT_INTO_AFRICA_AND_THE_CONTROL_OF_TRANSBOUNDARY_MOVEMENT_AND_MANAGEMENT_OF_HAZARDOUS_WASTES_WITHIN_AFRIC.pdf (дата обращения: 01.07.2026). Подробнее см.: Диоманде Дро Хиасинте. Региональные и субрегиональные правовые механизмы защиты окружающей среды в Африке: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Диоманде Дро Хиасинте (Кот д`Ивуар) Москва, 2014. С. 120.

[983] Zahar A. Climate Change Finance and International Law / A. Zahar. Abingdon: Routledge, 2017. 165 p.

создан Зеленый климатический фонд[984]. Объем климатического финансирования, предоставленный сторонами РКИК ООН, перечисленными в приложении I, в качестве поддержки, оказанной развивающимся странам, должен был составлять 100 млрд долл. США. Несмотря на разброс оценок экспертов относительно самой суммы Фонда и отсутствие согласованной методики учета в отношении цели финансирования в размере в 100 млрд долл. США в год, по состоянию на 2021 г. эта цель еще не была достигнута. Однако в последнее время достигнут прогресс в предоставлении и мобилизации финансовых средств на климатические цели: в 2021 г. этот показатель составил 89,6 млрд долларов[985]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отметила, что обязательство впервые было выполнено в 2022 г. – объем финансирования достиг 115,9 млрд долл. США[986]. Но даже эта сумма похоже на каплю в море, если учесть, что, по оценкам РКИК ООН, для реализации планов действий развивающихся стран по борьбе с изменением климата к 2030 г. потребуется около 6 трлн долл. США, что подчеркивает необходимость масштабного увеличения финансирования[987].

Опыт Монреальского многостороннего фонда, созданного на основе Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г., представляет собой полезный пример в этом контексте. Многосторонние экологические фонды, в частности те, которые направлены на борьбу с изменением климата, расширяются за счет включения государственно-частных механизмов *sui generis*, таких как Прототипный углеродный фонд и Целевой фонд тропических лесов. В более широком смысле, в соответствии с

---

[984] Зеленый климатический фонд: [сайт]. URL: https://greenclimate.fund/ (дата обращения: 01.07.2026).

[985] Доклад Генерального секретаря «Ход достижения целей в области устойчивого развития»: документ ООН A/79/79-E/2024/54 от 2 мая 2024 г.

[986] Climate Finance Provided and Mobilised by Developed Countries in 2013-2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/climate-finance-provided-and-mobilised-by-developed-countries-in-2013-2022_19150727-en.html (дата обращения: 01.08.2026). Отметим, что еще в 2009 г. на 15-й Конференции сторон (COP15) РКИК ООН в Копенгагене развитые страны взяли на себя обязательство достичь коллективной цели по мобилизации 100 млрд долл. США в год к 2020 г. на действия по борьбе с изменением климата в развивающихся странах в контексте значимых действий по смягчению его последствий и прозрачности выполнения обязательств.

[987] The Sustainable Development Goals Report 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2024.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

растущим разнообразием субъектов и акторов, участвующих в МЭП, и масштабами экологических проблем, частные финансы и предпринимательство играют гораздо более важную роль, чем прежде.

Например, в Конвенции Минамата по ртути в статье 13 детально (статья состоит из 12 пунктов) прописаны финансовые ресурсы и механизм финансирования. Статьей определяется механизм для своевременного обеспечения достаточных финансовых ресурсов на предсказуемой основе, который призван оказывать поддержку развивающимся странам и странам с переходной экономикой в соблюдении ими своих обязательств. В соответствии с пунктом 5 статьи 13 в состав механизма входят: а) Целевой фонд ГЭФ; б) Целевая международная программа для поддержки процессов создания потенциала и оказания технической помощи.

Куньминский фонд биоразнообразия (KBF), учрежденный и финансируемый правительством Китая (с капиталом примерно 200 млн долл. США) в целях поддержки охраны глобального биоразнообразия и содействия реализации Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы по биоразнообразию (ГРПБ), функционирует в рамках стратегического партнерства с ЮНЕП. Тем самым он выступает в качестве важного механизма финансирования и международного сотрудничества, призванного обеспечить сопряжение глобальных целей в сфере сохранения биоразнообразия с их практической реализацией. Официальный запуск KBF состоялся в мае 2024 г. в Пекине. Создание фонда было обусловлено необходимостью поддержки развивающихся стран в ускорении и расширении масштабов действий, предпринимаемых ими в рамках национальных стратегий и планов действий по сохранению биоразнообразия, с особым акцентом на реализации положений ГРПБ. Деятельность KBF призвана дополнять и усиливать существующие финансовые механизмы Конвенции о биологическом

разнообразии 1992 г., включая Глобальный рамочный фонд биоразнообразия[988].

В настоящее время при обсуждении проекта Соглашения по борьбе с пластиковым загрязнением остро стоит вопрос финансирования. Рассматриваются две альтернативные модели: только ГЭФ или ГЭФ в сочетании с независимым фондом[989] .

В тех случаях, когда государства сочтут это целесообразным, необходимо в процессе переговоров по созданию МЭС применять различные методы и подходы с целью стимулирования участия государств, например, включив в текст МЭП принцип общей, но дифференцированной ответственности, предлагать заключение рамочных соглашений (когда содержание первоначального соглашения дополняется конкретными обязательствами, содержащимися в дополнительных протоколах) и/или принятие различных мер по ограничению сферы действия разрабатываемого МЭС теми областями, по которым возможно достижение согласия между потенциальными участниками.

Официальная помощь развитию (ОПР), направленная на борьбу с бедностью, предоставляется по двусторонним, региональным и многосторонним каналам и является одним из источников государственных средств для развивающихся стран. Специфические экологические механизмы, такие как механизмы, основанные на МЭС, представляют собой еще один канал, по которому поступает помощь. Хотя специфические экологические механизмы и ОПР могут иметь разные цели и особенности, важно отметить, что оба они могут присутствовать в деятельности учреждения. Например, Всемирный банк и Программа развития ООН (ПРООН) предоставляют финансовую помощь как через каналы ОПР, так и через экологические

[988] Kunming Biodiversity Fund [Электронный ресурс]. URL: https://mptf.undp.org/fund/kbf00 (дата обращения: 01.08.2026).
[989] Compilation of Draft Text of the International Legally Binding Instrument on Plastic Pollution, Including in the Marine Environment: UNEP/PP/INC.5/4. Nairobi: UNEP, 2024. P. 42-46 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/inc-plastic-pollution/session-5/documents#WorkingDocumentsINC5 (дата обращения: 01.08.2026).

механизмы. Хотя объемы предоставления ОПР сократились, эта форма помощи остается важным средством финансирования развития и реализации целей международного сообщества, таких как Цели устойчивого развития (ЦУР). Для достижения ЦУР к 2030 г. необходимы новые стратегии. Как отмечается в последнем докладе по ЦУР за 2025 г., выпущенном летом 2026 г.: «В 2025 г. ОПР сократилась на 23,1 % по сравнению с 2024 г., что стало самым большим годовым падением за всю историю наблюдений и вернуло ОПР к уровням, наблюдавшимся в начале реализации Повестки дня на период до 2030 года. Дальнейшие сокращения ожидаются в 2026 г. Недавние исследования национальных статистических управлений в странах с низким и средним уровнем дохода, проведенные Межсекретариатской рабочей группой по обследованиям домохозяйств, показывают, что сокращение финансирования уже затрагивает основные статистические программы этих стран, включая мониторинг ЦУР, обследования домохозяйств, системы административных данных и платформы распространения информации. Этот финансовый шок наступает в тот момент, когда мир сталкивается со все более сложными и взаимосвязанными проблемами – от изменения климата и конфликтов до неравенства и демографических сдвигов. Для решения этих проблем необходимы надежные, своевременные и всеобъемлющие статистические данные»[990].

Помимо ОПР, к числу новых инструментов финансирования развития относятся зеленые облигации, механизмы гарантий, финансирование в местной валюте, смешанное финансирование и государственно-частное партнерство. Хотя ОПР, как правило, не нацелена на достижение конкретных экологических целей, растущая обеспокоенность состоянием окружающей среды привела к тому, что международные финансовые институты и другие организации расширили свою «зеленую» деятельность.

---

[990] The Sustainable Development Goals Report 2024. P. 5 [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2024.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

В целом, на наш взгляд, финансовая помощь стала ключевым инструментом содействия экологическому управлению посредством проведения государствами политики и осуществления действий, направленных на обеспечение участия, оценку воздействия и повышение эффективности механизмов подотчетности. Еще одним важным событием является создание новых типов правовых и институциональных механизмов, посредством которых предоставляется финансовая помощь. Кроме того, создание финансовых механизмов способствовало развитию альтернативных способов сотрудничества с широким кругом участников. Благодаря финансированию экологических проектов частный сектор все чаще играет роль в продвижении вопросов, представляющих общий интерес. Однако эта тенденция к «приватизации» помощи требует четкого распределения обязанностей во избежание конфликтов интересов. В этом контексте финансовые механизмы, такие как ГЭФ и Глобальный климатический фонд, или другие институты, основанные на доверии, являются особенно подходящим средством для предотвращения как предвзятости, так и обвинений в предвзятости.

Следующий механизм выполнения международных обязательств – «*создание и наращивание потенциала*» – может способствовать обеспечению наличия у всех сторон информации и опыта, необходимых для эффективного выполнения положений документа. Наращивание потенциала в области МЭП – это процесс укрепления правовых, институциональных и технических возможностей страны посредством обучения, финансовой поддержки и передачи технологий в целях поддержки государств в обеспечении соблюдения МЭС[991]. Ключевые компоненты включают разработку национального законодательства, обучение государственных должностных лиц и судей, а также содействие региональному сотрудничеству. Положения МЭС, касающиеся укрепления потенциала, могут способствовать развитию

[991] Craig D. G. Capacity Building for Environmental Law in the Asian and Pacific Region: Approaches and Resources / D. G. Craig, N. A. Robinson, Koh Keng-Lian. Manila: Asian Development Bank, 2002. 123 p.

сотрудничества, передаче технологий, образованию и подготовке кадров, а также, наряду с другими положениями, созданию сетей для обмена знаниями и ноу-хау в целях содействия выполнению обязательств по документу. Они также могут помочь всем странам, и особенно развивающимся странам, и малым островным развивающимся государствам (МОРАГи), получить доступ к адекватной и своевременной поддержке в области наращивания потенциала.

Третий механизм – «*техническая помощь*» – может потребоваться развивающимся странам для эффективного осуществления положений МЭС и достижения его целей. Методы оказания финансовой помощи, установленные в рамках МЭС, могут предусматривать финансовую и техническую поддержку развивающихся стран, а также участие в таком финансировании развитых стран в соответствии с принципом общей, но дифференцированной ответственности.

И последний, четвертый, механизм *«передача технологий»* – это передача знаний, технологий и опыта другим государствам. Для обеспечения справедливости в отношении различных стран и регионов мира, и особенно в отношении наиболее уязвимых стран и регионов, в том числе в отношении МОРАГов, которые не располагают необходимыми технологическими возможностями и финансовыми ресурсами для эффективного осуществления целей рассматриваемого документа им, возможно, потребуется поддержка. Передача технологий позволяет развивающимся странам получить доступ к технологиям и знаниям, которые могут помочь им выполнить свои обязательства по международному договору. Передача технологий помогает осуществлению целей МЭС, поскольку она может способствовать технологическим инновациям, облегчать осуществление целей, поддерживать наращивание потенциала и сокращать технологический разрыв между развитыми и развивающимися странами. Технологическая помощь и трансферы технологий хотя давно признаны в МЭП в качестве важнейших механизмов для выполнения развивающимися государствами своих международных обязательств, но оказались неподходящими для этой задачи,

поскольку они находятся в конфликте с международным правом интеллектуальной собственности в рамках ВТО и Соглашения ТРИПС[992].

Поскольку последние два механизма взаимосвязаны, то поговорим о них подробнее. Действительно, на наш взгляд, ряд из современных проблем устойчивого развития могут быть эффективно решены посредством применения технически обоснованных действий, регулируемых международным правом. Соответственно, передача экологически чистых технологий из развитых стран в развивающиеся и наименее развитые страны (НРС) играет важную роль в обеспечении выполнения международных экологических обязательств. Развивающиеся страны и НРС подвержены более высоким рискам, связанным с экологическими проблемами, такими как изменение климата, и могут получить наибольшую выгоду от применения новых технологий. Однако без эффективного обмена новыми технологиями и идеями развивающиеся страны и НРС сталкиваются с ложной дихотомией: с одной стороны, им необходимо проводить традиционную экономическую политику, а с другой – добиваться целей по охране окружающей среды. Идея передачи технологий породила несколько рабочих определений в литературе. Передача технологий относится к «ряду стратегий, способствующих передаче инноваций, знаний, технологий, практик и/или навыков из одной среды в другую»[993]. Передача технологий может осуществляться различными способами. Лицензирование, импорт товаров и услуг, копирование, совместные предприятия, слияния и поглощения – все это различные методы эффективной передачи технологий[994]. В этом смысле «технология» охватывает не только использование «жесткой» инфраструктуры, но и включает в себя практические навыки и ноу-хау. Передача технологий может осуществляться различными участниками, включая частный сектор,

[992] Correa C. M. Can the TRIPS Agreement Foster Technology Transfer to Developing Countries? / C. M. Correa // International Public Goods and Transfer of Technology Under a Globalized Intellectual Property Regime / ed. by K. Maskus, J. H. Reichman. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 227-230.
[993] Vac C. S. Building Sustainable Development through Technology Transfer in a Romanian University / C. S. Vac, A. Fitiu // Sustainability. 2017. Vol. 9. No. 11. P. 2042-2047.
[994] Waibel M. Technology Transfer / M. Waibel, W. Alford // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2012. Vol. IX. P. 801-814.

университеты, государственные научно-исследовательские институты и правительство. Передача технологий представляет собой отдельное понятие, отличное от других сходных видов деятельности, таких как техническая помощь и иностранная помощь. Хотя многие государства предоставляют техническую помощь в рамках проектов иностранной помощи, передача технологий сосредоточена на эффективном распространении технологий за пределами жизненного цикла конкретных проектов. Наращивание потенциала, обучение и профессиональное развитие человеческих ресурсов – все это элементы передачи технологий в страны-получатели, осуществляемые в достаточно широких временны́х рамках, чтобы развивающиеся страны и наименее развитые страны могли обладать возможностями для достижения устойчивого развития. Трансфер технологий по своей сути направлен на устранение неравномерности распределения затрат и выгод между развитыми и развивающимися странами, которая имела место при традиционных моделях экономического роста.

Одним из наиболее ранних инструментов мягкого права, в котором была зафиксирована необходимость содействия передаче технологий, стал Проект международного кодекса поведения в области передачи технологий (далее – Кодекс поведения), подготовленный под эгидой Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)[995]. Одним из его основополагающих принципов являлось использование формирующихся промышленных технологий в целях стимулирования и облегчения экономического роста в развивающихся странах. Хотя Кодекс поведения разрабатывался еще до того, как концепция устойчивого развития заняла центральное место в дискурсе развития, в нем уже признавалось, что передача технологий играет ключевую роль в обеспечении международного мира и безопасности, содействии международной экономической стабильности и прогрессу, а также в укреплении общего благосостояния государств. Существенно и то, что Кодекс

[995] Draft International Code of Conduct on the Transfer of Technology as at the Close of the Sixth Session of the Conference on 5 June 1985: документ TD/CODE TOT/47 от 20 июня 1985 г.

поведения обосновывал передачу технологий соображениями справедливости, включая необходимость преодоления последствий колониализма и системной экономической эксплуатации. Однако он уже 40 лет остается лишь проектом и в силу не вступил.

Некоторые МЭС предусматривают детально проработанные схемы передачи технологий, например КБР 1992 г. закрепляет значимые положения, регулирующие доступ к технологиям и их передачу, а также их связь с финансовой поддержкой и укреплением потенциала развивающихся государств. В научной интерпретации соответствующие нормы Конвенции могут быть изложены следующим образом. КБР содержит комплекс положений, имеющих существенное значение для правового регулирования передачи технологий. Как отмечается, ее нормативная конструкция основывается на взаимосвязанном обмене: развитые государства получают доступ к генетическим ресурсам развивающихся стран, а взамен формируется основанный на правилах режим, призванный облегчать передачу технологий и обеспечивать справедливое распределение выгод, возникающих в результате использования генетического материала[996]. В статье 16 Конвенции закреплено, что передача технологий развивающимся странам должна осуществляться на справедливых и наиболее благоприятных условиях, включая льготные и преференциальные условия, если стороны достигли взаимного согласия. При этом Конвенция специально уточняет соотношение таких обязательств с режимом защиты интеллектуальной собственности. В соответствии с пунктом 2 статьи 16 доступ к технологиям, охраняемым правами интеллектуальной собственности, также может предоставляться на благоприятных условиях, но лишь при соблюдении требований, обеспечивающих надлежащую и эффективную охрану соответствующих прав. Конвенция исходит из того, что реальное распространение технологий достигается посредством проектов по укреплению потенциала в

[996] Waibel M. Technology Transfer / M. Waibel, W. Alford // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2012. Vol. IX. P. 801-814.

развивающихся странах и наименее развитых странах. В приложении II предусмотрено, что стороны должны учитывать потребности получателей при предварительной оценке адаптируемости предполагаемой к передаче технологии. Это положение согласуется с более общим обязательством по статье 18, требующей уделять особое внимание развитию и укреплению национального потенциала посредством подготовки кадров и институционального строительства. Указанный подход имеет важное функциональное значение, поскольку он предполагает, что сами развивающиеся государства должны определять собственные технологические потребности для повышения шансов на эффективную интеграцию в локальную экономику. Обязание обеспечивать доступ к технологии на справедливых и наиболее благоприятных, взаимно согласованных условиях способствует формированию кооперативной модели взаимодействия между государствами. Данная модель дополнительно раскрывается в статье 20 Конвенции, согласно которой развитые страны обязаны предоставлять развивающимся государствам финансовую и техническую помощь в поддержку мероприятий по укреплению потенциала. Таким образом, стимулирование формирования взаимно согласованных условий между развитыми и развивающимися странами направлено на преодоление долгосрочной технологической зависимости последних от развитых экономик и на ослабление устойчивых структур неравенства в развитии.

В целом, на наш взгляд, передача технологий представляет собой важный механизм реализации целей и задач ряда МЭС и выполнения вытекающих из них обязательств. Эволюция данного понятия свидетельствует о смещении акцента с первоначального восприятия передачи технологий как средства преодоления структурного неравенства, обусловленного колониализмом и экономической эксплуатацией стран Глобального Юга странами Глобального Севера, на признание ее в качестве значимого инструмента предупреждения и преодоления экологических кризисов, а также обеспечения устойчивого

развития. Вместе с тем мы с сожалением констатируем, что права изобретателей остаются центральным фактором, осложняющим практическую реализацию положений о передаче технологий, закрепленных в МЭП. Развитые государства и экономики с высоким уровнем технологического развития продолжают подрывать соответствующие положения международного экологического права и иных международных инструментов, не выполняя международных обязательств по передаче технологий и ослабляя свои договорные обязательства в ходе переговоров.

§ 2. Меры по выполнению обязательств, вытекающие из МЭС

К мерам по выполнению относятся: национальные планы действий, национальная отчетность, периодическая оценка и отслеживание прогресса в области исполнения МЭС и оценка эффективности исполнения их положений, обмен информацией; повышение осведомленности и просвещение; исследования; сотрудничество и координация действий; взаимодействие с заинтересованными сторонами). Проанализируем эти меры подробно. Если первая (вышерассмотренная) группа мер по выполнению экологических обязательств носит финансовый характер, то данная группа носит скорее технико-экспертный характер.

Обязательства государств по сбору, представлению и опубликованию информации составляют существенный элемент большинства современных МЭС. Их развитие происходило как параллельно, так и в рамках более общего «поворота к прозрачности» в международном праве[997], в результате чего традиционные механизмы отчетности, мониторинга и проверки были включены в более широкую систему правоотношений, основанную на принципах прозрачности.

До 1998 г. МЭС, как правило, либо содержали лишь ограниченные положения об обмене информацией, либо предусматривали такой обмен

[997] Gupta A. Transparency Under Scrutiny: Information Disclosure in Global Environmental Governance / A. Gupta // Global Environmental Politics. 2008. Vol. 8. No. 2. P. 1-7.

исключительно между затронутыми государствами, либо сводили соответствующие обязанности к передаче фактических данных о состоянии окружающей среды и предпринятых мерах. После 1998 г. в международных документах усилился акцент на прозрачности и вовлечении общественности, что особенно отчетливо проявилось в Орхусской конвенции 1998 г. и Парижском соглашении 2015 г., ориентированных на расширение участия общественности в экологическом управлении. Эта тенденция прослеживается и в декларациях ООН: если Стокгольмская декларация 1972 г. почти не затрагивала вопрос информационного обмена, то Рио-де-Жанейрская декларация 1992 г., Повестка дня на XXI век и документы Рио+20 существенно расширили требования к доступу к информации, общественной осведомленности и участию в принятии решений. Возрастание роли таких положений обусловлено и спецификой МЭП, в котором традиционные средства принуждения к соблюдению международных экологических обязательств нередко оказываются малоэффективными или недоступными. В этих условиях механизмы прозрачности выступают как альтернативный механизм обеспечения выполнения международных экологических обязательств, а в отношении индивидов – как средство реализации их права на экологически значимую информацию.

Периодическая подготовка, сдача и оценка экспертами в соответствии с положениями МЭС *национальных планов действий (НПД)* играет важную роль в выполнении международных экологических обязательств. По линии НПД могут быть обеспечены проведение благоприятной для конкретного государства политики, а также осуществление законодательных и организационных мероприятий для имплементации юридически обязательных положений МЭС, разработка дополнительных мер политического характера. НПД могут эффективно использоваться также для вовлечения заинтересованных сторон в деятельность по осуществлению на национальном уровне через их участие как в разработке НПД, так и в деятельности механизмов по осуществлению этих планов. Для того чтобы

обеспечить прогресс в выполнении планов и с течением времени повышать уровень задач, НПД обычно составляются на конкретные сроки и предусматривают конкретные ориентиры, четкие и измеримые цели, строго определенные действия и их результаты. В такие планы могут включаться также мероприятия последующей деятельности и мероприятия по периодическому обзору хода выполнения намеченных планов и внесению уточнений. На международном уровне НПД могут выполнять роль инструмента, позволяющего демонстрировать, каким образом соответствующая сторона вносит свой вклад в достижение целей МЭС. Они могут служить эффективным средством распространения информации о том, каким образом положения документа осуществляются на национальном уровне, и информации о применяемой передовой практике. Для того чтобы НПД можно было эффективно использовать на межправительственном уровне, важно обеспечить их транспарентность и сопоставимость данных. Это может быть реализовано путем применения согласованных принципов, элементов и подходов, позволяющих при этом сохранять национальные признаки НПД.

Нам представляется важным в целях укрепления соблюдения МЭС, чтобы государствами-членами осуществлялась подготовка национальных планов действий, которые могли бы, в частности, предусматривать проведение мониторинга и оценки экологических последствий МЭС для этих государств. Необходимо принять меры для обеспечения того, чтобы требования, касающиеся сбора и представления данных, не были слишком обременительными и согласовывались с положениями, предусмотренными в других МЭС. В МЭС могут быть закреплены положения, касающиеся необходимости подготовки отчетности, мониторинга и проведения проверки получаемой информации по вопросам соблюдения. Эти положения могут способствовать соблюдению МЭС путем, в частности, повышения информированности общественности государств-членов.

Приведем следующий пример. Стороны Рамсарской конвенции 1971 г. сообщают о своих достижениях в деле выполнения экологических обязательств в рамках Конвенции путем представления Национальных докладов за трехлетний период Конференции Договаривающихся Сторон (КС). Такие доклады готовятся в принятом Сторонами формате, который соответствует Стратегическому плану Конвенции. Форматы таких отчетов меняются. Так, формат последнего национального отчета для предоставления на КС-14 (Ухань, Китай) был одобрен Постоянным комитетом на его 57-м заседании для Договаривающихся сторон Рамсарской конвенции. Национальные отчеты Договаривающихся сторон являются официальными документами Конвенции и публикуются в открытом доступе ее на веб-сайте[998]. Существует семь основных целей национальных докладов Конвенции. Они таковы: i) предоставить данные и информацию о том, как и в какой степени реализуется Конвенция; ii) предоставить странам инструменты для их национального планирования; iii) извлечь уроки и опыт, чтобы помочь Сторонам планировать будущие действия; iv) выявить возникающие вопросы и проблемы реализации, с которыми сталкиваются Стороны и которые могут потребовать дальнейшего внимания со стороны Конференции Сторон; v) предоставить Сторонам средство для отчетности по своим обязательствам в рамках Конвенции; vi) предоставить каждой Стороне инструмент, помогающий ей оценивать и контролировать свой прогресс в реализации Конвенции и планировать свои будущие приоритеты; vii) предоставить Сторонам возможность привлечь внимание к своим достижениям в течение трехлетнего периода.

Данные и информация, предоставляемые Сторонами в своих национальных докладах, имеют еще одну ценную функцию, поскольку ряд показателей в национальных докладах об осуществлении Сторонами положений Конвенции предоставляются ключевыми источниками

[998] Online Reporting System Ramsar Convention [Электронный ресурс]. URL: https://reports.ramsar.org (дата обращения: 01.09.2025).

информации для анализа и оценки «ориентированных на экологические результаты показателей эффективности реализации Конвенции». Национальные доклады Конвенции используются несколькими способами. К ним относятся:

а) предоставление возможности собирать и анализировать информацию, которую договаривающиеся стороны могут использовать для информирования участников своего национального планирования и программирования;

б) предоставление основы для отчетности Секретариата на каждом заседании КС о глобальном, национальном и региональном осуществлении и прогрессе в осуществлении Конвенции.

Данные предоставляются Сторонам на КС в виде серии информационных документов, включая: а) отчет Генерального секретаря об осуществлении Конвенции на глобальном уровне; б) отчет Генерального секретаря в соответствии со статьей 8.2 (b), (c) и (d) относительно Списка водно-болотных угодий международного значения; в) информацию по конкретным вопросам осуществления в поддержку предоставления рекомендаций и решений Сторонами на КС; г) исходные данные для временны́х рядов оценок прогресса по конкретным аспектам осуществления Конвенции, включенных в другие продукты Конвенции; д) информацию для отчетности перед Конвенцией о биологическом разнообразии (КБР) о национальной реализации Совместного плана работы КБР/Рамсарской конвенции и ведущей роли Рамсарской конвенции в реализации водно-болотных угодий для КБР.

Опишем структуру Национального доклада для КС-14 Рамсарской конвенции, утвержденную Постоянным комитетом (ПК57): раздел 1 содержит институциональную информацию об административном органе и национальных координаторах по национальной реализации Конвенции; раздел 2 представляет собой «свободный текст», в котором Стороне предлагается предоставить резюме различных аспектов прогресса национальной реализации и рекомендации на будущее; раздел 3 содержит 95

вопросов по индикаторам реализации, сгруппированных по каждой Цели и задачам реализации Конвенции в Стратегическом плане на 2016–2024 гг., а также необязательный раздел «свободного текста» под каждым вопросом по индикатору, в который Договаривающаяся Сторона может, если пожелает, добавить дополнительную информацию о национальной реализации этой деятельности.

Национальная отчетность позволяет государствам делиться своим опытом, успехами и проблемами о выполнении обязательств в соответствии с установленной МЭС процедурой. Для руководящих органов МЭС доклады национальной отчетности служат одним из основных инструментов, позволяющих выявить потребности и определить приоритетные направления для поддержки осуществления МЭС. Такие доклады служат также средством обмена опытом и позволяют обмениваться передовой практикой и инновационными подходами. Стороны МЭС могут полагаться на информацию из таких докладов для определения общих тенденций и отслеживания прогресса в осуществлении планов. Таким образом, отчетность может стать важным компонентом оценки эффективности МЭС в целом. На национальном уровне подготовка докладов помогает стимулировать осуществление планов, способствует улучшению мониторинга и может служить эффективным инструментом для привлечения к их осуществлению ключевых заинтересованных сторон, включая гражданское общество, частный сектор и научное сообщество. Для обеспечения эффективной отчетности некоторым развивающимся государствам могут потребоваться помощь и наращивание потенциала. Следует подчеркнуть, что любая система отчетности должна учитывать национальные возможности и конкретные обстоятельства.

Характер, содержание и назначение направляемой отчетной информации различны[999];. на КС государства нередко определяют крайний срок подачи

[999] Подробнее см.: Суворова В. Я. Роль обмена информацией в обеспечении реализации норм международного права / В. Я. Суворова // Проблемы реализации норм международного права: межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов.

докладов. Так, в частности, положения Конвенции СИТЕС 1973 г. предусматривают два типа отчетности стран-членов. Первый тип отчетности осуществляется в соответствии с пунктом 7a статьи VIII СИТЕС, согласно которому стороны обязуются ежегодно составлять и направлять Секретариату отчет, содержащий сводку данных о торговле образцами видов, включенных в Приложения I, II и III[1000] (количество и виды выданных разрешений и сертификатов; государства, с которыми осуществлялась такая торговля; число или количество и типы образцов; наименования видов, включенных в Приложения I, II и III, и в некоторых случаях – размеры и пол соответствующего образца). На КС механизм отчетности постепенно совершенствуется: были утверждены стандартная форма отчета и руководство по подготовке отчета[1001], был определен крайний срок для отправки ежегодного отчета (31 октября каждого года, следующего за отчетным), было разрешено отсылать отчет в электронном формате и т. д.

Второй тип отчетности по СИТЕС регулируется пунктом 7b статьи VIII. Согласно данному положению, стороны обязуются составлять и направлять Секретариату двухгодичный отчет о законодательных и административных мерах, а также мерах по регулированию, предпринятых для обеспечения соблюдения положений СИТЕС. Наше государство также регулярно направляет подобные отчеты в Секретариат СИТЕС.

Обмен информацией может сыграть важную роль в исполнении МЭС и обеспечении его соответствия наилучшим имеющимся научным знаниям и технологиям. Обмен информацией на региональном и международном уровнях может способствовать распространению лучших практик,

---

юрид. ин-т им. Р. А. Руденко; отв. ред. Г. В. Игнатенко. Свердловск: СЮИ, 1989. С. 25-40; Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Валеев Револь Миргалимович. Казань, 1999. С. 108-114.

[1000] Приложение I включает все виды, находящиеся под угрозой исчезновения, торговля которыми оказывает или может оказать на их существование неблагоприятное влияние. Приложение II включает все виды, которые в данное время хотя и не обязательно находятся под угрозой исчезновения, но могут оказаться под такой угрозой, а Приложение Ш включает все виды, которые по определению любой стороны подлежат регулированию в пределах ее юрисдикции в целях предотвращения или ограничения эксплуатации и в отношении которых необходимо сотрудничество и контроль.

[1001] Уведомление сторонам № 2002/022 от 9 апреля 2002 г.

дальнейшей активизации деятельности по направлениям, в которых уже был достигнут успех, и обмену накопленным опытом, а также предоставлению данных о последних научных исследованиях и технологических инновациях.

Обязательства по предоставлению информации и обмену ей являются практически универсальным элементом МЭС. Как правило, они адресованы государствам и охватывают как общие, так и ситуативно обусловленные требования к раскрытию информации. Объем подлежащей передаче информации соотносится с широтой регулируемых экологических вопросов. Так, РКИК предусматривает «полный, открытый и оперативный обмен» научной, технологической, технической, социально-экономической и правовой информацией» (п. 1h ст. 4). Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. требует «содействовать обмену информацией из общедоступных источников, относящейся к сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия» (п. 1 ст.17), а Картахенский протокол по биобезопасности 2000 г. в пункте 1a статьи 20 устанавливает детализированный режим обмена научной, технической, экологической и правовой информацией о живых модифицированных организмах.

Функционально такой обмен преследует две основные цели. Во-первых, это ускорение выработки экологически ориентированных политик и технологий в государствах, не обладающих достаточным исследовательским и техническим потенциалом, во-вторых – уменьшение асимметрии властных и экспертных возможностей государств. Это особенно значимо в сферах климатического регулирования и биобезопасности, где потенциальные экологические риски затрагивают преимущественно развивающиеся страны, тогда как научно-исследовательская инфраструктура сосредоточена в развитых государствах.

Вместе с тем эффективность таких механизмов вызывает сомнения, особенно когда информация обладает коммерческой ценностью. Практика показывает, что в отдельных режимах, включая Картахенский протокол, бремя раскрытия информации может смещаться на развивающиеся страны. Мы

вынуждены с сожалением констатировать, что в результате информационные обязательства нередко начинают работать скорее как инструмент развития рынка, нежели как средство его экологического регулирования. Иная картина наблюдается в режимах управления общими ресурсами, где информационный обмен, по-видимому, действует более результативно ввиду совпадения с реальными интересами государств.

Ситуативные обязательства по предоставлению информации приобретают особое значение в процедурах предварительного информированного согласия и в случаях уведомления о деятельности или событиях, способных причинить трансграничный вред. В этих ситуациях ряд МЭС закрепляет за затронутым государством право на получение информации, вытекающее из его суверенитета над соответствующей территорией.

Параллельные обязательства существуют и в обычном международном праве, по крайней мере, применительно к деятельности, способной принести значительный трансграничный вред. Прежде всего, как постановил Международный суд ООН, государства обязаны «в соответствии с общим международным правом» проводить оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС), «если существует риск того, что предлагаемая промышленная деятельность может оказать значительное негативное воздействие в трансграничном контексте, в частности на общий ресурс»[1002]. В качестве второго шага государствам следует «добросовестно уведомлять и консультироваться с потенциально пострадавшим государством», если ОВОС выявляет «риск значительного трансграничного вреда»[1003]. При этом критерий «значительности» требует контекстуального толкования, однако порог его применения, по всей видимости, не является высоким.

[1002] Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports. 2010. P. 14.

[1003] Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua). Compensation Owed by the Republic of Nicaragua to the Republic of Costa Rica: judgment of 2 February 2018 // I.C.J. Reports. 2018. P. 15.

Обязанность уведомления распространяется не только на планируемую деятельность, но и на экологические аварии и иные непредвиденные события. Она закреплена в ряде международных договоров, отражена в Рио-де-Жанейрской декларации и подтверждалась в практике международных судебных и квазисудебных органов. В совокупности тесная связь между информационными обязательствами и суверенитетом потенциально затронутых государств, а также их широкое закрепление в международных документах позволяют рассматривать данные положения как проявление формирующейся обычной нормы международного права.

Периодическая оценка и отслеживание прогресса в области исполнения договора и оценка эффективности. Некоторые секретариаты МЭС представляются лишь коммутаторами, принимающими информацию, предоставленную стороной, и предоставляющими ее другим. Однако существуют и органы МЭС, которые играют более активную роль, осуществляя контрольную функцию. Виды процедур, существующих в этой области, сильно различаются. «Оценка эффективности» - мы используем этот термин для обозначения выходящего за рамки чисто формальной проверки процесса, в ходе которого оценивается содержание отчета с целью определения: соответствия или несоответствия национальных мер международным экологическим обязательствам; внутренней согласованности; достоверности; соответствия отчета другим источникам данных, таким как отчеты других государств, научная информация и отчеты неправительственных организаций (НПО)[1004].

Оценка эффективности может быть произведена на основании данных о результативности коллективных усилий всех сторон (по примеру глобального подведения итогов в соответствии со ст. 14 Парижского соглашения) и необходимости внесения каких-либо изменений в положения МЭС,

[1004] UNEP. Guidelines on Compliance with and Enforcement of Multilateral Environmental Agreements'. Nairobi: UNEP, 2007. Para. 14(c)(iii); Birnie P. International Law and the Environment / P. Birnie, A. Boyle, C. Redgwell. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2009. 369 p.

приложения к нему, а также может учитывать наилучшие имеющиеся научные знания (по примеру постоянного процесса Монреальского протокола для рассмотрения необходимости внесения возможных поправок). Основные принципы и особенности проведения такой оценки могут быть включены в основной текст МЭС, а дальнейшие условия должны быть выработаны и пересмотрены руководящим органом. Процесс оценки должен быть комплексным, сбалансированным и ориентированным на принятие конкретных решений, а также надежным, научно обоснованным, прозрачным и экономически эффективным. Такая оценка базируется преимущественно на анализе представленных национальных планов.

Например, статья 10 Орхусской конвенции 1998 г., требует, чтобы Совещание Сторон постоянно контролировало выполнение Конвенции на основе регулярной отчетности сторон. На своей 4-й сессии (Кишинев, 29 июня – 1 июля 2011 года) Совещание Сторон приняло решение IV/4 с форматом отчетности, применимым в текущем цикле отчетности[1005]. Отчеты должны быть подготовлены в рамках прозрачного и своевременного процесса консультаций с общественностью. Сторонам предлагается следовать методологии подготовки и представления национальных докладов об осуществлении, изложенной в Руководстве по требованиям к отчетности, подготовленном Комитетом по соблюдению[1006] (доступен в интернете на английском, французском и русском языках)[1007]. Для каждой сессии Совещания Сторон подготавливается сводный отчет, в котором обобщается достигнутый прогресс и определяются важные тенденции, проблемы и решения на основе национальных отчетов об осуществлении. Поэтому их своевременное представление очень важно для обеспечения достаточного времени на обработку информации и своевременную подготовку доклада к

[1005] Justice in Environmental Matters (Aarhus Convention), Addendum: Decisions adopted by the Meeting of the Parties. Chisinau, 29 June – 1 July 2011. UN Doc. ECE/MP.PP/2011/2/Add.1.
[1006] Руководство по выполнению требований к отчетности для третьего совещания Сторон (Guidance on Implementation of reporting requirements for the 3rd meeting of the Parties): документ ООН ECE/MP.PP/WG.1/2007/L.4.
[1007] Отчеты о реализации Орхусской конвенции // Европейская экономическая комиссия ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.unece.org/env/pp/reports.html (дата обращения: 01.08.2026).

следующей сессии Совещания Сторон. Так, уже подготавливались семь сводных отчетов (в 2005, 2008, 2011, 2014, 2017, 2021, 2025 гг.) [1008]. Сводный отчет показывает эффективность договора, достигнутый прогресс и выявляет важные тенденции, проблемы и позволяет принять адекватные решения. Например, доклад 2021 г. оценил осуществление Конвенции в шестом отчетном цикле (2017–2020)[1009]. В рамках шестого цикла отчетности почти три четверти Сторон Орхусской конвенции (38 из 47) представили свои национальные доклады об осуществлении в сроки, позволяющие учесть их сводном докладе. Сам доклад состоит из 57 страниц и пяти следующих разделов: 1) процедурные аспекты шестого цикла отчетности; 2) некоторые субрегиональные тенденции в области осуществления; 3) тематический обзор в области осуществления (общие положения, доступ к информации по запросу, сбор и распространение экологической информации; участие общественности в принятии решений по конкретным видам деятельности; участие общественности в решении вопросов, касающихся планов, программ и политики, связанных с окружающей средой; участие общественности в подготовке нормативных положений, имеющих непосредственную исполнительную силу, и/или общеприменимых юридически обязательных нормативных актов; доступ к правосудию; генетически измененные организмы); 4) последующие меры по вопросам соблюдения; 5) выводы. Весьма ценными видятся последние два раздела, в которых показаны достижения и проблемы в сфере имплементации положений самой конвенции или рекомендаций комитета по осуществлению. Например, Армения «в своем национальном докладе об осуществлении… сообщила, что она до сих пор не выполнила рекомендаций Комитета относительно поправок к своему законодательству об НПО» (п. .232)[1010]. «На протяжении текущего цикла

[1008] Национальные отчеты // Aarhus Clearinghouse for Environmental Democracy [Электронный ресурс]. URL: https://aarhusclearinghouse.unece.org/national-reports/reports (дата обращения: 01.08.2026).
[1009] Report on the implementation of the work programme for 2018-2021: ECE/MP.PP/2021/6 / United Nations, Economic Commission for Europe. Geneva, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-10/ECE_MP.PP_2021_6_R.pdf (дата обращения: 01.08.2026).
[1010] Там же.

отчетности было выявлено несколько положительных тенденций, а именно: (i) повышение приемлемости экологических судебных разбирательств, представляющих общественный интерес; (ii) повышение уровня проверки судами и другими надзорными органами материальной законности оспариваемых решений, действий или бездействия; (iii) принятие мер для устранения или снижения финансовых барьеров; (iv) содействие повышению осведомленности и специализации судей и других специалистов в сфере права в вопросах окружающей среды» (п. 261) [1011].

Другой пример связан с таким МЭС, как *Киевский Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей (Протокол о РВПЗ, или Киевский Протокол)*[1012] *к Орхусской конвенции.* В пункте 2 статьи 17 Протокола о РВПЗ предусмотрено, что Совещание Сторон постоянно следит за ходом осуществления и совершенствования Протокола на основе отчетности, регулярно представляемой Сторонами. Рабочая группа по регистрам выбросов и переноса загрязнителей на своем пятом совещании (Женева, 22–24.10.2007) рассмотрела предложение Бюро Киевского Протокола в отношении требований к отчетности по Протоколу. При подготовке документа Бюро приняло во внимание опыт Орхусской конвенции в области национальной отчетности об осуществлении и руководящие указания, данные Сторонам Комитетом по соблюдению Орхусской конвенции. Это предложение легло в основу решения I/5, обязавшего каждую Сторону подавать в Секретариат (до проведения каждой очередной сессии Совещания Сторон) доклад по форме, указанной в приложении к решению I/5, о необходимых законодательных, регламентирующих или иных мерах, принятых Стороной для осуществления положений Протокола; а также об их осуществлении на практике. На первых двух сессиях (2010, 2014) Совещание Сторон определило порядок выполнения

[1011] Report on the implementation of the work programme for 2018-2021: ECE/MP.PP/2021/6 / United Nations, Economic Commission for Europe. Geneva, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-10/ECE_MP.PP_2021_6_R.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[1012] 38 Сторон у Протокола, вступил в силу 8 октября 2009 г. Недавно Сторонами Протокола стали Черногория, Казахстан и Италия – 11 октября 2017 г., 24 января 2020 г. и 23 ноября 2020 г. соответственно.

этих положений, согласовало процедуры, а также формат представляемой отчетности[1013]. На третьей сессии Совещания Сторон в 2017 г. сторонам было предложено следовать методологии подготовки и представления национальных отчетов об осуществлении, изложенной в *Руководстве по отчетности об осуществлении Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей*[1014]. В Руководстве конкретизированы ошибки и трудности, возникающие при имплементации каждого положения Протокола, а также приведены примеры надлежащей практики (например, подготовка текста доклада на нескольких официальных языках (на английском, русском и французском), вовлечение разнообразных заинтересованных кругов в подготовку доклада, представление краткой информации о любых конкретных прецедентах, приведение ссылок на соответствующее имплементационное законодательство).

Подведем итоги анализа трех циклов национальных докладов и материалов четырех сессий Совещания сторон Протокола.

Во-первых, можно сделать вывод, что это динамичный процесс. Экспертные органы Протокола, государства-члены и НПО нацелены на совершенствование процедуры и качества национальных докладов (полнота отчетности, критерии и примеры надлежащей практики, объем – не более 13 000 слов, срок сдачи – 9 месяцев до начала Совещания сторон). Доклады следует готовить «на основе транспарентного консультативного процесса, при этом необходимо обеспечить своевременное привлечение к этой работе широкой общественности и учитывать в ней любые конкретные обстоятельства, касающиеся региональных организаций экономической интеграции» (п. 9 Руководства).

[1013] См. Report of the first session of the Meeting of the Parties to the Protocol on Pollutant Release and Transfer Registers (Geneva, 20-22 April 2010), Addendum: Decisions adopted by the Meeting of the Parties. UN Doc. ECE/MP.PRTR/2010/2/Add.1. Decision I/5 «Reporting on implementation of the Protocol»; Second Session of the Meeting of the Parties to the PRTR Protocol (MOPP-2) // United Nations Economic Commission for Europe. Maastricht, 2014. 2-4 July. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unece.org/prtrmopp2_docs.html (дата обращения: 01.08.2026).

[1014] Руководство по отчетности об осуществлении Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей: документ ООН ECE/MP.PRTR/2017/6/Add.3.

Во-вторых, мы констатируем здесь уникальный случай – предусматривается возможность предоставления отчетности не только государствами – членами Протокола, но и еще двумя категориями субъектов: а) подписантами и другими государствами, не являющимися Сторонами Протокола, в ожидании ратификации или присоединения; б) международными, региональными организациями и НПО, участвующими в программах или деятельности по оказанию поддержки Сторонам и/или другим государствами при осуществлении Протокола (доклады о своих программах или деятельности и извлеченных уроках, а также об осуществлении самого Протокола). Все Национальные отчеты по осуществлению находятся в открытом доступе[1015], а упомянутые потенциальные субъекты в течение трех циклов отчетность не предоставляли.

В-третьих, для каждой сессии Совещания Сторон подготавливается сводный отчет, в котором обобщается достигнутый прогресс и определяются важные тенденции, проблемы и решения на основе национальных отчетов об осуществлении. Поэтому их своевременное представление очень важно для обеспечения достаточного времени на обработку информации и своевременную подготовку доклада к следующей сессии Совещания Сторон. Первый, второй и третий сводные отчеты об осуществлении Протокола о РВПЗ были подготовлены Комитетом по соблюдению для отчетных циклов, соответственно, в 2014[1016], 2017[1017] и 2021 гг.[1018]

При рассмотрении национальных докладов Комитет по вопросам соблюдения осуществляет следующие функции: он обобщает информацию, дает стратегический обзор выполнения Протокола и на основе сообщений Сторон резюмирует складывающиеся тенденции, возникающие проблемы и

[1015] Национальные отчеты по осуществлению Киевского Протокола [Электронный ресурс]. URL: https://prtr.unece.org/nationalreports/reports-files (дата обращения: 01.08.2026).
[1016] Сводный доклад о положении дел в области осуществления Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2014: документ ООН ECE/MP.PRTR/2014/5.
[1017] Сводный доклад о положении дел в области осуществления Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2017: документ ООН ECE/MP.PRTR/2017/10.
[1018] Сводный доклад о положении дел в области осуществления Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2021: документ ООН ECE/MP.PRTR/2021/10.

возможные пути их решения. Однако интересно отметить, что недавно Комитет решил рассмотреть вопрос соблюдения Финляндией Протокола самостоятельно, исходя из данных ее национального отчета 2017 г. Комитет передал Финляндии дополнительные вопросы в 2020 и 2021 гг. и принял решение отложить подготовку проекта выводов на более поздний этап. В соответствии с пунктами 14 (b) и 40 (a, e) приложения к решению I/2 Комитет также постановил направить Финляндии письмо, информирующее ее о решении Комитета, и предоставить ей в рамках консультации рекомендации по конкретным мерам, с тем чтобы содействовать помощи в целях обеспечения соблюдения ею Протокола.

Все ли государства участвуют в процедуре предоставления отчетности? Приведем соответствующие цифры. В 2021 г. из 38 сторон только две (Литва и Черногория) не представили отчетности, и Совещание призвало их сделать это не позднее 15.11.2021 г.[1019] Отметим определенный прогресс: в первый цикл сводный отчет подали 27 из 32 сторон (Албания, Кипр, Финляндия, Португалия и Словения не подали), во второй – 30 из 35 Сторон (Венгрия, Кипр, Мальта, Словения и Украина не подали). Последний обзор имплементации обязательств по Киевскому протоколу прошел в 2025 г.[1020]

Первый глобальный обзор (*global stocktake*) Парижского соглашения завершился принятием решения на Конференции ООН по изменению климата (КС-28) в декабре 2023 г.[1021] Глобальный обзор – это процесс, позволяющий странам и заинтересованным сторонам оценить, в каких областях они совместно добиваются прогресса в достижении целей Парижского соглашения об изменении климата, а в каких – нет. Первый глобальный обзор подтвердил,

---

[1019] Доклад о работе четвертой сессии Совещания Сторон Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей: документ ООН ECE/MP.PRTR/2021/6. Пункт 27. Италия хотя и является Стороной Протокола, но не должна была представлять национальный отчет об осуществлении, поскольку она ратифицировала Протокол только 23 ноября 2020 г. Согласно пункту 10 решения III/1 (ECE / MP.PRTR / 2017/6 / Add.1) крайним сроком подачи в секретариат национальных докладов по осуществлению было 21 января 2021 г., то есть за девять месяцев до четвертой сессии Совещания Сторон.

[1020] 2025 National Implementation Reports by Parties [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/environmental-policy/public-participation/2025-reporting-cycle-0#accordion_ (дата обращения: 01.08.2026).

[1021] Why the Global Stocktake is Important for Climate Action this Decade [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/topics/global-stocktake/about-the-global-stocktake/why-the-global-stocktake-is-important-for-climate-action-this-decade (дата обращения: 01.08.2026).

что мы не на пути к ограничению глобального потепления 1,5 градусами Цельсия и что возможности для существенных изменений быстро сокращаются. В нем изложены действия, которые правительствам и заинтересованным сторонам необходимо срочно предпринять в это критическое десятилетие, чтобы удержать уровень 1,5 градуса, обеспечивая безопасность жизнедеятельности и наличие средств к существованию. Решение о глобальном обзоре устанавливает ориентиры и содержит рекомендации для стран, которые следует учитывать в следующем раунде планов действий по борьбе с изменением климата. Глобальный обзор подобен инвентаризации национального имплементационного законодательства. Он подразумевает анализ всего, что связано с позицией всего мира в отношении мер по борьбе с изменением климата и их поддержки, выявление пробелов и совместную работу по выработке более эффективного курса на ускорение мер по борьбе с изменением климата.

Международные инспекции и расследования проводятся также в соответствии с МЭС, они бывают периодически установленными, а бывают *ad hoc*. Про режим инспекций в рамках системы Договора об Антарктике уже писали много[1022], поэтому хотелось бы уделить внимание менее изученному в российской доктрине режиму инспекций. В рамках одной их первых МЭС универсального характера – Рамсарской конвенции о водно-болотных угодьях 1971 г. – был установлен режим международных инспекций[1023]. Работает он следующим образом. В 1990 г. в соответствии с Рекомендацией 4.8 КС Рамсарской конвенции был создан Протокол Монтре (англ. Montreux Record) – реестр Рамсарских угодий, где в результате технологического развития, загрязнения или иного вмешательства человека произошли, происходят или могут произойти изменения экологического характера. Протокол ведется как

[1022] Копылов С. М. Международно-правовые аспекты предупреждения негативных экологических последствий хозяйственной деятельности в Антарктиде: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Копылов Станислав Михайлович. Москва, 2011. 199 с.

[1023] Копылов М. Н. Рамсарская конвенция 1971 г. и экосистемный подход к разумному использованию и устойчивому развитию водно-болотных угодий / М. Н. Копылов, А. М. Солнцев // Экологическое право. 2012. № 3. С. 27-34.

составная часть Рамсарского списка. Угодья, внесенные в Протокол Монтре, нуждаются в принятии приоритетных природоохранных мер на национальном и международном уровнях и имеют предпочтительное право приглашения Рамсарской консультативной миссии. В Резолюции VI.1 (1996) были установлены более точные процедуры использования механизма Протокола Монтре с указанием мер, которые необходимо принять для включения Рамсарских угодий в Протокол и исключения угодий из Протокола. Угодья могут добавляться в Протокол и исключаться из него только с одобрения Договаривающихся Сторон, на территории которых они расположены. По просьбе заинтересованной Договаривающейся Стороны Секретариат может направить техническую миссию, известную под названием «Рамсарская консультативная миссия» (РКМ), для анализа ситуации на одном или нескольких конкретных угодьях, внесенных в Протокол Монтре, предоставления рекомендаций по принятию мер и оценки целесообразности исключения угодья из Протокола Монтре после успешного осуществления таких мер.

Рамсарская консультативная миссия представляет собой механизм оказания научно-технической помощи, который был официально принят в соответствии с Рекомендацией 4.7 в 1990 г. Подобный механизм был ранее известен под названием «процедура мониторинга и процедура предоставления указаний по вопросам управления». Основная цель этого механизма заключается в оказании содействия как развитым, так и развивающимся странам в устранении проблем или угроз, которые вызывают необходимость внесения конкретного угодья в Протокол Монтре.

В большинстве случаев процедура применения этого механизма включает в себя посещение угодья группой из двух или более экспертов, которые составляют отчет о своих выводах и рекомендациях. После получения запроса от Договаривающейся Стороны Секретариат согласовывает техническое задание для миссии с соответствующими органами и определяет, какие профессиональные знания и опыт потребуются для членов направляемой

миссии. Проект отчета, составленного группой экспертов, представляется на рассмотрение в компетентный орган, сделавший запрос о направлении миссии, и затем исправленный окончательный отчет становится документом публичного характера, который может обеспечить основу для принятия природоохранных мер на угодье. В некоторых случаях рекомендации, содержавшиеся в отчетах РКМ, обеспечивали основу для оказания финансовой помощи со стороны Фонда малых грантов и агентств по оказанию внешней помощи.

В период с 1988 г. по настоящее время механизм РКМ применялся к 95 Рамсарским угодьям или группам угодий[1024]. Самые первые миссии иногда ограничивались кратковременным визитом одного сотрудника Секретариата. Однако со временем миссии становились все более организованными и обстоятельными и стали включать в свой состав группы специалистов разного профиля (иногда в сотрудничестве с другими органами, такими как Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., МСОП и Программа «Человек и биосфера»). Секретариат имеет отдельный проектный счет для получения добровольных взносов от Договаривающихся Сторон и НПО на покрытие расходов, связанных с направлением Рамсарских консультативных миссий в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

Многие Стороны Конвенции отметили, что большую помощь в деле сохранения водно-болотных угодий оказало их включение в Протокол Монтре. Приведем несколько примеров.

На оазис Азрак в Иордании оказали благоприятное воздействие включение в Протокол Монтре и организация соответствующей РКМ, которая была направлена сюда еще в 1990 г. с целью изучения угроз водно-болотному угодью и разработки рекомендаций. Присвоенный оазису статус Рамсарского

[1024] List of Ramsar Advisory Missions [Электронный ресурс]. URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/list_of_ramsar_advisory_missions.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

угодья сыграл важную роль также в одобрении проекта, финансировавшего ГЭФ.

Австрийский Рамсарский комитет отметил в 1996 г., что включение Рамсарского угодья Донау-Марш-Ауэн в Протокол Монтре и организация Рамсарской консультативной миссии в 1991 г. оказали благоприятное воздействие на экологическое состояние угодья. Был составлен план разумного использования угодья в тесном сотрудничестве с неправительственными организациями, и от Европейской комиссии были получены средства гранта в рамках программы LIFE для финансирования работ по управлению водно-болотным угодьем.

На основании результатов исследований, проведенных первой РКМ в 1992 г. с целью выработки рекомендаций по устранению негативных изменений экологического состояния природного резервата Сребырна в Болгарии, этот участок, являющийся Рамсарским угодьем и объектом всемирного наследия ЮНЕСКО, был внесен в Протокол Монтре, и административные органы приступили к выполнению рекомендаций. Фондом малых грантов Рамсарской конвенции были выделены средства для разработки плана управления угодьем, и в октябре 2001 г. вторая миссия, в работе которой принимали участие представители МСОП и Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, зафиксировала «стабильную и устойчивую тенденцию к улучшению экологического характера» и пришла к заключению, что «Болгария проявила решительность, обеспечила законодательную основу, научный и управленческий потенциал и поддержку общественности для достижения цели сохранения» ценностей водно-болотного угодья. Миссия рекомендовала, чтобы после предоставления дополнительной информации административные органы начали процедуру по исключению резервата Сребырна из Протокола Монтре и Списка объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой[1025].

[1025] Ferrajolo O. State Obligations and Non-Compliance in the Ramsar System / O. Ferrajolo // Journal of International Wildlife Law & Policy. 2011. Vol. 14. No. 3-4. P. 243-260.

Озеро Чилика, крупнейшая лагуна на восточном побережье Индии, было объявлено Рамсарским угодьем в 1981 г. Из-за серьезной деградации, вызванной главным образом заилением и засорением входного канала морской воды, что привело к быстрому размножению инвазивных пресноводных видов, сокращению продуктивности рыб и общей утрате биологического разнообразия, в 1993 г. оно было включено в Протокол Монтре. Администрация по развитию Чилика, созданная в 1992 г., осуществила программу действий с целью восстановления экосистем и улучшения социально-экономических условий местных общин. Работы по восстановлению лагуны Чилика проводились при активном участии общин, во взаимодействии с различными национальными и международными учреждениями и с использованием комплексных систем мониторинга и оценки. В 2001 г. РКМ посетила этот участок и пришла к выводу о необходимости его исключения из Протокола Монтре при условии, что меры по управлению участком будут продолжать осуществляться и подвергаться мониторингу. В 2002 г. Администрации по развитию Чилика была вручена Рамсарская премия за охрану водно-болотных угодий и за ее новаторские усилия[1026].

В 2019 г. в Россию была направлена одна миссия на Кургальский полуостров по заявлению российских природоохранных НПО в связи с прокладкой трубопровода «Северный поток – 2». «В июле 2017 года экологические организации обратились к Генеральному секретарю Рамсарской конвенции о водно-болотных угодьях с жалобой на нарушение Конвенции в результате планируемого строительства газопровода “Северный поток – 2” через водно-болотные угодья международного значения “Кургальский полуостров” (Рамсарское угодье) и государственный природный заказник регионального значения “Кургальский” (“Заказник”) в Ленинградской области (Российская Федерация). После нескольких

[1026] The Ramsar Convention Manual: a Guide to the Convention on Wetlands (Ramsar, Iran, 1971) / Ramsar Convention Secretariat. 4th ed. Gland: Ramsar Secretariat, 2006. P. 14.

совещаний и обмена письмами Министерство природных ресурсов Российской Федерации пригласило Секретариат Рамсарской конвенции (17 октября 2018 года) организовать первую Рамсарскую консультативную миссию в Российской Федерации»[1027]. В 2019 г. РКМ успешно выполнила поставленные задачи; по итогам был подготовлен отчет объемом 61 страниц, в котором содержались 24 рекомендации, сгруппированые отдельно для национальных, региональных органов власти и оператора газопровода. Вывод миссии, кратко говоря, был таков: «Строительство траншейным методом и прокладка двух ниток газопровода представляют собой антропогенное воздействие на Рамсарское угодье, которое стало основанием для применения положений Статьи 3.2 Конвенции и запроса национального Административного органа, ответственного за реализацию Рамсарской конвенции, о проведении Рамсарской консультативной миссии. Согласно выводам РКМ, воздействия, возникающие в результате строительства траншейным методом и прокладки газопровода, носят локальный характер и в основном ограничены коридором строительства. По оценке Миссии, они не оказывают неблагоприятного воздействия на экологический характер Рамсарского угодья в целом. Однако, согласно руководствам Рамсарской конвенции и МФК, существуют остаточные воздействия, требующие компенсации. РКМ выражает одобрение и высоко оценивает меры, принятые компанией *Nord Stream 2 AG* для минимизации воздействия строительных работ и содействия в долгосрочной реабилитации, восстановлении и управлении территорией Рамсарского угодья “Кургальский полуостров” и Заказника. Более того, документация, подготовленная компанией Nord Stream 2 AG, представляет масштабный объем работ, который значительно улучшает

[1027] Рамсарская консультативная миссия № 93. Кургальский полуостров, Российская Федерация. Водно-болотное угодье международного значения № 690. 11-15 ноября 2019 г. / Г. Рэнди Милтон, Тобиас Салате [Электронный ресурс]. URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/ram93_kurgalsky_peninsula_russia_ru.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

понимание динамики Рамсарского угодья и сред обитания на участке работ по проекту» (п. 99)[1028].

Интересно отметить, что на важность соблюдения положений Рамсарской конвенции было впервые обращено внимание в 2011 г. в решении Международного суда ООН в деле «*Определенная деятельность, осуществляемая Никарагуа в пограничном районе*» (Коста-Рика против Никарагуа). Данный латиноамериканский спор весьма примечателен во многих отношениях (мы обсуждали его во второй главе в части критики подхода об исчислении компенсации), но мы остановимся лишь на его экологической составляющей о сохранении водно-болотных угодий.

Дело в том, что 18 ноября 2010 года Коста-Рика возбудила в Международном суде ООН дело против Никарагуа на том основании, что последняя ввела войска и оккупировала территорию Коста-Рики в связи со строительством канала через коста-риканскую территорию от реки Сан-Хуан до лагуны Лос-Портильос (также известной как «лагуна Харбор-хед») и что она осуществляет связанные с этим определенные дренажные работы на реке Сан-Хуан, вырубку деревьев, удаление растительности и почвы с коста-риканской территории, включая ее водно-болотные угодья и леса. При этом Коста-Рика заявляла, что «ведущиеся и планируемые дренажные работы и строительство канала серьезно скажутся на притоке воды в реку Колорадо в Коста-Рике и причинят дальнейший ущерб коста-риканской территории, включая водно-болотные угодья и национальные заповедники диких животных, находящиеся в этом районе». В спорном пограничном районе находятся водно-болотные угодья ‘Humedal Caribe Noreste’ (Коста-Рика) и ‘Refugio de Vida Silvestre Rio San Juan’ (Никарагуа).

[1028] Рамсарская консультативная миссия № 93. Кургальский полуостров, Российская Федерация. Водно-болотное угодье международного значения № 690. 11-15 ноября 2019 г. / Г. Рэнди Милтон, Тобиас Салате [Электронный ресурс]. URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/ram93_kurgalsky_peninsula_russia_ru.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

Параллельно с передачей дела в Суд в ноябре 2010 г. правительство Коста-Рики срочно запросило Секретариат Рамсарской конвенции о направлении в угодье ‘Humedal Caribe Noreste’ Рамсарской консультативной миссии для оценки воздействия строительства канала на реке Сан-Хуан на угодье. Работа Рамсарской консультативной миссии проходила с 27 ноября по 1 декабря 2010 года. В принятом по итогам посещения докладе прямо говорилось об изменении экологических характеристик ‘Humedal Caribe Noreste’ вследствие дноуглубительных работ, а также рекомендовалось включить оцениваемое угодье в Протокол Монтре[1029]. Итоги данного доклада были представлены Суду в качестве доказательств со стороны истца.

18 ноября 2010 года Коста-Рика подала в Суд также просьбу об указании на принятие временных мер до окончательного разрешения дела. И вот, 8 марта 2011 года Суд вынес следующее постановление о временных мерах:

«1) единогласно: каждая Сторона должна воздерживаться от направления в пределы оспариваемой территории или от сохранения в пределах такой территории, включая *caño* [канал, прорываемый Никарагуа], любого персонала, будь то гражданский, полицейский или из служб безопасности;

2) 13 голосами против 4[1030]: Коста-Рика может направлять гражданский персонал, ответственный за защиту окружающей среды, в оспариваемую территорию, включая *caño*, но только постольку, поскольку это необходимо для недопущения причинения необратимого вреда водно-болотным угодьям, на которых находится эта территория; Коста-Рика должна консультироваться с Секретариатом Рамсарской конвенции в отношении этих действий, заблаговременно уведомлять Никарагуа о них и прилагать все свои усилия для нахождения общих с Никарагуа решений на этот счет;

[1029] Report Ramsar Advisory Mission (RAM) No. 68. North-eastern Caribbean Wetland of International Importance (Humedal Caribe Noreste), Costa Rica 17 December 2010 [Электронный ресурс]. URL: http:// www.ramsar.org/ pdf/ ram/ ram_rpt_ 69-CostaRica_s.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[1030] «За»: Председатель Х. Овада (Япония), заместитель Председателя П. Томка (Словакия), судьи А. Корома (Сьерра-Леоне), А. аль-Хасауна (Иордания), Б. Симма (ФРГ), Р. Абраам (Франция), К. Кит (Новая Зеландия), М. Беннуна (Марокко), А. Кансаду Триндади (Бразилия), А. Юсуф (Сомали), К. Гринвуд (Великобритания), Дж. Донохью (США), судья *ad hoc* К. Дугард (ЮАР); «против»: судьи Б. Сепульведа-Амор (Мексика), Л. Скотников (РФ), С. Ханьцинь (Китай), судья *ad hoc* Ж. Гийом (Франция).

3) единогласно: каждая Сторона должна воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор, находящийся на рассмотрении Суда, или затруднить его урегулирование;

4) единогласно: каждая Сторона должна информировать Суд о соблюдении ею указанных выше временных мер»[1031].

В своем решении от 2013 г. о новых обеспечительных мерах Суд заявил, что «после консультаций с Секретариатом Рамсарской конвенции и после предварительного уведомления Никарагуа Коста-Рика может принять соответствующие меры в отношении двух новых каньо в той мере, в какой это необходимо для предотвращения нанесения непоправимого ущерба окружающей среде спорной территории»[1032].

С 10 по 13 марта 2013 года сотрудники Секретариата Рамсарской конвенции посетили северную часть острова Исла-Портильос для оценки ущерба, причиненного строительством Никарагуа двух новых каньо/каналов. После этого визита в августе 2014 г. Секретариат подготовил отчет (Рамсарская консультативная миссия № 77) с рекомендациями по смягчающим мерам, сосредоточенным на восточном каньо 2013 г. Он просил Коста-Рику представить план реализации и рекомендовал начать программу мониторинга. В соответствии с этим запросом Министерство окружающей среды и энергетики Коста-Рики разработало данный документ.

Далее, после консультаций с Секретариатом Коста-Рика построила в течение короткого периода (март – апрель 2015 г.) дамбу через восточную часть двух каньо.

В итоговом иске 2018 г. по определению суммы ущерба от деятельности Никарагуа Коста-Рика утверждала следующее: «Пресноводные водно-болотные угодья, такие как пострадавший район, являются ценным активом

[1031] Order 8 march 2011 ‘Certain activities carried out by Nicaragua in the border area (Costa Rica v. Nicaragua). Request for the indication of provisional measures’ [Электронный ресурс]. URL: http:// www.icj-cij.org/ docket/ files/ 150/ 16324.pdf. (дата обращения: 01.08.2026).

[1032] Certain Activities carried out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua); Construction of a Road in Costa Rica along the San Juan River (Nicaragua v. Costa Rica), Provisional Measures, Order of 22 November 2013, I.C.J. Reports 2013. P. 370. Para. 59, subpara. (2) (E).

для смягчения последствий стихийных бедствий, таких как затопление прибрежных районов, интрузия солей и береговая эрозия. По мнению Коста-Рики, действия Никарагуа подорвали способность пострадавшего района предоставлять такие услуги. Этот вывод подтверждается отчетом Рамсарской консультативной миссии № 69, в котором объясняется, что изменения в характере стока пресной воды на водно-болотных угодьях могут повлиять как на соленость воды, так и на способность территории бороться с наводнениями. Коста-Рика оценивает эту услугу в 2949,74 долл. США за гектар (за первый год после причинения убытка, с поправкой на цены 2016 г.) на основе выбора “низкой стоимости” из ряда исследований, проведенных в Белизе, Таиланде и Мексике»[1033].

В итоговом решении Суд постановил выплатить в пользу Коста-Рики «2708,39 долл. США в качестве возмещения расходов на восстановление водно-болотных угодий, охраняемых на международном уровне»[1034]. Хотя Коста-Рика просила почти 3000 долл. США за гектар, а урон был нанесен площади в 6,19 га, что соответствовало ущербу в 18 258,89 долл. США в измерении истца. Да, Суд постановил выплатить почти в шесть раз меньше, но это, в принципе, первая в истории МЭП компенсация за урон водно-болотным угодьям.

Таким образом, Суд в решении об обеспечительных мерах указал на важность охраны водно-болотных угодий (согласно положениям Рамсарской конвенции) на спорных территориях двух государств, находившихся в предвоенной ситуации. Данный пример очень важен в контексте настоящего диссертационного исследования. Он демонстрирует взаимодействие двух международных механизмов обеспечения выполнения международных обязательств (дипломатического и судебного), а также показывает, что Международный суд ООН со вниманием анализировал доклад инспекционной

[1033] Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua). Compensation Owed by the Republic of Nicaragua to the Republic of Costa Rica: judgment of 2 February 2018 // I.C.J. Reports. 2018. P. 15. Para 66.
[1034] Там же. Para 157 (b).

миссии Рамсарской конвенции, неоднократно рекомендуя сторонам спора консультироваться с Секретариатом Рамсарской конвенции.

РКМ – это международный механизм оказания технической помощи, посредством которого можно запросить экспертное заключение для оценки потенциальных угроз экологическому состоянию рамсарского угодья и проблем, связанных с водно-болотными угодьями; она является международным источником гарантий для процесса принятия решений на национальном уровне посредством проведения аудита и экспертной оценки. Это несудебное средство обеспечения выполнения государствами международных экологических обязательств, не раз доказавшее свою эффективность, в том числе в Российской Федерации.

Проанализировав вторую категорию механизмов, мы пришли к выводу, что прозрачность становится одним из ключевых элементов МЭП и используется как для достижения содержательных целей, так и как самостоятельная правовая ценность. Эта тенденция отражает более широкий сдвиг в международном праве в сторону публично-правовой модели, особенно значимой для регулирования общих экологических проблем, где традиционные двусторонние механизмы оказываются недостаточными. Перспективы адекватного ответа на такие вызовы, как изменение климата, деградация земель, утрата биоразнообразия и закисление океана, во многом будут зависеть от дальнейшей роли прозрачности.

§ 3. Согласительные процедуры по выполнению обязательств, вытекающие из МЭС

Существенное значение имеют положения МЭС, касающиеся урегулирования международных споров о толковании международных экологических обязательства. По сути, они дополняют положения МЭС, направленные на меры по обеспечению соблюдения соглашения. Могут быть рассмотрены самые разные процедуры, включая миссию добрых услуг, посреднические функции, согласительную процедуру, комиссии по

выявлению фактов, группы по урегулированию споров, арбитраж и другие возможные механизмы судебного разбирательства, которые предусмотрены разрешении спора между соответствующими сторонами.

Переговоры могут касаться различных вопросов международного экологического сотрудничества: доступа к общим природным ресурсам и использования их, размещения опасных производственных комплексов вблизи государственных границ, совместного управления трансграничными ресурсами, заключения МЭС и т. д. В целом необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что МЭС содержат упоминание о переговорах как средстве разрешения споров, редко где уточняются институциональные рамки этих переговоров. Исключением может служить Конвенция о ядерной безопасности 1994 г.[1035], в статье 29 которой говорится: «в случае разногласия между двумя или несколькими Договаривающимися сторонами в отношении толкования или применения настоящей Конвенции Договаривающиеся стороны в рамках совещания Договаривающихся сторон проводят консультации в целях разрешения этих разногласий». Подобным образом вопрос урегулирования споров был решен в Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами 1997 г.[1036]

Практика подтверждает, что при появлении разногласий государства всегда пытаются разрешить дело путем переговоров, проводя необходимое количество раундов переговоров. Нередко вопрос экологической ответственности также разрешался на переговорах путем фиксации суммы

[1035] Конвенция о ядерной безопасности (Вена, 17 июня 1994 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc449_rus.pdf (дата обращения: 29.09.2026). Конвенция вступила в силу, в том числе для России 24 октября 996 г.

[1036] Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами (Вена, 5 сентября 1997 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 18. Ст. 1908 или см.: Бюллетень международных договоров, август 2006 г., № 8. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 19 апреля 2006 г. Статья 38 Объединенной конвенции гласит: «В случае возникновения разногласия между двумя или несколькими Договаривающимися сторонами в отношении толкования или применения настоящей Конвенции Договаривающиеся стороны в рамках совещания Договаривающихся сторон проводят консультации в целях разрешения этого разногласия. В случае если консультации оказываются непродуктивными, можно прибегнуть к механизмам посредничества, примирения и арбитражного урегулирования, предусматриваемым международным правом, включая действующие правила и практику, применяемые МАГАТЭ».

единовременной выплаты за ущерб. Хотя следует отметить, что эти переговоры велись вне МЭС, они тем не менее оказали существенное влияние на развитие МЭП. Примерами могут служить дело *«О плотине Гат»* (США против Канады), дело *«О фосфатах Науру»*, случай с упавшим советским спутником «Космос-954» на территории Канады или случай с ядерными испытаниями Великобритании близ Австралии. Остановимся подробнее на двух последних случаях.

После падения в январе 1978 г. на канадскую территорию советского спутника «Космос-954» Канада выдвинула претензию относительно компенсации расходов на поиски, обнаружение, удаление и проверку радиоактивных остатков, а также на очистку зараженных районов. Канада утверждала, что она применяет «соответствующие критерии, установленные общими принципами международного права, согласно которым справедливая компенсация рассчитывается на основе включения в претензию лишь тех расходов, которые носят разумный характер, непосредственно обусловлены вторжением спутника и его остатками и которые могут быть рассчитаны с разумной степенью точности». Вопрос был урегулирован в 1981 г. в результате соглашения о выплате Канаде *ex gratio* 3 млн канадских долларов, что составило примерно половину первоначально запрошенной суммы[1037].

Другой рассматриваемый нами случай касается проведения ядерных испытаний на островах Маралинга, Монте-Белло и Эму-Филд близ Австралии, которые де-юре окончились 1957 г., но де-факто лишь в 1963 г., о чем британское министерство обороны умалчивало до 1980-х годов. После долгих переговоров Великобритания 10 декабря 1993 года согласилась единовременно выплатить Австралии *ex gratis* 20 млн фунтов стерлингов[1038].

Часто МЭС устанавливают временно́е ограничение для проведения переговоров (обычно 3-12 месяцев). Примерами могут служить Конвенция о

[1037] International Law Materials. 1981.Vol. 20. P. 689.
[1038] Firth S. Nuclear Playground / S. Firth. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. 176 p.; Romano C. P. R. The Peaceful Settlement of International Environmental Disputes: A Pragmatic Approach / C. P. R. Romano. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 282.

сотрудничестве в защите и устойчивом использовании Дуная 1994 г. (12 месяцев – ст.24), Дополнительный протокол о разрешении споров к Венской Конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г. (2 месяца – ст. 2–3), Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. (6 месяцев – п. 3 ст. 33). Это позволяет предотвратить ухудшение ситуации, связанной с процессом разрешения экологических споров, и переходить к другой процедуре разрешения споров.

Посредничество и добрые услуги. Роль посредничества в разрешении международных экологических споров высоко оценена в доктрине международного права[1039]. Многие МЭС предоставляют право посредничества различным институциональным образованиям. Так, пункт 1 статьи 18 Конвенции об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе (Берн, 19 сентября 1979 года) гласит: «Постоянный Комитет всеми возможными средствами способствует дружескому урегулированию любых разногласий, которые могут возникнуть в связи с осуществлением настоящей Конвенции», а Конвенция о сотрудничестве в устойчивом развитии бассейна реки Меконг 1995 г. предоставляет такое право Комиссии по реке Меконг (ст. 34). В случае неудачного посредничества МЭС обычно предусматривают судебную процедуру разрешения спора.

Известен пример посредничества Международного банка реконструкции и развития (МБРР) между Индией и Пакистаном относительно разделения и использования реки Инд. МБРР обеспечил стороны техническими экспертами и финансовыми ресурсами. В итоге был подписан Договор о водах Инда (Карачи, 19.09.1960 г.).[1040]

Хотя добрые услуги – наряду с другими средствами разрешения спора – содержатся в МЭС, но в большинстве из таких соглашений добрые услуги упоминаются вместе с посредничеством, что порождает неопределенность в

[1039] См., например: Rubin J. Z. Third-Party Roles: Mediation in International Environmental Disputes / J. Z. Rubin // International Environmental Negotiation / ed. by G. Sjöstedt. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992. P. 275-290.

[1040] Indus Waters Treaty (Karachi, 19 September 1960) // United Nations Treaty Series. 1962. Vol. 444. P. 259.

иерархии и важности этих средств для разрешения международных экологических споров. Например, в пункте 2 статьи 11 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г. говорится: «Если заинтересованные стороны не могут достичь согласия путем переговоров, они могут совместно прибегнуть к добрым услугам третьей стороны или обратиться к ней с просьбой о посредничестве». Тот же подход можно обнаружить: в пункте 1 статьи 26 Конвенции по защите морской среды района Балтийского моря (Хельсинки, 9 апреля 1992 г.): «Если заинтересованные Стороны не могут прийти к согласию, они должны обратиться за услугами или совместно просить о посредничестве третью Договаривающуюся Сторону, компетентную международную организацию или компетентное лицо»; пункте 2 статьи 27 Конвенции о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.): «Если заинтересованные стороны не могут достичь согласия путем переговоров, они могут совместно прибегнуть к добрым услугам третьей стороны или обратиться к ней с просьбой о посредничестве»; некоторых других МЭС. Одним из немногих МЭС, где добрым услугам посвящено отдельное положение, является Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г.[1041], которая содержит следующее положение: «Исполнительный совет может содействовать урегулированию спора любыми средствами, какие он сочтет подходящими, включая предложение своих добрых услуг, призыв к государствам – участникам спора начать процесс урегулирования по своему выбору и рекомендацию сроков для любой согласованной процедуры» (п. 3.ст. XIV).

В целом суть процедуры добрых услуг заключается в возвращении сторон к состоянию разрешения споров, что бывает очень полезно в случае экологического конфликта между государствами – политическими

[1041] Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 6. Ст. 682 или см.: Бюллетень международных договоров, апрель 1998 г., № 4. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 5 декабря 1997 г.

противниками. Одним из примеров использования добрых услуг при разрешении международных экологических споров могут служить действия Генерального секретаря НАТО Дж. Ланса в 1976 г., когда он призвал Исландию и Великобританию возобновить переговоры по разрешению дела «О рыболовной юрисдикции Исландии». Поскольку дипломатические отношения между Великобританией и Исландией на тот момент были прерваны, можно утверждать, что именно действия главы НАТО привели к окончательному разрешению спора.

Учреждение *Комиссии по установлению фактов* предусматривается положениями различных МЭС. Например, в статье 33 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. говорится: если стороны не могут достичь соглашения путем переговоров в течение шести месяцев начиная с даты просьбы о переговорах, и если стороны не договорились об ином, то спор становится предметом беспристрастного установления фактов.

Процедура расследования также является востребованной в международном экологическом праве. Положения о процедуре расследования содержатся, например, в пункте 7 статьи 3 Конвенции Эспо 1991 г., где сказано: «если Стороны не могут прийти к согласию в отношении того, что значительное вредное трансграничное воздействие, по всей видимости, будет иметь место, любая такая Сторона может вынести этот вопрос на рассмотрение комиссии по запросу в соответствии с положениями Добавления IV (к Конвенции) с целью выяснения ее мнения о вероятности значительного вредного трансграничного воздействия, если Стороны не договорились об ином пути урегулирования этого вопроса». Процедуру расследования по Конвенции Эспо успешно использовала Румыния для разрешения спорной ситуации с Украиной, которая состояла в следующем. Румынские власти посчитали, что строительство глубоководного навигационного канала Дунай – Черное море в украинском секторе дельты Дуная (канал Быстрое) будет иметь негативное трансграничное экологическое воздействие. Дельта Дуная,

расположенная на востоке Румынии, на пересечении Дуная и Черного моря, является третьей по размерам дельтой Европы и включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО с 1991 г. Около 80 % ее площади находится в Румынии, а остальная часть – на территории Украины. Канал Быстрое проходит через зону строгой охраны Дунайского биосферного заповедника, большая часть территории которого расположена на северо-восточном участке дельты Дуная в пределах Украины, одного из 200 наиболее привлекательных уголков природы в мире. Дельта Дуная – единственная дельта в Европе, которая является местом обитания свыше 4000 видов растений и животных, включая краснозобую казарку, малого баклана, а также белугу.

19 августа 2004 года правительство Румынии обратилось с просьбой об учреждении комиссии по расследованию в отношении этого проекта согласно пункту 7 статьи 3 Конвенции Эспо. Созданная таким образом комиссия завершила свою работу 10 июля 2006 года и представила свой доклад о воздействии данного проекта на окружающую среду главам дипломатических представительств Румынии и Украины в Женеве, а также Исполнительному секретарю ЕЭК ООН. По единодушному мнению Комиссии, данный проект окажет значительное вредное трансграничное воздействие на окружающую среду[1042].

Касаясь положений Конвенции Эспо, нужно отметить следующий факт: несмотря на то, что Россия ее не ратифицировала (подписала 06.06.1991 г.), она тем не менее следует ее положениям при реализации проекта «Норд Стрим»[1043]. Осуществление проекта «Норд Стрим» проходило на большей части Северо-Запада Европы и затрагивало интересы 9 стран региона Балтийского моря (Германия, Польша, Российская Федерация, Литва, Латвия,

[1042] Inquiry Commission // United Nations Economic Commission for Europe [Электронный ресурс]. URL: http://www.unece.org/env/eia/inquiry.htm (дата обращения: 29.07.2026).
[1043] Environmental Impact Assessment of the Nord Stream Project within the Framework of the Espoo Convention [Электронный ресурс]. URL: http://www.unece.org/env/eia/documents/May2007/Presentation_NordStream.pdf (дата обращения: 29.07.2026).

Эстония, Финляндия, Швеция и Дания), из числа которых только Россия не ратифицировала Конвенцию Эспо. По словам Директора департамента международного сотрудничества Минприроды России, «“Норд Стрим” является важнейшим элементом системы гарантированного снабжения европейских стран энергетическими ресурсами. Необходимым условием осуществления проектной деятельности является проведение природоохранных мероприятий и соблюдение всех норм, вытекающих из обязательств Российской Федерации по международным конвенциям»[1044]. К сожалению, в сентябре 2022 г. два этих крупных магистральных газопровода были взорваны, что в числе прочего принесло колоссальный ущерб морской среде и атмосфере (за счет выброса метана; в атмосферу попало 465 ± 20 тыс. тонн метана, что делает эту утечку газа крупнейшей в истории)[1045].

Некоторые ранее заключенные МЭС внесли вклад в развитие системы мирных средств разрешения споров как механизмов выполнения международных экологических обязательств. К таковым относится, прежде всего, Договор о пограничных водах между США и Канадой 1909 г.[1046], учредивший Международную совместную комиссию[1047], которая уже более 115 лет участвует в обеспечении выполнения международных экологических обязательств[1048]. Формируют Комиссию не просто представители государственных органов США и Канады, а независимые эксперты. В целом Комиссия выглядит как квазисудебный орган, дела ею рассматриваются публично, решение принимается большинством голосов[1049]. В юрисдикцию

[1044] Директор департамента международного сотрудничества Минприроды России Игорь Майданов в период с 29 по 30 мая 2008 года проводил встречу заинтересованных сторон по вопросам строительства газопровода «Норд Стрим» по дну Балтийского моря [Электронный ресурс]. URL: http://www.mnr.gov.ru/part/?act=more&id=4891&pid=11 (дата обращения: 02.06.2026).

[1045] Harris S. J. Methane Emissions from the Nord Stream Subsea Pipeline Leaks / S. J. Harris, S. Schwietzke, J. L. France et al. // Nature. 2025. Vol. 637. No. 8048. P. 1124-1130.

[1046] 1909 Treaty relating to the boundary waters and questions arising along the boundary between the USA and Canada (Washington, 11 January 1909). Переиздано в: Ruster B., Simma B. International protection of the environment: treaties and related documents. Dobbs Ferry, Oceana. Vol. X. P. 5158.

[1047] См. официальный Интернет-сайт Комиссии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ijc.org (дата обращения: 02.06.2026).

[1048] См., например: Chandler J. G. The Great Lakes – St. Lawrence River Basin from IJC perspective / J. G. Chandler, M. J. Vechsler // Canada-United States Law Journal. 1992. Vol. 18. P. 261-282.

[1049] Birnie P. International Law and the Environment / P. Birnie, A. Boyle. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. 326 p.

Комиссии входят вопросы загрязнения воды и воздуха на границе США и Канады. Примерами участия Комиссии в разрешении спора могут служить дела *«Трейл Смелтер»* (США / Канада) и *«О плотине Гат»* (США / Канада)[1050]. Наиболее значительным достижением Комиссии считается Доклад о качестве вод Великих озер и кислотных дождях, который привел к пересмотру международно-правовой основы регулирования защиты вод Великих озер. В 1972 г. было заключено Соглашение о качестве воды Великих озер, которое в 1978 г. заменило Соглашение о качестве воды. Упомянутый Доклад был признан Комиссией международного права ООН при обсуждении темы «Международные водотоки» как важный вклад в урегулирование экологических вопросов американо-канадской границы[1051].

Комиссии со сходными функциями были созданы также на основании двусторонних договоров, заключенных между США и Мексикой, Нидерландами и Бельгией и т. д.[1052] Статья 7 межправительственного соглашения между СССР, Норвегией и Финляндией о регулировании режима озера Инари посредством гидроэлектростанции и плотины Кайтакоски (Москва, 29 апреля 1959 г.) предусматривает создание смешанной комиссии из шести человек (по два от каждой из сторон) в качестве главного средства разрешения возможных споров. Практика заключения подобных договоров, на наш взгляд, является важной и для Российской Федерации, граничащей по суше с 14 государствами – членами ООН (а также с частично признанными Абхазией и Осетией), поскольку на сухопутной границе имеются поверхностные водные объекты, которые приходится совместно использовать и охранять. Общее количество таких трансграничных (пограничных) поверхностных водных объектов превышает тысячу. Из общей протяженности

[1050] Gut Dam Case (Canada / USA) // International Environmental Law Reports / ed. C. C. Robb. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 384-425.

[1051] Ежегодник Комиссии международного права за 1974 год. Т. II, ч. 2: документ ООН A/CN.4/SER.A/1974/Add.1 (Part 2). С. 355.

[1052] См.: Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право: учеб. пособие / М. Н. Копылов. М.: РУДН, 2007. С. 56.

границы (60 933 км) 7141 км проходит по рекам, 475 км – по озерам[1053]. Приведенные данные указывают на важность проблемы правового обеспечения рационального использования и охраны трансграничных водных объектов[1054].

Примирение (согласительные комиссии) как процедура мирного разрешения международных споров предусматривается многими МЭС. В некоторых МЭС лишь упоминается о согласительной процедуре, например в Венской конвенция об охране озонового слоя 1985 г. говорится: «…спор передается на урегулирование путем согласительной процедуры… По просьбе одной из сторон спора создается согласительная комиссия. Комиссия состоит из равного числа членов, назначаемых каждой заинтересованной стороной, и председателя, выбранного совместно членами, назначенными каждой стороной. Комиссия выносит окончательное решение, имеющее рекомендательный характер, которое стороны добросовестно учитывают» (пп. 4–6 ст. 11). Другие МЭС, напротив, содержат детальное описание процедуры примирения. Например, часть 2 Приложения 2 к КБР 1992 г. полностью посвящена согласительной процедуре, в рамках которой согласительная комиссия создается по просьбе одной из сторон спора.

Дополнительные меры по выполнению экологических обязательств. К таковым обычно относят: распространение информации посредством повышения осведомленности, просвещения и обмена информацией; содействие проведению исследований и выработке устойчивых, доступных, инновационных и экономически эффективных подходов; принятие на вооружение наилучших имеющихся научных знаниях, традиционных знаниях, знаниях коренных народов и местных системах знаний; содействие сотрудничеству и координации с соответствующими региональными или

[1053] См.: Серов Г. П. Правовое регулирование экологической безопасности при осуществлении промышленной и иных видов деятельности / Г. П. Серов. М.: Ось, 1998. С. 16-28; Евстигнеев В. А. Российское и зарубежное законодательство о защите населения и территорий от наводнений / В. А. Евстигнеев. М.: Былина, 2003. С. 156.

[1054] См.: Сасиев К. Х. Актуальные международно-правовые вопросы экологической защиты трансграничных водотоков в интересах здоровья человека: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Сасиев Казбек Харитонович. Москва, 2009. 26 с.

международными конвенциями, договорами и организациями при признании их соответствующих полномочий, избегая дублирования функций и способствуя взаимодополняемости действий.

Повышение осведомленности и просвещение. В ходе образовательных и информационно-просветительских мероприятий сообщества, трудящиеся, производители и потребители, столкнувшиеся с определенной экологической проблемой, могут получить информацию о том, как причины ее способны повлиять на их здоровье и окружающую среду. Просвещение и осведомленность могут сыграть ключевую роль в обеспечении перехода к устойчивому потреблению и производству, а также в поддержке и расширении прав и возможностей столкнувшихся с проблемой сообществ и групп, в том числе неформального сектора.

Например, в статье 18 Конвенции Минамата по ртути под названием «Информирование, повышение осведомленности и просвещение общественности» говорится: «Каждая Сторона в рамках своих возможностей содействует и способствует: a) предоставлению общественности имеющейся информации о: i) воздействии ртути и ртутных соединений на здоровье человека и окружающую среду; ii) альтернативах ртути и ртутным соединениям; iii) темах, определенных в пункте 1 статьи 17; iv) результатах своей деятельности в области научных исследований, разработок и мониторинга в соответствии со статьей 19; и v) деятельности по выполнению своих обязательств по настоящей Конвенции; b) просвещению, обучению и обеспечению осведомленности населения о последствиях воздействия ртути и ртутных соединений для здоровья человека и окружающей среды в сотрудничестве с соответствующими межправительственными и неправительственными организациями и уязвимыми группами населения по мере целесообразности»[1055].

[1055] Минаматская конвенция по ртути (Кумамото, 10 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/99/36/02/1242.pdf (дата обращения: 08.08.2025). Подробнее см.: Юсифова П. Н. Международно-правовая охрана здоровья человека и окружающей среды от воздействия ртути: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 5.1.5 / Юсифова Парзад Низами кызы. Москва, 2025. 30 с.

Информирование этим не ограничивается, государства стремятся создавать «реестры высвобождения и переноса загрязнителей… для сбора и распространения информации относительно оценочных показателей своих ежегодных объемов ртути и ртутных соединений, которые выбрасываются, высвобождаются или удаляются вследствие деятельности человека» (п. 2 ст. 18) [1056].

Нам представляется, что такие меры по выполнению крайне важны, поскольку позволяют довести до сознания каждого индивида необходимость реализации соответствующих норм.

Исследования. Знания, полученные в результате исследований, становятся фундаментом для МЭС и могут играть ключевую роль в восполнении пробелов в знаниях, приведении МЭС в соответствие с последними научно-техническими достижениями, обеспечении научной обоснованности оценки прогресса в выполнении международных экологических обязательств. Ранее в текст МЭС обычно не включался особый отдел, посвященный исследованиям, но ситуация меняется на глазах[1057]. Например, в статье 5 РКИК упомянуты исследования и систематическое наблюдение), а пункт 1g статьи 19 Конвенции гласит: «Стороны с учетом своих условий и возможностей осуществляют сотрудничество в деле разработки и улучшения… информации и научных исследований в отношении технической и экономической доступности безртутных продуктов и процессов, а также наилучших имеющихся методов и наилучших видов природоохранной деятельности для сокращения и мониторинга выбросов и высвобождений ртути и ртутных соединений» [1058].

Сотрудничество и координация действий с соответствующими региональными или международными конвенциями, договорами и

[1056] Минаматская конвенция по ртути (Кумамото, 10 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/99/36/02/1242.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

[1057] См., например: Стокгольмская конвенция, статья 11; Конвенция ООН по морскому праву, ч. XIII; Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г., статья 17 (d); Минаматская конвенции о ртути статья 19; Парижское соглашение, статья 19.

[1058] Минаматская конвенция по ртути (Кумамото, 10 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/99/36/02/1242.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

организациями предполагает признание их соответствующих полномочий, избегание дублирования функций и поддержку взаимодополняемости действий. МЭС часто предусматривают сотрудничество и координацию действий для поддержки эффективного исполнения положений договора и для того, чтобы помочь включить МЭС в более масштабный механизм международного природоохранного регулирования. Сотрудничество и координация действий могут быть важной частью положения о средствах выполнения МЭС, а также других положений договора. Они также способствуют взаимодополняемости договоров, посвященных смежным вопросам, устраняя при этом дублирование функций или противоречия в рамках выполнения соответствующих обязательств.

При проведении переговоров следует учитывать вопросы предотвращения дублирования усилий и обеспечения синергизма с другими МЭС. В качестве примера можно привести проблематику синергизма или гармонизации международного права в области химической безопасности. Сегодня данный вопрос регулируется тремя вышеупомянутыми конвенциями (Базельская конвенция, Роттердамская конвенция и Стокгольмская конвенция). С этой целью проводятся совместные заседания конференций сторон трех конвенций, регулирующих экологически безопасное обращение химических веществ и опасных отходов на глобальном уровне (сейчас обсуждаются условия присоединения к этой синергии и Секретариата Минаматской конвенции). В связи с этим возникает вопрос укрепления сотрудничества между секретариатами МЭС, особенно в случае поступления просьб от государств – членов соответствующих МЭС[1059].

[1059] Desai B. H. Multilateral environmental agreements: Legal status of the secretariats / B. H. Desai. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 330 p.

§ 4. «Процедуры соблюдения» обязательств в международных экологических соглашениях

Существенный вклад в дискуссию о выполнении международных обязательств внесла книга Антонии и Абрахама Чейес под названием «Новый суверенитет»[1060], где был изложен управленческий подход к международным отношениям, регулируемым международными договорами. С их точки зрения, наиболее распространенными причинами несоблюдения положений договоров являются: двусмысленность и неопределенность формулировок договора; ограничения способности сторон выполнять свои обязательства; временное изменения социальных, экономических и политических отношений, предусмотренных договорами[1061]. Основной тезис, выдвинутый в этой книге, заключается в том, что проблемы соблюдения международных обязательств редко являются результатом преднамеренного отказа государств от выполнения международных обязательств. Наоборот, несоблюдение в большинстве случаев можно объяснить двусмысленностью характера и степени обязательств, отсутствием возможностей и непредвиденными событиями, которые влияют на исполнение обязательств. Таким образом, предлагаемая авторами система соблюдения обязательств была направлена на обеспечение прозрачности, урегулирование споров, наращивание потенциала и использование убеждения для достижения соблюдения международных обязательств. С нашей точки зрения, эта система «мягкого убеждения» работает тогда, когда рассматриваемое обязательство представляет собой незначительное или умеренное отклонение от того, что государство сделало бы без соглашения. По мере увеличения уровня отклонения от обычного ведения дел управленческий подход терпит неудачу, и для обеспечения выполнения государствами своих обязательств необходимо «сильное

[1060] Chayes A. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements / A. Chayes, A. H. Chayes. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. P. 12-21.
[1061] Chayes A. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements / A. Chayes, A. H. Chayes. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. P. 10, 13, 15.

правоприменение». Здесь как раз представляется важным говорить о различии между процедурой соблюдения и процедурой разрешения споров.

Как известно, во-первых, не всегда возможно найти юрисдикционные основания для подачи иска в международном праве, а во-вторых, отсутствуют эффективные меры контроля за выполнением решений международных судебных учреждений. Классическим примером является первое дело Международного суда ООН *«О проливе Корфу»*, когда решение 1949 г. было выполнено лишь в 1990-х годах: Албания согласилась выплатить Соединенному Королевству компенсацию, в то время как последнее обязалось вернуть албанское золото, хранившееся в сейфах «Бэнк оф Ингленд» со Второй мировой войны. Или другой случай: Япония, проиграв дело, не выполнила решение Международного суда ООН *«О китобойном промысле в Антарктике»*[1062] и впоследствии (в 2019 г.) вышла из Международной конвенции по регулированию китобойного промысла. Это далеко не единичные случаи при отсутствии системного контроля за выполнением решений международных судов.

В своей докторской диссертации А. С. Смбатян раскрыла современные проблемы международного правосудия[1063]. В числе прочего в ее исследовании были освещены проблемы ограниченной юрисдикции международных судебных учреждений, эффективности международного правосудия и роста специализации судов. В этом контексте, на наш взгляд, квазисудебные органы, являющиеся одной из форм контроля выполнения международных обязательств, могут сыграть положительную роль и решить вышеуказанные проблемы. Так, для подачи жалобы не требуется согласия государства-ответчика; эффективность увеличивается, поскольку идет диалог с государством; предусмотрена процедура последующего контроля решения

[1062] Whaling in the Antarctic (Australia v Japan: New Zealand intervening), Written observations of Japan on New Zealand's written observations, 31 May 2013. Para. 3; Declaration of Intervention by New Zealand, 20 November 2012 // I.C.J. Case No. 148.

[1063] Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка: дис. …. д-ра. юрид. наук: 12.00.10 / Смбатян Анаит Сергеевна. Москва, 2013. 520 с.

(*follow-up procedure*), которая позволяет неоднократно, вновь и вновь на уровне органов МЭС призывать государство к выполнению обязательств (к тому же некоторые МЭС дают этим органам полномочия по воздействию на невыполняющее государство, такому, например, как ограничение процессуальных прав в органах МЭС).

Правила применения таких решений квазисудебных органов должны определяться посредством применения правил толкования договора. Данные правила являются достаточно открытыми для того, чтобы обеспечивать ориентирование в отношении всех договоров, поскольку они предусматривают процесс толкования, в соответствии с которым принимается во внимание несколько средств толкования в рамках «единой комбинированной операции». Вместе с тем они не предусматривают ограничений, которые могут противоречить намерениям сторон.

В целом процедура соблюдения применяется в случаях, когда государство – сторона МЭС не исполняет его норм. Появление этой процедуры свидетельствует, что традиционные нормы международного права, касающиеся нарушения договорных обязательств и ответственности государств, малоэффективны при решении проблемы исполнения МЭС. Известный теоретик международного права М. Коскенниеми детально проанализировал разницу между проблемами соблюдения и ответственности и отметил, что институт ответственности в международном праве имеет своей окончательной целью возмещение ущерба, получение компенсации пострадавшим государством, а цель процедуры соблюдения состоит в том, чтобы заставить государство вернуться к соблюдению положений МЭС[1064]. В этой разнице и проявляется слабость традиционных процедур разрешения споров для международного экологического права, поскольку деградация окружающей среды происходила *de facto* еще до заключения МЭС. Как отмечает профессор М. Н. Копылов, история международного экологического

[1064] Koskenniemi M. Breach of a Treaty or Non-Compliance? Reflections on Enforcement of the Montreal Protocol / M. Koskenniemi // Yearbook of International Environmental Law. 1992. Vol. 3. P. 123-162.

права представляет собой череду запоздалых (порой неудачных) реакций на резко обостряющиеся эколого-кризисные ситуации[1065]. Именно в этом феномене проявляется истинная природа экологического права, действующего на фоне продолжающегося изменения климата, разрушения озонового слоя, исчезновения различных видов флоры и фауны. В подобных случаях привлечь государство к ответственности за нарушение международных норм об изменении климата представляется маловероятным, поскольку данный вред сложно исчислить и негативные последствия проявятся в полной мере лишь через большой промежуток времени (возможно, через десятилетия). В этой ситуации значение процедуры соблюдения увеличивается, поскольку в международном экологическом праве важнее предотвратить вред, чем пытаться заставить государство возмещать ущерб. Отличительными чертами сферы применения МЭП являются увеличивающиеся темпы и размеры экологических проблем, а также их необратимость. Традиционный институт ответственности не позволяет адекватно и своевременно реагировать на экологические проблемы. Главной целью является помочь государству вернуться к состоянию соблюдения положений МЭС, не обязательно обвиняя его в их несоблюдении. В связи с этим, по мнению Т. Стефанса, в такой сфере международных отношений, как природопользование и охрана окружающей среды, более желательным является сотрудничество на договорном уровне, чем конфронтация в форме судебного решения спорных вопросов[1066].

Представляется возможным выделить следующую причину несоблюдения государствами положений МЭС. В действительности, как отметила Ю. Брунни, стороны, обвиняемые в несоблюдении МЭС, это преимущественно развивающиеся государства, действительно ограниченные в финансовых и

[1065] См.: Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право: учеб. пособие / М. Н. Копылов. М.: РУДН, 2007. С. 240.
[1066] Stephens T. International courts and environmental protection / T. Stephens. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 2.

технических возможностях[1067]. Однако иногда государства при несоблюдении положений МЭС преследуют получение экономической выгоды, поскольку исполнение экологических обязательств – это всегда тяжелое экономическое бремя.

Институт международной ответственности не позволяет эффективно защищать окружающую среду, утверждает профессор Я. Клабберс, приводя следующие аргументы[1068]. В международном экологическом праве часто не ставится вопрос о факте противоправности, поскольку установить причинную связь между поведением государства и экологическим вредом с точностью, требуемой нормами международного права, очень сложно. Применение института ответственности после факта нанесения экологического вреда крайне редко может вернуть *status quo ante* (положение, существовавшее раньше), что является первоочередной задачей международного экологического права. Ключевые концепции экологического права, такие как «обеспечение *due diligence*», «значительный вред» и т. д., слишком неопределенны, чтобы доказать их нарушение при помощи международных судебных учреждений. Мало того, большинство международных договоров требует взаимного согласия для обращения в международные судебные учреждения, а для применения процедуры соблюдения достаточно инициативы одного государства, юридического или физического лица.

К сказанному следует добавить, что государства часто сами не виновны в причинении экологического вреда: вероятнее всего загрязнителями выступают юридические лица, особенно ТНК. С другой стороны, нередко при нанесении экологического вреда сложно выделить конкретное пострадавшее

[1067] Brunnée J. Enforcement Mechanisms in International Law and International Environmental / J. Brunnée // Ensuring Compliance with Multilateral Environmental Agreements: A Dialogue between Practitioners and Academia. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. P. 11; Brunnée J. Compliance Control Through Active Treaty Management: The Engine that Could / J. Brunnée // Making Treaties Work: Human Rights, Environment and Arms Control / eds. G. Ulfstein et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 373-390; Brunnée J. Multilateral Environmental Agreements and the Compliance Continuum / J. Brunnée // Transnational Governance of Environmental Change / ed. by G. Winter. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 387-408; Brunnée J. COPing with Consent: Law-Making Under Multilateral Environmental Agreements / J. Brunnée // Leiden Journal of International Law 2002. Vol. 15. No. 1. P. 9-17.

[1068] Klabbers J. Compliance Procedures / J. Klabbers // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1001.

государство. Например, при изменении состояния озонового слоя или при загрязнении Мирового океана вред наносится всему человечеству.

Современные МЭС содержат положения о проверке выполнения сторонами своих международных экологических обязательств[1069]. Механизм проверки создается с целью содействия как выполнению всех положений соглашения, так и соблюдению сторонами всех правовых обязательств. В рамках механизмов многих МЭС проверку осуществляют специально созданные договорные органы – *комитеты по несоблюдению обязательств*. Название комитета может меняться от договора к договору, как и функционал таких комитетов. В английском языке такие комитеты обобщенно называются *non-comliance procedures/compliance procedures*. Соответственно, во избежание путаницы мы в тексте также будем придерживаться термина «*процедуры соблюдения*»; такой же термин используется в Оксфордской энциклопедии международного публичного права[1070]

Такие комитеты обычно учреждаются самим договором, а их основные характеристики и принципы деятельности устанавливаются либо МЭС, либо решениями КС. Порядок функционирования механизма затем определяется решениями руководящего органа. Как правило, положения о соблюдении обязательств касаются необходимости исполнения основных положений соответствующего МЭС и соблюдения обязательств из него.

В состав такого комитета в качестве членов могут входить представители государств-членов или назначаемые государствами-членами эксперты, обладающие необходимой квалификацией в соответствующих областях. Механизмы соблюдения могут использоваться в качестве инструмента для выявления на ранней стадии возможных случаев несоблюдения и причин возникновения такого несоблюдения, а также для выработки

[1069] Отрашевская А. М. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств / А. М. Отрашевская, А. М. Солнцев, П. Н. Юсифова // Московский журнал международного права. 2023. № 1. С. 47-75.
[1070] Tanaka Y. Compliance Procedures: Multilateral Environmental Agreements (MEAs) / Y. Tanaka // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 1-32.

соответствующих ответных мер, включая незамедлительное рассмотрение случаев несоблюдения и/или исправление создавшегося положения. Эти ответные меры могут быть скорректированы с учетом различных требований, возникающих в тех или иных случаях несоблюдения, и могут предусматривать, соответственно, как меры содействия, так и более решительные меры согласно применимому международному праву. Также для содействия, облегчения и обеспечения соблюдения механизмы соблюдения носят неконфронтационный характер и предусматривают для всех заинтересованных сторон соответствующие процедурные гарантии. Кроме того, механизмы по вопросам соблюдения могут обеспечивать возможности, позволяющие более четко толковать положения МЭС, способствовать их применению и тем самым в значительной степени уменьшать вероятность возникновения международных экологических споров. При этом вопрос об окончательном установлении факта несоблюдения/соблюдения той или иной Стороной какого-либо МЭС может быть окончательно решен только Конференцией Сторон соответствующего МЭС или другим предусмотренным соглашением органом, если ему будут даны на то полномочия Конференцией Сторон, согласно положениям данного МЭС. Эта процедура придает эффективности МЭС и позволяет договорным органам совершать квазисудебные функции[1071].

В наступившем XXI в. все более остро встают вопросы повышения эффективности международного права в целом и международного экологического права в частности. Представляется, что эффективные меры контроля служат формой предотвращения международных споров, которые рассматриваются в международных судебных учреждениях в случае невыполнения международных обязательств.

[1071] Абашидзе А. Х. Вопросы контроля выполнения положений международных экологических соглашений / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Актуальные проблемы международного права: LIBER AMICORUM в честь профессора Револя Миргалимовича Валеева. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. С. 6-18.

Универсальной процедуры соблюдения не существует, поскольку она специфична в каждом МЭС и различается от соглашения к соглашению. На сегодняшний день представляется возможным утверждать, что учреждение процедуры соблюдения в рамках МЭС является обычной практикой[1072]. Эта процедура предусмотрена в более чем 30 МЭС[1073]. Процедуры соблюдения, в отличие от судебных средств, являются так называемыми дружественными средствами разрешения международных споров, поскольку носят превентивный характер, привлекают к решению спора не только непосредственных сторон спора, но и всех участников многостороннего договора, поскольку окончательное решение принимается конференцией сторон МЭС (это существенное отличие от договорных органов ООН по правам человека, где у конференции сторон правозащитного договора нет таких полномочий). В рамках процедуры соблюдения широко применяют механизмы предоставления государству-нарушителю технической и финансовой помощи для содействия в выполнении им своих обязательств по МЭС, отдают предпочтение дипломатическим средствам воздействия на нарушителя в форме требований о предоставлении докладов или планов действий об осуществлении МЭС и принятых мерах, прежде чем обратиться к более строгим мерам воздействия, а также создают эффективную систему мониторинга за выполнением международно-правовых обязательств[1074].

Процедура соблюдения используется, прежде всего, в таких целях, как[1075]: обеспечение позитивного поощрения государств за выполнение ими

[1072] Kuokkanen T. Putting Gentle Pressure on Parties: Recent Trends in the Practice of the Implementation Committee under the Convention on Long-Range Transboundary Air Pollution / T. Kuokkanen // Nordic Cosmopolitanism: Essays in International Law for Martti Koskenniemi / ed. by J. Petman, J. Klabbers. Leiden: Martinus Nijhoff, 2003. P. 315.

[1073] Киотский протокол 1997 г. к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г., Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г. к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г., Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г., Орхусская конвенция 1998 г., Киевский протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2003 г., Парижское соглашение 2015 г. и др.

[1074] Медведева М. А. Разрешение споров в области охраны окружающей среды в контексте фрагментации современного международного права / М. А. Медведева // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 71-79.

[1075] Redgwell C. Non-Compliance Procedures and the Climate Change Convention / C. Redgwell // Inter-Linkages: The Kyoto Protocol and the International Trade and Investment Regimes / ed. by W. B. Chambers. Tokyo: United Nations University Press, 2001. P. 44; Fitzmaurice M. A. Environmental Non-Compliance Procedures and

договорных обязательств; обеспечение деятельности многостороннего форума для разрешения или предотвращения споров; обеспечение в случае несоблюдения доступа к более мягкому и менее юридизированному механизму (квазисудебному органу), нежели традиционные процедуры разрешения споров; заставить государство соблюдать нормы международного договора, а не накладывать санкции за несоблюдение или назначить компенсацию потерпевшей стороне; облегчение доступа к процедуре разрешения спора, поскольку для инициирования процедуры соблюдения достаточно воли одной из сторон и не требуется согласия нарушающего государства.

Важной составляющей процедуры соблюдения является мониторинг и постмониторинг. Специалисты справедливо отмечают, что отсутствие регулярной детальной и беспристрастной системы отчетности делает надзор за осуществлением государствами положений МЭС невозможным[1076]. Возможность получения информации о соблюдении или несоблюдении государствами обязательств в рамках процедуры соблюдения можно назвать формой контроля за исполнением. Если данные мониторинга свидетельствуют о нарушении государством положений МЭС, а процедура соблюдения в МЭС отсутствует, то государства – участники этого МЭС могут прибегнуть к традиционным процедурам разрешения споров.

Обобщив процедуры соблюдения различных МЭС, можно выделить наиболее характерные их черты[1077]. Большинство МЭС предусматривают создание специального комитета, куда входит определенное число представителей государств – членов соглашения, что свидетельствует скорее о дипломатической природе процедуры, нежели о судебной. После рассмотрения жалобы указанный комитет подает отчет пленарному органу, в

International Law / M. A. Fitzmaurice, C. Redgwell // Netherlands Yearbook of International Law. 2000. Vol. 31. P. 35-65.

[1076] Szell P. The Development of Multilateral Mechanisms for Monitoring Compliance / P. Szell // Sustainable Development and International Law / ed. by W. Lang. London: Kluwer Law International, 1995. P. 98.

[1077] Klabbers J. Compliance Procedures / J. Klabbers // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 998.

качестве которого выступает ежегодная КС. Инициировать рассмотрение вопроса в рамках процедуры соблюдения может государство – участник МЭС, секретариат данного МЭС или само государство-нарушитель (путем подачи ежегодного доклада). Орхусская конвенция открывает доступ к процедуре соблюдения для НПО и физических лиц (ст. 15)[1078]. В целом создание процедуры соблюдения и механизм ее работы предусматриваются либо положениями МЭС, либо Протоколом к нему, либо решениями КС.

Важным является вопрос обязательности исполнения решения и применения возможных санкций за невыполнение предписаний. В принципе, сама природа рассматриваемой процедуры является рекомендательной; процедура призвана способствовать выполнению положений МЭС, оказанию помощи (например, передача технологий), обмену информацией. Итоговое решение процедуры соблюдения может предусматривать обязанность государства разработать план действий по соблюдению. Однако если государство не сотрудничает и не выполняет решений, то к нему могут быть приняты меры по возвращению к соблюдению обязательств.

В рамках настоящего исследования рассмотрим деятельность нескольких наиболее важных комитетов по соблюдению[1079].

Комитет по соблюдению Монреальского Протокола 1987 г. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г. к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г. – это один из первых международных договоров, где появилась процедура соблюдения. Как отмечается в правовой литературе, «это первое международное соглашение, заполнившее пробел между процедурой мирного разрешения споров и процедурой отчетности появлением новой значительной процедуры – процедуры соблюдения»[1080]. До сих пор процедура соблюдения,

[1078] Подробнее см.: Солнцев А. М. Как заставить государства соблюдать экологические права человека? / А. М. Солнцев, Н. А. Петрова // Международное право International Law. 2010. № 4 (44). С. 41-49.
[1079] Подробнее см.: Отрашевская А. М. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств / А. М. Отрашевская, А. М. Солнцев, П. Н. Юсифова // Московский журнал международного права. 2023. № 1. С. 47-75.
[1080] Szell P. The Development of Multilateral Mechanisms for Monitoring Compliance / P. Szell // Sustainable Development and International Law / ed. by W. Lang. London: Kluwer Law International, 1995. P. 99.

разработанная в рамках Монреальского Протокола, остается одной из наиболее динамично развивающихся процедур и примером для других МЭС[1081].

В статье 8 Монреальского протокола говорится: «На своем первом очередном Совещании Стороны (СС) рассматривают и утверждают процедуры и организационный механизм определения факта соблюдения положений настоящего Протокола и то, как следует относиться к Сторонам, не соблюдающим Протокол». Процедура соблюдения разрабатывалась и изменялась, начиная с 1990-х годов. В своем современном виде она действует на основании Решения, принятого на СС в Каире в 1998 г.[1082] Возбудить процедуру соблюдения может государство или Секретариат Монреальского Протокола.

В 1990 г. были приняты Лондонские поправки к Монреальскому Протоколу[1083], в пункте 5 статьи 10 которых говорится, что «Стороны учреждают Исполнительный комитет для разработки и осуществления конкретной оперативной политики, руководящих принципов и административных мер...». Одной из функций этого Исполнительного комитета является рассмотрение жалоб в рамках процедуры соблюдения. После рассмотрения Комитет выносит решение, которое уже окончательно принимается на ежегодном СС. В случае если государство покорно ведет себя, просит об оказании помощи, то решение СС также ограничивается лишь положениями о мерах, которые необходимо принять государству-нарушителю на национальном уровне, и об оказании ему необходимой помощи (финансовой, технической и т. д.). Однако если государство не исполняет принятых СС решений, то против него могут применяться серьезные меры вплоть до ограничения экспорта. В рамках Монреальского Протокола в

[1081] Klabbers J. Compliance Procedures / J. Klabbers // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 997.

[1082] См.: Report of the Tenth Meeting of the Parties to the Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer: UNEP/OzL.Pro.10/9, Annex II (Non-compliance procedure). Cairo, 1998. 3 December. URL: https://ozone.unep.org/Meeting_Documents/mop/10mop/MOP_10.shtml (дата обращения: 29.07.2026).

[1083] Приняты 29 июня 1990 г. на втором Совещании Сторон Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, проходившем в Лондоне 27-29 июня 1990 г.

качестве превентивных мер предусмотрена также процедура «потенциального несоблюдения». В целом процедура соблюдения Монреальского Протокола используется довольно часто. Отметим, что Россия тоже признавалась виновной в рамках процедуры соблюдения и долгое время не желала сотрудничать в целях выполнения положений Монреальского протокола, но позже все-таки согласилась на финансовую помощь для переоснащения оставшихся семи фреоновых производств[1084]. Другой российской проблемой является применение в ракетно-космической отрасли хладона 113 (ХФУ 113) – озоноразрушающего вещества, производство которого запрещено Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г. к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.[1085]

История вопроса такова. В 1970-х годах при очистке узлов и сборочных единиц ракет-носителей, работающих на экологически безопасных видах топлива (кислород, керосин), – в основном топливных баков, трактов пневмо- и гидросистем, двигательных установок, узлов автоматики – стал применяться фреон-113, выпускавшийся в СССР, а впоследствии и в России под наименованием хладон-113[1086]. Универсальность хладона 113 делает его применение предпочтительным в стратегически важных сферах, где требуется высокая степень контроля очистки (до 1 микрона). Когда Россия присоединилась к Монреальскому протоколу, это повлекло запрет на производство ХФУ 113. В перспективе озоноопасный хладон должны заменить другие, менее опасные продукты. Но пока абсолютной и эффективной альтернативы ХФУ 113 не найдено и не внедрено в российскую ракетно-космическую промышленность (что связано и со сложными процедурами испытаний, жесткими отраслевыми стандартами, обеспечивающими высокую надежность космической техники), Россия по

[1084] См., например: Werksman J. Compliance and Transition: Russia's Non-Compliance Tests the Ozone Regime / J. Werksman // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 1996. Vol. 56. P. 750-773.
[1085] См.: Жуков Г. П. Проблемы экологически устойчивого использования ракетно-космической техники / Г. П. Жуков, А. М. Солнцев // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11 (30). С. 87-94.
[1086] Newchemistry.ru: аналитический портал химической промышленности [Электронный ресурс]. URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=6811 (дата обращения: 20.03.2026).

согласованию с другими сторонами Монреальского протокола получает квоты на его производство и применение (только для нужд ракетно-космической промышленности) до 01.01.2030 г.[1087]

Комитет по соблюдению Киотского протокола 1997 г. Наиболее детализированную процедуру соблюдения предлагает Киотский протокол к РКИК 1992 г.[1088] Процедура была окончательно разработана на КС-7 РКИК[1089] и в настоящее время наиболее приближена к судебной процедуре. Она предусматривает условия допустимости жалобы, процедурные гарантии, возможность апелляции и т. д. Реализуются два направления деятельности Комитета по соблюдению Киотского протокола – предотвращение появления проблем несоблюдения и принятие принудительных мер после его нарушения. Правила процедуры соблюдения содержат условия приемлемости жалобы, допустимости информации и варианты применяемых санкций[1090]. В целом в доктрине и официальных документах не без основания отмечается, что если решение органа о несоблюдении будет содержать «юридическое консультирование или правовую помощь», то это свидетельствует о наличии элемента судебной процедуры в процедуре соблюдения[1091].

Киотским протоколом к РКИК предусмотрены различные договорные экспертные органы, члены которых действуют в своем личном качестве. Комитет по соблюдению Киотского протокола рассматривает отдельные случаи несоблюдения и правомочен устанавливать факты нарушения Протокола. Основными задачами групп экспертов по рассмотрению являются

[1087] Среди «особо важных видов потребления» ХФУ 113 можно указать такие специфические направления: производство систем управления – ФГУП «НПЦ АП им. академика Н. А. Пилюгина»; производство мощных ЖРД – ОАО «НПО «Энергомаш им. академика В. П. Глушко»; производство ракет-носителей и разгонных блоков – КБ «Салют» ФГУП «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева».

[1088] Redgwell, C. Non-Compliance Procedures and the Climate Change Convention / C. Redgwell // Inter-Linkages: The Kyoto Protocol and the International Trade and Investment Regimes / ed. by W. B. Chambers. Tokyo: United Nations University Press, 2001. P. 43-67.

[1089] Decision 24/CP.7. «Procedures and mechanisms relating to compliance under the Kyoto Protocol»: документ ООН FCCC/CP/2001/13/Add.3 от 10 ноября 2001 г. См. также: Report of the Conference of the Parties on its Seventh Session, Held at Marrakesh from 29 October to 10 November 2001, Addendum 3. UN Doc. FCCC/CP/2001/13/Add.3. P. 62-77.

[1090] Доклад о работе первого совещания Конференции Сторон, выступающей в качестве совещания сторон протокола по биобезопасности: документ UNEP/CBD/BS/COP-MOP/1/15 от 14 апреля 2004 г. P. 98-101.

[1091] Compliance Mechanism under Selected Multilateral Environmental Agreements / Gregory F. Rose. Nairobi: UNEP, 2007. 142 p.

рассмотрение информации об установленных количествах нарушений согласно пунктам 7 и 8 статьи 3 Киотского протокола и обеспечение того, чтобы Конференция сторон, действующая в качестве совещания сторон Киотского протокола, и Комитет по соблюдению располагали надлежащей информацией[1092].

Комитет по соблюдению состоит из двух подразделений: подразделения по стимулированию и подразделения по обеспечению соблюдения. Каждое подразделение включает 10 членов, действующих в своем личном качестве. Они «должны обладать признанной компетенцией в вопросах, касающихся изменения климата, и в смежных областях, таких как научная, техническая, социально-экономическая и юридическая области»[1093].

Подразделение по стимулированию оказывает консультативные услуги и содействие в предоставлении помощи отдельным участникам, но не определяет юридически обязательных вопросов несоблюдения. Члены подразделения по обеспечению соблюдения должны иметь также опыт в юридической области. Подразделение по обеспечению соблюдения отвечает за определение случаев несоблюдения каких-либо обязательств. Кроме того, это подразделение разбирает случаи разногласия между сторонами и группами экспертов по рассмотрению в отношении поправок или корректировок, предложенных группами экспертов по рассмотрению государствам-участникам.

Ответственность подразделения по обеспечению соблюдения за определение случаев несоблюдения основывается на статье 18 Киотского протокола. Может показаться, что термин «определение» свидетельствует о том, что решения являются окончательными (если они не отменены в порядке обжалования) и имеют обязательную силу, однако в статье 18 конкретно указывается, что для этого в Протокол необходимо внести поправку.

[1092] Решение 23/CP.7 «Руководящие принципы для рассмотрения согласно статье 8 Киотского протокола»: документ FCCC/CP/2001/13/Add.3 от 21 января 2002 г.

[1093] Решение 24/CP.7 «Процедуры и механизмы, связанные с соблюдением, согласно Киотскому протоколу»: документ FCCC/CP/2001/13/Add.3 от 21 января 2002 г.

Изучением докладов групп экспертов по рассмотрению, предоставлением общих политических руководящих указаний, рассмотрением апелляций и вынесением решений по ним может заниматься Конференция сторон, действующая в качестве совещания сторон Киотского протокола, и принятие решений о правовой форме процедур и механизмов, связанных с соблюдением, является ее прерогативой.

Как и в случае с другими экспертными органами, в отношении механизма соблюдения Киотского протокола поднимался вопрос о юридической значимости решений Комитета по соблюдению для целей толкования. Например, в деле, касающемся Хорватии и ее расчета установленного количества CO_2 (2009 г.), группа экспертов по рассмотрению постановила, что то, каким образом Хорватия рассчитала свое установленное количество CO_2, не соответствует пунктам 7 и 8 статьи 3, а также пункту 4 статьи 7 Киотского протокола[1094]. Хорватия добавила 3,5 млн тонн эквивалента CO_2 к уровню выбросов за базовый год, сославшись на статью 4 Конвенции об изменении климата (обеспечивающую гибкость для сторон, которые осуществляют процесс перехода к рыночной экономике) и решение 7/CP.12 (которым разрешается добавить 3,5 млн тонн). Подразделение по обеспечению соблюдения заняло ту же позицию, что и группа экспертов по рассмотрению, и заявило, что решение 7/CP.12, которое было принято в соответствии с Конвенцией, не может применяться к расчету в соответствии с Киотским протоколом[1095]. Хорватия возразила: «Совершенная [подразделением по обеспечению соблюдения Комитета по соблюдению] ошибка вызвана главным образом грамматическим толкованием этого положения, что противоречит Конвенции и решениям [Конференции сторон], в частности решению 9/CP.2.

[1094] Report of the review of the initial report of Croatia: документ FCCC/IRR/2008/HRV. Para. 157 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/kyoto_protocol/compliance/plenary/application/pdf/cc_ert_irr_2009_2_report_of_the_review_of_ir_of_croatia.pdf (дата обращения: 27.09.2026).

[1095] Compliance Committee under the Kyoto Protocol to the UNFCCC, Enforcement Branch. CC-2009-1-6/Croatia/EB, Preliminary finding [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/kyoto_protocol/compliance/enforcement_branch/application/pdf/cc-2009-1-6_croatia_eb_preliminary_finding.pdf (дата обращения: 27.08.2026).

Вместо грамматического толкования [подразделению по обеспечению соблюдения Комитета по соблюдению] следовало прибегнуть к телеологическому толкованию, при котором основное внимание уделяется намерению сторон Конвенции с учетом особых обстоятельств каждой из сторон. Такое толкование позволило бы [подразделению по обеспечению соблюдения Комитета по соблюдению] принять справедливое и беспристрастное решение в отношении Хорватии при уважении Конвенции, решения 7/CP.12, особых исторических условий Хорватии, а также положений [Киотского протокола]»[1096].

В своем окончательном решении от 26 ноября 2009 года подразделение по обеспечению соблюдения выразило несогласие: «После всестороннего рассмотрения дальнейшего письменного представления Хорватии подразделение по обеспечению соблюдения приходит к выводу, что в представлении не приведено достаточных оснований для изменения предварительного заключения этого подразделения. В этой связи подразделение отмечает следующее: согласно статье 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и обычному международному праву, договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. При рассмотрении представленных ему вопросов, касающихся осуществления, подразделение по обеспечению соблюдения следовало этому общему правилу и не было убеждено в необходимости использования иного метода толкования»[1097].

Хорватия подала в Конференцию сторон, действующую в качестве совещания сторон Киотского протокола, апелляцию против окончательного

[1096] Решение Подразделения по обеспечению соблюдения Комитета по соблюдению Киотского протокола по вопросу осуществления: документ CC-2009-1-7/Croatia/EB.
[1097] Окончательное решение подразделения по обеспечению соблюдения по вопросу осуществления: документ CC-2009-1-8/Croatia/EB.

решения подразделения по обеспечению соблюдения[1098], которую, однако, она отозвала до того, как Конференция сторон рассмотрела это дело[1099].

Следует отметить, что Комитет по соблюдению Киотского протокола располагает лишь ограниченными возможностями для толкования. В пункте 1 раздела XV решения 24/CP.7 приводится конкретный перечень последствий, применяемых в различных случаях. Комитет может обладать некоторыми дискреционными полномочиями в отношении определения санкций, но при этом, как правило, не затрагиваются соответствующие вопросы толкования. Как показывает пример Хорватии, могут возникнуть исключительные случаи, в которых Комитету по соблюдению в целях выполнения своей функции приходится толковать договор таким образом, что это может вызвать разногласия. Вместе с тем в таких случаях за Конференцией сторон, действующей в качестве совещания сторон Киотского протокола, остается последнее слово, и у нее нет необходимости определять, основывается ли решение Комитета по соблюдению на надлежащем толковании договора. Если этот вопрос возникнет в суде или ином органе, то этому учреждению следует проанализировать, были ли задействованы при принятии решения Комитета по соблюдению специалисты в области права и в какой степени.

Решения Комитета по соблюдению вносят вклад в практику применения международного договора. Вместе с тем было бы слишком большим преувеличением думать, что решения подразделения по обеспечению соблюдения могут оказать такое влияние на определение применимого права в контексте международного климатического режима, которое было бы аналогичным последствиям судебных решений на международном уровне, являющихся одним из вспомогательных источников международного права.

[1098] Appeal by Croatia against a Final Decision of the Enforcement Branch of the Compliance Committee. UN Doc. FCCC/KP/CMP/2010/2 of 19 February 2010; Comments from Croatia on the Final Decision (CC-2009-1-8/Croatia/EB). – Enforcement Branch of the Compliance Committee, CC-2009-1-9/Croatia/EB of 4 January 2010.

[1099] Withdrawal by Croatia of its appeal against a final decision of the enforcement branch of the Compliance Committee. UN Doc. FCCC/KP/CMP/2011/2 of 16 August 2011.

Комитет по осуществлению и соблюдению Парижского соглашения. В Парижском соглашении 2015 г. для содействия осуществлению и поощрения соблюдения положений договора в соответствии со статьей 15 был учрежден специальный механизм.[1100] Данный механизм состоит из Комитета, деятельность которого носит стимулирующий характер и не направлена на урегулирование споров, применение наказания и установление санкций.

По итогам работы 21-й сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции по изменению климата, которая проходила в 2015 г., было предложено, чтобы в Комитет входили 12 членов, обладающих соответствующей компетенцией в научной, технической, социально-экономической или юридической областях, и которые будут избираться на основе принципа справедливого географического представительства: по два члена от каждой из пяти региональных групп ООН и по одному члену от малых островных развивающихся государств и от наименее развитых стран[1101]. Также Специальной рабочей группе по Парижскому соглашению было предложено разработать условия и процедуры для эффективного функционирования Комитета и представить результаты своей работы до первого совещания Конференции Сторон, которая будет действовать в качестве Сторон Парижского соглашения (далее КСС)[1102].

На сессии КСС 1-3, которая проходила в декабре 2018 г. в Катовице[1103], были приняты предложения, представленные на 21-й сессии КС, а также условия и процедуры механизма для содействия осуществлению и поощрения соблюдения. Таким образом, КСС: а) избирает членов и их заместителей в

[1100] Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) Статья 15. [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

[1101] Доклад Конференции Сторон о работе ее двадцать первой сессии, состоявшейся в Париже с 30 ноября по 13 декабря 2015 г. Решение 1/CP.21 Принятие Парижского соглашения. FCCC/CP/2015/10/Add.1 (29 January 2016). Пункт 102 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/10a01r.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[1102] Доклад Конференции Сторон о работе ее двадцать первой сессии, состоявшейся в Париже с 30 ноября по 13 декабря 2015 г. Решение 1/CP.21 Принятие Парижского соглашения. FCCC/CP/2015/10/Add.1 (29 January 2016). Пункт 103 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/10a01r.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[1103] Первая сессия КСС проходила в три этапа: 1 – Марракеш 2016 г., 1-2 – Бонн 2017 г., 1-3 Катовице 2018 г.

Комитет сроком на три года и с возможностью переизбрания единожды[1104]; б) предоставляет возможность Комитету из своего состава избирать двух сопредседателей (при этом один из Сопредседателей от Стороны должен быть обязательно представителем развитой страны, а другой Сопредседатель – развивающейся[1105]); в) обязывает Комитет проводить совещание не реже двух раз в год[1106]; г) устанавливает, что решение Комитета считается принятым, если за него проголосовало ¾ из присутствующих и участвующих членов, при этом общее число членов присутствующих на голосовании должно быть не менее 10[1107]. В числе принятых положений были и те, которые посвящены инициированию вопросов и ходу процедур рассмотрения таких вопросов, принятию надлежащих мер, выводов и рекомендаций и рассмотрению системных вопросов Комитетом. В связи с тем, что по итогам четвертой сессии КСС эти положения были усовершенствованы и дополнены, они будут рассмотрены подробнее чуть ниже.

На 3-й сессии ККС были утверждены правила процедуры, касающиеся институциональных механизмов Комитета по содействию осуществлению и поощрению соблюдения, которые посвящены роли заместителей членов, обязанностям и правилам поведения членов и заместителей членов, предотвращению возможности возникновение конфликта интересов между членами и заместителями членов, избранию, роли и функциям Сопредседателей, месту проведения совещаний, разработке, препровождению

[1104] Приложение к Решению 20/CMA.1. Условия и процедуры для эффективного функционирования механизма для содействия осуществлению и поощрения соблюдения, упомянутого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2018/3/Add.2 (19 March 2019). Пункт 7 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/decisions (дата обращения: 12.01.2026).

[1105] Приложение к Решению 20/CMA.1. Условия и процедуры для эффективного функционирования механизма для содействия осуществлению и поощрения соблюдения, упомянутого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2018/3/Add.2 (19 March 2019). Пункт 11 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/decisions (дата обращения: 12.01.2026).

[1106] Приложение к Решению 20/CMA.1. Условия и процедуры для эффективного функционирования механизма для содействия осуществлению и поощрения соблюдения, упомянутого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2018/3/Add.2 (19 March 2019). Пункт 12 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/decisions (дата обращения: 12.01.2026).

[1107] Приложение к Решению 20/CMA.1. Условия и процедуры для эффективного функционирования механизма для содействия осуществлению и поощрения соблюдения, упомянутого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2018/3/Add.2 (19 March 2019). Пункт 15, 16 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/decisions (дата обращения: 12.01.2026).

и утверждению повестки дня совещаний, процедуре принятия решений и голосованию, а также полномочиям наблюдателей и Секретариата[1108].

На 4-й сессии КСС были утверждены правила процедуры комитета по содействию осуществлению и поощрению соблюдения, дополнившие и развившие условия и процедуры, которые были установлены на первой КСС, а также были продублированы правила, принятые решением 24/CMA.3 на третьей сессии КСС.

В соответствии с принятыми правилами процедур любая Сторона через свой координационный центр может направить в Комитет через Секретариат письменное представление в отношении собственного осуществления и/или соблюдения любого положения Парижского соглашения[1109]. Данное заявление должно подробным образом описывать проблему, в нем также дополнительно должны быть указаны причины возникновения таких проблем, основание, в соответствии с которым сторона подала такое заявление, и национальные возможности государства. В течение трех месяцев с момента подачи заявления Комитет предварительно его изучает и на основе этого принимает решение начать рассмотрение вопросов или отказать Стороне.

Каждая Сторона в соответствии с положениями Конвенции должна предоставлять информацию о национальном уровне вкладов в реестр с целью предотвращения изменения климата, доклады, «информацию в отношении национального кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов»[1110], информацию об уровне прогресса, который удалось достичь стороне на национальном уровне и информацию об

[1108] Доклад Конференции Сторон, действующей в качестве совещания Сторон Парижского соглашения, о работе ее третьей сессии, состоявшейся в Глазго с 31 октября по 13 ноября 2021 г. Решение 24/CMA.3. Правила процедуры комитета по содействию осуществлению и поощрению соблюдения, упоминаемого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2021/10/Add.3 (8 March 2022) [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/decisions (дата обращения: 12.01.2026).

[1109] Проект решения – /CMA.4 Правила процедуры комитета по содействию осуществлению и поощрению соблюдения, упоминаемого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. Четвертая сессия Конференции Сторон, действующая в качестве совещания Сторон Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2022/L.1. (14 ноября 2022 г.). Правило 17 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/event/cma-4?item=16 (дата обращения: 13.01.2026).

[1110] Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.). Пункт 7 статьи 13 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

оказанной финансовой и технологической помощи. Каждая Сторона обязана также принимать участие в стимулирующем, многостороннем рассмотрении прогресса в отношении оказания Сторонами финансовой поддержки, передачи технологий, укреплении потенциала. Кроме того, развитые страны должны дополнительно сообщать об объеме оказанной развивающимся странам финансовой поддержки с целью предотвращения изменения климата[1111]. Если сторона за месяц до начала заседания КСС не представила такой информации или не приняла участия в рассмотрении вопроса, или если было выявлено на основе ранее принятых рекомендаций и руководящих принципов, что такая информация выявляет значительные или постоянные несоответствия, Комитет принимает решение о рассмотрении вопросов, после чего уведомляет об этом Сторону с обоснованием своей позиции. Соответствующая Сторона может принимать участие в обсуждениях Комитета, за исключением стадии, на которой будут приниматься решения. Итогом деятельности Комитета является принятие надлежащих мер, которые должны учитывать выводы и рекомендации, представленные ей соответствующей Стороной, а также ее национальные возможности и обстоятельства. К числу надлежащих мер, предпринимаемых Комитетом, могут быть отнесены: проведение диалога с соответствующей Стороной; оказание помощи по вопросам финансирования, технологии и укрепления потенциала; вынесение рекомендаций с последующей их передачей конкретным органам; разработка плана действий[1112].

Комитет может также выявлять проблемные вопросы системного характера, с которыми сталкиваются Стороны в ходе осуществления и соблюдения положений Соглашения[1113]; с таким же вопросом к Комитету

[1111] Проект решения – /CMA.4 Правила процедуры комитета по содействию осуществлению и поощрению соблюдения, упоминаемого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2022/L.1. (14 November 2022). Правила 18-20 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/event/cma-4?item=16 (дата обращения: 13.01.2026).

[1112] Проект решения – /CMA.4 Правила процедуры комитета по содействию осуществлению и поощрению соблюдения, упоминаемого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения. Четвертая сессия Конференции Сторон, действующая в качестве совещания Сторон Парижского соглашения. FCCC/PA/CMA/2022/L.1. Правило 22 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/event/cma-4?item=16 (дата обращения: 13.01.2026).

[1113] Там же. Правила 32.

может обратиться КСС. Итогом деятельности Комитета в этом направлении является вынесения рекомендации.

За время своей работы Комитет по осуществлению и соблюдению Парижского соглашения провел 17 сессий, на которых были рассмотрены различные вопросы, в частности организационные, технические, процедурные, вопросы финансирования и др.[1114]

Комитет по соблюдению СИТЕС. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) была подписана 3 марта 1973 года (Вашингтон, США) и вступила в силу 1 июля 1975 года. Сторонами СИТЕС являются 182 страны и ЕС. Российская Федерация является продолжателем членства СССР, который ратифицировал СИТЕС 8 декабря 1976 года[1115].

Строгое соблюдение Конвенции является необходимым для успешного выполнения ее целей. Механизмы соблюдения дорабатывались путем принятия документов на конференциях сторон (КС) государств – членов СИТЕС (ст. XI СИТЕС предусматривает проведение КС). Согласно П. Санду, несмотря на спорность юридической обязательности положений резолюций КС, СИТЕС подразумевает проведение квазиправового процесса, появившегося в результате эволюции самой Конвенции. Зачатки механизма соблюдения появились на КС VIII (Киото, Япония, 1992 г.), где была принята резолюция 8.4 (*Rev. CoP15*)[1116], направленная на выявление Секретариатом Конвенции стран, которые не приняли национальные нормативно-правовые акты, имеющие отношение к регулированию торговли видами, попадающими под действие СИТЕС. Однако наибольшее развитие механизм соблюдения получил на КС XI (Джегири, Кения, 2000 г.), в ходе которой была принята

[1114] Report of the 8th meeting of the Paris Agreement Implementation and Compliance Committee. PAICC/2022/M8/3 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/PAICC%208%20meeting%20report.pdf (accessed 02.02.2026).
[1115] List of Parties to the Convention // CITES. Geneva: CITES Secretariat [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/eng/parties/country-profiles/ru (дата обращения: 12.01.2026).
[1116] Conf. 8.4 (Rev. CoP15) National laws for implementation of the Convention [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-08-04-R15_0.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

первая специальная резолюция *11.3* (*Rev. CoP18*)[1117], подробно описывающая меры, которые необходимо предпринимать на национальном и международном уровнях. С учетом поправок, внесенных на КС XVIII, международный механизм соблюдения раскрывается через взаимодействие с Интерполом и Всемирной таможенной организацией (ст. 15). Причем представители рабочей группы Интерпола по преступлениям, связанным с миром дикой природы, призываются к участию на заседаниях КС (ст. 21). Отдельная роль в этой резолюции уделяется Международному Консорциуму по борьбе с преступлениями, связанными с миром дикой природы (*The International Consortium on Combating Wildlife Crime, ICCWC*), созданному в 2010 г. (Санкт-Петербург, Россия) как организация-площадка для взаимодействия пяти субъектов: Секретариата СИТЕС, Интерпола, Управления ООН по наркотикам и преступности, Группы Всемирного банка и Всемирной таможенной организации. Главная его задача – предоставление технической, информационной и финансовой поддержки национальным органам, отвечающим за разработку правовой базы для предотвращения преступлений, связанных с миром дикой природы[1118].

Другим примером международного механизма является учреждение Программы помощи соблюдению (*Compliance Assistance Programme, CAP*) на КС XVIII (Женева, Швейцария, 2019 г.) для оказания целевой поддержки странам, которые испытывают трудности в предотвращении нарушения положений Конвенции и в следовании рекомендациям Постоянного комитета СИТЕС. Постоянный комитет предоставляет Секретариату руководящие указания относительно реализации Конвенции, контролирует использование бюджета Секретариатом, координирует и контролирует работу других

[1117] Conf. 11.3 (Rev. CoP18). Compliance and enforcement [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-11-03-R18.pdf (дата обращения: 25.08.2026).
[1118] CITES. The International Consortium on Combating Wildlife Crime [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/eng/prog/iccwc_new.php (дата обращения: 14.01.2026).

комитетов и рабочих групп, выполняет задачи, поставленные перед ним КС, и разрабатывает проекты резолюций для их рассмотрения КС[1119].

Следующим документом, регламентирующим процедуры соблюдения, является Приложение Резолюции 14.3 (*Rev. CoP18*)[1120] – *Руководство по процедурам соблюдения Конвенции* (далее – Руководство), принятое на КС XIV (Гаага, Нидерланды, 2007 г.). В основе механизмов соблюдения лежат подходы, направленные на поддержку стран и создание условий, предотвращающих нарушение положений, а не борющихся с уже проявившимися негативными последствиями несоблюдения (ст. 4).

В Руководстве раскрываются ключевые функции органов СИТЕС в сфере соблюдения, которые можно разделить на две группы – управленческие и исполнительные. К управленческим можно отнести КС, которая, согласно статье 10: принимает общие руководящие указания по вопросам соблюдения требований; направляет и контролирует решение вопросов соблюдения; рассматривает решения Постоянного комитета, касающиеся конкретных вопросов соблюдения; делегирует полномочия Постоянному комитету и/или иным структурам в рамках СИТЕС. Исполнительные функции несет Постоянный Комитет, который, согласно статье 12, занимается: мониторингом и оценкой общего соблюдения обязательств Конвенции; консультированием и помощью Сторонам в ее соблюдении; проверкой информации и отклонением необоснованных мер, предоставленных сторонами Конференции в рамках ключевого механизма соблюдения – нормативно-правовых актов на национальном уровне. Помощь Постоянному комитету по вопросам проведения необходимых обзоров, консультаций, оценки, отчетности и мониторинга оказывают Комитет по животным, Комитет по растениям и Секретариат.

[1119] Абатурова В. А. Соблюдение Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. (СИТЕС): проблемы и перспективы / В. А. Абатурова, Р. М. Бадретдинов, А. М. Солнцев // Международный правовой курьер. 2021. № 4. С. 1-9.

[1120] Conf. 11.3 (Rev. CoP18). Compliance and enforcement [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-11-03-R18.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

Согласно статье 16 Руководства, когда Секретариат получает уведомление о несоблюдении какой-либо стороной Конвенции положений СИТЕС, ей направляется запрос. В случае невыполнения данной стороной мер по исправлению ситуации за разумный период времени дело, согласно статье 21, передается на рассмотрение в Постоянный комитет, который имеет право отправить письменное предупреждение, требующее отчетности или плана действий от стороны и предоставляющее рекомендации по решению существующей проблемы несоблюдения (ст. 29). В крайнем случае (при бездействии виновной стороны) Постоянный комитет имеет право рекомендовать КС ввести эмбарго на торговлю одним или несколькими видами организмов из списка СИТЕС (ст. 30).

Если рассматривать конкретные примеры процедур соблюдения, то к ним, помимо упомянутых выше общей отчетности и нормативно-правовых актов на национальном уровне[1121], можно отнести предоставление обзоров торговли в крупных масштабах организмами, включенными в Приложение II[1122], обзоров торговли организмами, выращенными в неволе, и национальные планы по содействию предотвращению торговли слоновой костью[1123].

Конвенция СИТЕС — это яркий пример эффективности применения экономических санкций, в том числе торговых эмбарго, которые практически во всех случаях нарушения договоренностей приводили стороны к выполнению требований. При этом эффективность была дополнительно подтверждена независимым внешним аудитом 2004 г. по запросу Постоянного комитета.

Правовой основой для введения санкций является пункт 1a статьи XIV. СИТЕС, который не ограничивает права стороны на «более строгие внутренние меры относительно условий торговли, добычи, владения или

[1121] Conf. 14.3 (Rev. CoP18). CITES compliance procedures [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-14-03-R18.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
[1122] Conf. 12.8 (Rev. CoP18). Review of Significant Trade in specimens of Appendix-II species [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-12-08-R18.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
[1123] Conf. 10.10 (Rev. CoP18). Review of Significant Trade in specimens of Appendix-II species [Электронный ресурс]. URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-10-10-R18.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

перевозки образцов видов, включенных в Приложения I, II и III, или меры полного запрета на это». Из этой статьи Конвенции следует, что страны имеют юридические основания для введения односторонних торговых эмбарго в соответствии с международно-правовыми нормами.

Статья XIII Конвенции регламентирует случаи несоблюдения договора и определяет процедуру рассмотрения каждого конкретного случая. Если нарушения какой-либо страной механизмов, предусмотренных Конвенцией, не разрешаются путем переговоров между стороной и Секретариатом СИТЕС (в соответствии со ст. XIII) или Постоянным комитетом, Конференция или Постоянный комитет могут в качестве крайнего средства воздействия рекомендовать эмбарго (приостановка любой торговли образцами одного или нескольких видов, включенных в список СИТЕС). Данная система позволяет запретить торговлю не только конкретным видом из Приложения Конвенции, но также и другими видами, что, в свою очередь, влечет за собой экономический ущерб из-за нереализации легальной торговли. С учетом того, что Конвенция является универсальной, такие методы экономического давления оказываются эффективными и позволяют сторонам соблюдать пункты соглашения практически во всех случаях.

Однако в практике реализации санкций встречаются случаи, требующие вмешательства суда. Такое разбирательство имело место между Францией и Еврокомиссией в период с 1986 по 1990 г. В *«Деле о боливийском мехе»* (*Bolivian Furskins case*) Судом ЕС рассматривались действия в отношении импорта меха оцелота из Боливии во Францию после торгового эмбарго, введенного СИТЕС резолюцией 5.2 (1985), и его применения в соответствии с Постановлением ЕС 3626/8266. Французское правительство придерживалось точки зрения, что Постановление носило лишь рекомендательный характер без юридических обязательств. Однако Суд ЕС постановил, что, разрешив импорт, Франция не выполнила своих обязательств в соответствии с

постановлением о применении Конвенции, не соблюдая «более строгих внутренних правил»[1124].

Конвенция СИТЕС является достойным примером эффективности международного экологического права прежде всего благодаря прогрессивному развитию и применению на практике новаторских методов по принуждению государств к соблюдению ее положений. Важно отметить эволюционный характер СИТЕС, поскольку некоторые механизмы появились в процессе обсуждения на конференциях сторон СИТЕС и были первоначально консенсуально закреплены в резолюциях КС, а позднее детально прописаны в кодифицирующем акте «Руководящие принципы по соблюдению Конвенции» 2007 г., который применялся на практике уже более 40 раз в отношении государств, нарушивших положения СИТЕС. Безусловно, остаются нерешенные проблемы, в том числе необходимость укрепления механизмов контроля за соблюдением принятых мер, особенно в развивающихся странах.

Орхусский комитет. Одним из наиболее успешных комитетов является Комитет, созданный на основе Орхусской конвенции. Конвенция «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» была разработана в рамках ЕЭК ООН и подписана 38 странами 25 июня 1998 года в датском городке Орхусе (по месту подписания Конвенцию принято называть «Орхусская Конвенция»). Конвенция требует от сторон гарантировать право на доступ к информации, право на участие в принятии решений и право на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, для того чтобы защитить право каждого человека нынешнего и будущих поколений жить в среде, благоприятной для его здоровья и достойной жизни. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан описал эту Конвенцию как «самый что ни на есть амбициозный и смелый замысел в деле создания “экологической

[1124] См.: Sand P. H. Enforcing CITES: The Rise and Fall of Trade Sanctions / P. H. Sand // Review of European, Comparative & International Environmental Law. 2013. Vol. 22. No. 3. P. 251-263.

демократии", который когда-либо воплощался в жизнь под эгидой Организации Объединенных Наций», а ее принятие как «гигантский шаг на пути развития международного права в области охраны окружающей среды»[1125]. Орхусская Конвенция – первый международный договор в области охраны окружающей среды, уделяющий внимание в первую очередь обязательствам государств перед международным сообществом и НПО.

Статья 15 Орхусской конвенции предусматривает принятие мер «неконфронтационного, несудебного и консультативного характера» для рассмотрения соблюдения положений Конвенции. Такие меры должны обеспечивать надлежащее участие общественности. Для реализации этого положения на первом Совещании сторон в итальянском городе Лукке в 2002 г. было принято Решение (I/7) о создании Комитета по соблюдению Конвенции (далее – Комитет). Этим Решением был создан Комитет в качестве основного органа для рассмотрения жалоб, были определены структура и функции Комитета, а также процедуры рассмотрения вопросов соблюдения требований Конвенции[1126].

Согласно статье 1 Решения в состав Комитета избираются на четыре года восемь членов[1127], которые «выполняют свои функции в личном качестве». Членами Комитета должны быть лица, являющиеся гражданами государств – членов Конвенции и подписавших ее участников, обладающие высокими нравственными качествами и признанной компетентностью в областях, к которым имеет отношение Конвенция, а также лица, имеющие юридический опыт (ст. 2 Решения). Следует отметить, что их кандидатуры могут выдвигаться не только государствами – участниками Конвенции, но и НПО (ст. 4 Решения).

[1125] Орхусская Конвенция: руководство по осуществлению: документ ООН ECE/CEP/72.

[1126] См.: Солнцев А. М. Как заставить государства соблюдать экологические права человека? / А. М. Солнцев, Н. А. Петрова // Международное право International Law. 2010. № 4 (44). С. 41-49.

[1127] Состав Комитета [Электронный ресурс]. URL: http://www.unece.org/env/pp/ccmembership.html (дата обращения: 25.11.2025). Некоторые эксперты являются всемирно известными учеными и авторами монографий по международному экологическому праву.

Комитет правомочен рассматривать представления государств-членов, обращения Секретариата и сообщения общественности[1128]. Однако условием принятия таких сообщений к рассмотрению, является то, что государство – участник Конвенции не взяло отсрочку в отношении механизма соблюдения по рассмотрению заявлений представителей общественности. Статья 18 Решения 1/7 предусматривает возможность государства – участника Конвенции «воспользоваться отсрочкой». В течение 12 месяцев после вступления Конвенции в силу для государства-участника оно может уведомить Генерального секретаря ООН о том, что оно не имеет возможности рассмотрения жалобы гражданина или объединения граждан. Если государство-участник представило такое уведомление, то в течение соответствующего периода, указанного в уведомлении, но не превышающего четырех лет, нельзя подавать заявления в отношении этого государства-участника. На данный момент ни одно государство не воспользовалось подобной отсрочкой.

Сообщения от представителей общественности в отношении государства-участника, для которого Конвенция вступила в силу, подаются в Комитет в письменном или в электронном виде и должны сопровождаться «подтверждающей информацией» (ст. 19 Решения). Согласно статье 20 Решения, Комитет принимает сообщения, не являющиеся анонимными, необоснованными, несовместимыми с положениями Конвенции или представляющими собой злоупотребление правом на представление такого сообщения. Комитет учитывает все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, если только их применение неоправданно не затягивается или если они явно не обеспечивают эффективных и достаточных средств удовлетворения. Однако требования исчерпать все внутренние средства нет

[1128] Согласно пункту 4 статьи 2 Орхусской конвенции, понятие [термин] «общественность» означает одно или более чем одно физическое или юридическое лицо и (в соответствии с национальным законодательством или практикой) их ассоциации, организации или группы.

(ст. 21 Решения), что является весьма прогрессивным моментом для современного международного права.

Комитет по соблюдению Орхусской Конвенции придает большое значение открытости и прозрачности в своей работе. Все документы Комитета доступны для общественности (в основном посредством доступа к его веб-сайту[1129]), а его заседания проводятся в открытом режиме. В соответствии со статьями 26, 27, 29, 30 Решения 1/7 о конфиденциальности информации, представители общественности могут участвовать в заседаниях Комитета в качестве наблюдателей. Комитет обычно предоставляет наблюдателям право представить свои комментарии и информацию, а затем принимает их к сведению во время своих совещаний. Такие НПО, как Earthjustice и Центр международного экологического права, регулярно участвуют в заседаниях Комитета и дают свои комментарии по каждому делу[1130]. Обычно лица, подающие сообщения в Комитет, и государства-ответчики получают приглашение принять участие в заседаниях по рассмотрению этих сообщений. Однако они не присутствуют во время обсуждений выводов по делу, предлагаемых мер и рекомендаций.

Что касается мер, принимаемых Комитетом, то они не являются традиционными для международных судебных органов, рассмотренных во второй главе диссертации. Эксперты Комитета исходят из того, что государства-участники ратифицируют и подписывают договоры с намерением принять на себя и выполнять обязательства по ним. По их мнению, в большинстве случаев неспособность государства-участника имплементировать и соблюдать положения Конвенции происходит от недостатка ресурсов, несовершенства внутренних средств правовой защиты или непредвиденных обстоятельств, а не от недостатка желания. Поэтому, как полагают эксперты, такие методы, как многосторонние консультативные

[1129] Комитет по соблюдению Орхусской конвенции: [сайт]. URL: http://www.unece.org/env/pp/ccBackground.htm (дата обращения: 25.11.2025).
[1130] Совещание сторон Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды: документ ООН ECE/MP.PP/C.1/2006/4 от 28 июля 2006 г.

процессы, содействие в соблюдении и формировании возможностей, являются наиболее эффективными[1131].

Стандартная процедура вынесения решений в рамках механизма соблюдения Орхусской конвенции состоит в том, что Комитет по соблюдению после рассмотрения дела делает выводы и дает рекомендации, которые включаются в доклад, представляемый Совещанию Сторон. Совещание, проходящее каждые два года, принимает окончательное решение. Таким образом, обычно Комитет делает рекомендации Совещанию **Сторон** по поводу мер, которые необходимо принять. Тем не менее пункты (a) статей 36 и 37 Решения 1/7 наделяют Комитет компетенцией давать (в консультации с соответствующим государством-участником) консультации и оказывать помощь отдельным государствам-участникам по вопросам, касающимся осуществления Конвенции. Более того, по согласованию с соответствующим государством-участником Комитет может принимать другие меры (хотя приоритет все равно имеет Совещание Сторон). К таким мерам относятся:

– рекомендации соответствующей стороне;

– требование к соответствующей стороне представить Комитету информацию о стратегии действий по обеспечению соблюдения положений Конвенции, включая сроки реализации этой стратегии, и сообщать о ходе осуществления этой стратегии;

– в случае получения сообщений от общественности – рекомендации соответствующей стороне относительно конкретных мер по рассмотрению вопроса, поднятого представителями общественности.

Что касается Совещания Сторон, то оно может принимать меры, перечисленные выше, или меры, относящиеся исключительно к его компетенции (ст. 37 Решения 1/7). Так, только Совещание Сторон может:

– «сделать заявление о факте несоблюдения;

[1131] См.: Kravchenko S. The Aarhus Convention and Innovations in Compliance with Multilateral Environmental Agreements / S. Kravchenko // Colorado Journal of International Environmental Law and Policy. 2007. Vol. 18. No. 1. P. 1-50.

– сделать предупреждения;

– временно лишить в соответствии с применяющимися нормами международного права соответствующую сторону специальных прав и привилегий, предусматриваемых в Конвенции (такая мера была вынесена в отношении Беларуси в 2021 г., что послужило причиной ее выхода из Орхусской конвенции);

– принять такие иные неконфронтационные, несудебные и консультативные меры, которые могут быть целесообразными».

Выбор мер зависит от степени, типа, причины и частоты несоблюдения, так же как и от политической воли и духа сотрудничества, которые государство-участник демонстрирует в вопросах соблюдения Конвенции.

По сравнению с контрольными механизмами других МЭС[1132], принятых на данный момент, Комитет по соблюдению Орхусской Конвенции является более прогрессивным как по структуре, так и по процедуре рассмотрения жалоб. Так, этот контрольный орган состоит только из независимых экспертов. Более того, что касается процедуры, то граждане и НПО получили официальное право подавать жалобы и участвовать в подготовке национальных докладов.

Комитет приступил к работе в 2002 г., когда после принятия Решения 1/7 были выбраны первые члены Комитета. С начала работы и по настоящий момент в Комитет поступило более 230 жалоб[1133]. Среди жалоб, поступивших на рассмотрение в Комитет, были три межгосударственные жалобы (*«Румыния против Украины»* по поводу строительства глубоководного судоходного канала через рукав Быстрый в дельте реки Дунай через международно-признанную территорию водно-болотных угодий, «Литва против Белоруссии» в связи со строительством Островецкой АЭС и *«Босния и*

[1132] Такие механизмы предусмотрены целым рядом международных экологических соглашений, см., например: Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г., Киотский протокол 1997 г. к Рамочной конвенции об изменении климата 1992 г. и др.

[1133] Communications from the public. Aarhus Convention [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/env/pp/cc/communications-from-the-public (дата обращения: 01.06.2026).

Герцеговина против Хорватии» относительно планов Хорватии построить хранилище радиоактивных отходов в непосредственной близости от общей границы)[1134].

Рассмотрим несколько последних решений, показывающих политико-правовые сложности работы Комитета.

Случай с несоблюдением со стороны ЕС. Орхусский комитет неоднократно обращал внимание на то, что Европейский союз как сторона Орхусской конвенции не выполняет ее положений[1135], но КС не утверждал это решение. Как установил Комитет, ЕС нарушил пункт 3 статьи 9 Орхусской конвенции, не позволив НПО и представителям общественности привлекать институты ЕС к ответственности за незаконные решения, влияющие на здоровье населения и окружающую среду, такие как санкционирование субсидий на ископаемое топливо, одобрение вредных пестицидов или разрешение чрезмерного вылова рыбы. Комитет указал в решении от 2017 года, что ЕС должен расширить возможности представителей общественности для защиты окружающей среды в судах ЕС, чтобы соблюдать договор.

В июне 2018 г. нежелание Комиссии ЕС решать эту проблему своевременно и эффективно побудил государства – члены ЕС предпринять весьма необычный шаг, а именно инициировать решение Совета ЕС, ссылающееся на статью 241 Договора о функционировании Европейского союза, чтобы заставить Комиссию действовать[1136]. В частности, в решении Совета ЕС содержится призыв к Комиссии представить к 30 сентября 2019 года результаты исследования вариантов для рассмотрения выводов Комитета по соблюдению и (при необходимости) с учетом этих результатов представить до 30 сентября 2020 года предложение о пересмотре регламента ЕС 1367/2006

[1134] Submissions by Parties of Aarhus Convention [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/env/pp/cc/submissions-parties (дата обращения: 02.08.2026).

[1135] Aarhus Convention Compliance Committee in case ACCC/C/2008/32 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unece.org/env/pp/compliance/Compliancecommittee/32TableEC.html (дата обращения: 02.08.2026).

[1136] Council Decision (EU) 2018/881 of 18 June 2018 requesting the Commission to submit a study on the Union's options for addressing the findings of the Aarhus Convention Compliance Committee in case ACCC/C/2008/32 and, if appropriate in view of the outcomes of the study, a proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) No 1367/2006 // Official Journal of the European Union. 2018. L 155. P. 6-7.

(Aarhus regulation[1137]), имплементировавшего положения Орхусской конвенции для институтов ЕС.

В октябре 2019 г. Комиссия опубликовала исследование, которое подтверждает то, что уже было очевидно большинству экспертов и независимых наблюдателей, а именно что наиболее эффективный способ решения проблемы – привести регламент ЕС 1367/2006 в соответствие с Конвенцией. Поэтому Комиссия должна быстро приступить к подготовке предложений по пересмотру этого регламента.

6 октября 2021 года Европейский союз принял поправку к Орхусскому регламенту № 1367/2006, позволяющую обеспечить более строгий общественный контроль за актами ЕС, затрагивающими окружающую среду[1138]. Поправка расширяет возможности требовать, чтобы институты ЕС пересмотрели такие акты с целью более надежного обеспечения защиты окружающей среды. Поправка вступила в силу 28 октября 2021 года, за исключением пункта 3а статьи 1, который применяется с 29 апреля 2023 года.

Дела, связанные с Белоруссией. Белоруссия ликвидировала НПО «Экодом» за нарушение законодательства о деятельности общественных объединений, но Комитет посчитал это нарушением пункта 8 статьи 3 Орхусской конвенции («государства обеспечивают, чтобы лица, осуществляющие свои права в соответствии с положениями Конвенции, не подвергались за свою деятельность наказанию, преследованиям или притеснениям в любой форме»). Поэтому Белоруссия посчитала рекомендации Комитета «необоснованными и чрезмерными»[1139]. Комитет предложил «приостановить в соответствии нормами международного права, касающимися приостановления действия

[1137] Aarhus Convention Compliance Committee in case ACCC/C/2008/32 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unece.org/env/pp/compliance/Compliancecommittee/32TableEC.html (дата обращения: 02.08.2026).

[1138] Regulation (EU) 2021/1767 of the European Parliament and of the Council of 6 October 2021 amending Regulation (EC) No 1367/2006 on the application of the provisions of the Aarhus Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters to Community institutions and bodies. PE/63/2021/REV/1. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R1767 (дата обращения 02.08.2026).

[1139] См: Письмо от заинтересованной Стороны от 8 ноября 2021 г. // ЕЭК ООН. 2021. 8 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-11/frPartyVII.8c_08.11.2021_rus.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

договора, особые права и привилегии, предоставленные Белоруссии в соответствии с Орхусской конвенцией».

Согласно подпункту (i) пункта (a) части 2 статьи 60 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., решение о приостановке прав может быть принято только единогласно всеми сторонами международного договора. При голосовании по вопросу Белоруссии не было единогласия, что не помешало утвердить решение VII/8c (п. 7i). Белоруссия отметила, что готова дальше сохранить свое участие в Орхусской конвенции «при условии отмены до 1 января 2022 года решения, противоречащего принципам международного права и положениям Орхусской конвенции»[1140]. Поскольку решение не было отменено, то Белоруссия вышла из Орхусской конвенции (26.07.2022 г. Белоруссия уведомила депозитарий, а 24.10.2022 г. перестала быть стороной Конвенции)[1141].

Сегодня почти четвертая часть всех государств мира является сторонами Орхусской конвенции, подтверждая, таким образом, приверженность защите и соблюдению экологических прав человека. Эти государства представляют Европу, Кавказ и Центральную Азию. 4 апреля 2023 года к Орхусской конвенции впервые присоединилось африканское государство – Гвинея-Бисау[1142].

Как было установлено Орхусским Комитетом, в случае вынесения рекомендаций он имплицитно выносит (предварительное) решение о несоблюдении. Исходя из этого, Комитет можно рассматривать в качестве независимого и беспристрастного надзорного органа квазисудебного характера, заявления которого приводят к возникновению «прецедентной

[1140] См: Вербальная нота с препровождением письма Министра природных ресурсов и охраны окружающей среды Исполнительному секретарю ЕЭК ООН от 26 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-11/frPartyVII.8c_26.11.2021_letter_rus.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

[1141] Подробнее см.: Солнцев А. М. Орхусский комитет как договорный механизм по соблюдению экологических обязательств государств: quo vadis? / А. М. Солнцев // Международные организации в современном мире: право и политика: материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». М.: Российский университет дружбы народов, 2023. С. 110-116.

[1142] Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters (Aarhus, 25 June 1998) // United Nations Treaty Collection. Chap. XXVII. No. 13. [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXVII-13&chapter=27 (дата обращения: 02.08.2026).

практики». Верховный суд Великобритании постановил, что «к решениям Комитета по вопросам, связанным со стандартами участия общественности, следует относиться с уважением»[1143]. Апелляционный суд Англии и Уэльса (по гражданским делам) постановил, что «решения Комитета по соблюдению Орхусской конвенции... основываются на убедительных аргументах»[1144]. Генеральный адвокат Суда Европейского союза неоднократно ссылался на рекомендации, вынесенные Комитетом при рассмотрении положений Орхусской конвенции. Важность и общепризнанность положений Орхусской конвенции подтверждает также следующий факт. В деле *Ташкин и др. против Турции*[1145] судьи Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) выстроили свою аргументацию преимущественно на принципах Орхусской конвенции, при этом не было принято во внимание, что государство-ответчик даже не подписало ее.

В целом, несмотря на рекомендательную силу решений, принятых в рамках МЭС, опыт показывает положительное воздействие такой практики. Более того, национальные и международные суды учитывают при вынесении решений позиции договорных органов, прежде всего Комитета по соблюдению Орхусской конвенции. «Двойной фильтр» принятия решений в рамках договорных органов международных соглашений способствует эффективности и взвешенности принимаемых решений. Однако данный орган не лишен политической ангажированности и селективности в принятии решений. И это при том, что, как мы неоднократно подчеркивали в настоящем исследовании, процедура соблюдения создана для дружественного

[1143] Walton v. The Scottish Ministers (Scotland) [2012] UKSC 44 (Lord Carnwath). Para 100 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ftbchambers.co.uk/images/uploads/documents/Walton_%28Appellant%29_v_The_Scottish_Ministers_%28Respondent%29_%28Scotland%29.pdf (дата обращения: 26.08.2026).

[1144] Secretary of State for Communities and Local Government v. Venn [2014] EWCA Civ 1539; [2015] 1 WLR 2328 // Court of Appeal (Civil Division). 28 November 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/compliance/C2018-157/Correspondence_with_the_communicant/frCommC157_14.03.2018_email_att_Venn_judgement.pdf (дата обращения: 26.09.2026).

[1145] Taşkin and Others v Turkey (application No. 49517/99) (2004) Eur Ct HR 145 (2005) [Электронный ресурс]. URL: https://www.tribunalonfracking.org/wp-content/uploads/2014/12/UK-HRIA-wo-appdx-hi-res.pdf (дата обращения: 26.09.2026).

разрешения разногласий, о чем прямо сказано в статье 15 Орхусской конвенции: «Совещание Сторон определяет на основе консенсуса факультативные меры неконфронтационного, несудебного и консультативного характера для рассмотрения соблюдения положений настоящей Конвенции». В то же время принятая Комитетом и утвержденная СС мера носила явно конфронтационный характер и привела к тому, что Белоруссия вышла из Орхусской конвенции, хотя ратифицировала ее одной из первых и была стороной договора более 20 лет начиная с 2000 г.

Таким образом, можно констатировать, что Орхусская конвенция и созданный на ее основе Комитет по соблюдению и Совещание Сторон как контролирующий орган представляют собой систему, обладающую большим потенциалом для того, чтобы стать действительно эффективным средством защиты экологических прав человека на международном уровне. Комитет по соблюдению имеет своей целью разрешение споров, возникающих в процессе имплементации норм Орхусской конвенции. Данная процедура в сравнении с региональными правозащитными судами позволяет с наименьшими затратами и наибольшей скоростью разрешать или предотвращать международные споры, а также эффективно контролировать исполнение соответствующих решений.

Отметим, что для контроля соблюдения обязательств по Киевскому протоколу к Орхусской конвенции создан отдельный орган. Это Комитет по вопросам соблюдения Киевского протокола, который до недавнего времени не рассматривал жалоб, но 17 июня 2020 года Международный фонд «Экология-Человек-Право» подал жалобу на Украину по поводу невыполнения требований имплементации положений Протокола во внутреннее законодательство[1146] .

[1146] Communication by «Environment-People-Law» concerning compliance by Ukraine, PRTRPCC/C/2020/1, 17 June 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/env/pp/protocol-on-prtrs/cc/pre.prtrpcc.c.2020.1_ukraine (дата обращения: 02.08.2026).

В рамках четвертой главы диссертации можно сделать следующие выводы. Процедура соблюдения является альтернативой традиционным судебным и арбитражным механизмам обеспечения выполнения международных экологических соглашений. С конца 1980-х годов до настоящего времени она постоянно эволюционировала и стала обязательным элементом всех значимых МЭС. С одной стороны, эта гибкая процедура позволяет с меньшими затратами и большей скоростью по сравнению с традиционными механизмами разрешать и предотвращать споры о выполнении международных экологических обязательств, контролировать исполнение предписаний. С другой стороны, такая категория международного права, как «процедура соблюдения», хотя и помогает решать вопросы в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной может способствовать релятивизации нормативности международного права, преобразованию абсолютных запретов в относительные, стиранию грани между нормами права и политическими решениями. Более того, в ходе реализации указанной процедуры иногда подрывается принцип беспристрастности. Примером может служить излишнее давление дискриминационного характера на Белоруссию.

Практика применения процедур соблюдения свидетельствует об их высокой эффективности. Представляется, что богатый опыт, наработанный в рамках этих механизмов международного контроля, может быть использован при создании Международного экологического суда.

Роль квазисудебных органов в начале XXI в. продолжает расти, их решения обретают легитимность, находят признание в решениях международных судов, равно как и в доктрине международного права.

Сегодня возможны ситуации, при которых один и тот же спор будет рассматриваться и квазисудебным органом, и международным судом одновременно либо в разные временные периоды. Возникает ряд вопросов по поводу обязанности этих судебных и квазисудебных учреждений учитывать решения друг друга, о приоритетности обращения к тому или иному учреждению, о применимости правила об исчерпании всех средств правовой

защиты, об иерархии решений, в случае если они будут противоположны по своей сути, и т. д.[1147] Такие случаи уже появились. Речь идет о Суде ЕС и Комитете по соблюдению Киотского протокола, хотя конфликта юрисдикций удалось избежать, но это не означает, что он в принципе невозможен. Показательны в данном аспекте два дела. Во-первых, это дело Греции, в отношении которой были инициированы одновременно две процедуры – в рамках ЕС и Комитета по соблюдению Киотского протокола. Европейская комиссия решила не передавать вопрос на рассмотрение Суда до вынесения решения Комитетом Протокола, что, собственно, и предотвратило рассмотрение этого дела в рамках юрисдикции ЕС. Во-вторых, дело Люксембурга: Комиссия ЕС использовала положения права ЕС для констатации факта несоблюдения им обязательств по своевременному представлению национального доклада об осуществлении Киотского протокола, как того требовало право ЕС, вследствие чего ЕС предотвратил передачу дела о несоблюдении в Комитет Киотского протокола[1148]. Таким образом, конфликт юрисдикций международных судебных учреждений и квазисудебных органов может стать еще одним проявлением институциональной фрагментации. Вместе с тем практика квазисудебных учреждений в сфере МЭП свидетельствует об их высокой эффективности как механизмов обеспечения выполнения международных экологических обязательств.

[1147] Медведева М. А. Разрешение споров в области охраны окружающей среды в контексте фрагментации современного международного права / М. А. Медведева // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 71-79.
[1148] Tabau A.-S. Non-Compliance Mechanisms: Interaction between the Kyoto Protocol System and the European Union / A.-S. Tabau // European Journal of International Law. 2010. Vol. 21. No. 3. P. 749-763.

ГЛАВА 5. МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

§ 1. Общая характеристика предпосылок и условий имплементации международных экологических обязательств на национальном уровне

Имплементация норм международного экологического права является ключевым элементом в обеспечении соблюдения международных экологических обязательств. При этом имплементация должна рассматриваться не только как технический процесс трансформации норм МЭС во внутригосударственное право, но и как часть более широкого режима, включающего процедуры содействия выполнению обязательств, механизмы рассмотрения случаев несоблюдения и последующее механизмы контроля (*follow-up*) на уровне договорных органов. Более того, имплементация играет доминирующую роль в обеспечении соблюдения негосударственными акторами (индивидами, юридическими лицами, ТНК) норм международного экологического права на национальном уровне, что, в свою очередь, дает возможность негосударственным акторам возможность контроля за выполнением государством международных экологических обязательств в рамках судебных или административных процедур на международном и национальном уровнях[1149]. В этой связи все большее значение приобретает концепция «экологической демократии» (закрепленная, в частности, в Орхусской конвенции 1998 г. и Эскасусском соглашении 2018 г.), предполагающая институционально оформленный доступ негосударственных акторов к информации, участию в принятии решений и средствам правовой защиты.

[1149] Ebbesson J. Public Participation / J. Ebbesson // The Oxford Handbook of International Environmental Law / eds. D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 681-703.

Как справедливо заметил А. М. Ибрагимов, «можно спорить по поводу того, является ли внутригосударственное законодательство фактором, гарантирующим обеспечение выполнения международных обязательств государств. Но вряд ли следует подвергать сомнению тот ощутимый толчок, который дает внутренне право государств осуществлению международных норм»[1150]. Такая позиция ученого заслуживает поддержки.

После вступления МЭС в силу могут быть созданы или усилены механизмы по обеспечению соблюдения на национальном уровне при условии, что такие механизмы предусмотрены МЭС, последующей поправкой к МЭС или решением Конференции Сторон и согласуются с положениями международного права. Конференции Сторон у некоторых МЭС обладают полномочиями регулярно проводить обзор общей эффективности соглашения с точки зрения достижения поставленных перед ним целей, а также рассматривать возможные пути повышения эффективности МЭС. Развитые договорные режимы (РКИК ООН, Монреальский протокол, КБР, Базельская и Стокгольмская конвенции) демонстрируют тенденцию к институциональному увеличению механизмов выполнения обязательств, о чем свидетельствует создание специализированных комитетов по соблюдению, рабочих групп по наращиванию потенциала, финансовых механизмов и систем показателей, позволяющих оценивать прогресс имплементации на национальном уровне.

До ратификации МЭС государство должно провести оценку своей готовности соблюдать обязательства по такому соглашению. В случае выявления тех областей, где может быть допущено несоблюдение, государство должно принять соответствующие меры для урегулирования этих вопросов, прежде чем оно станет стороной МЭС.

Если государство после того, как оно стало стороной конкретного МЭС, выявляет проблемы с соблюдением, оно может рассмотреть вопрос о разработке плана мер по обеспечению соблюдения в соответствии с

[1150] Ибрагимов А. М. Характерные черты развития международно-правовых гарантий в XIX–XX вв. / А. М. Ибрагимов // Московский журнал международного права. 2009. № 2 (74). С. 5-21.

предусмотренными в таком соглашении обязательствами и информировать об этом секретариат МЭС. В этом плане могут быть отражены вопросы соблюдения различных видов обязательств по соглашению, а также меры, направленные на обеспечение соблюдения. В плане могут быть предусмотрены контрольные целевые показатели (в той мере, насколько это соответствует положениям соглашения), которые содействовали бы мониторингу вопросов соблюдения.

Опираясь на свою национальную правовую базу, государства должны принимать законы, создающие основу для осуществления МЭС, в тех случаях, когда такие меры необходимы для обеспечения соблюдения. Указанные законы должны регулярно пересматриваться в контексте соответствующих международных обязательств и с учетом национальных условий. Так, в Российской Федерации была принята Климатическая доктрина РФ 2009 г., а потом и обновленная доктрина 2023 г. в целях имплементации международных климатических соглашений[1151]. Имплементационное климатическое законодательство России включает Указы Президента РФ № 666 от 4 ноября 2020 года и № 547 от 6 августа 2025 года, утвержденную Правительством Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» и др.

Разработка национальных планов по осуществлению МЭС может содействовать тому, чтобы предусмотренные в МЭС обязательства учитывались в национальных мероприятиях по планированию, стратегиях и программах. Мониторингу вопросов соблюдения могли бы способствовать механизмы сбора надежных данных.

Так, в России уже второй год обсуждается проект распоряжения Правительства РФ «О Стратегии сохранения и устойчивого использования

[1151] Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 44. Ст. 7830.

биологического разнообразия Российской Федерации на период до 2036 года»[1152]. Данная Стратегия направлена на имплементацию Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы в области биоразнообразия, принятой на 15-м совещании Конференции Сторон КБР[1153]. Стратегия предусматривает формирование национальной системы мониторинга биоразнообразия, основанной на интеграции данных о состоянии экосистем, видов, генетических ресурсов и особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в единую государственную информационную систему. Для ее функционирования предполагается использование геоинформационных технологий, дистанционного зондирования Земли, анализа экологической ДНК и инструментов искусственного интеллекта. Существенное внимание уделяется развитию сети ООПТ, что подразумевает повышение их экологической репрезентативности, создание экологических коридоров и формирование единой системы управления, а также возможному включению территорий с иными режимами природопользования, в том числе традиционного природопользования коренных народов[1154]. В целом Куньминско–Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия 2022 г. устанавливает целый ряд количественных целей (например, сохранение 30 % суши и моря), которые задают новое измерение для оценки имплементации на уровне национальных стратегий и планов.

Государства могут разрабатывать и создавать механизмы и программы по обеспечению выполнения соответствующих законов и принимать меры, направленные на осуществление обязательств, предусмотренных в МЭС.

[1152] Проект распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Стратегии сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия Российской Федерации на период до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/strategii_i_doktriny/proekt_rasporyazheniya_pravitelstva_rossiyskoy_federatsii_ob_utverzhdenii_strategii_sokhraneniya_i_u/ (дата обращения: 02.08.2026).

[1153] Подробнее см.: Коваль Э. Ю. Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия: международно-правовой анализ / Э. Ю. Коваль, А. М. Солнцев // Международный правовой курьер. 2023. № 2. С. 30-38.

[1154] Россия готовит стратегию сохранения биоразнообразия до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: https://ecosphere.press/2026/07/13/rossiya-gotovit-strategiyu-sohraneniya-bioraznoobraziya-do-2036-goda/ (дата обращения: 02.08.2026).

Исходя из своих обязательств в рамках применимых МЭС, стороны могут рассмотреть вопрос об использовании экономических инструментов для содействия эффективному осуществлению МЭС[1155]. В последние десятилетия рыночные механизмы утвердились в качестве одного из инструментов экологической политики, пройдя путь от теоретических конструкций к устойчивому элементу правового регулирования. Их внедрение обозначило отход от традиционной модели МЭП, основанной преимущественно на мерах ответственности, запретах и санкциях, направленных на сдерживание деградации окружающей среды и чрезмерной эксплуатации ресурсов[1156]. При этом МЭП и ранее эволюционировало за счет включения административно-правовых средств, таких как разрешительная система, лицензирование и технологические стандарты, однако рост масштабов экологических угроз повлек за собой усложнение нормативных режимов и увеличение их экономической стоимости. В сочетании с бюджетными ограничениями, а также с общей тенденцией к дерегулированию и либерализации рынков это обусловило активное проникновение экономико-теоретических подходов в МЭП при имплементации[1157]. Хотя первоначально данный процесс развивался преимущественно на внутригосударственном уровне, рыночные инструменты давно стали неотъемлемой частью МЭП. За сравнительно короткое время в научной и практической среде укрепилось предпочтение в пользу гибких регулятивных моделей, опирающихся на рыночные стимулы, а не на прямое юридическое принуждение. Одновременно изменилась и сама понятийная основа дисциплины, в рамках которой возросла роль эмпирических и количественных методов анализа. Вместе с тем распространение рыночных механизмов не сводится лишь к методологической трансформации экологической политики. Оно привело к формированию новых рынков,

[1155] Moving to Markets in Environmental Regulation: Lessons from Twenty Years of Experience / ed. by J. Freeman, C. D. Kolstad. New York: Oxford University Press, 2006. 528 p.
[1156] Hahn R. W. The Impact of Economics on Environmental Policy / R. W. Hahn // Journal of Environmental Economics and Management. 2000. Vol. 39. No. 3. P. 375-399.
[1157] Oates W. E. From Research to Policy: The Case of Environmental Economics / W. E. Oates // International Journal of Urban Sciences. 2000. Vol. 4. No. 1. P. 1-10.

нередко сопоставимых по стоимости с традиционными товарными сегментами. Сторонники таких подходов указывают на их способность обеспечивать достижение экологических целей с меньшими издержками, а также стимулировать инновации и расширять участие[1158]. Критики, напротив, подчеркивают их концептуальные и нормативные ограничения, включая несоответствие ряду устоявшихся правовых доктрин, а также проблемы практической реализации[1159]. Таким образом, научная дискуссия о достоинствах и недостатках рыночных механизмов в экологическом праве остается открытой.

Например, в настоящее время РФ активно работает над решением правовых и институциональных проблем имплементации в национальное право системы компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации (CORSIA), принятой в рамках Международной организации гражданской авиации (ИКАО) [1160]. CORSIA — это секторальный глобальный рыночный механизм, встроенный в Чикагскую систему через том IV Приложения 16 к Конвенции о международной гражданской авиации[1161]. В целом сегодня выполнение климатических обязательств требует от государств использования различных экономических механизмов.

На наш взгляд, рыночные механизмы прошли путь от экономической теории к практическому применению на национальном и международном уровнях и в настоящее время находятся в точке переоценки в русле развития экологического права. При этом их распространение в сфере климатического сотрудничества (углеродные рынки в рамках Парижского соглашения, механизм статьи 6, добровольные рынки углеродных единиц) поднимает вопрос о границах допустимой «коммодификации» природы: насколько

[1158] Beckert J. The Social Order of Markets / J. Beckert // Theory and Society. 2009. Vol. 38. No. 3. P. 245-269.

[1159] Capoor K. State and Trends of the Carbon Market 2009 / K. Capoor, P. Ambrosi. Washington, DC: The World Bank, 2009. 57 p.

[1160] Солнцев А. М. Проблемы имплементации в национальных правопорядках системы компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации (CORSIA) / А. М. Солнцев // Право между Востоком и Западом. 2026. № 2. С. 30-42.

[1161] Донаканян В. «Озеленение» полетов: как экологизация правового регулирования воздушных сообщений влияет на действующее международное воздушное право? / В. Донаканян // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 139-165.

допустимо превращение эмиссий и экосистемных услуг в объекты торговли без подрыва основополагающих принципов МЭП, таких как принцип предотвращения значительного трансграничного вреда и принцип межпоколенческой справедливости. Опыт их функционирования пока неоднозначен, что ставит под сомнение прежнюю уверенность в их способности эффективно решать экологические проблемы. Вместе с тем рыночные подходы прочно вошли в МЭП, однако их дальнейшая легитимность и результативность зависят от критической оценки не только экономических, но и нормативных последствий их применения.

Государства наделяют национальные министерства или ведомства функциями координационных центров, занимающихся вопросами, связанными с конкретным МЭС, и информируют об этом секретариаты МЭС. При этом при разработке и выполнении вышеупомянутых национальных планов и программ по осуществлению МЭС могла бы обеспечиваться соответствующая координация между подразделениями и ведомствами на различных уровнях правительственного аппарата.

В процессе разработки национальных планов осуществления МЭС, определения приоритетов в области охраны окружающей среды, распространения информации и специальных знаний, а также мониторинга могут проводиться консультации с основными заинтересованными сторонами, включая частный сектор, НПО и т. д. Сотрудничество с основными заинтересованными сторонами может потребоваться для укрепления потенциала, необходимого для соблюдения, за счет информационного обеспечения, подготовки кадров и оказания технической помощи.

При этом отметим, что сегодня утверждается практика совместного осуществления положений МЭС государствами субрегиона или региона. Поэтому получает распространение разработка региональных или субрегиональных природоохранных планов действий или стратегий с целью содействия осуществлению МЭС. Так происходит с Европейским союзом и субрегиональными организациями Африки (Сообщество развития юга

Африки (САДК), Восточноафриканское сообщество (ВАС) и др.). Например, ЭКОВАС подготовил План по реализации Конвенции по борьбе с опустыниванием для Западной Африки.[1162]

Важно учитывать особые требования уязвимых групп – коренных народов, женщин, молодежи – при осуществлении МЭС[1163]. По мере необходимости государства могут развивать диалог с коренными народами по вопросам выполнения экологических обязательств с целью обеспечения соблюдения соответствующих норм согласно целям того или иного МЭС.

Национальные средства массовой информации, включая газеты, журналы, радио, телевидение, а также интернет и традиционные каналы связи, можно использовать для распространения информации о МЭС, предусмотренных ими обязательствах и мерах, которые могут предпринять организации, ассоциации и отдельные лица.

Таким образом, представляется, что сегодня МЭС превосходят по эффективности многие международные договоры, принятые в рамках других отраслей международного права, поскольку на постоянной основе осуществляется мониторинг выполнения и соблюдения положений МЭС со стороны их договорных органов.

Объективно можно констатировать, что, хотя МЭП менее развито, чем международное право прав человека в части индивидуальной защиты нарушенных прав через национальные суды, но существует определенная судебная практика, когда суды прямо или косвенно ссылались на международные экологические нормы[1164]. Исчерпывающий обзор этой

[1162] Sub-regional action Programme to combat Desertification in West Africa [Электронный ресурс]. URL: https://www.unccd.int/sites/default/files/relevant-links/2017-07/Economic%20Community%20of%20West%20African%20States%20%28ECOWAS%29.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

[1163] Солнцев А. М. Проблематика защиты экологических прав уязвимых групп населения / А. М. Солнцев // Молодые ученые ЕНУ и РУДН о современных проблемах международного права: материалы II совместной междунар. науч.-практ. конф. ЕНУ и РУДН (Астана, 2 апреля 2014 г.) / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов, М. Ж. Куликпаева. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2014. С. 264-269.

[1164] International Environmental Law Reports. Vol. 4: International Environmental Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. A. R. Robb. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 640 p.; Nollkaemper A. International Environmental Law in the Courts of the Netherlands / A. Nollkaemper // International Environmental Law in National Courts / ed. by M. Anderson, P. Galizzi. London: British Institute of International and Comparative Law, 2002. P.

практики выходит за рамки настоящего исследования, однако некоторые тенденции и роль национальных судов в имплементации международных экологических обязательств будут отмечены[1165].

Интересно отметить, что, несмотря на важность для эффективности МЭП, вопросы национальной имплементации обычно пристально не рассматриваются в учебной или монографической научной литературе. Например, П. Бирни и А. Бойл заметили, что «…степень, в которой международное публичное право и договоры могут быть использованы в национальных судах, варьируется в разных юрисдикциях... и выходит за рамки данной книги»[1166]. Профессор Ф. Сандз в своем известном многостраничном труде «Принципы международного экологического права» уделяет вопросам имплементации международного экологического права всего восемь страниц [1167]. В учебной и научной литературе по национальному экологическому праву, как правило, также избегают обсуждения международно-правовых норм и вопрос имплементации практически не обсуждается[1168]. Некоторыми исключениями из сказанного можно считать: труды, посвященные углубленному анализу осуществления конкретного международного экологического соглашения[1169]; труды, связанные с углубленным анализом имплементации международного экологического права в рамках одной или

183-193; Bodansky D. The Role of National Courts in the Field of International Environmental Law / D. Bodansky, J. Brunnée // Review of European Community & International Environmental Law. 1998. Vol. 7. No. 1. P. 11-20.

[1165] Исключением не являются и российские суды, в том числе Конституционный Суд Российской Федерации. См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярнефть» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 24. Ст. 3547.

[1166] Birnie P. International Law and the Environment / P. Birnie, A. Boyle. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. 326 p.

[1167] Sands P. Principles of International Environmental Law / P. Sands. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 1116 p.

[1168] См.: Glazewski J. Environmental Law in South Africa / J. Glazewski. Durban: Butterworth, 2002. 918 p.: Butterworth, 2002; Bell S. Ball and Bell on Environmental Law / S. Bell, D. McGillivray. 6th edition. London: Blackstone, 2005. 1000 p.; Elworthy S. Environmental Protection: Text and Materials / S. Elworthy, J. Holder. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 500 p.; Divan S. Environmental Law and Policy in India: Cases, Materials and Statutes / S. Divan, A. Rosencranz. 2nd ed. New Delhi: Oxford University Press, 2001. 837 p.; Lucas A. Environmental Law and Policy in Canada / A. Lucas. 3rd ed. Toronto: Emond Montgomery, 2003. 728 p.

[1169] Reeve R. Policing International Trade in Endangered Species: The CITES Treaty and Compliance / R. Reeve. London: Royal Institute of International Affairs/Earthscan, 2002. 346 p.

нескольких юрисдикций[1170]; доклады о национальной имплементации, подготовленные секретариатами отдельных МЭС; сравнительные исследования роли международного экологического права в деятельности национальных судов[1171]; ежегодные национальные отчеты о состоянии окружающей среды, публикуемые отдельно[1172] или в составе ежегодника «*Yearbook of International Environmental Law*».

Национальная реализация является основополагающей чертой МЭП. Глобальный характер вредных воздействий на окружающую среду требует подхода «один за всех и все за одного», поскольку национальное управление окружающей средой в каждом государстве имеет важное значение для реализации международно-правовых мер в мировом масштабе. МЭС признаются в национальных правовых системах в соответствии с законодательством конкретного государства. Обширный охват предмета МЭП во внутренней сфере ограничивает государственную власть и национальные нормы, еще больше усложняя имплементационные процессы.

Как отмечает Н. А. Соколова, «государство не может не создавать механизмы для осуществления норм международного права во внутригосударственной сфере, поскольку иначе оно просто не способно выполнить свои международные обязательства»[1173]. Но имплементация положений международного права вовсе не заключается лишь в правотворческой деятельности государства, она предполагает проведение широкого комплекса мероприятий организационного характера, направленных на непосредственную реализацию международно-правовых

[1170] DeMarco J. V. The Supreme Court of Canada's Progressive Use of International Environmental Law and Policy in Interpreting Domestic Legislation / J. V. DeMarco, M. L. Campbell // Review of European Community & International Environmental Law. –2004. Vol. 13. No. 3. P. 320-330.

[1171] International Environmental Law in National Courts / ed. by M. Anderson, P. Galizzi. London: British Institute of International and Comparative Law, 2002. 246 p.

[1172] Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=142679 (дата обращения: 10.08.2026).

[1173] Соколова Н. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере охраны окружающей среды / Н. А. Соколова // Сибирский юридический вестник. 2001. № 3. С. 12.

норм[1174]. В. В. Гаврилов указывает, что процесс взаимодействия международной и национальной правовых систем происходит в рамках юридической практики по следующим трем направлениям: нормативное взаимодействие, институциональное взаимодействие и взаимодействие на уровне идеологии и правосознания[1175].

Возникает естественный вопрос: что такое имплементация? Имплементация – это воплощение норм международного права в поведении, деятельности государств и других субъектов, это практическое осуществление нормативных предписаний[1176]. Понятие «имплементация» трактуется по-разному. Оно может относиться к мерам, принимаемым государствами, работающими вместе для реализации своих международных обязательств в рамках интеграционных объединений[1177] или к применению международного права в национальных правовых системах[1178].

При этом важно разграничивать имплементацию, соблюдение и исполнение: имплементация охватывает все меры по введению норм в действие на национальном уровне, соблюдение связано с фактическим поведением субъектов в соответствии с обязательствами, а исполнение предполагает применение санкций и мер принуждения на национальном уровне в случае нарушений. В доктрине МЭП эти элементы часто пересекаются, но их аналитическое различение необходимо для оценки эффективности режимов.

Термин «имплементация» можно отличать от терминов «соблюдение», «несоблюдение», «исполнение», «эффективность». Однако эти различия могут быть и мнимыми, поскольку все термины взаимосвязаны: формой

[1174] Анисимов Л. Н. Имплементация норм международного права в национальное законодательство / А. П. Анисимов // Международное право в современном мире. Сб. статей. М.: «Международное право в современном мире», 1984. С. 117.

[1175] Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем / В. В. Гаврилов. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 70-128.

[1176] Международное право: учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 171.

[1177] Dupuy P.-M. International Environmental Law / P.-M. Dupuy, J. E. Viñuales. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 294.

[1178] Sands P. Principles of International Environmental Law / P. Sands. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 147.

имплементации может быть соблюдение МЭС, а меры, принимаемые для решения проблемы несоблюдения, могут напоминать исполнение и способствовать имплементации.

Современные исследования эффективности МЭС предлагают многоуровневый подход, учитывающий не только формальную имплементацию и степень соблюдения, но и фактические экологические результаты, включая изменение состояния окружающей среды и снижение давления на экосистемы[1179].

Основное внимание уделяется имплементации посредством принятия на национальном уровне законов с некоторым международным содействием внутренней реализации (например, через деятельность договорных органов МЭС[1180]). Особый интерес представляет имплементация обязательств, вытекающих из договоров и обычаев международного права, а также связанных с реализацией мягкого права в национальных правовых системах. Более того, признается роль принуждения в реализации международного экологического права на национальном уровне.

Понятие «имплементация» охватывает принятие на национальном уровне политик, стратегий, а также укрепление внутреннего потенциала в плане финансов, научных и технологических знаний. В рамках ЮНЕП было принято *Руководство по соблюдению и исполнению многосторонних экологических соглашений* (МЭС) в котором из понятия имплементация исключена деятельность негосударственных субъектов, но которое охватывает «среди прочего все соответствующие законы, политики и другие меры, которые договаривающиеся стороны принимают для выполнения своих обязательств в рамках МЭС и поправок к ним»[1181]. В контексте настоящего исследования мы

[1179] Maljean-Dubois, S. Introduction. The Effectiveness of Environmental Law: A Key Topic / S. Maljean-Dubois // The Effectiveness of Environmental Law / ed. by S. Maljean-Dubois. Cambridge: Intersentia, 2017. P. 1-12.

[1180] Отрашевская А. М. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств / А. М. Отрашевская, А. М. Солнцев, П. Н. Юсифова // Московский журнал международного права. 2023. № 1. С. 47-75.

[1181] UNEP. Governing Council Decision SS.VII/4 «Compliance with and Enforcement of Multilateral Environmental Agreements»: adopted at the 7th Special Session of the Governing Council, Cartagena, 13-15 February 2002 // United Nations Environment Programme [Электронный ресурс]. URL: https://wedocs.unep.org/20.500.11822/18713?__cf_chl_rt_tk=8pIC6M5a.uwp29blr545SF_66HMTmVQYmwpWO

будем придерживаться более краткого определения данного понятия: «имплементация» – это «меры, которые стороны предпринимают с целью реализации положений международных экологических соглашений»[1182]. При этом внимание будет уделено также НПО, способствующим имплементации на национальном уровне.

В рамках настоящего исследования важно рассмотреть национальную имплементацию международных экологических обязательств, включая ее законодательные, административные и судебные формы. В отечественной научной литературе в принципе мало внимания уделяется анализу имплементации международного права сквозь призму деятельности судебных органов. Это, в частности, касается и имплементации международных экологических обязательств, хотя крайне важно видеть и понимать, как национальные суды применяют и интерпретируют принципы МЭП, проверяют, применяются ли напрямую самоисполнимые нормы МЭС и т. д. При этом не следует забывать, что законодательные, административные и судебные формы относятся к так называемой жесткой имплементации, требующей усиленной работы государственных органов. Однако в XXI в. все более существенное значение приобретают механизмы имплементации и контроля за соблюдением, которые юридически закрепляются в МЭС. Такой подход опирается на роль определенных групп в осуществлении международных экологических обязательств, что концептуально было зафиксировано еще в главах 23–32 *Повестки дня XXI,* принятой на конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. К таким группам относятся: женщины, дети и молодежь, коренные народы и местные общины, НПО, местные власти, трудящиеся и их профсоюзы, деловые круги и промышленность, научные и технические круги, фермеры. Это может рассматриваться в контексте участия общественности в процессе

qyrJfU-1790493118-1.0.1.1-Oa_cCS5lIUsrKxgWc2W11OriprGEWswCXg2vVqOr9wM (дата обращения: 27.09.2026).

[1182] Nordic Research Project on the Effectiveness of International Environmental Agreements. Helsinki: Finnish Ministry of the Environment, 1995. 123 p.

принятия экологических решений в целом. Среди МЭС, в которых активно поощряется участие заинтересованных сторон в имплементации на национальном уровне, можно отметить Рамсарскую конвенцию о водно-болотных угодьях 1971 г. и Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.

При рассмотрении вопросов имплементации имеет значение в первую очередь конституционный правопорядокумент Задача эффективной имплементации на национальном уровне путем принятия законодательных, административных и судебных мер является единой для всех государств, независимо от их конституционных установок. Даже для тех типов конституционного правопорядка, в рамках которых признается возможность прямого действия международного права на основе конституционных норм или доктрины о прямом действии договорных обязательств, есть не так уж и много таких норм в международном экологическом праве. Тем не менее различия в процессе имплементации будут возникать в любом случае, будь то прямое действие положений МЭС или судебное толкование.

Одно из ключевых различий между государствами, которое возникает в процессе имплементации, связано с имплементацией экологических обязательств в федеративных государствах. Есть конкретные примеры в этом отношении, в частности известное дело *«Австралия против штата Тасмания»* 1983 г.[1183] *(«Тасманийская дамба»*[1184]), рассмотренное в Высоком суде Австралии и касавшееся строительства дамбы на территории, находящейся под защитой Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Тасмания (австралийский штат, расположенный на одноименном острове в 240 км к югу от материка Австралии) в 1978 г.

[1183] Commonwealth v Tasmania («Tasmanian Dam case») (1983) HCA 21; (1983) 158 CLR 1 (1 July 1983) [Электронный ресурс]. URL: http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1983/21.html (дата обращения: 01.07.2026). Также см.: Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. A. R. Robb. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 640 p.

[1184] Попутно отметим, что дело «О тасманийской дамбе» является важнейшим в истории развития экологического права Австралии. Кроме того, оно стало значительнейшей вехой в генезисе конституционного правопорядка Австралии. Подробнее см.: Tasmanian Dam Case // Environmental Law Australia. [Электронный ресурс]. URL: http://envlaw.com.au/tasmanian-dam-case (дата обращения: 02.08.2026).

инициировала крупный инфраструктурный проект, реализация которого повлияла бы на заповедник федерального значения и противоречила бы федеральному законодательству Австралии. Федеральные австралийские власти были против (их активно поддерживали НПО), поскольку они законодательно учредили в этой части Тасмании национальный парк «Франклин – Гордон-Уайлд-Риверс» и подали заявку в ЮНЕСКО для включения его в Список объектов всемирного наследия. С 1982 г. был зарегистрирован объект Всемирного наследия ЮНЕСКО «Дикая природа Тасмании». В 1983 г. Федеральными властями был принят Закон о сохранении всемирного наследия[1185], положения которого в сочетании с Законом о национальных парках и охране дикой природы 1975 г. позволили запретить очистку, раскопки и другие мероприятия на территориях всемирного наследия. Власти штата Тасмания заявили, что такие действия противоречат Конституции Австралии, и в 1983 г. федеральные власти и власти штата направили дело в Суд. По существу, спор возник относительно конституционного правопорядка федеративного государства, а именно распределения компетенции между федеральными властями и властями субъекта федерации в части имплементации международных экологических обязательств (в данном случае МЭС). Высокий суд Австралии поддержал австралийские власти (четыре судьи проголосовали за, три – против) в части расширительного толкования понятия «внешние отношения», установив, что федеральные власти вправе принимать законодательные акты в том числе по вопросам, связанным с имплементацией международных обязательств, и признав, таким образом, легитимность действий федеральных властей по предотвращению сооружения дамбы. Важно отметить, что решения ЮНЕСКО при назначении объектов всемирного наследия не имеют обязательной силы для любого государства. Тем не менее ратификацию Конвенции можно рассматривать как международно-правовое обязательство государства.

[1185] World Heritage Properties Conservation Act 1983 [Электронный ресурс]. URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/cth/num_act/whpca1983427 (дата обращения: 11.05.2026).

Именно благодаря этому решению Суда федеральные власти существенно расширили свои полномочия в сфере экологического права ввиду необходимости имплементации положений целого ряда МЭС, в том числе в отношении рамсарских угодий, видов, находящихся под угрозой исчезновения, мигрирующих видов и т. д.

В то же время суды в других федеративных государствах менее охотно объединяют компетенцию по заключению договоров и внутреннюю предметную компетенцию по принятию законодательства с целью имплементации заключенных договоров. Например, в Канаде Верховный суд анализировал федеральную компетенцию в части имплементации положений Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. (Лондонская конвенция). Суд, учитывая общенациональную важность сокращения и ликвидации загрязнений морской среды, указал, что Закон о сбросах отходов в моря подпадает под компетенцию федеральных властей, но отклонил общий принцип федеральной юрисдикции по имплементации международных договоров[1186]. В противоположность этому, Верховный суд США положительно высказался относительно федерального законодательства, имплементирующего американо-канадский договор о перелетных птицах. Суд указал, что федеральное правительство имеет право принимать законодательство для имплементации международных обязательств.[1187] Отметим, что одна из сложностей этого дела состояла в том, что американо-канадский договор был заключен только после того, как федеральное законодательство было признано неконституционным на том основании, что Конституция США не относит к федеральной компетенции вопросы регулирования охоты на перелетных птиц.

[1186] R. v. Crown Zellerbach, [1988] 1 S.C.R. 401 // International Environmental Law Reports. Vol. 4: International Environmental Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. Robb. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Также см. в сборнике: International Environmental Reports, Volume 4: Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. A. R. Robb. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 640 p.

[1187] Missouri v. Holland, 252 U.S. 416 (1920) // International Environmental Law Reports. Vol. 4: International Environmental Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. Robb. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 123.

Еще один пример. В Малайзии, где полномочия по использованию земель являются исключительной прерогативой штатов, усилия по внедрению национальных законов о доступе и совместном использовании выгод в соответствии с КБР 1992 г. и Нагойским протоколом к ней о доступе и совместном использовании выгод 2010 г. были заблокированы из-за разногласий между правительствами штатов и федеральным правительством[1188].

Вышеприведенные судебные решения ярко демонстрируют одну из трудностей имплементации МЭС в федеративных государствах, где компетенции заключать международные соглашения, не обязательно сопровождаются компетенцией по принятию законов, направленных на имплементацию МЭС. Современная практика федераций (Бразилия, Индия) показывает, что успешная имплементация МЭС требует не только конституционного разграничения компетенций, но и наличия развитых координационных механизмов – межуровневых советов, совместных программ, механизмов согласования позиций при участии в Конференциях Сторон. В противном случае даже при формальном соблюдении статьи 27 Венской конвенции о праве международных договоров возникает риск «внутреннего саботажа» обязательств на уровне субъектов федерации. Напомним, что согласно статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., такие конституционные препятствия не могут служить основанием для нарушения международного обязательства, принятого государством. В действительности, однако, практика федеративных государств по включению представителей субъектов федераций в переговорные команды и конституционное требование, касающееся участия национального законодательного органа в процессе ратификации, смягчают потенциально негативные последствия имплементации положений

[1188] Nijar, G. S. An Asian Developing Country's View on the Implementation Challenges of the Nagoya Protocol / G. S. Nijar // The 2010 Nagoya Protocol on Access and Benefit-Sharing in Perspective: Implications for International Law and Implementation Challenges / ed. by E. Morgera, M. Buck, E. Tsioumani. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 247-253.

международных договоров. Бывают ситуации, когда государства могут принять так называемую федеративную оговорку при ратификации[1189]. Более того, исключения могут быть зафиксированы в самих МЭС. Так, например, статья 34 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия является «федеративной клаузулой»[1190]. Тем не менее, например, анализ австралийского опыта в отношении реализации Конвенции о всемирном наследии выявляет отсутствие сотрудничества между федеральными, региональными и муниципальными властями и дефицит политической зрелости в отношениях между субъектами австралийского федерации в области управления природопользованием, что противоречит духу статьи 34[1191].

Вопросы взаимосвязи между законодательной компетенцией и осуществлением внешних связей также находят отражение в практике ЕС. Есть только несколько областей исключительной компетенции ЕС, имеющих отношение к МЭП. Гораздо чаще встречается режим общей компетенции, который отражен в положениях ряда МЭС, таких как РКИК ООН 1992 г., которая предусматривает участие ЕС и государств-членов. Впрочем, участие региональных интеграционных объединений предусмотрено не во всех МЭС.

[1189] Например, так сделали США при ратификации в 1992 г. Международного пакта о гражданских и политических правах. Тем не менее судьба Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. показала, что другие государства могут как отклонить клаузулу о федерализме в самом тексте договора, так и попытаться сделать это в процессе [на стадии] ратификации. Канада сделала при ратификации конвенции следующую оговорку: «Поскольку в соответствии с канадской конституционной системой законодательная юрисдикция в отношении экологической оценки делится между провинциями и федеральным правительством, то Правительство Канады при ратификации данной Конвенции делает оговорку касательно предполагаемой деятельности (как определено в настоящей Конвенции), выходящей за рамки федеральной законодательной юрисдикции в отношении экологической оценки». Финляндия, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Испания и Швеция выдвинули возражения против оговорки ввиду ее несовместимости с объектом и целью Конвенции. Канада свою оговорку не отозвала.

[1190] Статья 34 Конвенции гласит: «К государствам – сторонам настоящей Конвенции, имеющим федеральные устройства, относятся следующие положения: a) в том, что касается положений настоящей Конвенции, выполнение которых является предметом законодательной деятельности центральной или федеральной законодательной власти, обязательства федерального или центрального правительства будут теми же, что и обязательства государств-участников, не являющихся федеративными государствами; b) в том, что касается положений настоящей Конвенции, выполнение которых является предметом законодательной деятельности каждого из штатов, стран, провинций, кантонов, которые в соответствии с системой федерации не обязаны принимать законодательных мер, федеральное правительство доводит указанные положения до сведения компетентных властей штатов, стран, провинций и кантонов с целью их принятия».

[1191] Boer B. W. Heritage Law in Australia / B. W. Boer, G. Wiffen. South Melbourne: Oxford University Press, 2006. P. 34.

Это справедливо, например, в отношении Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры 1973 г. (СИТЕС), что, однако, не помешало ЕС полностью регулировать эти вопросы[1192]. Кроме того, редкий случай прямого влияния МЭС можно обнаружить в решении Суда ЕС, который постановил, что пункт 3 статьи 6 Афинского протокола о защите Средиземного моря от загрязнения из наземных источников 1980 г. (ныне п. 1 ст. 6 измененного Протокола 1996 г.) имеет прямое влияние, «так что любое заинтересованное лицо имеет право ссылаться на эти положения в национальных судах».[1193] Представляется, что подобные региональные инициативы являются мощным дополнительным инструментом в реализации международного экологического права на национальном уровне. В этом контексте показательным является развитие экологического права ЕС: директивы и регламенты, частично основанные на МЭС (например, по климату, химическим веществам, охране природы), формируют специфическую форму «региональной имплементации» международных обязательств, при которой государства-члены обязаны не только реализовывать МЭС, но и соблюдать более строгие стандарты Союза, контролируемые Судом ЕС.

Таким образом, несмотря на весьма значительную эволюцию МЭП в течение последних 50 с лишним лет, у нас, к сожалению, до сих пор нет полной картины, которая показала бы степень имплементации МЭС на национальном уровне. Последние тенденции в доктрине МЭП свидетельствуют как раз о необходимости эффективного осуществления и обеспечения соблюдения существующих МЭС в государствах, а не создания все новых и новых МЭС. Представляется, что корни этого явления в доктрине можно обнаружить еще на Конференции по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио, где прозвучал

[1192] Council Regulation (EC) No 338/97 of 9 December 1996 on the protection of species of wild fauna and flora by regulating trade therein // Official Journal of the European Communities. 1997. L 61, 3 March. P. 1-69.

[1193] Case C-213/03, Syndicat professionnel coordination des pêcheurs de l'étang de Berre et de la région v. Électricité de France: judgment of 15 July 2004 // European Court Reports. 2004. I-07357. (Second Chamber). Moiwana Community v. Suriname: judgment of 15 June 2005 // Inter-American Court of Human Rights. Ser. C. No. 124. San José: IACtHR, 2005.

лозунг: «Думай глобально, действуй локально». Тем не менее до сих пор не удалось выработать единых подходов для оценки имплементации. Методы, доступные для оценки степени имплементации, не говоря уже о ее эффективности, находятся все еще в зачаточном состоянии. Вследствие этого весьма непросто, исследовав известные малочисленные национальные судебные дела, в которых толкуются международные экологические обязательства, извлечь выводы относительно эффективности имплементации на национальном уровне. Возникает масса вопросов. Является ли национальное законодательство настолько хорошо разработанным, что лишь немногие случаи появляются в судебной практике? Или эта малочисленность есть результат судебной сдержанности, неприятия международного экологического права? Или это свидетельствует о некачественной имплементации, что в сочетании с очень жесткими требованиями, дороговизной судебного процесса сдерживает потенциальных истцов? Или мы просто не знаем о многих судебных делах, что является общей проблемой ограниченного распространения государственной экологической практики? Вместе с тем совершенно ясно, что как МЭП будет все более и более часто применяться в национальных судах, так и имплементация на законодательном уровне будет все чаще отслеживаться с помощью контрольных договорных механизмов (периодическое представление национальных докладов, мониторинг, процедуры соблюдения). Тем не менее, на наш взгляд, есть некоторые основания для оптимизма: МЭП все чаще пропитывает национальную политику и находит отражение в национальном праве, а судебные решения принимаются, пусть медленно, но неумолимо.

§ 2. Механизмы имплементации международных экологических обязательств в национальных правовых системах

Обязательства государств, вытекающие из МЭС, могут варьироваться от общих до конкретных, при этом государствам предоставляется значительная

свобода действий при реализации этих обязательств. Например, требование о введении «политики и мер» по сокращению выбросов парниковых газов (п. 2а ст. 4 РКИК ООН 1992 г.) дает государствам широкие возможности в выборе вариантов реализации по сравнению с обязательством запретить торговлю находящимися под угрозой исчезновения животными и растениями (п. 1 ст. VIII Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г., СИТЕС). Некоторые МЭС направляют действия сторон, например требуя от государств-участников разработки национальной стратегии по защите биоразнообразия. Другие МЭС предполагают определенный результат, например процентное снижение выбросов парниковых газов (Киотский протокол 1997 г. к РКИК). Использование рамочных договоров в МЭП допускает широкий спектр подходов к реализации, которые могут быть ограничены более поздними, более конкретными протоколами[1194]. Государства должны соблюдать международное обычное право, но это источник права, реализация которого может быть проблематичной на национальном уровне. Даже там, где обычай признается в национальном праве, он может пониматься настолько широко, что оставляет государствам много места для толкования при разработке национальных законов. Например, норма о публичном доступе к экологической информации получила статус обычной[1195]. Однако юридическое содержание этого обычая в разных странах может существенно различаться в связи с большим количеством исключений, прописанных в национальных законах о свободе информации[1196]. Мягкое право в области МЭП также является сложным вопросом реализации на национальном уровне. Принципы, составляющие ядро МЭП, независимо от того, содержатся ли они в договоре или в международном документе, не имеющем обязательной силы,

[1194] Weiss E. B. The Evolution of International Environmental Law / E. B. Weiss // Japanese Yearbook of International Law. 2011. Vol. 54. P. 1, 7.
[1195] Kravchenko S. Is Access to Environmental Information a Fundamental Human Right? / S. Kravchenko // Oregon Review of International Law. 2009. Vol. 11. No. 2. P. 227-284.
[1196] Etemire U. Public Access to Environmental Information: A Comparative Analysis of Nigerian Legislation with International Best Practice / U. Etemire // Transnational Environmental Law. 2014. Vol. 3. No. 1. P. 149-172.

могут быть важным элементом национальных законов и политики. Например, принцип предосторожности имеет различные проявления во многих внутренних юрисдикциях[1197]. Артикуляция актов мягкого права МЭП во внутренних сферах может составлять государственную практику и способствовать развитию МЭП в договорах или в качестве обычая.

Именно национальные правовые системы отвечают за реализацию международных экологических обязательств. Есть различные классификации государств, но в принципе эти классификации не слишком помогают при выявлении моделей имплементации. На наш взгляд, существует столько же различных методов имплементации международного права, сколько и государств. Например, международное право реализуется различными способами в Антигуа и Барбуде, Австралии, Бангладеш, Индии, ЮАР, Уганде и США. Правовое регулирование в этих государствах, в свою очередь, отличается от Великобритании, которая формировала правовые структуры в этих странах. Несмотря на множественность правовых систем, классический подход состоит в том, что существуют две теории соотношения международного и национального права, известные как монизм и дуализм. Нам представляется, что это различие сегодня скорее вводит в заблуждение из-за его неспособности признать множество концепций для реализации МЭС в разных странах. К различным факторам имплементации МЭП можно отнести такие как: наличие/отсутствие разделения полномочий между исполнительной, законодательной и судебной властью, а также форма этого разделения; роль этих органов в контроле за заключением договоров и признании обычного международного права, а также их роль в обеспечении эффективности международного права на национальном уровне; место, отводимое международному праву в национальной иерархии законов; дополнительные факторы, возникающие для федеративных государств[1198].

[1197] Implementing the Precautionary Principle: Approaches from the Nordic Countries, EU and USA / ed. by Nicolas de Sadeleer. London: Earthscan, 2007. 396 p.

[1198] Denza E. The Relationship between International and National Law / E. Denza // International Law / ed. by M. Evans. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 412-425.

Существуют значительные различия при имплементации МЭС, зависящие от политических, экономических и экологических факторов[1199]. Это вопросы, которые обычно поднимаются в ходе дискуссий об эффективности международного права. Государства могут выполнять свои международные экологические обязательства, но затем не выполнять или отказываться выполнять из-за политических или экономических обстоятельств. Демократия, «верховенство закона» и участие общественности часто пропагандируются как способствующие выполнению международных экологических обязательств, но недемократические государственные структуры также могут быть эффективными в выполнении международного экологического права. Неоконсерватизм в демократическом государстве может быть таким же препятствием для выполнения международного экологического права, как и коррупция в автократии. Государства с низким доходом могут столкнуться с трудностями в своих усилиях по выполнению международных экологических норм или по введению национальных законов в действие из-за отсутствия технических или финансовых ресурсов, необходимых для их поддержки. Все государства, включая государства с высоким доходом, могут быть непредсказуемыми в своих усилиях по выполнению МЭС, меняя свои законы и политику в угоду влиятельным внутренним электоратам (так, США вышли из Парижского соглашения в 2025 г., Канада вышла из Конвенции по борьбе с опустыниванием в 2013 г.)[1200]. Страны со здоровой, биологически разнообразной природной средой (например, государства Латинской Америки) могут придавать большее значение МЭП, чем страны с меньшим «природным капиталом». И наоборот, наличие меньшего биоразнообразия означает, что государство может больше потерять от невыполнения договора. Страны с очень уязвимой окружающей

[1199] Bodansky D. The Art and Craft of International Environmental Law / D. Bodansky. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. P. 205.
[1200] Peel J. Australia and International Environmental Law / J. Peel, T. Stephens // International Law in Australia / ed. by D. R. Rothwell, E. Crawford. 3rd ed. Pyrmont, NSW: Thomson Reuters (Professional) Australia, 2017. P. 457-483.

средой, где воздействие на нее легко ставит под угрозу продовольственную безопасность или вызывает экологическую миграцию, скорее всего, будут иметь убедительные стимулы для реализации МЭП. Предлагаемый «Многосторонний трастовый фонд» для сохранения эквадорского национального парка Ясуни, возможно, является примером того, как бедное государство, располагающее внушительными экологическими активами, просило богатые государства определить экономическую ценность сохранения экологически значимой территории. Когда инициатива не смогла привлечь достаточно средств от стран-доноров, правительство Эквадора открыло эту территорию для разведки нефти[1201].

Имплементация международного права в национальные юрисдикции тесно связана с практикой государств в соблюдении, признании и толковании ими международного права. Государства могут разделить эти обязанности между исполнительной, законодательной и судебной властями в соответствии с конституцией.

В некоторых государствах исполнительная власть страны несет исключительную ответственность за решения о заключении международных договоров. Исполнительная власть может иметь полномочия подписывать и ратифицировать или присоединяться к соглашениям с другими государствами, с уведомлением, например, парламента или без него. В частности, в таких странах, как Австралия, Канада, Израиль, Индия и Великобритания, исполнительная власть уполномочена заключать обязательные договоры от имени страны, но на практике некоторые или все договоры вносятся в

[1201] Haugen H. M. Financialization of Mother Earth: Do Offsets and Payments or Rights-Based Approaches Provide for Better Conservationist Approaches? / H. M. Haugen // Law, Environment and Development Journal. 2018. Vol. 14. No. 1. P. 1-18. Национальный парк Ясуни, одно из самых богатых биологическим разнообразием мест на Земле, является убежищем для бесчисленных видов и домом для коренных народов, включая народы, находящиеся в добровольной изоляции, которые сохраняли свой образ жизни на протяжении веков. В 1989 г. парк получил от ЮНЕСКО статус биосферного резервата. Он также жизненно важен для регулирования климата, и его защита позволит избежать миллионов дополнительных выбросов парниковых газов. Однако, несмотря на референдум и решение Конституционного суда, прогресс в его выполнении незаметен. 20 августа 2023 года граждане Эквадора на референдуме проголосовали против разработки месторождения нефти в национальном парке Ясуни, расположенном в бассейне реки Амазонки (58,99 % из более чем 10 млн человек). Ранее ежедневно на этом участке добывалось около 55 тыс. баррелей нефти, что составляет 11 % от общего объема добычи нефти в Эквадоре. В 2024 г. появились сообщения о бурении новых скважин в парке.

парламент до ратификации. Некоторые национальные законодательные органы имеют широкие полномочия по проверке международных соглашений до подписания или ратификации договора исполнительной властью от имени государства. В США Сенат должен одобрять договоры, прежде чем они могут быть ратифицированы, в то время как в Аргентине, Японии и Венесуэле необходимо получить одобрение двух палат парламента, прежде чем договор станет обязательным для государства. В других странах, таких как Венгрия, правительство и судебная система также участвуют в проверке договоров. Правовой статус международного документа может определять объем исполнительных полномочий по заключению международных соглашений. В некоторых странах указы от исполнительной власти могут быть изданы в отношении международных инструментов, разрешенных международным соглашением, участником которого государство уже является. Это различие было центральным в международных переговорах по Парижскому соглашению 2015 г.: для действовавшего в то время правительства США инструмент должен был характеризоваться как подпадающий под действие РКИК ООН, договора, участником которого США уже были, чтобы исполнительная власть могла присоединиться к соглашению без необходимости представлять его в качестве нового международного договора на утверждение Сената, возглавлявшего оппозицией.

Национальная реализация международного права, являющегося обязательным для государства, является автоматической в так называемых монистических государствах. Однако договоры и обычное международное право могут рассматриваться по-разному. В некоторых случаях договоры, касающиеся конкретного предмета, определяются как самоисполняемые во внутреннем законодательстве. Например, в Колумбии договоры о правах человека определены в конституции как самоисполняемые, в то время как МЭС были введены в действие судами посредством правовой доктрины,

известной как «блок конституционности»[1202]. Это различие было очевидно в деле, оспаривающем внутренние законы о лесном хозяйстве как противоречащие международно закрепленным правам человека и МЭС: вопрос был решен ссылкой на самоисполняемые договоры о правах человека, касающиеся прав коренных народов[1203]. Там, где международное право напрямую применяется в национальном законодательстве, оно может иметь тот же статус, что и конституционное право, или быть подчиненным конституции страны во внутренней иерархии законов. Например, в Нидерландах договорам предоставлена та же сила, что и конституции, в то время как Австрия, Египет, Германия и США считают договоры эквивалентными законам[1204]. Даже там, где международное право напрямую применяется, законодательство все равно может быть необходимо в определенных обстоятельствах.

В так называемых дуалистических государствах международное право преобразуется актом государства во внутреннее право. Опять же, можно провести различие между договорами и обычным международным правом. Договоры могут, например, быть имплементированы посредством законодательства, в то время как обычное международное право применяется напрямую как «закон страны». Некоторые государства требуют, чтобы национальное законодательство соответствовало договорным обязательствам до того, как государство представит документы о ратификации[1205]. Так, в Австралии легитимно предусмотрено, что министры будут действовать в соответствии с ратифицированным международным договором до того, как он будет официально принят посредством внутреннего законодательства.

[1202] Gómez-Velásquez A. The «Constitutionalization» Process of the International Environmental Law in Colombia / A. Gómez-Velásquez // Revista de Derecho. 2016. No. 45. P. 1.

[1203] Bonilla-Maldonado D. International Law, Cultural Diversity, and the Environment: The Case of the General Forestry Law in Colombia / D. Bonilla-Maldonado // International Environmental Law and the Global South / ed. by S. Alam, S. Atapattu, C. G. Gonzalez, J. Razzaque. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 1-26.

[1204] Sloss D. Domestic Application of Treaties / D. Sloss // The Oxford Guide to Treaties / ed. by D. B. Hollis. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 367-396.

[1205] Ebbesson J. Compatibility of International and National Environmental Law / J. Ebbesson. The Hague: Kluwer Law International, 1996. 301 p.

Часто именно суды способствуют трансформации обычаев во внутреннее законодательство. Такие известные дела, как дело «*Майнорс Опос против секретаря Департамента охраны окружающей среды и природных ресурсов»*[1206] на Филиппинах и дело «*Форум благосостояния граждан Веллора против Союза Индии и других»*[1207] в Индии, проложили путь для многих судебных органов, которые с тех пор уделяют особое внимание положениям обычного международного права, имеющим отношение к охране окружающей среды.

Толкование МЭП осуществляется в различных внутренних контекстах, в том числе при формулировании международных обязательств в национальных законах, применении законов административными органами и оценке или обеспечении соблюдения законов судами. В дополнение к толкованиям международного права, признанным во внутреннем праве, толкования внутреннего права могут основываться на международном праве или руководствоваться им, независимо от того, является ли оно обязательным для государства или нет. Например, Верховный суд Колумбии рассмотрел значимость нескольких международных актов в публично-правовом иске, касающемся вырубки лесов в Амазонии. Суд постановил, что международное право, включая Стокгольмскую и Рио-де-Жанейрскую декларации, представляет собой «глобальный экологический общественный порядок», призванный направлять национальное законодательство и «разрешать жалобы граждан на разрушение нашей среды обитания»[1208]. Национальные суды с особой юрисдикцией в отношении экологических вопросов могут способствовать внедрению международного экологического права. Обладая специальными знаниями, судьи и арбитры в экологических судах могут быть

[1206] Minors Oposa et al. v. Secretary of the Environment and Natural Resources Fulgencio Factoran, Jr., G.R. No. 101083, 30 July 1993 // Supreme Court of the Philippines.
[1207] Vellore Citizens Welfare Forum v. Union of India & Ors.: judgment of 28 August 1996 // Supreme Court of India. AIR 1996 SC 2715; (1996) 5 SCC 647 [Электронный ресурс]. URL: https://thelegalquorum.com/vellore-citizens-welfare-forum-v-union-of-india-1996/ (дата обращения: 26.08.2026).
[1208] Barragán Andrea Lozano and others v The President of Colombia and others STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia, Sala de Casacion Civil, MP Luis Armando Tolosa Villabona (5 April 2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.elaw.org/CO_Amazon (дата обращения: 02.08.2026).

хорошо подготовлены к выявлению и применению положений МЭП. Экологические суды в таких странах, как Бангладеш, Чили, Китай, Индия и Кения, сыграли важную роль в активизации международного экологического права во внутренней сфере[1209]. Опасения по поводу того, что специализация может помешать интеграции экологических вопросов в основные законы, не остановили продолжающееся создание экологических судов в государствах по всему миру (подробнее об этом в следующем параграфе). Международные суды могут быть призваны решать, было ли МЭП внедрено на национальном уровне. Например, в споре *«Индия – Определенные меры»*, касающемся солнечных элементов и солнечных модулей, разрешенном ВТО[1210], аргумент Индии о том, что оспариваемая мера реализует международные обязательства, был отклонен. Индия для обоснования своих требований к соблюдению ряда условий в производственном процессе преобразования солнечной энергии опиралась на несколько международных инструментов, включая РКИК ООН, Декларацию Рио и Рио+20 «Будущее, которого мы хотим». Однако Орган по урегулированию споров ВТО выразил неудовлетворенность тем, что «международные инструменты, которые определила Индия, являются правилами, составляющими часть ее внутренней правовой системы»[1211].

Существуют значительные пробелы в национальных мерах по реализации МЭС. Государства продолжают подвергаться критике со стороны других государств за несоблюдение ими обычного международного права, касающегося окружающей среды.

Многие из принципов МЭП, такие как сотрудничество, дифференцированная ответственность и участие общественности, направлены на содействие имплементации. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

[1209] Солнцев А. М. О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан / А. М. Солнцев, О. С. Музалева, А. С. Шварова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1(24). С. 28-36.

[1210] India – Certain Measures Relating to Solar Cells and Solar Modules: appellate Body Report of 16 September 2016: документ WT/DS456/AB/R.

[1211] Там же.

Принцип сотрудничества. Государства признали важность сотрудничества в защите окружающей среды, и этот принцип распространяется на международные усилия по реализации МЭП во внутренней сфере. Сбор информации и мониторинг имплементации, а также повышение осведомленности являются важными функциями сотрудничества, которые могут способствовать реализации МЭП. Механизмы посредничества и требования к отчетности в рамках МЭС генерируют информацию о состоянии окружающей среды, позволяющую делать прогнозы, которые могут быть важны для реализации МЭП. Национальные циклы отчетности могут гарантировать, что государства-участники регулярно работают над реализацией соглашений, обеспечивая тем самым определенную степень подотчетности других государств-участников и общественности за реализацию договорных обязательств. Инициативы, направленные на оптимизацию национальных отчетов для нескольких учреждений, могут способствовать реализации и сократить расходы[1212]. Некоторые МЭС создают экспертные договорные органы и работают с независимыми организациями для получения информации, важной для реализации МЭП. Вспомогательные органы, которые предоставляют научные или технические консультации, имеющие отношение к реализации договора, были созданы, например, в рамках СИТЕС 1973 г., РКИК ООН 1992 г., КБР 1992 г., Монреальского протокола 1987 г. и Конвенции о китобойном промысле 1946 г. Экспертная информация от международных организаций (таких как Международный союз охраны природы, Межправительственная платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам (ИПБЭС) и МГЭИК) также играет важную роль в мониторинге реализации международного экологического права. Отчеты государств доступны общественности, что может сыграть дополнительную роль в содействии имплементации. В рамках ООН заседания

[1212] Australian Government and the Secretariat of the Pacific Regional Environment Programme (SPREP) ‘Streamlined reporting by Pacific Island countries to the biodiversity-related multilateral environmental agreements’ (July 2010) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/doc/nr/finalreport.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

различных органов, имеющих экологическую компетенцию, могут способствовать реализации МЭП. Эти органы разрабатывают цели и отчитываются о прогрессе в достижении целей на национальном уровне. Цели устойчивого развития (ЦУР), например, включают экологические проблемы, которые рассматриваются ЮНЕП в рамках Глобальной экологической перспективы[1213]. Органы ООН проводят также аудит национального осуществления МЭС в целях содействия их осуществлению. Контроль за выполнением со стороны руководящих и вспомогательных органов МЭС также является совместным подходом к выполнению договорных обязательств[1214]. Представляется, что регулярные КС государств – участников МЭС сами по себе имеют важное значение для его выполнения. Договорные институты могут иметь ряд надзорных функций, включая относительно пассивный обзор национальных отчетов о выполнении, который может потребоваться в соответствии с договором, или осуществлять более активные формы мониторинга, из которых могут вытекать рекомендации по выполнению (данный вопрос мы детально анализировали в предыдущей главе). Например, в соответствии с КБР Конференция Сторон обязана «держать под контролем» реализацию договора, в том числе путем надзора за представлением национальных докладов и создания вспомогательных органов для консультирования по вопросам реализации (п. 4 ст. 23 КБР). Глобальная перспектива в области биоразнообразия готовится на регулярной основе для представления Конференции Сторон отчетов о состоянии биоразнообразия и национальной реализации. Конвенция об охране всемирного наследия 1972 г. активно отслеживает природные объекты, включенные в Список всемирного наследия, при этом вопросы реализации регулярно обсуждаются Комитетом всемирного наследия[1215]. Процессы надзора и мониторинга могут привести к

[1213] UNEP, Environment under review' [Электронный ресурс]. URL: https://www.unenvironment.org/explore-topics/environment-under-review (дата обращения: 10.04.2026).
[1214] Отрашевская А. М. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств / А. М. Отрашевская, А. М. Солнцев, П. Н. Юсифова // Московский журнал международного права. 2023. № 1. С. 47-75.
[1215] Buzzini G. Art 11 List of World Heritage in Danger and Deletion of a Property from the World Heritage List / G. Buzzini, L. Conorelli // The 1972 World Heritage Convention: A Commentary. OUP, 2008. P. 175.

рекомендациям и помощи в реализации отдельным государствам-участникам или к решениям, которые применяются к сторонам в целом. Механизмы договора по борьбе с несоблюдением также являются частью совместных усилий государств-участников, направленных на содействие реализации договорных экологических обязательств. Органы ООН, занимающиеся вопросами окружающей среды и режимами МЭС, также содействуют реализации международного экологического права путем повышения осведомленности об экологических ценностях и наносимом вреде. Например, цели, установленные для реализации КБР, включают обеспечение того, чтобы «люди знали о ценностях биоразнообразия и мерах, которые они могут предпринять для его сохранения и устойчивого использования»[1216]. ЮНЕП участвует в ряде мероприятий по информированию общественности, включая Всемирный день окружающей среды – 5 июня каждого года. Инициатива ЮНЕП «Искусство для окружающей среды» и другие проекты, основанные на искусстве, использовались в качестве важного средства повышения осведомленности об экологических ценностях и вреде среди представителей государств, посещающих заседания ООН. В 2012 г. в Индии была организована передвижная выставка ‘Science Express – Biodiversity Special’ для информирования общественности о биоразнообразии, которая совпала с проведением в стране заседания Конференции Сторон КБР.

Общая, но дифференцированная ответственность. Несмотря на сдвиги в своей концепции, принцип общей, но дифференцированной ответственности остается средством, с помощью которого развивающиеся страны могут получить различные формы помощи в реализации МЭП. Положения о передаче технологий, наращивании потенциала и финансовой помощи в МЭС являются типичными мерами, направленными на обеспечение выполнения договорных обязательств на Глобальном Юге. Например, положения о передаче технологий в Монреальском протоколе требуют, чтобы «наилучшие

[1216] Decision X/2 «The Strategic Plan for Biodiversity 2011-2020 and the Aichi Biodiversity Targets»: документ ООН UNEP/CBD/COP/DEC/X/2 от 29 октября 2010.

имеющиеся, экологически безопасные заменители и соответствующие технологии оперативно передавались» развивающимся странам «на справедливых и наиболее благоприятных условиях» (п. «А» ст. 10). Передача этой технологии была необходима для реализации данного договора в развивающихся странах[1217]. Требования по наращиванию потенциала в рамках МЭС, такие как содействие потенциалу управления опасными отходами в развивающихся странах в соответствии с Базельской конвенцией 1989 г., также направлены на поддержку реализации договора. Финансовая помощь является еще одним проявлением принципа общей, но дифференцированной ответственности. В тех случаях, когда МЭС обусловливают обязательства развивающихся стран финансовой помощью со стороны развитых стран, существует прямая связь между реализацией и дифференцированной ответственностью. Проблемы возникают, когда эти положения о технической и финансовой помощи сами по себе не реализуются или когда они реализуются таким образом, что это способствует интересам стран-доноров в ущерб интересам развивающихся государств[1218]. Инициативы, направленные на наращивание потенциала стран глобального Юга, могут решить некоторые из этих проблем, хотя они в меньшей степени акцентируют внимание на ответственности промышленно развитых государств за поддержку развивающихся стран в их усилиях по реализации.

Участие общественности в международном и национальном управлении окружающей средой является принципом, который важен для реализации международных экологических обязательств. Этот принцип был распространен на другие области международного права, влияющие на внутренние меры по охране окружающей среды, такие как правила и институты ВТО. Следование данному принципу проявилось в широком

[1217] Lawrence P. M. Technology Transfer Funds and the Law – Recent Amendments to the Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer / P. M. Lawrence // Journal of Environmental Law. 1992. Vol. 4. No. 1. P. 15-27.

[1218] Mickelson K. South, North, International Environmental Law, and International Environmental Lawyers / K. Mickelson // Yearbook of International Environmental Law. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 52-81.

участии гражданского общества в международных экологических конференциях и КС по МЭС. Это относится к ряду негосударственных субъектов и различным формам участия, в частности в создании и реализации МЭП, а также к механизмам подотчетности. Участие общественности может быть как внутренним по отношению к процессам управления (например, участие НПО в Комитете по соблюдению Орхусской конвенции 1998 г.), так и внешним по отношению к договорному режиму, варьируясь от технической помощи в реализации до проверки и порицания.[1219] Вмешательство организаций, представляющих общественные интересы, в национальные и международные споры также выполняет важную функцию в реализации МЭП.

Состояние глобальной окружающей среды и мрачные прогнозы относительно здоровья экосистем планеты оправдывают критическое осмысление основ и методов МЭП. Мировой экологический кризис обусловливает также опору на законы и институты, которые государства создавали на протяжении многих десятилетий для защиты окружающей среды. Национальная имплементация – это заключительный этап, на котором МЭС должны вступить в силу. Однако природа МЭП постоянно развивается. Концепция имплементации как навязывание сверху вниз «права наций» государствам слишком ограниченна для МЭП. Как продемонстрировано в Парижском соглашении, государства открыто определяют свои международные обязательства по охране окружающей среды в свете неэкологических внутренних проблем, в то время как негосударственные субъекты берут на себя ответственность за охрану окружающей среды на местном уровне в свете глобальных экологических последствий. Эти факты отличают МЭП от других областей международного права, требуя иной концепции глобального правотворчества и имплементации как функции

[1219] Солнцев А. М. Орхусский комитет как договорный механизм по соблюдению экологических обязательств государств: quo vadis? / А. М. Солнцев // Международные организации в современном мире: право и политика: материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». М.: Российский университет дружбы народов, 2023. С. 110-116.

государства и – в большей степени – как продукта общественной деятельности.

§ 3. Создание и функционирование национальных экологических судов

Специализированные экологические суды повышают фокусировку правоприменения, усиливают судебный контроль за соблюдением природоохранных норм и создают более устойчивые механизмы защиты публичного экологического интереса. Создание национальных экологических судов следует рассматривать, с одной стороны, как внутреннюю национальную необходимость по укреплению экологической безопасности, а с другой – как институциональную меру по обеспечению эффективного исполнения международных экологических обязательств.

В МЭП проблема исполнения остается одной из ключевых: принятие договора само по себе не гарантирует его реализации, поскольку механизмы мониторинга и принуждения нередко обладают ограниченной обязательной силой. В этих условиях национальные экологические суды выступают как внутренний институциональный канал имплементации международных обязательств, обеспечивая их перевод в практику административного и судебного контроля. Такая модель соответствует более широкому подходу, предполагающему развитие механизмов выполнения.

На наш взгляд, национальные экологические суды выполняют по меньшей мере три функции: во-первых, они обеспечивают единообразное и квалифицированное применение экологического законодательства; во-вторых, повышают доступность правосудия для граждан и общественных объединений; в-третьих, способствуют превентивной защите окружающей среды за счет более оперативного реагирования на экологический вред. Для международных обязательств это особенно важно в тех сферах, где требуются оценка воздействия на окружающую среду, предупреждение трансграничного вреда и контроль за соблюдением стандартов устойчивого развития.

Разумеется, важно отметить, что с точки зрения международного права национальные экологические суды не заменяют договорных и квазисудебных механизмов. Создание таких судов способствует реализации принципа добросовестного исполнения обязательств и повышает вероятность фактического соблюдения норм МЭП. Кроме того, специализированная судебная защита позволяет учитывать научную сложность экологических споров и тем самым уменьшает разрыв между международными обязательствами и национальной правоприменительной практикой. Таким образом, создание национальных экологических судов представляет собой не факультативную институциональную новацию, а значимую меру имплементации международных экологических обязательств. Их развитие укрепляет правоприменение, повышает уровень экологической ответственности государства и способствует более полному воплощению целей международного экологического права в национальной юрисдикции. С международно-правовой точки зрения такие суды выступают как «внутренние звенья» механизма выполнения обязательств Устава ООН и принципа *pacta sunt servanda*: они обеспечивают перевод абстрактных обязательств в конкретные решения по делам о вреде окружающей среде, доступе к информации, участии общественности и оценке воздействия на окружающую среду.

Во многих странах мира экологические суды были созданы и успешно функционируют. Причем если до начала экологического движения 1970-х годов существовало только несколько специализированных органов по рассмотрению споров, связанных с окружающей средой, то в 2009 г. их стало 350, а на 2016 г., по данным ЮНЕП, созданы и функционируют более 1200 национальных экологических судебных инстанций в 44 государствах[1220]. Приведенная статистика показывает, что бóльшая часть из них появилась

[1220] Pring G., Pring C. Specialized Environmental Courts & Tribunals: Improved Access to Justice for Those Living in Poverty [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf (дата обращения: 12.07.2026).

именно за последние 10 лет (например, в Боливии, Бельгии, Китае, Англии, Парагвае, Филиппинах, ЮАР, Таиланде)[1221].

Среди основных факторов, определивших столь резкое увеличение числа специализированных экологических судов, можно назвать следующие: рост количества и масштабов экологических проблем; принятие во многих странах комплексного экологического законодательства; активизацию позиции гражданского общества (в том числе активное участие НПО в судебных разбирательствах); неспособность судов общей юрисдикции эффективно осуществлять правосудие в сфере защиты окружающей среды[1222].

С одной стороны, каждый из таких судебных институтов является уникальным, поскольку экологические проблемы, в ответ на которые создавались эти органы, нормативно-правовая база, политические институты, а также культурные и религиозные нормы в различных странах разнятся. Однако, с другой стороны, все экологические суды имеют определенные общие черты и вносят значительный вклад в процесс разрешения экологических споров[1223].

Несмотря на заявления противников специализированных судов, рост количества имеющихся экологических судов показывает, что идея их организации более чем жизнеспособна. При создании экологического суда необходимо решить целый комплекс вопросов, таких как вид суда, юрисдикция, уровень в системе национальных судов (низшие инстанции, Верховный суд), территориальное действие, объем дел, процессуальная правоспособность, затраты, доступ к научной и технической экспертизе, альтернативное урегулирование споров, компетенция судей, управление делами; исполнение решений и способы правовой защиты.

[1221] Pring G., Pring C. Increase in environmental courts and tribunals prompts new global institute / G. Pring, C. Pring // Journal of court innovation. 2010. Vol. 3. № 1. P. 11-12.
[1222] Preston B. J. Operating an Environment Court: The Experience of the Land and Environment Court of New South Wales / B. J. Preston // Environmental and Planning Law Journal. 2008. Vol. 25. No. 6. P. 385-409.
[1223] Abed de Zavala S. An Institute for Enhancing Effective Environmental Adjudication / S. Abed de Zavala, A. H. Benjamin, H. G. Davide Jr. [et al.] // Journal of Court Innovation. 2010. Vol. 3. No. 1. P. 1-10.

Экологический суд может быть создан в качестве специализированного суда, как, например, в штате Вермонт (США)[1224], Новом Южном Уэльсе (Австралия), Онтарио (Канада), Новой Зеландии. Это независимые от исполнительной и законодательной власти суды, в которых работают судьи-эксперты в области экологического права; их деятельность финансируется отдельно[1225]. Экологический суд может функционировать также в рамках судебной системы в качестве подразделения, рассматривающего экологические споры. Подобная система действует в Нидерландах, Дании, Финляндии, Швеции. Это может быть также суд, состоящий не только из профессиональных судей, но и из непрофессионалов в сфере права. Так, в Кении в Национальный экологический трибунал назначают председателя, имеющего квалификацию судьи Высокого суда, адвоката Высокого суда Кении, выдвигаемого ассоциацией юристов Кении, юриста, специализирующегося на экологическом праве, а также двух лиц, обладающих знаниями в области экологического менеджмента[1226].

Большое значение имеет географический охват, особенно для тех стран, где есть труднодоступные районы. Для решения подобных проблем в разных государствах используются различные способы. Например, экологический суд в Новой Зеландии является районным судом. В ряде стран проводятся онлайн-слушания, используются теле- и видеоконференции (например, в Австралии)[1227]. В связи с тем, что экологические проблемы – это сложный комплекс вопросов, который затрагивает как правовые аспекты, так и аспекты технического характера, может потребоваться соответствующая экспертиза. Вопрос привлечения экспертов представляется важным при рассмотрении дел

[1224] Чернов С. Н. Опыт рассмотрения экологических дел судами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Экологический суд штата Вермонт (Environmental court of Vermont) и Арбитражный суд Республики Карелия / С. Н. Чернов // Юрист. 2018. № 5. С. 51-56.

[1225] Солнцев А. М. О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан / А. М. Солнцев, О. С. Музалева, А. С. Шварова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1(24). С. 28-36.

[1226] The Environmental Management and Co-ordination Act № 8 от 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Kenya/KE_Environmental_Management_Act.pdf (дата обращения: 11.05.2026).

[1227] The Land and Environment Court Act 1979 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawlink.nsw.gov.au (дата обращения: 1.06.2026).

данной категории. Существуют разные подходы к привлечению экспертов. Суд может сам назначить экспертов за счет средств, заложенных в бюджет суда (Онтарио, Канада), либо основываться на экспертных заключениях, представленных сторонами (Вермонт, США), или услуги экспертов оплачиваются сторонами, но действуют по указанию суда (Новый Южный Уэльс, Австралия). Эксперты могут также выступать в равном качестве с судьями. Такая модель существует в Швеции и Индии[1228].

Интересна структура экологического суда в Новой Зеландии. Он состоит из главного судьи, судейского корпуса, комиссаров и их заместителей. Судьи одновременно являются судьями районных судов. Комиссары назначаются на пять лет и должны обладать знаниями и опытом в соответствующих областях (местное самоуправление, управление ресурсами, экология, технические науки, геодезия, ландшафтная архитектура, альтернативные средства разрешения споров и проблемы, связанные с коренными народами маори). Обычно в судебном процессе участвуют один судья и два комиссара, то есть обеспечивается объективное рассмотрение дела – с позиции права и с учетом знаний в специальных областях[1229]. Большое внимание уделяется альтернативным методам разрешения споров. Комиссар может выступить в качестве медиатора. Если спор не урегулирован посредством медиации, то он подлежит рассмотрению в суде; при этом комиссар, являющийся медиатором в данном споре, не может участвовать в судебном процессе, если стороны не дадут на это своего согласия. В Новой Зеландии такой способ разрешения споров активно используется судом: с его помощью разрешается около 50 % дел[1230]. В целом использование альтернативных методов разрешения споров обеспечивает гибкость судебной системы на основе естественной

[1228] Pring G., Pring C. Specialized Environmental Courts & Tribunals [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf (дата обращения: 12.07.2026).

[1229] Resource Management Act № 69 (22 July of 1991) [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf (дата обращения: 11.05.2019).

[1230] Oliver M. Environment Commissioner of Environment Court of New Zealand. Implementing Sustainability [Электронный ресурс] // New Zealand's Environment Court Annexed Mediation. Fifth International Conference on International Environmental Law (8-9 December 2007, New Delhi, India). URL: http://www.leadr.co.nz/db/images/M_PDFs/marlene%20oliver%20paper.pdf (дата обращения: 30.05.2026)

справедливости и разумности и позволяет суду оперативно откликаться на разнообразие и сложность рассматриваемых дел.

Вообще идея укрепления экологического правосудия поддерживается на международном уровне, причем, помимо создания экологических судов на национальном уровне, давно обсуждается идея учреждения международного экологического суда (что мы подробно обсуждали выше).

В декабре 2006 г. на заседании экспертов по экологическому праву ЮНЕП была принята «Бандунгская дорожная карта», в которой в качестве одной из рекомендаций значилось «содействие разработке механизмов для поддержки мирного процесса урегулирования экологических споров, включая использование арбитража, судебных и других механизмов разрешения экологических споров»[1231].

Цели устойчивого развития на период 2016–2030 гг., принятые всеми 193 государствами – членами Организации Объединенных Наций, предусматривают содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечения доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях (цель 16) (Sustainable development goals 2015). Эта цель, безусловно, расширяет принцип 10 Декларации Рио-де-Жанейро, который признает устойчивое развитие достижимым только посредством доступа граждан к эффективным, подотчетным и демократическим институтам.

По мнению экспертов ЮНЕП, наиболее эффективная модель экологических судов – это специализированные независимые судебные учреждения (как в Новой Зеландии, Новом Южном Уэльсе в Австралии). При

[1231] Bandung Roadmap for Advancement of Environmental Law in Support of the New Asian-African Strategic Partnership [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/law/Calendar/PDF_docs/Bandung-Roadmap-info-note.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

этом для оптимальной эффективности независимые экологические суды должны иметь и свой порядок судопроизводства[1232].

Многие российские исследователи считают создание экологических судов целесообразным, но по-разному понимают подведомственность таких судов. Например, вносятся предложения о разрешении такими судами дел о защите экологических прав человека, в том числе нарушенных вследствие изменения климата[1233].

А. Ю. Чикильдина в статье, посвященной обзору зарубежного опыта функционирования земельных судов, выдвигает предложение по созданию экологического суда, подобного земельному и экологическому суду Нового Южного Уэльса, который обладал бы эксклюзивной юрисдикцией, то есть никакой другой суд уже не мог бы осуществлять полномочий по разрешению дел в сфере природопользования и охраны окружающей среды[1234].

По нашему мнению, в России потребность в создании экологических судов особенно актуальна, когда речь идет о разрешении дел о привлечении к ответственности за экологические правонарушения, в особенности дел о возмещении экологического вреда ввиду особой сложности данной категории дел и значительности сумм заявленных исковых требований.

Учреждение экологических судов подразумевает изменение порядка привлечения к ответственности за экологические правонарушения и внесение существенных изменений в действующее экологическое и процессуальное законодательство.

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 118) в Российской Федерации существует четыре вида судопроизводства: конституционное, гражданское, административное и уголовное.

[1232] Pring G., Pring C. Specialized Environmental Courts & Tribunals: Improved Access to Justice for Those Living in Poverty [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf (дата обращения: 12.07.2026).

[1233] Анисимов А. П. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США / А. П. Анисимов // Matters of Russian and International Law. 2015. № 10. С. 23.

[1234] Чикильдина А. Ю. Земельные суды: зарубежный опыт / А. Ю. Чикильдина // Политика, государство и право. 2014. № 2. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2014/02/1245 (дата обращения: 28.07.2026).

Таким образом, осуществление экологического судопроизводства без внесения изменений в Конституцию РФ невозможно.

В настоящее время, согласно Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», судебная система состоит из федеральных судов и судов субъектов РФ.

К федеральным судам относятся: Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации; верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов. То есть специализированные суды могут быть созданы как в системе судов общей юрисдикции, так и в системе арбитражных судов.

Пример создания специализированного суда по интеллектуальным правам в составе арбитражных судов и внесение в связи с этим поправок в федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[1235] позволяют надеяться, что создание еще одного специализированного суда в системе арбитражных судов или судов общей юрисдикции возможно.

Причины создания суда по интеллектуальным правам во многом сходны с доводами, приведенными в настоящей статье в пользу учреждения экологических судов: увеличение числа узкоспециализированных споров, потребность в профессиональном специализированном суде, способном

[1235] Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7334.

рассмотреть спор качественно не только с правовой точки зрения, но и с учетом специфики дела[1236].

По примеру судов по интеллектуальным правам судьи в экологических судах должны обладать бóльшим опытом в разрешении специализированных споров, нежели их коллеги в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, поскольку наличие такового будет являться обязательным критерием для их назначения.

Судебный порядок возмещения экологического вреда, который в настоящее время применяется в России, имеет свою специфику, обусловленную особенностями объекта охраны, когда «любое причинение вреда окружающей среде, выразившееся в ее загрязнении сверх установленных нормативов, уничтожении или повреждении отдельных природных объектов, либо создание реальной угрозы причинения такого вреда всегда является нарушением публичного (общественного) интереса»[1237]. Подобного рода дела требуют специальных знаний в области экологии и экологического права. Проблема усугубляется тем, что большинство судей не изучали детально экологическое право на юридических факультетах, оно не было включено в программу юридического образования в пору их обучения. Поскольку эта проблема признается повсеместно в мире, то было принято решение в 2016 г. учредить Глобальный институт судей, специализирующихся на защите окружающей среды (Global Judicial Institute for the Environment, GJIE)[1238]. В 2016 г. был подготовлен и принят *Устав* этого Института[1239].

[1236] Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона № 446365-5 «О внесении изменений в федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам», внесенному Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации в Государственную Думу 27 октября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902314840 (дата обращения: 02.05.2026).

[1237] Данилова Н. В. Право на благоприятную окружающую среду: социальная ценность, содержание и способы защиты / Н. В. Данилова // Экологическое право. 2015. № 3 (4) С. 3-8.

[1238] Global Judicial Institute for the Environment [Электронный ресурс]. URL: https://www.iucn.org/commissions/world-commission-environmental-law/wcel-resources/global-judicial-institute-environment (дата обращения 01.08.2026 г.).

[1239] Charter of the Global Judicial Institute for the environment [Электронный ресурс]. URL: https://www.iucn.org/sites/dev/files/content/documents/charter-of-the-global-judicial-institute-rio-de-janeiro-29-april-2016-_0.pdf (дата обращения 01.08.2026 г.).

Миссия Института состоит в поддержке роли судов и трибуналов в деле применения и обеспечения соблюдения экологического законодательства и международного экологического права, а также в содействии экологической законности и справедливому распределению экологических выгод. Основные направления деятельности Глобального института включают повышение квалификации судей, обмен опытом, техническую поддержку, развитие образовательных программ. Данная инициатива крайне интересна, особенно с учетом положительной динамики результатов деятельности подобного регионального института – Форума судей ЕС, специализирующихся на защите окружающей среды, учрежденного в 2004 г.[1240]

В сочетании с вышеуказанными недостатками норм материального права, в частности с отсутствием цели возмещения вреда по восстановлению окружающей среды, приоритета возмещения вреда в натуральной форме и целевого характера средств, полученных в счет возмещения ущерба, применением метода косвенных затрат при оценке размера причиненного вреда, проблемы процессуального характера приводят во многих случаях к необъективному принятию решений.

В соответствии с позицией Верховного суда РФ для правильного разрешения вопросов, требующих специальных знаний, в том числе в области определения источника происхождения вреда, механизма его причинения, его размера, объема необходимых восстановительных работ, возможности и сроков их проведения, по делу могут проводиться соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других[1241].

До недавнего времени судебная экологическая экспертиза не находила широкого применения и назначалась по рассматриваемым категориям дел

[1240] EU Forum of Judges for the Environment [Электронный ресурс]. URL: https://www.eufje.org/index.php?lang=en (дата обращения: 01.08.2026).

[1241] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. С. 3-16.

достаточно редко. Но ситуация постепенно меняется, и в 2015–2017 гг. было принято уже довольно много судебных актов, основанных на экспертных заключениях[1242].

Специалистами отмечается, что в сложившейся ситуации роль судебно-экологической экспертизы в нашей стране неуклонно растет, но при этом наблюдается проблема нехватки квалифицированных кадров. В настоящее время судебно-экологическая экспертиза проводится либо юристами, не имеющими специальных знаний в области экологии и в силу этого не способными понять суть происходящих изменений в состоянии компонентов окружающей среды и количественно оценить их, либо экологами, не владеющими юридическими знаниями и навыками экспертной работы в рамках судопроизводства[1243].

Вопрос подготовки квалифицированных кадров может быть решен при формировании особого порядка привлечения к ответственности за причинение вреда окружающей среде и за другие экологические правонарушения путем создания специализированных судов, рассматривающих экологические споры, – экологических судов. При рассмотрении дел специалистами, обладающими познаниями в области как экологического права, так и экологии, необходимость в назначении дорогостоящей судебной экологической экспертизы во многих случаях отпала бы.

Следует особо подчеркнуть, что создание экологических судов в России – это не вопрос, который должен быть сиюминутно решен в условиях наших постоянно меняющихся реалий. Представляется возможным в данном случае опираться на метод инкрементализма. Суть его, по словам Дж. Квинна, состоит в том, «чтобы добиться последовательного, шаг за шагом движения в направлении намеченных целей, которые на начальном этапе изменений сильно размыты и постоянно уточняются и переформулируются по мере

[1242] Например, судебные акты по делам № А54-3747/2016, № А64-1443/2015.

[1243] Черных Н. А. Судебно-экологическая экспертиза: учебное пособие / Н. А. Черных, А. И. Усов, Г. Г. Омельянюк. М.: РУДН, 2008. 260 с.

поступления новой информации»[1244]. Главное – выбрать цель и постепенно двигаться к ней.

Предимплементационная оценка готовности государства к ратификации МЭС и последующее формирование национальных планов по соблюдению обязательств свидетельствуют о переходе от формального консентного подхода («согласие на обязательства») к субстантивному подходу, когда способность к исполнению становится частью легитимности участия в режимах. Такая практика объективно снижает риск «несостоятельного согласия» (вступления в договор без институциональной и правовой емкости для его реализации) и одновременно повышает требования к качеству национального экологического управления.

Примеры российской климатической доктрины и готовящейся Стратегии по биоразнообразию демонстрируют контуры новой формы «программной имплементации», в которой МЭС не просто транспонируются в законы, а встроены в долгосрочные стратегии, информационные системы и технологические платформы (ГИС, дистанционное зондирование, ИИ). Это смещает центр тяжести имплементации с единичных нормативных актов к комплексным политикам и инфраструктурам данных, тем самым превращая экологические обязательства в структурный элемент национальной модели развития.

Проникновение экономических и рыночных механизмов в МЭП отражает глубинную трансформацию самой дисциплины от преимущественно санкционно-запретительной модели к модели управляемых стимулов, основанной на количественных показателях, гибких регулятивных конструкциях и анализе издержек. Тем самым МЭП все меньше мыслится как «право ограничений» и все больше – как инженерия поведения через ценовые сигналы и создание специализированных рынков (например, рыночных механизмов декарбонизации авиационной отрасли типа CORSIA).

[1244] Квинн Дж.Б. Управление стратегическими изменениями / Дж.Б. Квинн // Управление изменением: хрестоматия / под ред. З. Ш. Атаян. Жуковский: МИМ ЛИНК, 2000. 223 с.

Накопленный опыт применения рыночных инструментов одновременно показывает, что их нормативная легитимность оказывается не менее проблематичной, чем экономическая эффективность: они сталкиваются с классическими доктринами ответственности, равенства и недискриминации, а также с вопросами распределения экологических выгод и бремени. Это порождает парадокс: инструменты, предлагаемые как «менее затратные и более инновационные», оказываются источником новых форм неравенства и спорной юридической конструктивности, что требует переосмысления их места в архитектуре экологического права.

Современный этап развития рыночных механизмов в климатической сфере (включая CORSIA) можно описать как фазу «критической стабилизации», когда они уже институционально укоренены в договорах и национальных системах, но их дальнейшая эволюция зависит от способности пройти многоуровневую оценку – экономическую, экологическую и правовую. В результате вопрос о будущем таких механизмов смещается от вопроса «применять или нет» к более сложному вопросу: как вписать их в систему ценностей и принципов МЭП, не разрушая ее нормативную целостность.

Накопленная практика ссылок национальных судов на экологические нормы и МЭС демонстрирует постепенное формирование своеобразной «юрисдикционной сети имплементации», в рамках которой суды становятся ключевым каналом проникновения международных стандартов внутрь национальных правопорядков. Климатические и экологические иски в национальных судах показывают, что суды стали ключевыми площадками, где международные принципы (предосторожности, устойчивого развития, межпоколенческой ответственности) приобретают конкретное содержание и применяются к государственным политикам и корпоративным стратегиям. Однако научная литература систематически недооценивает их роль в этом процессе, что создает методологический разрыв между реальной судебной практикой и доктринальным описанием имплементации.

Российская модель судебной системы, допускающая создание специализированных судов, в сочетании с глобальными инициативами по климатическому и экологическому судейскому обучению (GJIE, специализированные форумы судей) показывает, что имплементация экологических обязательств зависит не только от норм, но и от «эпистемологической готовности» судебного корпуса. Сложность экологических дел, публичный интерес к ним и их междисциплинарный характер делают экологическую юстицию областью, где институциональный дизайн (специализированные суды, обученные судьи) становится условием само́й возможности эффективного применения международных норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило комплексно и всесторонне рассмотреть механизмы выполнения международных экологических обязательств в контексте современного международного права, выявить их теоретико-правовые основания, институциональные параметры и практические последствия реализации в условиях усиливающегося тройного планетарного кризиса. Логика работы – от постановки проблемы и анализа доктринальных подходов через исследование международно-правовых обязательств и практики их применения к формулировке авторской концепции и выводов – обеспечила внутреннюю целостность диссертации и последовательное разрешение поставленных задач.

В диссертации показано, что исследуемая категория механизмов выполнения международных экологических обязательств сформировались на стыке классических международно-правовых конструкций и новых императивов тройного планетарного кризиса, что обусловило их межотраслевой и междисциплинарный характер. В работе обосновано, что традиционные доктринальные подходы требуют концептуальной доработки с учетом современных вызовов и эволюции международных экологических обязательств.

На основе анализа договорной базы, актов международных организаций и практики международных судебных и квазисудебных органов показано, что исследуемая сфера является крайне важной для повышения эффективности международного экологического права, особенно благодаря развитию процедур мониторинга и контроля соблюдения обязательств. Существенный вклад работы в изучаемую область международного права состоит в классификации международно-правовых обязательств, разграничении материальных и процессуальных обязательств, обязательств результата и поведения, а также в демонстрации взаимосвязи между мягким правом и юридически обязательными нормами в формировании стандартов поведения государств и иных акторов.

В диссертации развивается теоретическая модель соотношения универсального и регионального уровней регулирования в исследуемой сфере, в рамках которой выявлено, что эффективность международно-правовых механизмов во многом зависит от согласованности глобальных МЭС, региональных соглашений и национального имплементационного законодательства. В настоящем исследовании продемонстрировано, что фрагментация регулирования может быть преодолена посредством формулирования общих принципов и стандартов, выполняющих роль системообразующей «матрицы» для дифференцированных международных экологических обязательств государств с учетом их особых обстоятельств и уровня экономического развития.

Значимым результатом исследования является уточнение содержания и пределов международно-правовой ответственности, а также различных форм реагирования на нарушения в рассматриваемой области, включая превентивные, репрессивные и восстановительные механизмы. Показано, что сегодня проявляется тенденция к усилению превентивной и корректирующей составляющих, переносу акцента на процедуры отчетности по выполнению международных экологических обязательств, повышению транспарентности и участия заинтересованных сторон, а также к постепенному расширению возможностей для обращения к международным судебным и арбитражным процедурам.

Диссертант предлагает авторскую концептуализацию роли научного знания и экспертизы в формировании и применении международно-правовых норм в исследуемой области, обосновывая необходимость институционализированного диалога между МЭП и наукой. Показано, что опора на научно обоснованные данные и междисциплинарные оценки становится неотъемлемым условием легитимности и эффективности международных решений, а также важным элементом процедур добросовестного исполнения международных экологических обязательств.

Все поставленные в диссертации цели и задачи получили последовательное и аргументированное разрешение в ходе исследования. Теоретическая цель – разработка и углубление доктринального понимания природы, принципов и механизмов исследуемого института – достигнута через критический анализ существующих научных подходов, формулирование авторских дефиниций и концепций, а также систематизацию международно-правовых норм и практики их применения.

Задачи, связанные с выявлением эволюции договорного регулирования, институциональной архитектуры и судебной практики, реализованы посредством подробного анализа универсальных и региональных договоров, резолюций международных организаций, решений международных судов и актов квазисудебных органов. Эмпирическая база исследования позволила автору не только подтвердить выдвинутые гипотезы, но и уточнить ряд доктринальных положений, предложив более нюансированный взгляд на динамику международно-правового регулирования.

Методологические задачи, включавшие в себя отбор и обоснование комплекса методов, нашли отражение в структуре работы и способе анализа материалов, что обеспечило ее научную достоверность и объяснительную силу. В результате был сформирован целостный исследовательский подход, который может быть воспроизведен и адаптирован для изучения других смежных институтов международного права.

Научная новизна диссертации проявляется в нескольких ключевых аспектах. Предложена систематизированная авторская концепция исследуемых механизмов международного права как комплексного образования, находящегося на пересечении различных отраслей, что позволяет преодолеть традиционную фрагментацию анализа и рассматривать его в единой международно-правовой рамке. В диссертации разработаны уточненные определения базовых понятий, отражающие их современное содержание с учетом тройного планетарного кризиса, а также предложена оригинальная классификация международных экологических обязательств.

Такая классификация учитывает степень их определенности, юридическую силу, механизм обеспечения исполнения и характер адресатов, что повышает аналитическую пригодность концепта в доктрине и практике.

В работе выявлены и описаны новые тенденции в правоприменении, включая развитие практики международных судебных и квазисудебных органов, расширение круга субъектов, вовлеченных в процедуру выработки и реализации решений, и усиление роли мягкого права и рекомендаций международных организаций. Показано, что эти тенденции формируют условия для эволюции МЭП в сторону более гибких, но в то же время более детализированных режимов регулирования.

В диссертации предложены критерии оценки эффективности международно-правовых механизмов в рассматриваемой сфере, сочетающие юридические, институциональные и фактические параметры (степень исполнения обязательств, уровень транспарентности процедур, качество отчетности, наличие специализированной экспертизы и др.). Эти критерии могут быть использованы как в научных исследованиях, так и в практической деятельности международных организаций, органов и национальных органов власти.

Практическая значимость диссертации проявляется, во-первых, в возможности применения разработанных выводов и рекомендаций в деятельности национальных органов государственной власти при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики в исследуемой области. Систематизация международных обязательств и принципов, проведенная в работе, может служить ориентиром при подготовке нормативных актов, стратегий и программ, а также при участии в международных переговорах и разработке позиций государств.

Во-вторых, результаты исследования представляют ценность для международных организаций и договорных органов, участвующих в формировании и мониторинге выполнения соответствующих экологических обязательств. Предложенные автором подходы к структурированию норм, их

классификации и оценке эффективности режимов регулирования могут быть использованы при подготовке аналитических докладов, рекомендаций и проектов решений, а также при пересмотре действующих МЭС и механизмов их реализации.

В-третьих, диссертация обладает значимой образовательной и педагогической ценностью, поскольку ее выводы и концепции могут быть интегрированы в учебные курсы по международному праву, международному экологическому праву, защите экологических прав человека. Материал работы позволяет обновить и углубить содержание лекционных курсов, спецкурсов и семинаров, а также может использоваться при подготовке учебных и методических пособий, практикумов и кейс-стади для студентов и аспирантов.

В-четвертых, предложенные автором практические рекомендации, касающиеся совершенствования договорных механизмов, процедур мониторинга, отчетности и участия заинтересованных субъектов, могут быть учтены при разработке национальных и международных актов, а также при формировании правовых позиций в рамках международных переговорных процессов. Это усиливает прикладной потенциал диссертации и подтверждает ее актуальность для реальной правотворческой и правоприменительной деятельности.

Результаты диссертации открывают широкий спектр направлений для дальнейших научных исследований в сфере международного права и смежных дисциплин. Одним из перспективных направлений является более детальное изучение взаимодействия исследуемого института с другими комплексными режимами (например, в области прав человека, международного экономического права, права международной безопасности), а также анализ кросс-секторальных механизмов координации и разрешения конфликтов норм.

Дальнейшего развития требует и вопрос интеграции научных данных и экспертных оценок в процедуры принятия международно-правовых решений,

включая использование новых технологий, больших данных и искусственного интеллекта. Представляется перспективным исследование правовых режимов доступа к экологической и климатической информации, участия общественности и обеспечения справедливости и инклюзивности глобального регулирования.

Перспективным направлением является также анализ эволюции судебной и квазисудебной практики по вопросам, затронутым в диссертации, с учетом возможного появления новых дел, расширения круга истцов и развития процессуальных форм защиты интересов, связанных с окружающей средой и устойчивым развитием. Это позволит дополнительно проверить и уточнить предложенные автором теоретические модели и концепции, а также выявить новые тенденции в интерпретации и применении международных норм.

Наконец, отдельного внимания заслуживает исследование национальной имплементации международных обязательств в рассматриваемой сфере, включая сравнительно-правовой анализ подходов различных государств и регионов. Такое направление способно не только углубить понимание реального влияния международного права на внутренние правовые системы, но и сформировать практические ориентиры для повышения эффективности имплементации и гармонизации правового регулирования.

Тем самым диссертация не только завершает комплексное исследование заявленной темы, но и формирует устойчивую платформу для последующей научной и практической работы, внося значимый вклад в развитие современной доктрины международного права и совершенствование механизмов регулирования в условиях тройного планетарного кризиса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВТО	Всемирная торговая организация
ГА ООН	Генеральная Ассамблея ООН
ГАТТ	Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 года
ГРПБ	Куньминско-Монреальская Глобальная рамочная программа по биоразнообразию 2022 года
ГЭФ	Глобальной экологический фонд
ЕКПЧ	Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека
ИТЛОС	Международный трибунал по морскому праву
КБР	Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года
КМП ООН	Комиссия международного права ООН
КПЧ	Комитет по правам человека
КС	Конференция Сторон
КЭСКП	Комитет по экономическим, социальным и культурным правам
МГЭИК	Межправительственная группа экспертов по изменению климата
МИС	международные инвестиционные соглашения
МККЗР	Международная конвенция по карантину и защите растений 1951 года
МОРАГ	малые островные развивающиеся государства
МПГПП	Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года
МС	Международный суд ООН
МСОП	Международный союз охраны природы
МФИ	международные финансовые институты

МЭП	международное экологическое право
МЭС	международные экологические соглашения
НАФТА	Североамериканское соглашение о свободной торговле 1992 года
НПО	неправительственные организации
НРС	наименее развитые страны
ОВОС	оценка воздействия на окружающую среду
ОНУВ	определяемые на национальном уровне вклады
ОРС ВТО	Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
РКИК ООН	Рамочная конвенция ООН по изменению климата 1992 года
РЭС	региональные экономические сообщества
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СВАМ	Механизм трансграничного углеродного регулирования ЕС
СИТЕС	Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, международное соглашение 1973 года
УСИГ	система урегулирования споров между инвесторами и государствами
ЮНЕП	Программа ООН по окружающей среде
ЮНЕА	Ассамблея ООН по окружающей среде
IPBES	Международная группа экспертов по вопросам биоразнообразия.
IWC	Международная китобойная комиссия

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ДОКУМЕНТЫ

1) Международные договоры

на русском языке

1. Американская конвенция о правах человека (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.refworld.org/ru/legal/multilateraltreaty/oas/1969/ru/20081 (дата обращения: 14.03.2026).

2. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.basel.int/Portals/4/download.aspx?e=UNEP-CHW-IMPL-CONVTEXT-2019.Russian.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

3. Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

4. Венская конвенция об охране озонового слоя (Вена, 22 марта 1985 г.) // United Nations Treaty Series. – 1985. – Vol. 1513. – 293 p.

5. Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm (дата обращения: 20.07.2025).

6. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) (Женева, 30 октября 1947 г.) // Всемирная торговая организация: документы и комментарии; под ред. Смирнова С.А., сост. Васильев Н.М. [и др.]. – М.: [б. и.], 2001. – 351 с.

7. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (Нью-Йорк, 24 сентября 1996 г.) // Дипломатический вестник МИД РФ. – 1996. – № 10. –

С. 38-59.

8. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

9. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.) // United Nations Treaty Series. – 1963. – Vol. 480. – P. 44-45.

10. Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (Монреаль, 29 января 2000 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm (дата обращения: 20.07.2025).

11. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (Киото, 11 декабря 1997 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

12. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-ru.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

13. Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (Рамсар, 2 февраля 1971 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

14. Конвенция о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом (Женева, 10 октября 1989 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.unece.org/trans/conventn/legalinst_54_TDG_CRTD.html (дата обращения: 10.08.2025).

15. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] (Орхус, 25 июня 1998 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

16. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 6. – Ст. 682.

17. Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://conventions.coe.int (дата обращения: 01.08.2025).

18. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 г.) // Московский журнал международного права. – 2002. – № 4. – С. 257-278.

19. Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Хельсинки, 17 марта 1992 г.) // United Nations Treaty Series. – 1992. – Vol. 2105. – P. 457.

20. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 13 ноября 1979 г.) // United Nations Treaty Series. – 1979. – Vol. 1302. – P. 217.

21. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

22. Конвенция об охране мигрирующих видов животных (Бонн, 23 июня 1979 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cms.int (дата обращения: 11.08.2025).

23. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [Конвенция Эспо] (Эспо, 25 февраля 1991 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

24. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 18 марта 1965 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51253/ (дата обращения: 01.07.2026).

25. Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием [КБООН] (Париж, 17 июня 1994 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unccd.int/sites/default/files/2022-02/UNCCD_Convention_text_RUS.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

26. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

27. Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М.: Международные отношения, 1978. – Вып. XXXII. – С. 549-562.

28. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.) // United Nations Treaty Series. – 1992. – Vol. 1936. – P. 269.

29. Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов (Лондон, 29 декабря 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными

государствами. – М.: Международные отношения, 1978. – Вып. XXXII. – С. 540.

30. Международная конвенция по регулированию китобойного промысла (Вашингтон, 2 декабря 1946 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1949. – № 16. – С. 7-11.

31. Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (Рим, 3 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fao.org/ag/cgrfa/itpgr.htm (дата обращения: 11.08.2025).

32. Минаматская конвенция по ртути (Кумамото, 10 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/99/36/02/1242.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

33. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (Монреаль, 16 сентября 1987 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 01.07.2026).

34. Нагойско-Куала-Лумпурский дополнительный протокол об ответственности и возмещении к Картахенскому протоколу по биобезопасности (Нагоя, 15 октября 2010 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/395 (дата обращения: 01.06.2026).

35. Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами (Вена, 5 сентября 1997 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 18. – Ст. 1908.

36. Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

37. Приложение VI к Протоколу об охране окружающей среды 1991 г. к Договору об Антарктике 1959 г. «Материальная ответственность, возникающая в результате чрезвычайных экологических ситуаций» (Стокгольм, 14 июня 2005 г.) // Международное право – International Law. – 2007. – № 3 (31). – С. 7-19.

38. Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке (Протокол Мапуту) (Мапуту, 11 июля 2003 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/shestandsforpeace/sites/www.un.org.shestandsforpeace/files/protocolontherightsofwomen.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

39. Протокол об ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничной транспортировкой опасных отходов и их удалением к Базельской конвенции 1989 г. (Базель, 10 декабря 1999 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.basel.int/meetings/cop/cop5/docs/prot-r.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

40. Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадрид, 4 октября 1991 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ats.aq/r/protocol.html (дата обращения: 01.07.2026).

41. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 10.08.2025).

42. Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 г.) // United Nations Treaty Series. – 1998. – Vol. 2244. – P. 337.

43. Соглашение в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции (Нью-Йорк, 19 июня 2023 г.) [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/19822 (дата обращения: 01.07.2026).

44. Соглашение ВТО о субсидиях на рыболовство (Женева, 17 июня 2022 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/33.pdf&Open=True (дата обращения: 01.08.2026).

45. Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды (Москва, 8 февраля 1992 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 1. – С. 12-18.

46. Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией (Брюссель, 15 декабря 1997 г.) [Ратифицировано Российской Федерацией 26 апреля 2008 г.] // Official Journal of the European Communities. – 1998. – L 42. – P. 43-57.

47. Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими (Нью-Йорк, 4 августа 1995 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/oceancapacity/sites/www.un.org.oceancapacity/files/files/Projects/UNFSA/docs/unfsa_text-ru.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

48. Статут Международного Суда Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice (дата обращения: 01.06.2026).

49. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22 мая 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

50. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 10.08.2025).

На иностранных языках

51. Treaty relating to Boundary Waters and Questions arising along the Boundary between Canada and the United States, signed at Washington (11 January 1909) // Ruster, B. International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents / B. Ruster, B. Simma. – Dobbs Ferry, NY: Oceana, 1975-1983. – Vol. X. – 5158 p.

52. Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights (Protocol of San Salvador) [Электронный ресурс]. – URL: http.www.oas.org/en/sare/social-inclusion/protocol-ssv/docs/protocol-san-salvador-en.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

53. African Charter on Human and Peoples' Rights (Nairobi, 27 June 1981) // United Nations Treaty Series 1520 (217).

54. Agreement between the United States of America, the United Mexican States and Canada [Электронный ресурс]. – URL: https://ustr.gov/tradeagreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between (дата обращения: 05.12.2025).

55. Agreement on Environmental Cooperation among the Governments of the United States of America, the United Mexican States, and Canada [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cec.org/wp-content/uploads/cec-sem-related-provisions_plus-eca.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

56. Agreement on the European Economic Area (Porto, 2 May 1992) // Official Journal of the European Communities. – 1994. – Vol. 37. – No. L 1. – P. 3.

57. Agreements on the Protection of the Rivers Meuse and Scheldt (Charleville Mezieres, 26 April 1994) // International Legal Materials. – 1995. – Vol. 34. – P. 851.

58. ASEAN Agreement on the Conservation of Nature and Natural Resources (Kuala Lump ur, 9 July 1985) // UNEP Selected Multilateral Treaties in the Field of the Environment. – Cambridge, 1991. – Vol 2. – P. 144.

59. Bamako Convention on the Ban of the Import into Africa and the Control of Transboundary Movement and Management of Hazardous Wastes within Africa [Электронный ресурс]. – URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/Convention_En_Bamako_Ban_Import_into_Africa_and_Transboundary_Movement_hazardouswastes_Bamako_30January1991.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

60. Convención Americana sobre Derechos Humanos (Pacto de San José, 1969) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.corteidh.or.cr/tablas/17229a.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

61. Bidassoa Boundary Treaty between France and Spain (1856) // United Nations Treaty Series. – 1979. – Vol. 1142. – Registration No. II-838. – P. 371.

62. Convention for the Conservation of Southern Bluefin Tuna (1993) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ccsbt.org (дата обращения: 01.06.2026).

63. Convention for the Protection and Development of the Marine Environment of the Wider Caribbean Region (1983) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/cep/who-we-are/cartagena-convention (дата обращения: 14.03.2026).

64. Convention for the Protection of the Marine Environment of the North-East Atlantic (Paris, 22 September 1992) [Электронный ресурс]. – URL: https://jncc.gov.uk/our-work/ospar-convention/ (дата обращения: 14.03.2026).

65. Convention for the Protection of the Mediterranean Sea against Pollution (Barcelona, 16 February 1976) [Электронный ресурс]. – URL: https://jncc.gov.uk/our-work/ospar-convention/ (дата обращения: 14.08.2026).

66. Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage (2003) // United Nations Treaty Series. – 2003. – Vol. 2368. – Art. 4. – P. 3.

67. Convention on Cooperation for the Protection and Sustainable Use of the Danube River (Sofia, 29 June 1994) // Official Journal of the European Communities. – 1994. – Vol. 52. – No. L 342. – P. 19-20.

68. Convention on the Final Settlement of the Difficulties Arising Through the Complaints of Damage Done in the State of Washington by Fumes Discharged from the Smelter of the Consolidated Mining and Smelting Company, Trail, British Columbia (15 April 1935) // League of Nations Treaty Series. – 1937. – Vol. 162. – P. 73.

69. Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter (1996) // London Convention 1972 and 1996 Protocol (2003 Edition). – London: International Maritime Organization, 2003. – Art. 3. – P. 15.

70. Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on their Destruction (1997) // United Nations Treaty Series. – Vol. 2056. – Art. 11. – P. 211.

71. Convention on the Protection and Use of Trans boundary Watercourses and International Lakes (Helsinki, 17 March 1992) // United Nations Treaty Series. – 2004. – Vol. 1936. – No. 33207. – Art. 2. – P. 309.

72. Convention on the Protection of Alps (Salzburg, 7 November 1991) // United Nations Treaty Series. – Vol. 1917. – No. 32724. – Art. 2. – P. 135.

73. Convention on the Protection of the Environment through Criminal Law (2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.coe.int/en/web/cdpc/convention-on-the-protection-of-the-environment-through-criminal-law (дата обращения: 01.06.2026).

74. Convention on the Protection of the Rhine (Bern, 12 April 1999) // Official Journal of the European Communities. – 2000. – Vol. 43. – No. L 289. – P. 31-37.

75. Convention on Third Party Liability in the Field of Nuclear Energy (Paris, 29 July 1960) // United Nations Treaty Series. – 1967. – Vol. 956. – No. 13706. – P. 251.

76. Framework Agreement for the Conservation of Living Marine Resources on the high seas of the Southeast Pacific (2000) (Galapagos Accord) [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/08/8-02/living-marine-resources.html (дата обращения: 01.06.2026).

77. Indus Waters Treaty (Karachi, 19 September 1960) // United Nations Treaty Series. – 1962. – Vol. 444. – P. 259.

78. International Convention on Oil Pollution Preparedness, Response and Cooperation (London, 30 November 1990) // United Nations Treaty Series. – 2000. – Vol. 1991. – No. 32194. – P. 106.

79. International Treaty on Plant Genetic Resources for Food and Agriculture 2001 // United Nations Treaty Series. – 2010. – Vol. 2400. – No. I-43345. – Art. 19. – P. 303.

80. North American Agreement On Environmental Cooperation (1993) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cec.org/Page.asp?PageID=1226&SiteNodeID=567 (дата обращения: 01.08.2026).

81. Protocol to the Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter (London, 7 November 1996) // London Convention 1972 and 1996 Protocol (2003 Edition). – London: International Maritime Organization, 2003. – P. 9-39.

82. Revised African Convention on the Conservation of Nature and Natural Resources (2003) [Электронный ресурс]. – URL: https://au.int/en/treaties/african-convention-conservation-nature-and-natural-resources-revised-version (дата обращения: 01.06.2026).

83. The Basel Convention Ban Amendment (1995) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.basel.int/Implementation/LegalMatters/BanAmendment/Overview/tabid/1484/Default.aspx (дата обращения: 01.08.2026).

84. Treaty Establishing the African Economic Community (3 June 1991) [Электронный ресурс]. – URL: https://au.int/en/treaties/treaty-establishing-african-economic-community (дата обращения: 21.06.2026).

85. Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage (Vienna, 21 May 1963) // United Nations Treaty Series. – 1977. – Vol. 1063. – No. 16197. – P. 265.

2) Решения судебных и иных органов

на русском языке

86. Англо-исландский спор о рыболовной зоне // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. – М.: Изд-во МНИМП, 1999. – С. 170-176.

87. Апирана Мауика и др. против Новой Зеландии (Apirana Mahuika et al. v. New Zealand): сообщение № 547/1993, решение от 27 октября 2000 г., документ ООН CCPR/C/70/D/547/1993. – Нью-Йорк: ООН, 2000.

88. Временные меры по делу «О целлюлозно-бумажных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)»: (Case concerning Pulp Mills on the river Uruguay (Argentina v. Uruguay) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 2007. – P. 3-41.

89. Временные меры по делу «О ядерных испытаниях (Новая Зеландия против Франции; Австралия против Франции)»: Nuclear Tests Case (New Zealand v. France; Australia v. France), Interim Measures // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1973. – P. 99-165.

90. Дело «Запрос на изучение ситуации в соответствии с п. 63 Решения Суда по делу «О ядерных испытаниях» (Новая Зеландия против Франции), 1995»: Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's judgment of 20 December 1974 in the Nuclear Tests (New Zealand v. France) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1995. – P. 288.

91. Дело «О Восточном Тиморе»: East Timor (Portugal v. Australia) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1995. – P. 102.

92. Дело «О гидроузле Габчиково-Надьямарош», 1997 (Венгрия/Словакия): Case Concerning the Gabcíkovo-Nagymaros Project

(Hungary/Slovakia) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1997. – P. 7-242.

93. Дело «О китобойном промысле в Антарктике» (Австралия против Японии): Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening) [Электронный ресурс]. – The Hague: International Court of Justice, 2014. – URL: https://www.icj-cij.org/case/148 (дата обращения: 27.07.2026).

94. Дело «О котиках Берингова моря», 1983 (Великобритания против США) // International Environmental Law Reports. – Vol.1: Early Decisions / ed. C. C. Robb. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 43-88.

95. Дело «О правах общины Маянья (Сумо) Авас Тингни» (Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua), 31 августа 2001 г. [Электронный ресурс] / Межамериканский суд по правам человека. – San José: Inter-American Court of Human Rights, 2001. – URL: https://jurisprudencia.corteidh.or.cr/en/vid/883975917 (дата обращения: 13.08.2026).

96. Дело «О проливе Корфу», 1949 (Великобритания против Албании): Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1949. – P. 4.

97. Дело «О распылении токсических гербицидов» (Эквадор против Колумбии): Aerial Herbicide Spraying (Ecuador v. Colombia) [Электронный ресурс]. – The Hague: International Court of Justice, 2013. – URL: https://www.icj-cij.org/case/138 (дата обращения: 12.08.2026).

98. Дело «О рыболовной юрисдикции», 1974 (Великобритания против Исландии; ФРГ против Исландии): Fisheries Jurisdiction Case (United Kingdom v. Iceland); Fisheries Jurisdiction Case (Federal Republic of Germany v. Iceland) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1974. – P. 3-252.

99. Дело «О рыболовной юрисдикции», 1998 (Испания против Канады): Fisheries Jurisdiction Case (Spain v. Canada) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1998. – P. 432.

100. Дело «О судоходных и смежных правах» (Коста-Рика против

Никарагуа): Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 2009. – P. 3.

101. Дело «О фосфатах Науру», 1992 (Науру против Австралии): Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1992. – P. 240-350.

102. Дело «О ядерных испытаниях», 1974 (Новая Зеландия против Франции; Австралия против Франции): Nuclear Tests Case (New Zealand v. France); Nuclear Tests Case (Australia v. France) // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1974. – P. 253-529.

103. Дело «Толкование Соглашения между ВОЗ и Египтом»: Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion // I.C.J. Reports. – The Hague: International Court of Justice, 1980. – P. 73.

104. Дело «Трейл Смелтер» // Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. – М.: Изд-во МНИМП, 1999. – С. 449-451.

105. Дело 7615 (Yanomami v. Brazil, 1985) [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: Inter-American Commission on Human Rights, 1985. – URL: https://www.cidh.org/annualrep/84.85eng/Brazil7615.htm (дата обращения: 14.03.2026).

106. Дело об определенных видах деятельности, осуществленных Никарагуа в пограничном районе (Коста-Рика против Никарагуа), компенсация, выплаченная Республикой Никарагуа Республике Коста-Рика: Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua), Compensation [Электронный ресурс]: решение Международного суда ООН от 2 февраля 2018 г. – The Hague: International Court of Justice, 2018. – URL: https://www.icj-cij.org/en/case/150 (дата обращения: 15.10.2025).

107. Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной

палестинской территории: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion [Электронный ресурс]: решение от 9 июля 2004 г. – The Hague: International Court of Justice, 2004. – URL: https://www.icj-cij.org/case/131 (дата обращения: 14.08.2026).

108. Сообщение № 167/1984 (Ominayak and Lubicon Lake Band v. Canada): решение от 26 марта 1990 г., документ ООН CCPR/C/38/D/167/1984. Нью-Йорк: ООН, 1990.

109. Постановление ЕСПЧ по делу Budayeva and Others v. Russia от 20 марта 2008 г., жалобы № 15339/02, № 21166/02, № 20058/02, № 11673/02, № 15343/02. – Страсбург: ЕСПЧ, 2008 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2008. – № 9.

110. Постановление ЕСПЧ по делу Burdov v. Russia от 7 мая 2002 г., жалоба № 59498/00. – Страсбург: ЕСПЧ, 2002.

111. Постановление ЕСПЧ по делу Fadeyeva v. Russia от 9 июня 2005 г., жалоба № 55723/00. – Страсбург: ЕСПЧ, 2005.

112. Постановление ЕСПЧ по делу Fredin v. Sweden от 18 февраля 1991 г., жалоба № 12033/86. – Страсбург: ЕСПЧ, 1991.

113. Постановление ЕСПЧ по делу Hatton and Others v. United Kingdom от 2 октября 2001 г., жалоба № 36022/97. – Страсбург: ЕСПЧ, 2001.

114. Постановление ЕСПЧ по делу Lopez Ostra v. Spain от 9 декабря 1994 г., жалоба № 16798/90. – Страсбург: ЕСПЧ, 1994.

115. Постановление ЕСПЧ по делу Oneryildiz v. Turkey от 30 ноября 2004 г., жалоба № 48939/99. – Страсбург: ЕСПЧ, 2004.

116. Постановление ЕСПЧ Papastavrou and Others v. Greece от 10 апреля 2003 г., жалоба № 46372/99. – Страсбург: ЕСПЧ, 2003.

117. Постановление ЕСПЧ по делу Powell and Rayner v. United Kingdom от 21 февраля 1990 г., жалоба № 9310/81. – Страсбург: ЕСПЧ, 1990.

118. Сообщение № 431/1990 (O.S. et al. v. Finland): решение от 23 марта 1994 г., документ ООН CCPR/C/50/D/431/1990. – Нью-Йорк: ООН, 1994.

119. Сообщение № 511/1992 (Ilmari Länsman et al. v. Finland): решение от 26 октября 1994 г., документ ООН CCPR/C/52/D/511/1992. – Нью-Йорк: ООН, 1994.

120. Сообщение № 645/1995 (Bordes and Temeharo v. France): решение от 22 июля 1996 г., документ ООН CCPR/C/57/D/645/1995. – Нью-Йорк: ООН, 1996.

121. Сообщение № 67/1980 (EHP v. Canada): решение от 29 марта 1982 г., документ ООН CCPR/C/OP/1 [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк: ООН, 1982. – URL: http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/html/67-1980.htm (дата обращения: 13.08.2025).

122. Сообщение № 671/1995 (Jouni E. Länsman et al. v. Finland): решение от 30 октября 1996 г., документ ООН CCPR/C/58/D/671/1995. – Нью-Йорк: ООН, 1996.

на иностранных языках

123. Advisory Opinion No. 31. Request for an Advisory Opinion submitted by the Commission of Small Island States on climate change and International Law (21 May 2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_orig.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

124. African Commission on Human and Peoples' Rights. General Comment No. 3 on the African Charter on Human and Peoples' Rights: The Right to Life (Article 4). – Pretoria: Pretoria University Law Press (PULP), 2016. – 17 p.

125. Civil Liberties Organisation and others v. Nigeria. Communication No. 218/98 // African Commission on Human and Peoples' Rights. – 29th Ordinary Session. – Tripoli, Libya, 23 April – 7 May 2001.

126. Centre for Minority Rights Development (Kenya) and Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. Kenya, Communication No. 276/2003 // African Commission on Human and Peoples' Rights. – 46th Ordinary Session. – 4 February 2010.

127. Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo): judgment of 30 November 2010 // I.C.J. Reports. – 2010. – P. 639.

128. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Preliminary Objections: judgment of 11 July 1996 // I.C.J. Reports. – 1996. – P. 616.

129. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia): judgment of 3 February 2015 // I.C.J. Reports. – 2015. – P. 87-88.

130. Aquanova, SEM-98-006, Council Resolution 01-09 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – North American Environmental Law and Policy. – Vol. 12. – Montreal: CEC, 2003. – 163 p.

131. Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda): judgment of 3 February 2006 // I.C.J. Reports. – 2006. – P. 31-32.

132. Association Greenpeace France, Conseil d'Etat (29 September 1995) // L'Actualité juridique. Droit administratif. – 1995. – P. 749.

133. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Second Phase: judgment of 5 February 1970 // I.C.J. Reports. – 1970. – P. 32.

134. BC Hydro (SEM-97-001), Factual Record (11 June 2000) // Commission for Environmental Cooperation. – North American Environmental Law and Policy. – Vol. 6. – Montreal: CEC, 2000. – 118 p.

135. BC Logging (SEM-00-004), Council Resolution 01-12 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – North American Environmental Law and Policy. – Vol. 14. – Montreal: CEC, 2003. – 189 p.

136. BC Mining (SEM-98-004), Council Resolution 01-11 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – North American Environmental Law and Policy. – Vol. 13. – Montreal: CEC, 2003. – 234 p.

137. Bering Sea Fur Seals Arbitration (Great Britain v. United States), Award of 15 August 1893, 1 Moore's International Arbitrations 755 (1898).

138. Nuclear Tests (Australia v. France): judgment of 20 December 1974 // I.C.J. Reports. – 1974. – P. 253.

139. Budayeva and Others v. Russia, Applications nos. 15339/02, 21166/02, 20058/02, 11673/02 and 15343/02: judgment of 20 March 2008 [Электронный ресурс]. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-85436 (дата обращения: 01.08.2026).

140. Case Concerning Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia *v.* Singapore) (Request for Provisional Measures) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-12/ (дата обращения: 01.08.2026).

141. Case concerning Pulp Mills on the river Uruguay (Argentina v. Uruguay) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icj-cij.org (дата обращения: 25.06.2026).

142. Case concerning the conservation and sustainable exploitation of swordfish stocks in the South-Eastern Pacific ocean (Chile v. European Community): order of 20 December 2000 // International Legal Materials. – 2001. – Vol. 40. – P. 475.

143. Case Concerning the Gabcikovo-Nagymaros project (Hungary v. Slovakia): judgment of 25 September 1997 // I.C.J. Reports. – 1997. – P. 7.

144. Case Lagos del Campo v. Peru. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 31 August 2017 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – № 340. – San José: IACtHR, 2017.

145. Case of Cuscul Pivaral et al. v. Guatemala. Preliminary Objection, Merits, Reparations and Costs: judgment of 23 August 2018 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – № 359. – San José: IACtHR, 2018.

146. Case of the Kichwa Indigenous People of Sarayaku v. Ecuador. Merits and Reparations: judgment of 27 June 2012 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – № 245. – San José: IACtHR, 2012.

147. *Case of Muelle Flores v. Peru*. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 6 March 2019 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – № 375. – San José: IACtHR, 2019.

148. Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) v. Nigeria (Ogoni Case): decision of 27 October 2001 // African Commission on Human and Peoples' Rights. – Communication № 155/96. – 15th Annual Activity Report. – Banjul: ACHPR, 2002.

149. Case of Salvador Chiriboga v. Ecuador. Preliminary Objections and Merits: judgment of 6 May 2008 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – № 179. – San José: IACtHR, 2008.

150. Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's Judgment of 20 December 1974 in the Nuclear Tests (New Zealand v. France) Case: order of 22 September 1995 // I.C.J. Reports. – 1995. – P. 288.

151. Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua). Compensation Owed by the Republic of Nicaragua to the Republic of Costa Rica: judgment of 2 February 2018 // I.C.J. Reports. – 2018. – P. 15.

152. Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom) [Электронный ресурс]. – URL: https://pca-cpa.org/ar/cases/11/ (дата обращения: 01.05.2026).

153. Chile – Measures Affecting the Transit and Importation of Swordfish, Request for Consultations by the European Communities: document WT/DS193/1 of 26 April 2000.

154. Coal-fired Power Plants, SEM-04-005 [Электронный ресурс]. – URL: http://www3.cec.org/islandora/en/item/11532-north-american-environmental-law-and-policy-en.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

155. Commission of the European Communities v. Ireland. Case C-459/03: judgment of the Court (Grand Chamber) of 30 May 2006 // Official Journal of the European Union. – 2006. – C 165/2.

156. Commonwealth v Tasmania («Tasmanian Dam case») (1983) HCA 21; (1983) 158 CLR 1 (1 July 1983) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1983/21.html (дата обращения: 01.07.2026).

157. Communication 155/96, The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic, and Social Rights / Nigeria [Электронный ресурс]. – URL: http://www.escr-net.org/usr_doc/serac.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

158. Ferrer Mac-Gregor Poisot, E. Concurring Opinion in the Case of Gonzales Lluy et al. v. Ecuador (1 September 2015) // Inter-American Court of Human Rights. – Series C No. 298.

159. Vio Grossi, E. Partially Dissenting Opinion in the Case of Lagos del Campo v. Peru (31 August 2017) // Inter-American Court of Human Rights. – Series C No. 340.

160. Corfu Channel (United Kingdom v. Albania): judgment of 9 April 1949 // ICJ Reports. – 1949. – P. 4.

161. Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of Congo): judgment on Compensation of 19 June 2012 // ICJ Reports. – 2012. – P. 324.

162. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Opinión consultiva OC-23/17 de 15 de noviembre de 2017. Solicitada por la República de Colombia. Derechos humanos y medio ambiente. (Obligaciones estatales en relación con el medio ambiente en el marco de la protección y garantía de los derechos a la vida y a la integridad personal — interpretación y alcance de los artículos 4.1 y 5.1, en relación con los artículos 1.1 y 2 de la convención americana sobre derechos humanos) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

163. Danielsson and Others v Commission of the European Communities. Order of the President of the Court of First Instance of 22 December 1995. Case T-219/95 R // ECR II. – 1995. – P. 3051.

164. Decision adopted by the Committee on the Rights of the Child under the Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on a communications procedure in respect of Communication No. 105/2019 of 8 October 2021. Chiara Sacchi et al: документ ООН CRC/C/88/D/105/2019.

165. Dispute regarding Treaty interpretation (The Netherlands – France) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cambridge.org/core/journals/international-law-reports/article/abs/case-concerning-the-auditing-of-accounts-between-the-kingdom-of-the-netherlands-and-the-french-republic-pursuant-to-the-additional-protocol-of-25-september-1991-to-the-convention-on-the-protection-of-the-rhine-against-pollution-by-chlorides-of-3-december-1976/EA411BC41BC190483845CA22471F8AF9 (дата обращения: 01.05.2026).

166. Dissenting Opinion of Judge Blaise Tchikaya. The Matter of Ligue Ivoirienne des droits de l'homme (LIDHO) and Others v. Côte d'Ivoire. Application 041/2016, Judgment of 5 September 2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/650/d64/473/650d644739d6f587166974.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

167. Africa Network for Animal Welfare (ANAW) v The Attorney General of the United Republic of Tanzania: Appeal Judgment No. 3. (15 March 2012) // East African Court of Justice, Appellate Division. – Arusha: EACJ, 2012. – P. 13.

168. East Timor (Portugal v. Australia): judgment of 5 February 1995 // I.C.J. Reports 1995. – P. 105.

169. Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP) v. Federal Republic of Nigeria: Judgment No. ECW/CCJ/JUD/18/12 of 14 December 2012 // Community Court of Justice of the Economic Community of West African States (ECOWAS). – Abuja: ECOWAS Court, 2012. – Para. 58.

170. European Court of Human Rights. Carême v. France. Application no. 7189/21: decision of 9 April 2024.

171. European Court of Human Rights. Duarte Agostinho and Others v. Portugal and 32 Other States. Application no. 39371/20: decision of 9 April 2024.

172. European Court of Human Rights. Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland. Application no. 53600/20: judgment of 9 April 2024.

173. European Communities – Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones): Report of the Appellate Body, WT/DS26/AB/R (United States v. European Communities) и WT/DS48/AB/R (Canada v. European Communities), 16 January 1998 // World Trade Organization. – Geneva: WTO, 1998. – AB-1997-4.

174. European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas: Report of the Appellate Body, WT/DS27/AB/R, adopted 25 September 1997 // World Trade Organization. – Geneva: WTO, 1997. – P. 113.

175. Cannavacciuolo and Others v. Italy: judgment of 30 January 2025. Applications nos. 51567/14, 39742/14, 74208/14 and 24215/15 // European Court of Human Rights (First Section). – Strasbourg: European Court of Human Rights, 2025.

176. Cordella and Others v. Italy: judgment of 24 January 2019. Applications nos. 54414/13 and 54264/15 // European Court of Human Rights. – Strasbourg: European Court of Human Rights, 2019.

177. Factory at Chorzów (Jurisdiction): judgment of 26 July 1927. No. 8 // P.C.I.J. Series A. – 1927. – No. 9.

178. Gut Dam Case (Canada / USA) // International Environmental Law Reports / ed. C. C. Robb. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 384-425.

179. Hatton and Others v. United Kingdom: judgment of 8 July 2003 (Grand Chamber). Application no. 36022/97 // European Court of Human Rights. – Strasbourg: European Court of Human Rights, 2003.

180. Portillo Cáceres et al. v. Paraguay. Communication No. 2751/2016. UN: document CCPR/C/126/D/2751/2016 (25 July 2019) // Human Rights Committee. – Geneva: UN, 2019.

181. Human Rights Committee. Views adopted by the Committee under article 5 (4) of the Optional Protocol, concerning communication No. 2728/2016 (Ioane Teitiota v. New Zealand) (7 January 2020) // UN Doc. CCPR/C/127/D/2728/2016.

182. Nuclear Tests (New Zealand v. France): order of 22 June 1973 // I.C.J Reports. – 1973. – P. 135.

183. IACHR. Metropolitan Nature Reserve v. Panama. Case no. 11.533: report No. 88/03 (22 October 2003).

184. Comunidades Indígenas Miembros de la Asociación Lhaka Honhat (Nuestra Tierra) Argentina. Letter of submission. 1 February 2018. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oas.org/es/cidh/decisiones/corte/2018/12094NdeREs.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

185. Case of the Indigenous Communities of the Lhaka Honhat (Our Land) Association v. Argentina. Merits, Reparations and Costs: judgment of 6 February 2020 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

186. Case of Poblete Vilches et al. v. Chile. Merits, Reparations and Costs: judgment of 8 March 2018 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 349. – San José: IACtHR, 2018.

187. Case of Ximenes Lopes v. Brazil. Merits, Reparations and Costs: judgment of 4 July 2006 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 149. – San José: IACtHR, 2006.

188. Case of I.V. v. Bolivia. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 30 November 2016 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 329. – San José: IACtHR, 2016.

189. Case of Ramírez Escobar et al. v. Guatemala. Merits, Reparations and Costs: judgment of 9 March 2018 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 351. – San José: IACtHR, 2018.

190. Franklin Guillermo Aisalla Molina (Ecuador v. Colombia), Admissibility Report No. 112/10 of 21 October 2011 // Inter-American Commission on Human Rights.

191. Coard et al. v. United States, Merits Report No. 109/99 of 29 September 1999 // Inter-American Commission on Human Rights.

192. Indigenous Communities of the Lhaka Honhat (Our Land) Association. Case No. 12.094. Merits. Argentina. Report No. 2/12 of 26 January 2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oas.org/en/iachr/decisions/court/2018/12094FondoEn.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

193. India – Certain Measures Relating to Solar Cells and Solar Modules: appellate Body Report of 16 September 2016: document WT/DS456/AB/R.

194. Indus Waters Western Rivers Arbitration (Pakistan v. India) [Электронный ресурс]. – URL: https://pca-cpa.org/en/cases/284/ (дата обращения: 01.06.2026).

195. Institute for Human Rights and Development and Others v. Democratic Republic of the Congo. Communication No. 393/10 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.escr-net.org/caselaw/2018/institute-human-rights-and-development-and-others-v-democratic-republic-congo/ (дата обращения: 01.06.2026).

196. Case of the Saramaka People v. Suriname. Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 28 November 2007 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 172. – San José: IACtHR, 2007 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_172_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

197. Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of 15 November 2017. The Environment and Human Rights (State obligations in relation to the environment in the context of the protection and guarantee of the rights to life and to personal integrity: interpretation and scope of articles 4(1) and 5(1) in relation to articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_ing.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

198. Inter-American Court of Human Rights. Case of the Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname. Merits, Reparations and Costs: judgment of 25 November 2015. – Ser. C. – № 309. – San José: IACtHR, 2015.

199. Ioane Teitiota v. New Zealand: document CCPR/C/127/D/2728/2016 of 7 January 2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.refworld.org/cases,HRC,5e26f7134.html (дата обращения: 14.03.2022).

200. Judgment in the matter of Michelot Yogogombaye v. the Republic of Senegal: application No. 001/2008 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.african-court.org (дата обращения: 01.06.2026).

201. Judgment No. 2867 of the Administrative Tribunal of the International Labour Organization upon a Complaint Filed against the International Fund for Agricultural Development, Advisory Opinion, of 1 February 2012 // I.C.J. Reports. – 2012. – P. 10.

202. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda). Reparations: judgment of 9 February 2022 // I.C.J. Reports. – 2022.

203. Case of Kawas Fernández v. Honduras. Merits, Reparations and Costs: judgment of 3 April 2009. – Ser. C. – № 196. – § 148 // Inter-American Court of Human Rights. – San José: IACtHR, 2009.

204. Case C-213/03, Syndicat professionnel coordination des pêcheurs de l'étang de Berre et de la région v. Électricité de France: judgment of 15 July 2004 // European Court

Reports. – 2004. – I-07357. (Second Chamber). Moiwana Community v. Suriname: judgment of 15 June 2005 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 124. – San José: IACtHR, 2005.

205. Claude-Reyes et al. v. Chile: judgment of 19 September 2006 // Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 151. – San José: IACtHR, 2006.

206. Kraftwerk Reckingen AG v. Canton of Zurich and others, Appeal Judgment, BGE 129 II 114, ILDC 346 (CH 2002), 10 October 2002, Switzerland, Federal Supreme Court [BGer].

207. Lac Lanoux Arbitration (Spain v. France) (1957) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pastpaperhero.com/resources/spain-v-france-lac-lanoux-arbitration-12-riaa-281-1957 (дата обращения: 01.06.2026).

208. Lake Chapala II, SEM-03-003, Council Resolution 08-01 (30 May 2008) // Commission for Environmental Cooperation.

209. Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore) [Электронный ресурс]. – URL: https://pca-cpa.org/en/cases/56/ (дата обращения: 01.05.2026).

210. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem: advisory opinion 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icj-cij.org/case/186 (дата обращения: 01.06.2026).

211. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports. – 2004. – P. 172.

212. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion of 8 July 1996 // I.C.J. Reports. – 1996. – P. 226.

213. Ligue ivoirienne des droits de l'homme (LIDHO) and Others v. Republic of Côte d’Ivoire, Application No. 041/2016: judgment of 5 September 2023 // African Court on Human and Peoples’ Rights [Электронный ресурс]. – URL: https://www.african-

court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/64f/ebd/f77/64febdf77f811512395983.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

214. López Ostra v. Spain.Application No. 16798/90: judgment of 9 December 1994 // European Court of Human Rights. – Series A. – No. 303-C.M. Özel and Others v. Turkey. Applications nos. 14350/05, 15245/05 and 16051/05: judgment of 17 November 2015 // European Court of Human Rights.

215. Memorial on Jurisdiction and Admissibility submitted by the Government of Australia // I.C.J. Pleadings, Nuclear Tests Cases. – Vol. 1. – P. 337-338.

216. Migratory Birds, SEM-99-002, Council Resolution 01-10 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – Montreal: CEC, 2001.

217. Minors Oposa et al. v. Secretary of the Environment and Natural Resources Fulgencio Factoran, Jr., G.R. No. 101083, 30 July 1993 // Supreme Court of the Philippines.

218. Missouri v. Holland, 252 U.S. 416 (1920) // International Environmental Law Reports. – Vol. 4: International Environmental Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. Robb. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

219. Moiwana Community v. Suriname, 15 June 2005; Claude-Reyes, et al. v. Chile, 19 September 2006; Sawhoyamaxa Indigenous Community v. Paraguay, 29 March 2006.

220. Montreal Technoparc, SEM-03-005, Council Resolution 04-05 (20 August 2004) // Commission for Environmental Cooperation. – Montreal: CEC, 2004.

221. MOX Plant (Ireland v. United Kingdom), 41 International Legal Materials 405 (2002).

222. Noel Narvii Tauira and 18 others v. France, Application no. 28204/95: decision of 4 December 1995 // European Commission of Human Rights.

223. Sawhoyamaxa Indigenous Community v. Paraguay: judgment of 29 March 2006

// Inter-American Court of Human Rights. – Ser. C. – No. 146. – San José: IACtHR, 2006.

224. North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. Netherlands), Judgment of 20 February 1969 // I.C.J. Reports. – 1969. – P. 3.

225. Nuclear Tests case (Australia v. France), Interim Measures: order of 22 June 1973 // I.C.J. Reports. – 1973. – P. 99.

226. Nuclear Tests (Australia v. France), Jurisdiction of the Court: judgment of 20 December 1974 // I.C.J. Reports. – 1974. – P. 253.

227. Obligations of States in respect of Climate Change, Advisory Opinion [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icj-cij.org/case/187 (дата обращения: 24.07.2026).

228. Observaciones a la Solicitud de Opinión Consultiva [Электронный ресурс]. – URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/jurisprudencia2/observaciones_oc.cfm?nId_oc=1650 (дата обращения: 14.03.2026).

229. Oldman River II, SEM-97-006, Council Resolution 01-08 (16 November 2001) // Commission for Environmental Cooperation. – Montreal: CEC, 2001.

230. Öneryildiz v. Turkey. Application no. 48939/99. Judgment of 30 November 2004 // European Court of Human Rights.

231. Ontario Logging, SEM-02-001, Council Resolution 04-03 (12 March 2004) // Commission for Environmental Cooperation. – Montreal: CEC, 2004.

232. Panel Report. Indonesia – Measures Relating to Raw Materials. WTO Doc. WT/ DS592/7 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds592_e.htm (дата обращения: 01.07.2026).

233. Petition to the Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief, from Violations Resulting From Global Warning Caused by Acts and Omissions of the United States [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cicl.ofg/publications/ /icc_petition_7dec2005.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

234. Portillo Cáceres et al. v. Paraguay: document CCPR/C/126/D/2751/2016/ (Human Rights Committee, 20 September 2019).

235. Communication by «Environment-People-Law» concerning compliance by Ukraine, PRTRPCC/C/2020/1, 17 June 2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://unece.org/env/pp/protocol-on-prtrs/cc/pre.prtrpcc.c.2020.1_ukraine (дата обращения: 02.08.2026).

236. Proceedings pursuant to the OSPAR Convention (Ireland v. United Kingdom, 5 June 2001 – 2 July 2003) [Электронный ресурс]. – URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXIII/59-151.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

237. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports. – 2010. – P. 14.

238. Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal): judgment of 20 July 2012 // I.C.J. Reports. – 2012. – P. 6.

239. R. v. Crown Zellerbach, [1988] 1 S.C.R. 401. // International Environmental Law Reports. – Vol. 4: International Environmental Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. Robb. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

240. Request for Advisory Opinion. In the Matter of a Request by the Pan-African Lawyers Union (PALU) for an Advisory Opinion on the Obligations of States with Respect to the Climate Change Crisis. Made under Article 4 of the Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights, Rule 82(1) of the Rules of the African Court on Human and Peoples' Rights and All Enabling Provisions of the Law [Электронный ресурс]. – URL: https://climatecasechart.com/wp-content/uploads/non-us-case-documents/2025/20250502_99025_petition.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

241. Request for an Advisory Opinion submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law (Request for Advisory Opinion submitted to the Tribunal) [Электронный ресурс]. – URL:

https://itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_corr.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

242. Responsibilities and obligations of States sponsoring persons and entities with respect to activities in the Area (Request for Advisory Opinion submitted to the Seabed Disputes Chamber) [Электронный ресурс]. – URL: https://itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_17/17_adv_op_010211_en.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

243. S.S. Wimbledon (France, Italy, Japan and United Kingdom v. Germany): judgment of 17 August 1923 // P.C.I.J. Reports, Series A, No. 1. – Leyden: Swets & Zeitlinger, 1923. – P. 16-20.

244. Skeena River Fishery, SEM-09-005 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cec.org/Page.asp?PageID=751&ContentID=&SiteNodeID=250&BL_ExpandID=156 (дата обращения: 01.08.2026).

245. South West Africa (Ethiopia v. South Africa), Preliminary Objections: judgment of 21 December 1962 // I.C.J. Reports 1962. – The Hague: ICJ, 1962. – P. 319-386.

246. Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand *v.* Japan; Australia *v.* Japan), Requests for Provisional Measures: order of 27 August 1999 // I.C.J. Reports 1999. – The Hague ICJ, 1999. – P. 280-334.

247. The MOX Plant Case (Ireland *v.* United Kingdom) (Request for Provisional Measures): order of 3 December 2001 // ITLOS Case No. 10.

248. Species at Risk, SEM-06-005, Letter from Ecojustice to CEC (17 January 2011) // Commission for Environmental Cooperation.

249. Vellore Citizens Welfare Forum v. Union of India & Ors.: judgment of 28 August 1996 // Supreme Court of India. – AIR 1996 SC 2715; (1996) 5 SCC 647 [Электронный ресурс]. – URL: https://thelegalquorum.com/vellore-citizens-welfare-forum-v-union-of-india-1996/ (дата обращения: 26.08.2026).

250. Taşkin and Others v Turkey (application No. 49517/99) (2004) Eur Ct HR 145 (2005) [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.tribunalonfracking.org/wp-content/uploads/2014/12/UK-HRIA-wo-appdx-hi-res.pdf (дата обращения: 26.09.2026).

251. The «Volga» Case (Russian Federation v. Australia) [Электронный ресурс]. – URL: https://itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-11/ (дата обращения: 01.06.2026).

252. Constitutional Tribunal (Camba Campos et al.) v. Ecuador, Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs: judgment of 28 August 2013, Series C No. 268, paras. 189, 191 // Inter-American Court of Human Rights. – San José: IACtHR, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/khorozyan_constitutional_tribunal_v._ecuador.pdf (дата обращения: 26.08.2026).

253. The M/V «Norstar» Case (Panama v. Italy) [Электронный ресурс]. – URL: https://itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-25/ (дата обращения: 01.06.2026).

254. The M/V «SAIGA» (No. 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea) [Электронный ресурс]. – URL: https://itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-2/ (дата обращения: 01.06.2026)

255. Secretary of State for Communities and Local Government v. Venn [2014] EWCA Civ 1539; [2015] 1 WLR 2328 // Court of Appeal (Civil Division). – 28 November 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/compliance/C2018-157/Correspondence_with_the_communicant/frCommC157_14.03.2018_email_att_Venn_judgement.pdf (дата обращения: 26.09.2026).

256. UN Reports of International Arbitral Awards. – 1949. – Vol. 3. – P. 1965.

257. United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products: Report of the Appellate Body, 6 November 1998, WT/DS58/AB/R // WTO Dispute Settlement Reports (DSR). 1998. Vol. VII. P. 2794-2797 [Электронный ресурс]. – URL:

https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/58ABR.pdf&Open=True (дата обращения: 26.08.2026).

258. United States – Restrictions on Imports of Tuna: Report of the Panel, DS21/R, 3 September 1991, unadopted // GATT B.I.S.D. – 1993. – Vol. 39. – P. 155. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/357797750_GD239_-_United_States_-_Restrictions_on_Imports_of_Tuna_DS21R_BISD_39S155 (дата обращения: 26.08.2026).

259. United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products: report of the Appellate Body WT/DS58/AB/R of 12 October 1998.

260. European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products: reports of the Panel WT/DS291/R, WT/DS292/R, WT/DS293/R of 29 September 2006.

261. Walton v. The Scottish Ministers (Scotland) [2012] UKSC 44 (Lord Carnwath) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ftbchambers.co.uk/images/uploads/documents/Walton_%28Appellant%29_v_The_Scottish_Ministers_%28Respondent%29_%28Scotland%29.pdf (дата обращения: 26.08.2026).

262. Vaihere Bordes and John Temeharo v. France: decision of 30 July 1996: документ ООН CCPR/C/57/D/645/1995.

263. Trail Smelter Case (USA v. Canada), Award of 11 March 1941, 3 UNRIAA, 1905 [Электронный ресурс]. – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-trail-smelter-case-united-states-of-america-canada-award-tuesday-11th-march-1941 (дата обращения: 26.08.2026).

264. Tatar v. Romania (No. 67021/01) [2009] ECHR 27 January [Электронный ресурс]. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=139275&ysclid=mujdl58lw907391059 (дата обращения: 26.09.2026).

265. Species at Risk, SEM-06-005, Council Council Resolution 10-05 (20 December 2010) [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.cec.org/submissions/registry-of-submissions/species-at-risk/(дата обращения: 26.08.2026).

266. Whaling in the Antarctic (Australia v Japan: New Zealand intervening), Written observations of Japan on New Zealand's written observations, 31 May 2013, para. 3; Declaration of Intervention by New Zealand, 20 November 2012 // I.C.J. Case No. 148.

3) Акты международных организаций и органов

на русском языке

267. Второй доклад Компенсационной комиссии Организации Объединенных Наций: документ ООН S/AC.26/2002/26 от 3 октября 2002 г.

268. Второй доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом (72 сессия, Женева, 27 апреля – 5 июня и 6 июля – 7 августа 2020 г.): документ ООН A/CN.4/741 от 9 апреля 2020 г.

269. Директива Совета 96/22/ЕС от 29 апреля 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1996/22/oj/eng (дата обращения: 10.08.2026).

270. Доклад Генерального секретаря «Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах: к заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды»: документ ООН A/73/419 от 30 ноября 2018 г.

271. Доклад Генерального секретаря «Ход достижения целей в области устойчивого развития»: документ ООН A/79/79-E/2024/54 от 2 мая 2024 г.

272. Доклад Генерального секретаря «Ход достижения целей в области устойчивого развития»: документ ООН A/80/81–E/2025 от 2 мая 2025 г.

273. Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, представленный Совету Безопасности во исполнение пункта резолюции СБ ООН 687: документ ООН S/22559 от 2 мая 1991 г.

274. Доклад и рекомендации группы уполномоченных в отношении первой партии претензий: документ ООН S/AC.26/2001/16 от 22 июня 2001 г.

275. Доклад и рекомендации Группы уполномоченных в отношении пятой партии претензий «F4»: документ ООН S/AC.26/2005/10 от 30 июня 2005 г.

276. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят пятая сессия (29 апреля – 31 мая и 1 июля – 2 августа 2024 г.): документ ООН A/79/10.

277. Доклад Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о работе его третьей сессии: документ ООН E/1989/4/Add.12.

278. Доклад Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о работе его сорок восьмой и сорок девятой сессий: документ ООН E/C.12/2012/1.

279. Доклад Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о работе его сорок шестой и сорок седьмой сессий: документ ООН E/C.12/2011/2.

280. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.): документ ООН A/CONF.151/26.

281. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 5-16 июня 1972 г.): документ ООН A/CONF.48/14.

282. Доклад Конференции Сторон о работе ее двадцать первой сессии, состоявшейся в Париже с 30 ноября по 13 декабря 2015 года: документ FCCC/CP/2015/10/Add.1 от 29 января 2016 г.

283. Доклад Конференции Сторон, действующей в качестве совещания Сторон Парижского соглашения, о работе ее третьей сессии, состоявшейся в Глазго с 31 октября по 13 ноября 2021 года: документ FCCC/PA/CMA/2021/10/Add.3 от 8 марта 2022 г.

284. Доклад о работе первого совещания Конференции Сторон, выступающей в качестве совещания сторон протокола по биобезопасности: документ UNEP/CBD/BS/COP-MOP/1/15 от 14 апреля 2004 г.

285. Доклад о работе четвертой сессии Совещания Сторон Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей: документ ООН ECE/MP.PRTR/2021/6.

286. Доклад по ситуации с правами человека в Бразилии: документ OEA/Ser.L/V/II.97.

287. Доклад по ситуации с правами человека в Эквадоре: документ OEA/Ser.L/V/II.96.

288. Доклад рабочей группы экспертов по ответственности и компенсации за экологический вред, наносимый во время вооруженных конфликтов: документ ЮНЕП UNEP/Env.Law/3/Inf.1(1996).

289. Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически безопасного обращения с опасными веществами и отходами и их утилизации: документ ООН A/HRC/42/41 от 17 июля 2019 г.

290. Доклад Специального докладчика по вопросу о праве человека на безопасную питьевую воду и санитарию Катарины де Альбукерке. Миссия в Кирибати (23-26 июля 2012 г.): документ ООН A/HRC/24/44/Add.1 от 28 июня 2013 г.

291. Доклад Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой: документ ООН A/HRC/37/59 от 24 января 2018 г.

292. Доклад Специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной в соответствии с резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи от 10 мая 2018 г., озаглавленной «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды»: документ ООН A/AC.289/2.

293. Ежегодник Комиссии международного права за 1996 год: документ ООН A/51/10.

294. Ежегодник Комиссии международного права за 2001 год: документ ООН A/CN.4/SER.A/2001.

295. Ежегодник Комиссии международного права за 2006 год: документ ООН A/CN.4/SER.A/2006/Add.1.

296. Заключительные замечания Комитета по правам ребенка: добавление № 125 к докладу Комитета на его пятнадцатой сессии: документ ООН CRC/C/15/Add.125.

297. Заключительные замечания по первоначальному докладу Кабо-Верде [Электронный ресурс]. URL: http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmlBEDzFEovLCuW2SVEifiSi5CHiiIjmu%2FKBsO3kKEjkCQdEIepRojcYQDpoThrfHLLfymdqpHD1BqPo5tDGu%2FyA%2BrGRTs7Mpl5uBrrNnuBZXR8vTGNH8y4vFH (дата обращения: 28.08.2026).

298. Замечание общего порядка № 12 – Право на достаточное питание: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.

299. Замечание общего порядка № 14 – Право на наивысший достижимый уровень здоровья: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.

300. Замечание общего порядка № 15 – Право на воду: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.

301. Замечание общего порядка № 21 – «Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1 а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)»: документ ООН E/C.12/GC/21 от 21 декабря 2009 г.

302. Замечание общего порядка № 26 о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата: документ ООН CRC/C/GC/26 от 22 августа 2023 г.

303. Замечание общего порядка № 27 об экономических, социальных и культурных правах и экологическом компоненте устойчивого развития: документ ООН E/C.12/GC/27 от 6 ноября 2025 г.

304. Замечание общего порядка № 33 «Обязательства государств-

участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах»: документ ООН CCPR/C/GC/33 от 25 июня 2009 г.

305. Замечание общего порядка № 34 «Статья 19: Свобода мнений и их выражения»: документ ООН CCPR/C/GC/34 от 12 сентября 2011 г.

306. Замечание общего порядка № 4 – Право на достаточное жилище: документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9.

307. Заявление Председателя Совета Безопасности ООН: документ ООН S/PRST/2007/22 от 25 июня 2007 г.

308. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 20-22 июня 2012 г.) «Будущее, которого мы хотим»: документ ООН A/CONF.216/L.1* от 19 июня 2012 г.

309. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 37 (2018) о гендерных аспектах снижения риска бедствий в условиях изменения климата: документ ООН CEDAW/C/GC/37 от 13 марта 2018 г.

310. Комитет по правам ребенка. Замечания общего порядка № 15 о праве ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения: документ ООН CRC/C/GC/15 от 17 апреля 2013 г.

311. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 36 «Статья 6: Право на жизнь»: документ ООН CCPR/C/GC/36 от 3 сентября 2019 г.

312. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, замечание общего порядка № 15 (2002) «О праве на воду»: документ ООН E/C.12/2002/11 от 20 января 2003 г.

313. Куньмин-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-15/cop-15-dec-04-ru.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

314. Мнение Руководящего комитета по правам человека: документ CDDH(2003)026.

315. Национальные отчеты по осуществлению Киевского Протокола [Электронный ресурс]. URL: https://prtr.unece.org/nationalreports/reports-files (дата обращения: 01.08.2026).

316. Окончательное решение подразделения по обеспечению соблюдения по вопросу осуществления: документ CC-2009-1-8/Croatia/EB.

317. Орхусская Конвенция: руководство по осуществлению: документ ООН ECE/CEP/72.

318. Орхусский регламент (Регламент (ЕС) № 1367/2006 с поправками, внесенными Регламентом (ЕС) 2021/1767) [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32006R1367 (дата обращения: 01.08.2026).

319. Ответ Комитета министров СЕ на Рекомендацию ПАСЕ 1431 (1999) «О будущих действиях, которые должны быть предприняты Советом Европы по вопросу защиты окружающей среды» № 8892 от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=385199&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383 (дата обращения: 01.08.2026).

320. Ответ Комитета министров СЕ на Рекомендацию ПАСЕ 1614 (2003) «Окружающая среда и права человека» [Электронный ресурс]. – URL: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=109805&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383 (дата обращения: 01.08.2026).

321. Отчет о 61-м заседании Руководящего комитета по правам человека «Права человека и окружающая среда» от 16 декабря 2005 г.: документ CM (2005)186 Addendum II.

322. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом для Комиссии международного права ООН от 5 апреля 2019 г.: документ ООН A/CN.4/732.

323. Принципы Нокса 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-environment/framework-principles-human-rights-and-environment-2018 (дата обращения: 01.08.2026).

324. Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства: документ ООН E/1986/3/Add.9.

325. Проект принципов КМП ООН «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2022/russian/chp5.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

326. Проект решения – CMA.4 Правила процедуры комитета по содействию осуществлению и поощрению соблюдения, упоминаемого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения: документ FCCC/PA/CMA/2022/L.1 от 14 ноября 2022 г.

327. Проект статей КМП ООН «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров» 2011 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp6.pdf (дата обращения: 17.07.2026).

328. Проект текста соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции: документ ООН A/CONF.232/2019/6 от 17 мая 2019 г.

329. Проекты статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности [Электронный ресурс]. – URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp5.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

330. Рамсарская консультативная миссия № 93. Кургальский полуостров, Российская Федерация. Водно-болотное угодье международного

значения № 690. 11-15 ноября 2019 г. / Г. Рэнди Милтон, Тобиас Салате [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/ram93_kurgalsky_peninsula_russia_ru.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

331. Резолюция Ассамблеи ООН по окружающей среде № 6/4 от 1 марта 2024 г. «Содействие синергии, сотрудничеству или взаимодействию в целях осуществления на национальном уровне многосторонних природоохранных соглашений и других соответствующих природоохранных договоров» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/environmentassembly/unea6/outcomes (дата обращения: 01.07.2026).

332. Резолюция ГА ООН от 10 мая 2018 г. № 72/277 «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды» [Электронный ресурс]. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/72/277 (дата обращения: 01.07.2026).

333. Резолюция ГА ООН от 17 декабря 2024 г. № A/80/L.65 «Мировой океан и морское право» [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.un.org/ru/A/80/L.65 (дата обращения: 01.06.2026).

334. Резолюция ГА ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/589 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901941379 (дата обращения: 10.08.2025).

335. Резолюция ГА ООН от 17 декабря 2015 г. № 70/169 «Право человека на безопасную питьевую воду и санитарию» [Электронный ресурс]. – URL: https://gymmg.mskobr.ru/files/model2018/dokladGA.pdf?ysclid=mugkmzkp8401968700 (дата обращения: 01.07.2026).

336. Резолюция ГА ООН от 6 декабря 2007 г. № 62/68 «Предотвращение трансграничного вреда от опасных видов деятельности»: документ ООН A/RES/62/68 [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/convdrafts.shtml (дата обращения: 01.06.2026).

337. Резолюция ГА ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – URL: https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F70%2F1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False (дата обращения: 13.07.2026).

338. Резолюция ГА ООН от 4 декабря 2006 г. № 61/36 «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности»: документ ООН A/RES/61/36 от 18 декабря 2006 г.

339. Резолюция ГА ООН от 27 июля 2015 г. № 69/313 Аддис-Абебская программа действий Третьей международной конференции по финансированию развития (Аддис-Абебская программа действий): документ ООН A/RES/69/313 от 17 августа 2015 г.

340. Резолюция Совета ООН по правам человека № 16/11 «Права человека и окружающая среда» [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/RES/16/11 (дата обращения: 01.08.2026).

341. Рекомендация КМРВ «Улучшая качество воздуха в помещении: новый вызов местным властям» от 13-15 октября 2009 г. № 276 (2009) [Электронный ресурс]. – URL: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1521489&Site=Congress&BackColorInterne=e0cee1&BackColorIntranet=e0cee1&BackColorLogged=FFC679 (дата обращения: 01.06.2026).

342. Рекомендация ПАСЕ «О будущих действиях, которые должны быть предприняты Советом Европы по вопросу защиты окружающей среды» от 4 ноября 1999 г. № 1431 (1999) [Электронный ресурс]. URL: http://assembly.coe.int//Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta99/EREC1431.htm (дата обращения: 01.06.2026).

343. Рекомендация ПАСЕ «О разработке Дополнительного протокола к Европейской Конвенции по правам человека, посвященного праву на здоровую окружающую среду» от 30 сентября 2009 г. № 1885 (2009). [Электронный ресурс]. URL: http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta09/EREC1885.htm (дата обращения: 01.06.2026).

344. Рекомендация ПАСЕ «Окружающая среда и права человека» от 27 июня 2003 г. № 1614 (2003) [Электронный ресурс]. URL: http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=//Documents/AdoptedText/ta03/EREC1614.htm (дата обращения: 01.06.2026).

345. Решение 1 Совета Управляющих Компенсационной комиссии ООН «Критерии ускоренного рассмотрения срочных претензий»: документ ООН S/AC.26/1991/1 от 2 августа 1991 г.

346. Решение 20/CMA.1 «Условия и процедуры для эффективного функционирования механизма для содействия осуществлению и поощрения соблюдения, упомянутого в пункте 2 статьи 15 Парижского соглашения»: документ FCCC/PA/CMA/2018/3/Add.2 от 19 марта 2019 г.

347. Решение 23/CP.7 «Руководящие принципы для рассмотрения согласно статье 8 Киотского протокола»: документ FCCC/CP/2001/13/Add.3 от 21 января 2002 г.

348. Решение 24/CP.7 «Процедуры и механизмы, связанные с соблюдением, согласно Киотскому протоколу»: документ FCCC/CP/2001/13/Add.3 от 21 января 2002 г.

349. Решение 7 Совета Управляющих Компенсационной комиссии ООН «Критерии, применимые к дополнительным категориям претензий»: документ ООН S/AC.26/1991/7/Rev.1 от 17 марта 1992 г.

350. Решение I/7 «Обзор соблюдения Конвенции», принятое на первой встрече Сторон в 2002 г: документ ECE/MP.PP/2/Add.8.

351. Решение VII/10. Присоединение Гвинеи-Бисау к Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия

решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды: документ ООН ECE/MP.PP/2021/2/Add.1.

352. Решение Подразделения по обеспечению соблюдения Комитета по соблюдению Киотского протокола по вопросу осуществления: документ CC-2009-1-7/Croatia/EB.

353. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

354. Руководство по выполнению требований к отчетности для третьего совещания Сторон (Guidance on Implementation of reporting requirements for the 3rd meeting of the Parties): документ ООН ECE/MP.PP/WG.1/2007/L.4.

355. Руководство по отчетности об осуществлении Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей: документ ООН ECE/MP.PRTR/2017/6/Add.3.

356. Сводный доклад о положении дел в области осуществления Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2014: документ ООН ECE/MP.PRTR/2014/5.

357. Сводный доклад о положении дел в области осуществления Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2017: документ ООН ECE/MP.PRTR/2017/10.

358. Сводный доклад о положении дел в области осуществления Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2021: документ ООН ECE/MP.PRTR/2021/10.

359. Сводный доклад секретариата Орхусской конвенции о положении дел в области ее осуществления, подготовленный к седьмой сессии Совещания Сторон (Женева, 18–20 октября 2021 г.): документ ООН ECE/MP.PP/2021.

360. Совещание сторон Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по

вопросам, касающимся окружающей среды: документ ООН ECE/MP.PP/C.1/2006/4 от 28 июля 2006 г.

361. Соглашение на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции: документ ООН A/CONF.232/2023/4 от 19 июня 2023 г.

362. Создание реестра ущерба Организации Объединенных Наций, причиненного в результате строительства стены на оккупированной палестинской территории: документ ООН A/RES/ES-10/17 от 15 декабря 2006 г.

363. Стратегия Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде на 2022-25 годы для решения проблем изменения климата, утраты природной среды и загрязнения [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/resources/policy-and-strategy/people-and-planet-unep-strategy-2022-2025 (дата обращения: 13.07.2026).

364. Третий доклад Компенсационной комиссии Организации Объединенных наций «Доклад и рекомендации Группы уполномоченных в отношении третьей партии претензий «F4»: документ S/AC.26/2003/31 от 18 декабря 2003 г.

365. Финансирование и бюджет на двухгодичный период 2014-2015 годов: решение БК-11/26, принятое Конференцией Сторон Базельской конвенции на ее одиннадцатом совещании.

366. Финансирование и бюджет на двухгодичный период 2014-2015 годов: решение РК-6/16, принятое Конференцией Сторон Роттердамской конвенции на ее шестом совещании. Женева, 2013.

367. Финансирование и бюджет на двухгодичный период 2014-2015 годов: решение СК-6/30, принятое Конференцией Сторон Стокгольмской конвенции на ее шестом совещании. Женева, 2013.

368. Четвертый доклад Компенсационной комиссии Организации Объединенных наций «Доклад и рекомендации Группы уполномоченных в отношении части первой четвертой партии претензий «F4»: документ S/AC.26/2004/16 и S/AC.26/2004/17 от 9 декабря 2004 г.

на иностранных языках

369. 2025 National Implementation Reports by Parties [Электронный ресурс]. – URL: https://unece.org/environmental-policy/public-participation/2025-reporting-cycle-0#accordion_ (дата обращения: 01.08.2026).

370. Alongside Pandemic, World Faces ‘Triple Planetary Emergency’, Secretary-General Tells World Forum for Democracy, Citing Climate, Nature, Pollution Crises: документ ООН SG/SM/20422 от 16 ноября 2020 г.

371. Ambitious Action Key to Resolving Triple Planetary Crisis of Climate Disruption, Nature Loss, Pollution, Secretary-General Says in Message for International Mother Earth Day: документ ООН SG/SM/21243 от 21 апреля 2022 г.

372. Appeal by Croatia against a Final Decision of the Enforcement Branch of the Compliance Committee. – UN Doc. FCCC/KP/CMP/2010/2 of 19 February 2010.

373. CITES. The International Consortium on Combating Wildlife Crime [Электронный ресурс]. – URL: https://cites.org/eng/prog/iccwc_new.php (дата обращения: 14.01.2026).

374. Clearing-House Mechanism for Information Exchange: joint document UNEP/CHW.12/26–UNEP/FAO/RC/COP.7/20–UNEP/POPS/COP.7/35. – Geneva: UNEP, 2015.

375. Climate Change and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: statement by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, UN Doc. E/C.12/2018/1 of 31 October 2018. – Geneva: UN, 2018. – P. 3. [Электронный ресурс]. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/1651395?ln=en (дата обращения: 28.07.2026).

376. Comments from Croatia on the Final Decision (CC-2009-1-8/Croatia/EB). – Enforcement Branch of the Compliance Committee, CC-2009-1-9/Croatia/EB of 4 January 2010.

377. Commission for Environmental Cooperation. (2004). Maize and biodiversity: The effects of transgenic maize in Mexico [Электронный ресурс]. – URL: http://www3.cec.org/islandora/en/item/2152-maize-and-biodiversity-effects-transgenic-maize-in-mexico-key-findings-and-en.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

378. Compilation of Draft Text of the International Legally Binding Instrument on Plastic Pollution, Including in the Marine Environment: UNEP/PP/INC.5/4. – Nairobi: UNEP, 2024. – P. 42-46 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/inc-plastic-pollution/session-5/documents#WorkingDocumentsINC5 (дата обращения: 01.08.2026).

379. Compliance Committee under the Kyoto Protocol to the UNFCCC, Enforcement Branch. CC-2009-1-6/Croatia/EB, Preliminary finding [Электронный ресурс]. – URL: https://unfccc.int/files/kyoto_protocol/compliance/enforcement_branch/application/pdf/cc-2009-1-6_croatia_eb_preliminary_finding.pdf (дата обращения: 27.08.2026).

380. Compliance Mechanism under Selected Multilateral Environmental Agreements / Gregory F. Rose. – Nairobi: UNEP, 2007. – 142 p.

381. Conf. 10.10 (Rev. CoP18). Review of Significant Trade in specimens of Appendix-II species [Электронный ресурс]. – URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-10-10-R18.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

382. Conf. 11.3 (Rev. CoP18). Compliance and enforcement [Электронный ресурс]. – URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-11-03-R18.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

383. Conf. 12.8 (Rev. CoP18). Review of Significant Trade in specimens of Appendix-II species [Электронный ресурс]. – URL:

https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-12-08-R18.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

384. Conf. 14.3 (Rev. CoP18). CITES compliance procedures [Электронный ресурс]. – URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-14-03-R18.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

385. Conf. 8.4 (Rev. CoP15) National laws for implementation of the Convention [Электронный ресурс]. – URL: https://cites.org/sites/default/files/document/E-Res-08-04-R15_0.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

386. Cooperation and coordination between the secretariats of the Minamata Convention on Mercury and of the Basel, Rotterdam and Stockholm conventions: документ ООН UNEP/MC/COP.5/INF/28 от 4 августа 2023 г.

387. Council Decision (EU) 2018/881 of 18 June 2018 requesting the Commission to submit a study on the Union's options for addressing the findings of the Aarhus Convention Compliance Committee in case ACCC/C/2008/32 and, if appropriate in view of the outcomes of the study, a proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) No 1367/2006 // Official Journal of the European Union. – 2018. – L 155. – P. 6-7.

388. Council Regulation (EC) No 338/97 of 9 December 1996 on the protection of species of wild fauna and flora by regulating trade therein // Official Journal of the European Communities. – 1997. – L 61, 3 March. – P. 1-69.

389. Decision 24/CP.7. «Procedures and mechanisms relating to compliance under the Kyoto Protocol»: документ ООН FCCC/CP/2001/13/Add.3 от 10 ноября 2001 г.

390. Decision X/2 «The Strategic Plan for Biodiversity 2011-2020 and the Aichi Biodiversity Targets»: документ ООН UNEP/CBD/COP/DEC/X/2 от 29 октября 2010.

391. Directive (EU) 2024/1203 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 on the protection of the environment through criminal law and replacing Directives 2008/99/EC and 2009/123/EC [Электронный ресурс]. –

URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024L1203 (дата обращения: 01.07.2026).

392. Draft Articles on State Responsibility with Commentaries Thereto Adopted by the International Law Commission on First Reading, January 1997, 97-02583 [Электронный ресурс]. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_1996.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

393. Draft general comment No. 26 on children's rights and the environment with a special focus on climate change [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/crccgc26-general-comment-no-26-2023-childrens-rights (дата обращения: 01.06.2026).

394. Draft International Code of Conduct on the Transfer of Technology as at the Close of the Sixth Session of the Conference on 5 June 1985: документ TD/CODE TOT/47 от 20 июня 1985 г.

395. Draft International Covenant on Environment and Development IUCN 2015 [Электронный ресурс]. – URL: https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/EPLP-031-rev4.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

396. Draft International Covenant on Environment and Development IUCN. The World Conservation Union. Third Edition: Second Revised Text, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iucn.org/themes/law/pdfdocuments/EPLP31EN_rev2.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

397. Elaboration of Options for Enhancing Synergies among Biodiversity-Related Conventions: UNEP/EA.2/12/Add.1, 29 March 2016. – Nairobi: UNEP, 2016.

398. End Plastic Pollution: Towards an International Legally Binding Instrument: resolution adopted by the United Nations Environment Assembly on 2 March 2022, UNEP/EA.5/Res.14. – Nairobi: UNEP, 2022 [Электронный ресурс].

– URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39762/END%20PLASTIC%20POLLUTION%20-%20TOWARDS%20AN%20INTERNATIONAL%20LEGALLY%20BINDING%20INSTRUMENT%20-%20Russian.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.08.2024).

399. Enhancing Cooperation and Coordination among the Basel, Rotterdam and Stockholm Conventions: joint document UNEP/CHW.12/23–UNEP/FAO/RC/COP.7/17–UNEP/POPS/COP.7/33. – Geneva: UNEP, 2015.

400. Establishment and Mandate of the United Nations Compensation Commission (UNCC) [Электронный ресурс]. – URL: uncc.un.org/en (дата обращения: 01.08.2026).

401. Final Environmental Assessment of the Canada-United States-Mexico Agreement (CUSMA) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/cusma-aceum/final_ea-ee_finale.aspx?lang=eng (дата обращения: 01.07.2026).

402. Final Report on the Impact of Findings of the United Nations Human Rights Treaty Bodies / International Law Association, Committee on International Human Rights Law and Practice // Report of the Seventy-First Conference of the International Law Association (Berlin, 16-21 August 2004). – London: ILA, 2004. – P. 5.

403. First Substantive session, statements [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unenvironment.org/events/conference/towards-global-pact-environment (дата обращения: 01.07.2026).

404. General Assembly, 82nd & 83rd Meetings (AM & PM) 20 May 2026 [Электронный ресурс]. – URL: https://press.un.org/en/blog/ga12760 (дата обращения: 01.07.2026).

405. General comment No. 15 (2013) on the right of the child to the enjoyment of the highest attainable standard of health [Электронный ресурс]. –

URL: https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crc/general-comments (дата обращения: 01.07.2026).

406. General comment No. 15: The Right to Water (Arts. 11 and 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) / Committee on Economic, Social and Cultural Rights. – UN Doc. E/C.12/2002/11. – 20 January 2003 [Электронный ресурс] // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. — URL: https://www2.ohchr.org/english/issues/water/docs/CESCR_GC_15.pdf (дата обращения: 28.08.2025).

407. General comment No. 16 (2013) on State obligations regarding the impact of the business sector on children's rights [Электронный ресурс]. – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=5&DocTypeID=11 (дата обращения: 01.07.2026).

408. General comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-25-2021-childrens-rights-relation (дата обращения: 01.06.2026).

409. Guide for Negotiators of Multilateral Environmental Agreements. – Nairobi: UNEP, 2007. – 62 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://wedocs.unep.org/20.500.11822/7496 (дата обращения: 08.08.2026).

410. Guidelines for Submissions on Enforcement Matters under Articles 14 and 15 of the North American Agreement on Environmental Cooperation [Электронный ресурс]. – URL: *https://*www.cec.org/Page.asp?PageID=30101&ContentID=25256&SiteNodeID=210 (дата обращения: 01.07.2026).

411. Guidelines for the Follow-up Programme for Environmental Awards of the United Nations Compensation Commission // Environmental Policy and Law. – 2005. – Vol. 35. – No. 6. – P. 276-281.

412. Guiding Principles on Business and Human Rights [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_en.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

413. ICAO Res A40-18 «Consolidated statement of continuing ICAO policies and practices related to environmental protection – Climate change» (2019) [Электронный ресурс] // International Civil Aviation Organization. – URL: https://euctrl-pru.github.io/international-BRA-EUR-2022/references.html (дата обращения: 27.09.2026).

414. Joint Statement on «Human Rights and Climate Change» [Электронный ресурс] // Commission for Environmental Cooperation. – URL: https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24998&LangID=E (дата обращения: 28.07.2026).

415. JPAC Advice to Council 03-05 (17 December 2003) [Электронный ресурс] // Commission for Environmental Cooperation. – URL: http://www.cec.org/Page.asp?PageID=122&ContentID=1274&SiteNodeID=295&BL_ExpandID= (дата обращения: 01.07.2026).

416. JPAC Summary of Responses to the JPAC Questionnaire on Submitters Experiences with the Citizen Submission Process Under NAAEC Articles 14 and 15 [Электронный ресурс] // Commission for Environmental Cooperation. – URL: *http://www.cec.org/Page.asp?PageID=1212&SiteNodeID=1029&SiteLanguageId* = (дата обращения: 01.07.2026).

417. Justitia et pace. Institut de Droit International. Session of Strasbourg – 1997. Resolution №2 «Environment» [Электронный ресурс] // Institut de Droit International. – URL: http://www.idi-iil.org/idiE/resolutionsE/1997_str_02_en.PDF (дата обращения: 25.06.2026).

418. Lagos Plan of Action for Development of Africa (1980) [Электронный ресурс] // Organisation of African Unity (OAU). – URL: https://www.resakss.org/node/6653 (дата обращения: 21.06.2026).

419. Letter dated 10 February 2022 from the President of the Governing Council of the United Nations Compensation Commission addressed to the President of the Security Council [Электронный ресурс]. – URL: https://uncc.un.org/sites/default/files/2023-05/final_report_with_letter.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

420. MOP 1 Decision BS-I/7 «Establishment of procedures and mechanisms on compliance under the Cartagena Protocol on Biosafety» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbd.int/decision/cop?id=8289 (дата обращения: 01.08.2026).

421. Regulation (EU) 2021/1767 of the European Parliament and of the Council of 6 October 2021 amending Regulation (EC) No 1367/2006 on the application of the provisions of the Aarhus Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters to Community institutions and bodies. PE/63/2021/REV/1 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R1767 (дата обращения: 02.08.2026).

422. Report of the 8th meeting of the Paris Agreement Implementation and Compliance Committee. PAICC/2022/M8/3 [Электронный ресурс]. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/PAICC%208%20meeting%20report.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

423. Report of the Conference of the Parties on its Seventh Session, Held at Marrakesh from 29 October to 10 November 2001, Addendum 3. – UN Doc. FCCC/CP/2001/13/Add.3. – P. 62-77.

424. Report of the Executive Director on Enhancing Synergies among the Biodiversity-Related Multilateral Environmental Agreements: UNEP/EA.2/12, 25 February 2016. – Nairobi: UNEP, 2016.

425. Report of the first session of the Meeting of the Parties to the Protocol on Pollutant Release and Transfer Registers (Geneva, 20-22 April 2010), Addendum: Decisions adopted by the Meeting of the Parties. – UN Doc.

ECE/MP.PRTR/2010/2/Add.1. – Decision I/5 «Reporting on implementation of the Protocol».

426. Report of the Fourth Session of the Meeting of the Parties to the Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters (Aarhus Convention), Addendum: Decisions adopted by the Meeting of the Parties. – Chisinau, 29 June – 1 July 2011. – UN Doc. ECE/MP.PP/2011/2/Add.1.

427. Report of the review of the initial report of Croatia: документ FCCC/IRR/2008/HRV. – Para. 157 [Электронный ресурс]. — URL: https://unfccc.int/files/kyoto_protocol/compliance/plenary/application/pdf/cc_ert_irr_2009_2_report_of_the_review_of_ir_of_croatia.pdf (дата обращения: 27.09.2026).

428. Report of the second session of the Meeting of the Parties to the Protocol on Pollutant Release and Transfer Registers (Maastricht, 3-4 July 2014), Addendum: Decisions adopted by the Meeting of the Parties. – UN Doc. ECE/MP.PRTR/2014/4/Add.1. – Decision II/1 «Reporting requirements».

429. Report of the Working Group of Experts on Liability and Compensation for Environmental Damage Arising from Military Activities / United Nations Environment Programme (UNEP). – 17 May 1996.

430. Report on Activities Pertaining to International Cooperation and Coordination: joint document UNEP/CHW.12/INF/31–UNEP/FAO/RC/COP.7/INF/20–UNEP/POPS/COP.7/INF/41. – Geneva: UNEP, 2015.

431. Report Ramsar Advisory Mission (RAM) No. 68. North-eastern Caribbean Wetland of International Importance (Humedal Caribe Noreste), Costa Rica 17 December 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.ramsar.org/ pdf/ ram/ ram_rpt_ 69-CostaRica_s.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

432. Secretariats for ECE multilateral environmental agreements – the Way Forward: Enhancing secretariat functions of the ECE MEAs to better address

environmental challenges in the pan-European region: документ ООН CEP/2000/1 от 12 июля 2000 г.

433. Sub-regional action Programme to combat Desertification in West Africa [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unccd.int/sites/default/files/relevant-links/2017-07/Economic%20Community%20of%20West%20African%20States%20%28ECOWAS%29.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

434. Synergies among the Basel, Rotterdam and Stockholm conventions [Электронный ресурс]. – URL: http://synergies.pops.int/ (дата обращения: 01.08.2026).

435. The Ramsar Convention Manual: a Guide to the Convention on Wetlands (Ramsar, Iran, 1971) / Ramsar Convention Secretariat. – 4th ed. – Gland: Ramsar Secretariat, 2006. – 120 p.

436. The World Bank Inspection Panel: Resolution No. IBRD 93-10, Resolution No. IDA 93-6 of 22 September 1993. – Washington, D.C.: World Bank, 1993 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.inspectionpanel.org (дата обращения: 01.08.2026).

437. UNEP. Governing Council Decision SS.VII/4 «Compliance with and Enforcement of Multilateral Environmental Agreements»: adopted at the 7th Special Session of the Governing Council, Cartagena, 13-15 February 2002 [Электронный ресурс] // United Nations Environment Programme. – URL: https://wedocs.unep.org/20.500.11822/18713?__cf_chl_rt_tk=8pIC6M5a.uwp29blr545SF_66HMTmVQYmwpWOqyrJfU-1790493118-1.0.1.1-Oa_cCS5lIUsrKxgWc2W11OriprGEWswCXg2vVqOr9wM (дата обращения: 27.09.2026).

438. UNEP. Guidelines on Compliance with and Enforcement of Multilateral Environmental Agreements' – Nairobi: UNEP, 2007. – Para. 14(c)(iii).

439. Withdrawal by Croatia of its appeal against a final decision of the enforcement branch of the Compliance Committee. – UN Doc. FCCC/KP/CMP/2011/2 of 16 August 2011.

4) Документы международных организаций и органов

440. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.

441. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Открывая новые горизонты: глобальный прогноз состояния планеты и благополучия человека: доклад ЮНЕП. – Найроби: ЮНЕП, 2024. – 108 с.

442. Environmental Outlook on the Triple Planetary Crisis: Stakes, Evolution and Policy Linkages / Organisation for Economic Co-operation and Development. – Paris: OECD Publishing, 2025. – (OECD Environmental Outlook).

443. Participation of the Russian Federation and Newly Independent States of the former Soviet Union in the International Environmental Agreements / World Bank, Environmental Department. – Washington, D.C.: World Bank, 1996.

444. UNEP. Circular solutions to the triple planetary crisis [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/news-and-stories/speech/circular-solutions-triple-planetary-crisis (дата обращения: 01.07.2026).

445. World Conservation Strategy: Living Resource Conservation for Sustainable Development. International Union for Conservation of Nature and Natural Resources (1980) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.a21italy.it/medias/31C2D26FD81B0D40.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

5) Нормативные правовые акты и иные документы

446. Распоряжение Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 51. – Ст. 6305.

447. Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 44. – Ст. 7830.

448. Постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. № 2304-I «О присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 29. – Ст. 853.

449. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярнефть» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 24. – Ст. 3547.

450. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2. – С. 3-16.

451. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 1. – Ст. 25.

452. Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона № 446365-5 «О внесении изменений в федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам», внесенному Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации в Государственную Думу 27 октября 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/902314840 (дата обращения: 02.05.2026).

453. Приказ Госкомэкологии РФ от 11 февраля 1998 г. № 81 «Об

утверждении Методики исчисления размера ущерба от загрязнения подземных вод» // СПС «КонсультантПлюс».

454. Приказ Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

455. Приказ Минприроды России от 13 апреля 2009 г. № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

456. Приказ Минприроды России от 28 января 2021 г. № 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды» // СПС «КонсультантПлюс».

457. Приказ Минсельхоза России от 31 марта 2020 г. № 167 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам» // СПС «КонсультантПлюс».

458. Проект распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Стратегии сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия Российской Федерации на период до 2036 года» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/strategii_i_doktriny/proekt_rasporyazheniya_pravitelstva_rossiyskoy_federatsii_ob_utverzhdenii_strategii_sokhraneniya_i_u/ (дата обращения: 02.08.2026).

459. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

460. Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием

в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7334.

461. Resource Management Act № 69 от 22 июля 1991 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

462. The Environmental Management and Co-ordination Act № 8 от 1999 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Kenya/KE_Environmental_Management_Act.pdf (дата обращения: 11.05.2026).

463. Land and Environment Court Act 1979 (NSW) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lawlink.nsw.gov.au (дата обращения: 01.06.2026).

464. World Heritage Properties Conservation Act 1983 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/cth/num_act/whpca1983427 (дата обращения: 11.05.2026).

II. ЛИТЕРАТУРА

1) Монографии

на русском языке

465. Абашидзе, А. Х. Односторонние акты государств: вопросы теории и практики / А. Х. Абашидзе, М. В. Ильяшевич. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. – 193 с.

466. Абашидзе, А. Х. Экоцид как международное преступление: проблемы и перспективы / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под. ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз – М: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 258-274.

467. Бородин, И. П. Мировая охрана природы / И. П. Бородин. – Петроград: тип. М. М. Стасюлевича, 1915. – 106 с.

468. Бородин, И. П. Охрана памятников природы / И. П. Бородин. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – 31 с.

469. Валеев, Р. М. Контроль в современном международном праве = Control in the contemporary international law = Control in the contemporary international law / Р. М. Валеев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2003. – 319 с.

470. Гаврилов, В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем / В. В. Гаврилов. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 214 с.

471. Глушенкова, Е. И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России / Е. И. Глушенкова. – М.: Академия МНЭПУ, 2015. – 182 с.

472. Голубев, Н. Н. Международные третейские суды XIX века: Очерки теории и практики / Н. Н. Голубев. – М.: Унив. тип., 1903. – 390 с.

473. Дрейер, О. К. Глобальные проблемы и «третий мир» (Общемировые и региональные процессы развития) / О. К. Дрейер, Б. В. Лось, В. А. Лось. – М.: Наука, 1991. – 287 с.

474. Евстигнеев, В. А. Российское и зарубежное законодательство о защите населения и территорий от наводнений / В. А. Евстигнеев. – М.: Былина, 2003. – 224 с.

475. Зеленый туман / под ред. М. В. Бегака. – М.: ООО ФИД Деловой экспресс, 2023. – 152 с.

476. Каламкарян, Р. А. Принцип добросовестности в современном международном праве / Р. А. Каламкарян. – М.: Наука, 1991. – 188 с.

477. Клименко, Б. М. Международные реки: правовые вопросы использования международных рек в промышленности и сельском хозяйстве / Б. М. Клименко. – М.: Международные отношения, 1969. – 189 с.

478. Кожокарь, И. П. Дефекты нормативно-правового регулирования / И. П. Кожокарь. – М.: Проспект, 2021. – 296 с.

479. Колбасов, О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды / О. С. Колбасов. – М.: Междунар. отношения, 1982. – 237 с.

480. Копылов, М. Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран (международно-правовые вопросы) / М. Н. Копылов. –

М.: ЭКОН, 2000. – 388 с.

481. Копылов, М. Н. Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права / М. Н. Копылов, С. М. Копылов, Э. Ю. Кузьменко. – М.: Экон-Информ, 2007. – 202 с.

482. Кукушкина, А. В. Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: международно-правовые аспекты / А. В. Кукушкина. – М.: ЛКИ, 2008. – 175 с.

483. Лосев, К. С. Проблемы экологии России = Russia in Environmental Crisis / К. С. Лосев, В. Г. Горшков, К. Я. Кондратьев и др.; отв. ред. В. И. Данилов-Данильян, В. М. Котляков. – М.: Б. и., 1993. – 347 с.

484. Правовые механизмы противодействия гринвошингу / отв. ред. В. Б. Агафонов, Н. П. Воронина. – М.: Проспект, 2025. – 152 с.

485. Сазонова, К. Л. Ответственность государств и международных организаций за неправомерное применение силы в международном праве: теория и практика / К. Л. Сазонова. – М.: Nota bene, 2014. – 380 с.

486. Серов, Г. П. Правовое регулирование экологической безопасности при осуществлении промышленной и иных видов деятельности / Г. П. Серов. – М.: Ось-89, 1998. – 222 с.

487. Соколова, Н. А. Международно-правовые проблемы управления в сфере охраны окружающей среды / Н. А. Соколова. – М.: Проспект, 2010. – 318 с.

488. Талалаев, А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров / А. Н. Талалаев. – М.: Международные отношения, 1985. – 294 с.

489. Таубе, М. А. История зарождения современного международного права (Средние века). Т. 1: Введение и часть общая / М. А. Таубе. – Санкт-Петербург: Типо-лит. П. И. Шмидта, 1894. – 370 с.

490. Тимошенко, А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды в системе ООН: организационно-правовые вопросы / А. С. Тимошенко. – М.: Наука, 1986. – 190 с.

491. Чичварин, В. А. Охрана природы и международные отношения / В. А. Чичварин. – М.: Междунар. отношения, 1970. – 287 с.

492. Шинкарецкая, Г. Г. Международная судебная процедура / Г. Г. Шинкарецкая. – М.: Наука, 1992. – 223 с.

на иностранных языках

493. Aloni, O. The League of Nations and the Protection of the Environment / O. Aloni. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 384 p.

494. Bell, S. Ball and Bell on Environmental Law / S. Bell, D. McGillivray. – 6th edition. – London: Blackstone, 2005. – 1000 p.

495. Bendel, J. Litigating the Environment: Process and Procedure Before International Courts and Tribunals / J. Bendel. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023. – 320 p.

496. Bilder, R. The settlement of disputes in the field of International law of the environment / R. B. Bilder // Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye. – 1975. – T. 144. – P. 139-240.

497. Birnie, P. Dispute settlement procedures in the 1982 UNCLOS / P. Birnie // Law of the sea and international shipping: Anglo-Soviet post UNCLOS perspectives. – London, 1985. – 235 p.

498. Bodansky, D. The Art and Craft of International Environmental Law / D. Bodansky. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. – 384 p.

499. Boer, B. W. Heritage Law in Australia / B. W. Boer, G. Wiffen. – South Melbourne: Oxford University Press, 2006. – 123 p.

500. Chambers, W. B. Interlinkages and the Effectiveness of Multilateral Environmental Agreements / W. B. Chambers. – Tokyo: United Nations University Press, 2008. – 336 p.

501. Climate Change and the Testing of International Law / ed. by S. Maljean-Dubois and J. Peel. – 1st ed. – Vol. 26. – Leiden: Brill, 2023. – 145 p.

502. Craig, D. G. Capacity Building for Environmental Law in the Asian and Pacific Region: Approaches and Resources / D. G. Craig, N. A. Robinson, Koh Keng-Lian. – Manila: Asian Development Bank, 2002. – 123 p.

503. Crawford, J. The ILC's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries / J. Crawford. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 387 p.

504. Desai, B. H. Multilateral environmental agreements: Legal status of the secretariats / B. H. Desai. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 330 p.

505. Divan, S. Environmental Law and Policy in India: Cases, Materials and Statutes / S. Divan, A. Rosencranz. – 2nd ed. – New Delhi: Oxford University Press, 2001. – 837 p.

506. Dupuy, P.-M. International Environmental Law / P.-M. Dupuy, J. E. Viñuales. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 522 p.

507. Ebbesson, J. Compatibility of International and National Environmental Law / J. Ebbesson. – The Hague: Kluwer Law International, 1996. – 301 p.

508. Elworthy, S. Environmental Protection: Text and Materials / S. Elworthy, J. Holder. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 500 p.

509. Ensuring Compliance with Multilateral Environmental Agreements: A Dialogue between Practitioners and Academia / ed. by U. Beyerlin, P.-T. Stoll, R. Wolfrum. – Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. – 393 p.

510. Firth, S. Nuclear Playground / S. Firth. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. – 176 p.

511. Glazewski, J. Environmental Law in South Africa / J. Glazewski. – Durban: Butterworth, 2002. – 918 p.

512. Graubart, J. Legalizing Transnational Activism: The Struggle to Gain Social Change from NAFTA's Citizen Petitions / J. Graubart. – University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2008. – 170 p.

513. Helmersen, S. T. The Application of Teachings by the International Court of Justice / S. T. Helmersen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 232 p.

514. Hey, E. Reflections on an International Environmental Court / E. Hey. – The Hague: Kluwer Law International, 2000. – 27 p.

515. Implementing the Precautionary Principle: Approaches from the Nordic Countries, EU and USA / ed. by Nicolas de Sadeleer. – London: Earthscan, 2007. – 396 p.

516. International Courts versus Non-Compliance Mechanisms: Comparative Advantages in Strengthening Treaty Implementation / ed. by C. Voigt, C. Foster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 507 p.

517. International Environmental Law in National Courts / ed. by M. Anderson, P. Galizzi. – London: British Institute of International and Comparative Law, 2002. – 246 p.

518. Lee, J. R. Inventory of conflicts and environment / J. R. Lee [Электронный ресурс]. – URL: http://gurukul.ucc.american.edu/ted/ice/ice.htm (дата обращения: 25.06.2026).

519. Lucas, A. Environmental Law and Policy in Canada / A. Lucas. – 3rd ed. – Toronto: Emond Montgomery, 2003. – 728 p.

520. Making treaties work: Human Rights, Environment and Arms Control / ed. by G. Ulfstein, T. Marauhn, A. Zimmermann. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 427 p.

521. Naldi, G. J. The organization of African Unity. An analysis of its role / G. J. Naldi. – 2nd ed. – London: Mansell, 1999. – 268 p.

522. Nordic Research Project on the Effectiveness of International Environmental Agreements. – Helsinki: Finnish Ministry of the Environment, 1995. – 123 p.

523. Nowak, M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary / M. Nowak. – 2nd ed. – Kehl: Engel Verlag, 2005. – 1277 p.

524. Pasqualucci, J. M. The Practice and Procedure of the Inter-American Court of Human Rights / J. M. Pasqualucci. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 488 p.

525. Postiglione, A. The global environmental crisis: the need for an International court of the Environment / A. Postiglione. – Florence: Giunti Gruppo Editoriale, 1996. – 156 p.

526. Pring, G. Environmental Courts & Tribunals: A Guide for Policy Makers / G. Pring, C. Pring. – Nairobi: United Nations Environment Programme, 2016. – 124 p.

527. Ramnewash-Oemrawsingh, S. T. The Human Right to a Viable Environment / S. T. Ramnewash-Oemrawsingh. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 550 p.

528. Reeve, R. Policing International Trade in Endangered Species: The CITES Treaty and Compliance / R. Reeve. – London: Royal Institute of International Affairs/Earthscan, 2002. – 346 p.

529. Reis, T. H. Compensation for Environmental Damage under International Law: The Role of the International Judge / T. H. Reis. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2011. – 296 p.

530. Romano, C. P. R. The Peaceful Settlement of International Environmental Disputes: A Pragmatic Approach / C. P. R. Romano. – The Hague: Kluwer Law International, 2000. – 408 p.

531. Rudall, J. Compensation for Environmental Damage Under International Law / J. Rudall. – Abingdon: Routledge, 2020. – 138 p.

532. Shelton, D. Remedies in International Human Rights Law / D. Shelton. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 476 p.

533. Steiner, H. J. International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals / H. J. Steiner, P. Alston. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 1497 p.

534. Stephens, T. International courts and environmental protection / T. Stephens. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 410 p.

535. Tehan, M. The Impact of Climate Change Mitigation on Indigenous and Forest Communities: International, National and Local Law Perspectives on REDD+ / M. Tehan, L. C. Godden, M. A. Young, K. A. Gover. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 415 p.

536. The 1972 World Heritage Convention: A Commentary / ed. by F. Francioni, F. Lenzerini. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 576 p.

537. The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals / ed. by E. Sobenes, S. Mead, B. Samson. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. – 755 p.

538. The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 1080 p.

539. Transboundary Harm in International Law: Lessons from the Trail Smelter Arbitration / ed. by R. M. Bratspies, R. A. Miller. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 347 p.

540. UNCTAD's Reform Package for the International Investment Regime / United Nations Conference on Trade and Development. – Geneva: UNCTAD, 2018. – 48 p.

541. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982: A Commentary. Vol. IV / ed. by M. H. Nordquist, S. Rosenne, A. Yankov. – Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1990. – 812 p.

542. Westing, A. H. Global resources and international conflicts: environmental factors in strategic policy and action / A. H. Westing. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 280 p.

543. Zahar, A. Climate Change Finance and International Law / A. Zahar. – Abingdon: Routledge, 2017. – 165 p.

544. Zander, J. The Application of the Precautionary Principle in Practice: Comparative Dimensions / J. Zander. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 376 p.

2) Научные статьи

на русском языке

545. Абатурова, В. А. Соблюдение Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. (СИТЕС): проблемы и перспективы / В. А. Абатурова, Р. М. Бадретдинов, А. М. Солнцев // Международный правовой курьер. – 2021. – № 4. – С. 1-9.

546. Абашидзе, А. Х. Особая связь коренных народов с традиционными землями (дело народа ава гуарани против Республики Парагвай) / А. Х. Абашидзе, Н. А. Шеремет // Международный правовой курьер. – 2021. – № 7. – С. 9-16.

547. Абашидзе, А. Х. Консультативное заключение Международного трибунала по морскому праву об ответственности государств за деятельность на морском дне за пределами национальной юрисдикции / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, М. Д. Сюняева // Государство и право. – 2012. – № 7. – С. 72-82.

548. Абашидзе, А. Х. Важный шаг в кодификации института ответственности / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, О. Д. Миловидов // Юрист-международник. – 2008. – № 1. – С. 70-72.

549. Абашидзе, А. Х. Вопросы контроля выполнения положений международных экологических соглашений / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Актуальные проблемы международного права: LIBER AMICORUM в честь профессора Револя Миргалимовича Валеева. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – С. 6-18.

550. Абашидзе, А. Х. Изменение климата и поддержание международной безопасности / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6. – С. 11-14.

551. Абашидзе, А. Х. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов / А. Х. Абашидзе // Московский журнал международного права. – 2004. – № 1. – С. 55-75.

552. Абашидзе, А. Х. Первая международная экологическая конференция – Конференция по международной охране природы (Берн, 1913 г.) / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Экологическое право. – 2006. – № 4. – С. 2-4.

553. Абашидзе, А. Х. Правозащитное измерение концепции устойчивого развития в международном праве / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Международное публичное и частное право. – 2025. – № 4. – С. 3-8.

554. Абашидзе, А. Х. Пробелы концептуального и практического характера в повестке дня в области устойчивого развития до 2030 г. / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, И. А. Черных, П. Н. Юсифова [и др.] // Международный правовой курьер. – 2023. – № 1. – С. 5-13.

555. Абашидзе, А. Х. Усиление эффективности режима экологической ответственности в Системе Договора об Антарктике / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 59-66.

556. Абашидзе, А. Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств erga omnes / А. Х. Абашидзе // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений: монография / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. – М.: Европейская Комиссия, 2008. – С. 45-52.

557. Алисиевич, Е. С. Защита права на благоприятную окружающую среду в практике Европейского суда по правам человека / Е. С. Алисиевич // Международное право – International Law. – 2009. – № 4. – С. 181-190.

558. Алисиевич, Е. С. Совет Европы (§ 2 раздела 2) / Е. С. Алисиевич // Абашидзе, А. Х. Международное экологическое право: документы и комментарии. Вып. 3. Экологические права человека / А. Х. Абашидзе, Ю. Г. Васильев, А. М. Солнцев. – М.: РУДН, 2010. – С. 132-133.

559. Анисимов, А. П. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США / А. П. Анисимов // Matters of Russian and International Law. – 2015. – № 10. – С. 21-34.

560. Боголюбов, С. А. Экологизация законодательства, государства и общественной жизни / С. А. Боголюбов // Право и экология: материалы VIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 23-24 мая 2013 г. – Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2014. – С. 33-39.

561. Боголюбов, С. А. Экологическое право – интегрированная отрасль. Проблемы теории экологического права. Диалог / С. А. Боголюбов, М. К. Сулейменов // Экологическое право. – 2014. – № 4. – С. 32-38.

562. Боклан, Д. С. «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития / Д. С. Боклан // Московский журнал международного права. – 2015. – № 1. – С. 117-134.

563. Бринчук, М. М. Экосистемный подход в праве / М. М. Бринчук // Экологическое право. – 2008. – № 1. – С. 6-14.

564. Буторина, Е. Стихийное последствие. Европейский суд признал ответственность российских властей за бездействие во время чрезвычайной ситуации / Е. Буторина // Время новостей. – 2008. – № 48 [Электронный ресурс]. – URL: https://vremya.ru/2008/48/51/200247.html (дата обращения: 12.08.2026).

565. Виноградов, С. В. Судебное рассмотрение споров, связанных с транснациональным ущербом окружающей среде / С. В. Виноградов // Вопросы международного морского и воздушного права. – М.: Институт государства и права АН СССР, 1979. – С. 47-60.

566. Гальперин, М. О «зеленом» переходе и процессуальной революции: обзор постановлений Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2024 года по делам Карем против Франции (жалоба №7189/21), Дуарте Агустино и другие против Португалии и 32 других (жалоба 39371/20), Верейн Климасеньоринен Швайц и другие против Швейцарии (жалоба №53600/20) / М. Гальперин // Международное правосудие. – 2024. – Т. 14. – № 2 (50). – С. 3-19.

567. Голубок, С. Экологическое измерение права на уважение частной жизни / С. Голубок // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 42. – С. 5.

568. Губарев, В. Член-корреспондент РАН Дмитрий Матишов: вместе с океаном в жизни и в науке / В. Губарев // Наука и жизнь. – 2008. – № 3. – С. 17-25.

569. Данилова, Н. В. Право на благоприятную окружающую среду: социальная ценность, содержание и способы защиты / Н. В. Данилова // Экологическое право. – 2015. – № 3 (4) – С. 3-8.

570. Данилов-Данильян, В. И. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. Размышления / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев, И. Е. Рейф // Зеленый мир. – 2006. – № 19-20. – С. 19-27.

571. Дементьев, А. А. Интеграционное перерождение: из НАФТА в USCMA / А. А. Дементьев // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 179-187.

572. Донаканян, В. «Озеленение» полетов: как экологизация правового регулирования воздушных сообщений влияет на действующее международное воздушное право? / В. Донаканян // Международное правосудие. – 2025. – Т. 15. – № 3 (55). – С. 139-165.

573. Жуков, Г. П. Проблемы экологически устойчивого использования ракетно-космической техники / Г. П. Жуков, А. М. Солнцев // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 11 (30). – С. 87-94.

574. Захарова, Н. В. Принцип добросовестного выполнения международных обязательств в современном международном праве / Н. В. Захарова // Международное право на службе мира и сотрудничества государств. – М.: Междунар. отношения, 1981. – С. 133-141.

575. Ибрагимов, А. М. Характерные черты развития международно-правовых гарантий в XIX–XX вв. / А. М. Ибрагимов // Московский журнал международного права. – 2009. – № 2 (74). – С. 5-21.

576. Ильинская, О. И. К вопросу о способах обеспечения выполнения международных договоров / О. И. Ильинская // Lex Russica (Русский закон). – 2010. – № 6. – С. 1420-1428.

577. Исполинов, А. С. Нормы jus cogens в решениях международных и национальных судов / А. С. Исполинов // Российский юридический журнал. — 2014. – № 6. – С. 42-50.

578. Камаровский, Л. А. Международный третейский суд в Париже / Л. А. Камаровский // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического Общества, состоящего при Императорском Московском Университете, и его Статистического отделения. – СПб., 1894. – Том 3. – С. 125-150.

579. Кебурия, К. В защиту прав человека и окружающей среды: Постановление Африканского суда по правам человека и народов от 5 сентября 2023 года по делу Ивуарийская лига по правам человека и другие против Кот-д'Ивуар / К. Кебурия // Международное правосудие. – 2024. – Т. 14. – № 4 (52). – С. 17-37.

580. Кебурия, К. О. Значение Основных принципов и руководящих положений ООН о праве на защиту и возмещение ущерба 2005 г. / К. О. Кебурия, А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2021. – № 2. – С. 78-98.

581. Клюня, А. Ю. Соотношение императивных норм международного права и обязательств erga omnes / А. Ю. Клюня // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 54-58.

582. Князев, М. А. Государство как субъект компенсации экогенного вреда: практика Европейского суда по правам человека / М. А. Князев // Государство и право. – 2008. – № 11. – С. 119-123.

583. Коваль, Э. Ю. Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия: международно-правовой анализ / Э. Ю. Коваль, А. М. Солнцев // Международный правовой курьер. – 2023. – № 2. – С. 30-38.

584. Кожеуров, Я. С. Консультативная юрисдикция международного суда: опыт Межамериканского суда по правам человека / Я. С. Кожеуров // Российский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 95-107.

585. Колбасов, О. С. Международное экологическое право на пороге XXI века / О. С. Колбасов // Российский ежегодник международного права. 1996-1997. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 1998. – С. 120-135.

586. Коломин, В. О. Соглашение ВТО по рыболовным субсидиям как элемент глобального регулирования отрасли / В. О. Коломин [Электронный ресурс] // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2024. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soglashenie-vto-po-rybolovnym-subsidiyam-kak-element-globalnogo-regulirovaniya-otrasli (дата обращения: 20.07.2026).

587. Комкова, Е. ЮСМКА вместо НАФТА / Е. Комкова // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 4. – С. 50-58.

588. Конева, А. Е. Противодействие изменению климата и деятельность договорных органов по правам человека / А. Е. Конева, Д. А. Гугунский // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 11 (138). – С. 353-356.

589. Копылов, М. Н. Вклад Международного союза охраны природы и природных ресурсов в кодификацию и прогрессивное развитие международного экологического права / М. Н. Копылов // Московский журнал международного права. – 2003. – № 2 (50). – С. 228-245.

590. Копылов, М. Н. Принцип международного сотрудничества глазами юриста-эколога / М. Н. Копылов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2005. – № 2 (18). – С. 122-128.

591. Копылов, М. Н. Рамсарская конвенция 1971 г. и экосистемный подход к разумному использованию и устойчивому развитию водно-болотных угодий / М. Н. Копылов, А. М. Солнцев // Экологическое право. – 2012. – № 3. – С. 27-34.

592. Копылов, М. Н. Роль института кодификации и прогрессивного развития в формировании международного экологического права / М. Н. Копылов, Э. Ю. Кузьменко // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 3. – С. 24-28.

593. Кукушкина, А. В. Международно-правовое урегулирование и предупреждение международных экологических споров / А. В. Кукушкина // Россия и международное право: материалы междунар. конф., посвященной 100-летию Ф. И. Кожевникова / под ред. А. Н. Вылегжанина, Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – С. 190-196.

594. Кэрон, Д. Д. Мирное разрешение международных споров посредством права / Д. Д. Кэрон, Г. Г. Шинкарецкая // Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны: сб. статей. – М.: Спарк, 1996. – С. 323-332.

595. Лукин, В. В. Международно-правовые аспекты научных исследований в Антарктике (на примере озера Восток) / В. В. Лукин, А. А. Матвеев // Юрист-международник. – 2005. – № 3. – С. 46-56.

596. Лунев, А. Нефтедобыча побеждает? Обзор Постановления Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2025 года по делу Greenpeace Nordic and Others v. Norway / А. Лунев // Международное правосудие. – 2026. – Т. 16. – № 2 (58). – С. 16-31.

597. Малинин, С. А. Механизм разрешения споров в ГАТТ / С. А. Малинин, А. И. Вяткина // Российский ежегодник международного права. 1993-1994. – СПб.: Россия-Нева, 1995.– С. 145-158.

598. Малиновский, А. Международное договорное нормотворчество как политический процесс / А. Малиновский, Е. Трикоз // Международные процессы. – 2020. – Т. 18. – № 2. – С. 6-30.

599. Медведева, М. А. Разрешение споров в области охраны окружающей среды в контексте фрагментации современного международного права / М. А. Медведева // Международное правосудие. – 2012. – № 3. – С. 71-79.

600. Мезяев, А. Б. О судье Международного Суда ООН В. С. Верещетине / А. Б. Мезяев // Казанский журнал международного права. – 2007. – № 1. – С. 168-169.

601. Нурмухаметова, Э. Ф. Инспекционная Комиссия Всемирного Банка: вклад в устойчивое развитие / Э. Ф. Нурмухаметова // Московский журнал международного права. – 2006. – № 4. – С. 129-145.

602. Остроухов, Н. В. Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду: новое право в универсальном международном каталоге прав человека / Н. В. Остроухов, А. М. Солнцев // Международный правовой курьер. – 2023. – № 7. – С. 91-94.

603. Отрашевская, А. М. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств / А. М. Отрашевская, А. М. Солнцев, П. Н. Юсифова // Московский журнал международного права. – 2023. –№ 1. – С. 47-75.

604. Панфилов Н. Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая концепция / Н. Панфилов, Р. Дохов [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение. – 2024. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ne-tolko-prirodnye-resursy-ekstraktivizm-kak-obobschayuschaya-kontseptsiya (дата обращения: 04.08.2026).

605. Понаморенко, В. Е. Корпоративный комплаенс в механизме международного финансово-правового регулирования / В. Е. Понаморенко [Электронный ресурс] // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). – 2023. – Т. 1. – № 2. – С. 32-42. – URL: https://jil.hse.ru/article/view/18187 (дата обращения: 01.08.2026).

606. Приказчиков, А. А. Механизм разрешения споров ВТО и его влияние на внутреннее право государств / А. А. Приказчиков // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 78-85.

607. Пушкарева, Э. Ф. Обеспечение охраны окружающей среды при осуществлении экономической деятельности: международно-правовое регулирование / Э. Ф. Пушкарева // Московский журнал международного права. – 2013. – Часть 2. – № 2. – С. 32-45.

608. Пушкарева, Э. Ф. Обеспечение охраны окружающей среды при осуществлении экономической деятельности: международно-правовое

регулирование / Э. Ф. Пушкарева // Московский журнал международного права. – 2013. – Часть 1. – № 1. – С. 39-59.

609. Робертс, А. Ущерб, нанесенный природной среде во время войны в Персидском заливе 1991 г. / А. Робертс // Защита окружающей среды в международном гуманитарном праве: сборник статей. – М.: Изд-во Междунар. Ком. Красного Креста, 1995. – С. 45-58.

610. Рогов, С. Н. Системы разрешения международных торговых споров в ГАТТ и ВТО / С. Н. Рогов // Московский журнал международного права. – 1998. – № 1. – С. 108-120.

611. Романов, А. И. Устойчивое развитие – экологизация экономики / А. И. Романов // Экономика и управление. – 2000. – № 5. – С. 80-82.

612. Сазонова, К. Л. К вопросу о соотношении международных преступлений государства, норм jus cogens и обязательств erga omnes в современном международном праве / К. Л. Сазонова // Право и политика. – 2013. – № 9. – С. 1175-1181.

613. Саксина, Т. Г. Дело о южном голубом тунце / Т. Г. Саксина // Московский журнал международного права. – 2007. – № 1. – С. 126-148.

614. Симонова (Никитенко), Н. С. Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам: понятие, основные элементы / Н. С. Симонова (Никитенко) // Московский журнал международного права. – 2013. – № 3. – С. 60-78.

615. Симонова, Н. С. Влияние консультативной юрисдикции международных региональных судебных органов на обеспечение выполнения обязательств по международным договорам / Н. С. Симонова // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 2 (83). – С. 9-12.

616. Симонова, Н. С. Институт международного контроля как элемент механизма обеспечения выполнения обязательств по международным договорам / Н. С. Симонова // Московский журнал международного права. – 2014. – № 1. – С. 83-95.

617. Смольякова, Т. Желтая река. Россия и Китай договорились беречь дальневосточную природу / Т. Смольякова // Российская газета. – 2008. – № 4579. – С. 3.

618. Соколова, Н. А. Вопросы охраны окружающей среды в деятельности международных судебных учреждений / Н. А. Соколова // Российский ежегодник международного права. – 2003. – Т. 2003. – С. 99-110.

619. Солнцев, А. М. Комитет ООН по правам человека: комментарий Решения от 13 сентября 2023 года по делу о компенсации за ущерб от последствий изменения климата (о жителях Торресова пролива) / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Международное правосудие. – 2024. – Т. 14. – № 1 (49). – С. 3-23.

620. Солнцев, А. М. Соглашение Эскасу как новый этап в развитии механизмов защиты экологических прав человека в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 146-161.

621. Солнцев, А. М. Борьба с загрязнением пластмассами в международном праве: lex lata и lex ferenda / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2023. – № 4. – С. 35-49.

622. Солнцев, А. М. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде в результате Иракского вторжения и оккупации Кувейта, в практике Компенсационной комиссии ООН / А. М. Солнцев // Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (МИИГАиК, ИЗиСП, 23 марта 2017 г.) / отв. ред. С. А. Боголюбов. – М.: МИИГАиК, 2017. – С. 121-126.

623. Солнцев, А. М. Выполнения Россией обязательств по международным экологическим соглашениям / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2006. – № 1 (61). – С. 184-200.

624. Солнцев, А. М. Глава 8. Автономные контрольные учреждения международных экологических соглашений / А. М. Солнцев // Теория

многосторонних мировых учреждений / под ред. А. Е. Кутейникова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2026. – С. 174-193.

625. Солнцев, А. М. Дело «Волга» / А. М. Солнцев // Абашидзе, А. Х. Международное морское право. Теория и практика / А. Х. Абашидзе, Ю. А. Арсентьев, М. И. Лазарев. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 97-108.

626. Солнцев, А. М. Защита экологических прав в международных органах и международных судебных учреждениях / А. М. Солнцев, О. Д. Миловидов // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвуз. науч.-практ. конференции (Москва, 20-21 апреля 2007 г.) / под ред. А. Я. Капустина, Ф. Р. Ананидзе. – М.: РУДН, 2008. – С. 174-195.

627. Солнцев, А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение / А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2018. – № 106 (1). – С. 60-78.

628. Солнцев, А. М. К юбилею Комиссии международного права ООН. Вклад в кодификацию и прогрессивное развитие норм международного экологического права / А. М. Солнцев // Российский ежегодник международного права. 2008 (2009). – Санкт-Петербург: СКФ «Россия-Нева», 2009. – С. 137-152

629. Солнцев, А. М. Как заставить государства соблюдать экологические права человека? / А. М. Солнцев, Н. А. Петрова // Международное право – International Law. – 2010. – № 4 (44). – С. 41-49.

630. Солнцев, А. М. Комиссия НАФТА по экологическому сотрудничеству: 20-летний опыт в разрешении экологических споров / А. М. Солнцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2014. – № 4. – С. 37-44.

631. Солнцев, А. М. Компенсация за ущерб природным ресурсам versus компенсация за экологический ущерб (на примере разрешения спора между Демократической Республикой Конго и Угандой) / А. М. Солнцев // Журнал

ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). – 2024. – Т. 2. – № 3. – С. 14-24.

632. Солнцев, А. М. Материальная ответственность, возникающая в результате чрезвычайных экологических ситуаций в Антарктике / А. М. Солнцев, О. Д. Миловидов // Международное право – International Law. – 2007. – № 3 (31). – С. 88-96.

633. Солнцев, А. М. Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 года об изменении климата / А. М. Солнцев // Международное правосудие. – 2024. – Т. 14. – № 4 (52). – С. 38-49.

634. Солнцев, А. М. Место института «конференция сторон договора» в системе международного права: новое вино в старые мехи? / А. М. Солнцев // Теория международного права: актуальные проблемы: ежегодная международная научно-практическая конференция («Тункинские чтения»): сборник статей / под ред. О. В. Кадышевой. – М.: Юстицинформ, 2025. – С. 169-176.

635. Солнцев, А. М. Мирное разрешение международных экологических споров: теория и практика / А. М. Солнцев // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 17 апреля 2006 г.) / под ред. А. Я. Капустина, А. Х. Абашидзе. – М.: Российский университет дружбы народов, 2006. – С. 274-287.

636. Солнцев, А. М. Некоторые новации в сфере защиты окружающей среды до, в период и после вооруженных конфликтов / А. М. Солнцев, Н. В. Остроухов // Международный правовой курьер. – 2022. – № 5. – С. 46-49.

637. Солнцев, А. М. О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан / А. М. Солнцев, О. С. Музалева, А. С. Шварова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 1(24). – С. 28-36.

638. Солнцев, А. М. Обязательства государств в отношении климата: консультативное заключение Международного Суда ООН 2025 года / А. М. Солнцев // Международное правосудие. – 2025. – Т. 15. – №4 (56). – С.3-25.

639. Солнцев, А. М. Орхусский комитет как договорный механизм по соблюдению экологических обязательств государств: *quo vadis*? / А. М. Солнцев // Международные организации в современном мире: право и политика: материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». – М.: Российский университет дружбы народов, 2023. – С. 110-116.

640. Солнцев, А. М. Охрана окружающей среды в Антарктике / А. М. Солнцев // Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию МГЮА: Традиции и новации в Российском праве : сборник статей. – М.: МГЮА, 2006. – С. 209.

641. Солнцев, А. М. Перспективы разрешения Международным судом ООН дела «О китобойном промысле в Антарктике» (Австралия против Японии) / А. М. Солнцев, Г. Т. Мжаванадзе [Электронный ресурс] // Международное правосудие. – 2013. – №2 (6). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razresheniya-mezhdunarodnym-sudom-oon-dela-o-kitoboynom-promysle-v-antarktike-avstraliya-protiv-yaponii (дата обращения: 27.07.2026).

642. Солнцев, А. М. Право на жизнь: экотест наконец пройден: комментарий к Постановлению Европейского Суда по правам человека от 30 января 2025 года по делу Cannavacciuolo and Others v. Italy (жалобы № 51567/14, 39742/14, 74208/14, 21215/15) / А. М. Солнцев // Международное правосудие. – 2025. – Т. 15. – № 1 (53). – С. 56-69.

643. Солнцев, А. М. Право трансграничных водоносных горизонтов: кодификация и прогрессивное развитие / А. М. Солнцев // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвуз. науч.-практ. конф. (Москва, 10-11 апреля 2009 г.) / под ред. А. Я. Капустина, Ф. Р. Ананидзе. – М.: РУДН, 2010. – С. 476-499.

644. Солнцев, А. М. Приоткрывая ящик Пандоры: анализ мнения Комитета по правам человека о «климатических» беженцах 2020 года / А. М. Солнцев // Международное правосудие. – 2020. – № 3 (35). – С. 41-54.

645. Солнцев, А. М. Проблематика защиты экологических прав уязвимых групп населения / А. М. Солнцев // Молодые ученые ЕНУ и РУДН о современных проблемах международного права: материалы II совместной междунар. науч.-практ. конф. ЕНУ и РУДН (Астана, 2 апреля 2014 г.) / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов, М. Ж. Куликпаева. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2014. – С. 264-269.

646. Солнцев, А. М. Проблемы имплементации в национальных правопорядках системы компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации (CORSIA) / А. М. Солнцев // Право между Востоком и Западом. – 2026. – № 2. – С. 30-42.

647. Солнцев, А. М. Развитие концепции экологических прав человека в практике Межамериканского суда по правам человека / А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская // Международное правосудие. – 2022. – № 1 (41). – С. 57-78.

648. Солнцев, А. М. Решения, принятые в рамках реализации международных экологических соглашений / А. М. Солнцев // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – Т. 15. – № 4 (33). – С. 182-187.

649. Солнцев, А. М. Экологические права человека по международному пакту об экономических, социальных и культурных правах / А. М. Солнцев // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 5.– С. 38-44.

650. Солнцев, А. М. Экологическое измерение деятельности Постоянной палаты третейского суда (к 100-летию Второй Гаагской конференции мира (15 июня – 18 октября 1907 г.) / А. М. Солнцев // Российский ежегодник международного права. 2007. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2008. – С. 210-220.

651. Солнцев, А. М. Когда использование агрохимикатов и пестицидов может привести к нарушению прав человека (практика Комитета ООН по правам человека) / А. М. Солнцев // Глобальные вызовы и угрозы

международной безопасности: сборник материалов Международной научно-практической онлайн-конференции (Нур-Султан, 30 сентября 2020 г.) / под ред. Ш. В. Тлепиной, Р. Д. Акшаловой, Д. М. Каматовой. – Нур-Султан: ИП Булатов, 2020. – С. 210-218.

652. Строчук, В. М. Понятие трансграничного ущерба окружающей среде / В. М. Строчук // Московский журнал международного права. – 2004. – № 1. – С. 158-170.

653. Суворова, В. Я. Роль обмена информацией в обеспечении реализации норм международного права / В. Я. Суворова // Проблемы реализации норм международного права: межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т им. Р. А. Руденко; отв. ред. Г. В. Игнатенко. – Свердловск: СЮИ, 1989. – С. 25–40.

654. Тимошенко, А. С. Международное право окружающей среды / А. С. Тимошенко // Курс международного права: в 7 т. Т. 5. Отрасли международного права / В. Д. Бордунов, В. С. Верещетин, С. В. Виноградов и др.; отв. ред. В. С. Верещетин. – М.: Наука, 1992. – С. 294–340.

655. Цепов, А. Б. Система урегулирования споров ВТО как важнейший элемент международного экономического порядка / А. Б. Цепов // Международное право – International Law. – 1998. – № 2. – С. 328-335.

656. Чернов, С. Н. Опыт рассмотрения экологических дел судами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Экологический суд штата Вермонт (Environmental court of Vermont) и Арбитражный суд Республики Карелия / С. Н. Чернов // Юрист. – 2018. – № 5. – С. 51-56.

657. Чикильдина, А. Ю. Земельные суды: зарубежный опыт / А. Ю. Чикильдина [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. – 2014. – № 2. – С. 3. – URL: http://politika.snauka.ru/2014/02/1245 (дата обращения: 28.07.2026).

658. Чумаков, А. Н. Глобализация или деглобализация? / А. Н. Чумаков [Электронный ресурс] // Век глобализации. – 2023. – №3 (47). – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-ili-deglobalizatsiya (дата обращения: 06.08.2026).

659. Шамсутдинов, Э. Р. Экологизация законодательства — важнейшая часть экологической функции современного государства / Э. Р. Шамсутдинов // Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 9-10 апреля 2009 г.). – Ч. 5. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2009. – С. 210-215.

660. Шинкарецкая, Г. Г. Развитие системы международного правосудия после Третьей конференции ООН по морскому праву / Г. Г. Шинкарецкая // Российский ежегодник международного права. 2007. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2008. – С. 169-177.

661. Шиянов, А. В. Некоторые противоречия между Всемирной торговой организацией и Европейским Союзом / А. В. Шиянов // Международное право – International Law. – 2003. – № 1-2 (15-16). – С. 186-193.

662. Экологическое право и рынок: сборник статей / под ред. М. М. Бринчука, О. Л. Дубовик. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – 295 с.

на иностранных языках

663. Abello-Galvis, R. Inter-American Court of Human Rights Advisory Opinion OC-23/17: Jurisdictional, Procedural and Substantive Implications of Human Rights Duties in the Context of Environmental Protection / R. Abello-Galvis, W. Arevalo-Ramirez // The Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2019. – Vol. 28. – No. 2. – P. 217-222.

664. Alebeek, R. van. The legal status of decisions by human rights treaty bodies in national law / R. van Alebeek, A. Nollkaemper // UN Human Rights Treaty Bodies: Law and Legitimacy / eds. H. Keller, L. Grover. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 384-385.

665. Antoniazzi, M. M. Tackling Inequality in Times of Pandemics: Right to Water in the InterAmerican Court of Human Rights / M. M. Antoniazzi, G. C. B.

Navarro // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL). Research Paper. – 2020. – No. 2020-30. – P. 1-29.

666. Arévalo, L. B. The work of the international law commission in the field of international environmental law / L. B. Arévalo // Boston College Environmental Affairs Law Review. – 2005. – No. 8. – P 12-18.

667. Fernández Arribas, G. Rethinking International Institutionalisation Through Treaty Organs / G. Fernández Arribas // International Organizations Law Review. – 2020. – Vol. 17. – P. 457. – P 24-32.

668. Bélanger, L. Treaty amendment procedures: A typology from a survey of multilateral environmental agreements / L. Bélanger, J.-F. Morin // Leiden Journal of International Law. – 2024. – Vol. 37. – No. 1. – P. 62-87.

669. Bernhardt, R. Custom and Treaty in the Law of the Sea / R. Bernhardt // Recueil Des Cours: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. – 1987. – Vol. 205. – No. 7. – P. 247-330.

670. Bertram, D. The First Ecocide Treaty? [Электронный ресурс] / D. Bertram // EJIL Talks. – 2025. – June 4. – URL: https://www.ejiltalk.org/the-first-ecocide-treaty (дата обращения: 01.07.2026).

671. Bodansky, D. The Role of the International Court of Justice in Addressing Climate Change: Some Preliminary Reflections / D. Bodansky // Arizona State Law Journal. – 2017. – Vol. 49 – No. 8 [Электронный ресурс]. – URL: https://ssrn.com/abstract=3012916 (дата обращения: 18.03.2025).

672. Bodansky, D. The Role of National Courts in the Field of International Environmental Law / D. Bodansky, J. Brunnée // Review of European Community & International Environmental Law. – 1998. – Vol. 7. – No. 1. – P. 11-20.

673. Environment protection and the European Convention on Human Rights // Council of Europe Publishing. Human rights files. – 2005. – No. 21. – P. 69.

674. Boelaert-Suominen, S. A. J. Iraqi War Reparations and the Laws of War: a Discussion of the Current Work of the United Nations Compensation Commission with Specific Reference to Environmental Damage During Warfare /

S. A. J. Boelaert-Suominen // Zeitschrift für öffentliches Recht. – 1996. – Vol. 50. – P. 225-316.

675. Boklan, D. Defending permanent sovereignty over natural resources against the obligation to freely trade: the international legal dimension / D. Boklan, C. Kuppuswamy // Mineral Economics. – 2024. – Vol. 1. – No. 1. – P. 1-10.

676. Boyle, A. Progressive Development of International Environmental Law: Legislate or Litigate? / A. Boyle // German Yearbook of International Law. – 2021. – Vol. 62. – No. 1. – P. 305-333.

677. Boyle, A. E. The Principle of Co-operation: The Environment / A. E. Boyle // The United Nations and the Principles of International Law: Essays in Memory of Michael Akehurst / ed. by V. Lowe, C. Warbrick. – London: Routledge, 1994. – P. 120-134.

678. Brunnée, J. Compliance Control Through Active Treaty Management: The Engine that Could / J. Brunnée // Making Treaties Work: Human Rights, Environment and Arms Control / eds. G. Ulfstein et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 373-390.

679. Brunnée, J. Enforcement Mechanisms in International Law and International Environmental / J. Brunnée // Ensuring Compliance with Multilateral Environmental Agreements: A Dialogue between Practitioners and Academia. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. – P. 1-23.

680. Brunnée, J. Multilateral Environmental Agreements and the Compliance Continuum / J. Brunnée // Transnational Governance of Environmental Change / ed. by G. Winter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 387-408.

681. Brunnée, J. COPing with Consent: Law-Making Under Multilateral Environmental Agreements / J. Brunnée // Leiden Journal of International Law – 2002. – Vol. 15. – No. 1. – P. 9-17.

682. Bugge, H. C. The polluter pays principle: dilemmas of justice in national and international contexts / H. C. Bugge // Environmental Law and Justice in Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 411-428.

683. Cabrera, A. Comentarios a la sentencia de la Corte Interamericana sobre el Caso Lhaka Honhat vs. Argentina [Электронный ресурс] / A. Cabrera, D. Cerqueira, S. Herencia-Carrasco // Justicia en las Américas: Blog de la Fundación para el Debido Proceso. – 2020. – URL: https://dplfblog.com/2020/04/30/comentarios-a-la-sentencia-de-la-corte-interamericana-sobre-el-caso-lhaka-honhat-vs-argentina/ (дата обращения: 14.03.2022).

684. Vac, C. S. Building Sustainable Development through Technology Transfer in a Romanian University / C. S. Vac, A. Fitiu // Sustainability. – 2017. – Vol. 9. – No. 11. – P. 2042-2047.

685. Camenzuli, L. K. The development of international environmental law at the Multilateral Environmental Agreements' Conference of the Parties and its validity [Электронный ресурс] / L. K. Camenzuli. – IUCN, 2007. – URL: https://cmsdata.iucn.org/downloads/cel10_camenzuli.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

686. Cardesa-Salzmann, A. Constitutionalising Secondary Rules in Global Environmental Regimes: Non-Compliance Procedures and the Enforcement of Multilateral Environmental Agreements / A. Cardesa-Salzmann // Journal of Environmental Law. – 2012. – Vol. 24. – No. 1. – P. 103-132.

687. Correa, C. M. Can the TRIPS Agreement Foster Technology Transfer to Developing Countries? / C. M. Correa // International Public Goods and Transfer of Technology Under a Globalized Intellectual Property Regime / ed. by K. Maskus, J. H. Reichman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 227-230.

688. Caron, D. D. The UN Compensation Commission: practical justice, not retribution / D. D. Caron, B. Morris // European Journal of International Law. – 2002. – Vol. 13. – No. 1. – P. 183-199.

689. Chandler, J. G. The Great Lakes – St. Lawrence River Basin from IJC perspective / J. G. Chandler, M. J. Vechsler // Canada-United States Law Journal. – 1992. – Vol. 18. – P. 261-282.

690. Chayes, A. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements / A. Chayes, A. H. Chayes. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. – P. 12-21.

691. Christensen, R. The Citizen Submission Process Under NAFTA: Observations After 10 Years / R. Christensen // Journal of Environmental Law & Practice. – 2004. – Vol. 14. – P. 165-172.

692. Christoforou, T. Settlement of science-based trade disputes in the WTO: a critical review of the developing case law in the Face of Scientific uncertainty / T. Christoforou // New York University Environmental Law Journal – 2000. – Vol. 8. – No. 3. – P. 622-629.

693. Chung, J. J. The United Nations Compensation Commission and the balancing of rights between individual claimants and the government of Iraq / J. J. Chung // UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs. – 2005. – Vol. 10. – P. 141-148.

694. Churchill, R. Autonomous Institutional Arrangements in Multilateral Environmental Agreements: A Little-Noticed Phenomenon in International Law / R. Churchill, G. Ulfstein // American Journal of International Law. – 2000. – Vol. 94. – P. 623-659.

695. Contesse, J. Resisting the Inter-American Human Rights System / J. Contesse // Yale Journal of International Law. – 2019. – Vol. 44. – No. 2. – P. 179-237.

696. Payne, C. R. UN Commission Awards Compensation for Environmental and Public Health Damage from 1990–91 Gulf War [Электронный ресурс] / C. R. Payne // ASIL Insight. – 2005. – Vol. 9. – No. 25. – URL: https://www.asil.org/insights/volume/9/issue/25/un-commission-awards-compensation-environmental-and-public-health-damage (дата обращения: 10.08.2026).

697. de Moerloose, S. The Lhaka Honhat Case of the Inter-American Court of Human Rights: The Long-Awaited Granting of 400,000 Hectares under Communal Property Rights [Электронный ресурс] / S. de Moerloose, C. Ignacio

de Casas // EJIL: Talk. – 2020. – 16 июля. – URL: https://www.ejiltalk.org/the-lhaka-honhat-case-of-the-inter-american-court-of-human-rights-the-long-awaited-granting-of-400000-hectares-under-communal-property-rights/ (дата обращения: 14.03.2026).

698. Delbrück, J. The International Obligation to Cooperate – An Empty Shell or a Hard Law Principle of International Law? – A Critical Look at a Much Debated Paradigm of Modern International Law / J. Delbrück // Coexistence, Cooperation and Solidarity. Liber Amicorum Rüdiger Wolfrum. – Vol. 1. – Leiden: Martinus Nijhoff, 2012. – P. 3-16.

699. DeMarco, J. V. The Supreme Court of Canada's Progressive Use of International Environmental Law and Policy in Interpreting Domestic Legislation / J. V. DeMarco, M. L. Campbell // Review of European Community & International Environmental Law. – 2004. – Vol. 13. – No. 3. – P. 320-330.

700. Dennis, M. J. Justiciability of Economic, Social, and Cultural Rights: Should There Be an International Complaints Mechanism to Adjudicate the Rights to Food, Water, Housing, and Health / M. J. Dennis, D. P. Stewart // American Journal of International Law. – 2004. – Vol. 98. – No. 3. – P. 462-516.

701. Dorn, J. G. NAAEC Citizen Submissions Against Mexico: An Analysis of the Effectiveness of a Participatory Approach to Environmental Law Enforcement / J. G. Dorn // Georgetown International Environmental Law Review. – 2007. – Vol. 20. – No. 1. – P. 129-160.

702. Ebbesson, J. Public Participation / J. Ebbesson // The Oxford Handbook of International Environmental Law / eds. D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 681-703.

703. Ebeku, K. S. A. The right to a satisfactory environment and the African Commission / K. S. A. Ebeku // African Human Rights Law Journal. – 2003. – Vol. 3. – No. 1. – P. 149-166.

704. Denza, E. The Relationship between International and National Law / E. Denza // International Law / ed. by M. Evans. – 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 412-425.

705. Sand, P. H. Enforcing CITES: The Rise and Fall of Trade Sanctions / P. H. Sand // Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2013. – Vol. 22. – No. 3. – P. 251-263.

706. Etemire, U. Public Access to Environmental Information: A Comparative Analysis of Nigerian Legislation with International Best Practice / U. Etemire // Transnational Environmental Law. – 2014. – Vol. 3. – No. 1. – P. 149-172.

707. Feighery, T. J. Assessing the costs of Iraq's 1990 invasion and occupation of Kuwait – the United Nations Compensation Commission / T. J. Feighery // Refugee Survey Quarterly. – 2003. – Vol. 22. – No. 4. – P. 87–104.

708. Feria-Tinta, M. International Environmental Law for the 21st Century: The Constitutionalization of the Right to a Healthy Environment in the Inter-American Court of Human Rights Advisory Opinion No. 23 / M. Feria-Tinta, S. C. Milnes // Anuario Colombiano de Derecho Internacional. – 2019. – Vol. 12. – No. 12. – P. 43-84.

709. Fitzmaurice, M. Law-Making and International Environmental Law: The Legal Character of Decisions of Conferences of the Parties / M. Fitzmaurice // International Law-Making: Essays in Honour of Jan Klabbers / ed. by R. Liivoja, J. Petman. – Milton Park, Abingdon: Routledge, 2014. – P. 190-210.

710. Fitzmaurice, M. The International Court of Justice and International Environmental Law / M. Fitzmaurice // The Development of International Law by the International Court of Justice / ed. by C. J. Tams, J. Sloan. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 358-381.

711. Fitzmaurice M., Environmental Non-Compliance Procedures and International Law / M. Fitzmaurice, C. Redgwell // Netherlands Yearbook of International Law. – 2000. – Vol. 31. – P. 35-65.

712. Fox, M. B. Imposing liability for losses from aggressive war: an economic analysis of the UN Compensation Commission / M. B. Fox // European Journal of International Law. – 2002. – Vol. 13. – No. 1. – P. 201-221.

713. Marceau, G. Conflicts of Norms and Conflicts of Jurisdictions: The

Relationship between the WTO Agreement and MEAs and Other Treaties / G. Marceau // Journal of World Trade. – 2001. – Vol. 35. – No. 6. – P. 1081-1131.

714. Garver, G. Tooth Decay: Examining NAFTA's «Environmental Teeth» / G. Garver // Environmental Forum. – 2008. – Vol. 25. – No. 3. – P. 34-39.

715. Gattini, A. The UN Compensation Commission: Old Rules, New Procedures on War Reparations / A. Gattini // European Journal of International Law. – 2002. – Vol. 13. – No. 1. – P. 161-181.

716. Giannino, D. The Ground-Breaking Advisory Opinion OC-23/17 of the Inter-American Court of Human Rights: Healthy Environment and Human Rights [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iconnectblog.com/2018/12/the-ground-breaking-advisory-opinion-oc-23-17-of-the-inter-american-court-of-human-rights-healthy-environment-and-human-rights/ (дата обращения: 14.03.2026).

717. Gómez-Velásquez, A. The «Constitutionalization» Process of the International Environmental Law in Colombia / A. Gómez-Velásquez // Revista de Derecho. – 2016. – No. 45. – P. 1-31.

718. Graubart, J. Legalizing Transnational Activism: The Struggle to Gain Social Change from NAFTA’s Citizen Petitions / J. Graubart. – University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2008. – 184 p.

719. Gray, C. Remedies / C. Gray // The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C. P. Romano, K. J. Alter, Y. Shany. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 882-905.

720. Gupta, A. Transparency Under Scrutiny: Information Disclosure in Global Environmental Governance / A. Gupta // Global Environmental Politics. – 2008. – Vol. 8. – No. 2. – P. 1-7.

721. Hafner, G. Environmental Issues in the Work of the International Law Commission / G. Hafner, H. L. Pearson // Yearbook of International Environmental Law. – 2000. – Vol. 11. – No. 1. – P. 3-51.

722. Huremagić , H. Intervening for the community? – The law and politics of third-party intervention before the International Court of Justice / H. Huremagić // Journal of International Dispute Settlement. – 2026. – Vol. 17. – No. 1. – P. 12-19.

723. Harris, S. J. Methane Emissions from the Nord Stream Subsea Pipeline Leaks / S. J. Harris, S. Schwietzke, J. L. France et al. // Nature. – 2025. – Vol. 637. – No. 8048. – P. 1124-1130.

724. Haugen, H. M. Financialization of Mother Earth: Do Offsets and Payments or Rights-Based Approaches Provide for Better Conservationist Approaches? / H. M. Haugen // Law, Environment and Development Journal. – 2018. – Vol. 14. – No. 1. – P. 1-18.

725. Helmersen, S. T. Finding «the Most Highly Qualified Publicists»: Lessons from the International Court of Justice / S. T. Helmersen // European Journal of International Law. – 2019. – Vol. 30. – No. 2. – P. 509-535.

726. Hey, E. Considerations Regarding the Hormones Case, the Precautionary Principle and International Dispute Settlement Procedures / E. Hey // Leiden Journal of International Law. – 2000. – Vol. 13. – No. 1. – P. 239-248.

727. Hey, E. Common but Differentiated Responsibilities [Электронный ресурс] / E. Hey, S. Paulini // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1568 (дата обращения 01.08.2026).

728. Hickmann, T. New Alliances in Global Environmental Governance: How Intergovernmental Treaty Secretariats Interact with Non-State Actors to Address Transboundary Environmental Problems / T. Hickmann, J. P. Elsässer // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. – 2020. – Vol. 20. – No. 2. – P. 459-481.

729. Preston, B. J. Operating an Environment Court: The Experience of the Land and Environment Court of New South Wales / B. J. Preston // Environmental and Planning Law Journal. – 2008. – Vol. 25. – No. 6. – P. 385-409.

730. Ilyashevitch, M. V. Concept of Unilateral Acts of States in International Law / M. V. Ilyashevitch // Moscow Journal of International Law. – 2011. – No. 1. – P. 172-184.

731. Jennings, R. Need for an Environmental Court? / R. Jennings // Environmental Policy and Law. – 1992. – Vol. 20. – No. 5/6. – P. 312-314.

732. Jennings, R. The Role of the International Court of Justice in the Development of International Environmental Protection Law / R. Jennings // Review of European Community & International Environmental Law. – 1992. – Vol. 1. – No. 3. – P. 240-244.

733. Jennings, R. Y. International Lawyers and the Progressive Development of International Law / R. Y. Jennings // Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century: Essays in Honour of Krzysztof Skubiszewski / ed. by J. Makarczyk. – The Hague: Kluwer Law International, 1996. – P. 413-424.

734. Beckert, J. The Social Order of Markets / J. Beckert // Theory and Society. – 2009. – Vol. 38. – No. 3. – P. 245-269.

735. Kalachyhin, H. M. The Collapse of the Appellate Body as a Determining Factor of the WTO's Future / H. M. Kalachyhin // International Organisations Research Journal. – 2021. – Vol. 16. – No. 3. – P. 238-255.

736. Capoor, K. State and Trends of the Carbon Market 2009 / K. Capoor, P. Ambrosi. – Washington, DC: The World Bank, 2009. – 57 p.

737. Kazazi, M. Environmental Damage in the Practice of the UNCC / M. Kazazi // Environmental Damage in International and Comparative Law: Problems of Definition and Valuation / ed. by M. Bowman, A. Boyle. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 111-131.

738. Kiss, A. C. Le règlement des différends dans les conventions multilatérales relatives à la protection de l'environnement / A. C. Kiss // The Settlement of Disputes on the New Natural Resources / ed. by R. J. Dupuy. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1983. – P. 119-120.

739. Klabbers, J. Compliance Procedures / J. Klabbers // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 995-1009.

740. Knox, J. H. The Trump Administration Steps Back from International Environmental Cooperation / J. H. Knox, D. Bodansky, L. Rajamani // American Journal of International Law. – 2025. – Vol. 119. – No. 4. – P. 767-777.

741. Knox, J. H. A New Approach to Compliance with International Environmental Law: The Submissions Procedure of the NAFTA Environmental Commission / J. H. Knox // Ecology Law Quarterly. – 2001. – Vol. 28. – P. 1-122.

742. Knox, J. H. Evaluating Citizen Petition Procedures: Lessons from an Analysis of the NAFTA Environmental Commission / J. H. Knox, D. L. Markell // Texas International Law Journal. – 2012. – Vol. 47. – No. 3. – P. 505-512.

743. Koskenniemi, M. Breach of a Treaty or Non-Compliance? Reflections on Enforcement of the Montreal Protocol / M. Koskenniemi // Yearbook of International Environmental Law. – 1992. – Vol. 3. – P. 123-162.

744. Krämer, L. Climate Change, Human Rights and Access to Justice / L. Krämer // Journal for European Environmental & Planning Law. – 2019. – Vol. 16. – No. 1. – P. 21-34.

745. Krämer, L. The Environment before the European Court of Justice / L. Krämer // International Judicial Practice on the Environment: Questions of Legitimacy / ed. by C. Voigt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – P. 25-51.

746. Kravchenko, S. Is Access to Environmental Information a Fundamental Human Right? / S. Kravchenko // Oregon Review of International Law. – 2009. – Vol. 11. – No. 2. – P. 227-284.

747. Kravchenko, S. The Aarhus Convention and Innovations in Compliance with Multilateral Environmental Agreements / S. Kravchenko // Colorado Journal of International Environmental Law and Policy. – 2007. – Vol. 18. – No. 1. – P. 1-50.

748. Kuokkanen, T. Putting Gentle Pressure on Parties: Recent Trends in the Practice of the Implementation Committee under the Convention on Long-Range Transboundary Air Pollution / T. Kuokkanen // Nordic Cosmopolitanism: Essays in International Law for Martti Koskenniemi / ed. by J. Petman, J. Klabbers. – Leiden: Martinus Nijhoff, 2003. – P. 315-320.

749. Lawrence, P. M. Technology Transfer Funds and the Law—Recent Amendments to the Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer / P. M. Lawrence // Journal of Environmental Law. – 1992. – Vol. 4. – No. 1. – P. 15-27.

750. Leclerc, T. The Notion of Common but Differentiated Responsibilities and Respective Capabilities: A Commendable but Failed Effort to Enhance Equity in Climate Law / T. Leclerc // Debating Climate Law / ed. by B. Mayer, A. Zahar. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 76-85.

751. Lima, L. C. The Protection of the Environment before the Inter-American Court of Human Rights: Recent Developments / L. C. Lima // Rivista giuridica dell'ambiente. – 2020. – Vol. 3. – No. 3. – P. 495-522.

752. Lorenzo, P. The Protection of the Environment as an Imperative Norm of International Law (Ius Cogens) / P. Lorenzo // Revista de Derecho de la Universidad de Montevideo. – 2020. – Vol. 19. – No. 37. – P. 41-69.

753. Low, L. Compensation for Wartime Environmental Damage: Challenges to International Law After the Gulf War / L. Low, D. Hodgkinson // Virginia Journal of International Law. – 1995. – Vol. 35. – No. 2. – P. 405-483.

754. Mackenzie, R. Liability and Compensation for Environmental Damage in the Context of the Work of the United Nations Compensation Commission / R. Mackenzie, R. Khalastchi // Review of European Community & International Environmental Law. – 1996. – Vol. 5. – No. 4. – P. 281-289.

755. Mackenzie, R. Settlement of Disputes under International Environmental Agreements: A Potential Role for the PCA [Электронный ресурс] / R. Mackenzie, P. Sands. – The Hague: Permanent Court of Arbitration, 1997. – URL: http://www.pca-cpa.org. (дата обращения: 01.07.2026).

756. Bonilla-Maldonado, D. International Law, Cultural Diversity, and the Environment: The Case of the General Forestry Law in Colombia / D. Bonilla-Maldonado // International Environmental Law and the Global South / ed. by S. Alam, S. Atapattu, C. G. Gonzalez, J. Razzaque. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 1-26.

757. Maljean-Dubois, S. Introduction. The Effectiveness of Environmental Law: A Key Topic / S. Maljean-Dubois // The Effectiveness of Environmental Law / ed. by S. Maljean-Dubois. – Cambridge: Intersentia, 2017. – P. 1-12.

758. Marcoux, J.-M. The Concept of Sustainable Development in Investment Arbitration: A Disconnect from Investment Policymaking and International Adjudication / J.-M. Marcoux // Leiden Journal of International Law. – 2025. – Vol. 38. – No. 3. – P. 501-510.

759. Aznar-Gómez, M. J. Environmental Damages and the 1991 Gulf War: Some Yardsticks Before the UNCC / M. J. Aznar-Gómez // Leiden Journal of International Law. – 2001. – Vol. 14. – No. 2. – P. 301-334.

760. Pratt, M. J. The Citizen Submission Process of the NAAEC: Filling the Gap in Judicial Review of Federal Agency Failures to Enforce Environmental Laws / M. J. Pratt // Emory International Law Review. – 2006. – Vol. 20. – No. 2. – P. 741-750.

761. Wold, C. The Inadequacy of the Citizen Submission Process of Articles 14 & 15 of the North American Agreement on Environmental Cooperation / C. Wold, L. Ritchie, D. Scott, M. Clark // Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review. – 2004. – Vol. 26. – No. 3. – P. 415-419.

762. Markell, D. L. The Commission for Environmental Cooperation's Citizen Submission Process / D. L. Markell // Georgetown International Environmental Law Review. – 2000. – Vol. 12. – P. 545-574.

763. Matz, N. Environmental Financing: Function and Coherence of Financial Mechanisms in International Environmental Agreements / N. Matz // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 2002. – Vol. 6. – P. 473-534.

764. Mbengue, M. M. The Protection of the Environment Before African

Regional Courts and Tribunals / M. M. Mbengue // The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals / ed. by E. Sobenes, S. Mead, B. Samson. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. – P. 289-324.

765. Mbengue, M. M. General Principles of International Environmental Law in the Case Law of International Courts and Tribunals / M. M. Mbengue, B. McGarry // General Principles and the Coherence of International Law / ed. by M. Andenas, M. Fitzmaurice, A. Tanzi, J. Wouters. – Leiden: Brill | Nijhoff, 2019. – P. 408-441.

766. McDonald, J. Big Beef up or Consumer Health Threat? The WTO Food Safety Agreement, Bovine Growth Hormone and the Precautionary Principle / J. McDonald // Environmental and Planning Law Journal. – 1998. – Vol. 15. – No. 2. – P. 115-126.

767. McManus, K. P. Civil Liability for Wartime Environmental Damage: Adapting the United Nations Compensation Commission for the Iraq War / K. P. McManus // Boston College Environmental Affairs Law Review. – 2006. – Vol. 33. – No. 2. – P. 417-448.

768. Waibel, M. Technology Transfer / M. Waibel, W. Alford // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – Vol. IX. – P. 801-814.

769. Mickelson, K. South, North, International Environmental Law, and International Environmental Lawyers / K. Mickelson // Yearbook of International Environmental Law. – 2000. – Vol. 11. – No. 1. – P. 52-81.

770. Minnerop, P. Nationally Determined Contributions Post-Global Stocktake: The Making of Prescribed Qualified Unilateral Acts in International Law / P. Minnerop // Vanderbilt Journal of Transnational Law. – 2025. – Vol. 58. – No. 1. – P. 45-117.

771. Mirto, L. N. Environmental Protection by International Organizations in Wartime [Электронный ресурс] / L. N. Mirto // Berlin Conference, 2–3 December 2005 «International Organisations and Global Environmental Governance». – URL: http://web.fu-

berlin.de/ffu/akumwelt/bc2005/papers/mirto_bc2005.pdf (дата обращения: 10.08.2026).

772. Mitchell, A. D. An International Law Principle of Non-Regression from Environmental Protections / A. D. Mitchell, J. Munro // International & Comparative Law Quarterly. – 2023. – Vol. 72. – No. 1. – P. 35-71.

773. Mitchell, R. B. International Environmental Agreements: A Survey of Their Features, Formation and Effects / R. B. Mitchell // Annual Review of Environment and Resources. – 2003. – Vol. 28. – P. 429-461.

774. Mitchell, R. B. What We Know (and Could Know) About International Environmental Agreements / R. B. Mitchell, L. B. Andonova, M. Axelrod [et al.] // Global Environmental Politics. – 2020. – Vol. 20. – No. 1. – P. 103-121.

775. Moving to Markets in Environmental Regulation: Lessons from Twenty Years of Experience / ed. by J. Freeman, C. D. Kolstad. – New York: Oxford University Press, 2006. – 528 p.

776. Murphy, S. D. Does the World Need a New International Environmental Court? / S. D. Murphy // George Washington Journal of International Law & Economics. – 2000. – Vol. 32. – No. 3. – P. 333-349.

777. Nijar, G. S. An Asian Developing Country's View on the Implementation Challenges of the Nagoya Protocol / G. S. Nijar // The 2010 Nagoya Protocol on Access and Benefit-Sharing in Perspective: Implications for International Law and Implementation Challenges / ed. by E. Morgera, M. Buck, E. Tsioumani. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – P. 247-253.

778. Nollkaemper, A. International Environmental Law in the Courts of the Netherlands / A. Nollkaemper // International Environmental Law in National Courts / ed. by M. Anderson, P. Galizzi. – London: British Institute of International and Comparative Law, 2002. – P. 183-193.

779. Nwobike, J. C. The African Commission on Human and Peoples' Rights and the Demystification of Second and Third Generation Rights under the African Charter / J. C. Nwobike // African Journal of Legal Studies. – 2005. – Vol. 1. – No. 2. – P. 129-146.

780. Oral, N. Environmental Protection as a Peremptory Norm of General International Law: Is It Time? / N. Oral // Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Disquisitions and Dispositions / ed. by D. Tladi. – Leiden: Brill | Nijhoff, 2021. – P. 575-599.

781. Ferrajolo, O. State Obligations and Non-Compliance in the Ramsar System / O. Ferrajolo // Journal of International Wildlife Law & Policy. – 2011. – Vol. 14. – No. 3–4. – P. 243-260.

782. Papantoniou, A. Advisory Opinion on the Environment and Human Rights / A. Papantoniou // American Journal of International Law. – 2018. – Vol. 112. – No. 3. – P. 460-466.

783. Pauwelyn, J. The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary (SPS) Measures as Applied in the First Three SPS Disputes: EC – Hormones, Australia – Salmon and Japan – Varietals / J. Pauwelyn // Journal of International Economic Law. – 1999. – Vol. 2. – No. 4. – P. 641-664.

784. Peel, J. Australia and International Environmental Law / J. Peel, T. Stephens // International Law in Australia / ed. by D. R. Rothwell, E. Crawford. – 3rd ed. – Pyrmont, NSW: Thomson Reuters (Professional) Australia, 2017. – P. 457-483.

785. Peiffert, O. European Union Court System and the Protection of the Environment / O. Peiffert // The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals / ed. by E. Sobenes, S. Mead, B. Samson. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. – P. 219-244.

786. Dupuy, P.-M. Customary International Law and the Environment / P.-M. Dupuy, G. Le Moli, J. E. Viñuales // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by L. Rajamani, J. Peel. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – P. 385-401.

787. Price, A. R. G. The 1991 Gulf War: Environmental Assessments of IUCN and Collaborators. A Marine Conservation and Development Report / A. R. G. Price, N. Downing, S. W. Fowler [et al.]. – Gland, Switzerland: IUCN, 1994. – 48 p.

788. Wu, C. Q. A Unified Forum? The New Arbitration Rules for Environmental Disputes Under the Permanent Court of Arbitration / C. Q. Wu // Chicago Journal of International Law. – 2002. – Vol. 3. – No. 1. – P. 263–279.

789. Rajamani, L. The 2015 Paris Agreement: Interplay Between Hard, Soft and Non-Obligations / L. Rajamani // Journal of Environmental Law. – 2016. – Vol. 28. – No. 2. – P. 337-358.

790. Redgwell, C. Non-Compliance Procedures and the Climate Change Convention / C. Redgwell // Inter-Linkages: The Kyoto Protocol and the International Trade and Investment Regimes / ed. by W. B. Chambers. – Tokyo: United Nations University Press, 2001. – P. 43-67.

791. Fitzmaurice, M. A. Environmental Non-Compliance Procedures and International Law / M. A. Fitzmaurice, C. Redgwell // Netherlands Yearbook of International Law. – 2000. – Vol. 31. – P. 35-65.

792. Rest, A. Need for an International Court for the Environment? Undeveloped Legal Protection of the Individual in Transnational Litigation / A. Rest // Environmental Policy and Law. – 1994. – Vol. 24. – P. 173–187.

793. Rioseco, S. Conferences of the Parties Beyond International Environmental Law: How COPs Influence the Content and Implementation of Their Parent Treaties / S. Rioseco // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36. – No. 3. – P. 699-719.

794. Hahn, R. W. The Impact of Economics on Environmental Policy / R. W. Hahn // Journal of Environmental Economics and Management. – 2000. – Vol. 39. – No. 3. – P. 375-399.

795. Juni, R. L. The United Nations Compensation Commission as a Model for an International Environmental Court / R. L. Juni // Environmental Lawyer. – 2000. – Vol. 7. – No. 1. – P. 53-60.

796. Robinson, N. A. The Charter of the Forest: Evolving Human Rights in Nature / N. A. Robinson // The Impact of Environmental Law: Stories of the World We Want / ed. by D. B. Magraw [et al.]. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2020. – P. 54-74.

797. Romanin Jacur, F. The Making of International Environmental Law / F. Romanin Jacur // Research Handbook on the Theory and Practice of International Lawmaking / ed. by C. Brölmann, Y. Radi. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2016. – P. 419-441.

798. Romano, C. P. R. International Dispute Settlement / C. P. R. Romano // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 1036-1056.

799. Rubin, J. Z. Third-Party Roles: Mediation in International Environmental Disputes / J. Z. Rubin // International Environmental Negotiation / ed. by G. Sjöstedt. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992. – P. 275-290.

800. Ruiz-Chiriboga, O. R. The American Convention and the Protocol of San Salvador: Two Intertwined Treaties: Non-Enforceability of Economic, Social and Cultural Rights in the Inter-American System / O. R. Ruiz-Chiriboga // Netherlands Quarterly of Human Rights. – 2013. – Vol. 31. – No. 2. – P. 159-186.

801. Samvel, G. Non-Judicial, Advisory, Yet Impactful? The Aarhus Convention Compliance Committee as a Gateway to Environmental Justice / G. Samvel // Transnational Environmental Law. – 2020. – Vol. 9. – No. 2. – P. 211-238.

802. Sand, P. H. Compensation for Environmental Damage from the 1991 Gulf War / P. H. Sand // Environmental Policy and Law. – 2005. – Vol. 35. – No. 6. – P. 244-249.

803. Sand, P. H. Environmental Dispute Resolution 4,500 Years Ago: The Case of Lagash v Umma / P. H. Sand // Yearbook of International Environmental Law. – 2019. – Vol. 30. – No. 1. – P. 137-142.

804. Sands, P. Unilateralism, Values, and International Law / P. Sands // European Journal of International Law. – 2000. – Vol. 11. – No. 2. – P. 291–302.

805. Sarvarian, A. [Review of] Investment Arbitration and Climate Change. By Anja Ipp and Annette Magnusson (eds) / A. Sarvarian // British Yearbook of International Law. – 2024. – Article brae004. – P.18.

806. Abed de Zavala, S. An Institute for Enhancing Effective Environmental Adjudication / S. Abed de Zavala, A. H. Benjamin, H. G. Davide Jr. [et al.] // Journal of Court Innovation. – 2010. – Vol. 3. – No. 1. – P. 1-10.

807. Shihata, I. F. I. The World Bank's Contribution to the Progressive Development of International Environmental Law / I. F. I. Shihata // Liber Amicorum Ibrahim F. I. Shihata: International Finance and Development Law / ed. by S. Schlemmer-Schulte, K.-Y. Tung. – The Hague: Kluwer Law International, 2001. – P. 141-149.

808. Sivakumaran, S. The Influence of Teachings of Publicists on the Development of International Law / S. Sivakumaran // International & Comparative Law Quarterly. – 2017. – Vol. 66. – No. 1. – P. 1-37.

809. Sloss, D. Domestic Application of Treaties / D. Sloss // The Oxford Guide to Treaties / ed. by D. B. Hollis. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 367-396.

810. Solntsev, A. M. Activity of the International Law Commission on the Codification and Progressive Development of International Ecological Law / A. M. Solntsev // Sudebnik. – 2006. – Vol. 11. – No. 3–4. – P. 605-615.

811. Solntsev, A. UN Human Rights Treaty Bodies' Contribution to Compliance with International Environmental Law: The Growing Importance of Human Rights Treaty Bodies in Environmental Dispute Resolution / A. Solntsev // International Courts versus Non-Compliance Mechanisms: Comparative Advantages in Strengthening Treaty Implementation / ed. by C. Voigt, C. Foster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – P. 361-382.

812. Solntsev, A. Problems of Implementation of the Ramsar Convention on Wetlands in China / A. Solntsev, G. Chen // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11. – No. 4. – P. 168–188.

813. Stoll, P. Controlling Genetically Modified Organisms: The Cartagena Protocol on Biosafety and the SPS Agreement / P. Stoll // Yearbook of International Environmental Law. – 1999. – Vol. 10. – P. 82-119.

814. Szell, P. The Development of Multilateral Mechanisms for Monitoring Compliance / P. Szell // Sustainable Development and International Law / ed. by W. Lang. – London: Kluwer Law International, 1995. – P. 97-109.

815. Tabau, A.-S. Climate Change Compliance Procedures / A.-S. Tabau // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 12-19.

816. Tabau, A.-S. Non-Compliance Mechanisms: Interaction between the Kyoto Protocol System and the European Union / A.-S. Tabau // European Journal of International Law. – 2010. – Vol. 21. – No. 3. – P. 749-763.

817. Tanaka, Y. Compliance Procedures: Multilateral Environmental Agreements (MEAs) / Y. Tanaka // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 1-32.

818. Thompson, B. Economic Integration in Africa: A Milestone—The Abuja Treaty / B. Thompson // African Journal of International and Comparative Law. – 1993. – Vol. 5. – No. 3. – P. 743-750.

819. Tigre, M. A. Inter-American Court of Human Rights Recognizes the Right to a Healthy Environment / M. A. Tigre // ASIL Insights. – 2020. – Vol. 24. – Issue 14 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/14/inter-american-court-human-rights-recognizes-right-healthy-environment (дата обращения: 14.03.2026).

820. Ulfstein, G. Treaty Bodies and Regimes / G. Ulfstein // The Oxford Guide to Treaties / ed. by D. B. Hollis. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 428-446.

821. Vega-Barbosa, G. A Commentary on the Advisory Opinion of the Inter-American Court of Human Rights on the Environment and Human Rights / G. Vega-Barbosa, L. Aboagye // DPCE Online. – 2018. – Vol. 34. – No. 1. – P. 291-298.

822. Oates, W. E. From Research to Policy: The Case of Environmental Economics / W. E. Oates // International Journal of Urban Sciences. – 2000. – Vol. 4. – No. 1. – P. 1-10.

823. Weiss, E. B. The Evolution of International Environmental Law / E. B. Weiss // Japanese Yearbook of International Law. – 2011. – Vol. 54. – P. 7-18.

824. Werksman, J. Compliance and Transition: Russia's Non-Compliance Tests the Ozone Regime / J. Werksman // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. – 1996. – Vol. 56. – P. 750-773.

825. Wiersema, A. The New International Law-Makers? Conferences of the Parties to Multilateral Environmental Agreements / A. Wiersema // Michigan Journal of International Law. – 2009. – Vol. 31. – No. 2. – P. 231-287.

826. Wirth, D. A. European Communities—Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones) / D. A. Wirth // American Journal of International Law. – 1998. – Vol. 92. – No. 4. – P. 755-758.

827. Wold, C. The Inadequacy of the Citizen Submission Process of Articles 14 & 15 of the North American Agreement on Environmental Cooperation / C. Wold, L. Ritchie, D. Scott, M. Clark // Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review. – 2004. – Vol. 26. – No. 4. – P. 415-435.

828. Wolfrum, R. Article 56 / R. Wolfrum // The Charter of the United Nations: A Commentary / ed. by B. Simma [et al.]. – 2nd ed. – Vol. 2. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 942-945.

829. Wood, M. Teachings of the Most Highly Qualified Publicists (Art. 38 (1) ICJ Statute) [Электронный ресурс] / M. Wood // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1480 (дата обращения: 27.07.2026).

830. Wolfrum, R. Obligation of Result Versus Obligation of Conduct: Some Thoughts About the Implementation of International Obligations / R. Wolfrum // Looking to the Future: Essays on International Law in Honor of W. Michael Reisman / ed. by M. H. Arsanjani [et al.]. – Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. – P. 363-383.

831. Zaki, M. R. S. Safeguarding Sovereignty: Indonesia's Solution to the Raw Materials Case in WTO / M. R. S. Zaki, M. H. Armanto, R. A. H. Albar [et al.] // Indonesian Journal of International Law. – 2023. – Vol. 20. – No. 4. – Article 6.

3. Учебная литература

на русском языке

832. Абашидзе, А. Х., Международное право. Мирное разрешение споров: учеб. пособие для вузов / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 221 с.

833. Абашидзе, А. Х. Договорные органы по правам человека: учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, А. Е. Конева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РУДН, 2015. – 437 с.

834. Блищенко, В. И. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX века – начало XXI века): учеб. пособие / В. И. Блищенко, М. М. Солнцева. – М.: Городец, 2005. – 493 с.

835. Гидирим, А. В. Право международных договоров / А. В. Гидирим // Международное право: учебник / отв. ред. С. А. Егоров. – М.: Статут, 2014. – С. 230-256.

836. Захаров, Н. А. Курс общего международного права / Н. А. Захаров. – Петроград: Тип. Д.П. Вейсбрут, 1917. – 464 с.

837. Квинн, Дж.Б. Управление стратегическими изменениями / Дж.Б. Квинн // Управление изменением: хрестоматия / под ред. З. Ш. Атаян. – Жуковский: МИМ ЛИНК, 2000. – 223 с.

838. Копылов, М. Н. Введение в международное экологическое право: учеб. пособие / М. Н. Копылов. – М.: РУДН, 2007. – 267 с.

839. Копылов, М. Н. Юридическая ответственность за экологические преступления: учеб. пособие / М. Н. Копылов. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 220 с.

840. Кукушкина, А. В. Международно-правовая охрана окружающей среды // Международное право: учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С.

Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2005. – 690 с.

841. Лекции Летней Школы по международному публичному праву = Courses of the Summer School on Public International Law. – Т. XXII. Обязательства по международному праву = Vol. XXII. Obligations under International Law / Ида Караччоло = Ida Caracciolo. – М.: Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2025. – 58 с.

842. Международное право / [А. Х. Абашидзе и др.]; под общ. ред. А. Я. Капустина. – М.: Гардарики, 2008. – 617 с.

843. Международное право: учебник / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. [Т. Бекназар, А. Насырова, Н. Спица; науч. ред., сост. указ. Т. Ф. Яковлева]. – Москва; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. – 961 с.

844. Международное право: учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 752 с.

845. Международное экологическое право: учебник / под ред. Р. М. Валеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – 680 с.

846. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: науч.-прак. пособие / С. А. Боголюбов, Е. С. Болтанова, М. М. Бринчук [и др.]; отв. ред. Н. В. Кичигин. – М.: ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 368 с.

847. Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / отв. ред. А. Х. Абашидзе. – М.: Юрайт, 2025. – 434 с.

848. Словарь международного права. – М.: Международные отношения, 1986. – 432 с.

849. Снакин, В. В. Экология и охрана природы: словарь-справочник / В. В. Снакин; под ред. акад. А. Л. Яншина. – М.: Academia, 2000. – 384 с.

850. Солнцев, А. М. Практикум по международному экологическому праву / А. М. Солнцев. – М.: РУДН, 2011. – 159 с.

851. Солнцев, А. М. Защита экологических прав человека: учеб. пособие / А. М. Солнцев. – 3-е изд. – М.: РУДН, 2021. – 516 с.

852. Солнцев, А. М. Оценка экологического ущерба Международным судом ООН в деле об определенных видах деятельности, осуществленных Никарагуа в пограничном районе (Коста-Рика против Никарагуа) / А. М. Солнцев // Международное право: практико-ориентированный курс: учеб.-метод. пособие. Вып. 1 / под ред. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2020. – С. 68-77.

853. Тимофеев, М. Т. Как устроены международные суды: практическое руководство для журналистов / М. Т. Тимофеев. – М.: Институт права и публичной политики, 2019. – 199 с.

854. Черных, Н. А. Судебно-экологическая экспертиза: учебное пособие / Н. А. Черных, А. И. Усов, Г. Г. Омельянюк. – М.: РУДН, 2008. – 260 с.

855. Юсифова, П. Н. Дела «Кьяра Сакки и др. против Аргентины, Бразилии, Франции, Германии, Турции» / П. Н. Юсифова // Защита экологических прав человека на международном уровне: практикум: учебное пособие / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, А. М. Отрашевская [и др.]; под ред. А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцева. – М.: РУДН, 2025. – С. 85-107.

на иностранных языках

856. Barrett, J. Handbook on Good Treaty Practice / J. Barrett, R. Beckman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 500 p.

857. Birnie, P. International Law and the Environment / P. Birnie, A. Boyle. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 326 p.

858. Birnie, P. International Law and the Environment / P. Birnie, A. Boyle, C. Redgwell. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 369 p.

859. Principles of International Environmental Law / P. Sands, J. Peel, A. Fabra, R. MacKenzie. – 4th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 1520 p.

860. Sands, P. Principles of International Environmental Law / P. Sands. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 1116 p.

861. The Cambridge Companion to International Organizations Law / ed. by J. Klabbers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 320 p.

862. The Oxford Guide to Treaties / ed. by D. B. Hollis. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 897 p.

863. The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 1248 p.

864. The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by L. Rajamani, J. Peel. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 1104 p.

865. The Oxford Handbook of Legal History / ed. by M. D. Dubber, C. Tomlins. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 1182 p.

4. Сборники актов и документов

866. Международное экологическое право: сборник документов. Выпуск I. Основные документы ООН / [сост.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев, Ф. И. Сотников]. – М.: РУДН, 2007. – 114 с.

867. Международное экологическое право: Документы и комментарии. Выпуск II. Защита окружающей среды во время вооруженных конфликтов / [сост.: А. Х. Абашидзе, Ю. Г. Васильев, А. М. Солнцев]. – М.: РУДН, 2009. – 103 с.

868. Международные соглашения по охране природы: сборник документов / [сост. В. А. Чичварин]. – М.: Юридическая литература, 1966. – 420 с.

869. International Environmental Law Reports. Vol. 5: International Environmental Law in International Tribunals / ed. by K. Lee. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 650 p.

870. International Environmental Law Reports. Vol. 4: International Environmental Law in National Courts / ed. by A. Palmer, C. A. R. Robb. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 640 p.

871. International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents. Second Series: Continuation of Volumes I–XXX (1754-1981) /

compiled and ed. by B. Rüster, B. Simma; assisted by A. Schmidt, G. Marx/Zimmerer. – Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana Publications, 1990-1995. – 5 vols. (loose-leaf).

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

872. Банис, П. А. Присвоение ответственности в современном международном праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Банис Павел Андреевич. – Москва, 2012. – 189 с.

873. Бекяшев, Д. К. Современные международно-правовые проблемы рыболовства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Бекяшев Дамир Камильевич. – Москва, 2017. – 751 с.

874. Берг, Л. А. Последующая практика применения международных договоров как средство судебного толкования: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.5. / Берг Лана Александровна. – Москва, 2025. – 219 с.

875. Боклан, Д. С. Взаимодействие международного экологического и международного экономического права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Боклан Дарья Сергеевна. – Москва, 2016. – 414 с.

876. Валеев, Р. М. Контроль в современном международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Валеев Револь Миргалимович. – Казань, 1999. – 423 с.

877. Вылегжанин, А. Н. Международно-правовые основы природоресурсной деятельности государств в Мировом океане: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Вылегжанин Александр Николаевич. – Москва, 2002. – 349 с.

878. Вылегжанина, Е. Е. Основные тенденции развития экологического права Европейского Союза: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Вылегжанина Елена Евгеньевна. – Москва, 2005. – 31 с.

879. Дикусар, В. М. Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Дикусар Василий Михайлович. – Москва, 2007. – 327 с.

880. Диоманде, Дро Хиасинте. Региональные и субрегиональные правовые механизмы защиты окружающей среды в Африке: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Диоманде Дро Хиасинте (Кот д`Ивуар) – Москва, 2014. – 190 с.

881. Копылов, М. Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся государств: Международно-правовые вопросы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Копылов Михаил Николаевич. – Москва, 2001. – 387 с.

882. Копылов, С. М. Международно-правовые аспекты предупреждения негативных экологических последствий хозяйственной деятельности в Антарктиде: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Копылов Станислав Михайлович. – Москва, 2011. – 199 с.

883. Королев, П. С. Концепция развития ООН (международно-правовые аспекты): дис… канд. юрид. наук: 5.1.5 / Королев Павел Сергеевич. – Москва, 2026. – 217 с.

884. Кузьменко, Э. Ю. Институт оценки воздействия на окружающую среду в международном экологическом праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Кузьменко Эльвира Юрьевна. – Казань, 2020. – 423 с.

885. Марочкин, С. Ю. Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Марочкин Сергей Юрьевич. – Свердловск, 1984. – 187 с.

886. Молодцова, Е. С. Мирное использование ядерной энергии и охрана окружающей среды: международно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Молодцова Елена Сергеевна. – Москва, 2002. – 378 с.

887. Пушкарева Э. Ф. Международный экологический правопорядок и экологические права человека: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Пушкарева Эльвира Фаритовна. – Москва, 2008. – 57 с

888. Пушкарева, Э. Ф. Международный экологический правопорядок и экологические права человека: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Пушкарева Эльвира Фаритовна. – Москва, 2008. – 350 с.

889. Сасиев, К. Х. Актуальные международно-правовые вопросы экологической защиты трансграничных водотоков в интересах здоровья человека: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Сасиев Казбек Харитонович. – Москва, 2009. – 26 с.

890. Смбатян, А. С. Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка: дис. …. д-ра. юрид. наук: 12.00.10 / Смбатян Анаит Сергеевна. – Москва, 2013. – 520 с.

891. Соколова, Н. А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Соколова Наталья Александровна. – Москва, 2010. – 467 с.

892. Солнцев, А. М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Солнцев Александр Михайлович. – Москва, 2008. – 225 с.

893. Тимошенко, А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада: 12.00.10 / Тимошенко Александр Сергеевич. – Москва, 1987. – 38 с.

894. Устинова, Е. Ю. Международный контроль за соблюдением международных договоров: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Устинова Елена Юрьевна. – Москва, 2008. – 21 с.

895. Чичварин, В. А. Правовые аспекты международной охраны природы: дис... канд. юрид. наук: Т. 1 / Чичварин Владимир Афанасьевич. – Москва, 1966. – 342 с.

896. Чичварин, В. А. Правовые аспекты международной охраны природы : дис... канд. юрид. наук: Т. 2 / Чичварин Владимир Афанасьевич. – Москва, 1966. – С. 343-638.

897. Чичварин, В. А. Правовые аспекты международной охраны природы. автореф. дис... канд. юрид. наук / Чичварин Владимир Афанасьевич. – Москва, 1967. – 23 с.

898. Юсифова, П. Н. Международно-правовая охрана здоровья человека и окружающей среды от воздействия ртути: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 5.1.5 / Юсифова Парзад Низами кызы. – Москва, 2025. – 30 с.

899. Reithel, C. Dispute settlement in treaties: a quantitative analysis. PhD dissertation / C. Reithel. – Washington, 1972. – 128 p.

III. Интернет-источники

900. База данных МЭС [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iea.ulaval.ca/en/agreements (дата обращения: 10.08.2026).

901. Бельгия призвала Совет Безопасности предотвращать появление «кровавых брильянтов» [Электронный ресурс]. – URL: https://news.un.org/ru/story/2007/06/1108271 (дата обращения: 25.06.2026).

902. В ВТО в 63-й раз не смогли договориться об отборе арбитров в Апелляционный орган [Электронный ресурс]. – URL: https://wto.ru/news/v-vto-v-63-y-raz-ne-smogli-dogovoritsya-ob-otbore-arbitrov-v-apellyatsionnyy-organ/ (дата обращения: 15.07.2026).

903. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=142679 (дата обращения: 10.08.2026).

904. Данные об уловах на сайте IWC [Электронный ресурс]. – URL: https://iwc.int/table_objection (дата обращения: 27.07.2026).

905. Директор департамента международного сотрудничества Минприроды России Игорь Майданов в период с 29 по 30 мая 2008 года проводил встречу заинтересованных сторон по вопросам строительства газопровода «Норд Стрим» по дну Балтийского моря [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mnr.gov.ru/part/?act=more&id=4891&pid=11 (дата обращения: 02.06.2026).

906. Заявление Комитета по экономическим, социальным и культурным правам в связи с Конференцией «Рио+20» по вопросу об

«экологизации экономики в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты», принятое Комитетом на его 48-й сессии, состоявшейся 30 апреля – 18 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/bodies/constituted-bodies/committee-to-facilitate-implementation-and-promote-compliance-referred-to-in-article-15-paragraph-2#eq-1 (дата обращения: 28.08.2020).

907. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров от 23 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/05/23/1933_type63377type63380_201233.shtml (дата обращения: 02.06.2026).

908. Зеленый климатический фонд: [сайт]. – URL: https://greenclimate.fund/ (дата обращения: 01.07.2026).

909. Инспекционный совет Всемирного банка. Где Вы будете услышаны: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.inspectionpanel.org/sites/default/files/publications/Inspection_Panel_Brochure_Russian_2021.pdf (дата обращения: 20.07.2026).

910. Информационное сообщение МИД России 828-06-06-2008 «Ответ официального представителя МИД России А. А. Нестеренко на вопрос СМИ о чрезвычайном происшествии на китайском предприятии» [Электронный ресурс]: официальный сайт МИД России. – URL: https://www.mid.ru/ (дата обращения: 02.06.2026).

911. Комиссия НАФТА по экологическому сотрудничеству: [сайт]. – URL: http://www.cec.org (дата обращения: 01.08.2026).

912. Комитет по соблюдению Орхусской конвенции: [сайт]. – URL: http://www.unece.org/env/pp/ccBackground.htm (дата обращения: 25.11.2025).

913. Компенсационная комиссия ООН (КК ООН): [сайт]. – URL: https://uncc.un.org/en (дата обращения: 01.08.2026).

914. Конвенция о правах ребенка 1989 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&lang=en (дата обращения: 28.08.2025).

915. Международная объединенная комиссия (IJC): [сайт]. – URL: http://www.ijc.org (дата обращения: 02.06.2026).

916. Международные экспертные организации и вспомогательные органы (по научным вопросам) международных договоров по окружающей среде и изменению климата [Электронный ресурс]. – URL: https://iclrc.ru/ru/publications/105 (дата обращения: 25.06.2026).

917. Международный трибунал по морскому праву (ИТЛОС) [сайт]. – URL: https://www.itlos.org/en/main/jurisdiction/international-agreements-conferring-jurisdiction-on-the-tribunal/ (дата обращения: 01.08.2026).

918. Международный трибунал по морскому праву (ИТЛОС): [сайт]. – URL: http://www.itlos.org (дата обращения: 01.08.2026).

919. Навигатор ЮНКТАД по урегулированию инвестиционных споров [Электронный ресурс]. – URL: https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement (дата обращения: 01.07.2026).

920. Перечень государств-членов, ратифицировавших Бамакскую конвенцию [Электронный ресурс]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7774-sl-BAMAKO_CONVENTION_ON_THE_BAN_OF_THE_IMPORT_INTO_AFRICA_AND_THE_CONTROL_OF_TRANSBOUNDARY_MOVEMENT_AND_MANAGEMENT_OF_HAZARDOUS_WASTES_WITHIN_AFRIC.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

921. Регулирование в области изменения климата: мировая практика и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/%D0%A6%D0%9C%D0%A1%D0%9F%D0%98_%D0%98%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B0_1649167910.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

922. Россия готовит стратегию сохранения биоразнообразия до 2036 года [Электронный ресурс]. – URL: https://ecosphere.press/2026/07/13/rossiya-

gotovit-strategiyu-sohraneniya-bioraznoobraziya-do-2036-goda/ (дата обращения: 02.08.2026).

923. Статус ратификации Эскасусского соглашения [Электронный ресурс]. – URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-18&chapter=27&clang=_en (дата обращения: 01.08.2026).

924. Статус ратификаций Хельсинкской конвенции 1992 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-5&chapter=27&clang=_en (дата обращения: 26.08.2026).

925. Третий Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений [Электронный ресурс]. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11-d&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 28.07.2026).

926. ЮНЕП поможет Нигерии с восстановлением территорий, пострадавших от добычи нефти [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=17972 (дата обращения: 28.07.2026).

927. Aarhus Convention Compliance Committee in case ACCC/C/2008/32 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unece.org/env/pp/compliance/Compliancecommittee/32TableEC.html (дата обращения: 02.08.2026).

928. Advisory opinion. African Court on Human and Peoples' Rights [Электронный ресурс]. – URL: https://www.african-court.org/cpmt/advisory-finalised (дата обращения: 01.06.2026).

929. Andersen I. Action on the triple planetary crisis [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/news-and-stories/speech/action-triple-planetary-crisis (дата обращения: 13.07.2026).

930. Australian Government and the Secretariat of the Pacific Regional Environment Programme (SPREP) 'Streamlined reporting by Pacific Island

countries to the biodiversity-related multilateral environmental agreements' (July 2010) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbd.int/doc/nr/finalreport.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

931. Bandung Roadmap for Advancement of Environmental Law in Support of the New Asian-African Strategic Partnership [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/law/Calendar/PDF_docs/Bandung-Roadmap-info-note.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

932. Barragán Andrea Lozano and others v The President of Colombia and others STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia, Sala de Casacion Civil, MP Luis Armando Tolosa Villabona (5 April 2018) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elaw.org/CO_Amazon (дата обращения: 02.08.2026).

933. Bertram D. Should Ecocide be an International Crime? It's Time for States to Decide // EJIL Talks [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ejiltalk.org/should-ecocide-be-an-international-crime-its-time-for-states-to-decide/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=ejil-talk-newsletter-post-title_2 (дата обращения: 01.06.2026).

934. Charter of the Global Judicial Institute for the environment [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iucn.org/sites/dev/files/content/documents/charter-of-the-global-judicial-institute-rio-de-janeiro-29-april-2016-_0.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

935. Climate Finance Provided and Mobilised by Developed Countries in 2013-2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/climate-finance-provided-and-mobilised-by-developed-countries-in-2013-2022_19150727-en.html (дата обращения: 01.08.2026).

936. Climate Litigation Database. European Court of Human Rights [Электронный ресурс]. – URL:

https://climaterightsdatabase.com/database/?_deciding_body=european-court-of-human-rights (дата обращения: 01.06.2026).

937. Comments of the United States on the Human Rights Committee's 'Draft general comment 33: The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant Civil and Political Rights', para. 17, October 17, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.state.gov/documents/organization/138851.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

938. Communications from the public. Aarhus Convention [Электронный ресурс]. – URL: https://unece.org/env/pp/cc/communications-from-the-public (дата обращения: 01.06.2026).

939. Council of Europe must recognise the right to a healthy environment, UN experts urge [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/05/council-europe-must-recognise-right-healthy-environment-un-experts-urge (дата обращения: 01.06.2026).

940. Countries Violate Rights over Climate Change, Argue Youth Activists in Landmark UN Complaint [Электронный ресурс]. – URL: https://news.un.org/en/story/2019/09/1047292 (дата обращения: 28.08.2025).

941. Customary IHL Database [Электронный ресурс]. – URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl (дата обращения: 01.07.2026).

942. Earth Negotiations Bulletin (ENB). Volume 35 Number 3, Saturday, 25 May 2019. Summary of the Third Substantive Session of the Ad Hoc Open-ended Working Group towards a Global Pact for the Environment (20-22 May 2019, UN Office at Nairobi, Kenya) [Электронный ресурс]. – URL: http://enb.iisd.org/vol35/enb3503e.html (дата обращения: 01.08.2026).

943. EU Forum of Judges for the Environment [Электронный ресурс]. – URL: https://www.eufje.org/index.php?lang=en (дата обращения: 01.08.2026).

944. ICJ Press № 93/20 «States understandably saw environmental law as part of international law as a whole» [Электронный ресурс]. – URL: https:www.icj-cij.org) (дата обращения: 01.08.2026).

945. IISD News, International Court of Justice Advisory Opinion on the Obligations of States in Respect of Climate Change [Электронный ресурс]. – URL: https://enb.iisd.org/international-court-justice-advisory-opinion-climate-change-23Jul2025?utm_medium=email&utm_campaign=ENB%20Update%20-%2024%20July%202025&utm_content=ENB%20Update%20-%2024%20July%202025+CID_9ac593ad858df6789008505f3d3500fe&utm_source=cm&utm_term=Read%20highlights%20and%20images (дата обращения: 01.06.2026).

946. Independent Expert Panel for the Legal Definition of Ecocide. Commentary and core text [Электронный ресурс]. – URL: https://static1.squarespace.com/static/5ca2608ab914493c64ef1f6d/t/60d1e6e604fae2201d03407f/1624368879048/SE+Foundation+Commentary+and+core+text+rev+6.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

947. Informal Briefing on the Ad Hoc Open-Ended Working Group Created by General Assembly Resolution 72/77 Entitled ‘Towards a Global Pact for the Environment‘ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/pga/73/2019/07/09/informal-briefing-on-the-ad-hoc-open-ended-working-group-created-by-general-assembly-resolution-72-77-entitled-towards-a-global-pact-for-the-environment/ (дата обращения: 01.08.2026).

948. Inter-American Court Decides First Environmental Rights Case against Argentina // International Justice Resource Center. 2020. 8 April [Электронный ресурс]. – URL: https://ijrcenter.org/2020/04/08/inter-american-court-decides-first-environmental-rights-case-against-argentina/ (дата обращения: 14.03.2026).

949. Intergovernmental Science-Policy Panel on Chemicals, Waste and Pollution: [сайт]. – URL: https://www.unep.org/isp-cwp (дата обращения: 01.08.2026).

950. International Agreements Conferring Jurisdiction on the Tribunal [Электронный ресурс]. – URL: https://itlos.org/en/main/jurisdiction/international-agreements-conferring-jurisdiction-on-the-tribunal/ (дата обращения: 01.06.2026).

951. International Court of Justice, Handbook of the International Court of Justice [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icj-cij.org/files/publications/handbook-of-the-courten.pdf (дата обращения: 27.07.2026).

952. Kunming Biodiversity Fund [Электронный ресурс]. – URL: https://mptf.undp.org/fund/kbf00 (дата обращения: 01.08.2026).

953. Lebada Ana Maria. Draft Elements Proposed for Resolution on Global Pact for the Environment [Электронный ресурс]. – URL: https://sdg.iisd.org/news/draft-elements-proposed-for-resolution-on-global-pact-for-environment/ (дата обращения: 01.08.2026).

954. List of countries which have signed, ratified/acceded to the Revised African Convention on the conservation of nature and natural resources [Электронный ресурс]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/41550-sl-REVISED_AFRICAN_CONVENTION_ON_THE_CONSERVATION_OF_NATURE_AND_NATURAL_RESOURCES.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

955. List of Ramsar Advisory Missions [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/list_of_ramsar_advisory_missions.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

956. Mass destruction of nature reaches International Criminal Court (ICC) as Pacific island states propose recognition of ‘ecocide’ as international crime [Электронный ресурс]. – URL: https://www.stopecocide.earth/2024/mass-destruction-of-nature-reaches-international-criminal-court-icc-as-pacific-island-states-propose-recognition-of-ecocide-as-international-crime (дата обращения: 01.06.2026).

957. Norwegian Ministry of Foreign Affairs, ‘Human Rights in Norway’, White Paper to the Storting [Электронный ресурс]. – URL: https://www.regjeringen.no/no/dokument/dep/ud/stmeld/19992000/report_no21_to_the_storting_1999–2000/4/3/2/id192530/ (дата обращения: 01.08.2026).

958. Nxumalo Sfiso Benard. Beyond State Responsibility: The Trafigura Case and Corporate Accountability in Africa [Электронный ресурс]. – URL:

https://ohrh.law.ox.ac.uk/beyond-state-responsibility-the-trafigura-case-and-corporate-accountability-in-africa/ (дата обращения: 01.06.2026).

959. Oliver M. Environment Commissioner of Environment Court of New Zealand. Implementing Sustainability [Электронный ресурс]. – URL: http://www.leadr.co.nz/db/images/M_PDFs/marlene%20oliver%20paper.pdf (дата обращения: 30.05.2026).

960. Online Reporting System Ramsar Convention [Электронный ресурс]. – URL: https://reports.ramsar.org (дата обращения: 01.09.2025).

961. Presidents´ Final Remarks to Plenary. Key recommendations for accelerating action towards a healthy planet for the prosperity of all [Электронный ресурс]. – URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/40110/Key%20Messages%20and%20Recommendations%20-%20Formatted.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.08.2026).

962. Press release. Council of Europe. 220(2008) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.coe.int/t/dc/av/advsearch_en.asp (дата обращения: 01.06.2026).

963. Press Statement United Nations Special Rapporteur on the Human Right to Safe Drinking Water and Sanitation Ms. Catarina de Albuquerque Mission to the Republic of Kiribati. 25 July 2012 [Электронный ресурс]. – URL: https://newsarchive.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12389&LangID=E (дата обращения: 28.08.2025).

964. Pring G., Pring C. Specialized Environmental Courts & Tribunals: Improved Access to Justice for Those Living in Poverty [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf (дата обращения: 12.07.2026).

965. Protection of the Environment through Criminal Law, Council of Europe [Электронный ресурс]. – URL: https://www.coe.int/en/web/cdpc/convention-on-the-protection-of-the-environment-through-criminal-law (дата обращения: 01.07.2026).

966. Reeh G. Climate Change in the Human Rights Committee // EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ejiltalk.org/climate-change-in-the-human-rights-committee/ (дата обращения: 28.08.2025).

967. Register of international treaties and other agreements in the field of the environment. Nairobi, UNEP, 2005 [Электронный ресурс]. – URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/8314/-Register%20of%20International%20Treaties%20and%20Other%20Agreements%20in%20the%20Field%20of%20the%20Environment-20052905.pdf?sequence=2%26isAllowed=y (дата обращения: 01.08.2026).

968. Registry of Submissions [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cec.org/wp-content/uploads/sem-process-status-en.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

969. Russia requests dispute panel on EU carbon border adjustment and emissions trading scheme [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/news26_e/dsb_24jul26_464_e.htm (дата обращения: 01.08.2026).

970. SEM Compliance Tracker [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cec.org/submissions-on-enforcement/sem-compliance-tracker (дата обращения: 10.11.2025).

971. State Reporting Guidelines and Principles on Articles 21 and 24 of the African Charter relating to Extractive Industries, Human Rights and the Environment [Электронный ресурс]. – URL: https://achpr.au.int/en/node/845 (дата обращения: 01.07.2026).

972. Submissions by Parties of Aarhus Convention [Электронный ресурс]. – URL: https://unece.org/env/pp/cc/submissions-parties (дата обращения: 02.08.2026).

973. Submissions on Enforcement Matters, CEC [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cec.org/submissions-on-enforcement/ (дата обращения: 01.06.2026).

974. The International Environmental Agreements (IEA) Database Project [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iea.ulaval.ca/en (дата обращения: 01.07.2026).

975. The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant: документ CCPR/C/21/Rev.1/Add.13 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.refworld.org/docid/478b26ae2.html (дата обращения: 28.08.2025).

976. The Sustainable Development Goals Report 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2024.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

977. Trump Withdraws US From 66 International Organizations, Including Pivotal Climate Treaties [Электронный ресурс]. – URL: https://earth.org/trump-withdraws-us-from-66-international-organizations-including-pivotal-climate-treaties/ (дата обращения: 10.01.2026).

978. UNEP, Environment under review' [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unenvironment.org/explore-topics/environment-under-review (дата обращения: 10.04.2026).

979. UNEP, Press release. Nations come together to establish new Intergovernmental Science-Policy Panel on Chemicals, Waste and Pollution [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/nations-come-together-establish-new-intergovernmental-science-policy?__cf_chl_rt_tk=WC_5LehGjPXQiW8GNcR2Pcxi1tjFoetFXCmRgeFrrqI-1752745616-1.0.1.1-ammuxhoxKcig44RhlPR.CINO6gy.PxhGlV.kGstr1EY (дата обращения: 01.08.2026).

980. Wagner Lynn. Global Pact Talks Forward Recommendations to UNEA-5 [Электронный ресурс]. – URL: *http://sdg.iisd.org/news/global-pact-talks-forward-recommendations-to-unea-5/* (дата обращения: 01.08.2026).

981. Why the Global Stocktake is Important for Climate Action this Decade [Электронный ресурс]. – URL: https://unfccc.int/topics/global-stocktake/about-

the-global-stocktake/why-the-global-stocktake-is-important-for-climate-action-this-decade (дата обращения: 01.08.2026).